ВЕСТНИК
ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

1

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1961

Редакционная коллегия:

проф. *В. И. Авдиев*
к.и.н. *Г. Г. Дилигенский* (отв. секретарь)
чл.-корр. АН СССР *С. В. Киселев* (главный редактор)
проф. *Г. А. Меликишвили*
к. и. н. *Н. М. Постовская*
к. и. н. *О. И. Савостьянова*
акад. *В. В. Струве*
к. и. н. *З. В. Удальцова*
проф. *С. Л. Утченко* (зам. гл. редактора)

Адрес редакции: Москва, 1-я Черемушкинская, 19,
Институт истории АН СССР

Henker

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Т-03458 Подписано к печ. 3/IV 1961 г. Формат бумаги 70×108 1/16 Бум. л. 7,25
Печ. л. 19,86+6 вклеек Уч.-изд. листов 25,5 Заказ 1308 Тираж 2275 экз.

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., д. 10

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК

ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

1 (75)

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1961

И. Д. Амусин

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КУМРАНСКОЙ ОБЩИНЫ

I. PT'YM КУМРАНСКИХ ТЕКСТОВ

Среди многочисленных обозначений, которые прилагали к себе и к своей общине авторы кумранских рукописей, встречается также слово pt'ym, ед. ч.—pty. По общему мнению, это слово имеет уничижительное значение. В то время как одни переводят его в смысле слабоумия и глупости: imbécile, foolish (Rabin), feeble-minded (Gaster), Tor, ein törichter Mann (Bardtke), другие ограничиваются передачей оттенка неразумия, простоватости: simple, simpleton (Burrows), simple d'esprit (Barthélemy), Einfaltiger (Molin, Segert), pšwṭym (Habermann), Einfachen (im Geist) (Schoeps), inintelligent (Vincent). Насколько мне известно, этот термин не был еще предметом специального рассмотрения. Автор исследования о кн. Гимнов Я. Лихт заметил, что название pt'ym не является характерным для кумранской общины [1]. Представляется, однако, что этот странный термин заслуживает особого внимания как для выяснения неясных в ряде случаев контекстов, в которых он встречается, так и для уяснения причины и смысла его употребления.

В Ветхом завете это слово встречается около 20 раз, причем только в книгах Иезекииля, Псалмов и Притч. В Притчах, где это слово встречается чаще всего, слову pty resp. pt'ym противопоставляется: ʿrwm (Prov., 14, 15 и 18; 22, 3; 27, 12), «мудрый» (с оттенком хитрости и лукавства, LXX=πανοῦργος); ḥkm (Prov., 21, 11) «мудрый, умный, разумный» (LXX=σοφός); nbwn (Prov., 19, 25) «сведущий, разумный, благоразумный» (LXX=φρόνιμος). Параллельное же словоупотребление, обусловленное поэтической спецификой стиха (parallelismus membrorum), показывает, что pty сопоставляется с nʿr «юноша» (Prov., 1,4; 7,7), ksyl «глупый» (Prov., 1, 32; 8, 5), ḥsr-lb «неразумеющий» (Prov., 9, 4 и 16).

LXX передает слово pt'ym тремя греческими эквивалентами: ἄκακος [2] «незлобивый, простодушный, наивный», но также и «несовершеннолетний» [3], νήπιος «ребенок» (букв. «неговорящий», откуда «дитя» и в мета-

[1] J. Licht, The Thanksgiving Scroll, Jer., 1957, стр. 48.

[2] Словом ἄκακος LXX передает также слово tm resp. tmym «совершенный» (Prov., 2, 21). Характерно, что в одной из рукописей LXX вместо ἄκακοι употребляется слово ὅσιοι «благочестивые», к которому, как известно, Филон возводит название ἐσσαῖοι.

[3] Значение «несовершеннолетний» встречается в позднем словоупотреблении. см. Liddell—Scott, s. v.

форическом значении — неразумный, как ребенок) и ἄφρων «безумный, неразумный». Недифференцированность передачи греческих эквивалентов в LXX видна из употребления различных обозначений при переводе параллельных текстов. Так, в весьма близких по смыслу стихах Prov.. 19,25 и 21,11 слово pty в одном случае передается через ἄφρων, в другом — через ἄκακος. Словом νήπιος в LXX передается не только pty, но и ṯap̄, yōnēq, naʿar, ʿōlāl.

Этимологически слово pty сближается с арабским fatā[4], означавшим в древнеарабском «молодой человек», «юноша». На это сближение pty с арабским fatā неоднократно указывается в Талмуде и раввинистической литературе. Так, в трактате Sanhedrin, 110[b] полустих из Ps., 116,6: šwmr pt'ym h' «Яхве хранит pt'ym» снабжается следующим комментарием: «Ибо в приморских городах ребенка (ynyq') называют pty'». Таким же образом объясняется это слово и в Мидрашах. В Genesis Rabba, 87,1, по поводу выражения pt'ym (в Prov., 7, 7) приводится следующее разъяснение: «Сказал рабби Леви, в Аравии называют младенца pty'». Точно так же в Exodus Rabba, III, 1, по поводу слова pty (в Prov., 14, 4) говорится: «Кто такой pty? Это — юноша (nʿr), ибо в Аравии называют юношу pty'».

В латинском переводе Иеронима (Vulgata) pty передается через: parvulus (в подавляющем большинстве случаев), infantia (Prov., 1, 22; ср. 9,6), innocens (Prov., 14, 15,22, 3) и stultus (Prov., 19, 25). Как и в Септуагинте, в Вульгате также нет отчетливой дифференциации при переводе этого слова.

В сирийском переводе Ветхого завета («Пешитта») слово передается сирийским šabrā «юношеский», «простой», «глупый» (puerilis, simplex, fatuus) [5].

Наряду с обозначением состояния юности, молодости, слово pty имело также значение несведущего, неопытного, простодушного, наивного, доверчивого, а отсюда — неразумного, немудрого. Таким образом, это слово сохраняло и передавало все эти значения и оттенки.

Обратимся к кумранским текстам, в которых встречается интересующий нас термин.

Рассматриваемое слово встречается во мн. числе в написании pt'ym, ptyym и pwt'ym и в ед. числе — в написании pty и pwty.

Во множ. числе pt'ym встречается в Комментариях на кн. Михея и Хабаккука и в Гимнах. В фрагментированных отрывках 1Qp. Mich. это слово встречается три раза, в том числе два раза вне всякого контекста и в неполностью сохранившемся написании (7,3 и 20—21). Из поврежденного контекста fr. 10,5—9 можно заключить, что pt'ym выступают здесь синонимом часто употреблявшихся самоназваний членов общины: mtndbym «добровольно жертвующие себя» и bḥyry 'l «избранники бога», «которые будут спасен[ы] от дня [суда]» (стки. 8—9). Важность этого контекста подтверждается тем, что в нем выступает фигура учителя справедливости (стк. 6).

---

[4] P. de Lagarde, Uebersicht über die im Aramäischen, Arabischen und Hebräischen übliche Bildung der Nomina, Göttingen, 1889, стр. 52, 8—10. См. словари Gesenius, Köhler-Baumgartner и Jastrow, s. v.

[5] R. Rayne Smith, Thesaurus Syriacae, 1901, s. v. Ср. M. Delcor, Cinq nouveaux psalmes ésséniens? RQ, № 1, 1958, стр. 90. Делькор отмечает, что встречающееся в рассматриваемых им сирийских псалмах слово šabrē (šarē, очевидно, опечатка), которым в Пешитте передается евр. pty, буквально означает «малые (les petits)». В древнеармянском переводе Библии слово pt'ym в Prov. переводится словами: «невинные, мальчики, легкомысленные» (этой справкой я обязан любезности А. Г. Периханян).

В Гимнах это слово встречается два раза, в двух написаниях: pwt'ym[6] (1QH fr. 15,4: «и вразумить pwt'ym в силе твоего могущества») и ptyym (1QH II, 9: «и стал... мудростью для ptyym»)[7]. Последнее упоминание находится в следующем контексте: «И ты установил мои стопы в предел нечестия, и стал я западней для грешников и врачевателем для всех раскаявшихся, мудростью для ptyym и прочным сознанием (yṣr smwk) для опрометчивых (nmhry lb) [8]. Ты сделал меня позором и посмешищем для изменников, основой истины и познания для прямодушных» (1QH II, 8—10). В поврежденном месте 1QHI,33 Я. Лихт (ук. соч.) восстанавливает: [qhl p]tyym, т. е. «община ptyym».

Наиболее отчетливое применение обозначения pt'ym к кумранской общине сохранилось в комментарии на кн. Хабаккука. Неясный, выраженный в аллегорической форме стих Hab. II, 17: «Ибо произвол на Ливане обрушится на тебя (букв. „накроет тебя") и уничтожение животных тебя устрашит („обратится против тебя страхом") [9] за кровь людскую, за насилие над страной, городом и всеми ее жителями» кумранский комментатор толкует следующим образом: «Это относится к нечестивому жрецу, чтобы воздать ему за содеянное с бедными ('bywnym), ибо Ливан— это совет общности (resp. общины, ʿṣt hyḥd), а животные — малые (или простецы) Иуды (pt'y yhwdh), выполняющие закон (ʿwśh htwrh) [10]; бог осудит его (т. е. жреца.— *И. А.*) на уничтожение, как он сам замыслил истребить бедных» (1QpHab. XII, 2—6).

На первый взгляд может удивить странное сопоставление «животных» (bhmwt) с кумранскими pt'ym и Ливана — с кумранской общиной. Однако это вполне разъясняется самим методом составления комментариев и их характером.

Следуя принятой кумранскими комментаторами манере видеть в каждом слове комментируемого текста вполне определенный намек на современные комментатору события, связанные с кумранской общиной, автор комментария на Хабаккука, толкуя стих за стихом, стремился и в данном случае найти конкретное применение для слов пророка в современности.

В этом тексте pt'ym сопоставлены с «бедными», «советом общины» и «выполняющими закон». Эти самоназвания фигурируют в текстах, важных для понимания идеологии кумранской общины. Так, в 4Qp Ps., 29 мы читаем: «община бедных, на[следующ]их наследие всех не[честивцев]», причем «община бедных» является в этом контексте синонимом «общины его избранников» (там же, сткк. 24,35 ed. Habermann). В 1QM XIII, 13—14 говорится: «и с бедными рука твоего могущества» [11]. В другом месте свитка Войны говорится: «ибо в руки бедных предашь ты [вр]агов всех стран» (XI, 13). Что касается выражения «выполняющие закон», то в 1Qp Hab. VIII, 1—3 о них сообщается: «Это относится ко всем выпол-

---

[6] Вав надписан сверху между p и t.

[7] Ср. это выражение в Prov., 1, 4.

[8] H. Bardtke, Die Handschriftenfunde am Toten Meer, B., 1958, стр. 235, переводит: für alle bestürzten Herzen.

[9] В рукописи читается yḥth. Надо полагать, что здесь описка писца, пропустившего знак k подобно тому, как несколькими строками выше (XI, 9) тот же знак k бесспорно пропущен в слове m⟨k⟩bwd (ср. там же правильное написание: mkbwdw — XI, 12). Если это так, то yḥt⟨k⟩h дает лучший смысл по сравнению с MT yḥytn, ибо yĕḥittekā явилось бы параллельной формой к yĕkassekā того же стиха.

[10] Знак h в слове ʿwśh (вм. ʿwśy) скорее ошибка писца, нежели орфографический вариант. Ср. аналогичное, правильное написание ʿwśy htwrh в том же комментарии VII, 11 и VIII, 1 (см. S. Segert, Zur Habakuk-Roll aus dem Funde vom Toten Meer, V, Ar. Or., XXIII, 1955, № 3, стр. 372, § 542).

[11] Ср. 1 QH, fr. 15,4: wlhbyn pwt'ym bkwḥ gbwrtyk.

няющим закон в доме Иуды, которых бог спасет от дома суда за их муки (ʿmlm) и их веру в учителя праведности». Все эти синонимы указывают на большую значимость названия pt'ym в данном контексте. Здесь это выражение имеет безусловно позитивное значение [12]. Его смысловая нагрузка заключает качественную характеристику членов общины, подобно названию «бедные», встречающемуся в том же контексте.

В ином значении это слово употребляется в тексте Двух колонок и Дамасском документе, где оно встречается только в единственном числе.

В 1QSa I, 19—22 мы читаем: «И когда человек достигает пожилого возраста [13], пусть по его силе установят его повинность в [рабо]те общины. А всякий pwty пусть не вступает в жребий, чтобы предстать перед общиной Израиля для судеб[ной тя]жбы и несения повинности общины и для предстояния на войне, чтобы покорять народы. [Только] [14] в устав службы (srk[hṣ]b') запишет [15] свой род и на трудовой повинности будет выполнять свою службу, согласно своему делу».

Слово pwty данного текста известные мне переводчики единодушно понимают как «глупый», «простак»: simple d'esprit (Barthélemy), feeble-minded (Gaster), ein törichter Mann (Bardtke), simpleton (Burrows), foolish (Rabin). Однако такое правомерное в других случаях понимание этого слова в данном контексте вызывает сомнение. Странным представляется, почему ограничение права «глупого» человека помещено вслед за утверждением прав пожилого человека, а затем снова следует перечень положительных прав, а не исключения и ограничения. Еще большее недоумение вызывает то, что «малоумный» заносится в srk hṣb', что может иметь отношение и к воинскому делу, хотя непосредственно перед этим pty запрещается участвовать в войне? Нам представляется, что этот текст можно понять иначе. Для этого следует обратиться к одному месту из свитка Войны.

В 1QM, VII, 1—3 регламентируется возрастной ценз личного состава пехоты. Вслед за этим (стки. 3—4) мы читаем: «А всякий юноша (nʿr zʿṯwṯ) и женщина пусть не вступят в их лагери с момента их выступления из Иерусалима, чтобы идти на войну, и до их возвращения». Далее (стки. 4—5) следует перечень людей с различными телесными недостатками (хромой, слепой, калека, люди с хроническим изъяном в теле и пораженные язвами), которым также запрещено участие в походе. Среди всех не допускаемых к участию в военной службе pty не значится. Как показал Ядин, минимальным возрастом для несения военной службы было двадцать пять [15a] лет. Но в 1QSa (I, 16—18) также регламентируется возраст для несения различных служб и общинных обязанностей. Так, полноправный член общины, начиная с юности (mn nʿ[wryw]) обучается по книге HGW и, соответственно возрасту, правилам Союза. Этот период обучения длится, по-видимому, десять лет. В двадцать лет оформляется зачисление в полноправные члены общины и разрешается вступление в брак. Начиная с двадцатипятилетнего возраста молодой человек начинает выполнять общественные работы в общине. В тридцать лет — получает право заниматься правосудием и возглавлять «тысячи», «сотни», «полусотни»

[12] Ср. D. Barthélemy, CQ 1, стр. 115; Delcor, ук. соч., стр. 90.

[13] Выражение wbrwbwt šny 'yš T. Gaster, The Dead Sea Scriptures, N.Y., 1957, стр. 308, переводит: In case of dispute between any two men, — с чем согласиться невозможно.

[14] Слово rq на фотографии не читается. Издатель текста Бартелеми прочел это слово, по-видимому, при помощи инфракрасного просвечивания.

[15] yktwb. Здесь скорее следовало ожидать yktwbw «запишут» или yktb в Niph. «будет записан».

[15a] Y. Yadin, The Scroll of the War of the Sons of Light againts the Sons of Darkness, Yer., 1957, стр. 71—72.

и «десятки» в зависимости от своих способностей и совершенства своего поведения [16]. Вслед за этим (I,19 слл.) приводятся известные нам оговорки относительно пожилого человека и pwty. Представляется поэтому возможным предположение, что pwty в данном контексте это юноша, не достигший двадцатипятилетнего возраста (ср. nʿr zʿṭwṭ 1QM), которому еще преждевременно выполнять различные общественные обязанности. Такой юноша лишь вписывается в список (будущих?) воинов и выполняет трудовую повинность [17].

В Дамасском документе pty в ед. числе встречается два раза в уничижительном или отрицательном значении.

1) В CD XIII, 4—7 мы читаем: «Но если предстоит решение о человеке, в соответствии с законом о язве (проказе), то тогда пусть придет жрец и встанет в лагере; и пусть надзиратель разъяснит ему толкование закона. И если (даже) он (т. е. жрец) pty, он (тем не менее) заключит его (т. е. прокаженного), ибо им (т. е. жрецам) принадлежит решение (wʾm pty hwʾ hwʾ ysgyrnw ky lhm hmšpṭ)». Встречающееся здесь слово pty переводчики толкуют как «имбецил», «глупец», «неразумный»: imbécile (Rabin), Tor (Bardtke), feeble-minded (Gaster), Einfältig (Molin), simple (Burrows), inintelligent (Vincent). Однако контекст и сравнительный материал позволяют, как кажется, понимать под pty данного текста человека несведущего, неопытного в данном конкретном вопросе.

Ситуация, изложенная в приведенном тексте, лучше всего выясняется из мишнаитского трактата Negaʿim, III, 1,1: «Все становятся нечистыми вследствие язв (проказы), кроме язычников и прозелитов. Все имеют право осматривать язвы, однако вынесение решения о нечистоте или чистоте (прокаженного) только во власти священнослужителя (ср. Dt., 21,5). Ему (священнослужителю) говорят: скажи „нечист", и он (священнослужитель) говорит: „нечист", скажи „чист", и он (священнослужитель) говорит: „чист"». Из этой мишны вытекает, что если священнослужитель не сведущ в медицинских тонкостях определения характера язвы (см. Lev., XIII), то, поскольку принятие решения является неотъемлемой и исключительной прерогативой священнослужителя, в этом случае ему даются авторитетные указания сведущими лицами, но выносит формальное заключение только он. Следовательно, и в случае, о котором трактуется в CD XIII, вовсе не обязательно, чтобы священнослужитель страдал каким-либо умственным недостатком.

В пользу такого понимания говорит контекст гл. 13-й Дамасского документа. В начале этой главы устанавливается, что присутствие священнослужителя обязательно в любом десятке, т. е. в элементарной низовой ячейке общины. Он должен быть сведущим в книге HGW, и все поступают по его велению. Далее, мы читаем: «И если он (т. е. священнослужитель) несведущ (или: неопытен, не испытан — bḥwn) во всем этом, а кто-либо из левитов сведущ (bḥwn) в этом, то пусть выйдет жребий, чтобы все, вступившие в лагерь, поступали по его (левита) распоряжению» [18] (CD XIII, 3—4). Непосредственно за этим следует приведенное выше место CD XIII, 4—6, в котором рассматривается казус с объявлением проказы. Внутренняя связь этих следующих друг за другом мест заключается, по-видимому, в том, что в одном случае сведущий левит может за-

[16] Скрупулезная регламентация возрастных групп представляет самостоятельный интерес (ср. Fl. J o s., BJ, II, 8, 10, § 150, и P h i l o, Quod omnis probus liber sit, 12, § 81. Создается впечатление, что ессеи Филона и Флавия, так же как и члены кумранской общины, возрождали древние институты возрастных классов.

[17] Подобно тому, как в 1QS VI, 20 предусмотрено, что новиций, еще не принятый в число rabbîm, участвует, тем не менее, в трудовой деятельности полноправных членов.

[18] Букв.: «выходить и входить по его слову». Ср. Num., 27, 21.

менить несведущего священнослужителя в истолковании кн. HGW, во втором же случае, когда речь идет о решении ритуального казуса с проказой, из правила делается исключение и прерогатива решения остается за священнослужителем даже в том случае, если он pty, т. е., очевидно, неопытный, несведущий.

2) Во второй раз термин pty встречается в крайне поврежденном месте CD, XV, 15—17. В стк. 15 читается; wkl pt[y w]m[šl]gʿ [19].

Согласно сообщению Ж. Милика [20], не опубликованный еще текст 4QDᵇ полностью заполняет лакуну CD, XV, 15—17. К сожалению, Милик дал лишь французский перевод этого отрывка: Les gens stupides, les fous, les sots, les déments (mšwgh), les aveugles (mot à mot: ceux qui étant debiles des yeux ne peuvent y voir), les estropiés (ḥgr), les boiteux, les sourds, les mineurs, nul d'entre eux n'entrera au sein de la communauté car les Anges saints [se tiennent au milieu d'elle]. Разбор этого места окажется возможным лишь после опубликования самого текста. По всей вероятности здесь pty употреблено в значении «глупый» и является синонимом слова ʾwyl, читаемого в той же строке: ʾwyl wmšgʿ, а не «безумный», ибо вслед за pt[y] повторяется специфический термин для сумасшедшего — mšgʿ.

Таковы те места, в которых встречается слово ptʾym: во мн. ч.— для обозначения всей общины, в ед. числе — для обозначения отдельных индивидуумов в связи с каким-либо ограничением их прав вплоть до вступления в общину.

Семантическая емкость этого слова, означающего «молодой, неопытный, простодушный, неразумный, глупый» и т. п. дала возможность авторам кумранских произведений пользоваться им в разнообразном его значении. Представляется вероятным, что применительно к кумранской общине в целом в самом этом обозначении могла заключаться антифарисейская направленность. Словом ptʾym кумранцы могли противопоставить себя фарисейским профессиональным мудрецам — *хахамим*.

В представлениях кумранской общины можно отметить различное отношение к мудрости и к источнику ее познания. С одной стороны, «знание» и «разумение» (dʿt, bynh, śkl) высоко чтятся. «Познание сокрытого» (1QS V,11) является одной из целей вступления в общину. Познание добра и зла — дано богом в удел человеку (там же, IV, 26). Одним из главных критериев, в соответствии с которыми определяется пригодность абитуриента для приема его в общину, является его «разум», resp. «разумение» и «знание». Устав многократно предписывает проверять как вступающего в общину, так и уже состоящих в ней «по его разуму и деяниям» [21]. Систематическому образованию также придается большое значение. Текст Двух колонок предписывает обучение по кн. HGW с юношеских лет (1QSa I, 6—7), а Устав строго предписывает уделять треть каждой ночи чтению и толкованию книги (1QS VI, 7). Специальной функцией «вразумляющих» (mśkylym) было «разъяснять и учить» (1QS, III, 13) [22].

Вместе с тем для идеологических воззрений кумранской общины характерно представление о крайней ограниченности и обусловленности не только физических, но и моральных и интеллектуальных сил человека. Идеологи кумранской общины часто сравнивают себя с прахом, песком, пылью: «а я прах и пыль» (1QH VI, 5). Сотворенным из глины (1QS

[19] Хаберман читает: pt[y] wm[šgʿ].

[20] J. M i l i k, Dix ans de découvertes dans le Désert de Juda, P., 1957, стр. 76.

[21] 1QS, I, 17; V, 21; 23; 29; VI, 14; 18; IX, 15—16 и др.; CD, XIII, 11; 1QH, XIV, 18—19.

[22] См. специальное предписание «для вразумляющего»: 1QS IX, 12; CD, XII, 20—21 и XIII, 22.

XI, 22) и пребывающим в прахе без воли и помощи бога ничего познать не дано. Подобно тому, как Даниил говорил царю, что не мудростью своей, а волей бога он разгадал тайну сна царя (Dan., II, 30), так и в кн. Гимнов неотступно повторяется, что человеку ничего нельзя уразуметь без бога [23].

Надо полагать, что при таких воззрениях кумранской общины профессиональная мудрость фарисейских мудрецов, как и их официальный титул *хахамим* и *талмидей-хахамим* должны были казаться недопустимой претенциозностью. В то же время для фарисеев все, не входящие в их «товарищества» (*хавурот*), были ео ipso глубоко презираемым ими «народом земли» (ʿam hāʾāreṣ), простецами (hdywtyn — ἰδιῶται), непричастными мудрости, невежественными людьми.

Не исключена поэтому возможность, что pt'ym могло явиться либо полемичным по отношению к фарисеям самоназванием, либо уничижительной кличкой, данной им фарисеями и гордо принятой кумранцами, подобно тому как нидерландские дворяне, восставшие против гнета Испании, стали называть себя брошенной по их адресу презрительной кличкой «гезы» —«нищие».

Как известно, в кумрановедческой литературе выдвинута гипотеза о фарисейском характере кумранской общины [24]. Не входя в рассмотрение всего этого сложного вопроса, отметим, что хорошо известная смертельная и взаимная ненависть фарисеев и *ам хаарец* [25] показывает, что фарисеи с их высокомерно-презрительным отношением к простолюдинам, несведущим в законе, ни при каких обстоятельствах не могли бы именовать себя pt'ym. Напротив, кумранцы не без гордости сознательно называли себя неискушенными и немудрствующими, но простодушными людьми, «простецами», неукоснительно «выполняющими закон» (ʿwśy htwrh), идущими дорогой истины и праведности, принадлежащими к царству света и добра.

Выше было отмечено, что библейское слово pt'ym передается LXX чаще всего через ἄκακοι и νήπιοι. С аналогичным словоупотреблением мы встречаемся в апокалиптической и новозаветной литературе.

Так, в «Завещаниях двенадцати патриархов» ἀκακία противопоставляется πανουργία [26]. Пребывание («хождение») ἐν ἀκακίᾳ рассматривается как соблюдение закона бога: Φυλάξατε οὖν τέκνα μου νόμον θεοῦ ... καὶ ἐν ἀκακίᾳ πορεύεσθε [27].

В новозаветной литературе идеальными людьми являются простые (ἀκέραιοι) и простодушные (ἄκακοι) люди, «младенцы» (νήπιοι) и «малые сии» (μικροί). Мудрость и мудрствование будут посрамлены (I Cor., I, 27), причем «мудрым» и «разумным», как правило, противопоставляются не глупые люди, а «младенцы» и «малые». Более того, согласно Mt., 5, 22, Иисус запретил «говорить брату своему пустой (Ῥακά) и глупый (μωρέ)». Согласно Mt., 11,25 (=Luc., 10,21), Иисус славит бога [27a] за то, что он утаил истину от мудрых и разумных и открыл ее младенцам (ὅτι ἔκρυφας

[23] 1QH VI, 6—7; VII, 26; IX, 15—16; X, 7; XI, 28—29; XII, 33; XIV, 27 и др.

[24] Ch. R a b i n, Qumran Studies, Oxf., 1957. Более раннюю литературу, отождествляющую кумранскую общину с фарисеями, см. F. C r o s s, The Ancient Library of Qumran and Modern Biblical Studies, N. Y., 1958, стр. 53—54, прим. 33; M. B u r r o w s, Dead Sea Scrolls, N. Y., 1955, стр. 278; 293 слл.; о н ж е, More Light on the Dead Sea Scrolls, N. Y., 1958, стр. 253—261.

[25] A. B ü c h l e r, Der galiläische ʿAm-ha-ʾAreṣ des zweiten Jahrhunderts, Wien, 1906, стр. 108 слл.

[26] R. H. C h a r l e s, The Greek Versions of the Testaments of the Twelve Patriarchs, Oxf., 1908, T. Iss., VI, 1.

[27] T. Iss., V, 1.

[27a] Характерно, что по своей форме эта благодарственная молитва Иисуса (ἐξομολογοῦμαί σοι .... κύριε) буквально совпадает с обычным началом Кумранских гимнов: ʾwdkh ʾdwny!

ταῦτα ἀπὸ σοφῶν καὶ συνετῶν, καὶ ἀπεκάλυφας αὐτὰ νηπίοις). Судя по Mt., 10,40 слл., из наставления Иисуса своим ближайшим ученикам можно заключить, как высоко ценил Иисус «малых сих»: «И кто напоит одного из малых сих (ἕνα τῶν μικρῶν τούτων) только чашею холодной воды во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей» (10,42).

Не исключена, поэтому, возможность, что новозаветная терминология является дальнейшим развитием кумранского словоупотребления [27б]. В новых условиях члены раннехристианских общин именуют себя не только μικροί, ἄκακοι и νήπιοι, но уже νήπιοι ἐν Χριστῷ (I Cor., 3,1).

II. СЛЕДЫ АНТИКУМРАНСКОЙ ПОЛЕМИКИ В ТАЛМУДИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Проблема отождествления кумранской общины не только остается пока нерешенной, но и не сможет быть окончательно разрешена до полной публикации всех найденных текстов и их изучения. Тем настоятельнее необходимость в расширении круга сравнительного материала, привлекаемого для изучения кумранских рукописей. Несомненно, большую ценность в этом плане представляет материал талмудической традиции.

Привлечение талмудического материала началось с первых шагов кумрановедения [28] и продолжается в настоящее время [29]. Обнаруживающиеся параллели вполне понятны и закономерны ввиду общей почвы кумранской общины и официального иудаизма. Однако при этом обозначились односторонние тенденции привлечения талмудических параллелей к кумранским рукописям теми учеными, которые либо пытаются доказать средневековое происхождение рукописей (например, С. Цейтлин), либо приписывают кумранской общине фарисейский характер [30]. Как бы ценны порой ни были эти параллели, они сами по себе не в состоянии вскрыть специфические особенности кумранской общины. Если учесть, что кумранская община была одной из оппозиционных иудейских сект, то a priori можно предполагать, что в талмудической литературе должны были сохраниться не только параллели, но и следы полемики с идеологией кумранской общины, под каким бы покровом видоизменений и дальнейших наслоений эта полемика ни скрывалась. Нам представляется, что для выявления характерных и специфических особенностей кумранской общины было бы очень важно наряду со сходными моментами найти в талмудической традиции и расхождения с кумранской идеологией и практикой, полемику с ними. Ввиду необычайной сложности памятников талмудической литературы, решение этого вопроса может быть результатом лишь систематического и квалифицированного обследования необъятного талмудического материала с этой специальной точки зрения. Не будучи специалистом в области талмудической литературы, автор настоящих заметок видит свою скромную задачу лишь в том, чтобы привлечь внимание к этому вопросу и на некоторых примерах иллюстрировать правомерность его постановки.

[27б] О новозаветном употреблении νήπιοι см. W. G r u n d m a n n, Die ΝΗΠΙΟΙ in der urchristlichen Paränese, «New Testament Studies», V, 1959, стр. 188—205.

[28] Работы С. Цейтлина, Р. Маркуса, С. Либермана.

[29] См., например, M. R. L e h m a n n, Talmudic Material Relating to the Dead Sea Scrolls, RQ, 1959, I, № 3, fasc. 3, стр. 391—404; C. R o t h, A Talmudic Reference to the Qumran Sect? RQ, 1960, II, № 6, fasc. 2, стр. 261—265.

[30] Ch. R a b i n, Qumran Studies. Scripta Judaica, II, Oxf., 1957; о н ж е, Jaḥad, Haburah, and Essenes, «Studies in the Dead Sea Scrolls», Jer., 1957, стр. 104—122 (на яз. иврит). Подробнее о гипотезах, в которых кумранская община отождествляется с фарисеями, см. B u r r o w s, Dead Sea Scrolls, стр. 278 и 293 сл.; о н ж е, More Light on the Dead Sea Scrolls, N. Y., 1958, стр. 253—264; C r o s s, Library of Qumran, стр. 53—54, прим. 33. Там же и литература вопроса.

Известно, что в Талмуде содержится много споров не только между различными раввинскими школами и направлениями, но и полемика с различными сектами и течениями, находившимися как внутри, так и вне официального иудейства. Однако эта полемика носит весьма своеобразный характер: как правило, в полемических сентенциях нет никаких указаний, против кого именно полемика направлена. Приведем пример. В одном из трактатов иерусалимского Талмуда мы читаем: «Сказал рабби Аббаху: если кто-либо говорит тебе: „Я бог", то он лжет,— „Я сын человеческий", то он раскается,— „Я возношусь на небо",— то он лишь сказал это, но не осуществит» (Jer. Ta'anith, 65[b]). В приведенной сентенции р. Аббаху использует библейский стих: «Бог не человек, чтобы ему лгать, и не сын человеческий, чтобы раскаиваться. Разве он скажет и не сделает, будет говорить и не исполнит?» (Num., 23, 19). Вряд ли кого-либо затруднит признать в приведенной сентенции полемику с христианской концепцией божественности Христа. Это тем более очевидно, что в приведенном стихе из кн. Чисел ничего не говорится о вознесении на небо. Однако далеко не всегда можно с такой легкостью и уверенностью определить предмет полемики и ту группу или секту, против которой эта полемика направлена.

О наличии многочисленных сект в Иудее I века н. э. свидетельствует любопытная сентенция, приписываемая одному из крупнейших авторитетов Талмуда р. Иоханану бен Заккая, пережившему Иудейскую войну 66—73 гг. н. э. и основавшему Синедрион в Ямнии. Эта сентенция гласит: «Израиль не был уведен в плен до тех пор, пока не образовались двадцать четыре еретические секты (kytwt šl mynym)» (Jer. Sanhedrin, 29[c]). Разумеется, нельзя считать эту цифру точной [31], но она с несомненностью свидетельствует о существовании множества различных сект и групп, боровшихся между собою и тем, по мнению р. Иоханана бен Заккая, подорвавших единство народа.

В талмудической традиции упоминается ряд ересей и еретических групп, для отождествления которых не всегда имеются достаточные основания. Так, в Tos. Sanhedrin, 13,5 перечисляются следующие еретические секты: «...*миним* и отступники, и доносчики, и апикоросы (или: эпикоросы), и отвергающие Тору, и обособляющиеся от образа жизни общества, и не признающие воскресения мертвых...» [32]. Большой интерес представляют также все еще спорные в науке названия сект: боэтусеев resp. байтусеев (byytwsym) и «погружающихся (в воду) утром» (twbly šḥryt). Последних давно уже считают ессеями [33]. Некоторые из этих названий, например, «доносчики», вообще, по-видимому, не могут быть исторически отождествлены. Другие — имеют нарицательное значение и обозначают еретиков вообще. Например, словом «апикоросы» (т. е. эпикурейцы) обозначались, по-видимому, не только вольнодумцы, заимствовавшие греческий образ мысли и греческий образ жизни, но еретики и сектанты вообще. Последнее видно из того, что наименование «апикорос» чередуется с наименованиями: боэтусеи, саддукеи и *миним* [34].

[31] Гегесипп, автор II века н. э., перечисляет следующие семь крупных иудейских сект, существовавших в I в. н. э.: ессеи, галилеяне, гемеробаптисты, масботеи, самаряне, саддукеи, фарисеи (см. E u s e b., Hist. eccl., IV, 22).

[32] Roš haššana 17[a]. В трактате Šabbat 116[a] встречаются неясные названия сект: by 'bydn и by nṣrpy. Первых пытались отождествлять и с эбионитами и с последователями парсизма, вторых — с христианами назареями.

[33] См., например, H. G r a e t z, Geschichte des Judischen Volkes, III[3], 1878. стр. 660—661; ср. M. Y a s t r o w, Dictionary of the Talmud, 1226, s. v. ṭbl. Недавно проф. Гринц вернулся к средневековой гипотезе, отождествлявшей талмудических боэтусеев с ессеями античных авторов (см. M i l i k, Dix ans..., стр. 72, прим. 2).

[34] Так, слово «апикоросы» из M. Sanh., 4, 5 заменено в той же мишне, приведенной в вавилонской гемаре Berakhoth, словом *миним*, а в Roš haššana— боэтусеи.

Наиболее распространенным в Талмуде обозначением сектантов является слово *миним* (mynym, resp. mynyn) [35]. В более поздних слоях талмудической традиции это слово чаще всего употребляется для обозначения иудео-христиан. Но иногда, особенно в более ранних слоях, словом *миним* обозначались вообще иудеи-еретики, а словом *минут* (mynwt) — вообще ересь. Уже Адам причислен законоучителями-фарисеями к еретикам, причем он назван *мин* [36]. Иногда название *миним* чередуется в некоторых рукописях с названием боэтусеи, саддукеи и др. Интересно встречающееся также название *хицоним* (ḥyṣwnym) «внешние», «посторонние». Этим названием обозначались и еретики [37], но чаще всего апокрифические сочинения.

В связи с этим следует отметить резко отрицательное отношение талмудической традиции к «внешним», т. е. неканонизированным или апокрифическим сочинениям. К тем, кому не будет доли в будущем мире, рабби Акива отнес читающих апокрифические книги [38]. К запретным книгам относилась, например, книга «Премудростей» Бен-Сиры [39]. Если вспомнить, что наряду с другими апокрифами отрывки из кн. Бен-Сиры также найдены среди кумранских рукописей, то вопрос об отношении талмудической традиции к неканоническим и сектантским сочинениям приобретает тем больший интерес.

Под неканонической литературой в Тосефте, например, понимаются «книги Бен-Сиры и все книги, которые написаны начиная с этого времени и далее» (Toseph. Jad., 2, 13), т. е. начиная с первой половины II в. до н. э. О резко отрицательном отношении ко всей неканонической литературе свидетельствуют не только приведенные выше слова рабби Акивы о лишении читателей апокрифов загробной жизни. Согласно трактату Šabbat 116[a], книги, написанные *миним*, т. е. еретиками, нельзя спасать из огня даже в том случае, если они содержат имя бога [40]. В Талмуде обсуждается также ритуальный вопрос, связанный с прикосновением к апокрифическим и еретическим сочинениям [41]. О рабби Тарфоне, видном законоучителе I века н. э., известном своим крайне нетерпимым отношением к еретикам, в частности к иудео-христианам, рассказывается: «Рабби Тарфон (сказал): Клянусь жизнью своих детей, что если они (т. е. еретические книги.— *А. И.*) попадутся мне в руки, я сожгу их вместе с содержащимся в них именем бога. Даже если кого-либо преследуют,

[35] От слова myn «род».

[36] Sanhedrin, 38[b]: ʾdm hrʾšwn myn hyh.

[37] См., например, M. Megilla, 4, 8.

[38] M. Sanh., 10, 1(=B. Sanh., 90[a] и 100[b]): ʾp ḥqwrʾ bsprym hḥyṣwnym.

[39] Интерпретируя указанные выше слова рабби Акивы, рав Иосеф прибавил: «Нельзя читать также книгу Бен-Сиры» (Sanhedrin, 100[b]). Имеется указание, что раввины укрыли, т. е. изъяли книгу Бен-Сиры: gnzwhw rbnn lhʾy sprʾdbn-syrʾ (см. S. Krauss, M. Sanhedrin-Makkot, Giessen, 1933, стр. 269). М. Харан полагает, что под запрещением читать книгу Бен-Сиры имелось в виду литургическое чтение нараспев. Но, как отметил сам автор, из такого запрета не вытекает, что разрешено было чтение без кантилляции. Подробнее см. M. Haran, Problems of the Canonization of Scripture, «Tarbiz», XXV, 1956, № 3, стр 245—271, особенно 245—259 (на яз. иврит). Как сообщается в мидраше Lev. Rabba, 28, 1, законоучители пытались «укрыть», т. е. признать неканонической и тем самым изъять даже библейскую книгу Екклесиаст, «так как нашли в ней слова, которые клонятся в сторону ереси (mynwt)» (ср. MJadayim, III, 5). Согласно Šabbat, 115[a], раббан Гамалиил рас, порядился изъять книгу Иова на арамейском языке (Таргум). По мнению Ф. Кросса найденный в 1956 году в 11-й пещере арамейский перевод кн. Иова, возможно является тем самым таргумом Иова, который был осужден рабби Гамалиилом (Cross, Library of Qumran, стр. 25—26, прим. 48).

[40] См. M. Šabbat, 161, 1; B. Šabbat, 115[a].

[41] См. M. Jad., 4, 6 и Tos. Jad., 2, 13; подробнее см. Haran, ук. соч., стр. 259 —262.

чтобы убить, если змея спешит, чтобы ужалить, пусть он и в этом случае укроется лучше в языческом храме, но не вступит в их (т. е. еретиков) дома, ибо еретики знают и отвергают, а те не знают и отвергают» (Šabbat, 116[a]). Такое крайне враждебное отношение к сектантской и неканонизованной литературе заставляет предполагать, что в талмудической традиции, особенно в ранних ее слоях, должны сохраниться также и следы полемики с этой литературой по существу.

Как известно, наиболее характерными и специфическими особенностями идеологии кумранской общины являются ее эсхатологические, мессианистические, апокалиптические и дуалистические воззрения. Представляется, что в талмудической традиции можно обнаружить отголоски полемики именно с такого рода воззрениями. В этом плане особенно интересны и показательны наиболее ранние слои талмудической традиции, датируемые, как правило, временем жизни авторов сентенций.

В Derech 'Ereṣ Rabba, одном из наиболее ранних талмудических трактатов, относящемся к таннаитской эпохе (II в. до н. э.— II в. н. э.), мы читаем: «Рабби Иосе говорит: тот, кто устанавливает время конца (hnwtn 't hqṣ; букв. „тот, кто дает конец") — не будет иметь доли в будущем мире; и тот, кто ненавидит мудрецов и их учеников, пророк лжи, распространяющий клевету,— не будет у него доли в будущем мире» (гл. XI). Автор, которому приписывается эта полемическая сентенция, р. Иосе бен Халафта — таннай четвертого поколения, современник и ученик рабби Акивы. Тем самым устанавливается время, к которому эта сентенция относится,—конец I в. н. э.— первая половина II в. н. э. В приведенных словах р. Иосе прежде всего обращает на себя внимание выражение hnwtn 't hqṣ. Слово qṣ означает «конец, предел, точно обозначенный срок, период». В специфическом употреблении это слово имеет эсхатологическое и мессианистическое значение конца времен, последнего срока, времени мессии. Именно в таком значении оно употребляется уже в кн. Даниила (passim; см. особенно 12, 13). Однако выражение nwtn 't hqṣ в Библии не встречается ни разу и, как еще в конце прошлого века отметил В. Бахер, нигде больше не встречается и в талмудической литературе [42]. По мнению Бахера, эта сентенция полемически направлена против иудео-христиан. Мне, однако, представляется, что имеются основания рассматривать эту сентенцию в свете кумранских рукописей. В них не только встречается это специфическое выражение, но они отражают также систему представлений, против которых полемически направлена сентенция.

В «Уставе» кумранской общины говорится: «И бог в тайнах своего разума установил (или: положил) срок (ntn qṣ; букв. „дал конец") бытию Кривды и в назначенное время уничтожит ее навеки» (1 QS IV, 18—19). В другом месте «Устава» встречается синонимичное выражение: śmn...'d qṣ «ибо в равной мере бог положил их до установленного срока (конца) и свершения нового...» (IV, 25). Слово qṣ в эсхатологическом и мессианистическом значении встречается в кумранских рукописях десятки раз. И в этом нет ничего исключительного. Эсхатологическими мотивами не только полны некоторые библейские произведения, но ими была насыщена вся атмосфера последних двух веков дохристианской и первого века христианской Палестины. Законоучители I—II веков н. э. и сами занимались различными вычислениями длительности «дней мессии» [43].

[42] W. B a c h e r, Ein polemischer Ausspruch Jose b. Chalaftha's, «Monatsschrift für Geschichte und Wissenschaft des Judentums», 42, 1898, стр. 505—506.

[43] См., например, Sanh., 99[a]: «Рабби Элеазар говорит: дни мессии (продлятся) сорок лет; р. Доса говорит — четыреста лет; Рабби говорит — триста шестьдесят пять лет по числу дней солнечного круговорота (букв.: „по числу дней солнца")». Далее приводятся еще более длительные сроки: семь тысяч лет, от сотворения мира, от времени Ноя и т. д.

Однако все эти высказывания и вычисления, хотя некоторые из них и были отзвуком восстания Бар-Кохбы, носили неопределенный и абстрактный характер, не влекли за собой никаких практических выводов, не соединялись с требованиями изменить общественный и религиозный уклад жизни. Более того, в талмудической литературе осуждаются «исчисляющие конец» (mḥšby qyṣyn — Sanh., 97[b]; šmnw lqṣ — Sanh., 92[b]). В одном талмудическом трактате сообщается, что даже, когда патриарх Иаков хотел сообщить своим сыновьям «конец дней» (qṣ hymyn), его покинуло божество (Pesaḥ., 56[a]). Хотя и в кумранских рукописях «последний срок» в конечном итоге устанавливает сам бог, тем не менее эсхатологические вычисления носят более конкретный характер, влекут за собой изменение всего уклада и образа жизни для того, чтобы быть полностью готовыми при наступлении «конца». При этом эсхатологическая направленность кумранской общины тесно связана с ролью и значением вождя и идеолога общины — «учителя праведности», которому бог поведал все тайны «конца времен».

Наиболее отчетливо это представление выражено в комментарии на кн. пророка Хабаккука. Приведем это место in extenso [44]. «„Встану я на стражу свою и на укрепление свое я поставлю себя и буду пристально вглядываться в то, о чем он мне скажет и чт[о ответит(yšyb) н]а мою жалобу. И ответил мне Яхве [и сказал: „запиши видение и истол]куй (это) на табличках, чтобы можно было бег[ло прочитать (букв. „чтобы поспешал читающий это“)“ [Hab., II, 1—2]. Это означает, что...]. И сказал бог Хабаккуку записать то, что произойдет {с} последним поколением, но о конце этого срока он не известил его (w'ṭ gmr ḥqṣ lw' hwd[y]'w). А относительно того, что он сказал, „чтобы читающий бегло прочитал“,— имеется в виду учитель праведности, которому бог поведал все тайны слов его пророков-рабов. „Ибо видение относится к установленному периоду, оно говорит (uryḥ) о конце и не обманет“ [Hab. II, 3]. Это означает, что последний срок (ḥqṣ ḥ'ḥrwn) продлится даже больше того, о чем говорили пророки, ибо тайны бога (существуют для того), чтобы удивлять. „Если он (т. е. конец) замедлит (своим наступлением), ты тем не менее жди его, ибо он непременно наступит и не запоздает“ [Hab., II, 3]. Это относится к людям истины, выполняющим закон, руки которых не ослабнут в служении истине, даже когда для них затянется последний срок, ибо все сроки бога наступят в свой черед, как (бог) предначертал и[м] в тайнах своей мудрости» (1 QpHab., VI, 12—16; VII, 1—14).

Судя по этому интересному во всех отношениях тексту, можно полагать, что, согласно представлениям кумранской общины, учитель был именно тем, кто «бегло прочел» тайну «окончания срока», записанную пророком Хабаккуком. Тем самым «учитель» превзошел последнего, ибо Хабаккук только записал слова бога, но бог не раскрыл ему время окончания срока (gmr ḥqṣ). «Учителю» же «бог сообщил все тайны слов его пророков-рабов», и, таким образом, он мог готовить кумранскую общину в качестве «последнего поколения» к дням «последнего срока».

О пророческом даре «учителя» говорится и в ряде других мест. Согласно комментарию на Псалмы, «учитель» знает все, что произойдет с «последним поколением»,«ибо он тот», «которому бог вложил в [сердце мудрость] истолковать все слова его пророков-рабов, [через] посредство которых бог поведал все предстоящее его народу» (4 Qp Ps., 37, 5—10). Дар истолкования пророчеств «учитель» получил непосредственно «из уст бога» (mpy' 'l — 1 Qp Hab., II, 2—3). Учитель — «избранник бога»

[44] Кумранский комментатор приводит отрывок из кн. Хабаккука и снабжает его своим комментарием. Цитируемый комментатором текст кн. Хабаккука берется нами в кавычки („“), а в квадратных скобках указываются глава и стих цитируемого места.

(там же, IX, 12), которому предстоит судить народы: «И в руку его избранника (bḥyrw) бог отдаст суд над всеми народами» (там же, V, 4). Вера в «учителя» является даже залогом спасения. Так, в комментарии на кн. Хабаккука говорится: «Это относится к выполняющим закон в доме Иуды, которых бог спасет от дома Правосудия за их муки и веру в учителя праведности» (bʿbwr ʿmlm wʾmntm bmwrh ḥṣdq) [45].

Концепция пророческой благодати и мессианистической сущности кумранского «учителя» не могла не вызвать резких возражений фарисейских законоучителей, ибо претензия на пророческий дар «учителя» противоречила многократно высказанным в Талмуде утверждениям, что «Аггей, Захария и Малахия были последними пророками» [46]. Особый интерес в этой связи представляет аналогичное утверждение в хронологическом трактате Seder ʿOlam Rabba. Дело в том, что этот текст, один из древнейших, талмудической традицией приписывается тому же р. Иосе бен Халафта, с полемической сентенцией которого из трактата Derech ʾEreṣ Rabba мы ознакомились выше. В Seder ʿOlam Rabba мы читаем: «До сих пор (т. е. до Александра Македонского, о котором идет речь непосредственно до цитируемого места.— *И. А.*) пророки пророчествовали духом святости, отныне же развесь уши и слушай слова *хахамим* (т. е. мудрецов)» (гл. 30) [47].

Притязания кумранской общины на продолжение в ее среде пророческой традиции противоречат вышеприведенному изречению из трактата Seder ʿOlam Rabba [48]. Можно с большой степенью вероятности полагать, что здесь мы видим следы полемики с идеями кумранцев, или родственных им течений. Такая полемика и хронологически оправдана тем, что основное ядро трактата приписывается известному древнейшему хронисту р. Иосе (конец I в. н. э.— 1-я половина II в. н. э.).

В талмудической традиции осуждаются не только те, кто исчисляет время конца, т. е. время прихода мессии, но, что особенно интересно, также и те, кто торопят и ускоряют наступление «конца». При этом употребляется выражение dḥq ʾt ḥqṣ. В мидраше к Песни песней приводится сентенция аморая р. Хелбо, согласно которому, в числе четырех запретов, которые бог наложил на израильский народ, имеется также заклинание «не торопить конца» (šlʾ ydḥqwʿl ḥqṣ — M. Cant. Rabba, 22). Вслед за этим от имени р. Онья (или Унья) говорится, что в числе четырех поколений, «которые торопили срок конца и споткнулись» (šdḥqwʾt ḥqṣ wnkšlw), были также поколения времен Янная и Бар-Кохбы. Упоминание в этой связи о мессианистско-апокалиптическом поколении времен хасмонейского царя Янная (103—76 до н. э.) представляет особый инте-

---

[45] 1 Qp Hab., VIII, 1—3; ср. 1 Qp Mich., frg. 8—10, сткк. 6—9.

[46] Baba Bathra, 14[b]; ср. Yoma, 9: «Со смертью последних пророков Аггея, Захарии и Малахии удалился святой дух от Израиля».

[47] Цитирую по изданию A. Neubauer, Mediaeval Jewish Chronicles, Oxf., 1895, II, стр. 65. В параллельном месте более позднего Seder ʿOlam также сообщается, что сразу же после смерти последних пророков Аггея, Захарии и Малахии прекратилось пророчество в Израиле и с этих пор и далее пользовались гласом свыше (bt qwl). «Начиная с этого времени и далее прислушивайся к словам мудрецов до прихода к нам праведного учителя (ʿdyb' mrh ṣdq lnw)». Последнего выражения об учителе праведности нет в Seder ʿOlam Rabba (см. Neubauer, ук. соч., I, 1887, стр. 166).

[48] Относящаяся к III в. н. э. сентенция: «Со дня разрушения храма пророчество было отнято у пророков и отдано дуракам и детям» (Baba Bathra, 12[b]), судя по следующим за сентенцией поясняющим ее примерам, возможно, имеет иронический характер и является пародией на известное место Mt. 11, 25, в котором Иисус славит бога-отца за то, что он утаил мудрость от разумных и мудрых и открыл ее младенцам (νηπίοις). Непосредственно перед цитированной сентенцией в том же трактате Баба-Батра говорится: «Со дня разрушения храма пророчество было отнято у пророков и отдано мудрецам» (12[a]).

рес. С именем этого царя, особенно после публикации комментария на пророка Наума («*пешер Нахум*») [49], связывают весьма важные события в истории кумранской общины [50].

Если можно согласиться с предложенной здесь интерпретацией первой части сентенции р. Иосе из Derech ʾEreṣ Rabba, XI, о тех, кто устанавливает время конца (см. стр. 13), то вторая часть этой сентенции о ненавидящем мудрецов и их учеников (hśwnʾ ʾt ḥḥkmym wʾt tlmydyhm) представляется настолько ясной и логически связанной с первой, что она не требует здесь особого рассмотрения. Отметим лишь, что в кумрановедческой литературе высказано предположение (Браунли), что встречающееся в кумранских рукописях полемическое выражение dwršy ḥḥlqwt [51] имеет в виду законоучителей фарисеев — dwršy hhlkwt [52].

Известно, что основой всех идеологических воззрений кумранской общины является дуалистическое учение о двух противоположных и противоборствующих силах в мире: свет и тьма, добро и зло, правда и кривда. Вся история человечества представляет собою извечную борьбу этих двух «владычеств» или «царств», которая завершится окончательной победой сил света над силами тьмы. Из этого дуалистического учения вытекают основные черты идеологических и социальных воззрений кумранцев: предопределенность всего в мире, избранничество «сынов света», их социальная и религиозная обособленность [53].

Недавно Д. Флюссер указал на то, что в различных местах талмудической литературы встречается полемика с дуалистическими воззрениями. При этом, как он отметил, законоучители Палестины были знакомы с дуалистическим учением в его эллинистически-гностическом обличье, а законоучители Вавилонии — в его персидской форме [54]. В качестве «дуалистов» выступают различные еретики (mynym, kwprym, ṣdwqym). Многое в этой связи приписывается Элише бен-Абуйи (I—II в. н. э.) или «Ахеру» — этому Фаусту иудаизма, как его остроумно назвал Штрак [55]. Все это также требует специальных исследований. Однако и теперь уже весьма вероятным представляется, что в талмудической полемике с дуалистическими учениями сохранились также отголоски полемики с дуалистическими представлениями кумранской общины. Приведем пример.

Рассказывая об одной из еретических идей Элиши бен-Абуйи, автор талмудической сентенции заканчивает ее следующей примечательной полемической репликой: «Может быть, сохрани и помилуй бог (ḥs wšlwm), имеются д в а в л а д ы ч е с т в а (šty ršwywt)?» (Ḥagigah, 15[a]; разрядка моя.— *И. А.*). В M. Sanh., 4,5 говорится: «Поэтому первоначально был

---

[49] J. A l l e g r o, Further Light on the History of the Qumran Sect, «Journal of Biblical Literature», 1956, 75, часть II, стр. 89—93; о н ж е, THRAKIDAN, «The Lion of Wrath» and Alexander Jannaeus, PEQ, 91, 1959, стр. 47—51. Возражение по поводу последней статьи Аллегро см. M. S t e r n, Thrachides — Surname of Alexander Jannai in Josephus, «Tarʾiz», XXIX, № 3, Apr. 1960, стр. 207—209 (яз. иврит); см. И. Д. А м у с и н, Рукописи Мертвого моря, М., 1960, стр. 96—98.

[50] Согласно предварительным сообщениям, в пока еще не опубликованных текстах четвертой кумранской пещеры встречаются имена: šlm ṣywn — царица Саломея-Александра, жена царя Александра Янная, и ʾmlyws — Эмилий (Скавр ?) — римский наместник в Сирии конца 60-х годов до н. э.

[51] См., например, CD, I, 18; 4 Qp Nah., 2, 7.

[52] См., например, C. R o t h, The Historical Background of the Dead Sea Scrolls, Oxf., 1958, стр. 41, 48, 65. Напротив, по мнению Ф. Кросса, это выражение применялось кумранцами к эллинизованным иудеям (C r o s s, Library of Qumran, стр. 91, прим. 25).

[53] См. А м у с и н, Рукописи Мертвого моря, стр. 168—187.

[54] D. F l u s s e r, Dualism, «Encyclopaedia Hebraica», XI, стр. 1000 (яз. иврит).

[55] H. L. S t r a c k, Einleitung in den Talmud, Lpz., 1908, стр. 91.В сущности, Ахер стал собирательным образом апостата официального иудаизма.

создан только один-единственный человек... чтобы еретики (mynym) [56] не говорили: «„Много сил (или владычеств; ršwywt) на небе“» [57]. Синонимом употребляемого в талмудической литературе слова ršwt [58] является библейское слово mmšlh «власть», «владычество», которое употребляется еще и в «Премудростях» Бен-Сиры (II в. до н. э.). Именно этим понятием чаще всего пользовались авторы кумранских рукописей для выражения своих основных дуалистических идей. Так, весьма часто встречаются выражения: «владычество Велиала» (mmšlt bly'l — 1 QS, I, 18; 23—24; II, 19), «владычество тьмы» (там же, XII, 5—6), «владычество света» (там же, X, 1). Особенно отчетливо эта идея о двух владычествах выступает в 1 QS, III, 20—21: «И в руке начальника света власть над всеми сынами праведности [59], путями света они будут ходить. В руке ангела тьмы вся власть над сынами Кривды [60], и путями тьмы они будут ходить» [61]. Сопоставление этих двух концепций (талмудической и кумранской) показывает, как нам кажется, что к какой бы из сект ни относилась приведенная выше полемическая реплика из Талмуда о «двух владычествах», ясно во всяком случае, что эта основополагающая идея кумранской общины нашла резкое осуждение в талмудической традиции.

Таким образом, приведенные примеры показывают, что специфические черты идеологии, характерные для кумранской общины (эсхатологические, мессианистические и дуалистические воззрения), вызвали в талмудической, т. е. фарисейской, традиции резкую полемику и отрицательное к себе отношение. Уже это, как нам представляется, лишает всякого основания безоговорочное отождествление кумранской идеологии с фарисейской.

В талмудической традиции сохранилось множество других полемических высказываний, требующих пристального к себе внимания и тщательного анализа sub specie новых данных, даваемых кумранскими рукописями. Приведем следующий пример. В одном из мишнаитских трактатов имеется такое явно полемическое место: «Рабби Элеазар из Модии говорит: тот, кто оскверняет святыни, пренебрегает праздниками, [стыдит ближнего своего публично] [62], нарушает завет нашего праотца Авраама, раскрывает значение Торы [63], то, хотя бы он и совершал добрые дела, (все же) нет у него доли в будущем мире» (M. Aboth, III, 1; ср. B. Sanh, 99a) [64]. Древность этой мишны определяется тем, что она приписана Элеа-

[56] В тексте этой мишны в гемаре Roš haššana вместо *миним* указаны боэтусеи (hbyytwsym).

[57] Ср. Mekhilta (Jithro) к Ex. 20, 2: «... Чтобы не дать возможность народам мира раскрыть рот и сказать: имеются два владычества..., р. Натан говорит: „отсюда ответ еретикам, которые говорят, что имеются два владычества (šty ršwywt)“». В Siphre к Deut., 32, 39 говорится: «„Смотрите теперь, ибо я, я это“ — это ответ тем, которые говорят, что нет (одной) власти на небе. Тот, кто говорит, что на небе два владычества, тому отвечают и говорят ему: „И нет бога наряду со мной“». Приведенные места из Мехильты и Сифре сопровождаются одной и той же ссылкой на Is., 41,6: «Я первый и я последний, помимо меня нет бога».

[58] В библейской литературе слово ršwt не встречается.

[59] Буквально: «власть всех сынов праведности» (mmšlt kwl bny ṣdq).

[60] Буквально: «вся власть сынов Кривды» (kwl mmšlt bny 'wl).

[61] Перевод К. Б. Старковой, ПС, 4 (67), 1959, стр. 33.

[62] Слова, взятые в квадратные скобки, отсутствуют во многих рукописях. По мнению исследователей, это — позднейшая вставка.

[63] whmglh pnym btwrh. В некоторых рукописях Мишны и в параллельном месте талмудического трактата Sanh., 99a вслед за этими словами читается: «не в соответствии с галахой (šl' khlkh)», т. е. не по правилу или не в согласии с традиционным истолкованием. Большинство исследователей считает это последнее выражение глоссой.

[64] Параллельное место отличается лишь несколько иным расположением составных частей сентенции, а также тем, что в оговорке отмечены не только добрые дела, но и знание и соблюдение торы (šyš bydw twrh).

зару из Модии, жившему на рубеже I—II вв. н. э. и умершему во время восстания Бар-Кохбы [65]. Относятся ли перечисленные здесь инвективы к современным Элеазару «нарушителям», или заключают в себе более древнюю традицию, сказать с уверенностью не представляется возможным.

В 1898 году Гутман высказал предположение, что эта сентенция направлена против иудео-христиан II века н. э.[66]. Однако соотнесение тех, против которых направлена сентенция, с иудео-христианами II века проводится Гутманом ценой известных натяжек. Что касается упрека в адрес «пренебрегающих праздниками», то сам автор высказал сомнения в правомерности отождествления этих нарушителей с иудео-христианами [67]. Позднее Марти и Беер истолковали эту мишну следующим образом: «Рабби Элеазар выступает, таким образом, против тех из его соплеменников, которые отошли (обособились) от Закона и Традиции, будь то израильтяне, воспринявшие эллинскую образованность, или перешедшие в христианство, против *миним* и сектантов разного рода» [68].

Теперь, когда известны кумранские рукописи, представляется вероятным, что рассматриваемая сентенция могла иметь в виду идеологию, близкую кумранской общине. Употребляемое здесь слово qdšym буквально означает святыни, имеющие отношение к храмовому культу (храмовые жертвоприношения в первую очередь). После разрушения иерусалимского храма в 70 г. вопрос о храмовых святынях уже не был актуальным [69]. В то же время известно, что кумранская община, как и ессеи Филона и Флавия, резко выступала против «нечестивого» иерусалимского жречества и отказалась от участия в храмовом культе. В тесной связи с этой инвективой находится и следующая, по поводу «пренебрежения праздниками». Как выше было указано, даже и Гутман затруднился отнести эту инвективу к иудео-христианам. Между тем совершенно естественно было бы отнести этот упрек к кумранской или родственной ей общине, поскольку она пользовалась календарем, отличным от официального иудейского, что естественно приводило к расхождению в праздновании праздничных дней и могло рассматриваться как «пренебрежение» имп. Упоминаемое в рассматриваемой сентенции нарушение «Завета Авраама» на первый взгляд можно было бы понимать как отказ от обряда обрезания. Но в этом случае немыслима была бы оговорка о выполнении торы и свершении добрых дел. Отказ от обрезания сам по себе уже ставит нарушителя вне иудейского закона. Между тем весь характер и контекст сентенции говорит, что она направлена против тех еретиков, которые не окончательно порвали с иудейством. Гутман толкует это место таким образом, что речь здесь идет о восстановительной операции epismasmus для сокрытия обрезания. Но если допустить, что такая операция была нужна тем эллинизованным иудеям, которые принимали, например, участие в публичных гимнастических играх и соревнованиях, то для иудео-христиан такая операция была вовсе бесцельной.

---

[65] Элеазар был родственником Бар-Кохбы, принимал участие в восстании. Был убит по распоряжению Бар-Кохбы.

[66] J. Guttmann, Ueber zwei dogmengeschichtliche Mischnastellen, «Monatsschrift für Geschichte und Wissenschaft des Judentums», 1898, стр. 289—305, 336—345. См. особенно 303 слл. и 336 слл.

[67] Guttmann, ук. соч., стр. 343: Für den hmbzh ʾt hmwʿdwt «den Verächter der Festzeiten» lässt sich eine Beziehung auf das Judenchristenthum allerdings nicht mit Bestimmtheit nachweisen.

[68] K. Marti — G. Beer, ʾAḇôṯ, Giessen, 1927, стр. 78.

[69] Гутман объясняет эту инвективу тем, что Бар-Кохба стремился восстановить храм, а иудео-христиане были против этого. Но ведь в тексте рассматриваемой нами мишны говорится о ритуальном, действенном осквернении святынь (hml.ll ʾt hqdšym), а не о сопротивлении восстановлению храма!

В свете же кумранских рукописей естественней, как кажется, предположить, что речь здесь идет не об обряде обрезания (bryt), а об отходе от завета, союза (bryt), заключенного богом с Авраамом, и создании «нового союза» (bryt ḥḏšh) [70], заключенного богом с кумранской общиной.

Точно так же упрек в таком истолковании или «раскрытии» торы, которое не соответствует фарисейско-традиционному, вполне и хорошо разъясняется, если полагать, что этот упрек имеет в виду общину с идеологией и практикой, близкой кумранской, если не самую кумранскую общину. Непонятно лишь обвинение в публичном посрамлении кого-либо [71]. Как было уже отмечено, это выражение, по мнению большинства издателей и комментаторов Мишны, следует считать позднейшей вставкой. Таким образом, всю рассмотренную сентенцию можно считать полемически направленной против сектантов, идеология и религиозная практика которых близко совпадает с кумранской. Если даже допустить справедливость мнения Гутмана о возможности соотношения некоторых из «нарушителей» этой сентенции с иудео-христианами, то за этим логически неизбежно следовал бы вывод о близости отдельных черт кумранцев и иудео-христиан и о генетической связи между ними. Разумеется, окончательное решение этого вопроса — дело будущих исследований.

В талмудической литературе встречаются также сентенции, позволяющие ставить вопрос об отличиях между социальными концепциями, нашедшими свое выражение в кумранских рукописях и в фарисейско-талмудической традиции. Этот важный вопрос требует специального и углубленного обследования, и здесь мы также ограничимся лишь отдельными примерами.

В фарисейской, талмудической традиции бедность и богатство рассматриваются как известные, предопределенные для каждого индивида категории. Более того, согласно одному талмудическому учению, имущественные различия не исчезнут даже после прихода мессии. Так, одному из ранних амораев Самуилу (III в. н. э.) приписывается сентенция, согласно которой единственное отличие между «этим миром» и «временем мессии» будет заключаться только в освобождении в послемессианское время от правительственного гнета (šyʿbwd mlkywt blbd), «ибо сказано (аргументирует Самуил свое утверждение стихом из кн. Второзакония, 15, 11), что „не переведется нищий в стране“» (Šabbat, 151[b]). Таким образом, по прямому смыслу этой талмудической сентенции, богатые и бедные будут существовать даже после прихода мессии!

И в более ранних слоях Талмуда можно найти высказывания об имущественных и социальных отношениях, которые резко расходятся с социальными принципами кумранской общины, представленными ее «Уставом». Так, в известной Мишне из трактата Абот, в которой указаны «четыре меры» имущественных взаимоотношений, принцип коллективной собственности «мое — твое, а твое — мое» (V, 10) приписывается народу земли (*ам хаарец*), к которому, как известно, фарисеи относились крайне враждебно (Pesaḥin, 49).

Весьма показательны, как кажется, для выяснения различий социальных идеалов законоучителей фарисеев и членов кумранской общины такие, например, сентенции. «Сказал р. Иоханан: бог простирает свою „шехину“ (т. е. свое божественное присутствие.—*И. А.*) только на сильного, богатого, мудрого и скромного» (Nedarim, 38[a]). В B. Sanh. 99[a] говорится:

[70] CD, VI, 21; VIII, 21; XX, 12; 1 Qp Hab., II, 3.

[71] Гутман полагает, что здесь имеются в виду «доносчики» и связывает это место с известной ежедневной молитвой иудеев «пусть для *миним* и доносчиков не будет надежды». Нам это сопоставление не кажется убедительным, но мы оставляем вопрос открытым.

«Сказал рабби Хия бар Абба от имени р. Иоханана: все пророки вместе взятые пророчествовали только о том, кто отдает свою дочь замуж за *талмид-хахам*'а, и о том, кто ведет (торговое) дело ради *талмид-хахам*'а, и о том, кто предоставляет *талмид-хахам*'у возможность пользоваться его состоянием».

Правда, этой претенциозной сентенции в Мишне противостоит указание на другой образ жизни ученого: «Таков путь (познания) учения: кусок хлеба с солью будешь есть, воду в меру будешь пить, на земле будешь спать, жизнь (полную) лишений будешь вести, но трудись над изучением торы. Если ты так поступишь, благо тебе и в этом мире и на том свете» (M. Abot., VI, 4). Может быть, такие тяжкие условия жизни некоторых из «учеников мудрецов» (*талмидей-хахамим*) и внушили фарисеям мысль низвести весь социально-этический пафос пророческих книг к «пророчествам» лишь о тех, кто обеспечивает профессиональных «мудрецов» богатыми невестами и безбедным существованием. Но как далеки данные социальные идеалы фарисеев I века н. э. от социальных идеалов и принципов кумранской общины — как известно, основными устоями общины, отразившимися в «Уставе», были обязательный совместный труд, общая собственность, коллективный быт, обязательное посвящение трети каждой ночи (после трудового дня) совместному изучению «учения» всеми членами «общины бедных».

Возможно, что тщательное обследование талмудической литературы позволит выявить сведения по истории общин, родственных кумранской. Приведем пример, требующий, правда, серьезной проверки.

Выше был приведен текст из трактата Pesaḥin, 56[a], сообщающий, что божество покинуло патриарха Иакова, когда он намеревался открыть своим сыновьям срок «конца дней». Интересен контекст этого места. Здесь обращает на себя внимание обозначение «люди Иерихона» (ʾnšy yryḥw). О «людях Иерихона» в одной из ранних мишн, относящейся ко времени до поражения иудейской войны 66—73 годов н. э., говорится, что с некоторыми деяниями людей Иерихона мудрецы (*хахамим*) соглашались, а некоторые деяния запрещали. Так, мудрецы не возражали против занятий людей Иерихона культивированием фиговых пальм, произнесения молитвы *шема* без паузы, а также жатвы и вязки снопов до отдачи жрецам первинок снопов (ʿmr). В то же время «людям Иерихона» ставилось в вину использование ими ветвей, принадлежащих храму деревьев для прививок дикорастущих пальм (gammāziyyōt — так называемая капрификация), поедание в субботу падалицы (nĕšārīm) и оставление свободным незасаженного края (pēʾā) огородов [72] (M. Pesaḥim, IV, 8; ср. B. Pesaḥ, 55[b] — 56).

На основании одного лишь этого, во многом туманного, текста трудно составить представление о природе «людей Иерихона». Ясно во всяком случае, что под «людьми Иерихона» понимается какая-то особая группа. Между нею, с одной стороны, и храмовым жречеством, а также мудрецами, с другой, существовали определенные ритуально-догматические и социально-экономические противоречия. Учитывая непосредственную близость Иерихона и района Кумрана, нельзя, как кажется, в этой связи не вспомнить о некоторых примечательных фактах.

Во-первых, недавние раскопки, произведенные Кэтлин Кеньон в Иерихоне, обнаружили захоронения, полностью совпадающие со специфическим способом захоронения, практиковавшимся кумранской общи-

[72] Незасаженные края огородов и полей оставлялись для пользования ими безземельными и неимущими, что уменьшало доходы храмового жречества.

ной [73]. Во-вторых, упоминание о повседневных занятиях «людей Иерихона» финиководством, особенно же прививками дикорастущих пальм, невольно напоминает свидетельство Плиния Старшего (NH, V, 17, § 73) о ессеях как о племени, живущем среди пальм (gens... socia palmarum). При этом обращает на себя внимание одна деталь: «люди Иерихона», пренебрегая храмовой святыней — деревьями, принадлежавшими храму, пользовались ими для целей капрификации (прививок). В-третьих, отмеченное как запретное деяние и «грех» «людей Иерихона», что они «едят в субботу лежащую на земле падалицу» — интересно сопоставить с предписанием Дамасского документа: «Пусть в субботний день никто не ест ничего, кроме того, что приготовлено (заранее) и пропадающего в поле» (CD, X, 22—33). Если к тому же вспомнить, что уже Ориген (нач. III в. н. э.) и митрополит Тимофей I (ок. 800 г.) связывали находку библейских рукописей с окрестностями Иерихона, то необходимость серьезного обследования всех этих связей станет еще более очевидной. Автор настоящих заметок убежден, что Дамасский документ не мог быть составлен применительно к условиям кумранской пустыни [74]. Напротив, предположение, правда, сугубо гипотетическое, об окрестностях Иерихона, как о местопребывании общины, родственной кумранской, представляется вполне допустимым.

Остановимся, наконец, еще на одном вопросе. Как известно, большинство исследователей-кумрановедов отождествляет кумранскую общину с ессеями античных авторов. Однако это нельзя считать окончательно решенным, так как, помимо многих бесспорных черт сходства, между кумранской общиной и ессеями наблюдаются и серьезные различия [75]. Для дальнейших исследований и окончательного решения вопроса потребуется не только пересмотр всех известных сведений о ессеях, но и выявление новых известий, в частности в патристической [76] и талмудической литературе. Что касается последней, то особая трудность выявления материала о ессеях заключается в том, что до сих пор нет ясности и уверенности даже относительно терминов, которыми талмудисты называли ессеев [77]. Между тем a priori можно предположить, что в талмудической традиции может сохраниться материал о ессеях и полемика с ними без обозначения ессеев по имени. Приведем такой пример антиессейской, как нам кажется, полемики в Талмуде (без обозначения ессеев).

Как известно, Иосиф Флавий сообщает о ессейском обряде молитвы восходящему солнцу [78]. Что речь идет не о молитве при восходе солнца и первых проблесках солнечной зари, но о молитве именно самому восходящему солнцу, видно из прямого смысла слов Флавия. У Флавия мы читаем о ессеях следующее: «Божественное они почитают особым образом. Прежде чем восходит солнце, они не разговаривают ни о чем

---

[73] K. M. K e n y o n, Digging up Jericho. The results of the Jericho excavation 1952—1956, N. Y., 1957, стр. 264; ср. А м у с и н, Рукописи Мертвого моря, стр. 73.

[74] А м у с и н, Рукописи Мертвого моря, стр. 141—151.

[75] Там же, стр. 197—214.

[76] См., например, D. W i e l u c h, Zwei «neue» antike Zeugen über Essener, «Vetus Testamentum», VII, 1957, № 4, стр. 418—419.

[77] Предполагают, что ессеи выступают в Талмуде под такими, например, названиями: «хасидеи» или «первые хасидеи» (ḥsydym; ḥsydym hr'šwnym); «купающиеся утром» (ṭwbly šḥryt); «люди дела» (ʾnšy hmʿśh), «байтусеи» или «боэтусеи» (hbyytwsym) и др. См. G. V e r m e s, The Etymology of «Essenes», RQ, 1960, № 7, стр. 427—443.

[78] Ни Филон, ни Ипполит в своих сообщениях о ессеях ничего не говорят о таком обряде В уже опубликованных кумранских рукописях такой обряд также не засвидетельствован, хотя известный пиетет по отношению к солнцу и наблюдается, например, в отрывке из кн. Тайн (1 Q Myst., I, 6—7) и в одном из гимнов (1 QH, XII, 4—7). Еще более показательно самое название кумранцев —«сыны света».

обыденном (οὐδὲν φθέγγονται τῶν βεβήλων), а обращаются к солнцу с некими древними молитвами, как бы умоляя его взойти (ὥσπερ ἱκετεύοντες ἀνατεῖλαι)» (BJ, II, 8,5, § 128).

Что касается талмудической традиции, то в ней мы находим прямое предписание молиться «с наступлением солнечной зари» (ʿm dmdwmy ḥmh) [79], но в то же время категорическое осуждение молитвы, творимой непосредственно солнцу. Так, в тосефте Берахот говорится: «Тот, кто видит солнце, и луну, и звезды, и планеты, говорит: „благословен творящий начало". Р. Иегуда говорит: „Тот, кто благословляет солнце, тот поступает, как еретик" (ḥmbrk ʿl ḥḥmh hry drk ʾḥrt)» (Toseph. Ber., VII, 6, ed. Zuckerm., 15). Нам представляется, что в только что приведенной сентенции мы вправе видеть осуждение ессеев, описанных Флавием, «благословлявших» солнце и молившихся ему непосредственно. Следует также иметь в виду, что, в отличие от официального календаря, согласно кумранскому календарю, началом суток считался восход солнца. Если это верно, то эту талмудическую сентенцию следует учесть при будущих исследованиях проблемы ессеев вообще и их связей с кумранской общиной в частности.

Мы привели лишь отдельные и в известной мере случайные примеры. Но и они, как нам представляется, дают основание полагать, что в талмудической традиции сохранились следы полемики и расхождений с идеологией и социальной практикой кумранской общины в той мере, в какой эта идеология нашла свое отражение в опубликованных кумранских рукописях. Уже эти примеры показывают, что отдельные лексические, терминологические и другие совпадения между кумранскими рукописями и талмудической и раввинской литературой ни в какой мере не могут служить свидетельством совпадения идеологии и социальной практики кумранской общины и фарисейских «товариществ» (*хавурот*). Всестороннее исследование и решение проблемы отождествления кумранской общины будет зависеть не только от дальнейших публикаций кумранских рукописей, но и от систематического и квалифицированного обследования всей талмудической традиции. Надо полагать, что, как гласит арамейская поговорка, «вознаграждение будет соответствовать усилиям» (lĕpūm saʿărā agra) (Aboth., V, 23).

[79] Уже известный нам р. Иосе говорил: «Пусть будет моя доля среди тех, кто молится с наступлением солнечной зари. Сказал рабби Хийя бар Абба от имени рабби Иоханана: предписано (или: имеется заповедь — mswwh) молиться с наступлением солнечной зари» (Šabbat, 118[b]).

Фанула Папазоглу

К ВОПРОСУ О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ В МИКЕНСКОЙ И ГОМЕРОВСКОЙ ГРЕЦИИ

В последние годы, после успешной дешифровки линейного письма В, на тему «Микены и Гомер» написано много как специальных, так и обобщающих трудов, ставящих своей целью установить место микенской культуры в общегреческой истории и связи микенской эпохи с последующим гомеровским периодом. Число этих работ таково, что можно было бы говорить о возобновлении гомеровского вопроса. Не менее, чем эпохальные раскопки Шлимана, прочтение линейного письма В поставило снова в центр внимания историков ранний период греческой истории. В этих исследованиях археологам все еще принадлежит первое слово, так как только они в состоянии предоставить науке новые данные о самом интересном для решения поставленного вопроса переходном периоде XII—VIII вв. до н. э. Но наряду с ними, благодаря прочтению микенских надписей, языковеды и историки могут теперь в гораздо большей степени, чем раньше, тоже заниматься исследованием микенского общества.

Новые исследования обнаружили поразительное совпадение между отдельными группами предметов материальной культуры, упоминаемыми пилосскими надписями и Гомером. В то же время они показали, что многие из предметов, о которых идет речь в гомеровских поэмах, соответствуют находкам раннежелезной эпохи, и что вообще в эпосе значительно меньше элементов культуры бронзового века, чем это предполагалось раньше. Еще более важны результаты исследований в области языка и ономастики микенских табличек, устранившие последние сомнения относительно греческого характера населения Греции в микенскую эпоху. Установление общепринятого в современной науке факта этнической однородности жителей микенской и классической Греции привело к пересмотру с новой позиции целого ряда вопросов: вопроса об «эолийской» стадии в оформлении гомеровских поэм, о взаимоотношении греческих диалектов и более широкого и важного вопроса об этногенезе греческого народа. Но самым значительным, можно сказать, центральным, с точки зрения историков, вопросом, возникшим в связи с открытием греческого происхождения ахейцев, является вопрос о том, в какой степени и в каком смысле эллинская история является продолжением ахейской, или, так как решение этой проблемы можно искать только в плане общественного строя, вопрос о преемственности социального строя и государствен-

ных учреждений, сложившихся в микенском обществе и развившихся позднее в классических полисах.

Решение этого вопроса зависит главным образом от определения характера микенского общества, поскольку общественный строй не только классической Греции, но и так называемого гомеровского общества, являющегося, по общему мнению, началом исторического развития классической Греции, более или менее хорошо известен. Надо, впрочем, заметить, что исследование микенских табличек оказало влияние на взгляды на гомеровское общество. Недоумевая, как объяснить в одной и той же этнической среде переход от более развитой общественно-политической формации к более примитивной, исследователи прибегли к новым толкованиям давно известных сведений гомеровских поэм и к новым реконструкциям, подчас не лишенным произвольности.

Хотя в самые последние годы, в результате многочисленных исследований, картина общественных отношений в Греции микенской эпохи становится более ясной и полной, все же в ней еще многое остается темным и неизвестным [1]. Мы знаем теперь наверное, как это, впрочем, можно было заключить и на основании памятников материальной культуры, что общество Микен, Пилоса и Кносса в микенскую эпоху было классовым [2]; центральная государственная власть располагала достаточной силой, чтобы заставить массы работать на постройке таких монументальных дворцов и крепостей, какие обнаружены во всех центрах микенского мира. Новые данные микенских архивов указывают на большой бюрократический аппарат, которым были окружены могущественные цари, но функции отдельных должностных лиц пока остаются неизвестными. Больше всего сведений в пилосском архиве содержится о важнейшем вопросе — вопросе о земельных отношениях. Но условия землевладения были так разнообразны и сложны, что, несмотря на обстоятельную и всестороннюю обработку, которой неоднократно подвергались сведения табличек, в них пока еще трудно разобраться. По-видимому, в пилосском обществе имелась частная собственность на землю, но было и землевладение, связанное с выполнением определенных, неизвестных нам обязательств. Предполагается также существование коллективной собственности [3]. Наряду с крупными землевладениями, упомянуты и мелкие участки частновладельческой или государственной земли, сдаваемые в

[1] Наряду с основным трудом M. V e n t r i s — J. C h a d w i c k, Documents in Mycenaean Greek, Cambr., 1956, хороший краткий обзор результатов новейших исследований микенского общества и культуры дает J. C h a d w i c k, The Decipherment of the Linear B, Cambr., 1959. Ср. также С. Я. Л у р ь е, Язык и культура микенской Греции, М., 1957.

[2] Несколько открытых недавно в Микенах частных домов, служивших торговыми складами или мастерскими, и большие размеры некрополя в Калькани свидетельствуют о том, что Микены были не только крепостью-дворцом, но и многолюдным городом, и значительным торговым центром. M. N i l s s o n, Das frühe Griechenland, von innen gesehen, «Historia», III (1955), стр. 258 слл.

[3] Если kitimena kotona всегда переводится как «частное землевладение», то значение выражения kekemena kotona определено менее ясно. Все же толкование, предлагаемое Пальмером, согласно которому слово kekemena происходит от того же корня, что и греческое слово koinos и обозначает «общую», общинную или государственную землю, кажется наиболее распространенным. L. R. P a l m e r, Achaeans and Indo-Europeans, Oxf., 1955, стр. 6—7; C h a d w i c k, ук. соч., стр. 114; E d. W i l l, Aux origines du régime foncier grec: Homère, Hésiode et l'arrière plan mycénien, REA, 49 (1957), стр. 28 слл. Иначе толкует выражение kekemena kotona С. Я. Л у р ь е, Опыт чтения пилосских надписей, ВДИ, 1955, № 3, стр. 31. Он полагает, что kekemena означает «разделенная на участки» и что kekemena kotona можно иметь на правах полной собственности. Правда, в другом месте (С. Я. Л у р ь е, К вопросу о характере рабства в микенском рабовладельческом обществе, ВДИ, 1957, № 2, стр. 10) он тоже говорит о государственной земле, «юридическим хозяином» которой, в отличие от монархии, оставался народ.

аренду. Самыми крупными землевладельцами после царя и лавагета являются тереты, но такими же большими участками владели и некоторые пастухи, жрецы и ремесленники. Между людьми, получавшими землю в аренду, также находятся пастухи, жрецы и ремесленники [4]. Странно и то, что иногда и лица, являющиеся крупными землевладельцами, берут в аренду у частных лиц или «от народа» (из коллективного фонда?) мелкие участки; при этом неясно, с какой целью земля арендуется и кто именно ее обрабатывает. В общем можно сказать, что пока мы очень далеки от понимания сложной системы земельных отношений [5].

Сложной системе землевладения соответствует разнообразие социальных отношений. Многочисленные сведения табличек о рабах и особенно о рабынях позволяют говорить о значительном применении рабского труда в пилосском обществе, правда, главным образом в дворцовом хозяйстве. По-видимому, существовали и промежуточные ступени между свободными и рабами, но положение отдельных категорий населения нам еще совершенно неясно. Что представляли собой tereta, eqeta, «божьи рабы» и «божьи рабыни», kamaeve, kotonooko и т. д.? В некоторых случаях мы даже не в состоянии различить, идет ли речь о социальном слое или какой-либо функции. Мы не знаем также, что собственно означал такой важный термин как damos. Таким образом, многие вопросы, касающиеся социально-экономического устройства микенских обществ, все еще ждут своего решения.

Ввиду трудности определения и уточнения экономической и политической терминологии микенского общества при современном состоянии изучения языка микенских табличек, а также ввиду скудости имеющихся письменных источников, не позволяющих полнее осветить общественную жизнь микенской эпохи, вполне понятно, что мнения ученых расходятся не только по ряду более или менее важных специальных вопросов, но и относительно общей характеристики данного общества. Тогда как Я. А. Ленцман, который с успехом занимается проблемой рабства в Греции и, в частности в Микенах [6], говорит о рабовладельческом характере микенского общества и определяет социально-политическое устройство греческих государств как близкое рабовладельческим государствам восточного типа (Пилосские надписи, стр. 41 сл.), С. Я. Лурье, особенно интересовавшийся государственным устройством и земельными отношениями в микенской Греции [7], считает, что государственный строй Греции микенской эпохи нельзя представлять себе «как неограниченную монархию» и что общественный строй Крита и Микен «резко отличался от об-

---

[4] Мало кто согласится с Эд. Виллом, ук. соч., стр. 28, в том, что эти лица тоже носили титул tereta. Об этом названии см. ниже, прим. 11.

[5] В своем очень остроумном и тщательном анализе данных табличек, касающихся земельных отношений, Эд. Вилл, ук. соч., стр. 24—44, предлагает ряд толкований, которые, по его собственному признанию, не выходят за рамки гипотез; и все же он в заключение с большой уверенностью говорит о четырех категориях землевладений в микенском обществе (царских, феодальных, общинных и храмовых), забывая, что достаточно видоизменить интерпретацию одного термина и вся его конструкция рухнет. Иную картину земельных отношений предлагает W. E. Brown, Land Tenure in Mycenaean Pylos, «Historia», V (1956), стр. 400. Гораздо более обоснована сдержанность Дж. Чадвика, ук. соч., стр. 114, и М. Дж. Финли (M. J. Finley, Homer and Mycenae: Property and Tenure, «Historia», VI, 1957, стр. 158).

[6] Я. А. Ленцман, Об историческом месте гомеровского рабства, ВДИ, 1952, № 2, стр. 38 слл.; он же, Пилосские надписи и проблема рабовладения, ВДИ, 1955, № 4, стр. 5 слл.

[7] Лурье, К вопросу о характере рабства, стр. 9 слл.; он же, Крито-микенские надписи и Гомер, ВДИ, 1956, № 4, стр. 3 слл.; он же, Язык и культура микенской Греции, стр. 189 слл.

щественного строя некоторых древневосточных монархий» [8]. Настаивая на различии в развитии общественного строя Греции и стран древнего Востока, А. И. Тюменев, известный знаток как древнегреческого, так и древневосточных обществ, подчеркивает, что «это различие заключалось не столько в стадии развития, сколько в различии самих путей развития». По его мнению, «в античной Греции, по местным условиям, преимущественную роль в развитии хозяйственной жизни играла частная инициатива, поэтому развитие и пошло здесь уже с самого начала по линии индивидуализации хозяйства и вместе с тем быстрого роста частного рабовладения» [9]. Он, очевидно, не видит существенного различия между развитием Греции во II и в I тысячелетиях до н. э.

Оживленную дискуссию вызвала попытка Л. Р. Пальмера истолковать социально-политическое устройство Микен по аналогии с некоторыми учреждениями у хеттов и средневековых германцев и установить в нем какую-то общую, по его мнению, всем индоевропейским народам феодальную структуру, которую якобы принесли с собой вселившиеся в Грецию ахейцы [10]. В подтверждение этого тезиса Эд. Вилл ссылается на Гомера и приходит к выводу, что гомеровское общество было если не тождественным, то очень близким микенскому. Наоборот, М. Дж. Финли, которому принадлежит одна из самых остроумных статей по этому вопросу (см. прим. 5), отвергая существование каких-либо феодальных отношений в гомеровском обществе, очень осторожно и разумно избегает называть феодальными те виды зависимости в земельных отношениях, которые, как он считает, несомненно обнаруживаются в микенских табличках.

Такое разнообразие в характеристике микенского общества частично объясняется методологическим подходом как к отдельным вопросам, так и к проблеме в целом. Поскольку данные источников недостаточны, при их интерпретации прибегают главным образом к аналогиям с другими обществами. Чаще всего, естественным образом, микенское общество сравнивается с гомеровским. Но так как в большинстве случаев сведений Гомера далеко недостаточно, то привлекаются с одной стороны, этимология слов и их значение в классическое время, а с другой стороны,— параллели из общественных отношений хеттов и древних германцев, как представителей индоевропейских народов. Более общий характер имеет сопоставление микенского общества с древневосточными монархиями, основанное не на параллелизме отдельных учреждений, а на общем впечатлении и соображениях теоретического характера.

Нужно признать, что такие соображения и комбинации не только неизбежны, но и необходимы. Однако во многих случаях они лишь осложняют решение вопроса. Нередко сходства бывают внешними и случайными, а толкования тем самым произвольными. Ведь каждому известно, что слова меняют свое значение, и если мы не уверены заранее, что речь идет о сходных общественных отношениях, то вряд ли мы сможем это заключить на основании сопоставления всего нескольких, взятых в отдельности терминов [11]. Это тем более невероятно, что большинство

---

[8] Л у р ь е, К вопросу о характере рабства, стр. 9; ср. о н ж е, Язык и культура, стр. 11.

[9] А. И. Т ю м е н е в, Tereta пилосских надписей (К вопросу о происхождении крупного частного землевладения в Микенской Греции), ВДИ, 1959, № 4, стр. 24 слл.

[10] P a l m e r, ук. соч.; ср. W i l l., ук. соч., стр. 45. Сдержанно относится к тезису Пальмера Дж. Ч а д в и к, ук. соч., стр. 113.

[11] Очень характерен для метода определения значения отдельных терминов путем сопоставления их со словами позднейшего греческого языка пример с термином tereta. Из пилосских таблиц неясно, что представляли собой эти tereta, которые упоминаются

терминов, обозначающих общественные категории или политические учреждения, в сравниваемых обществах совершенно различны. Даже при сопоставлении самых близких по времени и пространству обществ, микенского и гомеровского, оказывается, что терминологические различия превосходят число возможных параллелей (ср. ниже, стр. 31). Еще значительнее были перемены, происшедшие в греческом обществе в течение тысячелетнего периода, отделяющего микенскую эпоху от классической. Они были столь глубоки, что из сходства в звучании или этимологии отдельных микенских и греческих слов нельзя заключить ровно ничего относительно социального содержания микенского термина [12].

Попытка определить значения микенских терминов по аналогии со средневековыми феодальными учреждениями германцев вызывает также серьезные возражения. Исходя из факта, что «ахейцы в конце концов индоевропейцы», Л. Пальмер выдвинул идею, что, может быть, удастся, методом компаративной филологии и социологии, «где-нибудь в индоевропейском мире» найти данные для выяснения тех микенских терминов, которые неизвестны гомеровскому языку. Смелые комбинации Л. Пальмера привели его в конце концов к гипотезе об «индоевропейском» характере общественного строя микенской Греции и к сопоставлению микенских теретов с германскими баронами и хеттскими феодалами. Сколь остроумными ни казались бы на первый взгляд приведенные Л. Пальмером аналогии, его построение игнорирует принципиальные положения, вытекающие не только из внутренней логики общественного развития, но и из опыта исторической науки, и тем самым должно быть признано непрочным и неприемлемым [13]. Структура общества может оставаться

исключительно как крупные землевладельцы. Мнения исследователей по этому вопросу расходятся настолько, что все еще неясно, следует ли в теретах видеть тех или иных должностных лиц или определенный общественный слой (ср. литературу по этому вопросу — Тюменев, Tereta пилосских надписей, стр. 24 сл.). Этимология греческого слова τελεστής позволяет видеть в теретах «сборщиков податей» или «священных лиц», но если исходить из слова τέλη «повинность», то терета были также и держателями земли, обязанными нести со своих участков известные повинности. Однако слово tereta возможно также сопоставить с греческим τηρητής и видеть в tereta должность, связанную с хранением или наблюдением. В греческом языке слово τελεστά встречается только в надписи из Олимпии VI в. до н. э., т. е. примерно через восемьсот или девятьсот лет после пилосских табличек. На основании этого документа высказано мнение, что термином tereta в микенскую эпоху обозначались какие-то должностные лица. Между тем, ссылаясь на ту же надпись, но учитывая возможность позднейшего переосмысления слова и исходя из анализа контекстов, в которых встречается термин tereta и, по-видимому, связанный с ним термин terejae, А. И. Тюменев, ук. соч., стр. 27, приходит к противоположному выводу о том, что в теретах микенской эпохи нельзя видеть «единичных лиц, занимавших те или иные жреческие или административные должности, но определенный общественный слой, возможно,... родовую верхушку». Ср. Лурье, Опыт чтения, стр. 22, прим. 5.

[12] Это прекрасно показывает история слова κλῆρος. Никому не придет в голову, исходя из этого самого распространенного для обозначения земельных участков названия, предположить, что в классической Греции существовал периодический передел земли, хотя очевидно, что слово клерос первоначально означало земельный надел, полученный путем жеребьевки. Из тех же соображений, за недостатком прямых указаний, мы не можем быть уверены, что слово клерос и в гомеровское время имело еще свое первоначальное значение и что, следовательно, в то время обычай периодических переделов еще существовал.

[13] Тезис Пальмера отвергается, естественно, советскими учеными, но, можно сказать, без настоящей критики. Лурье, К вопросу о характере рабства, стр. 10, пишет: «Очень хорошо, что Вентрис и Чадвик, вслед за Пальмером, привлекают многочисленные параллели из общественных отношений у хеттов, в Угарите и даже в Египте и у древних германцев, но все эти параллели вовсе не доказывают, что микенское общество было „феодальным"—comparaison n'est pas raison». Гораздо убедительнее сравнение с гомеровским обществом...» А. И. Тюменев, Tereta пилосских надписей, стр. 26, прим. 13, считает: «Такое толкование слова tereta было бы возможно лишь в том случае, если под τέλη разуметь не какие-либо „феодальные обязательства", но

в течение долгого времени по существу неизменной только при том условии, что за это время не произошло никаких существенных перемен в образе жизни этого общества. Даже если предположить, что ахейцы принесли с собой из индоевропейской прародины какое-то специфическое общественное устройство, невозможно допустить, что это устройство сохранилось в общих чертах неизменным до конца микенской эпохи, несмотря на изменения условий жизни в новой географической, экономической и культурной среде, переход к оседлому образу жизни, развитие земледелия и ремесла и громадный подъем материальной базы в течение средней и поздней элладских эпох [14]. В западной историографии иногда забывают, что общественное устройство не представляет собой нечто имманентное определенному народу, но меняется с переменой географических и экономических факторов и, в первую очередь, в зависимости от степени развития производительных сил [15]. Социально-экономическая структура позднемикенской эпохи, эпохи оформленного государства и развитой бюрократии, существенно отличалась от примитивных общественных отношений ахейских племен во времена их передвижения и расселения в Греции.

Те же самые соображения принципиального характера не позволяют провести параллель между Микенами и средневековыми германцами. Только первобытно-общинные отношения, в своей примитивной простоте, представляются нам у разных народов однообразными. Они могут в определенных условиях продолжаться веками. Но уже переход к классовому обществу принимает более разнообразные формы. С каждым новым высшим этапом общественное развитие не только ускоряется, но и становится более пестрым. На общей или по существу сходной социально-экономической почве возникают разные формы политических отношений. Феодальные отношения средневековых германцев, которые так часто неправильно переносятся на все индоевропейские народы в начальной фазе их развития, являются, правда, продолжением первобытно-общинных отношений германских племен, а не римских государственных учреждений, но окончательно они создались на римской почве, и без воздействия сложившихся в римской империи частновладельческих и рабовладельческих отношений путь развития германских племен мог бы быть иным. Мы не можем предполагать феодальных отношений (если под этим подразумевать известный нам определенный вид зависимости) у примитивных народов, общественное расслоение которых произошло на несколько тысяч лет раньше, чем у германцев, в совершенно иных условиях,— в среде, которой не могли еще быть известны ни частная собственность на землю, ни классовые отношения. В исторической литературе недостаточно учитывается тот факт, что для дальнейшего развития того или иного племени чрезвычайно важным, можно даже сказать, решающим, является момент их соприкосновения с другим, более культурным народом: соприкосновение с монархией древневосточного типа приведет, есте-

обязательства, связанные с заимкой значительных массивов земли»; там же, стр. 28, прим. 27: «Чтобы видеть в terejae какую-либо феодальную повинность..., а в теретах феодальных баронов..., или для сопоставления с хеттскими lú-ilki... — нет, в сущности, никаких оснований».

[14] Ср. правильное замечание М. Дж. Финли, ук. соч., стр. 158, прим. 5: «I find it even harder to believe in the 500-year survival, essentially unchanged, of an assumed „Indo-European" settlement plan during the Mycenaean period, with its demonstrably enormous growth in material culture and in concentration of power». Ср. также Chadwick, ук. соч., стр. 113.

[15] Если предположить сходное общественное устройство у ахейцев, германцев и хеттов, то это устройство могло относиться ко времени до их переселения на новые территории.

ственно, к совсем иным результатам, чем соприкосновение племени, находящегося на том же уровне развития, с римским рабовладельческим строем в эпоху его расцвета или упадка, или же с иной, более развитой формацией. Имея все это в виду, мы не можем не признать, что специфические формы зависимости, встречающиеся у античных народов, должны отличаться от средневековой феодальной зависимости.

Иначе обстоит дело с сопоставлением микенского общества с хеттским. Предположение, что эти два общества имели сходные черты, вполне вероятно и не столько из-за принадлежности хеттов и ахейцев к одному и тому же этническому элементу, сколько потому, что и у тех, и у других формирование государства должно было протекать в приблизительно одинаковых условиях: индоевропейские завоеватели, находившиеся на стадии родового строя, вступили в соприкосновение с обществом, в котором развитие производительных сил еще не привело к полному разложению первобытно-общинного строя и возникновению классовых отношений (хотя оно в известном смысле и могло быть более культурным). Тем самым исключается как у хеттов, так и у ахейцев возможность зарождения настоящих феодальных отношений. При ближайшем рассмотрении, конечно, различия между ахейским и хеттским обществом окажутся значительными: достаточно вспомнить более быстрое возникновение хеттского государства и более прочный характер его центральной власти. Но в основном процесс, наверное, был сходным. В пользу этого говорит и приблизительно одна и та же эпоха вторжения хеттов и ахейцев, и, вероятно, одинаковый уровень экономического развития завоевателей и завоеванных ими стран. Внимание исследователей должен привлечь тот факт, что у хеттов, наряду с общинной землей, существовала земля, которой располагал царский двор, а также и «условное» землевладение. Несомненно, что параллельное изучение общественного строя ахейцев и хеттов поможет осветить отдельные черты той специфической социально-экономической базы, на которой создались государственные образования, несомненно отличающиеся от типичных для древнего Востока монархий.

Совершенно иной характер имеет сравнение микенского общества с гомеровским. Прежде всего, можно отметить обоюдное действие этого сопоставления: так как и в микенском, и в гомеровском обществах многое неизвестно, по мнению некоторых ученых, микенские надписи можно использовать для дополнения картины общественных отношений гомеровского времени, а гомеровские поэмы, в свою очередь, могут быть привлечены для интерпретации данных микенских табличек. С методологической точки зрения вопрос тем самым еще более усложняется, ибо принимается то, что следует доказать: однородность изучаемых обществ.

Наибольшую трудность представляет неопределенность и в отношении времени, и в отношении характера самого понятия «гомеровское общество». Характер гомеровских поэм, их возникновение и оформление, а также тот факт, что они являются единственным письменным источником для периода XIII—VIII вв., позволяют исследователям оперировать с большим отрезком времени, и, в зависимости от того, какие элементы, по мнению данных исследователей, преобладают в эпосе, передвигать то вперед, то назад эпоху так называемого гомеровского общества. Древнейшее наслоение «Илиады» и «Одиссеи» вне всякого сомнения восходит к микенскому времени, но также очевидны в них следы и более поздних эпох. Новейшие исследования устанавливают даже, что напластования различных эпох наблюдаются не только в изображении материальной культуры, но и в описании общественных отношений.

Выделить основную структуру гомеровского общества, казалось бы, не так трудно. И все же и тут решение зависит главным образом от принципиального подхода к вопросу: мог ли поэт, живший в послемикенскую эпоху и желавший передать события героического времени, наряду с внешними признаками того времени, верно изобразить и картину его внутреннего строя? Исследователи недоучитывают, что в эпической поэзии общественные учреждения трактуются совсем иначе, чем предметы обихода, так как возможности их передачи традицией весьма различны. Поэт слышал о микенских царях, их могуществе и их подвигах. До него дошли в передаваемых из поколения в поколение эпических выражениях описания предметов и сооружений, окружавших его героев. Но он не может оживить давно исчезнувшие, совершенно чуждые социально-экономические явления, он в этом отношении не в состоянии выйти из среды, в которой он сам вращается, и именно эта среда отражается в его поэмах, несмотря на то, что в ней действуют люди иной, героической эпохи. Конечно, все сказанное отпадает, если предполагать одинаковую общественную структуру и в микенском, и в послемикенском времени. Но это предположение, как мы сейчас увидим, создает новые серьезные трудности.

Вопрос сложен не только методологически, но и по существу. До сих пор изучение взаимоотношений микенского и гомеровского обществ шло главным образом по линии нахождения черт сходств или различий в отдельных учреждениях и общественных отношениях того и другого общества. Открытие греческого характера микенского языка и его несомненной близости с языком эпоса укрепило некоторых ученых в убеждении в тождественности микенского и гомеровского обществ. Но наряду с несомненными совпадениями, при ближайшем рассмотрении обнаружились существенные различия между этими двумя обществами. С одинаковой уверенностью одни защищают тезис о тождественности общественного строя микенского и гомеровского времен и, следовательно, преемственности в истории II и I тысячелетий до н. э., другие же выступают в пользу тезиса о разрыве между этими эпохами. Такая противоположность выводов показывает, что самая постановка вопроса неправильна и не исчерпывает сути проблемы. Полного разрыва не могло быть, поскольку не было коренной перемены этнического элемента; вместе с тем также ясно, если к проблеме подойти с более широкой точки зрения, что не могло быть и настоящей преемственности, поскольку различия — в области землевладения, рабовладельческих отношений, государственного строя, одним словом, во всем экономическом, общественном, политическом и культурном быту — между микенскими государствами и классическими полисами таковы, что невозможно себе представить развитие, идущее по прямой линии от микенской эпохи к эллинской. Перелом в общественном развитии этих двух эпох столь же очевиден, как очевидны и многосторонние и глубокие их связи. Следовательно, при сопоставлении микенского и гомеровского обществ дело не в установлении отдельных аналогий в устройстве того и другого общества, но во вскрытии генетических связей, ведущих от микенского общества к гомеровскому.

Вопрос о путях перехода из микенского мира в качественно отличный эллинский мир не решается тем, что известные черты микенского общества переносятся на гомеровское и что гомеровские общественные учреждения отожествляются с микенскими. Если допустить, что авторы «Илиады» и «Одиссеи» сумели описать в своих поэмах общественный строй микенского времени, то возникает вопрос, сохранился ли этот же самый строй и в послемикенскую эпоху; если же допустить, что он действительно остался в сущности неизменным вплоть до VIII в. (времени оформления

эпоса), то спрашивается, каким образом развитие вдруг пошло по совершенно иному пути, приведшему к полисному рабовладельческому обществу классической эпохи. Очевидно, отожествлением гомеровского общества с микенским вопрос о переходе не только не решается, но даже запутывается.

Для правильной постановки проблемы следует прежде всего освободить картину гомеровского общества от всех посторонних элементов, взятых из микенских архивов, и вернуться к первоначальной, традиционной, основанной на общем впечатлении и анализе самих поэм, характеристике этого общества, как общества, находящегося в расцвете первобытно-общинного строя [16]. Для ясности надо добавить, что только этому обществу, стоящему в начале древнегреческого развития и относящемуся ко времени оформления эпоса, по праву принадлежит название «гомеровского». Сравнение этого гомеровского общества с общественным устройством микенского времени, каким оно нам представляется по данным микенских табличек, непременно приведет к установлению существенного расхождения между ними. Изумительные на первый взгляд совпадения не только в описании предметов (мебели, посуды, колесниц и т. д.), но даже в терминологии общественных установлений (anax, basileus, temenos, gerontes и пр.), справедливо вызвавшие воодушевление, несомненно очень красноречивы: они показывают, что мы в обоих случаях находимся в греческой среде, что героическая эпоха соответствует микенской, что Гомер пел о микенских царях и микенских дворцах, что корни гомеровских поэм и самого гомеровского мира уходят глубоко в микенское прошлое, что связи этих эпох несомненны... Но эти совпадения недостаточны, чтобы отожествлять общественное устройство обеих эпох.

Как это прекрасно показал М. Дж. Финли (ук. соч., стр. 140 сл.), при сопоставлении социально-политической терминологии в микенских табличках и у Гомера обнаруживается, что, кроме слов basileus и anax, встречающихся и в микенских надписях, и в гомеровских поэмах, все термины для обозначения социальных категорий совершенно различны. Так же обстоит дело и с терминологией для обозначения землевладения и имущества: из десяти гомеровских и пяти микенских названий слово temenos единственно общее. Но что еще важнее, слова anax и basileus имеют в Микенах и у Гомера различное значение. Тогда как в эпосе basileus — самый высокий титул, принадлежащий царю, в Микенах царь назывался anax, басилеи же были какими-то низшими местными правителями. Что касается слова temenos, то, хотя им и в микенских надписях, и у Гомера обозначается царский земельный участок (в Микенах, кроме царя, и лавагет имел теменос; в эпосе теменосом называется и храмовая земля), мы не можем быть уверены, что оно в обоих случаях имеет то же самое значение. Определение содержания такого относительно позднего термина только на основании его этимологии невозможно. Из-за недостатка других прямых указаний, главным образом от нашего взгляда на характер гомеровского общества и его отношение к предыдущему микенскому и последующему архаическому миру зависит, будем ли мы считать, что термин temenos имел одинаковое значение в Микенах и у Гомера, или нет. Несходство в терминологии не оспаривается и сторонниками тезиса об однородности гомеровского и микенского обществ. По их мнению, это несходство вытекает из разнохарактерности источников и не должно

[16] Характеристика гомеровского общества как военной демократии, данная Ф. Энгельсом в его работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», в основном остается правильной, несмотря на обнаруженные в эпосе более древние, относящиеся к микенскому обществу элементы. Ср. передовую статью в ВДИ, 1959, № 4, стр. 7 «К 75-летию работы Ф. Энгельса „Происхождение семьи...“».

свидетельствовать об изменении самого общественного устройства [17]. Но именно это и требуется доказать.

Отожествление гомеровского общества с микенским казалось еще возможным, пока устройство микенского общества не было достаточно известно. До тех пор мы могли себе представить Грецию микенской эпохи на том же низком уровне развития, на каком она находилась в последующую гомеровскую эпоху, хотя такому взгляду уже тогда очевидно противоречил археологический материал. Но сейчас, когда обнаружен сложный классовый характер микенских государств, отожествление гомеровского общества с микенским извращает картину, изображенную авторами «Илиады» и «Одиссеи».

В противоположность микенскому, гомеровское общество имеет крайне простую систему поземельных отношений. Земля поделена на небольшие частные участки, которые можно обрабатывать без применения рабского труда. Формы условного, зависимого землевладения неизвестны. Не видно также, чтобы теменос басилеев чем-нибудь, кроме своих размеров, отличался от обыкновенной частной собственности. О свободном распоряжении земельными наделами свидетельствуют также термины «многонадельный» и «безнадельный» и часто упоминаемые батраки и нищие.

Одним из самых важных вопросов при характеристике гомеровского общества является вопрос о роли рабства. Этим вопросом обстоятельно занимался Я. А. Ленцман еще до дешифровки микенского письма [18]. Он правильно заметил, что в некоторых частях эпоса наблюдается значительная степень развития рабства, которую нельзя по прямой линии связать с непосредственно следующим за гомеровской эпохой архаическим периодом VIII — VII вв., характеризуемым весьма слабым развитием рабовладения. Исходя из этого, он пришел к выводу, что в отношении развития рабства в поэмах нужно различать более ранние, микенские, и более поздние, современные поэту, напластования [19]. В гомеровском обществе рабство находилось на весьма примитивной ступени. Оно очень медленно развивалось и в следующие века, вплоть до VI в. до н. э. Описание хозяйств Одиссея и Алкиноя, где речь идет о больших количествах рабов, отражает не современную Гомеру, а значительно более раннюю, микенскую действительность. В другой статье, касаясь проблемы рабовладения в Микенах уже после прочтения пилосских табличек [20], Я. А. Ленцман констатирует, что количество рабов в пилосском дворце было в несколько раз больше, чем число женщин в доме Алкиноя или Одиссея. Расхождение между данными эпоса и пилосскими табличками можно, как нам кажется, объяснить, не отвергая основного положения, тем, что при описании хозяйств Одиссея и Алкиноя поэт хотел дать картину не своего времени, а давно минувшего прошлого [21]. Владение боль-

---

[17] W i l l, ук. соч., стр. 47.

[18] Л е н ц м а н, Об историческом месте, стр. 38 слл., особенно стр. 57—59.

[19] Нам кажется, что этим правильным положениям Я. А. Ленцмана противоречит традиционная характеристика роли рабства в эпосе, данная С. И. Ковалевым, на которую ссылается Я. А. Л е н ц м а н, ук. соч., стр. 55, считая ее вполне соответствующей данным эпоса. Ведь если «рабство, в сущности, уже начинает проникать весь строй гомеровского общества», то это определяется воздействием двух различных элементов, которые Я. А. Ленцман столь справедливо разделяет.

[20] Л е н ц м а н, Пилосские надписи, стр. 41 сл., стр. 49.

[21] Л е н ц м а н, ук. соч., стр. 50, считает, что расхождение может быть объяснено прежде всего регрессом, который наблюдается в Пелопоннесе после дорийского переселения. Неясно, хочет ли он этим сказать, что данные гомеровского эпоса относятся не к микенской, а к послемикенской эпохе. Если это так, то тем самым опровергалось бы заключение первой статьи Я. А. Ленцмана, что, по нашему мнению, неправильно и ненужно. Ср. также ВДИ, 1958, № 4, стр. 141, где тоже не совсем ясно, относит ли

шим количеством рабов, несомненно, является в «Одиссее» основным признаком богатства, и если поэт, живший в совершенно иных общественных условиях, упоминает в доме Одиссея не сотни рабов, а лишь «50 рабынь» и несколько десятков рабов, то это только показывает, что данное число представлялось ему огромным и что он не мог иметь верного представления о настоящих размерах могущества и богатства микенских царей. Важно подчеркнуть, что, несмотря на указанное число рабов, характер рабства в эпосе остается примитивным, патриархальным,— таким, каким оно в действительности и было в гомеровское время.

Гомеровское общество резко отличается от предыдущего, микенского времени и в отношении развития ремесла. Ремесленное производство в гомеровских поэмах значительно менее развито и, главное, менее дифференцировано, чем, судя по сведениям пилосских табличек и археологическим находкам, в микенскую эпоху. В поэмах упоминаются всего четыре рода мастеров: кузнецы, гончары, плотники и кожевники. Они работают на заказ, не в своей мастерской, а по чужим домам. Ремесленники были лично свободными людьми и занимали почетное общественное положение. Но их было немного, так как в основном каждое хозяйство само производило все, что ему было нужно. В противоположность микенскому ремеслу, которое является совершенно самостоятельной отраслью производства, ремесло гомеровского времени еще не отделилось полностью от земледелия [22].

Вышеупомянутые поземельные отношения, зародышевая форма рабовладения и низкий уровень ремесла полностью соответствуют политической надстройке гомеровского общества. Оно не знает настоящих органов власти, не знает государства. Население поделено на филы и фратрии. По внешнему своему оформлению это типично родовое общество. Правда, оно уже далеко от родовой демократии: экономическое неравенство, созданное развитием частной собственности, увеличило роль знати. Но народная масса, в виде собрания воинов, все еще непосредственно принимает наиболее важные решения. Племенные вожди — басилеи и окружающие их советы старейшин должны считаться с народным собранием в делах управления и суда. Нужно иметь много фантазии, чтобы из гомеровских басилеев сделать могущественных царей, какими несомненно являлись микенские анакты.

В силу всего сказанного ясно, что суть проблемы о преемственности микенского и гомеровского обществ состоит именно в антитезе: государство — родовой строй. Всеми признается, что гомеровский период является эпохой упадка по сравнению с временем развитой микенской культуры. Но существенно при этом, что речь идет не об обыкновенном регрессе в рамках одной и той же системы, а о возвращении к низшей общественной формации. Если иметь в виду, что переход из родового общества в классовое представляет собой нормальное и при известных условиях необходимое явление, возвращение же из классового общества в родовое невозможно, то возникает вопрос, как объяснить повсеместное распространение родовых обществ в Греции после крушения микенских государств. Насколько нам известно, этот вопрос до сих пор не был поставлен в таком

Я. А. Ленцман данные о рабах и рабынях в «Одиссее» к «гомеровскому обществу» или к микенскому. Подобный взгляд на земельные отношения можно найти у Эд. Вилла, ук. соч., стр. 47.

[22] Что касается скотоводства, то оно занимает одинаково важное место и в гомеровском, и в микенском обществах, но, так как данные эпоса о скотоводстве относятся почти исключительно к крупным хозяйствам басилеев, трудно установить, какие из них являются микенскими реминисценциями, а какие отражают современную, гомеровскую эпоху.

аспекте и, хотя в том или ином обобщающем или специальном труде можно найти известные элементы для ответа, нигде еще не было указано на исключительное, с теоретической точки зрения, значение изучения и освещения процесса указанного регресса.

Рассматривая общество не как органическое целое, подлежащее действию определенных законов развития и существования, а как нечто, вмещающее в себе любые свойства, западная историография, за редкими исключениями, даже не сознает трудностей, возникающих при объяснении перехода от микенского периода к гомеровскому. Отмечая, с одной стороны, огромный регресс, захвативший все стороны жизни после крушения микенской цивилизации, а с другой стороны, несомненную связь между микенским и последующими субмикенским и протогеометрическим периодами в керамике, культах, религии, эпосе, западные ученые обыкновенно не видят существенных перемен, наступивших в общественных отношениях, без которых, однако, невозможно было бы объяснить многовековое существование «переходного» периода. Чаще всего не видят никакой разницы в устройстве микенского и гомеровского обществ; и то и другое общество характеризуются как феодальные, хотя по традиции во всех пособиях по греческой истории микенская цивилизация трактуется отдельно, во всем своем разнообразии и богатстве, гомеровская же эпоха получает свое место в скудном и темном начале подлинно греческой истории.

Наиболее радикален в этом отношении М. П. Нильсон. В указанной выше работе (см. прим. 2), подводя итог своих многолетних исследований о микенских корнях греческой цивилизации, в частности мифологии и религии, М. П. Нильсон категорически высказывается за феодальный характер гомеровского общества и за его отожествление с микенским. Интересно отметить, до какого абсурда довело этого выдающегося ученого, Нестора гомеровско-микенских исследований, последовательное применение такого взгляда и игнорирование основных законов общественного развития. Говоря о происхождении четырех ионических фил (geleontes, hopletes, aigikoreis, argadeis), Нильсон полагает, что это были первоначально четыре класса микенского общества: рыцари, рядовые воины, пастухи и земледельцы, которые к концу позднемикенского времени путем смешения превратились в племена (там же, стр. 264). Действительно, это было бы самым легким объяснением перехода из классового в родовое общество, если бы только закономерности исторического развития позволяли искусственным путем превратить классы в племена. Этот пример искажения действительности поучителен, так как в нем наглядно обнаруживается факт, обыкновенно недостаточно учитываемый в исторической науке: пережитки родового строя в греческих обществах архаического времени не могут по прямой линии восходить к классовому микенскому обществу.

Примерно такой же точки зрения придерживается и Эд. Вилл. Не признавая в принципе разрыва между микенским и гомеровским обществами и считая их в сущности феодальными, Эд. Вилл все же вынужден допустить, что в послемикенскую эпоху наступили более или менее важные перемены, которые привели к упрощению существовавшей системы и возвращению к примитивным структурам [23]. Эта, сама по себе правильная, мысль искажена, однако, основной предпосылкой, согласно которой обе эти системы, и более развитая, и более примитивная, были феодальными. Эд. Вилл даже не ставит вопроса о происхождении родового строя в Греции I тысячелетия. Возвращение к более примитивной струк-

[23] Will, ук. соч., стр. 48.

туре, которая, по его мнению, продолжала быть классовой, было либо насаждено новыми греческими завоевателями, либо вызвано трудностью перенесения остатков микенской цивилизации из Европы в Азию.

Весьма правильно, хотя, может быть, неожиданно для всех тех, кто не согласен со многими его модернизаторскими взглядами на античную историю, Эд. Мейер много десятилетий тому назад, задолго до открытия микенских архивов, заметил разнохарактерность микенского и гомеровского обществ. Он особенно подчеркивает, что «политические формы греческого средневековья не могли произойти из микенского государства» [24]. По словам Эд. Мейера, «государство греческого средневековья основывается в первую очередь на преобразовании старого вооруженного сообщества свободных под воздействием перехода к оседлому образу жизни» [25]. Не останавливаясь здесь на употребляемой Эд. Мейером ошибочной терминологии, нужно признать, что нигде мы не находим столь четко выраженной мысли о том, что общественный строй гомеровского времени не является прямым продолжением микенской государственной системы.

В советской историографии вопрос о переходе из классового микенского общества в родовое, гомеровское, не был еще предметом особого исследования, да и вообще проблема преемственности общественного устройства микенского и гомеровского обществ не получила еще полного освещения. Общепринятым считался уже до дешифровки линейного письма В тот факт, что микенское общество было классовым [26]. Но по вопросу о его отношении к гомеровскому обществу и поныне замечаются колебания. Так, в статье «О теретах пилосских надписей», единственном, сколько нам известно, исследовании, в котором говорится о родовой аристократии и ее роли в микенском обществе, А. И. Тюменев справедливо, как было уже сказано, настаивает на различном развитии общественного строя «античной Греции» и стран древнего Востока, но, очевидно, не проводит никакого различия между развитием ахейских обществ II тысячелетия, с одной стороны, и собственно античных государств, с другой (стр. 24). Вне всякого сомнения, что развитие общественного строя древнего Востока не могло вести по прямой линии к классическому рабовладельческому обществу, так как последнее с самого начала, в связи с местными условиями, начало развиваться в другом направлении. Но по тем же соображениям доклассовое гомеровское общество не могло иметь непосредственной связи с предшествующим классовым обществом, изображенным текстами табличек. А. И. Тюменев говорит о теретах как о представителях родовой знати, землю которых обрабатывали люди, попавшие в зависимость от родовой верхушки. Тем самым признается классовое расслоение родов и невозможность связать их с гомеровским обществом, не знавшим никакой формы зависимости [27].

---

[24] Ed. M e y e r, Gesch. des Altertums, III, 2-е изд., B., 1937, стр. 269.

[25] Там же: «Aber der Staat des griechischen Mittelalters beruht in erster Linie auf der Umwandlung der alten Wehrgemeinde der Vollfreien unter der Einwirkung der Sesshaftigkeit».

[26] Далекому прошлому принадлежит явно искусственная, отвергнутая большинством советских историков попытка Б. Л. Богаевского определить крито-микенскую эпоху как эпоху матриархата. Она интересна только как пример схематического применения марксистского учения об общественных формациях.

[27] В новейшем коллективном труде по истории древней Греции («Древняя Греция», под редакцией В. В. С т р у в е и Д. П. К а л л и с т о в а, М., 1956) картина микенского общества крайне запутана и лишена единства воззрения. Глава о гомеровской Греции стереотипно оканчивается цитатой о возникновении государства из «Происхождения семьи...» Энгельса, хотя в предыдущих главах речь шла о классовом раннерабовладельческом обществе и государственном строе Микен. Неразвитой остается мимоходом оброненная правильная мысль о том, что, «судя по археологическим данным, микенская культура стала уделом относительно немногочисленной части населения

Также выступая против сопоставления микенского общества с древневосточными монархиями, С. Я. Лурье считает гораздо более убедительным сравнение этого общества с гомеровским и не ставит вопроса о их преемственности [28]. Наиболее правильным нам кажется подход Я. А. Ленцмана. Хотя, насколько нам известно, он нигде прямо не говорит об отношениях между микенскими государствами и позднейшими родовыми обществами и даже избегает делать «какие-либо выводы о политическом строе пилосского государства» [29], Я. А. Ленцман относит данные пилосских табличек к дворцовому хозяйству Пилоса и связывает расцвет микенской культуры с этим дворцовым хозяйством (и письменность, и многочисленные рабы, и многие отрасли ремесленного производства обслуживали, по его мнению, лишь верхушку микенского общества) [30]. Тем самым он допускает, что общественные отношения, изображенные пилосскими надписями, не являются типичными для большинства населения микенских государств [31], и открывает возможность разрешения поставленного нами вопроса.

Переход от высшей общественной формации к низшей происходит обыкновенно, как показывает исторический опыт, в силу перемены населения. И в нашем случае перемена населения играет немалую роль. Наличие в послемикенской Греции родового строя может быть объяснено частично дорическим переселением. Общеизвестным и общепринятым является тот факт, что дорийцы сохранили родовую организацию и что это было, наряду с обладанием железом, одной из основных причин их победы. До вторжения в Пелопоннес они жили в северо-западных областях Греции и не были затронуты микенской культурой. Однако одним дорическим переселением нельзя объяснить общее распространение в Греции начала I тысячелетия родового строя. Ведь дорийцы захватили только часть микенской Греции, родовой же строй появляется и в тех областях, которые не были ими заняты. Важно также подчеркнуть, что эпос не имеет никакой связи с дорийцами и что в нем отражена недорийская среда. Так как эпос является нашим главным источником сведений о родовом строе в Греции послемикенского периода, при решении поставленного нами вопроса нужно исходить из него.

Можно, правда, предположить, что общественные отношения, отраженные в гомеровских поэмах, являются специфическими лишь для узкой области малоазийской Эолиды и Ионии, а не для всей Греции. Но этим вопрос нисколько не разрешается. Если считать обитателей Эолиды и Ионии послемикенскими переселенцами из материковой Греции, то спрашивается, откуда у них родовая организация; если же их рассматривать как более древних колонистов, то возникает вопрос, как объяснить несомненно микенскую традицию, лежащую в основе гомеровских поэм. Микенские корни эпоса указывают, в каком направлении следует искать

материковой Греции, тогда как наибольшая часть его продолжала жить в несравнимо более примитивных условиях первобытно-общинного строя». Поскольку эта мысль связывается с изложением дорического переселения, создается впечатление, что речь идет о тех областях материковой Греции, которые остались вне воздействия микенской культуры.

[28] Л у р ь е, К вопросу о характере рабства, стр. 10. С. Я. Лурье находит, между прочим, в текстах микенских табличек рудименты первобытной военной демократии, аналогичной гомеровской.

[29] Л е н ц м а н, Пилосские надписи, стр. 43.

[30] Там же, стр. 50. К сожалению, мне неизвестно, в какой работе «Я. А. Ленцман отмечает, что наряду с крупным рабовладельческим хозяйством тексты табличек свидетельствуют о сохранении патриархальных отношений» (А. И. Т ю м е н е в, Изучение истории древней Греции в СССР за сорок лет, ВДИ, 1957, № 3, стр. 38).

[31] Небезынтересно в этой связи привести и мнение Ч а д в и к а, ук. соч., стр. 114, о том, что «картина поземельных отношений, отраженная в пилосских таблицах, относится, может быть, к какому-то необыкновенному типу поселения».

решение вопроса: его следует искать не вне микенского мира, а именно в нем.

Конечно, говоря об общественном развитии Греции в послемикенскую эпоху, нужно иметь в виду различные пути и ритм развития в отдельных областях, в зависимости от того, входила ли та или иная область в состав того или иного из микенских государств, была ли она вообще задета микенской цивилизацией или находилась вне микенского мира. Можно считать с уверенностью, что родовую организацию сохранили не только дорийцы, но и другие племена, жившие вне границ микенских государств. Но решающим при рассмотрении поставленного вопроса является тот факт, что и в таких областях, как Аттика, несомненно находившихся в рамках микенского мира, переход к раннегреческой эпохе, характеризуемой отчетливыми пережитками родового строя, совершился без перемены населения, в результате постепенного внутреннего развития. И это, как и микенская традиция гомеровских поэм, указывает на то, что решение вопроса о переходе от высшей общественной формации к низшей нужно искать в самом микенском мире.

Единственно возможное и, по нашему мнению, само собой напрашивающееся решение заключается в следующем: микенские государства должны были представлять специфический вид раннерабовладельческих государств, в которых родовое устройство сочеталось с классовым. Формирование этих государств должно было происходить под сильным влиянием перенесенной критской культуры раньше, чем внутренний подъем экономических сил привел к расслоению родового строя. При таких условиях процесс классообразования захватил лишь некоторые из многочисленных родов, а именно те, которые, приходя в ближайшее соприкосновение с материальными богатствами более культурных критских и древневосточных соседей, приобрели большую силу и сумели захватить более или менее обширные территории. Но масса населения в этих государствах продолжала жить в условиях первобытно-общинного строя. Связи этих родов с центральной государственной властью не могли быть особенно глубокими и прочными и не способствовали разрушению бесклассового строя. Оттого и могло произойти, что, после крушения микенских государств, вызванного как внешними, так и внутренними причинами, вся Греция оказалась снова разбита на части, живущие в разрозненных родо-племенных организациях [32].

Картина общественных отношений, получаемая в результате исследования микенских табличек, отражает, естественным образом, только одну, меньшую часть микенского общества: дворцовую верхушку, бюрократический аппарат и население, непосредственно обслуживающее эту верхушку либо в самом дворцовом хозяйстве, либо в подчиненных ему местностях. Многочисленные рабы, рабыни, божьи рабы и все прочие категории зависимого населения, упоминаемые в табличках, могли существовать лишь в этой части микенского государства. Жрецы, пастухи и ремесленники, которые являются крупными землевладельцами, должно быть, тоже принадлежали только к этому классовому обществу. Этим и объясняется громадная разница в материальной культуре микенских центров и остальной территории микенских государств.

---

[32] Сходный процесс соприкосновения примитивных иллирийских племен с греческой рабовладельческой формацией и поверхностного переноса более развитых социально-экономических отношений на родовую знать лишь некоторых племен привел, примерно тысячу лет спустя, к образованию иллирийского государства, в котором наряду с городами греческого типа было множество племен, сохранивших нетронутый первобытно-общинный строй.

Имея в виду, что письменность использовалась исключительно для нужд дворцовых хозяйств [33], мы не можем ожидать в табличках много данных об основной массе населения микенских государств, сохранившей родовое устройство. И все же, по нашему мнению, сведения о басилеях и состоящих при каждом из них геруспях можно считать прямым доказательством наличия родовых организаций, существование которых можно обнаружить, приняв во внимание ряд косвенных и теоретических соображений. Микенских басилеев обыкновенно считают какими-то местными правителями, представителями центральной власти [34]. Гораздо вероятнее, что они были родовыми вождями [35]. Мы упомянули уже, что, тогда как в микенском обществе anax является самым высоким титулом, в гомеровских поэмах это, очевидно, уже устаревшее название. Гомеровские цари называются басилеями. Но слова anax и basileus означают две совершенно различные социально-политические категории: anax — царь-монарх, гомеровский же basileus — родовой вождь. Если принять это значение слова basileus и для микенской эпохи, то тем самым решается и вопрос, каким образом гомеровские басилеи могли «занять место» микенских анактов. Очевидно, дело не в терминологической перемене, а в глубоком социальном перевороте. Но этот переворот не следует себе представлять так, как будто мелкие местные правители, отличавшиеся от анактов только степенью могущества, постепенно поднимались по социальной лестнице, пока не заменили анактов [36]. Басилеи, будучи родовыми вождями, стали после крушения центральной государственной власти самостоятельными руководителями родов и племен. Они не меняли своей функции, продолжали быть тем же, чем были и раньше, но, освободившись от анактов, оказались самыми могущественными людьми. В пользу этого толкования говорит и упоминание при каждом из басилеев микенской эпохи совета старейшин (kerosija). Такое совпадение двух общественных терминов в Микенах и у Гомера, очевидно, не может быть случайным. Оно указывает на несомненные связи этих двух обществ, не доказывая, однако, их тождественности. Если принять предложенную нами структуру микенского общества, становится понятной и разница между микенским eqeta (ἑπέτης) и гомеровским ἑταῖρος. Не случайно друзья гомеровских басилеев называются ἑταῖροι, а не ἑπέται. В первом слове выражается равенство дружинников, во втором — подчинение придворных [37].

В свете сказанного и термин δῆμος может получить более определенное и точное значение. В микенских текстах слово damos, чтение которого, по всей видимости, не вызывает сомнений, встречается почти исключительно в формуле paro damo, в связи с получением земельных участков.

[33] Ср. Л е н ц м а н, Пилосские надписи, стр. 50.

[34] Ср. V e n t r i s - C h a d w i c k, ук. соч., стр. 121: «a kind of feudal-lord, master of his own territory but owing allegiance to the king»; «head man of tributary village», «prince».

[35] Вентрис и Чадвик, ук. соч., стр. 122, приводят мнение Карателли, согласно которому басилеи были religious functionaries like the φυλοβασιλεῖς. Между тем филобасилеи были первоначально, несомненно, не только «священными лицами», но и родовыми вождями.

[36] Ср. F i n l e y, ук. соч., стр. 142: «In other words, in the period between the writing of the tablets and the Homeric poems, basileus climbed the social ladder until eventually it displaced anax completely (for reasons which I think will be found in the great social transformations that followed the destruction of Mycenae and not merely in linguistic fashion)». М. Дж. Финли во многих отношениях совсем приближается к нашему взгляду, но так как он не обращает внимания на родовой строй гомеровского общества, то не делает выводов, которые из этого вытекают.

[37] Ф и н л и, ук. соч., стр. 142, прим. 4, приведя мнение Пальмера о термине eqeta и его «эхе» у Гомера, правильно замечает: «Is it not significant, however, that the Homeric „echo" is not the obvious ἑπέτης, a perfectly good Greek word, but ἑταῖρος, unknown in the tablets?».

Неопределенность значения слова δῆμος в раннегреческую эпоху отражается и в предлагаемых интерпретациях данной формулы. Одни ученые полагают, что paro damo значит «от народа» и что, следовательно, в микенских государствах «народ» являлся собственником значительного фонда земли, распределение которой производилось в «народном собрании» [38]. По мнению других, слово damos обозначало «поселение», распределение же земли происходило «в совете поселения» [39]. В сущности эти интерпретации немногим отличаются друг от друга. Оба толкования предполагают существование коллективной собственности [40], причем в обоих случаях остается совершенно неясным, какая часть микенского населения обозначается термином «народ» и почему из какого-то народного фонда мелкие участки сдаются «в аренду» крупным частным землевладельцам. Неприемлемость указанных интерпретаций особенно бросается в глаза, если их сопоставить с позднейшим, гомеровским словом δημιοεργός.

Обыкновенно δημιοεργός переводится «кто работает на народ», но всеми признается трудность такого толкования, поскольку в гомеровских поэмах демиурги обслуживают главным образом знать, а не народ. Основываясь на данных микенских табличек и параллелях хеттского общества, Пальмер недавно предположил, что первоначально слово δημιοεργός означало «тех, кто обрабатывает землю дамоса» [41]. Он видит в демиургах особый класс людей, живших не на «феодальной земле», а на «общинной». Это объяснение еще в большей степени связывает демиургов с основной массой населения. Каким образом переосмысление этого слова привело к тому, что вместо «земледельцев» демиургами стали называться ремесленники,— это и самому Пальмеру неясно.

При решении подобного вопроса правильнее исходить из известного. Известно же следующее. 1) В гомеровских поэмах демиургами называются не только ремесленники, но и глашатаи, певцы, лекари и прорицатели, так что очевидно, что этим термином обозначался не определенный общественный слой, а люди разного социального ранга [42]. 2) В гомеровских поэмах демиурги обслуживают главным образом знать, а не народ. То же можно заключить и о микенских ремесленниках, глашатаях, певцах и т. д. Обозначение «народный» нисколько не соответствует функции демиургов. 3) Из одного места в «Одиссее» (XVII, 382—385) видно, что демиурги в гомеровском обществе являлись чужестранцами; чужестранцами же в то время считались люди, потерявшие связь с родом. Следовательно, демиурги были людьми, находившимися вне родов.

Указанные факты приводят нас к прямо противоположному заключению относительно первоначального значения слов δῆμος и δημιουργός. Если демиурги были чужестранцами, термин damos никак не мог обозначать родовую территорию. Нам кажется, что словом damos могла называться именно территория, находившаяся непосредственно во власти государства, территория, на которой сложились классовые отношения и сложная поземельная система, характерные для микенского общества. Племена же и роды жили вне демоса. Может быть, слово damos служило и для обозначения самого государства. Отсюда и значение слова damios —

---

[38] Такого взгляда, наряду с другими учеными, придерживается и С. Я. Лурье, Язык и культура микенской Греции, стр. 223.

[39] Ventris-Chadwick, ук. соч., стр. 390: «From the village, i. e. from the administration of the common land».

[40] Ср., впрочем, оговорку Вентриса и Чадвика, ук. соч., стр. 234: «The evidence of the tablets does not allow us to assume with certainty that land administrated by the damos is in fact an ager publicus in the sense of being owned on a collective basis and subject to periodical redistribution».

[41] Palmer, ук. соч., стр. 13: «those who work δᾶμος land».

[42] На этот факт обратил внимание Финли, ук. соч., стр. 156, прим. 2.

δήμιος — «публичный, государственный». Следовательно, и выражение paro damo можно было бы перевести «от государства». Думается, что и термин doero damo лучше переводить как «государственный раб», чем как «раб народа». Что же касается ремесленников и остальных «свободных профессий», то предлагаемое толкование слова damos разъясняет также, почему к ним было применено название демиурга: все они находились на службе центральной власти и жили на территории дамоса. Для народных масс, живших в примитивных условиях, они были «работниками дамоса».

Правильность такого толкования слова damos подтверждается текстом новооткрытой пилосской надписи Un 718. Сопоставление этой надписи с надписью Er 01 показало неожиданную, по словам Вентриса и Чадвика[43], связь—быть может, даже тождественность —терминов damos и ktoinai teretaon. В разрез с общепринятым толкованием термина damos, согласно которому telestai и damos являются двумя противоположными категориями, следует принять, что землевладения телестов находились именно в дамосе, т. е. на территории, непосредственно подчиненной государственной власти.

Можно ожидать, что изучение микенских текстов в свете указанного нами в общих чертах двойственного характера микенского общества приведет, с одной стороны, к уточнению многих ныне неясных элементов его структуры, с другой же стороны, даст новые доказательства правильности принципиальных положений, из которых мы исходили в своей статье.

После разрушения микенских центров, в беспокойные времена странствований и перегруппировок, последовавших за дорическим завоеванием, роды являлись единственной формой общественно-политической консолидации. История не прерывается, но история послемикенской эпохи является продолжением не истории верхушки, которая была носителем микенской цивилизации, а истории народных масс. Лишь в этом смысле существует преемственность между микенской и гомеровской эпохами. Для основной массы населения жизнь продолжается при неизменных общественных отношениях, но ввиду перемены внешних условий эта жизнь приобретает совершенно новое направление [44]. Устранение господствующего слоя сопровождается разрывом связей с внешним миром. Развитие производительных сил без влияния более культурных стран замедляется, но зато захватывает более широкие массы населения. Только те отрасли ремесла, которые обслуживали нужды рядового человека, пережили переворот. Со временем ремесло отделилось от земледелия и скотоводства, и тем самым создались условия для дальнейшего классового расслоения всего общества.

Исчезло производство предметов роскоши, исчезла монументальная архитектура, исчезла письменность [45], исчезло все, что в том или ином виде не было доступно народу. Прозаический железный век пришел на смену героическому веку. Но блеск микенских дворов, доблесть и деяния могущественных анактов, драматические события, непосредственно предшествовавшие крушению микенского мира, возбудили народную фантазию,

---

[43] Ventris—Chadwick, ук. соч., стр. 265.

[44] Также подчеркивая перемену в характере общественных отношений и новое направление, по которому двигается греческое общество после падения микенской цивилизации, Финли, ук. соч., стр. 159, заключает, что в этом смысле разрыв был a complete and permanent.

[45] Кроме Ленцмана, Вентриса и Чадвика, ук. соч., стр. 61, также допускают возможность того, что микенская письменность была монополией двора, в противоположность A. J. Wace (в предисловии к указанной книге Вентриса и Чадвика, стр. XXVIII), который не верит, «чтобы такой умный народ, как греки, мог разучиться читать и писать».

и народные певцы сохранили живое предание о героических временах. Не приходится сомневаться в том, что эпическая поэзия возникла не при микенских дворах, а в народе, жившем в тени роскошных дворцов. Она была творчеством неграмотных, и лишь неграмотные певцы в неграмотной среде могли ее сохранять и передавать из поколения в поколение [46]. Отсюда смешение в эпосе более ранних, микенских общественных элементов с примитивными первобытно-общинными отношениями, лежавшими в основе эпоса и отражающими среду поэта.

В итоге напрашивается заключение о том, что микенский период представляет собой особое, законченное культурно-историческое целое и что, следовательно, не нужно и неправильно отодвигать начало истории античной Греции за тысячу лет назад, как это делается в последнее время [47]. С крушением микенских дворцов кончается одна эпоха и начинается другая. Последовательность развития производительных сил от Гомера до эллинистического времени соответствует единству политического, общественного и культурного развития античного эллинского периода греческой истории. Как это часто бывает, взгляд, созданный многовековой традицией, и в этом случае, вопреки преходящим возражениям и колебаниям, вызванным частичным изучением новых материалов, оказывается правильным: место Гомера — в начале эллинской истории.

[46] Аналогично и возникновение сербской народной поэзии. Хотя древнейшие сербские народные песни относятся ко времени феодального средневекового государства, они возникли в народной среде, а не при царском дворе. Герои народной поэзии представлены как средневековые рыцари, но общественные отношения, изображенные в песнях, отражают патриархальную деревенскую среду, в которой жили народные певцы.

[47] В современной науке не являются исключением подобные взгляды: «In culture, in history and in language we must regard prehistoric and historic Greece as one indivisible whole» (W a c e, ук. соч., стр. XXXI). Ср. H. B e n g t s o n, Griechische Geschichte, München, 1950, стр. 20, который уже в колыбели греческого народа находит основные характерные черты и «цели» греческой истории.

К. В. Голенко

КЛАД СИНОПСКИХ И КОЛХИДСКИХ МОНЕТ ИЗ КОБУЛЕТИ (1948 г.)

В 1948 г. на окраине Пичвнари — селения, слившегося с г. Кобулети (районный центр Аджарской АССР),—был случайно найден крупный монетный клад. Его обнаружил местный житель Н. Р. Верулидзе почти у самой поверхности земли во время работы на приусадебном участке дома № 700 по ул. Ленина. Место находки клада расположено в 200—300 метрах от берега моря и находится вблизи устья р. Чолоки, недалеко от городища, исследование которого начато в 1953 г. Н. В. Хоштария [1]. Хотя на месте находки клада при поверхностном осмотре следов культурного слоя обнаружено не было, едва ли приходится сомневаться в том, что клад должен рассматриваться как археологический памятник, связанный с упомянутым городищем [2].

К сожалению, сведения о кладе поступили не сразу после его находки, и большая часть монет оказалась утраченной. Из этого клада разновременно и различными лицами было доставлено в Батуми или передано на месте сотрудникам Гос. музея Аджарии 149 монет, из которых 94 [3] оказались синопскими драхмами, а 55 колхидками — полудрахмами обычного типа. Через Н. В. Хоштария в Гос. музей Грузии (Тбилиси) из Кобулетского клада поступило 8 синопских монет и 3 колхидки [4]. Указанные монеты были осмотрены автором два раза — в 1954 г., после чего была дана предварительная информация, и в 1958 г., когда монеты были взвешены и очищены от окислов, что позволило уточнить и в некоторых случаях исправить чтение имен магистратов на синопских монетах, а также выявить экземпляры, битые общими штемпелями.

По словам Н. Р. Верулидзе, клад был заключен в сероглиняный сосуд продолговатой формы и состоял исключительно из монет, общий вес

---

[1] См. доклад Н. В. Хоштария, Археологические исследования в Кобулети-Пичвнари в 1953 г., прочитанный на археологической сессии в Москве в 1955 г. Н. В. Хоштария автор обязан рядом весьма ценных устных пояснений в связи с находкой клада.

[2] Кроме публикуемого клада, в Пичвнари найдено еще два клада колхидок. Один из них почти полностью разошелся среди местного населения, другой, содержащий, помимо колхидок, кизикин и пару золотых серег, целиком поступил в ГМГ.

[3] Одна синопская монета поступила в ГМАдж. после издания предварительной информации о кладе. К. В. Голенко, Кобулетский клад серебряных монет середины IV в. до н. э. (предварительное сообщение), СА, XXVII (1957), стр. 290 сл.

[4] За предоставление возможности публикации монет клада автор считает своим долгом выразить глубокую признательность работникам Министерства культуры ГССР и сотрудникам Тбилисского и Батумского музеев — И. Г. Ахвледиани, П. В. Кикнадзе, Д. Г. Капанадзе, Х. А. Ахвледиани и Б. А. Цихоцкому.

которых достигал 6—8 *кг*. Подробные расспросы Н. Р. Верулидзе позволили установить, что в кладе колхидок[5] было примерно в два раза больше, чем синопских монет, а не наоборот, как мы думали раньше на основании остатков клада (Голенко, ук. соч.).

Таким образом, доступные нам монеты Кобулетского клада являются лишь небольшой его частью, не отражающей к тому же действительного количественного соотношения монет обеих категорий.

СИНОПСКИЕ МОНЕТЫ

Известные нам 102 экземпляра синопских монет клада представляют несомненный интерес и заслуживают самого тщательного изучения. Все они принадлежат традиционному типу драхм Синопы IV в. до н. э.: лицевая сторона: голова нимфы [6] Синопы влево; оборотная сторона: орел с распростертыми крыльями, сидящий на дельфине, влево. Под крылом орла имя магистрата, внизу ΣΙΝΩ.

Наши монеты относятся к определенной хронологической группе синопских драхм, основой для выделения которой из общей массы однотипных монет могут служить два момента: 1) параллельный выпуск по двум весовым системам [7]; 2) изображение трехчастной серьги и ожерелья, украшающих голову нимфы [8]. Все иные, более ранние драхмы чеканились только по эгинской весовой системе, а голова нимфы на этих монетах или вообще не имела украшений, или же была украшена амфоровидной серьгой.

Первый издатель сводной работы по синопскому чекану Ж. Сикс датировал интересующую нас группу монет 333—306 гг. до н. э.[9]. Э. Бабелон и Т. Рейнак [10] в первом издании своего труда о малоазийских монетах относили выпуск драхм с трехчастной серьгой к периоду 322—220 гг. до н. э.; однако при переиздании тома, посвященного монетам Понта и Пафлагонии, авторы датировали их 360—320 гг. до н. э.[11]. После того, как с новой хронологией согласились такие авторитеты, как Э. Ньюэль, Э. Робинсон, Ж. Бабелон, Ч. Селтман [12], ее можно считать общепризнанной.

Таким образом, все сказанное дает основание рассматривать наши монеты как принадлежащие к последней хронологической группе синопских драхм, чему не противоречат и их стилистические особенности. Хроно-

[5] Кроме сведений, полученных от Н. Р. Верулидзе, и того обстоятельства, что в Батумский музей приносили в одной партии и синопские, и колхидские монеты, смешанный состав клада подтверждается и тем, что многие синопские драхмы, чеканенные из прекрасного серебра, имели зеленоватую окись, перешедшую с колхидок, которые почти все были окислены.

[6] Cp. Fr. Imhoof-Blumer, Nymphen und Chariten auf griechischen Münzen, JIAN, XI (1908), стр. 105 слл., № 302.

[7] Облегченные эгинская и персидская весовые системы; к последней принадлежат все синопские монеты клада, за исключением двух (№№ 79, 80). О весе монет подробнее мы будем говорить ниже.

[8] Исключение в этом отношении составляют монеты №№ 1—9 клада.

[9] J. P. Six, Sinope, NC (1885), стр. 33.

[10] E. Babelon et Th. Reinach, Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure, т. I, ч. 1, P., 1904, стр. 193 (далее Recueil...).

[11] Recueil..., 2-е изд., P., 1925.

[12] E. T. Newell, The Küchück Köhne hoard, NNM, 46 (1931); E. S. G. Robinson, Sinope, NC (1930), стр. 1 слл.; J. Babelon, Diogène et la Numismatique, «Buletinul societăţii numismatice Române», № 81-82 (1933—1934), стр. 23 слл.; он же, Diogène et la Monnaie, «Demareteion», I (1935), 2, стр. 63 слл.; C. T. Seltman, Diogenes of Sinope, Son of the Banker Hikesias, «Transactions of the International Numismatic Congress 1936», L., 1938, стр. 121. См. также изложение доклада Ч. Селтмана в книге D. R. Dudley, A History of Cinicism, L., 1937, стр. 54 сл. Полный текст этой работы, опубликованной в «Proceedings of the Cambridge Philological Society», CXLII — CXLIV (1936), стр. 7, автору остался недоступным.

логические рамки, определяющие время выпуска наших монет, ограничены событиями, даты которых могут быть определены достаточно точно. Драхмы с изображением трехчастной серьги непосредственно следуют за монетными выпусками небезызвестного Датама, казненного в 362 г. до н. э. С другой стороны, интересующие нас монеты сменяют золото аттического веса и триоболы родосского стандарта, начало чекана которых Э. Ньюэль относит примерно к 323 г. до н. э.[13]. Дополнительным наблюдением в этой связи может служить отнесение драхм с магистратским именем ΙΚΕΣΙΟ (№ 102) [14] к Гикесию, отцу Диогена Киника, обвиненному в злоупотреблениях, допущенных при выпуске монеты. Это было одним из обстоятельств, побудивших Э. Бабелона и Т. Рейнака пересмотреть хронологию синопских монет.

Прекрасная сохранность синопских монет клада позволила прочесть имена магистратов на всех экземплярах. Число этих имен невелико — 13. Это обстоятельство, а также наличие в кладе большого числа монет, чеканенных общими штемпелями, и отсутствие рассеченных экземпляров, столь характерных для синопских драхм, свидетельствуют о том, что перед нами группа монет, представляющая собой хронологически ограниченную небольшую часть монетных выпусков 360—320 гг. до н. э. Приведенные наблюдения заставляют думать, кроме того, что монеты клада не были (или почти не были) в обращении, а были зарыты очень скоро после их выпуска.

Указанные данные позволяют искать более точное место наших монет в группе драхм 360—320 гг. до н. э.

По своим типологическим признакам синопские монеты клада распадаются на две неравные, но совершенно определенные подгруппы. К первой из них следует отнести лишь 9 экземпляров (№№ 1—9) с 4 магистратскими именами (ΝΕΥ, ΔΙΟ, ΓΟΛΥ, ΣΦΑΙ). Все они отличаются от остальных монет клада отсутствием серьги и ожерелья, украшающих голову нимфы. Несколько архаический вид и формальные признаки стиля некоторых из этих монет (например, №№ 1, 2, 8) делают их более близкими драхмам Датама, нежели серебру 360—320 гг. до н. э. Однако предположение о наличии в кладе какого-то числа более ранних монет нужно сразу же отбросить, так как указанные 9 монет чеканены по персидскому весовому стандарту, что служит решающим признаком их принадлежности к группе 360—320 гг. до н. э., поскольку все более ранние драхмы Синопы биты исключительно по эгинской весовой системе.

Драхмы этой подгруппы можно рассматривать как переходную серию монет, унаследовавших от старых выпусков свои иконографические особенности, но, судя по весу, уже принадлежащие группе 360—320 гг. до н. э. Иными словами, монеты №№ 1—9 могут свидетельствовать о принадлежности всех синопских монет клада к наиболее ранним выпускам этой группы. Учитывая, что на монетах клада встречается около четверти всех известных для этого периода магистратских имен, выпуск последней в хронологическом отношении монеты может быть отнесен примерно к середине IV в. до н. э. В известной мере подтверждением этой датировки может служить наличие в кладе монеты с именем ΙΚΕΣΙΟ (№ 102), одной из позднейших в кладе. Согласно свидетельству Диогена Лаэртского (VI, 2, 20), Гикесий, будучи должностным лицом в Синопе, был обвинен в порче монеты и осужден, а Диоген Киник [15] был вынужден покинуть Синопу и переселиться в Афины.

---

[13] E. T. N e w e l l, The Alexandrine Coinage of Sinope, AJN, LII (1918), стр. 117 сл.

[14] Здесь и далее в тексте номера даны по списку монет клада — см. Приложение I.

[15] По словам Евбулида, Диоген сам принимал участие в изготовлении поддельной монеты, что косвенно признает и последний в Πόρδαλος.

Вопросу о монетах с именем Гикесия и толкованию неясного текста Диогена Лаэртского посвящены исследования Ж. Бабелона, Ч. Селтмана, И. Байуотера и Дж. Милна[16]. По мнению Ж. Бабелона, παραχάραξις может быть понято двояко: как изготовление поддельной монеты и как выпуск монеты неполноценной в отношении веса или качества металла, что в одинаковой мере являлось преступлением, повлекшим осуждение Гикесия. Точка зрения Ч. Селтмана несколько иная — причиной осуждения Гикесия послужили политические мотивы, но формальным поводом для этого явилось обвинение в порче монеты путем рассечения, которое применялось главным образом в отношении каппадокийских подражаний синопским драхмам. В этой связи Ч. Селтман полагает, что в условиях IV в. до н. э. термин παραχάραξις должен пониматься как рассечение монеты, делающее невозможным ее дальнейшее обращение. Дж. Милн, опираясь на тщательное филологическое исследование этого термина, проделанное И. Байуотером, отвергает мнение Ч. Селтмана, полагая, что Гикесия обвиняли в изготовлении неполноценной, субъэратной монеты. Экземпляры такого рода монет известны для синопских монет. Массовое рассечение синопских монет и подражаний им, по мнению Дж. Милна, и преследовало выявление неполноценной монеты. Последняя точка зрения кажется наиболее вероятной, поскольку среди драхм с именем Гикесия нет явно маловесных экземпляров, а надсечка монет преследовала только проверку качества металла, что не являлось преступлением, как справедливо отмечает Дж. Милн. Действительно, судя по материалам кладов [17] и большому числу дошедших до нас рассеченных экземпляров, эта операция не делала невозможным дальнейшее обращение монеты. Кроме того, если согласиться с Ч. Селтманом, то придется признать рассечение синопских монет явлением в известной мере исключительным. Между тем эта операция широко применялась в отношении не только многих греческих монет, но и варварских подражаний [18].

Отсутствие подобных изуродованных монет в нашем кладе легко может быть объяснено вполне допустимым предположением, что к началу прохождения магистратуры Гикесием высокое качество серебра синопских драхм еще не вызывало подозрения. Кроме того, отсутствие рассеченных экземпляров среди драхм персидского веса естественно, так как каппадокийские подражания, которые в основном и подвергались порче, почти всегда копируют монеты, чеканенные по эгинскому стандарту. Характерно, что среди более позднего синопского серебра (триоболы, дидрахмы, тетрадрахмы) конца IV — начала III в. до н. э., которое не служило образцом для варварских подражаний, неизвестны и рассеченные монеты. Так или иначе, монета № 102 с именем Гикесия служит дополнительным материалом для датировки заключительных выпусков синопских драхм клада. Время магистратуры Гикесия может быть определено на основании фактов биографии Диогена Киника, хронология которых ввиду фрагментарности источников очень ненадежна. Однако Ч. Селтман, анализируя источники, приходит к выводу, что Диоген не мог появиться в Афинах ранее 340 г. до н. э. С другой стороны, начало правления Ариарата, ранний чекан которого составляет основную массу каппадокийских подражаний, подвергшихся рассечению, относится к периоду после 351 г. до н. э.[19].

[16] Babelon, Diogène et la Numismatique; он же, Diogène et la Monnaie; Seltman, ук. соч.; I. Bywater a. J. G. Milne, ΠΑΡΑΧΑΡΑΞΙΣ, Cl. Rev., LIV (1940), 1, стр. 10 слл.

[17] См., например, Newell, The Küchück Köhne hoard.

[18] Например, кроме упомянутых каппадокийских, кельтские подражания тетрадрахмам Фасоса и македонским времени Филиппа.

[19] Seltman, ук. соч., стр. 54 слл.

Если допустить наличие в нашем кладе монет всех ранних выпусков этого периода, чеканенных от имени 13 магистратов, ежегодно сменявшихся, дата выпуска последней монеты могла бы быть определена как 349 г. до н. э. Таким образом, вряд ли мы ошибемся, назвав 350—345 гг. до н. э. наиболее вероятным временем выпуска позднейшей синопской монеты клада.

Как уже указывалось выше, наиболее ранними монетами являются №№ 1—9, которые помечены именами четырех магистратов. Анализ этих монет дает основание констатировать лишь один случай употребления общего штампа лицевой стороны для монет с различными магистратскими именами (№№ 5, 6 и 7). В других случаях последовательность смены имен магистратов может быть установлена лишь на основании стилистических особенностей монет. Впрочем, классификация по признакам стиля не всегда бывает надежной, примером чего могут служить две различные манеры трактовки головы нимфы на этих монетах — явно архаическая (№№ 1, 2, 8) и более свободная (№№ 3—7, 9),—присущие, однако, в одинаковой мере монетам, носящим общие магистратские имена (ΔΙΟ— №№ 2 и 3—6; ΣΦΑΙ — №№ 8 и 9). Более убедительна в этой связи трактовка изображений оборотной стороны. На монетах №№ 1—3 орел изображен низко сидящим, его корпус и распростертые крылья строго параллельны телу дельфина. Эта манера изображения орла находит себе аналогию среди более ранних монет. Видимо, № 1 — древнейшая монета клада: она наиболее архаична и носит явные следы обращения, что является исключением для синопских монет клада. Отнесению №№ 4—9 к несколько более поздним выпускам не противоречит свободная и очень характерная трактовка изображения орла, сближающая эти драхмы с №№ 10—19, относящимися уже ко второй подгруппе.

Остальные 93 синопские монеты с именами 9 магистратов следует рассматривать как обычные выпуски 360—320 гг. до н. э. Все эти монеты имеют изображение нимфы, уже украшенной ожерельем и серьгами.

Первое, что привлекает внимание при просмотре этих монет,— это неодинаковое количество монет с различными магистратскими именами. Так, из 93 экземпляров 85 имеют только три имени — ΑΓΡΕΩΣ, ΔΙΟΥ, ΦΑΓΕΤΑ, в то время как монет с именем ΚΑΛΛΙΑ — 3, а на остальных 5 магистратов приходится лишь по одному экземпляру. Это обстоятельство, однако, не позволяет предполагать древность монет с редко встречающимися именами, а монеты с именами более распространенными рассматривать как поздние. Такому предположению явно противоречит очевидная хронологическая компактность монет клада. Просмотр материалов, собранных авторами «Recueil», позволяет также отметить неравномерность распределения синопских монет по именам магистратов. Объяснением этому может служить лишь неодинаковая интенсивность выпуска монет в период прохождения магистратуры тем или иным магистратом. Указанные материалы наглядно свидетельствуют также о явном преобладании как по количеству монет, так и по числу имен магистратов, проставленных на них, тяжелых драхм над легкими. В некоторых случаях, очевидно, можно говорить и об обратном явлении — выпуске определенными магистратами лишь легких драхм. По крайней мере имя ΗΡΟΞΕ известно только для монеты последней категории (№ 78).

С накоплением новых данных и установлением точной последовательности смены магистратских имен на синопских драхмах возможно, очевидно, выделение периодов большей или меньшей интенсивности синопского чекана и периодов преобладания выпуска тяжелых и легких драхм.

Среди монет второй подгруппы, чеканенных общими штемпелями лицевой стороны, отсутствуют экземпляры с разными магистратскими именами. Иными словами, у нас нет объективных данных для установления

последовательности смены имен магистратов на этих монетах, т. е. для установления относительной хронологии монет внутри данной подгруппы. Формальный анализ стиля, не будучи лучшим методом при детальной классификации монет, особенно ненадежен для наших драхм, почти лишенных индивидуальных особенностей иконографического порядка. Однако безусловно правильно выделение первой серии среди монет второй подгруппы, к которой относятся драхмы с именем АГРЕΩΣ (№№ 10—31). Наиболее ранними среди них нужно признать №№ 10—19, в пользу чего говорит почти прямой обрез шеи нимфы, неустойчивость в изображении серьги, трактовка перьев орла и очень характерное изображение орла. Все эти особенности находят ближайшую аналогию лишь в монетах первой подгруппы (№№ 4—9). Остальные драхмы с этим именем (№№ 20—31) имеют уже все признаки отработанного до мельчайших деталей стандартного типа синопских драхм 360—320 гг. до н. э.

Рис. 1

Выделение серии монет, смежной с отмеченной выше, весьма затруднительно. По-видимому, нужно отказаться от высказанного ранее предположения (Голенко, ук. соч.), что монеты с именем АГРЕΩΣ сменяют драхмы магистратов ΚΑΛΛΙΑ, ΗΡΟΞΕ, ΦΑΓΕΤΑ. Среди монет с именем АГРЕΩΣ есть три экземпляра (№№ 29—31), на которых нимфа, в отличие от ее изображения на монетах того же магистрата, производит впечатление менее юной; у нее тяжелая шея и полный подбородок. Подобная трактовка головы Синопы исключительно характерна для многочисленных монет с именем ΔΙΟΥ (№№ 32—74), которые, очевидно, и являются второй серией. В стилистическом отношении эта серия весьма однородна, однако некоторые, вероятно, последние, монеты этой серии (№№ 72—74) имеют изображение нимфы, сближающее их с монетами №№ 75—78 магистратов ΚΑΛΛΙΑ, ΗΡΟΞΕ. Веретенообразное тело дельфина и характерная трактовка орла монет №№ 75 — 78 находит себе ближайшую аналогию среди драхм с именем ΦΑΓΕΤΑ (№№ 79—98). В этой серии монет, видимо, наиболее многочисленной для синопского чекана, обращают на себя внимание две монеты (№№ 79—80) с изображением акростилия — тяжелые драхмы, являющиеся исключением для монет клада. Монеты №№ 81—89 во всех отношениях обычны, в то время как монеты №№ 91—98 резко выделяются среди остальных синопских драхм этого времени весьма свободной, даже небрежной манерой изображения, не лишающей, однако, эти монеты их художественных достоинств. Краткое написание имени — ΦΑΓΕ не дает основания, как это можно сделать, например, в отношении №№ 2—6, 32 — 74, 100, говорить о принадлежности этих монет другому магистрату, носящему одинаковое или близкое по написанию имя. Этому противоречила бы монета № 90, имеющая развернутое написание имени — ΦΑΓΕΤΑ, но битая общим штемпелем лицевой стороны с монетами №№ 91—98.

В конце второй подгруппы мы помещаем 4 монеты с именами ΛΕΩΜ (№ 99), ΔΙΟΝ (№ 100), ΗΡΩΝ (№ 101), ΙΚΕΣΙΟ (№ 102), основываясь на довольно неустойчивых стилистических признаках— явной иконографической общности лицевых сторон №№ 99—102 и оборотных у №№ 101—102, не находящих себе аналогий среди других монет клада. С другой стороны, трактовка изображений оборотной стороны монеты № 99 явно сближает ее с №№ 91—98.

Однако еще раз следует подчеркнуть, что предлагаемая классификация монет клада, отличная в некоторых случаях от приведенной в нашем

предварительном сообщении, основана лишь на наблюдениях общего характера.

Публикуемые синопские монеты представляют значительный интерес с нескольких точек зрения. Прежде всего следует отметить, что монеты №№ 1—9 и 78 публикуются, по-видимому, впервые. Единственной аналогией монетам №№ 1—9 может служить драхма персидского веса с именем АΣТ (Recueil, стр. 189, № 38; см. рис. 1, вес 4,65 *г*, частное собрание Д. И. Мошнягина), также не имеющая украшений нимфы.

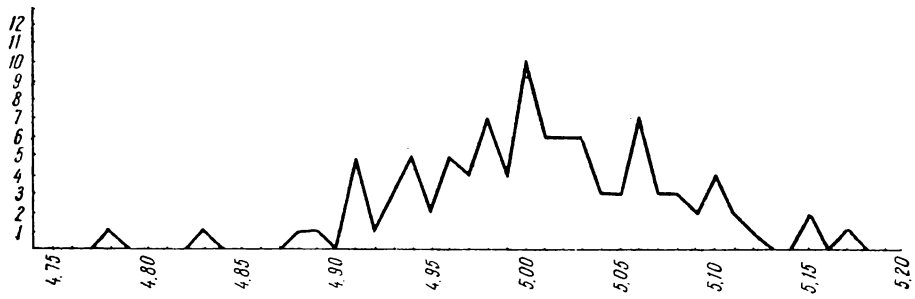

Рис. 2. График весов синопских монет Кобулетского клада

Весьма важные наблюдения дает метрологическая сторона исследования синопских монет клада. Обращает на себя внимание очень высокая выдержанность среднего веса монет. Вместе с тем нельзя не отметить, что в некоторых случаях (например №№ 13, 15; 21, 25; 63; 71; 97, 98) экземпляры, чеканенные общими штемпелями, дают известное колебание веса.

Средний вес наших монет на основании метода весовой шкалы [20] может быть определен как 5,02 *г* (ср. график весов монет клада, рис. 2), что указывает на употребление очень заниженного персидского весового стандарта. В этой связи нужно напомнить, что синопская чеканка 360—320 гг. до н. э. представлена монетами персидского и эгинского веса, которые выпускались одновременно, как свидетельствует об этом совпадение имен магистратов у монет разного веса. Соотношение веса монет разных систем определяется совершенно точно как 5 : 6 [21], что говорит о возможности их совместного обращения. Не вызывает сомнения, что внешним отличительным признаком тяжелых драхм эгинского стандарта служило изображение акростилия (аплюструма) перед головой Синопы. В остальном тип обеих категорий монет совершенно одинаков.

В этой связи может быть поставлен вопрос, чеканились ли в Синопе монеты по обеим весовым системам строго одновременно на протяжении всего периода 360—320 гг. до н. э. или возможна отдельная хронология для монет персидского и эгинского веса в пределах указанного периода. Если мы правы, видя в №№ 1—9 наиболее ранние выпуски группы 360—320 гг. до н. э., то придется признать, что легкие драхмы начали чеканиться несколько ранее тяжелых. Единственная известная нам для этого периода тяжелая драхма, на которой нимфа не имеет украшений (из коллекции Э. Ньюэля), к сожалению, не репродуцирована и лишь упомянута составителями «Recueil». То обстоятельство, что магистратское имя этого экземпляра — ΠΟΛΥ — имеется и на одной из наших монет (№ 7),

[20] G. F. Hill, The Frequency Table, NC (1924), стр. 76 сл. См. также Д. Б. Шелов, Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э., М., 1956, стр. 56 сл.

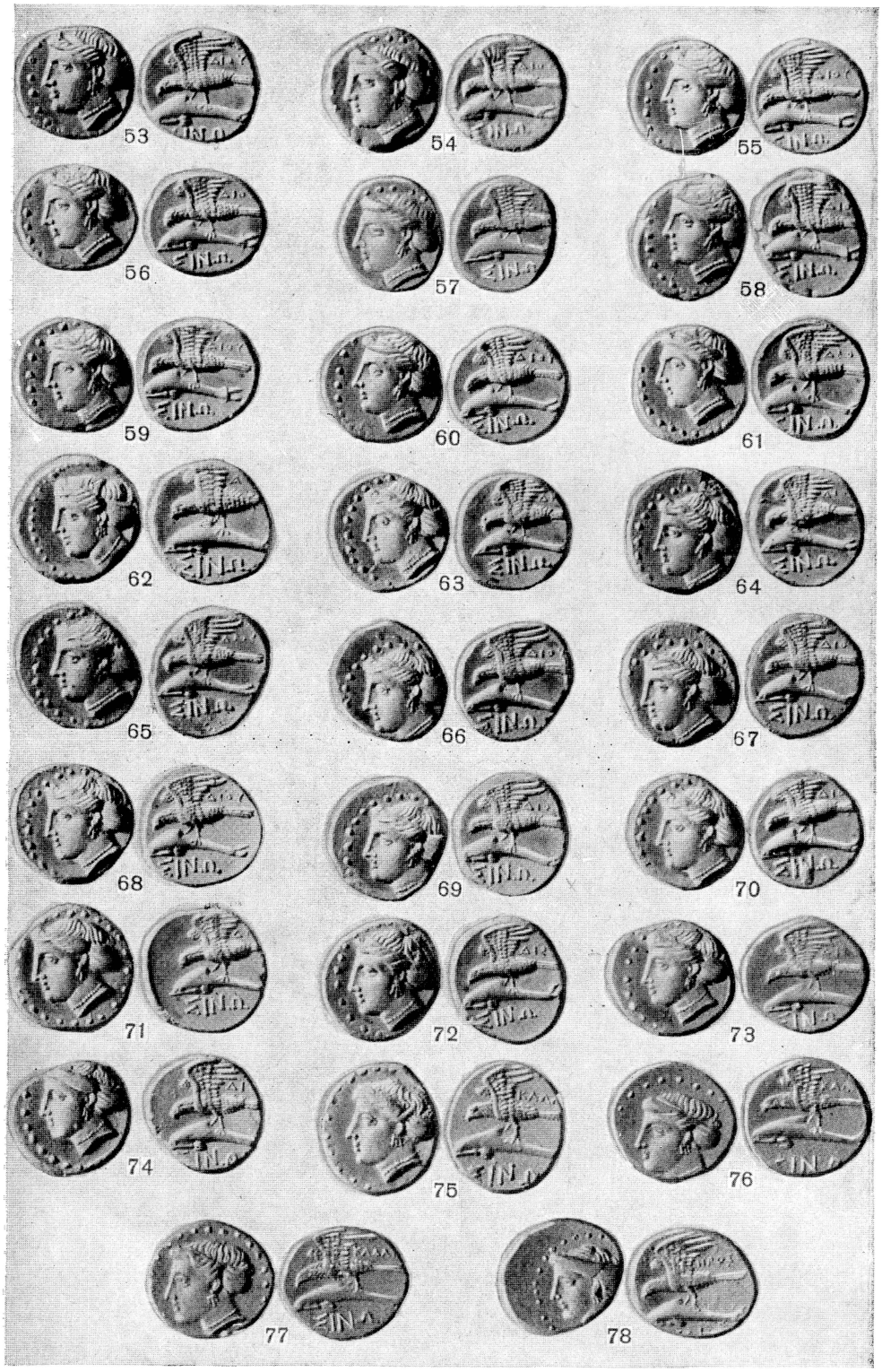
[21] Средний арифметический вес наших монет равен 4,88 *г*. Он практически совпадает с $^5/_6$ веса (4,85 *г*) драхмы эгинского стандарта, средний арифметический вес которой Э. Ньюэлль, The Küchück Köhne hoard, определяет в 5,821 *г*. Сама по себе ничтожная разница в 0,03 *г* понятна, если учесть прекрасную сохранность наших монет.

Кобулетский клад. Синопские монеты

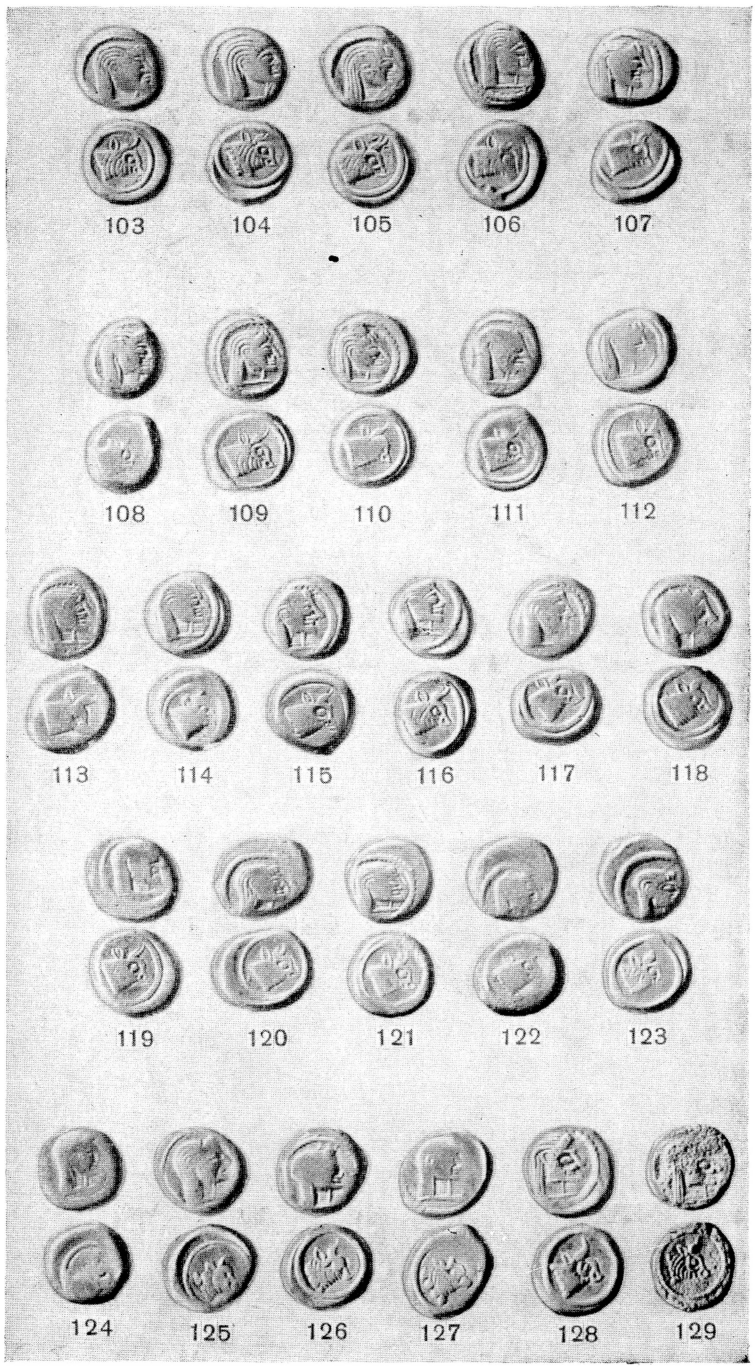
Кобулетский клад. Синопские монеты

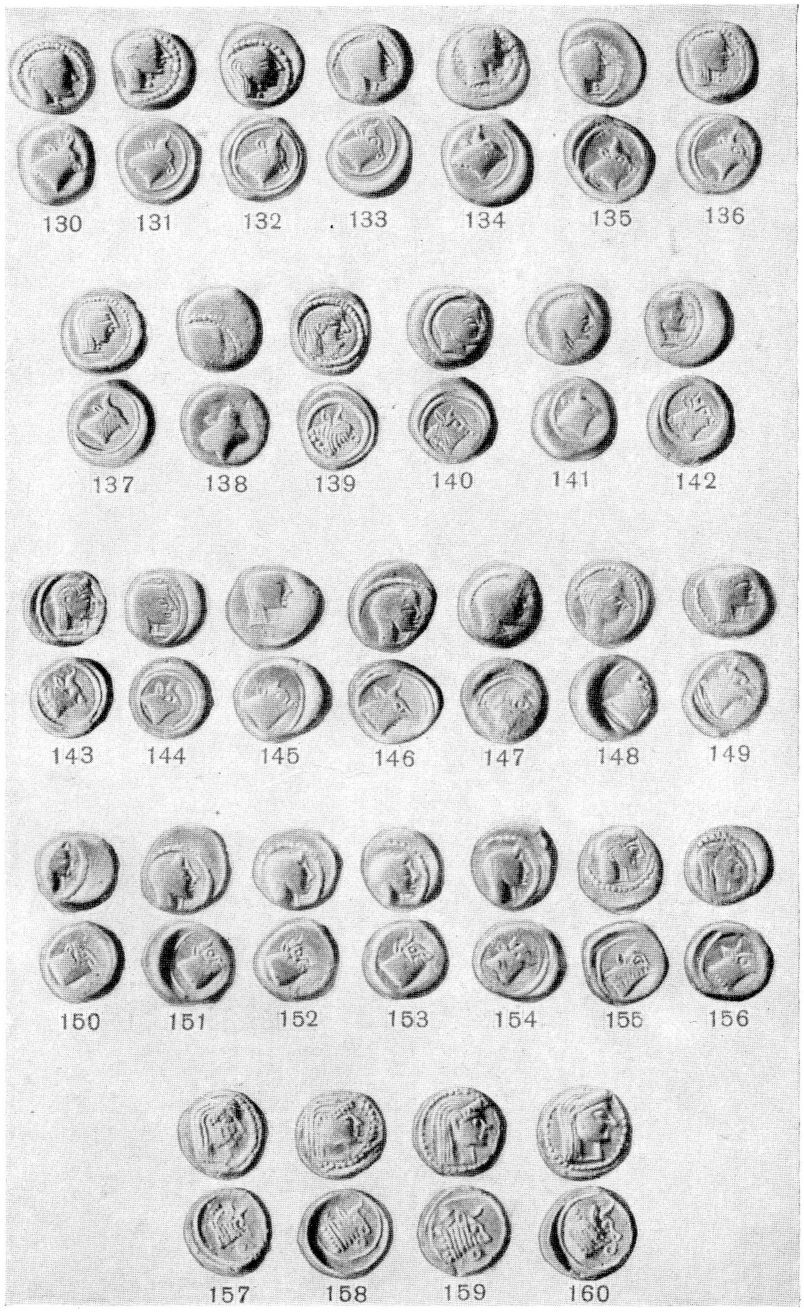
Кобулетский клад. Синопские монеты

Кобулетский клад. Синопские монеты

Кобулетский клад. Колхидские монеты

Кобулетский клад. Колхидские монеты

дает основание предполагать начало перехода к параллельному выпуску монеты по двум весовым системам именно при этом магистрате [22]. Так или иначе, легкие драхмы начали выпускаться или на несколько лет ранее тяжелых, или в крайнем случае одновременно с ними. Что касается заключительных выпусков 360—320 гг. до н. э., то есть основание предполагать, что и для них характерно одновременное употребление двух весовых систем. На эту мысль наталкивают явно поздние триоболы эгинского (тип: голова Синопы — орел впрямь, Recueil, табл. XXV, №№ 22—23) и персидского (тип: голова Синопы в башенной короне — прора, там же, №№ 26—29) весов, которые сменяют монеты того же номинала, но чеканенные уже по родосской(?) системе (там же, № 30); их тип лицевой стороны заимствован у монет персидского веса, а оборотной — у монет эгинского веса. Такое заимствование и дифференциация типов в зависимости от веса монет возможны только при одновременном обращении монет эгинского и персидского стандартов.

Одновременный выпуск синопских драхм не только по традиционной эгинской системе, но и персидской требует специального комментария. Прежде всего, появление легких драхм никоим образом не должно быть связано с ориентацией на сферу обращения царского сикла. Этому противоречила бы разница в весе монет обеих категорий, составляющая примерно 0,5 *г*. В этой связи становится очевидным, что выпуск синопских легких драхм мог быть рассчитан на греческие центры, чеканившие монеты по персидскому стандарту.

Для нескольких десятилетий, предшествующих походам Александра, характерно начало процесса постепенного отмирания эгинской весовой системы и замены ее аттическим, родосским и персидским стандартами. Весьма нередки случаи совмещения двух весовых стандартов в чеканке одного центра.

Выяснение экономических причин, по которым в Синопе появились монеты облегченного персидского веса, является частью важного вопроса о весовых системах, употреблявшихся черноморскими центрами в предэллинистический и эллинистический периоды, и требует специального исследования. От метрологического сопоставления наших монет с другими мы вынуждены отказаться, так как исследователи часто рассматривают персидский стандарт этого времени как метрологически единый, не выделяя его облегченного варианта. Однако в этой связи нельзя обойти молчанием раннехерсонесский чекан. Серебро этого города IV в. до н. э. выпускалось одновременно по родосскому и персидскому стандартам [23], причем для последнего А. Л. Бертье-Делагард выделяет два варианта — тяжелый и облегченный. На выбор весовых систем Херсонеса совершенно очевидно оказала влияние его метрополия — Гераклея Понтийская. Не исключена возможность, что специальное исследование позволит выделить и другие

[22] Следует отметить, что для группы 360—320 гг. до н. э. известны тяжелые и легкие драхмы с именем ΠΟΛΥ, на которых, однако, у нимфы есть украшения. Видимо, здесь имеет место случай повторного прохождения магистратуры одним и тем же лицом или (что более вероятно) совпадение сокращения имен, которые начинались на ΠΟΛΥ. В этом отношении показателен пример сокращений одинаковых или близких по написанию имен —ΔΙ, ΔΙΟ, ΔΙΟΝ, ΔΙΟΝΥ, ΔΙΟΝΥΣ, известных для многих синопских монет различных хронологических групп.

[23] А. Бертье-Делагард, Несколько новых и малоизвестных монет Херсонеса, ЗООИД, XXVI (1906), стр. 215 слл.; он же, Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды, «Нум. сб.», II (1913), стр. 67 сл. Необходимо учесть замечания А. Н. Зографа, Античные монеты, МИА, № 16, М.— Л., 1951, стр. 146 сл. Однако сомнение А. Н. Зографа в возможности выделения двух вариантов персидского стандарта для монет Херсонеса едва ли обосновано, так как разнице в весе монет сопутствует и различие типов.

города, употреблявшие облегченную персидскую систему. Вполне возможно, что драхма весом около 5 *г* чеканена специально в расчете на широко распространенную родосскую тетрадрахму весом около 15 *г*. Так или иначе, тетрадрахма, чеканенная по родосской весовой системе, могла свободно разменяться на три драхмы персидского облегченного стандарта.

В период 360—320 гг. до н. э. в районе Юго-Восточного Причерноморья сложилась своеобразная и сложная картина денежного обращения. Синопа продолжала выпускать серебро эгинского веса, рассчитанное не только на сохранившие эту систему греческие города, но и на обширный внутренний район — Каппадокию. О внедрении в денежное обращение Каппадокии в IV в. до н. э. драхмы эгинского стандарта свидетельствуют не только находки синопских монет и чекан Датама, который производился в Синопе (Newell, The Küchück Köhne hoard), но и то обстоятельство, что при выпуске монет с арамейской легендой и грубых подражаний, каппадокийское происхождение которых не вызывает сомнения, образцом почти всегда служили тяжелые синопские драхмы.

Наряду с этим Амис, окруженный городами, зависимыми от Синопы, и после 360 г. до н. э. продолжает чеканить многочисленные монеты обычного персидского веса (около 5,5 *г*). Объяснить это явление можно торговыми связями Амиса, которые были направлены прежде всего на внутренние области Малой Азии [24], где в денежном обращении господствовала царская монета Ахеменидов.

КОЛХИДСКИЕ МОНЕТЫ

В известной нам части Кобулетского клада находится только 58 колхидок (№№ 103—160), несмотря на то, что эти монеты, по-видимому, преобладали в кладе. Все эти монеты — полудрахмы обычного для колхидок типа.

Лицевая сторона: женская (?) голова вправо, внутри ободка. Оборотная сторона: голова быка вправо. Как известно, колхидки представляют собой очень большую группу монет местной, колхской чеканки, имевших определенную, очень замкнутую сферу обращения — Западное Закавказье. Отмечены лишь два случая находок этих монет вне пределов Грузии [25], в то время как находки колхидок в Западной Грузии чрезвычайно часты, в большинстве случаев в виде крупных кладов. К сожалению, ни один из них не издан.

Несмотря на то, что эти монеты неоднократно привлекали внимание исследователей и давно известны в специальной литературе, результаты их изучения ограничиваются топографией находок и самыми общими положениями. Сказанное относится прежде всего к мелким колхидкам публикуемого типа, разнообразие вариантов которых, а также колебание веса и качества металла делают их изучение невозможным без тщательной формальной классификации. Ограниченное количество колхидок из Кобулетского клада не позволяет предложить достаточно обоснованную

---

[24] М. И. Максимова, Античные города Юго-Восточного Причерноморья, М.— Л., 1956, стр. 66 слл.

[25] Находка в Херсонесе — Е. А. Пахомов, Монетные клады Азербайджана и других республик и областей Кавказа, вып. III, Баку, 1940, № 977 (к сожалению, это свидетельство ненадежно, так как речь идет не о находке в строгом смысле этого слова, а о покупке в Херсонесе). Находка в Нимфее—В. М. Скуднова, Находки колхидских монет и пифосов в Нимфее, ВДИ, 1952, № 2, стр. 240 слл.

их классификацию. Однако наше знакомство с более крупными кладами колхидок дает основание говорить, что в Кобулетском кладе представлены многие ведущие разновидности этих монет. Это обстоятельство резко отличает колхидки клада от его синопской части, являющейся в хронологическом отношении ограниченной и очень компактной группой монет.

По чисто формальным признакам многие из колхидок клада можно разбить на несколько определенных серий (например №№ 103—118, 130—137, 150—155, 157—160). У монет №№ 130—137 шея женской головы трактована двумя точками, что характерно только для данной серии. Одновременно с этим изящная сухая трактовка головы быка на оборотной стороне связывает их с №№ 138—147, для большинства которых характерно изображение на лицевой стороне одной или нескольких прядей, закрывающих шею женской головы. Выделению других серий и установлению в отдельных случаях связи между ними помогают и иные, достаточно четкие особенности иконографического порядка. Так или иначе, большинство колхидок можно сгруппировать в определенные серии, хронологическая последовательность которых может быть установлена и обоснована только на основании изучения значительно большего числа монет. К сожалению, крайне резкое колебание веса колхидок на данной стадии их изучения не способствует разрешению вопроса об этих чрезвычайно интересных и во многом загадочных монетах. Однако нередкие случаи употребления общих штемпелей при чеканке (например №№ 111—112, 115—116, 131—132, 151—154) заставляют подозревать в них наиболее поздние монеты Кобулетского клада. Почти безусловно позднейшими среди колхидок нужно признать №№ 157—160, на что указывает их низкий вес, очень плохое серебро и грубая трактовка изображений. Эти монеты замечательны и тем, что на их оборотных сторонах помещены греческие буквы — МО, которые на колхидках встречаются исключительно редко.

Датировка колхидок IV—II вв. до н. э., предложенная А. Н. Зографом [26], основана лишь на общих соображениях, поскольку до недавнего времени колхидки не были найдены в надежно датированных археологических комплексах, а совместные находки колхидок с иными монетами ограничивались сведениями об их находках с персидским сиклом (Зограф, Распространение, № 24) и монетами, приписывавшимися Савмаку [27]. Теперь материалы раскопок Б. А. Куфтина [28], находка александровского статера вместе с двумя колхидками и наличие в кладе колхидок пары очень ранних серег западногрузинского типа и кизикина 550—475 гг. до н. э.[29] изменили датировку колхидок на V—III вв. до н. э.[30]. Однако состав нашего клада — синопские монеты около середины IV вв. до н. э. и колхидки, среди которых преобладают принадлежащие к заключительным хронологическим группам,— требует изменения и этой датировки. Становится возможным говорить о связи прекращения выпуска колхидок с массовым проникновением в Западное Закавказье золотых статеров александровского типа.

Кобулетский клад как памятник денежного обращения представляет исключительный интерес. Прежде всего, это первый случай находки кол-

[26] А. Н. Зограф, Распространение находок античных монет на Кавказе, ТОНГЭ, т. 1, 1945, стр. 36.

[27] К. В. Голенко, О монетах, приписываемых Савмаку, ВДИ, 1951, № 4, стр. 199 слл.

[28] Б. А. Куфтин, Материалы к археологии Колхиды, II, Тбилиси, 1950, стр. 54 сл.

[29] Обе находки в Гос. музее Грузии, не опубликованы.

[30] Д. Капанадзе и К. Голенко, К вопросу о происхождении колхидок, ВДИ, 1957, № 4, стр. 88 слл.

хидок совместно с большим числом монет другой категории. В других комплексах привозные монеты выступают лишь в качестве сопровождающего материала, представленного единичными экземплярами. Замкнутость денежного обращения античной Колхиды, редкость находок синопских драхм в этом районе и их хронологическая компактность в нашем кладе — все это может указывать на то, что в момент, когда зарывали клад колхидок, обычный по своему составу, к нему были прибавлены синопские драхмы, не бывшие или почти не бывшие в обращении.

Если не считать упоминания о находке синопской драхмы IV в. до н. э. в районе Сухуми (Зограф, Распространение, № 59), то наш клад является первым случаем открытия синопских автономных монет в Закавказье [31]. Наличие в нем синопских драхм служит ценным свидетельством торговых связей Синопы с Колхидой. Торговля этого города с Северным Причерноморьем хорошо прослеживается по эпиграфическим памятникам и материалам раскопок — керамической таре [32] и керамическим строительным материалам (Максимова, ук. соч., стр. 158 сл.) синопского происхождения. К сожалению, для Восточного Причерноморья эти материалы почти неизвестны, так как археологические исследования приморских городищ начаты только в последние годы.

Находка синопских монет в районе Кобулети не может явиться для нас неожиданностью, если вспомнить, что поселения, расположенные восточнее Синопы (кроме Амиса), были колониями и торговыми факториями этого города (там же, стр. 70). Самым крупным из них и дальше всего расположенным на восток был Трапезунд. Характерно, что, если не принимать во внимание эпизодического выпуска трапезундских монет, все эти города не имели собственной монеты и, очевидно, пользовались синопскими драхмами. Не исключена возможность, что в район Кобулети синопские монеты попали именно через Трапезунд, с которым связи Колхиды в более позднее время прослеживаются очень хорошо. Так или иначе, наш клад должен рассматриваться в связи с экономической экспансией Синопы в юго-восточный район Причерноморья. Колхо-синопские торговые отношения, неоднократно упоминаемые в «Анабазисе» Ксенофонта, не могли существовать без организации торговых поселений и каботажного плаванья. Возможно, что поселение в районе Пичвнари играло роль посредника в этих связях, что подтверждается смешанным характером археологического материала городища. Само местоположение городища на берегу моря и у устья судоходной в определенное время года реки позволяет рассматривать его как гавань. Наши предположения подтверждает и нумизматический материал — помимо публикуемого клада, отмеченные выше находки колхидок с кизикином и александровского типа статером обнаружены именно в районе Кобулети-Пичвнари.

---

[31] Исключая, естественно, медь городов Понта и Пафлагонии времени Митридата VI, имевшую широкое распространение в Северном Причерноморье и в Западном Закавказье, ср. Д. Г. Капанадзе, К вопросу об экономических связях Северного и Восточного Причерноморья в античную эпоху по нумизматическим данным, сб. «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху», М., 1959, стр. 145 сл. Проникновение этих монет в указанные районы следует объяснять прежде всего включением их в державу Митридата VI.

[32] Б. Н. Граков, Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов, М., 1928.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

СПИСОК МОНЕТ КЛАДА

№№	Штамп лицевой стороны	Штамп оборотной стороны	Вес, *г*	Соотношение осей	Место хранения
		Синопские монеты			
		Подгруппа I			
		NEY			
1	I	1	4,83	↓	ГМАдж.
		ΔIO			
2	II	2	5,06	↙	ГМАдж.
3	III	3	5,10	↓	ГМАдж.
4	IV	4	4,78	↙	ГМАдж.
5	V	5	5,07	↙	ГМАдж.
6	V	5	5,11	↙	ГМАдж.
		ΠOΛY			
7	V	6	4,99	↓	ГМАдж.
		ΣΦAI			
8	VI	7	5,11	↘	ГМАдж.
9	VII	8	4,97	↓	ГМАдж.
		Подгруппа II			
		АГРЕΩΣ — Six, ук. соч., стр. 33, № 57; Recueil[33], стр. 195**			
10	VIII	9	5,02	↓	ГМАдж.
11	VIII	10	4,98	↓	ГМАдж.
12	IX	11	5,02	↓	ГМГ
13	IX	11	5,00	↓	ГМАдж.
14	IX	11	4,93	↓	ГМАдж.
5	IX	11	4,91	↓	ГМАдж.
16	X	12	4,96	↓	ГМАдж.
17	XI	13	4,93	↓	ГМАдж.

[33] Все ссылки даны по 2-му изд.

Продолжение

СПИСОК МОНЕТ КЛАДА

№№	Штамп лицевой стороны	Штамп оборотной стороны	Вес, г	Соотношение осей	Место хранения
18	XI	14	5,00	↓	ГМАдж.
19	XII	15	5,09	↓	ГМАдж.
20	XIII	16	5,00	↓	ГМАдж.
21	XIII	16	4,91	↓	ГМАдж.
22	XIII	17	4,91	↓	ГМАдж.
23	XIV	18	5,08	↓	ГМАдж.
24	XIV	19	5,01	↓	ГМАдж.
25	XIV	20	5,04	↓	ГМАдж
26	XIV	21	5,02	↓	ГМАдж.
27	XV	22	5,07	↓	ГМАдж.
28	XV	23	5,02	↓	ГМАдж.
29	XVI	24	4,96	↓	ГМГ
30	XVII	25	5,06	↓	ГМАдж.
31	XVIII	26	5,03	↓	ГМАдж.
	ΔIOY —Six, ук. соч., стр. 33, № 56; Recueil, стр. 195 **				
32	XIX	27	5,15	↓	ГМАдж.
33	XIX	27	5,10	↙	ГМАдж.
34	XIX	28	5,10	↓	ГМАдж.
35	XIX	29	5,06	↓	ГМАдж.
36	XX	30	4,96	↓	ГМАдж.
37	XXI	31	5,03	↓	ГМАдж.
38	XXII	32	5,01	↓	ГМАдж.
39	XXIII	33	4,97	↓	ГМАдж.
40	XXIII	33	4,91	↓	ГМАдж.
41	XXIII	34	5,01	↓	ГМАдж.
42	XXIII	35	4,98	↓	ГМАдж.
43	XXIII	36	4,94	↓	ГМАдж.

Продолжение

СПИСОК МОНЕТ КЛАДА

№ №	Штамп лицевой стороны	Штамп оборотной стороны	Вес, г	Соотношение осей	Место хранения
44	XXIV	37	4,94	↓	ГМАдж.
45	XXV	38	5,08	↓	ГМАдж.
46	XXVI	39	4,93	↓	ГМАдж.
47	XXVI	40	5,10	↓	ГМАдж.
48	XXVI	40	5,06	↓	ГМАдж.
49	XXVI	40	5,06	↓	ГМАдж.
50	XXVI	40	5,01	↓	ГМАдж.
51	XXVI	40	5,00	↓	ГМАдж.
52	XXVI	41	5,00	↓	ГМГ
53	XXVII	42	5,05	↓	ГМАдж.
54	XXVII	43	4,94	↓	ГМАдж.
55	XXVIII	43	4,95	↓	ГМАдж.
56	XXVIII	43	5,05	↓	ГМАдж.
57	XXVIII	43	5,04	↓	ГМГ
58	XXVIII	43	4,99	↓	ГМАдж.
59	XXVIII	43	5,08	↓	ГМАдж
60	XXVIII	44	5,05	↓	ГМАдж.
61	XXVIII	45	4,97	↓	ГМАдж.
62	XXIX	46	4,99	↓	ГМАдж.
63	XXX	47	5,12	↓	ГМАдж.
64	XXX	47	5,00	↓	ГМАдж.
65	XXX	47	5,00	↓	ГМАдж.
66	XXX	48	5,09	↓	ГМАдж.
67	XXX	48	5,06	↓	ГМАдж.
68	XXX	48	5,03	↓	ГМАдж.
69	XXX	48	5,02	↓	ГМАдж.
70	XXX	48	5,02	↓	ГМАдж.
71	XXX	48	4,96	↓	ГМАдж.

СПИСОК МОНЕТ КЛАДА

№№	Штамп лицевой стороны	Штамп оборотной стороны	Вес, *г*	Соотношение осей	Место хранения
72	XXXI	49	5,07	↓	ГМАдж.
73	XXXII	50	5,03	↓	ГМГ
74	XXXII	51	4,89	↓	ГМАдж.
	КАЛЛІА — Six, ук. соч., стр. 33; № 53; Recueil, стр. 195**				
75	XXXIII	52	4,99	↓	ГМАдж.
76	XXXIV	53	5,03	↓	ГМАдж.
77	XXXV	54	5,01	↓	ГМАдж.
		НРОΞЕ			
78	XXXVI	55	4,98	↓	ГМАдж.
		ФАГЕТА			
тяжелые драхмы (*с акростилем*) — Six, ук. соч., стр. 35, № 71; Recueil, стр. 193**					
79	XXXVII	56	6,03	↓	ГМГ
80	XXXVIII	57	6,01	↓	ГМАдж.
легкие драхмы (*без акростила*) — Six, ук. соч., стр. 33, № 55; Recueil стр. 195**					
81	XXXIX	58	4,97	↓	ГМАдж.
82	XL	59	5,03	↓	ГМАдж.
83	XL	59	4,92	↓	ГМГ
84	XL	60	4,98	↓	ГМАдж.
85	XL	60	4,98	↓	ГМАдж.
86	XL	60	4,94	↓	ГМАдж.
87	XLI	61	5,00	↓	ГМАдж.
88	XLII	62	5,17	↓	ГМАдж.
89	XLII	62	4,88	↓	ГМАдж.
90	XLIII	63	5,06	↓	ГМАдж.
		(ФАГЕ)			
91	XLIII	64	4,98	↓	ГМАдж.
92	XLIII	65	5,15	↓	ГМАдж.
93	XLIII	65	5,02	↓	ГМАдж.
94	XLIII	65	4,98	↓	ГМАдж.
95	XLIV	66	5,04	↘	ГМАдж.
96	XLIV	66	5,01	↘	ГМАдж.

Продолжение

СПИСОК МОНЕТ КЛАДА

№№	Штамп лицевой стороны	Штамп оборотной стороны	Вес, г	Соотношение осей	Место хранения
97	XLV	67	5,00		ГМАдж.
98	XLV	67	4,91		ГМАдж.
	ΛΕΩΜ — Six, ук. соч., стр. 34, № 64; Recueil, стр. 196 **				
99	XLVI	68	5,00		ГМАдж.
	ΔΙΟΝ — Recueil, стр. 195 **				
100	XLVII	69	4,96		ГМГ
	HPΩN — там же				
101	XLVIII	70	4,94		ГМАдж.
	ΙΚΕΣΙΟ — там же				
102	XLIX	71	4,95		ГМАдж.
	Колхидские монеты				
103	I	1	2,23		ГМАдж.
104	II	2	1,92		ГМАдж.
105	III	3	2,15		ГМАдж.
106	IV	4	2,03		ГМАдж.
107	V	5	2,04		ГМАдж.
108	VI	6	2,01		ГМАдж.
109	VII	7	2,10		ГМАдж.
110	VIII	8	1,89		ГМАдж.
111	IX	9	2,21		ГМАдж.
112	IX	10	2,05		ГМАдж.
113	X	11	2,15		ГМАдж.
114	XI	12	2,21		ГМАдж.
115	XII	13	2,18		ГМАдж.
116	XII	14	1,79		ГМАдж.
117	XIII	15	1,97		ГМАдж.
118	XIV	16	2,07		ГМАдж.
119	XV	17	2,23		ГМАдж.
120	XVI	18	2,08		ГМАдж.
121	XVII	19	2,17		ГМАдж.
122	XVIII	20	1,99		ГМАдж.
123	XIX	21	2,10		ГМАдж.
124	XX	22	1,95		ГМАдж.

Продолжение

СПИСОК МОНЕТ КЛАДА

№№	Штамп лицевой стороны	Штамп оборотной стороны	Вес, г	Соотношение осей	Место хранения
125	XXI	23	1,86		ГМАдж.
126	XXII	24	2,19		ГМАдж.
127	XXIII	25	2,15		ГМАдж.
128	XXIV	26	2,06		ГМАдж.
129	XXV	27	2,15		ГМГ
130	XXVI	28	2,20		ГМАдж.
131	XXVII	29	2,08		ГМАдж.
132	XXVII	29	2,07		ГМАдж.
133	XXVIII	29	1,97		ГМАдж.
134	XXIX	30	2,09		ГМАдж.
135	XXX	31	2,01		ГМАдж.
136	XXXI	32	2,08		ГМАдж.
137	XXXII	33	2,08		ГМАдж.
138	XXXIII	34	2,06		ГМАдж
139	XXXIV	35	2,16		ГМАдж.
140	XXXV	36	2,11		ГМАдж.
141	XXXVI	37	2,16		ГМАдж.
142	XXXVII	38	2,10		ГМАдж.
143	XXXVIII	39	1,90		ГМГ
144	XXXIX	40	1,84		ГМАдж.
145	XL	41	1,98		ГМАдж.
146	XLI	42	2,10		ГМАдж.
147	XLII	43	2,01		ГМАдж.
148	XLIII	44	2,07		ГМАдж.
149	XLIV	45	2,01		ГМАдж.
150	XLV	46	2,09		ГМАдж.
151	XLVI	46	2,06		ГМАдж.
152	XLVI?	46	2,09		ГМАдж

Продолжение

СПИСОК МОНЕТ КЛАДА

№№	Штамп лицевой стороны	Штамп оборотной стороны	Вес, г	Соотношение осей	Место хранения
153	XLVI?	46	2,00	↘	ГМАдж.
154	XLVI?	47	2,15	↗	ГМАдж.
155	XLVII	48	2,06	↖	ГМАдж.
156	XLVIII	49	2,12	↗	ГМГ
157	XLIX	50	1,85	↗	ГМАдж.
158	L	51	1,90	↗	ГМАдж.
159	LI	52	1,80	↙	ГМАдж.
160	LII	53	1,89	↗	ГМАдж.

Ю. К. Колосовская

ЗАВОЕВАНИЕ ПАННОНИИ РИМОМ

Завоевание Паннонии является важнейшей частью внешней политики Августа и самым непосредственным образом связано с проблемой проникновения римлян в Иллирик вообще. Как известно, в дела иллирийских народов римляне вмешались уже в III в. до н. э., когда в результате Первой Иллирийской войны они поставили под свой контроль греческие города Адриатического побережья — Аполлонию, Коркиру, Эпидамн, отторгнув от владений Тевты области парфинов (вокруг Эпидамна) и атинтанов, пограничные с Северным Эпиром. Базируясь затем на эти города, римляне постепенно, сначала вдоль побережья, продвигались на север. Следующий период до времени войны с Персеем отмечен переменным успехом, когда греческие города и иллирийские общины то становились под контроль Рима, то попадали в зависимость от Македонии. Решающее значение для упрочения римских позиций в Иллирике имело завоевание Македонии. Территория новой провинции стала использоваться теперь для походов внутрь иллирийских областей. Последовавшее в 183 г. до н. э. основание Аквилеи, ставшей отправным пунктом военного и экономического проникновения римлян в бассейн Среднего Дуная, дало возможность начать продвижение в иллирийские области также и с севера, на что уже обращал внимание Г. Циппель [1]. Именно из Аквилеи направлялись походы сначала против теврисков и карнов, затем яподов и, наконец, паннонцев. Продвижение римлян в Иллирик одновременно с севера и юга привело в конце концов к завоеванию значительной области и имело своим результатом возникновение в 118 г. до н. э. новой провинции Иллирика [2]. Однако внутренние глубинные области современной Боснии, позднейшая провинция Далмация, точно так же как и еще более северные районы вдоль течения реки Савы, оставались вне римской власти.

Эти результаты действий римлян в Иллирике едва не были ликвидированы во время гражданской войны Цезаря и Помпея. Далматские племена отложились от Рима и постоянно подвергали нападению римские города на побережье. В то время как колонии римских граждан — Салона, Скардона и Нарона — встали на сторону Цезаря, местные племена и союзные римлянам общины, как Исса, поддерживали Помпея [3]. Сама

[1] G. Zippel, Die römische Herrschaft in Illyricum bis auf Augustus, B., 1877, стр. 133.

[2] Zippel, ук. соч., стр. 189.

[2] Caes, BC, III, 9, 1, BAL., 44, Cic., Ad Fam., 5, 10a, 3; Appian, Illyr., 13; Zippel, ук. соч., стр. 201—204.

территория Иллирика стала местом упорной борьбы триумвиров за власть, так что по окончании гражданской войны провинция оказалась совершенно ослабленной и опустошенной, а римское владычество едва не утраченным (Girt., BAL., 42). Это отмечает Аппиан в качестве одной из причин выступления Октавиана в Иллирик, когда одни племена, как он пишет, еще не стали покорны римлянам, другие отпали во время гражданских войн. В этом отношении Иллирийские войны Октавиана 35—33 гг. до н. э. могут и должны рассматриваться как продолжение и дальнейшее развитие тех действий против иллирийских народов, начало которым было положено уже войной 229—228 гг. до н. э.

Следует отметить также, что продвижение римлян в Иллирик сопровождалось упорной борьбой местных племен против Рима. Наши источники постоянно отмечают, что римские колонии и опорные пункты подвергаются нападению и опустошению со стороны пограничных иллирийских народов. В конце концов сопротивление римской агрессии и жестоким провинциальным порядкам вылилось в 6—9 гг. н. э. в грандиозное восстание панноно-далматских племен. Подавление этого восстания приняло характер обратного завоевания только что покоренных народов и оказалось для римлян еще более трудным и сложным, чем первое проникновение в эти области.

Первый этап покорения Паннонии составляет часть Иллирийских войн Октавиана 35—33 гг. до н. э., когда были завоеваны крайние южные области будущей провинции, хотя попытки подчинить паннонские племена предпринимались римлянами уже в середине II в. до н. э. Вторая война 13—9 гг. до н. э. направлялась непосредственно против паннонских племен и в результате нее была присоединена остальная Паннония вплоть до Среднего течения Дуная. Если относительно войны Тиберия 13—9 гг. до н. э., второго этапа покорения Паннонии, вовсе отсутствуют специальные исследования, то Иллирийские войны Октавиана вызвали весьма обширную литературу и продолжают привлекать внимание до сих пор [4], поскольку они самым непосредственным образом связаны с историей Второго триумвирата и с проблемой завоевания римлянами Иллирика вообще. Именно в связи с этой последней рассматривал кампанию Октавиана Г. Циппель, в то время как политические причины войны были отмечены К. Пачем и еще ранее И. Кромайером. Штрассбургер и Кеннер в своих исследованиях, в значительной мере уже устаревших, в связи с историей возникновения провинции Паннонии также обращались к этой войне [5]. Вместе с тем отсутствие до сих пор общей истории провинции, так же как почти столетняя давность этих первых исследований о Паннонии, представляется мне достаточным основанием, чтобы вернуться к рассмотрению ее завоевания римлянами, что важно не только для выяснения самого характера покорения паннонских племен, но и для воссоздания общей истории этой наиболее значительной из дунайских провинций империи [6].

Первое решительное выступление против паннонских племен, как я уже отмечала, является составной частью Иллирийских войн Октавиана 35—33 гг., направлявшихся сначала против заальпийских, затем паннонских и далматских народов. Известно, что поход Октавиана в Иллирик последовал на другой год после разгрома Секста Помпея, когда борьба триумвиров за власть еще не закончилась. Наши источники, а вслед за

---

[4] W. Schmitthenner, Octavians militärische Unternehmungen in der Jahren 35—33 v. Chr., «Historia», 7 (1958), стр. 189—236.

[5] Strassburger, Quomodo et quando Pannonia Provincia Romana facta sit, «Dissertationes Hallae», 1875; Fr. Kenner, Noricum und Pannonien, B., 1870.

[6] P. Oliva, Pannonie a počátky krize Římského imperia, Praha, 1959, рассматривает историю Паннонии в период кризиса III в. н. э. и на фоне этого кризиса.

ними и современные исследования называют несколько причин, побудивших Октавиана отправиться на завоевание областей, пограничных с Италией на северо-востоке. Прежде всего указывается, что Октавиан руководствовался стремлением обезопасить северные области Италии, что завещал ему еще Цезарь [7]. Как сообщает Аппиан, Август выступил против иллирийцев, грабивших Италию. Одни из них, продолжает он далее, никогда не были подчинены римлянам, другие отпали во время гражданских войн [8]. Далее, этим походом Октавиан хотел занять огромное войско и флот, оказавшиеся у него после победы над Секстом Помпеем и перехода на сторону Октавиана африканских легионов Лепида [9]. Теперь это огромное войско следовало занять делом, более почетным, чем гражданская война, тем более что войско, победившее Секста Помпея, требовало тех же наград, какие были даны солдатам после битвы при Филиппах, и скорейшего роспуска. Октавиан вынужден был обещать легионам, что поведет их уже не на гражданскую войну, а против иллирийцев, где солдаты смогут обогатиться (Appian, BC, V, 127; 128). Этим достигалось также и то, что солдаты одновременно получали практику в ведении внешней войны [10]. Материальную заинтересованность войска в войне отмечает и Дион Кассий, когда он сообщает относительно похода Октавиана против паннонских племен: он выступил против них не потому, что они поступили несправедливо по отношению к Риму, но для того, чтобы одновременно с упражнением войска во внешней войне содержать его на средства чужеземных народов [11].

Далее, наши источники указывают, что походом 35—33 гг. Октавиан преследовал также войну против даков. Об этом сообщают Аппиан и Страбон. Захватывая город паннонцев — Сискию, Октавиан намеревался использовать его в качестве базы для планируемой еще Цезарем войны против даков [12]. Наконец, в качестве причин проникновения Октавиана в Иллирик нашли отражение также и мотивы политического характера, определившие направление этой войны. Это особенно подчеркивают А. Домашевский, К. Пач, Е. Свѓбода и В. Гардтхаузен, указывая, что

---

[7] Appian, BC, II, 110; Illyr., 13; Suet., Caes., 44, 3; Aug., 8,2; Strabo, VII, 3, 5.

[8] Strabo, VII, 3, 11; 5, 2; Appian, BC, V, 145; также Illyr., 15; 16.

[9] Appian, BC, V, 127; Oros., VI, 8, 33; 20. По словам Аппиана, армия Октавиана к 36 г. до н. э. насчитывала 45 легионов тяжеловооруженных, 25 000 конницы, в полтора раза больше, чем число конницы легковооруженных, и 600 судов. На завоевание Иллирика отправились, разумеется, не все 45 легионов. Вейт определяет армию Октавиана в 8—12 легионов (G. Veith, Die Feldzüge des C. Julius Caesar Octavianus in Illyrien, Schriften der Balkankommission, Antiquarische Abteilung, VII, Wien, 1914, стр. 108—109), Свѓбода — в 10 легионов (E. Swóboda, Octavian und Illyricum, «Verein klassischer Philologen in Wien», Parerga I, Heft 1, стр. 88—96). Р. Сайм, исследуя размещение римских войск в провинциях при Августе, определил число легионов, участвовавших в подавлении паннонo-далматского восстания, в пять (R. Syme, Some Notes on the Legions under Augustus, JRS, т. XXIII (1933), стр. 25—28). Считая, что первичное завоевание является более легким, чем обратное завоевание, а именно так выглядело подавление восстания, Р. Сайм отмечает, что иллирийская армия Октавиана не могла насчитывать 10 легионов; см. также R. Syme, JRS, т. XXIV (1934), стр. 68.

[10] Appian, BC, V, 128; Illyr., 16; 28; Vell. Pater., II, 78, 1—2.

[11] Dio Cass., XLIX, 36, 1... ἐπὶ Παννονίους ἐπεστράτευσεν, ἔγκλημα μὲν οὐδὲν αὐτοῖς ἐπιφέρων (οὐδὲ γὰρ οὐδ' ἠδίκητό τι ὑπ' αὐτῶν), ἵνα δὲ δὴ τοὺς στρατιώτας ἀσκῇ τε ἅμα καὶ ἐκ τῶν ἀλλοτρίων τρέφῃ. Ф. Мильтнер указывал, что поход против одних вряд ли явился бы в этом отношении достаточным прикрытием Италии с северо-востока. F. Miltner, Augustus'Kampf um die Donaugrenze, «Klio», т. XXX, 1937, стр. 201—203.

[12] Appian, Illyr., 22; 24; Strabo, IV, 6, 10; VII, 5, 2; J. Kromayer, Kleine Forschungen zur Geschichte des Zweiten Triumvirats, «Hermes» т. XXXIII, 1898, стр. 2; Patsch, ук. соч., стр. 58; Miltner, ук. соч., стр. 204—205.

война была необходима, но не столько для самого государства, сколько для личной политики Августа [13]. К. Пач считает, что поход в Иллирик был задуман Октавианом давно и что за создание иллирийской армии он взялся сразу же после соглашения с Антонием. Иллирийское войско боролось против Секста Помпея, далее в войнах по завоеванию Иллирика, наконец, под командованием Статилия Тавра оно победило в битве при Акции. Именно ухудшение взаимоотношений с Антонием зимой 35—34 гг. до н. э. вызвало изменение планов Октавиана. Взяв Сискию в 35 г. до н. э., Октавиан не пошел дальше, а отправился в Рим, и в следующем году он начал военные действия не против даков, но против далматов [14]. Статилий Тавр, которому Октавиан поручил замирение далматских племен, старался придвинуться к сфере владения Антония, к границам Македонии.

Несомненно, политические намерения самого Октавиана имели первостепенное значение в выборе им именно этого, иллирийского направления, хотя это и нашло меньшее отражение в источниках, чем причины внешнего порядка. Не представляется только возможным безусловное разграничение политических и военных причин, обусловивших поход Октавиана в Иллирик. В качестве побудительных мотивов этой войны в равной мере следует учитывать как причины политического характера, так и соображения о внешней безопасности Северной Италии и, следовательно, о дальнейшем продвижении римлян в иллирийские области. Эти причины внешнего и внутреннего порядка тем более могли действовать вместе, что всякий успех Октавиана во внешних делах несомненно должен был способствовать и его политическому упрочению. Аппиан так и отмечает, что, когда Август все прибрал к рукам, он доложил сенату, что в отличие от бездеятельности Антония намеревается освободить Италию от набегов соседних племен (Appian, Illyr., 16). Поэтому поход мог восприниматься «сенатом и народом римским» как забота Октавиана о безопасности Италии, причем сам он представлялся в этом случае в весьма выгодном свете по сравнению с Антонием, который ничего не предпринимал в Македонии и пребывал при дворе Клеопатры. Иллирик, который входил в сферу действий Октавиана на основании соглашения, заключенного в 40 г. до н. э. в Брундизии между ним и Антонием, был выбран Октавианом, конечно, не случайно в качестве места его дальнейших действий. Как известно, это соглашение Аппиан определяет таким образом, что Август и Антоний разделили между собой все римское государство. Границей их сфер влияния стал город Скодра в Иллирии (совр. Шкодер в Албании). Все на запад от Скодры до Океана принадлежало Октавиану, на восток до Евфрата — Антонию [15]. Уже отмечалось, что вследствие близости Иллирика к Италии овладение его позициями имело огромное стратегическое значение. Это учитывал, по-видимому, и Цезарь, когда одновременно с Галлией он получил по закону Ватиния в 59 г. до н. э. и Иллирик [16]. Действуя в Галлии, Цезарь посетил дважды и эту провинцию; первый раз в 57 г. до н. э., второй раз в 54 г. до н. э. Чтобы сделать невозможным

[13] A. v. Domaszewski, Die Beneficiarposten und die Strassennetze des römischen Reiches, «Westdeutsche Zeitschrift» т. 21 (1902), стр. 163; V. Gardthausen, Augustus und seine Zeit, Lpz, 1891—1904, т. I, ч. 1, стр. 317—318; C. Patsch, Beiträge zur Völkerkunde von Südosteuropa, V, Bis zur Festsetzung der Römer in Transdanubien, SBAWW, Phil.-hist. Kl., т. 214, вып. 1, Wien, 1932, стр. 63—66.

[14] Appian, Illyr., 27; Dio Cass., XLIX, 38, 4; Patsch, ук. соч., стр. 65.

[15] Appian, BC, V, 65; Dio Cass., XLVIII, 28,4; L, 6, 4; Plut., Ant., 30,4.

[16] Plut., Caes., 14; Pomp., 48; Cato Junior, 33; Crass., 14; Suet., Caes., 22; Dio Cass., XXXVIII, 8,5; Eutr., VI, 17; Oros., VI, 7; Zippel, ук. соч., стр. 180—182.

вторжение помпеянцев в Италию по суше, Цезарь неоднократно посылал в Иллирик своих легатов, один из которых, Гай Антоний, был совершенно разбит в Северном Иллирике легатами Помпея в 49 г. до н. э.[17]. Сам Цезарь, как известно, ничего не сообщает об этом поражении в своих Записках. Действия Корнифиция и Габиния были также мало удачны. Римские города на побережье, занявшие сторону Цезаря, подвергались осаде помпеянцев, и местные, далматские племена держали сторону Помпея. Общеизвестна осада помпеянцами Салоны, которая была снята лишь в результате отчаянной и решительной вылазки самих осажденных. Осаду с Эпидавра Ватинию удалось снять только после победы над помпеянским флотом вблизи далматских берегов. Наконец, известно, что Брут, получивший на 43 г. до н. э. наместничество в Македонии, поставил под свой контроль не только войска Македонии, но Греции и Иллирика; тем самым Балканский полуостров оказался в руках сенатской партии [18]. Как отмечает Дион Кассий, Бруту будто бы были переданы все тамошние страны: τὰ ἐκεῖ χωρία — XLVII, 22, 2, 3. Именно Иллирик и Македония явились теми областями, где после смерти Цезаря республиканцы собирали силы для решительной борьбы, и именно здесь произошли потом последние битвы за республику. Все это, естественно, учитывал Октавиан и потому старался укрепиться в Иллирике. Для него Иллирик должен был сыграть примерно ту же роль, что для Цезаря Галлия. В результате успешного осуществления похода 35—33 гг. до н. э. Октавиан получал войско, обязанное своими успехами и материальным благополучием лично ему самому, одновременно достигалось дальнейшее продвижение римских границ на северо-восток и подчинение власти Рима новых народов. Выбор Октавианом именно этого направления был единственно возможным, так как Иллирик все еще оставался областью, где позиции римлян были достаточно неопределенны.

Поход 35 г. до н. э. начался с покорения заальпийских яподов, затем Октавиан выступил против паннонских и далматских народов.

Наши источники сообщают, что армия Октавиана, отправляясь против иллирийских народов, собралась в Сении (совр. Сень в Югославии на побережье Адриатического моря), которой она достигла с двух сторон. Одна сухопутная армия под командованием самого Октавиана выступила из Тергесте (соврем. Триест) по суше в направлении на юго-восток. Другая армия во главе с Агриппой пришла сюда морем с юга, из Сицилии. Эта часть армии, главным образом флот, действовала вдоль морского побережья Далмации (совр. Хорватии) против прибрежных иллирийских народов и прежде всего либурнов [19]. Римлянам удалось захватить весь флот либурнов (Appian, Illyr., 16). Этими действиями флота руководил Агриппа, который и далее сопровождал Октавиана в этом походе (Illyr., 20).

Путь обеих соединившихся в Сении армий лежал теперь на северо-восток, в направлении страны яподов. Сопротивление местного населения, так же как и обилие гор, высотой до 1800 *м*, покрытых непроходимыми лесами, труднодоступные скалы, через которые не могут пробиться к морю реки, чрезвычайно затрудняли продвижение римлян. Хотя яподы не входили в число паннонских народов, история покорения этого смешанного кельто-иллирийского племени, пограничного с паннонцами на северо-востоке, представляет интерес в том отношении, что дает

[17] Liv., Epit., 110; Flor., II, 13; Dio Cass., XLI, 40; Appian, BC. II, 47; Suet., Caes., 36.

[18] Patsch., ук. соч., стр. 52; Zippel, ук. соч., стр. 203 слл., 212.

[19] Kromayer, ук. соч., стр. 4; Zippel, ук. соч., стр. 267, считает, что эти действия римского флота являлись только подготовкой к походу.

необычайно яркое свидетельство для суждения о том, как происходило завоевание иллирийских областей, тем более важное, что для собственно паннонских племен отсутствует такое детальное описание. Некоторые незначительные общины яподов сдавались римлянам без боя или при их приближении сбегались из деревень в укрепленные места (App., Illyr., 16—18), а когда римляне подходили совсем близко, покидали свои укрепления и уходили в леса, оставляя, таким образом, страну пустой.

При взятии главного города яподов, Метула, римляне встретили упорное и отчаянное сопротивление. Аппиан, наш главный источник для Иллирийских войн Октавиана, использовавший в своем сообщении мемуары Августа (Illyr., 14; 15), оставил описание гибели Метула. Город располагался на двух высоких и острых холмах, покрытых лесом. Между холмами находилось узкое ущелье. Город имел стены, снабженные римскими оборонительными сооружениями, захваченными яподами в результате войны, которую вел в Иллирике Брут с Августом и Антонием (Illyr., 19).

Первая атака римлян не удалась. Хорошо вооруженные 3000 горожан, молодых защитников Метула, отогнали римлян от стены города и повредили их осадную насыпь. Когда же римляне разрушили стену города, то изнутри оказалась вторая, которую защитники спешно соорудили; оставив первую стену, осажденные перешли за эту новую, вторую. Против новой стены осаждавшие соорудили насыпь и от нее четыре моста для перехода от насыпи на стену. Приготовившись к нападению на город, римляне зашли в тыл осажденным, чтобы отвлечь их внимание от стены. Но осажденные сбрасывали римских солдат, взбиравшихся на стену по этим мостам, вниз, в пропасть. Три римских моста пали таким образом, и всеобщая паника охватила римлян, и никто не хотел взойти на четвертый мост до тех пор, пока сам Август, взяв щит, не побежал. Но и тогда римляне не воодушевились. Когда Октавиан уже почти вступил на последний, четвертый, мост, войско, устыдившись, бросилось за ним. Так описывает штурм Метула Аппиан. Однако этот последний мост также не выдержал тяжести и рухнул. В штурме Метула Октавиан был ранен в правую ногу и обе руки и вообще проявил в Иллирийской войне необыкновенное мужество. Затем Октавиан отдал приказ сооружать новые мосты [20]. На следующий день пришли послы от осажденных. По требованию римлян они выдали 50 заложников, которых отобрал сам Октавиан, и согласились оставить для римского гарнизона высокий холм, самим же переселиться на другой. Но новое требование римлян — сдать оружие — переполнило чашу терпения у осажденных. «Заперев своих жен и детей в булевтерии, поставив стражу (около него), они сказали стражникам, что если с ними самими произойдет что-либо непредвиденное, сжечь булевтерий; сами же они начнут нападать на римлян в рукопашную с отчаяния». Эта решительная атака была неудачной, так как осажденные нападали с более низкого холма, поскольку высокий холм они уже оставили по требованию римлян. Видя это, «охранявшие булевтерий подожгли его, многие из женщин убили своих детей и самих себя; другие, держа в руках еще живых детей, бросились в огонь. Так погибла в сражении вся молодежь Метула, бóльшая же часть из неспособных к войне — в огне. Город вместе с ними самими был целиком сожжен, и не осталось никакого следа, хотя он был величайшим в тех местах» — App., Illyr., 21. Аналогичное сообщает и Дион Кассий [21]. После этого сдались и остальные яподы, устрашенные судьбой Метула. Восставшие позены были жестоко

[20] A p p i a n, Illyr., 19—20; также S u e t., Aug., 20; L i v., Per., 131.

[21] D i o C a s s., XLIX, 35, 2—3. Местоположение Метула до сих пор не определено: A. G r a f, Übersicht der antiken Geographie von Pannonies, Budapest, 1936, стр. 8.

наказаны, а оставшиеся в живых проданы в рабство — Illyr., 21. Вообще, покорение заальпийских народов носило весьма жестокий характер, и некоторые из племен, как, например, салассии, были взяты голодом — λιμῷ παρεστήσατο — Appian., Illyr., 17.

Покорив заальпийских яподов и уничтожив их главный центр, Октавиан, следуя вдоль течения реки Колаписа (совр. Купа), правого притока Савы, вступил на землю Паннонии, еще не ставшую покорной римлянам: ὁ δὲ Καῖσαρ αὐτοῖς ἐπῆλθε διὰ τῆς Παιόνων γῆς, οὔπω Ῥωμαίοις οὐδὲ τῇδε ὑπηκόου γενομένης — Illyr., 22. Однако до времени Иллирийских войн римляне уже предпринимали походы против паннонцев, не приведшие к положительным результатам, хотя Дион Кассий, как мы видели, и отмечает, что римляне выступили против паннонцев, ни в чем не поступивших несправедливо по отношению к Риму, тем самым как бы свидетельствуя, что до времени войны Октавиана у римлян не было столкновений с паннонцами. Сама официальная римская традиция также дает свидетельство этому, когда Август в своих «Деяниях» отмечает, что до его власти к паннонским племенам никогда не доходило войско народа римского. Однако некоторые другие данные источников, и прежде всего наш главный авторитет в этом вопросе — Аппиан, совершенно определенно указывают, что выступления против паннонцев имели место до похода Октавиана. На этих свидетельствах в свое время останавливался Г. Циппель, который рассматривал их в хронологической последовательности проникновения римлян в Иллирик вообще (ук. соч., стр. 133—134). Мне представляется поэтому возможным вернуться к этим данным, поставив их в непосредственную связь с походом Октавиана, и рассматривать этот поход в той его части, которая имеет непосредственное отношение к завоеванию Паннонии, как дальнейшее развитие и продолжение первых действий римлян против паннонцев. Обратимся к этим свидетельствам, к сожалению, весьма фрагментарным.

Аппиан сообщает, что раньше римляне уже дважды нападали на землю сегестанов, но не захватили ни заложников, ни чего-либо другого: ἐς δὲ τὴν Σεγεστικὴν γῆν, οἱ Ῥωμαῖοι δὶς πρότερον ἐμβαλόντες, οὔτε ὁμήρους οὔτε ἄλλο τι εἰλήφεσαν — Illyr., 22. По этой причине, продолжает Аппиан, сегестаны очень возгордились. То, что Сиския-Сегестика была паннонской общиной, ясно видно из текста Аппиана: ἐς ὃ διῆλθεν ἐς τὴν Σεγεστανῶν, καὶ τῇδε Παιόνων οὖσαν, ἐπὶ τοῦ Σίου ποταμοῦ — Illyr., 22. Аппиан бегло упоминает о неудачных экспедициях против сегестанов, имевших место до Августа, и одну из них связывает с консулом Корнелием. В результате этого неудачного похода на всех италийцев напал столь великий страх, что много времени спустя никто из консулов не решался выступить против них [22]. Этим консулом, столь неудачно выступившим против паннонцев, был Гней Корнелий Лентул, консул 156 г. до н. э., на время которого приходятся многие войны [23]. По-видимому, именно этот поход знал и Полибий, как то можно предполагать из фрагмента, сохраненного Свидой. Свида пересказывает Полибия, а именно, что паннонцы с самого начала войны (не указывается, какой и когда) захватили какое-то [римское] укрепление и использовали его в качестве отправного пункта для своих атак и как склад для захватываемой добычи [24]. Далее Аппиан сообщает, что с приальпийскими яподами боролись

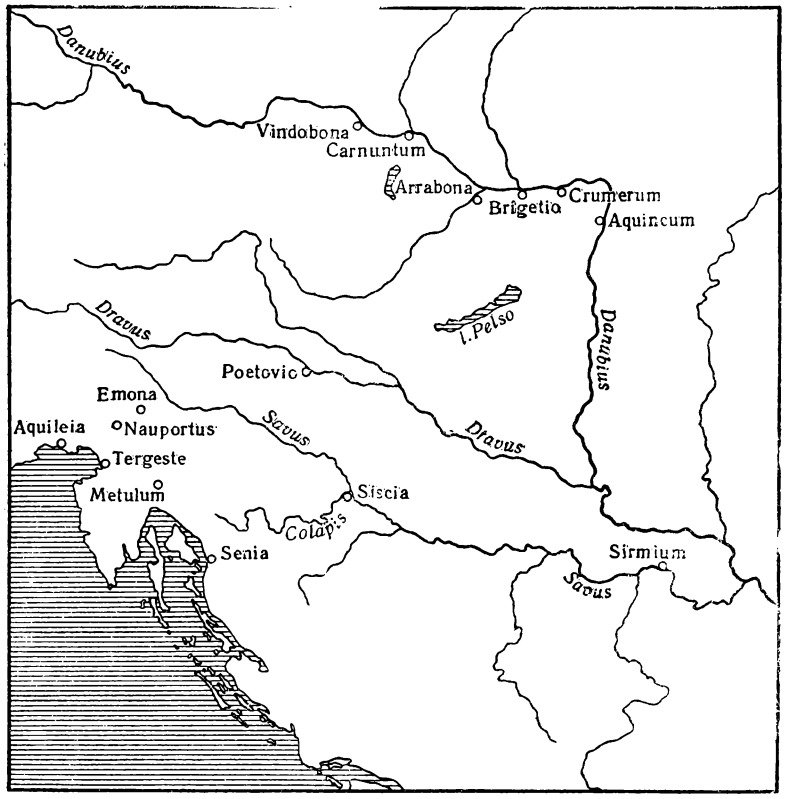
[22] Appian., Illyr., 14.

[23] Zippel, ук. соч., стр. 134—135.

[24] Polyb., fr. 122 в изд. Fr. Hultsch; т. IV, B., 1872, стр. 1381: τὸ δὲ φρούριον οἱ Παννόνιοι κατ' ἀρχὰς τοῦ πολέμου λαβόντες ὁρμητήριον ἐπεποίηντο καὶ εἰς ὑποδοχὴν τῶν λαφύρων ἐξηρτύκεσαν; Suid., s. v. ὁρμητήριον, изд. G. Bernhardy, т. II, 1853, стб. 1166.

Семпроний Тудитан и Тиберий Пандуза, и яподы им покорились, сегестаны же покорились Луцию Котте и Метеллу. Но немного времени спустя, продолжает Аппиан, оба народа отложились от Рима (Appian., Illyr., 10).

Известно, что Семпроний Тудитан одержал победу над приальпийскими яподами в 129 г. до н. э., за что имел триумф, хотя, по сообще-

нию Ливия, успехи Тудитана не были значительными [25]. Как свидетельствует надпись на памятнике Тудитана из Аквилеи, он боролся не против одних только яподов, но против теврисков, карнов и либурнов, о которых сказано, что он обратил их в бегство; за победы над яподами Тудитан имел в Риме триумф, дал игры в Тимаве [26], восстановил святыни этого лагеря, передал магистратам деньги, вырученные от продажи добычи [27]. В свое время Моммзен считал невозможным установить имя полководца (CIL., V, 8270), поскольку надпись плохо сохранилась. П. Грёбе и Г. Циппель, основываясь на Дионе Кассии (LIV, 20, 1), видели в нем Публия Силия Нерву, консула 20 г. до н. э., наместника Иллирика в 16 г. до н. э., на время наместничества которого приходится вторжение

[25] CIL, III, стр. 459; Z i v , Per., 59; Z i p p e l, ук. соч., стр. 137.

[26] Timavus — река вблизи Аквилеи, соврем. Тимаво. Считают, что Timavus назывался также первый римский лагерь (D e s s a u, ILS, 8885), который Тудитан построил, отправляясь в глубь страны яподов.

[27] A. D o b ó, Inscriptiones extra fines Pannoniae Daciaeque repertae ad res earundem provinciarum pertinentes, Budapest, 1940, т. I, стр. 81, № 494; CIL., V, 8270; ILS, 8885.

паннонцев вместе с нориками в области Истрии [28]. Надпись из Аквилеи окончательно подтверждает начало борьбы против яподов уже во II в. до н. э.

Известно, что в 118 г. до н. э. Метелл боролся против далматов (Liv., Per., 62; Appian., Illyr., 11) и в 117 г. до н. э. имел триумф за победу над ними, следовательно, выступить против сегестанов Луций Котта мог в 119 г. до н. э.

Походы против сегестанов предполагают, что римляне завоевали или каким-то образом устранили заальпийских яподов. Как это видно на примере войны Октавиана, путь к Сискии лежал через области заальпийских яподов, которых впервые подчинил римской власти Октавиан именно в результате Иллирийской войны, хотя попытки завоевать их предпринимались и ранее, в 70-х годах I в. до н. э., на что имеются некоторые указания источников [29]. Возможно, что 119 г. до н. э. Луций Котта достиг Сегестики, воюя против скордисков из Македонии [30]. В это же самое время римляне активно выступали и против карнов, своих северо-восточных соседей. В 115 г. Марк Эмилий Скавр имел триумф за победу над ними.

О действиях против паннонцев после 119 г. до н. э. и до времени похода Октавиана наши источники ничего не сообщают. Возможно, что попытки укрепиться в области Савы предпринимались неоднократно. На юго-запад позднейшей Паннонии, как известно, экономически римляне проникли уже во II в. до н. э. Области вокруг Эмоны (совр. Любляна), занятые теврисками и катарами, были одними из наиболее рано романизированных[31], так что можно полагать, что походы против паннонцев шли этим путем. Тем не менее до похода Октавиана Сава не являлась северной границей римского Иллирика, и ни одна из паннонских общин не была подчинена.

Теперь, с покорением заальпийских яподов, занимавших области по обе стороны древней Окры (совр. Юлийские Альпы) и граничивших на северо-востоке с паннонцами, открылась возможность развернуть широкие наступательные действия против паннонцев, хотя, возможно, этот путь до Сискии-Сегестики римляне проделали уже ранее.

Осада Сискии (по Диону Кассию) или Сегестики (по Аппиану и Страбону) дана не столь подробно, как то имело место относительно Метула. На основании Диона Кассия, но главным образом Аппиана, можно восстановить примерно следующий ход событий. При приближении римлян паннонцы, так же как и яподы, убегали в леса, убивая рассеивающихся римских солдат, и так как паннонцы не выходили навстречу римлянам с изъявлением покорности, то Октавиан отдал приказ опустошать их поля и все сжигать [31a]. После взятия Метула на восьмой день пути он подошел к Сискии-Сегестике (совр. Сисак на Саве в Югославии). Тогда жители города послали к Октавиану послов спросить, чего он хочет. Октавиан потребовал поставить в городе гарнизон, получить хлеба столько, сколько они могут дать, и выдать 100 заложников, т. е., по сути дела, подчиниться римлянам. Когда «первейшие граждане» города приняли условия римлян, простой народ, придя в ярость и не обращая внимания на

---

[28] P. Groebe, Triumph über die Taurisker (CIL, V, 8270), Klio, т. V (1905), стр. 105; Zippel, ук. соч., стр. 260 слл.

[29] Sallust., Hist., II, 42; N. Vulić, Japodes, RE, т. IX, стб. 725.

[30] B. Saria, Doneski k vojaški zgodovani našich krajev v rimski dobi, GMDS, Ljubljana, 1939, стр. 116.

[31] A. Mócsy, Die Bevölkerung von Pannonien bis zu den Markomannenkriegen. Budapest, 1959, стр. 17.

[31a] Appian., Illyr., 22; Dio Cass., XLIX, 37, 1—2.

уже выданных заложников, запирает ворота при приближении римского войска, становится на стены и приготавливается к защите города [32].

Сиския была хорошо укрепленным городом и вследствие своего местоположения, и вследствие старания самих горожан: город имел крепкие стены и башни. Расположенная при впадении в Саву Колаписа, Сиския была с двух сторон окружена водой. Римляне перекрыли реку мостом и соорудили палисады. Таким образом, город оказался отрезанным и с суши и со стороны реки. Осажденные совершали многочисленные вылазки против римлян; будучи не в состоянии прорвать осаду, они бросали сверху горящие факелы, поджигая тем самым осадные сооружения римлян. На помощь осажденным спешили отряды других паннонцев, но римляне встретили их в пути и разбили, и «уже больше никто из паннонцев,— заключает Аппиан,— не пришел к ним на помощь» (Illyr., 23). Примерно такой же характер носит сообщение Диона Кассия [33]. В сражении за Сискию погибли командующий флотом Октавиана Мена (или Менодор) и много других. Это был тот самый Помпей Мена, вольноотпущенник Секста Помпея, который командовал у него флотом. Видя падение последнего, Менодор в третий раз и уже окончательно перешел на сторону Октавиана, за что тот даровал ему всадническое достоинство [34]. Теперь Менодор был взят Октавианом в Иллирик в качестве командующего флотом, где и погиб [35]. Против римского флота местные жители выступили на своих лодках-однодеревках. Произошло несколько сражений на реке. Наконец город был взят на 30-й день от начала осады.

Вопрос о флоте, при помощи которого была взята Сиския, вызвал в свое время различные толкования. Упоминание о судах каких-то союзников, которые были взяты Октавианом для операций против Сискии, имеется только у Диона Кассия. К. Пач считал, что союзниками римлян в это время были дакийские цари, потомки Биребисты, с одним из которых, Котизоном, Октавиан якобы заключил союз в 35 г. до н. э., который прервался в 34 г., как только обнаружились истинные намерения римлян в отношении даков [36]. Пач основывается главным образом на Светонии (Aug., 63), который сообщает, что Антоний писал в своих мемуарах, что Октавиан обещал отдать в жены царю гетов Котизону свою дочь Юлию, обещанную ранее сыну Антония. Сам Октавиан намеревался взять себе в жены дочь Котизона. То, что триумвиры в борьбе за власть старались использовать и силы варварских государств, достаточно известно. Цезарь, например, получил от царя Норика Вокциона 300 всадников, которые прибыли к нему в Италию (Caes., BC, I, 18, 5). В то же время царь Нумидии Юба отправил большие силы в Утику на помощь помпеянцам в Африке (Caes., BC, II, 25; 26; BAL, 51). Точно так же и Октавиан и Антоний могли стараться заполучить даков в число своих друзей, и это нашло отражение в свидетельствах источников [37]. Однако вряд ли возможно предполагать союз Октавиана с даками именно в 35 г. до н. э. Некоторые соображения общего характера, а затем, как мне кажется, и данные источников не дают возможности согласиться с Пачем. Ведь Октавиан сам рассматривал иллирийскую кампанию как

---

[32] Appian, Illyr., 23; Dio Cass., XLIX, 37, 1—2.
[33] Dio Cass., XLIX, 37, 6.
[34] Appian, BC, V, 80; 102; Suet., Aug., 74; Dio Cass., XLIX, 1, 4—5; Н. А. Машкин, Принципат Августа, М., 1949, стр. 273.
[35] Appian., Illyr., 22; Dio Cass., XLIX, 37,5; Vell. Pat., II, 73, 3.
[36] Suet., Aug. 63; Patsch, ук. соч., стр. 59—60.
[37] Plut., Anton., 63, 6—7; Frontin., Strat., I, 10, 4; A. Alföldi, Zur Geschichte des Karpathenbeckens im I. Jahrhundert v. Chr., Budapest —Lpz., 1842, стр. 19—20.

выполнение предначертаний Цезаря о необходимости борьбы против даков [38], которые ко времени Августа распространили свою власть на Задунавье вплоть до Савы. Намерения Цезаря относительно даков, надо полагать, были хорошо известны Биребисте, точно так же, по-видимому, как и намерения Августа его преемникам: ведь, захватывая Сискию, Октавиан собирался воевать с даками, и Сиския должна была стать опорным пунктом римлян в их дальнейшем продвижении на север и в области даков. Пач сам отмечал (ук. соч., стр. 59), что взятие Октавианом с собой Менодора указывало на то, что операции на воде не должны были ограничиваться только захватом Сискии. Именно для продолжения военных действий Октавиан собирался вернуться в Иллирик весной 34 г. С этой целью и был оставлен в Сискии столь большой гарнизон, численностью более чем в два легиона. К. Пач правильно отмечал, что изменение планов Октавиана было вызвано ухудшением отношений между триумвирами и что это ухудшение наступило в 34 г. до н. э. Поэтому после захвата Сискии Октавиан направился не на север, далее против паннонцев или даков, а на юг против далматов, стараясь ближе продвинуться к границам Македонии, сфере действий Антония [39]. Можно только удивляться, как все эти приготовления и намерения римлян могли оставаться неизвестными дакам. Ведь в тот период области, занятые даками, не ограничивались далеким Семиградьем, как то было во времена Децебала. В это время даки являлись непосредственными соседями римлян не только в Македонии, но и в Паннонии и контролировали все Нижнее и Среднее течение Дуная.

Союз Октавиана с даками мог существовать, но, скорее всего, не в 35 г. до н. э., накануне войны с ними, а после Иллирийского похода, когда, с одной стороны, не осуществились враждебные намерения римлян в отношении даков, что могло расположить их в пользу Октавиана, с другой, в результате кампании 35—33 г. до н. э. Октавиан придвинулся со своим войском к сфере действий Антония, обнаружив тем самым свои истинные намерения. Поэтому и Октавиан, и Антоний должны были начать искать себе поддержку среди даков, тем более желанную, что даки в то время являлись одним из наиболее могущественных народов на Дунае. Именно после Иллирийских войн и накануне Актийской битвы каждый из триумвиров должен был лихорадочно искать себе союзников среди пограничных варварских народов. Это подтверждают как приведенное сообщение Светония, так и поставленные К. Пачем с ним в связь свидетельства Плутарха и Диона Кассия [40].

Теперь обратимся еще раз к нашим источникам. Единственным, кто упоминает союзников, давших римлянам суда, является Дион Кассий. Текст Диона, приведенный в связи с осадой Сискии, следующий (XLIX, 37, 5): ὁ οὖν Καῖσαρ πλοῖα παρὰ τῶν ταύτῃ συμμάχων ποιηθέντα λαβών, καὶ διά τε τοῦ Ἴστρου ἐς τὸν Σάουον καὶ δι' ἐκείνου ἐς τὸν Κόλοπα αὐτὰ ἀγαγών προσέβαλε σφισι τῷ πεζῷ ἅμα καὶ ταῖς ναυσὶ, καὶ τινας καὶ ναυμαχίας ἐν αὐτῷ ἐποιήσατο: «итак, Цезарь (Август), взяв суда, сделанные здесь у союзников, и проведя их через Дунай в Саву, а через ту в Колоп, напал на них (жителей Сискии) одновременно с сухопутной армией и на кораблях и совершил на этой реке нечто вроде морских сражений». Если признать, что именно даки дали суда римлянам и что суда эти прошли именно такой путь: из Дуная в Саву, а из Савы в Колапис, то мы должны допустить также, что союзниками римлян против паннонцев являлись не только даки, но и сами паннонцы. Ведь если

[38] Appian, Illyr., 22; Strabo, VII, 5, 2; Patsch, ук. соч., стр. 58.
[39] Appian, Illyr., 24; Patsch, ук. соч., стр. 65; Kromayer, ук. соч., стр. 7.
[40] Plut., Ant., 63, 3 слл.; Dio Cass., LI, 22, 8; Patsch, ук. соч., стр. 64.

считать, что скордиски, занимавшие области при слиянии Савы с Дунаем, возможно, были союзниками даков, как то имело место в борьбе даков с бойями и теврисками (Strabo, VII, 5, 2), или, будучи потом сами ослаблены даками, они не могли являться для них серьезным препятствием, то остаются все-таки паннонские племена, и прежде всего бревки. Нижнее течение Савы находилось во владении паннонских племен, и из них самыми воинственными и многочисленными являлись бревки. Вряд ли все эти народы могли спокойно взирать, как даки вели свои суда на помощь римлянам и против них. Для Диона Кассия это обстоятельство не являлось препятствием, поскольку он писал об этом, имея перед своими глазами уже давно завоеванную современную ему Паннонию. Для времени же, о котором идет речь, римляне не только не достигли Дуная у устья Савы, но и не овладели всем течением последней, так что ни бревки, ни скордиски не были еще покорены.

Теперь приведем сообщение Аппиана (Illyr., 22): ... Πάντα ἐνεπίμπρη καί ἔκειρεν ἐπὶ ἡμέρας ὀκτώ, ἐς ὃ διῆλθεν ἐς τὴν Σεγεστανῶν, καὶ τήνδε Παιόνων οὖσαν, ἐπὶ τοῦ Σάου ποταμοῦ, ἐν ᾧ καὶ πόλις ἔστιν ἐχυρά, τῷ τε ποταμῷ καὶ τάφρῳ μεγίστῃ διειλημμένη, διὸ καὶ μάλιστα αὐτῆς ἔχρῃζεν ὁ Καῖσαρ, ὡς ταμιείῳ χρησόμενος ἐς τὸν Δακῶν καὶ Βαστερνῶν πόλεμον, οἳ πέραν εἰσὶ τοῦ Ἴστρου, λεγομένου μὲν ἐνταῦθα Δανουβίου, γιγνομένου δὲ μετ' ὀλίγον Ἴστρου. ἐμβάλλει δ' ὁ Σάος ἐς τὸν Ἴστρον. καὶ αἱ νῆες ἐν τῷ Σάῳ Καίσαρι ἐγίγνοντο, αἳ ἐς τὸν Δανούβιον αὐτῷ τὴν ἀγορὰν διοίσειν ἔμελλον: «И Август в течение восьми дней все сжигал и вырубал до тех пор, пока не пришел в страну сегестанов, а эта является землей паннонцев на реке Саве, на которой находится укрепленный город, окруженный рекой и огромным рвом[41]. Поэтому Август очень нуждался в нем, намереваясь воспользоваться им как базой в войне против даков и бастарнов, которые находятся за Истром, называемым здесь Дунаем, но немного ниже по течению становящимся Истром. Сава же впадает в Дунай. И на Саве для Августа стали собираться те корабли, которые должны были подвозить для него продовольствие на Дунай».

Аппиан, наш наилучший источник для Иллирийских войн, не называет никаких союзников римлян в осаде Сиссии. Именно по этой причине Штрассбургер (ук. соч., стр. 25) считал свидетельство Диона Кассия неправдоподобным. Аппиан сообщает только, что для Августа оказались суда на Саве и что они намеревались подвозить продовольствие для римской армии по Саве на Дунай. Продовольствие это предназначалось для войск, собиравшихся выступить из Сиссии против даков. Путь судов, согласно Аппиану, шел не из Дуная в Саву, а наоборот, из Савы в Дунай. И это могло быть только так, исходя из действительного положения вещей в то время. К. Пач соединяет оба эти свидетельства — Диона Кассия и Аппиана [42], однако их можно скорее сравнивать, поскольку в них говорится о различных фактах. Суда, о которых сообщает Дион, были взяты у союзников и участвовали в битве за Сиссию; суда у Аппиана не связаны ни с какими союзниками и не имеют никакого отношения к осаде Сиссии, а названы им в связи со значением города в возможной войне против даков. Таким образом, Аппиан и Дион Кассий, по-видимому, имели в виду не одни и те же суда, поскольку, как это видно из их текстов, судам этим предназначались совершенно различные роли.

[41] Этот ров был прорыт позднее, Тиберием.

[42] P a t s c h, ук. соч., стр. 59: Die Schiffe, welche auch den Lebensmitteltransport auf der Donau besorgen sollten [A p p i a n, Illyr., 22], wurden Oktavian von Bundesgenossen an ihr beigestellt und waren Save aufwärts gebracht worden [D i o C a s s., XLIX, 37,5].

Если же объединить оба эти свидетельства, то мы должны допустить и такое странное предположение, что союзниками римлян в борьбе против даков были сами даки, поскольку они не только помогли римлянам захватить Сискию, но и подвозили на своих судах продовольствие на Дунай для действий римской армии против даков. Вследствие всего сказанного мнение Пача о союзниках-даках представляется мне маловероятной гипотезой, а объединение источников едва ли правомерным.

Г. Циппель видел в этих союзниках тех норических тевриснов, с которыми на юго-западе граничили паннонские племена. Гардтхаузен, возражая Циппелю, отмечал, что норические тевриски не могут быть приняты в расчет как союзники, потому что привести суда в Дунай значило бы для тевриснов совершить обходный и практически невозможный путь, т. е. пройти вниз по Дунаю до места слияния Дуная с Савой и затем по Саве до Сискии. Гардтхаузен также упускал из внимания, по-видимому, как и Пач, то обстоятельство, что корабли в этом случае должны были пройти не только через участки течения этих рек, занятых скордисками и бревками, но и самими даками, всегдашними врагами тевриснов, на что тевриски вряд ли бы решились. Как известно, незадолго до Иллирийских войн Октавиана тевриски вместе с бойями, с которыми они находились в союзе, были разбиты Биребистой в Паннонии. Такой путь для тевриснов совершенно исключается, и вряд ли Циппель считал, что тевриски прошли именно так, поскольку он указывал, что для того периода мы не видим ни одного народа, союзного римлянам на Дунае (ук. соч., стр. 230). Гардтхаузен вскользь упомянул, что суда эти Август взял у какого-то народа, обитавшего на Саве, и что думать так является более естественным [43]. Он не назвал этого народа и, кроме соображения о естественности такого мнения, не привел никаких других аргументов. Однако, если допустить предположение о союзниках, наиболее верным должно являться мнение Циппеля. Если союзниками римлян являлись те тевриски, которые были пограничны паннонцам на юго-западе, то их судам вовсе не требовалось совершать обходного пути, поскольку путь судов мог идти не из Дуная в Саву, а из Савы в Дунай. Центром этих тевриснов являлся Навпорт (соврем. Врхника на р. Ляблянне в Югославии). У этих тевриснов издавна существовали экономические связи с Римом, в частности с Аквилеей (Strabo, IV, 6, 10; VII, 5, 2). Страбон указывает, что мимо Навпорта течет судоходная река Коркора, впадающая в Саву. Через перевалы Юлийских Альп товары из Аквилеи доставлялись в Навпорт, где была колония римских купцов, из Навпорта по рекам они шли дальше к Дунаю, к паннонцам и в Сегестику. Таким образом, для тевриснов Сиския является совершенно доступной, а путь по рекам до города издавна известным. Далее, Аппиан и Дион Кассий сообщают, что тевриски вместе с салассиями, либурнами и яподами обязались платить римлянам трибут (IIIуг., 16; Dio Cass., XLIX, 34, 2). Тевриски могли сами дать римлянам суда, и римляне могли их просто потребовать, поскольку уже покорили тевриснов. Однако тот флот, которым предназначалось командовать Менодору, был взят римлянами с собой частью в разобранном виде и собран здесь, на реке Саве. Это можно усматривать из свидетельства Аппиана, когда он написал, что для Августа стали собираться корабли на Саве. Как известно, в римской армии всегда находились ремесленники всяких профессий. Вряд ли, отправляясь в такую экспедицию, Октавиан собирался рассчитывать на силы каких-то возможных, но в общем случайных союзников. Римляне должны были все везти с собой, и в том числе суда и корабель-

[43] Gardthausen, ук. соч., т. II, стр. 162; т. I, стр. 325, прим. 15.

ных мастеров. Тот флот и часть армии, которые пришли морем из Сицилии, должны были иметь и этих мастеров, и более легкие суда, способные действовать на реках. Римляне должны были рассчитывать прежде всего на свои силы, а потом уже на помощь союзных общин. И если такая помощь, однако, имела место при взятии Сискии, то ее могли подать только тевриски. Возможно, что какое-то значение для теврисков могло иметь то соображение, что в конечном своем итоге война Октавиана должна была направиться против даков, их злейших врагов, только что опустошивших в 44 г. до н. э. области Норика и Северо-Западной Паннонии.

Взяв Сискию, Октавиан, согласно Аппиану, никого не казнил и не отстранил, но наказал город денежным штрафом. Затем, отрезав часть города стеной, он ввел туда гарнизон из 25 когорт под командованием Фуфия Гемина (Appian., Illyr., 24; Dio Cass., XLIX, 38, 1—3). Причину такого сравнительно мягкого обращения с побежденным городом в отличие от судьбы Метула следует видеть в том, что Сиския имела огромное значение для дальнейших операций в самой Паннонии и для войны с даками. Все наши авторы, как мы видели, единодушны в определении Сискии как главной базы в войне с даками и в том, что, захватывая ее, Октавиан преследовал именно эту цель [44].

С захватом Сискии поход 35 г. до н. э. считался законченным, и Октавиан возвратился в Рим. Недавно завоеванные паннонцы, с трудом покоренные, тотчас же восстали после ухода основной римской армии. Оставленный Октавианом гарнизон подвергался опасности быть уничтоженным. Хотя была зима, Октавиан сам снова выступил в поход против паннонцев. Тем временем восстание было подавлено; римляне же понесли большие потери. По свидетельству Аппиана, многие были убиты (Illyr., 24), а, согласно Диону Кассию, Гемин был даже изгнан из Сискии, и ему пришлось в нескольких сражениях опять завоевывать паннонцев (XLIX, 38, 3). Весной 34 г. до н. э. должна была бы последовать война против даков. Однако военные действия были перенесены на юг от Савы, в области будущей Далмации, и ими снова руководил сам Октавиан. В войне против далматов вместе с Августом боролся также и Агриппа [45]. После упорной кровопролитной борьбы, во многом сходной своим течением и тактикой с войной против яподов и паннонцев, далматские племена вынуждены были признать власть римлян. В 33 г. до н. э. Октавиан возвратился в Рим; замирение далматов продолжал Тит Статилий Тавр [46]. Иллирийская война 35—33 гг. до н. э. считалась законченной.

Относительно размеров завоеванной области и определения покоренных племен нет единого мнения в современной науке. Разногласия идут главным образом относительно того, как далеко на юг от Савы, в глубь страны далматов, простирались завоевания Октавиана, хотя и относительно протяженности завоеванной области вдоль Савы далеко не все определенно и ясно. Эти разногласия достаточно освещались в литературе [47]. Для истории Паннонии имеет значение определение того, какие племена и народы из вошедших потом в состав Паннонии были завоеваны уже тогда и на всем ли своем протяжении Сава стала южной границей провинции и одновременно северной границей всей области, завоеванной в эту войну.

---

[44] Appian, Illyr., 22, 23; Strabo, IV, 6, 10; VII, 5, 2; Dio Cass. XLIX, 37,2.

[45] Reinhold, ук. соч., стр. 45.

[46] Appian, Illyr., 27; Dio Cass., XLIX, 38,3 слл.

[47] Veith, ук. соч., стр. 104—108; Kromayer, ук. соч., стр. 12, прим. 4, стр. 13; Swóboda, ук. соч., стр. 20—29; R. Syme, JRS, т. XXIII (1933), стр. 69—71; он же, Lentulus and the Origin of Moesia, JRS, т. XXIV (1934), стр. 113—137; N. Vulić, The Illyrian war of Octavian, JRS, т. XXIV (1934), стр. 163—167.

Наиболее полным и достоверным источником для Иллирийских войн, как я уже отмечала, является Аппиан, хотя сам он считал, что иллирийские дела вообще ему менее известны (BC, V, 145).

Паннонцев Аппиан называет в общей форме, сообщая, что они с трудом покорились римлянам (Illyr. 17) и что область, занятая ими, простиралась от яподов до дарданов [48]. Но, простираясь от яподов до дарданов, паннонцы (большое племя, как указывает Аппиан в другом месте) достигают одновременно Истра[49]. Исходя из этих свидетельств Аппиана, можно было бы заключить, что паннонскими племенами во времена Августа была занята обширная область от Дуная до Македонии, поскольку известно, что дарданы обитали в Верхней Мезии, в районе Скупи (соврем. Скопье в Югославии), и что область на юг от Савы до дарданов была завоевана Римом в эту войну, как думают, например, Е. Свóбода или Н. Вулич [50]. Однако те соображения, которые были высказаны на этот счет ранее Кромайером, а затем подкреплены Р. Саймом, не дают оснований считать, что завоевания Октавиана на юг от реки Савы распространились на внутренние области Далмации, т. е. на современную Боснию. Еще менее оснований полагать, что римляне завоевали области вплоть до Среднего Дуная. Более того, не приходится даже говорить о завоевании всей долины Савы до Белграда, как думает Свóбода. Единственной общиной, завоеванной в эту войну и находившейся потом на территории позднейшей Панонии, у Аппиана оказываются только сегестаны с их городом Сегестикой, хотя, перечисляя народы, которые больше всего, как он выражается, причинили беспокойства Августу, наш автор упоминает паннонцев вообще (Illyr.,17). Из этого можно предполагать в связи с данными некоторых других источников, что, кроме сегестанов, были завоеваны еще какие-то другие общины паннонцев, которые я и попытаюсь определить.

Сегестаны названы у Аппиана паннонской общиной, и это я уже отмечала выше. Путь до Сискии-Сегестики также шел через области паннонских племен, так как Август отправился против сегестанов через землю паннонцев, еще не ставшую покорной римлянам (Illyr., 22). Следовательно, долина р. Колаписа, по которой двигалась римская армия, была населена паннонцами и завоевана римлянами, в противном случае они не достигли бы Сискии. Однако мы не можем с уверенностью сказать, занимало ли долину Колаписа одно племя колапианов, центром которого и была Сиския, поскольку о ней сказано, что город располагался при впадении Колаписа в Саву, или здесь находилась и еще какая-то другая паннонская община. Плиний отмечает, что р. Сава течет через области бревков и колапианов, подчеркивая тем самым значительность этих племен среди всех остальных (HN, III, 147; Saus per colapianos breucosque defluit). Несомненно, что названия племени и реки взаимно связаны и одно происходит от другого. Что племя колапианов действительно существовало, об этом свидетельствует надпись времени Нерона, представляющая собой cursus honorum трибуна легиона XIII Gemina Антония Назона, являвшегося префектом общины колапианов (CIL, III, 14387 ff из Гелиополя из Сирии, совр. Баалбек). С севера провинции, из Карнунта, известно имя собственное Colapianus, которое носил солдат Первой Ульпиевой когорты из Паннонии, сын Ликкая (CIL, III, 11227).

---

[48] Appian., Illyr., 22: ὑλώδης δ'ἐστὶν ἡ Παιόνων, καὶ ἐπιμιγκες ἐξ 'Ιαπόδων ἐπὶ Δαρδάνους.

[49] Appian., Illyr., 14: οἱ δὲ Παίονές εἰσιν ἔθνος μέγα παρὰ τὸν 'Ιστρον, ἐπιμιγκες ἐξ 'Ιαπόδων ἐπὶ Δαρδάνους.

[50] Vulić, ук. соч., стр. 164; Swóboda, ук. соч., стр. 20—21; 29.

М. Ростовцев считал, что Сиския была центром племени колапианов [51]. Колапианы, по-видимому, были многочисленным племенем, если над ними одними был поставлен римский префект[52]. Известно, например, что племена бойев и азалов в Северной Паннонии находились под управлением одного префекта, поставленного сразу над двумя общинами и осуществлявшего одновременно управление над всем дунайским побережьем: praefectus ripae Danuvi et civitatium duarum Boiorum et Azaliorum [53]. Если в колапианах Плиния видеть сегестанов Аппиана, то к ним можно отнести и то его сообщение, также свидетельствующее о величине племени, что сегестаны названы Аппианом в числе тех, которые оказали наиболее упорное сопротивление римлянам (App., Illyr., 17). О многочисленности племени говорит и число заложников — 100, в то время как от Метула Август потребовал 50. Таким образом, колапианы, занимавшие области и на Средней Саве, были покорены, и в их центре Сегестике римлянами был поставлен гарнизон.

Но долина р. Савы была очень населенной, и, кроме племени колапианов, римляне могли подчинить и соседние племена. Известно о существовании кельтских племен латобиков, варцианов и иллирийских корнакатов, амантинов и бревков, также занимавших области вдоль Савы. Как свидетельствует надпись из Самарии, в когортах ВерхнейПаннонии, варцианы и латобики служили вместе с гражданами Сискии: cives Sisciani et varciani et latobici [54]. Назвать себя так в надписи варцианы и латобики могли в том случае, если их общины были соседними и входили, возможно, в одну городскую территорию. Латобики занимали области на юго-западной границе Паннонии с Нориком, западнее Сискии (и большая часть племени жила в Норике), варцианы обитали на восток от латобиков и на запад от Сискии.

Известны cohors I и II Varcianorum, набранные из племени варцианов и дислоцировавшиеся в Нижней Германии, а также cohors Latobicorum et Varcianorum [55]. Известен также римский солдат natione Varcianus, умерший в Риме (CIL, VI, 3257). Надписи называют и civitas Cornacatium ex Pannonia. Это племя локализуется на юге позднейшей НижнейПаннонии вблизи Cornacum [56]. На Саве находилась также и община амантинов, соседняя с бревками. Та объединенная civitas Sirmiensium et Amantinorum, которую знает Плиний, включала в себя бревков и амантинов. Именно бревки хотели во время панноно-далматского восстания захватить Сирмий (Dio Cass., LV, 29,3).

По-видимому, именно эти племена спешили на помощь осажденной Сискии, но их отряды Октавиан встретил в пути и разбил [57]. Нам известно, что какие-то заложники из племени амантинов содержались в Эмоне под охраной римского гарнизона. Один из них, мальчик 10 лет, утонул в реке Эмоне (соврем. р. Любляна, правый приток Савы).

---

[51] M. Rostovtzeff, Gesellschaft und Wirtschaft im römischen Kaiserreich, Lpz., 1929, т. I, стр. 197.

[52] Graf, ук. соч., стр. 15, прим. 4, считает, что колапианы занимали области по берегам Колаписа и выше Савы в том месте, где в нее впадает Колаписа; Mócsy, ук. соч., стр. 24—26.

[53] CIL, IX, 5363; Луций Волкаций Прим был префектом I когорты Нориков.

[54] G. A. Reisner, C. S. Fischer, D. G. Lyon, Harvard Excavations at Samaria 1908—1910, Cambr., 1924, т. I, стр. 20, № 30.

[55] D. Detschew, Ein neues Militärdiplom aus Germania Inferior, ИБАИ, т. XV, 1946, стр. 86—200; A. Alföldi, I varciani della Pannonia meridionale ed i loro vicini, «L'Antiquité Classique», т. XVII, 1948, стр. 13—18; Dobó, ук. соч., стр. 56, № 33; стр. 60, №№ 366—370 с.

[56] Dobó, ук. соч., стр. 76, №№ 459—460; Mócsy, ук. соч., стр. 76;

[57] Appian., Illyr. 23; Dio Cass., XLIX, 37, 6.

Отец и родственники погибшего поставили на родине мальчику кенотаф, на котором была высечена надпись (CIL, III, 3224). Место находки кенотафа в соврем. Путинце между Сирмием (соврем. Митровица на Саве) и Тауруном подтверждает локализацию Плинием племени амантинов на Саве. К. Пач считал, что этот мальчик-амантинец не мог быть заложником от времени Иллирийских войн Октавиана (ук. соч., стр. 61, прим. 1). Пач ставил под сомнение столь широкое употребление у паннонских племен латинского языка уже в это время, о чем писал Веллей Патеркул (II, 110, 5). Но это не может быть вовсе исключенным именно для южнопаннонских племен, поскольку они имели давние хозяйственные связи с Аквилеей. Вполне возможно знакомство паннонцев и с латинским языком. К тому же сооружение кенотафа должно быть отнесено ко времени позже, чем 35 г. до н. э.: родные мальчика узнали о его гибели лишь после окончания войны, когда установились какие-то отношения с римскими властями. Но возможно, что поставивший кенотаф вовсе и не знал латинского языка, и текст надписи мог быть составлен другими [58], однако, это также не противоречит тому, чтобы считать мальчика в числе заложников, данных амантинами по требованию Октавиана. Именно в эту войну Октавиан требовал заложниками детей знати; от Сиссии он взял 100 заложников, и все они были τῶν πρωτευόντων παίδες — Illyr., 23. Точно так же и далматы выдали по его требованию 700 заложников, своих детей— Illyr., 28.

Если амантины дали заложников, то следует считать, что римляне вплотную подошли к областям на Нижней Саве и к бревкам также, поскольку обе общины были соседними... alter amnis Bacuntius in Saum Sirmio oppido influit, ubi civitas Sirmiensium et Amantinorum — Plin., HN, III, 148. Как свидетельствует Аппиан относительно далматов, те племена, к которым не дошло римское войско, ни заложников не давали, ни посольств не отправляли — Illyr., 28.

Возможно, что все племена на крайнем юге будущей Паннонии, кроме бревков и скордисков, оказались вынужденными признать зависимость от Рима уже в эту войну. Свое сообщение об осаде и падении Сиссии Дион Кассий заключает следующими словами: «и, когда таким образом были захвачены те [горожане Сиссии], он присоединил и остальную Паннонию вследствие капитуляции» — XLIX, 37,6. Высказывалось мнение, что под τὸ ἄλλο Παννονικόν Дион имел в виду всю современную ему Паннонию. Однако для такого понимания нет оснований. Дион неоднократно отмечает в следующей своей книге, что против паннонцев и далматов боролся также Тиберий. Дион, несомненно, знал, что именно он завоевал всю остальную Паннонию вплоть до Среднего течения Дуная. Сам контекст, где стоит это его сообщение, свидетельствует, что речь идет о южнопаннонских областях. Καὶ τὸ ἄλλο Παννονικὸν ὁμολογίᾳ προσηγάγετο заключает лишь описание гибели Сиссии, но не является итогом всей кампании 35 г., поскольку Дион продолжает далее свой рассказ о дальнейших событиях все еще этого года и именно здесь, в Сиссии. Дион Кассий так и пишет: καὶ μετὰ ταῦτα ἐκεῖ μὲν Φούφιον Γέμινον σὺν δυνάμει τινὶ κατέλιπεν, αὐτὸς δὲ ἐς τὴν Ῥώμην ἀνεκομίσθη... —XLIX, 38,1: «и после этого он оставил там [в Сиссии] с некоторым войском Фуфия Гемина, сам же отправился в Рим». Сами слова, употребленные здесь Дионом — μετὰ ταῦτα и ἐκεῖ—свидетельствуют, что под «остальной Паннонией» он имел в виду по-прежнему ту ее часть, где находилась Сиссия. Однако из этого свидетельства Диона Кассия мы не

[58] Кстати, текст надписи содержит ошибки: вместо obses, стоит ho[b]se[s]; вместо annorum—amnorum.

можем узнать, как далеко на север и восток от Сискии простиралась τὸ ἄλλο Παννονικόν. Можно только предполагать, что этими племенами, возможно, были те, о которых говорилось выше.

После ухода основной римской армии паннонцы восстали. Надо думать, что возмутились не одни только горожане Сискии. Их поддержали или к ним присоединились и другие общины на Саве. И это свидетельство также дает нам основания считать, что на Саве была завоевана не одна только община Сискии.

Весной 34 г. до н. э. военные действия были перенесены на юг от Савы, в области будущей Далмации. Для всего римского Иллирика среднее течение Савы стало северной границей, Паннония же в результате этой войны получила свой южный рубеж. Столь большой гарнизон, как 25 когорт, т.е. два с половиной легиона, возможно, половина всей действовавшей в эту войну армии, несомненно, совершал потом походы в глубь паннонской территории, расширяя завоеванную область, как то имело место в эту же войну в борьбе против далматских племен, когда их замирение было поручено Статилию Тавру. До войны Тиберия, второго этапа завоевания Паннонии, римляне, скорее всего, держались линии Средней Савы, которая являлась единственно возможной и надежной границей в то время, тем более что римляне всегда старались использовать в качестве рубежа, отделявшего римский мир от варварского, большую водную преграду.

Второе выступление против паннонских племен последовало в 13 г. до н. э. и привело к завоеванию всей паннонской территории на север от Савы до Дуная. Свидетельства о второй войне крайне немногочисленны. В числе наших источников уже нет ни Аппиана, ни Страбона. То немногое, что сообщают Дион Кассий, Веллей Патеркул, а также «Деяния Августа» и Флор, носит столь общий характер, что, по сути дела, из этих свидетельств мы не можем вынести ничего, кроме упоминания о самих событиях. Эта крайняя фрагментарность свидетельств о Паннонской войне, по-видимому, обусловила и отсутствие специальных исследований о ней.

Нашим основным источником о Паннонской войне должен был бы явиться Веллей Патеркул, поскольку он сам участвовал в этой войне и в операциях по подавлению панноно-далматского восстания (6—9 гг. н. э.) в качестве легата легиона и находился лично при Тиберии (Vell. Pat., II, 111, 3). Однако в свидетельствах Веллея в весьма общей форме отмечаются лишь трудности войны, намерение же Веллея «рассказать в другом месте о племенах паннонцев и далматов, о местоположении этих областей и рек, количестве и величине сил, блестящих и многочисленных победах в этой войне столь великого полководца» (Тиберия) не осуществилось (Vell. Pat., II, 96,3; 114,2). Труд историка остался неоконченным; полагают, что он погиб в результате преследований Сеяна, от чего Веллея не спасло его произведение, полное льстивой похвалы Тиберию и его временщику.

Более ясного и определенного описания паннонских и далматских племен мы вправе были бы ожидать и от Диона Кассия, поскольку он отмечает, что пишет о паннонцах на основании собственных знаний о стране (XLIX, 36, 4). Однако, как это отмечалось [59], его сведения весьма поверхностны, а знания о паннонцах относятся уже к середине III в. н. э., когда историк являлся наместником Верхней Паннонии при Александре Севере. Из свидетельств Диона Кассия мы не можем узнать ни последовательность подчинения племен и областей, так же как и сами названия этих племен и областей, ни характер войны, ни ее этапы. На основании Диона можно лишь констатировать покорение паннонцев вообще. К тому

[59] St. Borzsák, Die Kentnisse des Altertums über des Karpathenbecken, Budapest, 1936, стр. 34—36.

же, поскольку во времена Диона Кассия название «паннонцы», так же как и «далматы», в значительной мере уже лишилось своего этнического содержания и прилагалось к населению провинций, которые уже более чем 200 лет являлись римскими владениями, то мы не можем ничего сказать, какие именно конкретно племена скрываются у Диона за общим названием «паннонцы». Вместе с тем сопоставление всех свидетельств, которыми мы располагаем, позволяет дать некоторую картину последующего завоевания Паннонии.

Второй войне предшествовало вторжение паннонских племен совместно с нориками в области полуострова Истрии в 16 г. до н. э., так что Северная Италия оказалась под угрозой. Скорее всего, этими паннонцами были именно те племена, которых только что покорили римляне. Для них Истрия могла быть легко доступна. Их разбил проконсул Иллирика Публий Силий Нерва и, как пишет Дион Кассий, паннонцы вместе с нориками оказались виновниками своего собственного порабощения — LIV, 20, 2. В 14 г. до н. э. мы узнаем из того же Диона Кассия, что паннонцы опять воевали с римлянами [59а]. По-видимому, именно к этому времени следует относить сообщение Флора, что паннонцы защищаются двумя большими судоходными реками, Дравой и Савой. После того как они разграбили земли своих ближайших соседей, они обратились в области за этими реками. Для их укрощения, продолжает Флор, Август послал Виниция [60].

Возможно, что сначала военные действия римлян носили в известной мере оборонительный характер против нападений племен, обитавших вдоль Савы. Об этом отчасти, как мы видели, свидетельствует Флор [61], а также то, что ведение войны было поручено Марку Виницию, наместнику Иллирика [62]. Виниций с тем войском, которое он имел в своем распоряжении как наместник, скорее всего, отражал нападения паннонских племен на те области, которые стали римскими в результате первой войны, совершая одновременно и карательные экспедиции в глубь паннонской территории. Эти действия Виниция имели место в 14 и 13 гг. до н. э. Однако дальнейшие действия римлян и самый факт назначения специальных командующих на Паннонскую войну указывают на то, что война приняла резко наступательный характер и велась с целью подчинения паннонских областей вплоть до Дуная. Завоевание Паннонии являлось в этом отношении осуществлением того большого плана, который был задуман Августом относительно подчинения Риму всего течения Дуная и заальпийских областей. Как известно, в результате кампаний Тиберия и его брата Друза в 16—15 гг. до н. э. к Риму было присоединено царство Норик. В 15—14 гг. до н. э. ими же были покорены ретийско-винделикские племена и образованы две новые провинции — Реция и Винделиция. В результате этих войн Верхний Дунай вплоть до Карнунта (соврем. Петронелль под Веной) стал римским. Теперь римляне перешли к подчинению областей Среднего Дуная. Уже в 13 г. ведение войны было поручено Марку Випсанию Агриппе, возвратившемуся с Востока весной этого года [63].

Как сообщает Дион Кассий, Август послал Агриппу в Паннонию, желающую воевать. Хотя была зима, продолжает он далее, Агриппа предпринял поход, и паннонцы, устрашенные его приходом, ничего не пред-

---

[59а] Dio Cass., LIV, 24,3: τότε δὲ οἵ τε Παννόνιοι νεωτερίσαντες αὖθις ἐχειρώθησαν...; Patsch, ук. соч., стр. 85, прим. 4.

[60] Flor. II, 24.

[61] Flor, II, 24; Vell. Pat., II, 96, 2.

[62] Prosopographia imperii Romani в изд. H. Dessau, E. Klebs, P. de Rohden, B., 1898, ч. III, стр. 435—436, № 444.

[63] Reinhold, ук. соч., стр. 122, 124.

принимали более, тогда Агриппа ушел и, прибыв в Кампанию, заболел, где неожиданно умер в марте 12 г. до н. э. [64], Возможно, что вследствие зимы дело и обстояло отчасти так, как рассказывает Дион. Однако Агриппа выступил в поход все-таки зимой, что, как известно, бывало при крайних обстоятельствах, и это указывает на то, что той армии, которая была в руках проконсула, оказывалось недостаточно. Из этого видно, что речь шла отнюдь не об отражении нападений паннонцев, хотя на основании Диона и может создаться такое впечатление, что римляне лишь усмиряют пришедшие в возмущение племена [65]. Этот тон сообщений Диона Кассия о паннонцах, которые постоянно что-то замышляют против Рима (νεωτερίσαντες, νεοχμώσαντες), красноречиво свидетельствует, что паннонцы с трудом покорялись римлянам. Об этом свидетельствует и факт передачи Августом командования после смерти Агриппы Тиберию, который прибыл на театр войны тотчас же, весной 12 г. до н. э. [66]. О серьезном характере, который носила война, пишет и Веллей Патеркул, ее участник; он называет Паннонскую войну большой и ужасной, угрожавшей Италии [67]. Наконец, сам Август в течение всего 12 г. до н. э. находился в Аквилее, где следил за ходом военных действий [68], из чего также можно заключить, что война отличалась большим напряжением событий.

Вследствие обилия лесов и болот в Паннонии, а в эту войну римляне вступили уже на ее основную территорию, и вследствие бедности ее ресурсов, эта война должна была оказаться весьма трудной для римлян и в этом отношении. Все древние авторы определяют Паннонию как лесистую страну. Такой ее знает Аппиан, прямо указывающий, что страна паннонцев является лесистой. И Дион Кассий, и Аппиан для первой войны неоднократно указывают, что паннонцы покидали свои жилища и убегали в леса при приближении римлян [69]. Плиний, называя Паннонию приносящей желуди, тем самым подтверждает обилие в стране дубовых лесов [70]. Гигин для времени Траяна все еще отмечает в Паннонии огромных размеров корабельные (дубовые) леса и обширные леса менее ценных пород [71]. Огромные площади лесов отличали Паннонию и в более позднее время [72]. О сложности ведения войны в условиях климата Паннонии, которая для римлян всегда являлась северной страной (πρὸς ἄρκτον χώρα), некоторое представление дает небольшое сообщение Фронтина [73].

Летом 12 г. до н. э. Тиберием были достигнуты, однако, какие-то значительные успехи. Тот же Дион Кассий сообщает, что Тиберием в 12 г. до н. э. была одержана победа над паннонцами, за которую сенат определил ему ornamenta triumphalia. Дион пишет, что Тиберий покорил паннонцев, опустошив большую часть их страны и уничтожив большое количество людей, что сделал он это, воспользовавшись в качестве союзников главным образом скордисками, пограничными с паннонцами и имеющими одинаковое с ними достояние. Далее Дион указывает, что Тиберий захватил их оружие и продал [в рабство] на вывоз из страны бо́льшую часть

[64] Dio Cass., LIV, 28, 1—2.

[65] Необоснованность такого понимания Диона Кассия Е. Сво́бодой уже была отмечена Р. Саймом все в той же хотя и небольшой, но содержательной рецензии на книгу Е. Сво́боды.

[66] Dio Cass., LIV, 31, 2.

[67] Vell. Pat., II, 96, 2.

[68] Gardthausen, ук. соч., т. II, стр. 668 слл.

[69] Appian, Illyr., 22: ὑλώδης δ' ἐστὶν ἡ Παιόνων... προσιόντος δ' αὐτοῖς τοῦ Καίσαρος ἐς τὰς ὕλας ὑποφυγόντες τοὺς ἀποσκιδναμένους τῶν στρατιωτῶν ἀνῄρουν.

[70] Plin., NH, III, 147; glandifera Pannonia.

[71] Die Schriften der römischen Feldmesser, в изд. F. Blume, K. Lachmann, A. Rudorfft, B., 1848, т. I, стр. 205.

[72] Aur. Vict., De Caes., 40,9: immanes silvae.

[73] Frontin, Strateg., II, 1, 15.

молодежи [74]. Заслуживает в этой связи внимания и сообщение Флора. Флор пишет, что после того, как паннонцы были разбиты Виницием в областях между Савой и Дравой, оружие побежденных не было сожжено по обычаю войны, но разломано и брошено в бегущий поток, чтобы таким образом сообщилась слава Августа тем, которые еще сопротивлялись [75]. Если союзниками римлян в этой войне явились скордиски, обитавшие, как известно, в областях при слиянии Савы с Дунаем, то происходило все еще покорение племен на Нижней Саве, где наиболее упорно могли сопротивляться бревки [76]. Для 12 г. до н. э. скордиски являются, как мы видим, союзниками римлян, возможно, что они были подчинены уже до Паннонской войны [77]. В 11 г. до н. э. снова велись военные действия против паннонцев. Дион Кассий опять сообщает, что Тиберий победил паннонцев и далматов, замысливших отложиться от римлян [78]. Поскольку Дион Кассий указывает, что Тиберий воевал одновременно и с паннонцами, и с далматами, можно думать, что в период 12—11 гг. до н. э. все еще происходило подчинение южнопаннонских и далматских племен. Свидетельства Диона Кассия о второй войне исчерпываются его сообщением, что в 9 г. до н. э. Тиберий отпраздновал триумф над паннонцами и далматами (Dio Cass., LV, 2, 4; LVI, 17, 1).

Исходя из того, что южнопаннонские племена в общем, по-видимому, были покорены к 11 г. до н. э., а триумф Тиберий отпраздновал в 9 г. до н. э., можно думать, что на отрезок времени в два года приходятся действия в Северной Паннонии. Однако наши литературные источники не содержат никаких сведений относительно областей севернее Дравы. Поэтому мы не можем дать даже примерную картину того, как произошло присоединение к империи не только северных, но и центральных областей Паннонии, т. е. тех, которые собственно и образовали провинцию.

В западноевропейской буржуазной науке, исходя из умолчания литературных свидетельств, принято считать, что северные паннонские народы спокойно признали римское господство [79]. Возможно, что сопротивление племен Северной Паннонии отличалось менее длительным характером, как мы увидим далее вследствие особых причин. Однако за паннонцами Диона Кассия мы имеем все основания усматривать как южных, так и северных паннонцев, а мы видели, что паннонцы постоянно восстают против Рима.

Теперь относительно тех причин, которые, возможно, и обусловили сравнительно быстрое завоевание северных племен.

Север Паннонии, занятый племенами другой этнической группы — кельтскими и кельто-иллирийскими народами,—незадолго до прихода сюда римлян претерпел серьезные передвижения племен, которые не обошлись без кровопролитной борьбы. В 60-х годах I в. до н. э. кельтское племя

[74] Dio Cass., LIV, 31, 2—3: καὶ σφας ὁ Τιβέριος, πολλὰ μὲν τῆς χώρας πορθήσας, πολλὰ δὲ καὶ τοὺς ἀντρώπους κακώσας, ἐχειρώσατο, τοῖς Σκορδίσκοις, ὁμορόις τε αὐτῶν καὶ ὁμοσκεύοις οὖσι, συμμάχοις ὅτι μάλιστα χρησάμενος. Καὶ τὰ τε ὅπλα σφων ἀφείλετο, καὶ τῆς ἡλικίας τὸ πλεῖον ἐπ' ἐξαγωγῇ ἀπέδοτο.

[75] Flor., II, 24. Arma victorum non ex more belli cremata, sed rupta sunt et in profluentem data, ut Caesaris nomen eis qui resistebant sic nuntiaretur.

[76] Так думал и Р. Сайм, основываясь на свидетельстве Светония, с оговоркой, что это не лучший источник. Согласно же Светонию, Тиберий подчинил бревков и далматов во время Паннонской войны. Syme, JRS, т. XXIII (1933), стр. 70—71; Suet., Tib., 9: Pannonico [bello] Breucos et Dalmatas subegit.

[77] A. v. Premerstein, JOAI, т. XXVIII, 1933, стр. 158 слл., считал, что скордиски были покорены Тиберием в 15 г. до н. э. из Македонии, проконсулом которой он являлся.

[78] Dio Cass., LIV, 34, 3—4; LV, 2,4; Liv., Epit., 110.

[79] R. Syme, M. Vinicus (cos. 19 B. C.), «Classical Quarterly», т. XXIII, № 2, april, 1933, стр. 145, он же, CAH, т. X, стр. 356; также Graf, ук. соч., стр. 10; Zippel, ук. соч., стр. 298 слл.; Domaszewski, ук. соч., стр. 177.

бойев под давлением маркоманнов переселилось из областей соврем. Чехии на правый берег Дуная, на северо-запад будущей Паннонии. Поселение бойев заставило обитавшие здесь племена или отодвинуться на восток и в глубь страны, или переселиться на Дунай. Иллирийское племя карнов покинуло свои прежние поселения, оставив, однако, память о себе в названии Карнунта. Анарты и часть теврисков переселились за Дунай, на северо-запад позднейшей Дакии; надпись от времени Максимина (CIL, III, 8060) называет здесь vicus Anartorum. Азалы отодвинулись далее на восток. Кельтское племя геркуниатов, занимавшее области западнее бойев, также оказалось вынужденным уйти со своих мест обитания и занять области внутри провинции в районе lacus Pelso (соврем. Балатон), где их находят в римский период. Наконец, эрависки, одно из наиболее значительных кельтских племен Северной Паннонии, занимали в период римских войн области на северо-востоке провинции с центром в Аквинке. Однако, согласно недавнему исследованию Йено Фитца, они не пришли сюда незадолго до римского завоевания с левого берега Дуная, как считали ранее на основании Тацита, но под нажимом бойев также отступили с запада, из областей вдоль течения реки Лейты, где они жили еще в I в. до н. э. [80]. Эти передвижения племен не обходились без длительных межплеменных войн как среди самих кельтов, так и между кельтами и иллирийцами. В свою очередь бойи в союзе с норическими теврисками (Strabo, VII, 3, 11; VII, 5, 2) вступили в упорную борьбу с даками, закончившуюся в 44 г. до н. э. [81] чуть ли не полным истреблением бойев, так что древние называют потом пустыню бойев на северо-западе Паннонии там, где они поселились сначала (Strabo, V, 1, 6; VII, 1, 5; Plin., NH, III, 146). Это привело к тому, что господство и влияние даков еще более усилилось на правом берегу Дуная; считают, что именно это распространение даков и вызвало проникновение римлян в долину Савы в 35 г. до н. э. Таким образом, накануне римского завоевания наиболее значительные племена на севере Паннонии, как бойи, эрависки, азалы, геркуниаты, оказались и численно уменьшившимися и ослабленными. Вследствие этого они сравнительно легко могли стать добычей римлян. По-видимому, уже в 11 г. до н. э. римляне достигли среднего течения Дуная. Это фиксируют «Деяния Августа», сообщающие о покорении Тиберием паннонцев и о продвижении им границ Иллирика вплоть до Дуная [82].

До недавнего времени считалось, что под выражением ad ripam fluminis Danuvii следует понимать не среднее течение реки, а тот его участок, который находится между устьями Дравы и Савы. Находка строительной надписи из Аквинка, относящейся к 18—19 гг. н. э., с упоминанием сына Тиберия — Друза, так же как и находка римского денария чеканки 11 г. до н. э. из Ладьманьош, подтверждают, что в результате второй войны римские войска достигли Среднего Дуная [83]. По-видимому, уже тогда в некоторых пунктах на Дунае — Аквинк (совр. Буда), Арраbона (соврем. Дьёр), соорудив временные лагери, римляне оставили гарнизоны. Наиболее значительный пункт на севере Паннонии—Карнунт принадлежал тогда еще к Норику. Однако внутренние области Паннонии вряд ли могли быть захвачены. Монеты Тиберия совершенно отсутствуют в Нижней

[80] I. Fitz, Herkunft und Ethnicum der Eravisker, «Acta Antiqua», Budapest, 1958, т. VI, ч. 3—4, стр. 394—405.

[81] Alföldi, ук. соч., стр. 10—11.

[82] RGDA, 30: Pannoniorum gentes, quas ante me principem populi Romani exercitus nunquam adiit, devictas per Ti. Neronem, qui tum erat privignus et legatus meus, imperio populi Romani subieci protulique fines Illyrici ad ripam fluminis Danuvi

[83] J. Szilágyi, Aquincum, Budapest, 1956, стр. 10; он же, Die römische Okkupation von Aquincum und Nordost-Pannonien, «Laureae Aquincenses», т. II, 1941, Budapest, стр. 308—309; Patsch, ук. соч., стр. 100.

Паннонии. Поэтому можно думать, что произошел только военный захват страны с оккупацией наиболее важных опорных пунктов [84] и римские легионы передвинулись на линию р. Дравы. Свидетельство этому можно усматривать также в сообщении Веллея Патеркула, относящемся ко времени Панноно-далматского восстания (6—9 гг. н. э.). Веллей пишет, что на помощь Тиберию шел нагруженный добычей Лепид через земли еще не тронутых и свободных народов, опустошая их поля, сжигая постройки, убивая мужчин, радуясь победе (Vell. Pat., II 115, 2). Сообщение Веллея тем более примечательно, что Панноно-далматское восстание охватило главным образом области между Савой и Дравой и южнее Савы, т. е. те, которые были покорены первыми. Таким образом, и в той части Паннонии, которая считалась завоеванной уже в войну 35 г. до н. э. и затем в кампанию Виниция 14—13 гг. до н. э., оставались еще целые районы и племена, куда не дошли римляне. Тем более это могло иметь место в северных и центральных областях Паннонии.

Вся эта территория от Савы до Дуная была завоевана в упорной и многолетней борьбе с иллирийскими племенами. Мы видели, как происходило покорение кельто-иллирийского племени яподов. Их центр Метул, который Аппиан назвал величайшим в тех местах, был разрушен до основания, и от целого народа почти никого не осталось в живых, ибо те, которые попали в плен, предпочли добровольную смерть римскому рабству (Dio Cass., XLIX, 35, 3). Другое племя яподов —позены — после неудачной попытки отложиться от Рима было частью уничтожено, частью продано в рабство (Appian., Illyr., 21). Результат римского завоевания для всего племени яподов сформулирован в словах Страбона: будучи некогда весьма воинственными, яподы были вконец обессилены Августом. Их области бедны, и питаются они главным образом полбой и просом [85]. Точно так же происходило завоевание и далматских областей. В городе Промоне римляне убили третью часть всех сбежавшихся под защиту его укреплений. Другой город далматов — Синодион — римляне сожгли (Appian., Illyr., 26, 27). Сама Сиския была пощажена римлянами, т. е. она сохранилась как город вследствие своего стратегического значения, но это не значит, что все горожане, так же как и спешившие к ним на помощь другие паннонцы, оказавшись пленниками римлян, не были обращены в рабов. Хотя Аппиан и написал о Сискии, что Август никого в ней не казнил, никого не отстранил (Illyr., 24), но это свидетельство может быть отнесено лишь к представителям знати Сискии, так как почетные должности в общине могла занимать только знать и только ее можно было отстранить от власти. Знать, что мы также слышим от Аппиана, согласна была сразу признать римское подчинение и выдала заложников — своих детей. Возможно, что римляне и не казнили никого из ее представителей, но вряд ли они поступили так с тем простым народом, который, придя в ярость от решения знати, постановил сопротивляться. При приближении римской армии паннонцы покидали свои деревни и убегали в леса. Римляне все сжигали на своем пути, угоняли скот и, конечно, уводили с собой или убивали то население, которое заставали в деревнях. Точно такой же характер носили их действия и во второй период войны. Тиберий также опустошил большие пространства страны паннонцев, уничтожил большое число их самих и продал в рабство молодежь (Dio Cass., IV, 31, 2—3). Оружие побежденных, как мы видели, захватывалось и уничтожалось, бросалось в бегущие потоки, чтобы течение реки таким образом «до-

[84] L. Bakóczi, Die Grundzüge der Geschichte von Intercisa, «Intercisa», т. II, Budapest, 1957, стр. 500 сл.

[85] Strabo, VII, 5,4: ἀρειμάνιοι μὲν, ἐκπεπονημένοι δὲ ὑπὸ τοῦ Σεβαστοῦ τέλεως; λυπρὰ δὲ τὰ χώρια, καὶ ζειᾶ καὶ κέγχρῳ τὰ πολλὰ τρεφομένων; ср. также IV, 6, 10.

несло еще не покорившимся величие и славу римлян» (Flor., II, 24). Результатом завоевания было то, что едва ли не все взрослое мужское население страны было уничтожено. Веллей Патеркул определяет Панноно-далматское восстание таким образом, что вся «Паннония, подросшая мужами, схватилась за оружие» (II, 110, 2); так что за теми скупыми словами, в которых Август сообщает о покорении паннонцев, скрыта большая и длительная борьба. Панноно-далматское восстание едва не уничтожило результатов двух войн. Оно приняло столь грандиозный и устрашающий характер, что древние считали его самой величайшей из войн после Ганнибаловой войны [86].

Вновь завоеванная область вместе с присоединенной ранее была объединена в обширную провинцию Иллирик, включавшую в себя Паннонию и Далмацию. Позднее, в период 6—11 гг. н. э., Иллирик был разделен на Верхний и Нижний. Верхний составляла Далмация, Нижний — Паннония. Граница между Верхним и Нижним Иллириком проходила по р. Саве, которая образовывала одновременно южную границу Паннонии. На востоке Паннония ограничивалась изгибом Дуная до места впадения в него Савы, на севере границей провинции также являлся Дунай, на западе граница проходила по суше, отделяя Паннонию от Норика,

Завоевание Паннонии, открывшее римлянам выход к Среднему Дунаю, имело огромное стратегическое значение. Последовавшее еще ранее присоединение к империи regnum Noricum (16—15 гг. до н. э.), точно так же как и покорение ретийско-винделикских племен (15—14 гг. до н. э.), почти одновременно с Паннонией завоеванная Мезия имели своим результатом то, что вся северная граница империи была продвинута до Дуная, который теперь на всем своем протяжении стал римской рекой. Обширные плодородные равнины Паннонии и Мезии, изобилующие металлами Далмация и Норик, огромные людские резервы этих областей служили для империи постоянным источником материальных ресурсов. Эти области, и прежде всего Паннония, явились потом важнейшими провинциями империи, как с точки зрения военной, так и хозяйственной.

[86] Suet., Tib., 16: ...gravissimum omnium externorum bellorum post Punica.

В. Н. Дьяков

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В СЕРЕДИНЕ III в.*

1. ОТДЕЛЕНИЕ ЗАПАДНЫХ ПРОВИНЦИЙ. СЕПАРАТИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ДУНАЕ, НА ПОНТЕ И ЕВФРАТЕ (50 и 60-е годы III в.)

Особенно тяжелый и острый период кризиса Римской империи, в течение которого она буквально находилась на грани полного развала и гибели, датируют обычно пятнадцатилетием с 253 по 268 г. Уже в древности эти страшные годы получили название «времени тридцати тиранов», а в современной историографии обычно определяются как «эпоха военной анархии».

Прологом к этому периоду явились события, непосредственно последовавшие за битвой при Абритте, время правления Г. Вибия Требониана Галла (251—253 гг.), сумевшего использовать благоприятный случай, чтобы захватить императорский престол. Стремясь легализовать свою узурпацию и примириться с сенатскими кругами, встревоженными гибелью своего ставленника Деция, он объявил своим соправителем в сане Августа младшего сына императора Деция — Гостилиана. Впрочем, последний вскоре тоже погиб, будто бы от чумы, и был заменен собственным сыном Требониана — Волузианом. Спеша в Рим для закрепления своего положения, новый император заключил мир с победителями-«скифами» на условиях свободного пропуска их со всей добычей и полоном на родину, с обязательством уплаты им ежегодной дани, тем, несомненно, потворствуя повторению подобных нашествий. Действительно, уже в 253 г. те же задунайские племена опять прорвались через границы империи и были с трудом отброшены наместником Мезии М. Эмилием Эмилианом. Оставлен-

* *От редакции.* Настоящая статья представляет собой часть задуманной, но не законченной покойным профессором В. Н. Дьяковым монографии, посвященной кризису Римской империи в III в. Готовя статью к печати, редакция не сочла себя вправе дополнять первоначальный авторский текст какими-либо вставками. Поэтому в настоящем своем виде статья сохраняет несколько фрагментарный характер, который, разумеется, был бы устранен, если бы она публиковалась — в соответствии с замыслом автора—как составная часть более крупной работы. В аппарате статьи, писавшейся несколько лет назад, естественно, недостает некоторых последних работ советских и зарубежных ученых. Редакция полагает, что несмотря на эти незначительные недочеты, публикуемое исследование одного из выдающихся советских специалистов по истории античности будет представлять большой интерес для читателей.

ная Требонианом Галлом в Мезии часть армии, по-видимому, из прежних войск Деция, раздраженная примиренческой политикой Требониана на Дунае, провозгласила императором своего нового начальника М. Эмилия Эмилиана, прославившегося недавней победой над «скифами». Почти одновременно и рейнские легионы, поддержанные, по-видимому, аристократией Галлии, используя раскол в дунайской армии, выдвинули кандидатуру своего командира П. Лициния Валериана, бывшего соправителя императора Деция. Обе армии, оставив совершенно беззащитными столь угрожаемые в последние десятилетия северные границы империи, двинулись в Италию.

В этой очередной вспышке гражданской войны сперва погиб после неудачного сражения с войсками Эмилиана вместе со своим сыном Требониан Галл, убитый своими же солдатами (Zosim., I, 28), а затем, всего через три месяца правления, был свергнут и убит тоже своими недавними сторонниками и только что признанный сенатом, но, по-видимому, чуждый ему, император Эмилиан—под предлогом, что он более пригоден для военного командования, чем для верховного управления (там же). Таким образом, в конечном результате в 253 г. победу вновь одержала сенатская партия. Ее вождь П. Лициний Валериан, с 238 г. princeps senatus, возглавлявший сенатскую реакцию при Гордианах I и II, при Бальбине и Пупиене, а затем и при Филиппе и Деции, оказался теперь будто бы «единодушным решением» (κοινῇ γνώμῃ) облачен императорскою властью (осень 253 г.). Отблеск особой популярности среди аристократии этого потомка старинной семьи римских нобилей лежит на всех отзывах наших источников, настаивающих на исключительной пригодности Валериана к занятию императорского поста и на чрезвычайной его добросовестности в исполнении своих административных обязанностей [1].

Естественно, эта победа сторонника сенатской реакции должна была повести к еще большему обострению социальных отношений и социальной борьбы. В известной мере первый повод к тому дал сам же император. По примеру своих предшественников и в нарушение сенатского принципа выборности императоров [2] он немедленно в целях закрепления своей династии провозгласил своего сына Галлиена соправителем с возведением его в сан второго Августа. Конечно, этот шаг не встретил одобрения сенатской аристократии, а это, по-видимому, положило начало расколу в самом правящем доме и враждебному отношению к сенатской партии Галлиена, столь резко проявившемуся в дальнейшем.

Затем большие денежные затруднения заставили правительство Валериана прибегнуть к чрезвычайным мероприятиям финансового характера. Казна была пуста, а монета обесценена ее постоянной порчей: антониниан, чеканенный при Валериане, содержит всего 11% серебра. В поисках новых источников доходов по инициативе М. Фульвия Макриана, финансового советника Валериана и ревностного язычника, были в 257 и 258 гг. изданы два эдикта, направленные с целью воспользоваться значительно возросшим к этому времени церковным имуществом против разбогатевшего христианского клира и богатых покровителей христианства. Уличенные в принадлежности к этой верхушке христианских общин присуждались к конфискации имущества и ссылке на работы в рудниках (ad metallas), а епископы, пресвитеры и дьяконы даже к смертной казни. Было много пострадавших—но именно среди этих высших членов христианской церкви; простых лю-

[1] Zosim., I, 29; Wickert, RE, т. XIII, 1926, Licinius, № 173, стб. 488—495.
[2] SHA, Vita Sept Sev., 20,5 — 21, 1—9.

дей не трогали, так как все это гонение имело, по выражению Грегуара, ортодоксального католика, лишь характер «финансового вымогательства» [3].

Но особенно осложнило положение то обстоятельство, что гражданская война 253 г. имела исключительно тяжелые и болезненные последствия для внешней обороны империи. В связи с уходом в Италию войск, оборонявших северные границы империи, эти опасные рубежи оказались совершенно обнаженными и беззащитными, что повело к дальнейшему развалу всей римской оборонительной системы, а вместе с тем к острой вспышке антиримских движений на периферии. Именно в это время на Рейне, где после походов Максимина было относительно спокойно, началось образование из разрозненных германских племен мощных союзов. Старинные враги римлян — сигамбры, бруктеры, хамавы, хатты, батавы и другие более мелкие племена, жившие по Среднему и Нижнему Рейну, образовали в 40-х годах III в. обширный союз «франков». Одновременно с ним и южнее, между Майном и Дунаем, возник не менее мощный племенной союз, возглавлявшийся передвинувшимися еще в начале III в. с севера (из Бранденбурга) аламаннами. В 253—254 гг. франки и аламанны прорвали limes на Рейне, и дружины их рассеялись по всей Галлии, опустошая ее цветущие области—франки на севере и западе, аламанны—на юге. Галлиену, присланному с обширными полномочиями на рейнскую границу, с трудом удавалось удерживать главные римские крепости на Рейне. Германцев, превосходивших римлян силами, он старался сдержать уже не столько военными средствами, сколько заключением договоров с отдельными германскими вождями на условии предоставления их дружинникам и сородичам земель на римской территории. Чтобы закрепить дружбу с маркоманнским вождем Атталом, он даже взял себе в жены (или конкубины) одну из его дочерей. Такими средствами Галлиену все же удалось предотвратить полный захват Галлии германскими ордами; на выпущенных в его честь монетах он именуется «Восстановителем Галлии» (Restitutor Galliarum) [4].

Однако восстания, вспыхнувшие в Дунайских провинциях, побудили Галлиена в 258 г. вновь снять часть войска с рейнской границы на их подавление. Защиту ее Галлиен поручил своему сыну Галлиену Младшему—Салонину, назначив опекунами и советниками его некоего Сильвана, по-видимому, человека из придворной среды, и начальника (dux) рейнского лимеса М. Кассиания Латиния Постума (SHA, 30 tyr., 3). В результате этого нового ослабления пограничной обороны, а также создавшегося в Галлии многоначалия рейнская граница в 258 г. оказалась вновь прорванной почти на всем своем протяжении. Отряды франков на этот раз не только особенно глубоко вторглись в Центральную Галлию, но отсюда проникли в Испанию, овладели Таррагоном и даже на кораблях, захваченных в испанских портах, переправились в Мавретанию [5]. Одновременно с этим аламанны захватили всю долину Роны и распространились до Оверни (там же).

Эти военные неудачи вызвали раздор среди оставленных Галлиеном в Галлии полководцев и советников молодого Салонина, закончившийся тем, что солдаты убили последнего и провозгласили императором Посту-

[3] H. Grégoire, Les persécutions dans l'Empire Romain, Bruxelles, 1951, стр. 53; Е. М. Штаерман, Кризис III в. в западных провинциях Римской империи, М., 1957, стр. 417, усматривает здесь одну из форм борьбы между крупными земельными собственниками и сословием декурионов, хотя эдикты особенно угрожают сенаторам, «которые будут упорствовать», и чиновникам.

[4] M. Cohen, Description historique des médailles frappées sous l'Empire Romain, P., 1885, т. V, Gallien, № 895—900.

[5] M. Besnier, L'Empire Romain de l'avènement des Sévères au concile de Nicée, P., 1937, стр. 176; Gr. Tur., Hist. Franc., I, 33—34.

ма[6]. Его вскоре признали все западные провинции — вернее, верхние слои населения этих провинций — Галлия, Британия, Испания, и, таким образом, образовалась в 259 г. на Западе отделившаяся от Рима Галльская империя со столицей в Трире. Судя по крайне скудным сведениям, преимущественно нумизматического характера, она представляла собою уменьшенный сколок с империи Римской, и даже на чеканенных здесь монетах часто встречаются легенды: Roma aeterna, Pax Augusta, Genius populi Romani. Постум и его преемники титуловались по римскому образцу Pius, Felix, Invictus, Augustus, Pater patriae; здесь были свои консулы, собирался свой сенат. Главной задачей этого государства являлась борьба с германцами, защита от них галльских селений и римских городов (к этому времени относится кольцо укреплений Трира и постройка его «Черных ворот»). За удачное выполнение этой задачи Постум, по-видимому, с бóльшим основанием, чем раньше Галлиен, также получил почетное название Restitutor Galliarum, Restitutor orbis[7].

По-видимому, для времени галльской империи отмечен расцвет экономической деятельности прирейнского населения. Надгробные барельефы из Неумагена, хранящиеся в музее Трира, купеческой семьи Секундиниев из Игеля свидетельствуют об этом[8].

Уход с Эмилианом мезийских легионов в Италию открыл для задунайских племен возможность вторжения глубоко внутрь Балканского полуострова. Племена Нижнего Дуная летом 253 г. проникли через Мезию и Фракию до берега Эгейского моря и осаждали столицу Македонии — Фессалонику, так что жители города с трудом сдерживали их отчаянные натиски. Одновременно маркоманны начали опустошительные набеги на пограничные с ними земли Паннонии и, по-видимому, также Дакии. «Греция была охвачена паникой: афиняне принялись спешно восстанавливать стены, которые лежали в развалинах со времен Суллы; пелопоннесцы возводили оборонительные сооружения на Истме; по всей Греции производился набор ополчения для несения охранной службы» (Zosim., I, 29). На этот раз Греция избежала разгрома; снята была и осада Фессалоники. Обремененные громадной добычей, доставшейся им от разграбления других городов и селений, к зиме 253—254 г. варварские полчища отхлынули обратно за Дунай.

В следующие годы наши источники ничего не сообщают о новых вторжениях придунайских племен в Македонию и Грецию, однако, несомненно, к этому времени (256—257 гг.) следует относить утрату римлянами значительной части провинции Дакии — важного плацдарма на левом берегу Дуная, прикрывавшего подступы к Балканским провинциям. В связи с особенно сильным вторжением в нее в 257 г. пограничных племен, в особенности карпов, квадов и др., римлянам пришлось эвакуировать всю северную часть провинции до реки Мариса и вывести свои гарнизоны из городов Потаиссы и Апула в юго-западные районы этой провинции [9].

---

[6] SHA, Vita Gall., 4, 3; 30 tyr., 3,2—3; Zosim., I, 38; Zon., XII, 24.

[7] Cohen, ук. соч., т. VI, Postumus, № 88—140; 311—326. Последовательность «галльских императоров» установлена Sture Bolin, Die Chronologie der Gallischen Kaiser, Lund, 1932; Postumus 259—268; Laelianus одновременно с Постумом в 268; Marius — короткое время после смерти Постума в 268; Victorinus 268—270; Tetricus—270—273.

[8] См. E. Espérandieu, Recueil des bas-reliefs, т. VI, P., 1915, №№ 5140—5223, № 5268.

[9] И. Т. Кругликова, Дакия в эпоху римской оккупации, М., 1955, стр. 157; Ю. К. Колосовская, К истории падения римского господства в Дакии, ВДИ, 1955, № 3, стр. 83—84.

Положение было тем опаснее, что и здесь особенно ярко проявилась обострившаяся уже с конца II в. общая антиримская настроенность местного населения и его сепаратистские тенденции [10].

Выдвижение рейнской армией и сенатом Валериана нашло на Дунае весьма неблагоприятный для нового императора прием и стало поводом к явлениям, сходным с теми, что происходили в Галлии. Уже в 258 г. паннонские и мезийские легионы (дакийские в источниках с этого времени уже не упоминаются) провозгласили императором наместника Паннонии Ингенуя, одного из наиболее выдающихся и популярных среди солдат военных командиров. Кандидатура его была поддержана и местным населением, очевидно, уверенным, подобно солдатам дунайской армии, что он больше внимания будет уделять местным нуждам и что ему удастся вывести эти придунайские земли из того тяжелого положения, в которое поставили их беспрестанные набеги германцев и сарматов (SHA, 30 tyr., 9, 1). Эти сепаратистские тенденции и вызвали те исключительно суровые меры, которые применял Галлиен при подавлении этого восстания после победы над Ингенуем. Галлиен приказал своим солдатам истреблять всех воинов мезийской армии и все мужское гражданское население провинции Мезии, поддерживавшей Ингенуя [11]. Но и эти жестокие меры не могли подавить враждебного новому императору движения на Нижнем Дунае. Вскоре, в 260 г., вспыхнуло второе подобное же восстание в Мезии, причем императором был провозглашен один из начальников войск Иллирика Регалиан. Инициатива его выдвижения, по словам автора его биографии, исходила от тех, кто раньше стоял за Ингенуя и против земляков [parentes] которого столь свирепствовал Галлиен. В заслугу Регалиану ставилась его энергичная борьба с сарматами, вследствие чего в противоположность медлительному Галлиену ему удалось отстоять Иллирик. Особую популярность создавало ему и то, что он был по происхождению дакиец и будто бы потомок самого Децебала. Монетный двор в Карнунте несколько лет чеканил монеты с его портретом и именем.

По-видимому, и здесь была тенденция создания сепаратной Дунайской империи, так как ни Ингенуй, ни Регалиан не делали никаких попыток, подобно Требониану Галлу и Эмилиану, двинуться в Италию для захвата Рима и центрального императорского аппарата.

Частичная утрата Дакии и неустойчивость власти Рима в Паннонии и Мезии давали придунайским племенам особенно большие возможности для новых сухопутных вторжений в средиземноморские провинции, в Иллирию, Македонию и Ахайю. Одновременно Рим утратил и свое господство на Черном море, открыв тем самым весь свой восточный фланг для обходных морских нападений со стороны многочисленных северочерноморских племен. Уже к концу II в. н. э. в связи с возрастающими затруднениями на Нижнем Дунае римскому командованию пришлось стягивать сюда свои войска с менее угрожаемых частей римского лимеса. Тогда отозваны были гарнизоны римских кастеллов таврического побережья, и военная охрана Таврики поручена была союзным боспорским войскам. Об этом свидетельствует боспорская надпись в честь царя Тиберия Юлия Савромата II (174—210 гг.), в которой сообщается, что он одержал победы над скифами и сирхами «и землю Таврическую присоединил по договору» (IOSPE, II, 423: καὶ Ταυρικὴν ὑπόσπονδον λαβών). Такой договор мог быть заключен только с Римом, настоящим хозяином Таврики и Боспора со времени прав-

[10] C. E. Van-Sickle, Particularism in the Roman Empire during the military Anarchy, AJPh, 51 (1930), стр. 343—357.

[11] SHA, 30 tyr., 9, 3, Штаерман, ук. соч., стр. 476—479, считает, что ни войско, ни мелкое землевладельческое население не поддерживали этих дунайских императоров. Нижнемезийские легионы VI и VII получили в это время почетное обозначение piaefideles.

ления Нерона. Характерно, что в открытой в 1947 г. в Фанагории надписи, относящейся к 179 г., т. е. времени конца Маркоманнской войны, цари Боспора именуются весьма пышно οἱ κύριοι βασιλεῖς — т. е. независимыми царями-владыками [12], а на монетах Савромата II с конца II в. уже нет портретов римских императоров — их заменяет изображение местной святыни — статуи Афродиты Апатуры [13]. Одновременно боспорские цари начинают подчеркивать свое божественное происхождение от Посейдона и Геракла (IOSPE, II, 358 — царь Тиберий Юлий Савромат), от Геракла и сына Посейдона Евмолпа (IOSPE, II, 42 — Тиберий Юлий Рескупорид, сын Савромата II, 210 — 226 гг.). На монетах изображение царя дается в виде Посейдона с атрибутами Геракла. Все это свидетельствует об ослаблении влияния Рима на дела Северного Причерноморья. Мало того, по-видимому, в договоре Рима с Савроматом II имелось даже обязательство со стороны Рима о предоставлении боспорским царям некоторых денежных субсидий на военные цели; есть известия, что императоры посылали боспорским царям в III в. ежегодно дары.

Эти функции заслона римской ойкумены на крайнем северо-востоке Боспорское царство и выполняло до середины III в. Но к этому времени, с одной стороны, усилился нажим племен, обитавших по северному побережью Понта, с другой — ослабло оказываемое им боспорцами сопротивление. Так, в первом отношении следует отметить, что к давлению с востока сарматов, алан, могильники которых, как показывают новейшие раскопки, протянулись в III в. уже до самого Днепра (Усть-Каменский курганный могильник), прибавилось также постепенное продвижение к низовьям Днепра раннеславянских племен. Об этом свидетельствуют городища, селища и некрополи Нижнего Поднепровья [14], а также некрополь Ай-Тодора (Харакса). По-видимому, авангардом этих раннеславянских племен были те загадочные бораны, которых нередко считают готами [15], но которых от готов явно отличает единственный упоминающий о них Зосим (Zosim., I, 31). В своем перечне придунайских племен Зосим помещает боранов дальше всего на восток и сообщает, что именно они стремились проникнуть в Азию (Βορανοὶ δε καὶ τῆς εἰς τὴν Ἀσίαν διαβάσεος ἐπειρῶντο). Не исключено, что вместе с боранами могли появиться и отдельные дружины готов.

По-видимому, под ударами этих передвигавшихся племен в 40-х годах III в. сильно пострадал самый северный форпост боспорского царства Танаис и греческие города Северного Причерноморья — Тира и Ольвия (с 235—238 гг. здесь прекращается чеканка монет) [16]. С 237 г. внезапно исчезают весьма многочисленные до этого времени танаисские надписи. Последние из них свидетельствуют об опасном внешнем положении города, о подготовке его к обороне: починка стен и башен, забота о водоснабжении [17]. Окончательно Танаис погиб в связи с нашествием гуннов [18]. Наконец, в это же время отмечается и все бóльшая варваризация населения Боспорского царства. Об этом свидетельствует ономастика — исследова-

[12] ВДИ, 1948, № 4, стр. 77—90.
[13] М. М. Кобылина, Фанагория, МИА, № 57, 1956, стр. 78.
[14] Н. Г. Елагина, Население Нижнего Поднепровья во II в. до н. э. — IV в. н. э. Диссертация, 1953, ИИМК, машинопись; А. П. Смирнов, К вопросу о славянах в Крыму, ВДИ, 1953, № 3; против этого мнения см. В. Кропоткин, Топография римских и ранневизантийских монет на территории СССР, ВДИ, 1954, № 3, стр. 160—161.
[15] В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, Л., 1949, стр. 443.
[16] А. Н. Зограф, Античные монеты, М., 1951, стр. 89 сл.
[17] Гайдукевич, ук. соч., стр. 443; Т. Н. Книпович, Танаис, М.—Л., 1949, стр. 7, прим. 1.
[18] Книпович, ук. соч., стр. 124—125.

ние имен должностных лиц в надписях, относящихся к III в. н. э. Значительное большинство из них или негреческого происхождения, или смешанного греко-варварского, особенно часто иранского (сарматского). Даже высшие сановники Савромата III, Тейрана и др., такие, как наместники царей хилиархи и лохаги, обычно уже не греки, а эллинизированные сарматы (Маст, сын Маста, целый род Ахеменов, Юлий Хофарн, Менестрат, сын Госемфлия, Фидан, сын Феангела, Лейман, сын Фиды, Эрот, сын Радамаса — начальник отдела отчетов при царе Юлии Тиберии, Тейране, и в такой же должности Психарион, сын Сога, см. IOSPE, II, 29).

Расстройство обмена, усиливающаяся натурализация городского хозяйства, напряжение платежных средств населения в связи с ухудшением внешнего положения — неминуемо должны были повести к экономическим затруднениям и к обострению социальной борьбы в Боспорском царстве. Об ухудшении хозяйственного положения свидетельствует неуклонно нарастающая порча боспорской монеты. Боспорские статеры, первоначально золотые, уже при Рескупориде III (210—226 гг.) содержали только 30% золота, а в 230—240-х годах они чеканятся из низкопробного биллона, в котором к меди добавляется 10—20% серебра и только 1—2% золота, чтобы придать тускло-серому цвету монеты хотя бы слабую желтоватую окраску [19]. Монеты, за отсутствием иных источников, дают возможность судить о совершавшихся в это время на Боспоре политических переворотах. Так, правление Котиса III (227—233 гг.) прерывается на два года (229—231 гг.) правлением некоего Савромата III, которого считают временно захватившим власть узурпатором. Второй подобный же случай наблюдается в 253—254 г., когда серия монет с именем Рескупорида V прерывается монетами «царя Фарсанза», явного иноплеменника, оказавшегося на два года обладателем царской власти. К этим событиям, несомненно, и относится известное замечание Зосима, что в то время как Галлиен боролся с германцами на Рейне (т. е. 253—256 гг.), на Боспоре «прекратился царский род», находившийся в дружеских отношениях с Римом, и «власть получили низкие и недостойные люди», отношение которых к Римской империи и ее интересам оказалось уже иным (Zosim., I, 31).

Так на всем протяжении северной границы Римской империи от Атлантического океана до Меотиды, во всех западных и северных провинциях, а также в зависимом Боспорском царстве власть центрального римского правительства была глубоко подорвана антиримскими и сепаратистскими движениями, а на западе образовалась даже особая Галльская империя.

В еще более грозном виде и широком масштабе развернулись схожие явления в юго-восточной части Римской империи, где антиримские, сепаратистские и партикуляристские движения уже давно приобрели весьма острый характер и где вместе с тем Рим имел особенно мощного соперника и противника в лице воинственной Новоперсидской державы.

Свое сообщение о событиях на Боспоре Зосим ставил в связь с прорывом северных причерноморских племен к южным берегам Причерноморья и с началом их опустошительных морских походов, имевших следствием разгром Балканских и Малоазиатских провинций Римской империи. «В то время как Галлиен боролся с германцами на Рейне,— рассказывает он (несомненно, следуя Дексиппу),— бораны, готы, карпы и уругунды (таковы имена народов, обитающих в прилегающих к Истру областях) благодаря своим непрерывным опустошительным набегам не оставили целой ни одной части Италии и Иллирика, разграбляя их без всякого сопротивления с чьей бы то ни было стороны (οὐδενὸς ἀνθισταμένου). Бораны же делали даже попытки перебраться в Азию. В этом отношении они очень

[19] З о г р а ф, ук. соч., стр. 206—208.

легко приобрели содействие жителей Боспора, которые больше из страха перед ними, чем добровольно, предоставили им свои корабли и стали их проводниками при переправе. Ведь пока они (боспорцы) имели наследственных царей, продолжает Зосим, так что власть переходила от отца к сыну, то частью из дружеских отношений с римским народом и коммерческих выгод, частью в возмещение тех даров, которые ежегодно им присылались императорами, они не переставали препятствовать намерениям скифов перебраться в Азию. Однако после того, как прекратился царский род и власть получили низкие и недостойные люди (ἀνάξιοί τινες καὶ ἀπερριμένοι τῆς ἡγεμονίας κατέστησαν κύριοι), из страха за себя самих они предоставили скифам возможность добраться через Боспор до Азии и перевезли их на своих судах».

Из дальнейшего рассказа Зосима следует, что первый морской поход скифов-боранов, начавшийся в 255 или 256 г. [20], был направлен на Кавказское побережье римской провинции Понт. Высадившись с боспорских судов где-то на самой северной окраине провинции и отпустив боспорские корабли— знак, что они собирались обосноваться надолго,— бораны начали жестокое опустошение прибрежных селений, заставив жителей укрыться в устроенные вдали от берега укрепления [21]. Однако их попытка взять первый же укрепленный пункт Питиунт не увенчалась успехом. Этот крупный город (Страбон называет его Великий Питиунт) в 360 стадиях от Диоскурии-Севастополя (Сухуми), бывшей, по выражению Арриана, «крайним пунктом римского владычества на правом (южном) побережье Понта» [22], был окружен мощной стеной (καρτερὸν τεῖχος — под таким именем он упоминается у Птоломея) [23] и имел весьма удобную гавань. В III в. он уже был подчинен Риму и снабжен значительным гарнизоном под командованием весьма видного римского военачальника Сукцессиана (Zosim., I, 32). Возможно, что это был сам наместник провинции Понт, так как всего через год после этого Сукцессиан был назначен Валерианом префектом претория. Под угрозой быть окруженными вызванными на выручку Питиунта отрядами, бораны спешно собрали какие могли найти в окрестностях Питиунта плавучие средства (очевидно, местные долбленые лодки-камарры) и с большим трудом вернулись домой.

Этот первый неудачный поход дал, однако, «скифам» возможность произвести широкую разведку общего положения дел и состояния обороны на восточных окраинах Римской империи. Используя эти сведения и опыт первого похода, те же бораны в ближайший мореходный сезон повторили свой набег в значительно более крупном масштабе. Высадившись вновь, на этот раз вблизи реки Фасиса (Риона) [24], они с налета попытались захватить и разграбить весьма чтимый в этих местах храм «фасийской богини» (Кибелы?), стоявший у самого входа в реку на ее берегу [25]. Взять это святилище «скифам», однако, не удалось, так как в непосредственной бли-

[20] А. М. Ременников, Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке н. э., М., 1954, стр. 93.

[21] О густой населенности, развитом хозяйстве и высокой культуре Колхиды см. Д. Капанадзе и К. Голенко, К вопросу о происхождении колхидок, ВДИ, 1957, № 4, стр. 88—95.

[22] Arrian., Peripl., 26—27, изд. Müller, 99M. Также H. Chotard, Le Périple de la mer Noire par Arrien, P., 1860; новое изд. A. Baschmakoff, La Synthèse des périples pontiques (текст и франц. перевод), 1948; см. ВДИ, 1948, № 1, стр. 265—275 (перевод). На месте Страбонова Питиунта (Пицунды) имеются археологические остатки позднеримского укрепления, ВДИ, 1948, № 2, стр. 271, прим. 4.

[23] Ptolem., Geogr., V, 8, 10; 9, 1; также XI, 14.

[24] Л. А. Ельницкий, Из исторической географии древней Колхиды, ВДИ, 1938, № 2, стр. 307 и сл.

[25] Эту богиню Арриан по внешнему виду ее статуи определял как Рею; Зосим называет ее Артемидой; Arrian., Peripl., 11; Zosim., I, 32,3.

зости от него, на левом берегу Фасиса, находилось сильное римское укрепление, которое в своем «Перипле» подробно описал Арриан. По этому укреплению можно судить о том, что представляли собою другие римские крепости этого района, составлявшие часть римского кавказского лимеса. «Крепость, где помещаются 400 отборных воинов, показалась мне весьма сильной по природным свойствам местности и расположенной на месте, очень удобном для защиты плавающих здесь. Вокруг стены проведены два рва: оба они весьма широки. Прежде стена была земляная и на ней стояли деревянные башни, но теперь и стена и башни построены из обожженного кирпича; она построена на прочном фундаменте, на ней поставлены военные машины, одним словом, стена снабжена всем необходимым для того, чтобы никто из варваров не мог даже приблизиться к ней, не говоря уже о невозможности угрожать осадой находящемуся в ней гарнизону. А так как и сама гавань должна представлять безопасное убежище судам и все места, которые вне укрепления, населены отставными военными и некоторыми другими торговыми людьми, то я решил от двойного рва, окружающего стену, провести другой ров до самой реки. Этот вал окружит гавань и дома, стоящие вне крепостной стены» [26]. Развалины этой крепости были видны еще в первой половине XIX в. и описаны Дюбуа де Монпере. Следы ее в виде земляных насыпей и четырех бугров, полагают, можно видеть и в настоящее время среди болота в 500 *м* от берега Риона и в 6 *км* на восток от Поти. Место это носит название «Наджихури», что значит «бывшая крепость» [27]. Еще более крупным укреплением был Апсар, расположенный к югу от устья реки Чороха, недалеко от современного Батуми. Гарнизон в нем состоял из пяти когорт, по-видимому вспомогательных, так как в одной надписи II в. они названы numeri и командиром их был центурион примипилар [28].

Не задерживаясь в этом укрепленном районе и используя боспорские корабли, которые на этот раз «скифы» уже не отпускали обратно домой, они, минуя укрепленную Диоскурию, отступили на север и внезапным налетом захватили не ожидавший на этот раз их нового появления и не подготовившийся к нему Питиунт. Сукцессиана в нем уже не было, незадолго до этого Валериан вызвал его в Антиохию и назначил префектом претория. Гарнизон крепости был истреблен, но гражданское население скифы пощадили. По-видимому, оно не было настроено враждебно по отношению к пришельцам, так как из умеющих грести они набрали экипажи для многочисленных захваченных в гавани Питиунта кораблей. Используя благоприятное время года и тот же момент неожиданности, что позволил боранам овладеть Питиунтом, минуя Диоскурию и Фасис с его укрепленным районом, они напали на один из крупнейших и населеннейших городов Понтийской провинции Трапезунд (πόλις μεγάλη καὶ πολυάνθροπος — Zosim., I, 33, 1).

Трапезунд представлял собою мощную крепость, защищенную двойной стеной, и, кроме обычного значительного гарнизона, получил еще десятитысячное подкрепление. Вместе с тем это была главная база римского военного черноморского флота (classis Pontica). Однако начавшаяся осада города скоро показала, с одной стороны, деморализацию римских воинских частей, с другой — пассивность в отношении обороны или даже

[26] Arrian., Peripl., 12; ВДИ, 1948, № 1, стр. 269. Город Фасис известен был и Страбону: «При реке Фасисе лежит город того же имени, торговый порт колхов, имеющий перед собой с одной стороны реку, с другой — озеро, с третьей — море» (XI, 2, 17).

[27] Н. Ю. Ломоури, Из исторической географии древней Колхиды, ВДИ, 1957, № 4, стр. 96—99; Dubois de Montpéreux, Voyage autour du Caucase, т. III, P., 1839, стр. 67—76.

[28] Arrian., Peripl., 7; CIL, X, 1202.

сочувствие варварам части населения города и его окрестностей. Так, по свидетельству Зосима (I, 33, 2), солдаты до такой степени предались всяким развлечениям и попойкам, что перестали даже всходить на стены для их защиты. Что же касается многочисленного населения города, увеличенного к тому же массовым притоком беглецов из окрестностей его, то оно не только не проявило какой-либо активности в отношении обороны, но некоторые даже, по свидетельству неокесарийского епископа Григория (так называемого «Чудотворца», ученика Оригена), «сдавались в плен и присоединялись к варварам. Они нападали вместе с ними, забыв, что были понтийцами и христианами, и ожесточились до того, что убивали своих единоплеменников или вешали их, а также указывали дороги и дома незнакомым с местностью варварам» [29]. Можно полагать, что это было проявлением острой социальной борьбы.

Естественно, что при таких условиях длительная оборона была невозможна, и Трапесунд был взят и разграблен «скифами». У Зосима сохранились и некоторые подробности этого: «заметив подобную беспечность и распущенность из-за пьянства солдат гарнизона, «скифы» подвели к стенам (обрубленные) деревья, которые заранее заготовили, чтобы при помощи их можно было взобраться на стены, и ночью, взбираясь по ним небольшими отрядами, захватили город. Охваченный паникой в связи с внезапным и неожиданным появлением врагов гарнизон частью спасся бегством через ворота, еще не захваченные, частью же был уничтожен врагами. Захватив подобным образом город, варвары овладели несметным количеством драгоценностей и пленных: ведь все окрестные жители стеклись сюда, как в надежно укрепленное место. Разрушив храмы и жилые дома, истребив все, что было создано здесь для удобной и привольной жизни, и опустошив набегами всю округу, варвары на великом множестве кораблей отплыли домой».

Особенно разрушительный характер носил непосредственно следовавший за этим 3-й поход «скифов» осенью 257— зимой 258 г. В рассказах древних авторов о связанных с этим событиях мы вновь замечаем мысль о глубокой пассивности и даже враждебности по отношению к Риму низов местного населения.

На этот раз, по сообщению Зосима, главную роль играли «соседние с боранами скифы» (ὁμοροῦντοι ἐκύθοι — I, 34, 1), по-видимому, племена, обитавшие в западных районах Северного Причерноморья, певкины, карпы, бастарны и визиготы, побуждаемые, по словам того же Зосима, «завистью к захваченной боранами добыче». Они тоже постарались обзавестись флотом, частью путем постройки судов с помощью пленных греков, частью путем захвата кораблей прибывавших к ним с торговыми целями греческих купцов. По-видимому, сборными пунктами на этот раз являлись Тира и Ольвия, т. е. устья Днестра и Днепра.

Спешность приготовлений, недостаток кораблей и наступающая зима побудили, однако, западных «скифов» поход свой проводить комбинированным образом: часть их дружин отправилась на этих недавно ими освоенных и, по-видимому, не очень многочисленных судах, другая, несомненно, бóльшая часть, двигалась параллельно по суше, вдоль восточного побережья Фракии, обходя расположенные здесь сильно укрепленные города (Томы, Анхиал и др.). Добравшись до Боспорского пролива, «скифы» стали встречать даже сочувствие среди низов местного населения. Так, им удалось вступить в соглашение с рыбаками, лодки которых были спрятаны в болотах Филиатского озера, и они перевезли их сухопутное войско на

[29] Gregor. Thaumaturg., Migne, Patrologia, стр. 1040. Послание епископу Трапезунта в переводе Ременникова, Борьба племен Северного Причерноморья..., стр. 95.

противоположную сторону пролива, где расположены были богатейшие вифинские города. Нашли они себе и добровольных проводников, по-видимому, из среды рабов, насколько можно судить по имени одного из них— Хрисогона, которого впоследствии осыпали всякими наградами. Охранявшие пролив римские войска, хотя и были весьма многочисленны и занимали выгодные позиции вдоль всего боспорского побережья, оказались охваченными паникой при одном известии о приближении «скифов» и немедленно разбежались. Поэтому «скифам» не только удалось беспрепятственно переправиться через пролив, но и произвести грандиозный разгром богатых вифинских городов, в которых внутренняя обстановка похожа была, по-видимому, на трапесунтскую. Сперва в их руки попал и был разграблен Халкедон, а затем та же участь постигла и столицу Вифинии — Никомедию, «город, по словам Зосима, величайший и цветущий» (μεγίστη καὶ εὐδαίμων). Из Никомедии при приближении «скифов» бежал не только гарнизон, но и все зажиточное население, бросив на произвол судьбы большую часть своего имущества, ставшего, таким образом, желанной добычей варваров. Затем дошла очередь до Никеи, Киоса, Апамеи и Прусы. От погрома уцелел лишь Кизик, стоявший уже на побережье Пропонтиды, и то потому, что в связи с зимним временем начался разлив рек и тем затруднено было дальнейшее продвижение сухопутных скифских отрядов. Наступление зимней погоды побудило обремененных добычей варваров повернуть обратно, довершить разграбление захваченных уже городов, которые на этот раз они при уходе беспощадно предавали огню, и, погрузив свою добычу на повозки и корабли, столь же беспрепятственно вернуться в родные места, очевидно, опять и сухим путем, и по морю, вдоль западного фракийского побережья. Все это свидетельствовало о глубокой политической разрухе и административном бессилии Римской империи в середине III в.

Между тем этот поход «скифов» на вифинские города в 258 г. был для Римской империи особенно опасен, так как представлял собою грозный удар по основным римским коммуникациям. Он ставил под угрозу как дунайскую оборону, поскольку ее основной снабжающей базой являлись провинции Малой Азии, так и восточную римскую армию, в основе своей опиравшуюся на военные подразделения и резервы Фракии, Мезии и Паннонии [30]. Без опоры на Малую Азию нельзя было удерживать Дунайский limes, а с его падением нельзя было защищать и Италию. Однако серьезно вмешаться в дела Причерноморья и оказать помощь отдаленной провинции ни один из обоих тогдашних Августов не имел возможности, так как не менее грозное положение складывалось тогда на крайнем Западе и на крайнем Востоке Римской империи. Шапор, второй царь Новоперсидского царства, сын основателя его Ардашера-Артаксеркса I и такой же, как его отец, заклятый враг греков и римлян, жестокий деспот, но и не лишенный таланта полководец, уже в 252 г. захватил Армению, выгнав римского ставленника царя Тиридата и поставив армянским царем своего родственника Артавазда. В 256 г. он начал свой разрушительный поход на Запад. Захвачены были главные города Осроэны — Нисибис и Карры, упорно защищалась лишь Эдесса. Персы прорвали римскую оборонительную линию на Евфрате и внезапным набегом захватили столицу Сирии, третий по величине город империи, «метрополию всего Востока»— Антиохию (Zosim., I, 27). Население до такой степени было неосведомлено о приближении врагов, что большинство во время их появления в городе находилось в театре, где и погибло от стрел окруживших его персид-

[30] E. Gren, Kleinasien und der Ostbalkan in der wirtschaftlichen Entwicklung der Römischen Kaiserzeit, Uppsala, 1931, стр. 129—130.

ских стрелков. Правителем страшно опустошенных Антиохии и всей Сирии Шапор назначил богатого антиохийского гражданина Кириадиса, дав ему титул Августа. Биограф склонен изображать его самыми мрачными красками как распутника, предателя и даже отцеубийцу [31], потому что он был представителем антиримски настроенных кругов богатого восточного купечества, которые даже персидскую власть предпочитали римской. Из Сирии персы вторглись в Каппадокию и таким же образом расправились с ее главным городом Цезареей.

Этот разгром богатых восточных провинций побудил императора Валериана вместе со своим советником Макрианом спешно отправиться на Восток, выгнать Кириадиса из Антиохии и приняться за подготовку похода против персов. Для этого со всех восточных провинций стягивались войска и даже из стоявшего под угрозой нового набега «скифов» Понта вызван был прославившийся защитой Питиунта Сукцессиан. Даже в Византий, ключ к проливам, Валериан не мог послать сколько-нибудь крупного военного отряда, ограничившись отправкой туда лишь видного военного специалиста Феликса, несомненно, с поручением организовать местную милицию [32].

В таких условиях и произошла в 260 г. та катастрофа, которая повела к фактическому отпадению от империи также ее восточных провинций. Закончив свою подготовку к восточному походу, император Валериан с основным ядром своей армии выступил из Антиохии, но не в восточном направлении, а на север, в Каппадокию. По-видимому, задачей его было занять промежуточную позицию между двумя пунктами, откуда в одинаковой мере грозила опасность — между южным побережьем Черного моря и Персией. Такая позиция в Каппадокии давала ему возможность прикрыть главную дорогу на Боспор Фракийский и Иллирик, которая шла через Тиану — Анкиру — Никею — Никомедию — Византий и по которой он мог ожидать пополнений и подкреплений из Дунайской армии. В то же время римская армия могла свободно маневрировать против персов, наступление которых можно было ожидать как со стороны Месопотамии, так и из фактически оккупированной ими Армении. Наконец, отсюда Валериан имел возможность прийти на помощь все еще сопротивлявшейся персам Эдессе.

Однако как раз последнее намерение и привело как самого императора, так и всю с трудом собранную им армию к конечной катастрофе. При первой же попытке освобождения Эдессы путем продвижения за Евфрат, вероятно, в районе Самосаты, Валериан был отрезан персами от своей базы и должен был капитулировать со всей своей армией (весна 260 г.). Подробности этого несчастного для римлян похода неизвестны, но вину за неудачу его наши источники единодушно возлагают на префекта претория Макриана, оставленного Валерианом в тылу для снабжения его армии, предательски дававшего ему ложную информацию о движении персидских войск [33].

В результате этого небывалого поражения римлян Шапор принял титул «шахиншах (царь царей) Ирана и Не-Ирана», понимая под последним весь западный мир, а оправдывавшая эти гордые претензии сцена пле-

---

[31] SHA, 30 tyr., 2; Zosim., I, 27.

[32] Zosim., I, 36. Насколько такая милиция была ненадежна, а социальные отношения обострены, показывает вспыхнувшее несколько позднее, в 262 г., в Византии военное восстание. Солдаты захватили город и произвели здесь такую резню среди знатных и богатых людей, что, по словам биографа Галлиена (6, 8—9), из древней знати Византия почти никто не уцелел, разве только тот, кто был в путешествии или на военной службе (nisi si aliquis peregrinatione vel militia occupatus evasit).

[33] SHA, 30 tyr., 12, 1; Aurel. Victor, Caes., 32,5; Epit., 32,5.

нения римского императора была по его приказу изображена на гигантском рельефе в Нагж-э-Ростам. Валериан униженно, на коленях молит о пощаде гордо сидящего на своем коне победителя— Шапора [34]. Персидские войска теперь вторично неудержимым потоком хлынули в беззащитную Сирию, подвергая ее новому, еще более страшному опустошению: вновь были взяты Антиохия и Цезарея (в Каппадокии), передовые отряды персов проникли уже в Киликию и захватили Тарс. Разрушения были столь грандиозны, что следы их видны были еще через 200 лет, а воспоминания о неслыханных жестокостях персов и самого Шапора, обратившиеся в легенды, сохранились у многих позднейших писателей. «Все пришло в состояние полного развала и безначалия, ниоткуда не было защиты»,— печально повествует Зосим (Zosim., I, 37). Со многими подробностями о бедствиях этого времени рассказывают также византийские хроники Зонара и Синкелла [35]. К военным ужасам прибавилась еще небывалая по силе эпидемия чумы, страшные землетрясения, когда целые города исчезали, поглощенные разверзнувшейся землей, и другие стихийные бедствия, особенно распространенные в той же многострадальной римской Азии (SHA, Vita Gall., 5, 2).

Римская администрация на Востоке находилась в состоянии полного разложения, а уцелевшие ее представители думали лишь об использовании создавшегося положения в личных выгодах. В этом отношении характерен эпизод кратковременной узурпации императорской власти префектом претория Макрианом. М. Фульвий Макриан, ловкач, делец и проходимец, путем угодничества и прислужничества приобревший расположение императора Валериана, поднялся до высших ступеней в государстве и составил себе громадное состояние (SHA, 30 tyr., XII). Обещав уплатить солдатам двойное жалование из своих личных средств, он добился давно им подготовляемого провозглашения себя императором, а своих двух сыновей, Макриана Младшего и Квиета,— своими соправителями. Оказавшиеся в его руках военные силы из собранных им остатков разбитой армии он использовал не для борьбы с персидским нашествием: как только подчиненному ему талантливому военачальнику Балисте удалось выбить персов из Киликии и тем освободить пути из Сирии на север, Макриан немедленно начал борьбу за верховную власть с Галлиеном. Когда на Востоке был дорог каждый солдат для преследования начавших отход персидских войск, чтобы отнять у них возможно больше захваченной добычи и освободить наибольшее число пленников, телами которых персы буквально мостили дороги в топких местах [36], Макриан во главе 45-тысячной армии двинулся в Италию. Однако во Фракии он был встречен войсками наместника Дунайских провинций Авреола под командой подчиненного последнему Домициана и погиб вместе со своим старшим сыном в неудачно сложившемся для этого узурпатора бою (SHA, 30 tyr., XII, 14). Оставленный им в качестве заместителя в Эме-

[34] A. Christensen, L'Iran sous les Sassanides, Copenhague, 1936, стр. 205. Надпись Шапора (Res gestae divi Saporis), обнаруженная под этим рельефом в 1936—1939 гг. (пехлевийский и греческий тексты), дает некоторые детали этой победы парфян — напр., в ней есть перечисление римских легионов и auxilia, участвовавших в походе Валериана. См. E. Honigmann et A. Maricq, Recherches sur les «Res gestae divi Saporis», «Mémoires de l'Académie Royale de Belgique, Cl. des lettres, XLVII (1953), 4; Enssl in, Zu den Kriegen des Sassaniden Schapur I, «Sitzungsberichte d. Bayerischen Akademie d. Wissenschaften», Phil.-Hist. Kl, 1947, 5; B. C. Macdermont, Roman Emperors in the Sassanidan Reliefs, JRS, XLIV (1954), стр. 76 сл. См. ВДИ, 1958, № 1, стр. 221—223; см. также статью Ж. Гей, «Revue des Etudes anciennés», т. LVIII (1955), с критическим разбором книги Гонигмана и Марика и переводом на франц. язык греч. текста.

[35] Zon., XII, 23; Syncell., I, стр. 716 (ed. Bonn).

[36] Zon., XII, 23; Agat., Hist., IV, 24, стр. 259 (ed. Bonn).

се (вместе с Балистой) второй сын Квиет бессилен был предпринять что-либо значительное для защиты восточных провинций и для облегчения безмерных бедствий населения, вызванных двумя непосредственно следовавшими один за другим персидскими погромами. В общем, если в лице Ингенуя, Регалиана и Постума, выступавших в это время против Галлиена, можно видеть представителей интересов по крайней мере определенных слоев местного населения провинции, то Макриан является характерным для этого времени военным авантюристом, типичным для разложившейся римской администрации.

Естественно, что все эти события должны были усилить давние сепаратистские и антиримские тенденции на упорно не поддававшемся романизации эллинистическом Востоке [37]. Уже Траян серьезно опасался весьма оппозиционно настроенного по отношению к римлянам населения Никомедии и других вифинских городов, основательно предполагая, что любое объединение, даже добровольная пожарная дружина, может обратиться здесь в очаг волнения (Plin., Epist., X). С середины II в. в восточных городах появилась должность иринархов или фрурархов с чрезвычайными полицейскими полномочиями. Восстание Авидия Кассия 167 г. и в особенности горячая поддержка Антиохией, Византием и громадным большинством городов Сирии и Малой Азии кандидатуры Песценния Нигера против Септимия Севера, повлекшая за собой неслыханную даже для тех времен кровавую расправу со стороны последнего с крупнейшими городскими центрами Востока, вполне подтверждают эти опасения римского правительства. Теперь, в середине III в., при обнаружившемся полном параличе римской центральной власти и крайнем ослаблении римской военной машины, эти антиримские тенденции нашли особенно яркое выражение во внезапном и неожиданном успехе правителей Пальмиры. Эфемерная Пальмирская держава включила в себя почти весь римский Восток

2. РИМ и ПАЛЬМИРА в 60-х годах III века

Пальмира, по-арамейски Тудмор, оказалась в это время как бы самой природой предназначенной объединить общие силы Востока, раздраженного римским управлением и римской политикой, приведшими весь эллинизированный Восток к столь катастрофическим результатам. Расположенная в плодородном оазисе малодоступной сирийской пустыни, в 250 *км* от Дамаска и 120 *км* от Евфрата, Пальмира представляла собой вместе с тем главный узел караванных путей, связывавших восточное побережье Средиземноморья и Южное Черноморье с Месопотамией и Аравией, а через них и с Индией и Китаем. В Пальмиру сходились торговые пути из Бейрута и Дамаска, Эмесы, Антиохии и Апамеи, чтобы через евфратские переправы у Суры и Дура-Европос выйти на основные дороги через Месопотамию на Селевкию и Харакс у Персидского залива. Через Пальмиру проходил и перпендикулярный к этому направлению путь от Баср к Трапесунду и Синопе на Черном море, путь, шедший вдоль верхнего течения Евфрата, по самой границе римских владений в Азии. До завершения сооружения римского евфратского лимеса при Антонине Пии и Марке Аврелии колесная дорога существовала от Пальмиры лишь на запад, пути же на восток представляли караванные тропы. Пальмира поэтому являлась также основным перегрузочным пунктом, здесь шедшие с запада на повозках товары перегружались на верблюдов и ослов и фор-

[37] А. Б. Р а н о в и ч, Восточные провинции римской империи в I—III вв., М.—Л., 1949. «Сирии Рим не освоил до конца», стр. 142; «Вообще романизация коснулась восточных провинций Римской империи чрезвычайно слабо», стр. 159.

мировались караваны (συνοδία), охраняемые вооруженными проводниками — профессия, которой занимались многие пальмирские граждане. Быть начальником каравана (синодиархом, теперь караван-баши) считалось весьма почтенным делом, и упоминание об этом занятии встречается в надписях весьма высокопоставленных пальмирских граждан, которых участники таких караванных походов чествуют как ἀσθουρβαίδα, т. е. «победителей пустыни». В надписях много также сведений о крупных пальмирских торговцах (ναύκληροι или ἔμποροι παλμυρηνοί) и купцах иных городов, торгующих через Пальмиру со странами Востока [38]. Как ловких торговцев-посредников изображает пальмирцев и Аппиан: «находясь на границе римлян и парфян, пальмирцы ловко вели свои дела с теми и другими; купцы Пальмиры вывозят от персов индийские и аравийские товары и распространяют их в римских владениях». Учитывая это, уже триумвир Марк Антоний, когда собирал после битвы при Филиппах средства на Востоке, сделал неудачную попытку ограбить этот богатый город [39].

Торговые связи Пальмиры были так широки, что на севере, по-видимому, не ограничивались южными берегами Черного моря, но доходили до Скифии и Боспора. Об этом свидетельствует надпись, недавно найденная в Пальмире (в 1939 г.) [40]. Надпись, правда, сильно испорченная и полностью не поддается восстановлению, однако можно из нее, по мнению издателя, понять, что речь идет о торговом корабле и купцах, которые какое-то отношение имели к Скифии и, по-видимому, к Боспорскому царству.

Пальмира являлась одним из самых цветущих городов Сирии. Вдоль ее главной улицы протяжением более 1 *км* стояли четыре ряда гигантских колонн высотою в 18 *м*, образовывавших крытые колоннады по бокам улицы, предоставляя защиту пешеходам от палящего солнца. На перекрестках сооружены были массивные арки. В нишах стояло множество статуй — произведений первоклассных мастеров. Улица вела к грандиозному храму Солнца, одному из главных святилищ Сирии, также украшенному множеством колонн (число их доходило до 400) с позолоченными базами и капителями. Вокруг города — обширный некрополь с гробницами его знатных и богатых граждан.

Представление о хозяйственном и общественном быте Пальмиры дает обширная надпись, содержащая пальмирский устав об отдаче в аренду торговых пошлин и сборов (τελωνικὸς νόμος, lex vectigalis). Эта надпись была открыта в 1882 г. русским путешественником, армянским князем С. Абамелек-Лазаревым, действительным членом русского (тогда императорского) Археологического общества. Весной 1882 г., путешествуя по Сирии в сопровождении петербургского профессора-искусствоведа А. В. Прахова, он посетил развалины Пальмиры [41].

[38] Dittenberger, OGIS, 632, 638, 641.
[39] Appian., BC, V, 9; ср. Plin., NH, V, 88.
[40] «Syria», т. XIV, 1937:

. . . . . ν φιλο . . . . . .
Σκυθίας ἐν πλοίω Βο . . . . . .
ἔμποροι συνλαβόμενοι . . . . . .
[κ]αὶ πάσῃ σπου[δῇ] . . . . . .

[41] Следует упомянуть о тех импульсах, которые влекли сановного археолога-туриста в эти отдаленные и труднодоступные места. В своей изданной по возвращении книге «Пальмира, археологическое исследование», СПб., Типография Академии наук, 1884 г., автор сообщает, что Пальмира его привлекала «как место таинственное, волшебно-прекрасное». С детства волновало его воображение название Петербурга «Северная Пальмира» — «сходство в быстром возникновении великолепных столиц в пустынных и малоизвестных местностях: одной в жгучих песках Сирийско-Аравийской пустыни, другой — в мрачных болотах и непроходимых дебрях Ингерманландии». Абамелек-Лазарев хо-

В свое время комментированная рядом ученых[42], надпись эта в настоящее время в связи с ее изданием И. Б. Шабо, а также ведущимися археологическими раскопками Пальмиры вновь стала привлекать внимание[43].

Надпись начинается с пространного введения, дающего представление об административном аппарате Пальмиры и о ее политическом устройстве в середине II в. н. э. «Восемнадцатого числа (месяца) Нисана года 448 (по селевкидской эре, т. е. считая с 312 года, что соответствует 18 апреля 137 г. нашего летосчисления) под председательством (ἐπὶ πρόεδρου) Бонны, сына Бонны, внука Гайрана, при секретаре сената и народа Александре, сыне Александра, внуке Филопатора, при архонтах Малике, сыне Олаи, внуке Мокима, и Забейде, сыне Несы, совет (ἡ βουλή), собравшись на законном основании, постановил нижеследующее: принимая в соображение, что уже с давних пор многие статьи [торговли], обложенные пошлиной, не были включены в таможенный закон и облагались сообразно обычаю..., что часто по поводу этого порядка возникали пререкания между торговцами и сборщиками (τοὺς τελώνας), совет, настоящие архонты и декапроты постановили объявить: что все статьи, не вошедшие в закон, будут включены в новый ближайший договор (μίσθωσις) и что наряду с каждой статьей будет записана пошлина (τέλος), взимаемая по обычаю. Затем, как только этот договор будет утвержден за откупщиком (μισθούμενος), вырезать его вместе с прежним законом на стеле, поставив ее перед храмом Рабасира. Будущие архонты, декапроты и синдики должны препятствовать откупщику взимать пошлину бóльшую, против указанной».

Затем идут статьи, перечисляющие облагаемые товары, причем сначала перечисляются предметы заграничной торговли. Среди них:

1. Рабы — мужчины, привезенные извне (характерно, что эта статья идет первой); при продаже с каждого взимается	22 денария.
2. Шерсть, окрашенная в пурпур; с каждого руна при ввозе и вывозе	3 ден.
3. Оливковое масло с ослиного груза	7 ден.
4. Ароматические масла из Аравии и Индии:	
а) в алебастровых сосудах с каждого верблюжьего груза	25 ден.
б) в мехах и козьей шкуре (то же)	13 ден.
в) с ослиного груза (в кожах)	7 ден.

рошо знал греческий язык и путешествовал с книгой Вадднингтона (Inscriptions de la Syrie, P., 1870) в руках, проверяя правильность опубликованных надписей. Местные жители обратили его внимание на глубоко ушедшую в землю и лишь верхним краем выходившую из нее и потому казавшуюся небольшой стелу, не замеченную благодаря этому предшествующими посетителями Пальмиры. После расчистки земли вокруг нее стела неожиданно оказалась грандиозных размеров — более 1,5 *м* в высоту и 6 *м* в ширину, так что снятый с нее Абамелек-Лазаревым эстампаж имел общую площадь в 20 квадратных аршин. Надпись оказалась билингвой — основной текст греческий, с переводом части его на пальмирское наречие арамейского языка. Надпись состоит из 4-х таблиц: 1-я содержит вводный двуязычный текст, 2-я—арамейский текст в трех столбцах, 3-я и 4-я — основной греческий текст в 5 столбцах. Греческий текст, сильно попорченный, был издан при ближайшем участии В. В. Латышева и Ф. Ф. Соколова Абамелек-Лазаревым в упомянутой уже книге «Пальмира», и к ней же приложен перевод и с арамейской части, сделанный известным французским семитологом маркизом Вогюэ. Удалось перевезти в Петербург и самую стелу, которая в настоящее время находится в Эрмитаже. IGRP, IV, стр. 389; OGIS, 645; А. Ранович, Первоисточники по истории раннего христианства. Документы и материалы, М., 1933.

[42] Dessau, Hermes, т. XIX, 1884, стр. 486 сл.; R. Cagnat, «Revue de Philologie», 1884, стр. 135; Lidzbarski, Handbuch der nordsemit, «Epigraphik», 1898, стр. 463 сл.

[43] I. B. Chabot, Corpus Inscriptionum Semiticarum, I, 1926. Статьи I. Cantineau, D. Shlumberger, Henri Seyrig, в журнале «Syria», 1937—1941 гг.; статья A. Piganiol, в «Revue Historique», 1945 г.; А. Ранович, Восточные провинции Римской империи, стр. 151—152.

5. С верблюжьего груза солонины	10 ден.
с ослиного груза	3 ден.
6. С каждой шкуры при ввозе и вывозе	4 ден.
7. Бронзовые статуи	(?)
8. Верблюды, нагруженные или ненавьюченные, приведенные из-за границы, подлежат обложению каждый	1 ден

Далее следует перечисление подлежащих обложению предметов местного потребления, причем можно легко убедиться, с какой беспощадностью действует налоговый пресс. Обложено все, что только возможно: соль (по одному ассу за модий), съестные припасы—«сухие продукты» (зерно, мука), сало, сушеная рыба, кедровые орехи («шишки пиний»), лекарственные травы, даже вода из двух городских колодцев (800 денариев в год); пошлина взимается при закланиях в храмах, с пастбищ, с кожевенных и, очевидно, других мастерских, упоминается пошлина с продажи старой одежды; налогом, весьма дифференцированным, облагаются гетеры (δημοσιῶναι — публичные женщины). «С той, которая торгует (πράξει) за денарий и больше,—1 денарий в месяц, которая за 8 ассов,— 8 ассов, которая за 6,— 6 ассов». Интересен также такой детальный расчет размера облагаемых грузов: груз осла считается за единицу, груз верблюда — за 3, груз повозки — в четыре раза больше верблюжьего, т. е. против ослиного за 12.

Все эти сборы идут не в пользу города, а в римскую казну, почему таксы, как то видно из вступительной части этого «устава о сборах», идут на утверждение легата провинции Сирии. Поэтому в «новый закон» включены в надписи и два эдикта прежних римских легатов. Один из них даже назван по имени — «гегемон Гай..... анус» — есть мнение, что это Гай Лициний Муциан, правивший Сирией в период гражданской войны 68—69 гг. В этих эдиктах характерен их особый по сравнению с общим стилем надписи категорический тон — выражение «я приказываю», «как мне представляется должным», «как это выполняется в других городах», «как это принято в провинции»[44]. Здесь же ссылки на прежние распоряжения «Цезаря Германика» и Корбулона «могучего». Так, по «старому тарифу» пошлина на заклание взималась лишь с жертв стоимостью выше денария, но наместник напоминает, что Германик «постановил, что следует для всех налогов прилагать тариф до одного италийского асса»[45]. Упоминается и римский военный комендант города (τεταγμένος ἐν Παλμύροις), который является в нем представителем легата.

Какую роль играла римская военная администрация в этом «свободном городе» (civitas libera со времени Адриана—Hadriana Palmyra, с конца III в. возведенная даже в ранг римской колонии), показывают недавно открытые надписи, касающиеся квартировавшего здесь римского гарнизона и роли в муниципальной администрации его командира[46]. Этот гарнизон был расположен в особом укрепленном лагере под самыми стенами Пальмиры. Рядом с лагерем устроено было для упражнения солдат «Марсово поле» с трибуналом, о торжественном открытии которого в «IV год консульства императора Коммода» (183 г.) сообщает особая надпись (там же, стр. 164). Гарнизон состоял из ala Thracum Herculiana (первая касающаяся ее надпись относится к 167 г.; в 185 г. эта ala была переведена в Египет) и конного numerus Vocontiorum, подчиненного префекту алы. На дороге из Пальмиры при переправе через Евфрат у Суры была расставлена, по-видимому небольшими за-

[44] Эта часть надписи дошла лишь в ее арамейской передаче.
[45] Арамейский текст, пункт 51.
[46] H. Seyrig, Textes relatifs à la garnison Romaine de Palmyre, «Syria», т. X, 1933, стр. 152—168.

ставами, cohors II Thracum Syriaca, у другой переправы в Дура стоял отряд leg. IV Scytica и cohors II Ulpia equitata civium Romanorum, назначением которых, по-видимому, была также охрана другой важной дороги из Пальмиры на Дуру. Все эти соединения вместе представляли весьма значительные военные силы. Командиру алы, стоявшей в Пальмире, посвящена надпись: «булэ и народ в честь Г. Вибия Целера, префекта (ἔπαρχον) стоящей здесь алы, своего (!) согражданина и синедра (τὸν πολείτην καὶ σύνεδρον) за его благожелательность (εὐνοίας ἕνεκεν)» (там же, стр. 159). Очевидно, Вибию Целеру было дано почетное пальмирское гражданство, и он стал заседателем-синедром в правительственных органах Пальмиры—в булэ, в коллегии декапротов, т. е. в президиуме совета. Таким образом, римский командир, с одной стороны, оказывался весьма информированным во всех делах города, с другой стороны, мог оказывать на них значительное влияние. Комендант римского гарнизона, как представитель легата провинции упоминается и в тарифном уставе Пальмиры.

Все это позволяет достаточно наглядно представить, насколько фиктивна была свобода этой пресветлой колонии (λαμπροτάτη κολώνεια). Не доверяя настроению населения восточных городов, принявших столь активное участие в восстании Песценния Нигера, римское правительство со времени Септимия Севера стремится создать себе в Пальмире добавочную опору, выдвигая единоличных правителей из особо преданной Риму семьи Гайранидов, арабской по происхождению. Некий Гайран (предок его — Бонна, «внук Гайрана», упоминается как проэдр и в надписи 137 г.), видимо за услуги, оказанные Септимию Северу в подавлении восстания Нигера, получил права римского гражданина и имя Септимия, которое стало родовым именем в его семье. Сын его Оденат I именуется в надписях уже λαμπρότατος συνκλητικός, т. е. clarissimus senator. Правда, за какие-то интриги против Рима он был казнен римским проконсулом Сирии Руфином в 240-х годах, но это не помешало его старшему сыну и преемнику Септимию Гайрану II именоваться, несомненно с разрешения Рима, уже «правителем Пальмиры» (ἔπαρχος Παλμυρήνων), сохраняя и сенаторское звание своего отца. Наконец, второй его сын, знаменитый Септимий Оденат II, правивший Пальмирой с 252 г., в относящихся к нему надписях титулуется даже «сиятельным консуляром» (λαμπρότατος ὑπατικός), а затем и «государем Пальмиры» (δηςπότης)[47]. Впрочем, внешне сохранялись и муниципальные органы, так что почетные надписи по-прежнему делаются от имени булэ и демоса: в них выражается благодарность за «блестящее» выполнение обязанностей стратега, агоранома и пр.[48]. Здесь мы имеем интересную параллель к подобным же памятникам других восточных городов, в частности Пантикапея[49].

Катастрофическое положение, создавшееся на Востоке Римской империи, и общее раздражение против Рима заставили заколебаться и этого романофильски настроенного пальмирского князя. Есть сведения, что он даже предлагал Шапору союзные отношения и посылал ему богатые дары[50]. Однако резко отвергнутый персидским царем, он стал, сохраняя внешне преданность Риму, действовать вполне самостоятельно, стремясь использовать общее возбуждение и беспомощность римского правительства. Особенностью восточных провинций Рима, по справедливому

[47] IGRP, III, 1027—1035; ср. A. Sallet, Die Fürsten von Palmyra, B., 1866.
[48] IGRP, 1045—1047.
[49] M. Rostovtzeff, Economic and Social History of Roman Empire, Oxf., 1926, стр. 532, прим. 20.
[50] Petr. Patr., ed. Müller, FHG, IV, fr. 11.

замечанию М. В. Левченко [51], являлся не только сравнительно с Западом большой удельный вес торговли и городов, но также и наличие значительных масс свободного, жившего общинами крестьянства, которое, когда затрагивались его кровные интересы, могло составить крупную боевую силу. Вот это и сумели при данных обстоятельствах использовать стоявшие за Оденатом торговые слои Пальмиры. Собрав значительное ополчение из местных «селян-сирийцев» (rusticani Syriae) [52], очевидно, особенно страдавших от грабежей и насилий рассыпавшихся по всей Сирии мелких персидских отрядов, и присоединив остатки разгромленной римской армии Валериана, Оденат напал у переправы через Евфрат близ Самосаты на отходившие с громадной добычей войска персов и нанес им тяжелое поражение (216 г.).

Паника в разложившейся от мародерства и не ожидавшей уже сопротивления персидской армии была столь велика, что персы бросили значительную часть добычи и перебили угоняемый в рабство полон, чтобы ускорить свое бегство. Победителями захвачен был даже гарем персидского царя. Преследуя отступавших, пальмирцы освободили захваченные персами Карры и Нисибис и довели свое преследование до самого Ктесифона, произведя ответные разрушения и опустошения в окрестностях этой персидской столицы [53]. Все это показывает, как мало умели римляне использовать местные силы и какие большие возможности сопротивления иноземным нашествиям таились в низах населения римских провинций при умелой организации их резервов.

Победа над персами создала Оденату большую популярность на римском Востоке. От Квиета, оставленного Макрианом своим заместителем в Эмесе, стали, по свидетельству Зонары (XII, 24), отпадать многие города, а когда по возвращении из своего первого персидского похода Оденат выступил против Квиета (262 г.), жители Эмесы сами расправились с последним, и его префект претория Балиста (Каллист?) сдал город Оденату [54]. Бессильный оказывать прямое воздействие на дела Востока, император Галлиен принужден был удовлетворяться внешними знаками зависимости, в которых весьма дипломатично не отказывал Риму возвысившийся столь неожиданно правитель Пальмиры. Оденат прислал в Рим плененных им персидских сатрапов, что дало повод Галлиену даже отпраздновать в 262 г. триумф над персами. Оденат получил теперь, в том же 262 г., титул и полномочия «главнокомандующего на Востоке» (dux Orientis, πάσης Ἀνατολῆς στρατηγός) [55], т. е. права командования всеми римскими войсками, стоявшими в восточных провинциях Римской империи от границ Египта до берегов Черноморья, а несколько позднее и почетное звание «корректора всего Востока» (corrector totius Orientis) [56], с которым связаны были права и высшей гражданской администрации. По существу это являлось признанием фактической автономии Востока с сохранением лишь весьма фиктивных суверенных прав за римским императором.

Какие крупные перспективы открывались благодаря этому, показывает дальнейшее проявление деятельности местных сил, организуемых Пальмирой и ее правителем. С 262 по 266 годы происходила вторая успешная война Пальмиры с Персией, причем войска Одената вторично доходили до Ктесифона и даже подвергли его осаде. В результате были

[51] М. В. Левченко, Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи в V—VI вв., «Византийский сборник», М.— Л., 1945.
[52] Oros., VII, 52: Manus Syrorum agrestium; Sext. Ruf., XIII.
[53] SHA, Gall, 10; Zosim., I, 39; Syncell., I, 716.
[54] SHA, Gall., 3; Zonar., XII, 24.
[55] Zonar., XII, 24; Syncell., I, 716; στρατηγὸς της ἑώας.
[56] Греческий термин — ἐπανορθώτης, сирийский — metaqquenana.

восстановлены римские владения в Месопотамии в пределах, которые они имели при Септимии Севере [57]. Есть сведения, что от персидской зависимости освобождена была и Армения. Занятый персидской войной, Оденат не мог еще в 263 и 264 гг. подать помощь опустошаемым «скифами» провинциям Малой Азии. В 263 г. «скифами» совершенно разрушен был Халкедон, а флот их, впервые прорвавшись в Эгейское море, разгромил Илион, Милет, Эфес, сжег знаменитый храм эфесской Артемиды. В 264 г., высадившись, по-видимому, у Трапесунда, «скифы» вторглись в Каппадокию, взяли здесь ряд городов и закончили свое нашествие новым разгромом Вифинии [58]. Однако ввиду нарастающей опасности с этой стороны в 266 г., когда «скифы» вновь напали на Малую Азию и, высадившись в Гераклее, продвигались уже внутрь Малоазийского полуострова, опустошая Каппадокию и Галатию, Оденат, приостановив осаду Ктесифона, выступил во главе своей армии против них и заставил их прекратить свой разрушительный набег [59].

Успехи эти должны были способствовать сильному подъему самосознания населения провинций Востока, что выразилось в принятии Оденатом и его старшим сыном-соправителем Геродианом (Геродом) пышного титула «царя царей» (βασιλεὺς βασιλέων) [60]. В надписях он именуется также αὐτοκράτωρ, что соответствует латинскому imperator [61]. Однако продолжающееся лояльное отношение Одената к потерявшему всякий авторитет Риму (reverentia circa Gallienum, как выражается автор vitae Gall., 10,4) стало вызывать неудовольствие в семье Одената, в весьма широких слоях антиримски настроенного населения и в его войске, состоявшем в основной своей части из сирийцев. По-видимому, неудовольствие вызывало также поведение его старшего сына Геродиана (Герода), человека распущенного и мало пригодного возглавлять освободительное движение Востока. А между тем Оденат уже сделал его своим соправителем и наследником, носившим титул царя царей и заместителя императора ἐπίτροπος Σεβαστοῦ τοῦ κυρίου. Все это завершилось тем, что в 267 г., вскоре после своего похода против «скифов», во время пребывания в Эдессе Оденат был вместе со своим сыном убит.

Убийцей был его племянник Меоний (по-видимому, сын его старшего брата Септимия Гайрана), причем последний был немедленно частью армии провозглашен императором. Биограф его (SHA, 30 tyr., XVII, 3) утверждает, что последнее произошло «по ошибке» (per errorem), так как Меоний был простым орудием в руках жены Одената Зенобии, будто бы раздраженной предпочтением, которое Оденат оказывал ее пасынку Геродиану. В действительности же Зенобия являлась главой решительно настроенной против Рима партии на Востоке, что подтверждает резкий перелом в отношениях между Пальмирой и Римом. После смерти Одената и эфемерного правления Меония, вскоре также убитого солдатами, Зенобия как регентша своего несовершеннолетнего сына Валбаллата (Афинодора) получила всю полноту власти. «Сиятельная царица», «государыня» (λαμπροτάτη βασίλισσα, δέσποινα) называют ее надписи после 267 г. [62]. Биограф ее (SHA, 30 tyr., XXX, также XV, 8) не жалеет хвалебных слов в своей характеристике этой, несомненно, выдающейся

[57] Zosim., I, 39; SHA, Gall., 12, 1; ср. Vita Valer., 4, 2—3.

[58] SHA, Gall., 7,3; 11,1; Syncell., I, 716; Iordan., Getica, XX, 107; см. Ременников, Борьба племен..., стр. 104—110.

[59] К сожалению, кроме краткой заметки об этом в SHA, Gall., 12, 6 и путаного сообщения Синкелла (I, 716), нет иных данных. См. Ременников, Борьба племен..., стр. 110—112.

[60] «Syria», 1937, стр. 1—3.

[61] IGRP, III, 1047.

[62] IGRP, III, 1027—1030.

женщины, которая, «по мнению многих, воинскими качествами отличалась еще бóльшими, чем ее муж», так что ей приписывалась часть его побед над персами. Обладая исключительной красотой, честолюбивая и гордая (свой род она вела от царей Птолемеев и даже непосредственно от Клеопатры), обставив свой двор с пышностью персидских царей, она много внимания уделяла военному делу,то являясь на военные собрания со шлемом на голове, в военном плаще, окаймленном пурпуром и увешанном драгоценными камнями по краям бахромы, то идя пешком с солдатами по несколько миль или верхом на коне, совершая с ними дальние походы. Она знала много языков, основательно изучила историю Востока и окружила себя выдающимися советниками, среди которых главную роль играли языческий философ Лонгин и христианский епископ-еретик Павел из Самосатты, резко враждебно настроенные против Рима.

Ближайшим же ее шагом было заключение мира, а возможно, и союза с персами, что сразу же выдало новое, определенно антиримское направление ее политики. Встревоженный изменением положения на восточной границе, Галлиен отправил в качестве главнокомандующего для продолжения войны с Персией префекта претория Гераклиана [63], тем самым отказывая Валбаллату в признании за ним полномочий его отца. Однако пальмирцы оказали Гераклиану решительное сопротивление и разбили приведенные им войска (конец 267 и начало 268 г.). После этого уже ни Галлиен, скоро погибший в связи с военным заговором, возглавляемым тем же Гераклианом, ни преемник Галлиена Клавдий, всецело занятый борьбой на северных границах, не решались вмешиваться в дела управляемого Зенобией Востока, фактически превратившегося в совершенно независимую Пальмирскую державу, выражавшую свое отношение к Риму лишь тем, что в течение некоторого времени (первые 4 года) еще чеканились портреты римских императоров на обратной стороне монет Пальмиры. С 272 г. портрет римского императора на монетах, чеканенных в Антиохии и Александрии, исчезает: на аверсе их надпись—imp. Valballatus Aug., на обороте — эмблема Победы, Надежды и т. п. или соответствующая надпись, напр. Victoria Aug. и пр. Появляются и монеты Зенобии с надписями Septimia Zunobia Seb. [64].

Эти великодержавные тенденции питались и поддерживались, несомненно, крупнейшими торговыми предпринимателями не только Пальмиры, но и других наиболее значительных городов Востока. Так, среди ближайших друзей и сотрудников Зенобии упоминается некий М. Фирм, очень богатый александрийский купец, родом из Селевкии. Его торговые связи были чрезвычайно широки. Он часто отправлял свои корабли в Индию, откуда получал слоновую кость, вел обширные торговые операции с блеммиями и сарацинами. Его торговые склады были столь обильны разными товарами и припасами, что он хвастался возможностью содержать на свой счет целую армию (SHA, Firm., 3, 1—3). Подобные торговые слои из Александрии, Антиохии, Пальмиры и других богатых городов Востока, несомненно, были весьма заинтересованы в объединении Востока в большую самостоятельную державу с Пальмирой как узлом торговых путей во главе.

По существу в эти бурные и грозные 250—260-е годы обнаружился полный распад всей Римской державы. «Казалось, все кругом рушится»,— писал автор биографии Галлиена. С мощным сепаратистским движением, одновременно охватившим и Запад, и Север, и Восток ее территории, цент-

[63] SHA, Gall., 14; Zosim., I, 40.

[64] A. Sallet, Die Fürsten von Palmyra unter Gallienus, Claudius und Avrelian, B., 1866, стр. 14 сл.

ральное римское правительство оказалось уже совершенно не в силах справиться.

Античная историография и следующая ей в значительной степени современная западноевропейская вину за это возлагают на личные качества императора Галлиена. Все это, однако, лишь явные отзвуки того осуждения, с которым к этому сыну незадачливого Валериана, круто изменившему направление политики своего отца, относились сановные верхи римского общества. Насколько такое отношение к Галлиену было несправедливо, это уже было рассмотрено Л. Омо [65]. Резко отрицательное отношение сенатской традиции к Галлиену могло возникнуть из факта самих действий императора против сенаторов и сената. Известно, что Галлиен запретил сенаторам занимать военные должности и вообще находиться в армии. По словам Аврелия Виктора, он сделал это «из боязни, что они отнимут у него власть». Это постановление было оформлено специальным эдиктом, который, однако, до нас не дошел [66]. Действительно, судя по надписям, после 262 г. во главе легионов вместо прежних легатов из сенаторов можно встретить только префектов легиона из всаднического сословия, а во главе управления императорскими провинциями вместо легатов-пропреторов появляются praesides из тех же всадников [67]. С этого времени прекращается и чеканка сенатом медной монеты с литерами S(enatus) C(onsultum), а в связи с этим исчезают и такие номиналы, как асс и полуасс (Semis) [68]. Все это, несомненно, явилось сильным ущемлением прежних сенатских привилегий и прерогатив, а политическая роль сената оказалась непоправимо подорванной.

Основное внимание правительства Галлиена было обращено на оборонительные мероприятия против варварских вторжений. Громадные работы по строительству укреплений приходилось теперь вести не столько в пограничных провинциях, в значительной своей части уже утраченных, сколько в самой Италии и на Балканском полуострове. Путем привлечения местного сельского населения спешно строились стены Милана, Вероны и других городов, закрывавших Альпийские и Балканские проходы.

В связи с этими оборонительными мероприятиями крупные изменения были проведены и в устройстве армии. С целью придать ее частям большую подвижность количество всадников в каждом легионе было увеличено со 120 до 726 человек, а также созданы вновь целые кавалерийские корпуса — напр. equites Dalmatiae, scutarii, promoti (все они носят также название Illyriciani по месту своей вербовки). Для борьбы с конными дружинами вторгавшихся степняков-сарматов, готов и прочих «скифов» эти корпуса объединялись в конную армию, начальником которой в течение десятилетия до 268 г. был выдающийся специалист кавалерийской тактики Авреол[69].

---

[65] L. H o m o, L'Empereur Gallien et la crise de l'Empire Romain en III siècle, «Revue Historique», 1913, т. II, стр. 1—22 и 225—267. Омо опирается на показания греческих историков Петра Патриция, Зосимы и Зонара, значительно более объективно относящихся к Галлиену. См. также E. M a n n i, L'Impero di Gallieno, Roma, 1949, который, однако, слишком склонен доверять сведениям биографии Галлиена в SHA. Отзыв об этой работе в «L'Antiquité classique», т.XIX (1950), стр. 509—510. Ш т а е р м а н, Кризис III в..., стр. 423, считает биографию Галлиена в SHA отражением взглядов аристократии Галлии.

[66] A u r e l. V i c t o r, Caes., 33; 34; 37,6.

[67] Начало этому преобразованию положил еще Септимий Север, см. R. G r o s s e, Römische Militärgeschichte von Gallienus bis zum Beginn der Themenverfassung, B., 1920, стр. 16.

[68] B e s n i e r, ук. соч., стр. 189, 197.

[69] SHA, Gall., 14, 4 и 9; Z o s i m., I, 40; см. G r o s s e, Römische Militärgeschichte, стр. 19.

В это же время изменилось и вооружение римской армии, приспосабливаясь к методам войны новых врагов. Из вооружения был изъят классический римский пилум, оправдавший себя в боях с пешим противником, и заменен теперь длинной пикой. Появились круглые щиты взамен прежних полуцилиндрических; римский панцирь заменяется кольчугой или чешуйчатыми латами [70]. Только эти важные военные мероприятия и позволили Галлиену, несмотря на тяжелое внутреннее положение римского государства, сдерживать натиск неуклонно ломившихся с севера в Италию и на Балканский полуостров врагов.

Однако, несмотря на умелый и удачный в общем подбор Галлиеном своего штаба (преимущественно из офицеров Дунайской армии — иллирийцев), император разошелся с ним, по-видимому, в том, что слишком мало значения придавал обособлению Востока, с которым Иллирийско-Дунайские провинции были тесно связаны, и слишком много внимания и сил отдавал возвращению под свою власть Запада. Галлиен примирялся с растущими претензиями на полную самостоятельность Одената и Зенобии, замаскированными фиктивным признанием власти Рима. Он не придал значения неудаче восточной экспедиции Гераклиана, зато дважды безуспешно пытался привести к подчинению Постума (две войны 259—260 и 265 гг.). К характерной для Галлиена компромиссной политике на Востоке следует отнести также прекращение начатого его отцом в 257 г. преследования христианской церкви и даже возвращение ей мест погребений, а возможно, и конфискованных у ее клира имуществ [71]. Об этом он счел нужным особым письмом к епископу Дионисию Александрийскому оповестить восточных епископов — свидетельство, что его интересовало в данном случае настроение широких кругов населения на Востоке, где христианство в это время имело большое распространение.

Преобладание в политике Галлиена западной ориентации и некоторая пассивность его на Востоке, по-видимому, и явились причиной его столкновения с командным составом иллирийцев. Командовавший дунайскими войсками Авреол, давнишний и верный сотрудник Галлиена, поднял даже восстание против него, сговорившись о поддержке со стороны аламаннов. Но, разбитый Галлиеном, он принужден был запереться в недавно укрепленном Милане. Во время осады Милана Галлиеном возник заговор против него в самом лагере императора и среди других иллирийских командиров во главе с Гераклианом. Вторым лицом в этом заговоре был сменивший Авреола начальник конницы Аврелиан (возможно, даже главный вдохновитель всей оппозиции). Несомненно, о заговоре знал и третий крупный военачальник — Клавдий. В результате летом 268 г. Галлиен был убит заговорщиками в собственном лагере под Миланом, а так как почти одновременно погиб и Авреол, то заговорщиками провозглашен был императором Клавдий, возможно, как лицо, менее других запятнанное этим заговором.

Смерть Галлиена вызвала ликование в сенатских кругах и даже попытку их расправиться с близкими ненавистного императора, ликвидированную Клавдием. Среди простых солдат Галлиен был, однако, весьма популярен, и заговорщикам пришлось успокаивать их обещаниями наград и раздачами [72].

Время правления Галлиена является кульминационным пунктом политического кризиса Римской империи. Преемники его сумели путем

---

[70] P. Coussin, Les armes Romaines, P., 1926.

[71] Euseb., Hist. Eccl., VII, 13, письмо Галлиена к восточным епископам; Grégoire, ук. соч., стр. 57.

[72] SHA, Gall., 14; Aurel. Vict., Caes., 33, 21; Epit., 33,2; Eutrop., IX, 11; Zosim., I, 40; Zonar., XII, 25.

крайнего напряжения народных сил преодолеть наиболее яркие проявления политического распада и развала и добиться некоторой внешней реставрации единства. Но Римская империя все же окончательно утратила с этого времени свою внутреннюю цельность. Она утратила всякое оправдание своего существования и обратилась в тот чудовищный пережиток, которому такую меткую характеристику дал Ф. Энгельс: «Римское государство превратилось в гигантскую сложную машину исключительно для высасывания соков из подданных... Свое право на существование оно основывало на поддержании порядка внутри и на защите от варваров извне; но его порядок был хуже злейшего беспорядка, а варваров, от которых оно бралось защищать граждан, последние ожидали как спасителей» [73].

[73] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1950, стр. 153.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

О СЕВЕРНЫХ ГРАНИЦАХ КУШАНСКОГО ГОСУДАРСТВА

Среди многочисленных государств, существовавших в древности на территории Средней Азии, Кушанскому царству как по могуществу, так и по его историко-культурному значению принадлежит одно из наиболее почетных мест. В глазах современников это государство являлось одной из тех «мировых империй», которые в первые века н. э. поделили между собой почти все передовые страны той эпохи. Китайский автор первой половины III в. н. э., описывая политическую ситуацию, делит весь мир на три части, подвластные трем императорам: римскому, кушанскому и китайскому [1]. Дион Кассий сообщает, что когда в 99 г. н. э. кушанские послы прибыли в Рим, они были приняты с большим почетом и в качестве знатных гостей участвовали в триумфе императора Траяна, праздновавшего победу над даками[2]. Высокая оценка современниками роли Кушанского государства отнюдь не была простым преувеличением: обширная среднеазиатско-индийская держава кушан действительно стояла в одном ряду с Римом, ханьским Китаем и Парфией и занимала важное место в политической, экономической и культурной жизни древнего мира.

Но несмотря на большое значение Кушанской державы, ее история изучена пока чрезвычайно слабо. Объясняется это прежде всего отсутствием местных (среднеазиатских и индийских) исторических сочинений кушанского (или близкого к нему) времени: все известные до самых последних лет собственно кушанские письменные источники состояли из кратких монетных легенд [3] и нескольких десятков лаконичных, по большей части посвятительных, надписей на каменных статуях или предметах буддийского ритуала, оставленных кушанскими царями и их наместниками в районах Северной Индии [4]. Недавно этот список обогатился большой кушанской надписью, найденной при раскопках французской археологической миссией храмового комплекса в Сурх-Котале (Северный Афганистан). Однако и эта надпись, посвященная восстановительным работам в храме, первоначально возведенном Канишкой, дает пока лишь немногое для истории Кушанского государства в целом [5]. Отдельные заметки античных, греко-римских авторов [6] и китайских дворцовых летописцев [7], равно как и отрывочные сведения, сохраненные буддийской традицией и средневековыми источниками [8],

---

[1] См. P. Pelliot, La Théorie des Quatres Fils du Ciel, «T'oung Pao», т. XIX, 1923, стр. 121.

[2] Дион Кассий, XVIII, 15; M. Reinaud, L'empire romain et l'Asie Orientale, «Journal Asiatique», 1863, стр. 367.

[3] Основные публикации кушанских монет даны в каталогах. См. P. Gardner, The Coins of the Greek and Scythian Kings of Bactria and India in British Museum, L., 1886; V. A. Smith, Catalogue of the Coins in Indian Museum, Calcutta, т. I, Oxf., 1906; R. B. Whitehead, Catalogue of the Coins in Punjab Museum, Lahore, т. I, Oxf., 1914; ср. J. de Morgan, Manuel de Numismatique Orientale, т. I, P., 1923—1936; R. Göbl, Die Münzprägung der Kušan в кн.: F. Altheim und R. Stiehl, Finanzgeschichte der Spätantike, Frankfurt am Main, 1957.

[4] Разбор основных надписей см. в книге J. E. van Lohuizen de Leeuw, «Scythian» Period, Leiden, 1949.

[5] О надписи см. W. B. Henning, Bactrian Inscription, BSOAS, т. XXIII, ч. 1, 1960, стр. 47—55; Ср. A. Maricq, La Grande inscription de Kaniṣka et l'étéo-tokharien, l'ancienne langue de la Bactriane, «Journal Asiatique», т. CCXLVI, вып. 4, 1958, стр. 345—385.

[6] Собраны Reinaud, ук. соч., стр. 93—234 и 293—441.

[7] См. Н. Я. Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в давние времена, т. II, М., 1950, а также P. Pelliot и E. Chavannes, в «T'oung Pao», тт. VI и VII, 1905, 1907.

[8] См. S. Lévi, Notes sur les Indo-Scythes, «Journal Asiatique», 1896, стр. 444—484, и 1897, стр. 5—42.

существенно дополняют данные кушанских эпиграфических памятников, но и они не дают достаточных оснований для определения абсолютной хронологии событий кушанского периода. Положение еще более осложняется тем, что, судя по надписям, ряд кушанских государей носил одинаковые царские имена. Так, было два или три Канишки, один или два Хувишки, два или три Васудевы. В итоге кушанская хронология все еще продолжает оставаться предметом оживленных дискуссий, и в научной литературе существуют самые различные гипотезы, согласно важнейшим из которых воцарение крупнейшего кушанского царя — знаменитого Канишки — относится к 78, 128 или даже 144 г. н. э. [9]. Соответственно по-разному датируются и трактуются и другие события кушанской истории.

Слабо изучен также вопрос о роли Средней Азии в истории Кушанского государства и о значении этого государства для истории народов Средней Азии. Но прежде чем изучить этот сложный и важный вопрос, необходимо установить, какие из среднеазиатских областей и в какие периоды входили в состав Кушанской державы, или, иначе говоря, определить, где и когда проходили северные границы Кушанского государства.

* * *

Начальный этап истории кушан теснейшим образом связан с историческими судьбами древней Средней Азии. Общепризнано, что кушаны, господствующий род или племя, давшие свое имя одной из могущественнейших держав древнего мира, были потомками кочевников (да-юечжи китайских авторов), которые во II в. до н. э. прошли из современного Восточного (Китайского) Туркестана (Синьцзяна) через Семиречье и Фергану в южные районы Средней Азии и Северный Афганистан и сокрушили власть греко-бактрийских царей, наследников Александра Македонского и селевкидских правителей. Тесная связь, вернее, родство, этих кочевников с древним населением Средней Азии не подлежит никакому сомнению. Не говоря даже о предполагаемом родстве древних племен и народов Средней Азии и Восточного Туркестана вообще, напомним лишь,что жизнь целого поколения кочевых завоевателей протекала на территории собственно Средней Азии, так как до переселения в сердце будущей Кушанской державы — Бактрию да-юечжи более двадцати лет перемещались по пути из Северного Притяньшанья к берегам Аму-Дарьи. Согласно сообщениям китайских авторов, племена да-юечжей поселились в Северном Притяньшанье вскоре после 165 г. до н. э., когда они потерпели поражение в борьбе с хуннами. Около 160 г. до н. э. да-юечжи под натиском поддержанных хуннами усуней вынуждены были переместиться еще далее на запад, и лишь затем, пройдя через Фергану, они, наконец, завоевали Бактрию [10]. Сопоставление данных античных и китайских источников позволяет датировать завоевание Бактрии кочевниками периодом между 141 и 128 гг. до н. э. В 141 г. до н. э. греки Бактрии упоминаются еще Юстином как самостоятельная политическая единица [11]. В 128 г. до н. э. посол китайского императора У-ди — знаменитый Чжан-цянь — застал уже Бактрию покоренной да-юечжами [12]. Завоевание Бактрии произошло, таким образом, не менее чем через 20 лет после поражения да-юечжей в Северном Притяньшанье. Более того, еще в 128 г. до н. э., по словам Чжан-цяня, основная масса да-юечжей проживала не в левобережной Бактрии, а к северу от Аму-Дарьи. Следовательно, перемещение кочевых предков кушан в Южную (левобережную) Бактрию отстоит от времени их откочевки из Северного Притяньшанья во всяком случае на 30, а то и на 35 лет[13].

Вопрос о связи предков кушан со Средней Азией до сложения Кушанской державы решается, таким образом, как будто бы вполне определенно. Иначе обстоит дело с вопросом о взаимоотношениях кушан со Средней Азией после возникновения Кушанского государства.

---

[9] Разбор основных гипотез см. R. G h i r s h m a n, Le problème de la Chronologie des Kouchans, «Cahiers d'histoire Mondiale», т. 3, № 3, 1957, стр. 689—717.

[10] Б и ч у р и н, ук. соч., стр. 151—152 («Ши - цзи», гл. 123); стр. 183—184 («Цянь Хань-шу», гл. 95); стр. 226 («Хоу Хань-шу», гл. 118). Ср. G. H a l o u n, Zur Üe-tsi Frage, ZDMG, т. 91, 1937, стр. 240 сл.

[11] Ю с т и н, XXXVI, 1, 4.

[12] Б и ч у р и н, ук. соч., стр. 151, 152; дата посещения Чжан-цянем Средней Азии — 128 г. до н. э.— наиболее принятая. Существует, однако, мнение, что это событие следует относить даже к еще более позднему времени — к 126 г. до н. э. См. The Cambridge History of India, т. I, Ancient India, изд. E. J. R a p s o n, 1922, стр. 566 и С. П. Т о л с т о в, По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948, стр. 143.

[13] «Хоу Хань - шу» (гл. 118) указывает, что владетель да-юечжей «имеет пребывание в городе Ланьши». При Чжан-цяне же город Ланьши (скорее всего — Александрия-Балх) был центром Дахя, левобережной (Южной) Бактрии, которая хотя и была уже подчинена да-юечжами, но воспринималась как отдельная страна. Не удивительно поэтому, что, когда Кушанское государство вышло на историческую арену, его правящая верхушка оказалась ираноязычной, а среди божеств кушанского пантеона видное место заняли среднеазиатские, восточноиранские божества.

История сложения Кушанского государства известна нам пока лишь по сообщению китайской династийной истории дома Младших Хань — «Хоу Хань-шу». Лаконично рассказав о завоевании да-юечжами Бактрии и о разделении ее на пять владений [14], «Хоу Хань-шу» опускает события целого столетия, переходя непосредственно к повествованию о первом «великом» царе кушан — Кудзуле Кадфизе (Кадфизе I). Сведения «Хоу Хань-шу» о царствовании Кадфиза I таковы: «По прошествии ста с небольшим лет гуйшуанский [кушанский] ябгу [князь] — Киоцзюкю [Кудзула Кадфиз] покорил четырех прочих ябгу и объявил себя государем; его царство называлось гуйшуанским [кушанским]. Он воевал с Аньси [Парфией], покорил Гаофу [Кабул] и затем победил и присоединил к своему царству Пулу [Арахозия или район Газни] и Гибинь [Кашмир]. Киоцзюкю умер в возрасте более 80 лет...» [15]. Дошедшие до нас надписи Кудзулы Кадфиза датированы от 103 до 136 г. неизвестной эры, а наиболее ранняя надпись его сына и преемника Вимы Кадфиза (Кадфиза II) относится к 187 г. той же эры [16]. В надписи 103 г. Кудзула Кадфиз назван «юным князем», так что можно предполагать, что его фактическое воцарение произошло не в 103 г., а несколько позже. Но в любом случае его царствование оказывается весьма продолжительным [17]. О покорении Кудзулой Кадфизом территории современного Афганистана и земель Северной Индии свидетельствуют монетные находки, в частности более 2000 его монет, собранных в Таксиле [18]. Сведения «Хоу Хань-шу» о длительности жизни Кадфиза I и о его завоеваниях на юге вполне согласуются, таким образом, с иными, известными сейчас данными. Находит себе подтверждение также сообщение «Хоу Хань-шу» о царствовании Вимы Кадфиза (Кадфиза II). По словам «Хоу Хань-шу», этот царь, вступив на престол отца, «покорил Тяньчжу [Центральную Индию], управление которой поручил одному из своих полководцев. С этого времени Юечжи сделался сильным и богатым государством» [19]. И действительно, в глубинных районах Индии находят монеты Кадфиза II, а в Матхуре открыта и статуя этого царя [20]. Анализ же монет Кадфиза II показывает, что в отличие от времени Кудзулы Кадфиза при нем выработался уже и собственный тип монет, свидетельствующий об упрочении кушанской государственности: чекан Кадфиза I подражал монетам римских императоров, царей Парфии, греческих владык Бактрии и Каписы [21], что может говорить о незавершенности процесса сложения единого государства и о попытках новой власти использовать либо иноземные, либо старые, привычные для местного населения, государственные атрибуты.

Временем наибольшего расцвета кушанской мощи все исследователи считают царствование Канишки, при котором границы Кушанской державы проходили по реке Нарбада на юге и близ низовьев Ганга на востоке [22]. В царствование Канишки происходят также важные события в культурной жизни кушанского общества: на базе греческого алфавита создается так называемое кушанское (или тохарское) письмо, приспособленное к нуждам бактрийского (или тохарского), иранского по происхождению языка; вводится новое летосчисление (по годам царствования Канишки) — так называемая эра Канишки; бурно развивается буддизм (Канишка, согласно буддийской традиции, принял буддизм и был активным проводником и реформатором этого религиозного учения). С царствованием Канишки связан и перенос столицы державы к югу от Гиндукуша, в современный Пешавар [23].

---

[14] «Хоу Хань-шу», гл. 118; Бичурин, ук. соч., стр. 227. Это сообщение «Хоу Хань-шу» отличается от сведений «Цянь Хань-шу», согласно которым пять владений являлись землями Дахя (левобережная Бактрия), подчиненными да-юечжами (ср. Бичурин, ук. соч., стр. 184). Причина этих расхождений в источниках еще не ясна.

[15] «Хоу Хань-шу», гл. 118; Бичурин, ук. соч., стр. 227.

[16] Ван Лохвизен де-Леев (ук. соч., стр. 361) считает эту эру «старой сакской эрой», начинавшейся с завоевания кочевниками Бактрии (около 129 г. до н. э.), и относит надписи Кудзулы Кадфиза ко времени между 25 г. до н. э. и 7 г. н. э.

[17] Ван Лохвизен де-Леев (ук. соч., стр. 388) считает, что царствование Кадфиза I длилось примерно до 35 г. н. э.

[18] J. Marshall, Taxila, т. II, Cambr., 1951, стр. 785—786.

[19] «Хоу Хань-шу», гл. 118; Бичурин, ук. соч., стр. 227—228.

[20] Van Lohuizen de-Leeuw, ук. соч., стр. 379—380; J. Vogel, Explorations at Mathura, ASJ, Annual Report 1911—1912, стр. 124—125; K. P. Yagaswal, The Statue of Wima Kadphises and Kushan Chronology, «Journal of the Bihar and Orissa Research Society», т. VI, 1920, стр. 12—22.

[21] R. Ghirshman, Begram, Recherches Archéologiques et Historiques sur les Kouchans, MDAFA, т. XII, Cairo, 1946, стр. 112.

[22] См. A. Banerji, Eastern Expansion of the Kushan Empire, Indian Historical Quarterly, т. XXVII, № 4, 1951, стр. 294—303.

[23] Канишке в исторической литературе уделено много внимания. См., например, «The History and Culture of the Indian People», т. II, «The Age of Imperial Unity», prepared under direction K. M. Munshi (general editor R. C. Majumdar), Bombay, 1953, стр. 141—149, 384 сл.

История Кушанского государства после смерти Канишки до трагических десятилетий III в., когда царь Васудева потерпел поражение в борьбе с сасанидским Ираном, освещена источниками чрезвычайно слабо, и нам неизвестны ни количество кушанских государей, правивших в этот период, ни последовательность их царствований [24]. Во всяком случае мы вправе предполагать, что каких-либо существенных расширений Кушанского государства в этот период не было. Напротив, около середины III в. происходит заметное сокращение его границ. Так, в это время в китайских текстах появляется упоминание уже не трех, а четырех государей — повелителей вселенной: китайского, римского, кушанского и индийского, что свидетельствует о выделении значительной части Индии из состава Кушанского государства [25].

Известные сейчас письменные источники дают чрезвычайно мало сведений для изучения истории Средней Азии кушанского периода. Однако сопоставление тех немногих данных, которые можно все же из них извлечь, с нумизматическими, археологическими и топонимическими материалами позволяет утверждать, что ряд среднеазиатских областей входил в состав Кушанской державы.

В надписи удачливого соперника позднекушанских государей сасанидского царя Шапура I (241—272гг.) на Каабе Зороастра Согд и Чач (Чачстан) названы составными частями Кушанской державы (кушаншахра) [26]. О вхождении Чача в Кушанское государство может свидетельствовать также упоминание в одном из индийских текстов кушанского времени (Сутраламкари) буддийского монастыря, расположенного в этой среднеазиатской области [27]. О кушанской власти в Согде напоминают две Кушании: город и владение Кушания в районе современного Катта-Кургана (на Зеравшане) [28] и город и владение Кушания (Кеш, современный Шахрисябз) на Кашка-Дарье [29]. О том же свидетельствуют сообщения Фирдоуси о кушанах в Бухаре [30] и ряд иных косвенных данных [31]. Вхождение этих среднеазиатских областей в состав Кушанской державы подтверждают и находки кушанских монет, о чем речь еще будет идти ниже. В настоящее время можно говорить также и о подчинении кушанами Хорезма. Об этом свидетельствуют как монетные, так и некоторые иные находки. Так, при раскопках дворца в Топрак-кале обнаружены хорезмийские документы конца III—начала IV в. н. э., датированные 207—231 гг., т. е., очевидно, годами так называемой «сакской эры», начинавшейся 78 г. н. э. [32]. Введение этой эры рядом исследователей приписывается Канишке. Но если даже Канишка и не был основателем «сакской эры», как утверждают другие ученые, в Хорезме она могла получить распространение, вероятно, в результате воздействия кушан. Нельзя оставить без внимания и находку в Хорезме глиняной модели ступенчатой буддийской ступы [33].

Вхождение Согда, Чача и Хорезма в состав Кушанского государства вряд ли может

---

[24] Ван Лохвизен де-Леев (ук. соч., стр. 388) считает, что Канишке наследовали Васишка (102—106 гг. н. э.), Хувишка (111—138 гг.), Канишка II (119 г.) Васудева I (152—176 гг.), Канишка III (192 г.) и Васудева II (начало III в. н. э), см. ук. соч. стр. 388. Р.Гиршман же, относя царствование Канишки к 144—176 гг.н.э., помещает после него лишь Хувишку (172—217 гг.) и Васудеву I (217—241 гг.), см. Ghirshman, Begram,стр. 164 (таблица, даты правлений разбросаны в тексте). К сожалению, обе эти схемы, равно как и построения других исследователей, из-за отсутствия фактических данных остаются чисто гипотетическими.

[25] Pelliot, ук. соч., стр. 97—139; S. Lévi, Devaputra, «Journal Asiatique», т. CCXXIV, 1934, стр. 1—21.

[26] Sprenling, Third century Iran, Sapor and Kartir, Chicago, 1953, стр. 7 и 14; E. Honigman et A. Maricq, Recherches sur les Res gestae divi Saporis, Bruxelles, 1953, стр. 11, 98—110. Ср. А. М. Мандельштам, Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей, Сталинабад, 1957, стр. 85.

[27] A. Foucher, L'Art gréco-bouddhique du Gandhara, т. II, P., 1922, стр. 644.

[28] S. Beal, Si-yu-ki, L., 1884, стр. 34; Бичурин, ук. соч., стр. 315. Ср. В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб., 1900, стр. 98; О. Г. Большаков, Заметки по исторической топографии долины Зеравшана в IX—X вв., КСИИМК, 61, 1956, стр. 20—22.

[29] Beal, ук. соч., стр. 36; Бичурин, ук. соч., стр. 316.

[30] Г. П. Птицын, К вопросу о географии Шах-наме, ТОВЭ, т. IV, Л., 1947, стр. 304—306. Ср. купцов кеш-кушанов, упоминаемых Наршахи (М. Наршахи, История Бухары, пер. Н. Лыкошина, Ташкент, 1897, стр. 42—43).

[31] Так, многие среднеазиатские владетели, в том числе владетели Согда и Ферганы, по сообщению раннесредневековых китайских летописцев, вели свое происхождение от юечжей, а царь Мавераннахра, по ибн-Хордадбеху, носил титул «кушаншах».

[32] См. С. П. Толстов, Работа Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. II, М., 1958, стр. 211.

[33] С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 199 и табл. 76,6; он же, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 156 и 160 (рис. 36 б).

вызывать серьезные сомнения. Однако о том, как и когда попали эти среднеазиатские области под власть кушанских государей, судить весьма трудно.

В нашей литературе широко распространено мнение, что первоначально центром Кушанской державы был район Катта-Кургана в Согде, где находилась сначала резиденция кушанских царей — Кушания, и что перенос Канишкой столицы державы в Северную Индию знаменовал собой отрыв кушан от Средней Азии и индианизацию кушанской правящей верхушки [34]. Это построение, ведущее свое начало еще от В. Томашека [35], в настоящее время явно нуждается в пересмотре. Единственным серьезным обоснованием для этого построения может служить существование в районе Катта-Кургана города и владения Кушании, в названии которого, несомненно, звучит этноним кушан. Однако уже одно то, что нам известны еще две Кушании: одна — на Кашка-Дарье, а вторая даже в Фергане [36], делает сомнительным локализацию первоначального центра Кушанской державы именно в зеравшанском Согде, тем более, что возникновение Кушании на Зеравшане, равно как и других Кушаний, нет никаких оснований относить к начальному этапу кушанской истории (впервые их «кушанские» названия засвидетельствованы лишь раннесредневековыми китайскими источниками). Анализ же известных сейчас данных показывает, что ядром Кушанской державы был отнюдь не Согд, а Бактрия. Так, владение Кудзулы Кадфиза — Гуйшуан (Кушания), по сообщению «Хоу Хань-шу», т. е. основного и достаточно достоверного источника по истории сложения Кушанской державы, находилось в Бактрии, более точно — в Южной (левобережной) Бактрии. Достаточно показательно и почти полное отсутствие в Средней Азии находок монет Кадфиза I, которые не встречаются не только в Согде, Хорезме или Чаче, но даже в Северной (правобережной) Бактрии и в то же время весьма обильно представлены в современном Афганистане и в Северной Индии [37]. Можно было бы, конечно, объяснять отсутствие монет Кудзулы Кадфиза в Средней Азии слабым развитием здесь денежного хозяйства. Однако подобное «объяснение» следует отвергнуть, так как находки не только греко-бактрийских, но также и раннесогдийских монет ясно показывают, что денежное обращение было развито в среднеазиатских областях (во всяком случае в Бактрии и Согде) еще до возникновения Кушанской державы [38]. Если исходить из монетных находок, то северную границу кушанских владений при Кадфизе I следовало бы, таким образом, проводить по Аму-Дарье или, что вполне вероятно, хотя пока и не доказано, по Гиссарскому хребту, естественному рубежу Бактрии на севере. Как бы то ни было, включать в состав государства Кудзулы Кадфиза Согд, как это обычно делается в нашей литературе, или Хорезм, как предлагает Р. Гиршман [39], нет никаких оснований. Исходя из монетных находок, можно также заключить, что подчинение Согда, Хорезма и, вероятно, Чача было осуществлено кушанами не на начальном этапе создания ими своей державы, когда их основное внимание было сосредоточено, как это видно из сообщений китайских источников, на завоеваниях в Бактрии и Индии, а в годы расцвета, в конце царствования Кадфиза II или в годы правления Канишки. В отличие от чекана Кудзулы Кадфиза находки монет Кадфиза II зарегистрированы не только в Афганистане и Индии, но и на территории современных советских республик Средней Азии. Основные находки этих монет в Средней Азии приходятся на Северную, правобережную Бактрию [40].

Однако можно говорить об обращении их и в Хорезме [41]. Монеты же загадочного «безымянного царя», которые большинство исследователей относят к концу царство-

---

[34] См., например, «История народов Узбекистана», т. I, Ташкент, 1950, стр. 117, 118—119; «История Узбекской ССР», т. I, кн. 1, Ташкент, 1955, стр. 94—95. «Очерки по истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР», М., 1954, стр. 638; «Всемирная история», т. II, М., 1956, стр. 670 и 672, а также статьи «Кушания» и «Кушанское царство» в БСЭ и МСЭ.

[35] W. Tomaschek, Centralasiatische Studien, т. I, Sogdiana, Wien, 1877, стр. 89—99.

[36] Бичурин, ук. соч., стр. 260; А. Н. Бернштам, Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, МИА СССР, т. 26, М.— Л., 1952, стр. 232—244.

[37] Ghirshman, Begram, стр. 85—87; Marshall, ук. соч., т. II., стр. 785—786.

[38] В. М. Массон, Денежное хозяйство древней Средней Азии по нумизматическим данным, ВДИ, 1955, № 2, стр. 37—47.

[39] Ghirshman, Begram, стр. 151, рис. 39. Интересно отметить, что автор проводит границу владений Кадфиза I по Аму-Дарье, исключая из их состава Согд.

[40] См. «Труды Таджикской археологической экспедиции», т. II, МИА СССР, т. 37, М.— Л., 1953, стр. 290; «Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея Тадж. ССР», вып. 1, Сталинабад, 1952, стр. 77; сб. «Археологические работы в Таджикистане в 1954 г.», Сталинабад, 1956, стр. 96; сб. «Археологические работы в Таджикистане в 1956 г.», Сталинабад, 1959, стр. 174—175.

[41] Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 151.

вания Кадфиза II или помещают между чеканом Кадфиза II и Канишки [42], равно как и монеты самого Канишки и его непосредственных преемников, встречены и в Северной Бактрии, и в Согде, и в Хорезме, и в Чаче [43].

Отмечаемая закономерность в изменении ареала монет Кадфиза I, Кадфиза II и Канишки как нельзя лучше согласуется с основными этапами развития Кушанской державы, от первых шагов кушанской государственности при Кудзуле Кадфизе, подчинившем себе всю Дахя (Южную Бактрию) и ряд областей к югу и, возможно, к западу от нее, через следующий этап завоеваний глубинных районов Индии при Виме Кадфизе, до расцвета державы в конце царствования Кадфиза II и особенно в годы правления Канишки, когда под власть кушан подпадают огромные пространства Среднего Востока. Конечно, такое совпадение ареала монет с историей кушан, хотя оно и выглядит вполне убедительно, не может еще служить материалом для окончательного решения вопроса о динамике северных границ Кушанской державы: для такого решения потребуются еще новые доказательства. Однако предлагаемая здесь гипотеза наиболее полно объясняет имеющиеся сейчас данные, и на настоящем этапе наших знаний имеет большее право на существование, чем устаревшая, противоречащая материалу концепция последователей В. Томашека.

Отмечая гипотетичный характер предлагаемой в статье истории расширения кушанских владений в Средней Азии, нельзя еще раз не подчеркнуть, что спорным является лишь определение времени, когда Согд, Хорезм и Чач подпали под власть кушанских царей. Само же вхождение их в состав Кушанской державы теперь вряд ли можно оспаривать.

Относительно точно решается в настоящее время и вопрос о северной границе Кушанского государства в период наивысшего расцвета власти кушан в Средней Азии. Пределом кушанских владений на севере следует, по-видимому, считать на северо-западе — Аральское море, а на северо-востоке — северную границу Чача, южные подступы к основному ядру могущественного государственного объединения среднеазиатского севера — Кангюя [44]. Из сообщений китайских источников можно вынести четкое представление о том, что центральные районы этого государственного объединения, возглавляемого кочевниками, хотя и находились, возможно, в какой-то зависимости от кушан, но не входили в состав их державы. В рапорте завоевателя Западного края (современный Синьцзян) известного генерала Бань Чао ханьскому императору страна Кангюй в 78 г. н. э. упоминается наравне со странами кушан (да-юечжей) и усуней [45]. При описании событий 84 г. н. э., когда Бань Чао пытался захватить Кашгар, сообщается о вооруженной поддержке, оказанной Кангюем кашгарскому владетелю.

---

[42] М. Е. Массон недавно предпринял попытку отождествить «безымянного царя» с Кадфизом I (М. Е. Массон, Происхождение «царя царей» — великого спасителя, «Тр. Среднеаз. гос. ун-та», вып. XI, Ташкент, 1950). Однако это отождествление вряд ли может быть принято, так как М. Е. Массон при пересмотре вопроса о монетах «безымянного царя», во-первых, опирался на мнимую малочисленность монет Кадфиза I- и, во-вторых, исходил из положения Смита — Маршалла, считавших «датой Канишки» 128 г. н. э. Если же учитывать все находки монет Кадфиза I и исходить из 78 г. н. э. как года воцарения Канишки (а большинство советских исследователей принимает именно эту дату), то построение М. Е. Массона оказывается слабо аргументированным.

[43] См. М. Е. Массон, ук. соч., а также «Известия Средазкомстариса», вып. III, Ташкент, 1928, стр. 286; С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 151; «Тр. Института истории и археологии АН УзССР», вып. VII, Ташкент, 1955, стр. 118; сб. «Археологические работы в Таджикистане в 1954 г.», стр. 96; Л. И. Альбаум, Балалык-тепа (автореферат кандидатской диссертации), Ташкент, 1958, стр. 6; сб. «Археологические работы в Таджикистане в 1956 г.», стр. 175; сб. «Археологические работы в Таджикистане в 1957 г.», Сталинабад, 1959, стр. 153.

[44] Локализация центрального района Кангюя на средней Сыр-Дарье, предложенная В. В. Бартольдом (История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 5) и поддержанная А. Н. Бернштамом (Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана, «Изв. АН КазССР, № 67, Серия археологическая, вып. 2», 1949, стр. 90—98) и А. И. Тереножкиным (Согд и Чач, КСИИМК, 33, 1950, стр. 159), в последнее время оспаривается С. П. Толстовым (Древний Хорезм, стр. 20—25; он же, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 145 сл.; он же, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., стр. 72—73). Однако возражения С. П. Толстова не могут быть приняты, так как локализация ядра Кангюя на средней Сыр-Дарье находит себе подтверждение также в сообщениях Фирдоуси и в топонимике средневековой эпохи. См. Птицын, ук. соч., стр. 307—308 и С. Г. Кляшторный, Кангюйская этно-топонимика в орхонских текстах, СЭ, 1951, № 3, стр. 64—66.

[45] «Хоу Хань-шу», гл. 77; Chavannes, Trois généraux de la dynastie de Han orientale, «T'oung Pao», т. VII, 1907, стр. 224.

По сведениям того же источника, кушанский царь незадолго до описываемых событий поссорился с владетелем Кангюя и, поскольку кушаны в это время были в союзе с Бань Чао, китайский военачальник просил кушанского царя воздействовать на Кангюй, чтобы последний отозвал свои отряды из Синьцзяна. Влияние кушан на Кангюй было, по-видимому, весьма сильно, так как, по словам китайского летописца, сразу же после обращения кушанского царя к владетелю Кангюя кангюйские войска покинули Кашгар[46]. Но каково бы ни было влияние кушан на кангюйского владетеля, последний, безусловно, выступает здесь как полновластный правитель. О том, что Кангюй при кушанах сохранял достаточную мощь, свидетельствует также сообщение «Хоу Хань-шу» о зависимости от Кангюя владения Яньцяй (Аланы) и его северного соседа — Янь[47]. Отдельно от юечжей говорит о Кангюе и Вей Лио (середина III в. н. э.)[48]. Судя по этим данным, Кангюй в кушанский период, хотя и лишился подчиненных ему ранее Чача и некоторых земель Среднеазиатского междуречья и подпал в какой-то мере под влияние своего могущественного южного соседа, все же сохранил значительную долю самостоятельности и смог даже распространить свое влияние на север и на северо-запад[49].

В противоположность Согду, Чачу, Хорезму и Кангюю положение Ферганы в кушанский период все еще остается неясным. Входила ли она в состав Кушанской державы или сохраняла свою независимость, пока сказать трудно, хотя существование в Фергане города Кушании (Касан) и сообщения о том, что ее раннесредневековые владетели вели свой род от да-юечжей, скорее свидетельствуют в пользу первого предположения.

Резюмируя все вышесказанное, следует указать на то, что:

1) построение, согласно которому первоначальный центр Кушанской державы находился в Согде, в районе города Кушания (возле современного Катта-Кургана), является ошибочным;

2) основным ядром Кушанского государства при Кадфизе I была Бактрия, включая, возможно, ее северную часть (правобережье Аму-Дарьи);

3) среднеазиатские области Согд, Хорезм и Чач одно время входили в состав Кушанской державы;

4) вхождение указанных среднеазиатских областей в состав Кушанского государства приходится, скорее всего, на период его расцвета в конце правления Вимы Кадфиза (Кадфиза II) и в царствование Канишки;

5) основные земли Кангюя не входили в состав кушанских владений в Средней Азии;

6) вопрос о подчинении кушанами Ферганы пока из-за недостатка фактических данных остается открытым.

Б. Я. Ставиский

ОПЫТ ВОССТАНОВЛЕНИЯ НАДПИСИ ИАК, 3(1902), стр. 50, № 16

Боспорская надпись, о которой будет идти речь в настоящей статье, была найдена в июле 1901 г. и опубликована В. В. Латышевым в Известиях Археологической комиссии, вып. 3 (1902), стр. 50, № 16. В настоящее время памятник хранится в Керченском музее.

На двух больших обломках из сероватого мрамора сохранился фрагмент надписи, представляющей собой неполное окончание какого-то текста с добавлением (после некоторого интервала) даты, но без начальной ее части, содержавшей цифровое обозначение года. Высоту всей плиты представить себе в настоящее время нельзя. Однако от нижней части правого края плиты сохранился большой обломок. Линию нижнего края дает нам соединение обоих обломков, однако ширина целой плиты не может быть определена путем простого обмера, так как левый край меньшего, левого, обломка нигде на всем протяжении не совпадал с левым краем плиты.

---

[46] Там же, стр. 230.

[47] «Хоу Хань-шу», гл. 118; Бичурин, ук. соч., стр. 229.

[48] E. Chavannes, Les pays d'occident d'après de Wei-Lio, «T'oung Pao», т. VI, 1905, стр. 538 сл.

[49] Ср. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 151.

Сохранившийся фрагмент надписи с небольшими дополнениями В. В. Латышева имеет следующий вид:

— — — — — — — — — — — — — — — — — —
1 — — — — — — — — εὐ] εργέτ [ης] τῆς βασ [ι —
λείας — — — — — — —] ων τὴν [π] όλιν ἐκ
[— — — — — — — —] ρεν ὄνομα αὐτη
[— — — — — — — —]οματειον.
5 [Ἐν τῷ ...] ἔτει καὶ μηνὸς Ἀρτεμεισίου κ'

«Содержание надписи,— пишет В. В. Латышев,— к сожалению, не поддается определению». Если мы берем на себя смелость предложить восстановление последних строк надписи, то только потому, что ряд читаемых в ней или легко дополняемых слов дает, как нам кажется, достаточно прочную опору для конъектур в определенном направлении.

В строке 3-й имеется остаток слова -ρεν. Это — окончание глагола, служившего сказуемым и поставленного в 3-м лице единственного числа прошедшего времени (скорее аориста, чем имперфекта, который менее подходит к стилю завершающей части надписи). В греческом языке глаголов на -ρω насчитывается довольно много [1]. Не все они пригодны для данного случая. Ведь глагол, стоявший в нашей надписи, должен был удовлетворять двум условиям: 1) допускать при себе в качестве прямого дополнения слово «город», наличие которого в тексте надписи не подлежит сомнению (поэтому отпадает подавляющее количество глаголов на -ρω, отпадает и аорист εὗρεν); 2) означать нечто благотворное, как на то указывает восстановленное В. В. Латышевым слово «благодетель» (поэтому отпадает глагол φθείρω и производные от него).

Этим требованиям удовлетворяет встречающийся в греческих строительных надписях, в частности и боспорских, глагол ἀνεγείρω (о значении его речь будет ниже) [2]. Вставка в текст этого глагола естественно влечет за собой еще одно дополнение. Если бы мы взяли глагол καθαίρω или производные от него, то обычная при них конструкция (они употребляются либо абсолютно, либо с genetivus separationis) поставила бы перед нами трудный вопрос — как осознать сочетание ἐκ. Выбор глагола ἀνεγείρω подсказывает дальнейшее дополнение: ἐκ | [θεμελίων — «от основания». Ср., например, ἐκ θε [μελίων | ἀ] νήγειρ [ε] ν (горгиппийская надпись, опубликованная Т. В. Блаватской, ВДИ, 1951, № 2, стр. 117, строка надписи 5-я и сл.). Такое дополнение является единственно возможным, так как ἐρειπίων исключается ввиду формы предлога ἐκ (не ἐξ); τῶν ἰδίων (с подразумеваемым ἀναλωμάτων) не подходит по смыслу — частному лицу было не по силам строить город, а в применении к царям подобного рода выражение не употреблялось.

Главная мысль сохранившегося отрывка надписи выражена именно в той части предложения, которую мы попытались восстановить.

Некто — надо думать, царь — построил город от основания. Глагол ἀνεγείρω имеет иногда значение «восстанавливать». Элий Аристид в своей XXI речи (Παλινῳδία ἐπὶ Σμύρνης) восхваляет императоров Марка Аврелия и Коммода за то, что их заботами был восстановлен разрушенный землетрясением в 178 г. н. э. город Смирна. Божественный промысел, по мнению Элия Аристида, устроил некое сочетание — на долю императоров, властвующих над всеми городами, выпала честь населить (οἰκίσαι) прекраснейший город, а на долю города — честь быть восстановленным (ἀνεγερθῆναι) самими императорами (264).

В других случаях этот глагол может означать только «воздвигать, строить». В таком именно смысле, без оттенка возобновления (того, что было разрушено), встречается он у Либания. В своей Антиохийской речи (Ἀντιοχικός, XI) оратор, рассказывая об основании Антиохии, сообщает, что на месте этого города, уже начиная с мифических времен, существовали поселения. Первое из них было основано теми, кто был послан в погоню за Ио (51). В дальнейшем Гераклиды построили дополнение к городу — Ἡρακλείαν — προσθήκην ἀνεγεῖραι τῇ πόλει τὴν Ἡράκλειαν (54). В рукописях колебание: одни из них дают ἐγεῖραι, другие (лучшие) — ἀνεγεῖραι (это чтение принято как в старых изданиях, так и в критическом —

[1] См. Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Sprache, im Auftrage d. Wiener Akademie d. Wissenschaften unter Leitung ihres ordentlichen Mitgliedes Paul Kretschmer ausgearbeitet von. Ernst Locker, Göttingen, 1944.

[2] Простой глагол ἐγείρω в боспорских строительных надписях не встречается (причастие ἐγειρόμενοι есть в стихотворной эпитафии — IPE, IV, № 256, стр. 10, где оно имеет смысл «начинать», «поднимать» вопль, плач). Глагол διεγείρω находим в боспорской эпиграфике в значении «восстанавливать» только один раз (IPE, II, № 352). Словари (Passow, Liddell a. Scott) знают только его значение «будить».

R. Foerster, Lipsiae, 1903). Иногда нет возможности определить точный смысл глагола ἀνεγείρω. Комментатор Палатинской Антологии отказывается дать точный перевод стиха одного из стихотворений: Τόνδε Τύχης ἀνέγειρε δόμον Δημήτριος ἀρχός (IX, 693) [3].

Примеры из эпиграфики также иногда не помогают нам разобраться в значении интересующего нас глагола (напр. Dittenberger, OGIS, № 619, 5—320 г. н. э.). Имеются, однако, и такие случаи, где можно без риска ошибиться придавать этому глаголу значение «строить». Так проще всего понимать его в надписи на воротах здания, найденной в Иудее и датируемой I в. н. э. на том основании, что в ней упоминается царь Агриппа (I или II): «Диомед, сын Харета, наместник великого царя Агриппы, построил от основания» — ἀπὸ θεμελίων ἀνήγειρεν (Dittenberger, OGIS, № 422).

В боспорской эпиграфике глагол ἀνεγείρω встречается и в смысле «восстанавливать». Так, в упомянутой выше надписи (изданной Т. В. Блаватской) царь Тиберий Юлий Савромат (по определению издателя — Савромат I) в о с с т а н а в л и в а е т разрушенные стены. Есть и такие надписи, в которых значение глагола неясно (В. В. Латышев, ИАК, 37, 1910, стр. 61, № 42). Больший интерес представляют для нас те эпиграфические тексты, где ἀνεγείρω с полным основанием переводится как «построить», «воздвигнуть». Наместник Горгиппии Фарнакион, сын Пофа, построил в 110 г. н. э. храм Афродите Навархиде — τὸν ναὸν ἀ|νήγειρεν (В. В. Латышев, ИАК, 23, 1907, стр. 46, №, 32). Антигон, сын Эвия, поставил стелу своему отцу и своей матери — ἀνέ[στη|σ]εν τὴν στή|[λ]ην, согласно чтению В. В. Латышева (IPE, II, № 67); это чтение в настоящее время исправлено А. И. Болтуновой на ἀν(ή)γ(ει)|εν на том основании, что в копии надписи (камень в настоящее время утрачен) дается ΑΝΕΙΓΙ|ΡΕΝ.

Принимая для нашей надписи глагол ἀνήγειρεν, мы вправе не придавать ему значение «восстановил», тем более что никаких данных в пользу такого толкования в самой надписи нет. Определенный артикль τὴν πολιν говорит только о том, что город в момент составления текста надписи уже существовал, и, возможно, еще о том, что об этом городе речь шла выше, в утраченной части надписи. Упоминание названия города также может служить аргументом в пользу правильности нашего вывода относительно значения глагола ἀνήγειρεν. Правда, иногда имело место переименование города после его восстановления, расширения или укрепления. Известно, например, что македонский город, носивший первоначально название Кренида, затем стал называться Дат; Филипп Македонский, укрепив этот город, назвал его Филиппами — ἀφ' ἑαυτοῦ Φίλιπποι προσεῖπεν (Аппиан, О гражданских войнах, IV, 105). Однако в нашем случае естественнее остановиться на более простом решении: название получил новый город [4].

Таким образом, лицо, имя или какое-нибудь другое обозначение которого было подлежащим в предложении, построило город. Перед этим сообщением давалась характеристика этого акта как благодетельного — в форме причастного оборота, как показывает окончание -ων (именительный падеж причастия действительного залога).

Предлагаем, пользуясь также остатками слов и удачными конъектурами В. В. Латышева, восстановление: εὐ]εργέτ [ην] τῆς βασ[ι|λείας ἑαυτὸν παρέχ] ων. Дополнение В. В. Латышева εὐ]εργέτ[ης (в именительном падеже) затруднило бы восстановление контекста, так как обычная в греческих надписях формула εὐεργέτης+ + личная форма или причастие глагола γίγνομαι (например, Dittenberger, Sylloge [3], № 415, III в. до н. э. — εὐεργέτας ἐγένετο τοῦ ἱεροῦ καὶ τᾶς πολιος) в нашем случае исключается. В качестве параллели к предлагаемому нами выражению можно привести — ἑαυτὸν παρέχειν εὐπειθῆ...καὶ ἐθελόπονον καὶ φιλοκίνδυνον (Ксенофонт, Киропедия, II, 1, 22), μέτριον ἐμαυτὸν παρέχων (Эсхин, I, 1); или, с существительным, — τοιοῦτον γὰρ πολίτην ἑαυτὸν ἐξ ἀρχῆς παρέσχεν (Лисий, XIV, 1); σαυτὸν σοφιστὴν παρέχων (Платон, Протагор, 312 a). В эпиграфических текстах встречаем в анало-

---

[3] ἀνέγειρε — sitne vertendum exstruxit an instauravit, ignoramus (Dübner ad loc.— издание Палатинской Антологии, D i d o t, т. II, Parisiis, 1872, стр. 240); впрочем, в самом переводе дается глагол struxit.

[4] Город был построен ἐκ θεμελίων — от основания, т. е. начиная с самых оснований, которых до тех пор не было. В пользу такого понимания текста говорит ряд данных. Прежде всего точное значение слова θεμέλιον — см. H. L a t t e r m a n, Griechische Bauinschriften, Diss., Strassburg, 1908, стр. 108: θεμέλιον ist alles unter der κρηπίς (цоколь). Далее, Дион Кассий, рассказывая о борьбе Клодия с Цицероном, сообщает, что Клодий намеревался срыть дом своего врага, будто бы построенный на священной земле,— до самого основания, т. е., разумеется, включая и основание, ὡς καὶ ἐκ θεμελίων αὖθις αὐτὴν (i. e. τὴν οἰκίαν) ἀναιρήσων (XXXIX, 20). Ср. также выражение, употреблявшееся греками, когда речь шла о наметке границ города на самой земле — διαγραφομένων...τῶν θεμελίων (А п п и а н, Карфагенские дела, 136).

гичном контексте не только средний залог глагола παρέχω [5], но и действительный: ἑαυτὸν ἑκοντὴν παρέχων ὄοκνον (IPE, I², № 40, стр. 20 сл. — ольвийский декрет в честь Фсона, сына Сатира).

В последней части предложения упоминается обстоятельство, сопутствовавшее основному деянию, которому посвящено все предложение. В. В. Латышев оставил слово αὐτῃ без ударения, не решаясь сделать выбор между возможными падежами. И. И. Толстой, подготовляя новое издание Корпуса боспорских надписей, усмотрел, здесь, с нашей точки зрения, правильно, дательный падеж αὐτῇ. Нам остается дополнить: ὄνομα αὐτῇ[θέμενος. Так обычно выражаются греческие авторы, говоря о наименовании городов: Λαουίνιον ὄνομα τῇ πόλει θέμενοι (Дионисий Галикарнасский, Antiquitates Romanae, I, 45); τίθενται δὲ τῷ κτίσματι Ῥώμῃν ὄνομα (там же); ὄνομα τῇ πολει θέμενος Ἄλβαν (I, 66); αὐτῇ μὲν δὴ τῇ πολει Μεσσένην ἔθεντο ὄνομα (Павсаний, IV, 27, 7); τίθενται δὲ αὐτῷ καὶ Πύθιον ὄνομα (Павсаний, VIII, 38, 8).

Остается неясным название, данное городу. Нет надежды найти его по окончанию в имеющихся у нас источниках. В словаре Dornseiff — Hansen (стр. 97)[6] зарегистрировано больше 25 названий географических и топографических пунктов, оканчивающихся на -τειον, но ни одно из них не помогает нам восстановить утраченное название боспорского города, так как окончание -ωματειον ни разу не встречается.

Обратим внимание на то, что много названий местностей (пусть это и не города) с окончанием -ειον являются дериватом от имен лиц: Ἀράτειον, Λαοδαμάντειον, Ὀρέστειον, Σωκράτειον, Τιμολεόντειον и др. Ничто не мешает предположить, что имеющее такое же окончание название города на Боспоре также было произведено от собственного имени, которое принадлежало значительному лицу и имело в своем составе сочетание звуков -ωματ. Исследовавшие шрифт нашей надписи Т. Н. Книпович и А. И. Болтунова относят ее, на основании характера письма, ко второй половине II — первой половине III в. н. э. В этот период времени в течение почти 40 лет на Боспоре правили цари, носившие имя Савромат: Савромат II (174/175—210/211 гг. н. э.) и Савромат III (229—231 гг. н. э.). Абсолютно ли неприемлемой после всего этого окажется конъектура Σαυρ?]ωμάτειον? Боспорский царь, скорее Савромат II, чем недолго правивший и не единолично, а совместно с Котисом III Савромат III, мог дать городу название, образовав его от своего собственного имени.

Окончание названия города на -ον не может вызвать никаких недоумений. Известны Βυζάντιον, Σίγειον, Ἀδραμύτειον, Δυῤῥάχιον, Μεταπόντιον, Ταυρομένιον, Ῥήγιον и многие другие; на Боспоре — Ἰλούρατον, Κύταιον. Νύμφαιον — и др. Отличие от них предполагаемого названия «Савроматий» в том, что последнее образовано от имени царя. Вполне естественным является вопрос, имеем ли мы право приписывать боспорскому царю отступление от традиций Александра Македонского и эллинистических властителей придавать названиям городов, образованным от имен членов царских династий, формы с окончанием -εια (Ἀλεξάνδρεια, Ἀντιόχεια, Ἀπάμεια, Λαοδίκεια, Σελεύκεια, Στρατονίκεια и т. п.). Окончание -ειον характерно вообще для названий храмов, священных участков, земельных участков и т. п. Кроме перечисленных выше, ср. также Μενελάειον — так называлось святилище Менелая в Терапнах [7] из более новых Πτολεμαεῖον — название существовавших в разных местах зданий, где совершались священнодействия в честь обожествленных Лагидов [8], а также Ἀτταλεῖον — название священного участка, предназначенного для культа пергамских царей [9].

Ближе к нашему случаю другие примеры. Греки выводили названия некоторых древних негреческих городов на -ειον от имен царей — Γορδίειον от Γορδίας [10], Μιδάειον от Μίδας [11]. Можно, однако, привести и совсем близкие параллели к предполагаемому нами названию. Две крепости, основанные Иродом I в Палестине, получили название Ἡρῴδειον или Ἡρωδεῖον [12]. Другой аналогичный пример доставляет нам ономастика самого Крымского полуострова. Страбон, сообщив о том, что в Крыму

---

[5] Напр., IPE, I², № 35, стр. 11 сл.; Hiller v. Gärtringen, Inschriften von Priene, B., 1906, № 65, стр. 5 сл.; № 99, стр. 4 сл.; № 107, стр. 10 сл., 16 сл.

[6] Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen im Auftrag d. Sächsischen Akademie d. Wissenschaften unter Leitung ihres ordentlichen Mitgliedes Franz Dornseiff ausgearbeitet v. Bernhard Hansen, B., 1957.

[7] Bölte, RE, п/т. XXIX (1931), стб. 803 слл.

[8] Volkmann, RE, п/т. XLVI (1959), стб. 1590 сл.; L. Cerfaux et J. Tondriau, Le culte des souverains dans la civilisation greco-romaine, Tournai, 1957, стр. 201, 206.

[9] Kern, RE, т. II (1896), стб. 2156; Cerfaux et Tondriau, ук. соч., стр. 252.

[10] Ruge, RE, т. VII (1912), стб. 1590.

[11] Ruge, RE, п/т. XXX (1932), стб. 1524 слл.

[12] Beer, RE, т. VIII (1913), стб. 980.

имелись укрепленные места (φρούρια), и перечислив их, добавляет: ἦν δὲ καὶ Εὐπατόριόν τι, κτίσαντος Διοφάντου, [τοῦ] Μιθραδάτῃ στρατηγοῦντος (VII, 4, 7) — «был и некий Эвпаторий, основателем которого был Диофант, полководец у Митридата». Не обязательно отожествлять этот Эвпаторий — Εὐπατόριον с Эвпаторией — Εὐπατορία. Данные о географическом положении этих пунктов дают основание заключить, что они были расположены в разных местах [13]. Получаются, таким образом, два населенных пункта, названия которых были образованы от имени царя Митридата Эвпатора, одно на -ία, другое на -ιον.

Возможно, морфология названий на -ιον, -ειον, когда они не принадлежали местам культа, стояла в некоторой связи с характером поселения, ведь и палестинские Геродии, и крымский Эвпаторий были небольшими пунктами военного значения, крепостцами.

Текст надписи получается следующий:

. — — — — — — — — — — — — — — — — — —
1 . — — — — — — — — εὐ]εργέτ[ην] τῆς βασ[ι-
. λείας ἑαυτὸν παρέχ]ων τὴν [π]όλιν ἐκ
.[θεμελίων ἀνήγει]ρεν ὄνομα αὐτῇ
[θέμενος Σαυρ?]ομάτειον. vacat
vacat
5 .[Ἐν τῷ...] ἔτει καὶ μηνὸς Ἀρτεμεισίου κ'

Перевод: «... являя собой благодетеля царства, построил город от основания, дав ему название Савроматий (?). В . . . . году и месяце Артемисии, 20-го числа».

Мерило количества букв в строке дает предпоследняя, 5-я строка, начало которой безусловно правильно восстановлено В. В. Латышевым. Строка эта содержит 26 букв. Оставляя в стороне 1-ю неполную строку, получаем: в строке 2-й — 28 букв, в строке 3-й — 26, в строке 4-й — 19 + пространство для 5 или 6 букв. Все это — числа, близкие к 26.

Принимая количество букв в строке 5-й за норму для других строк, мы молчаливо признаем, что начальные буквы предыдущих строк текста были вырезаны на том же расстоянии от левого края плиты, что и начальные буквы строки 5-й. В какой мере такое допущение может считаться обоснованным?

Расположение хронологических данных по отношению к тексту надписей не подчиняется в боспорской эпиграфике единому правилу. В надписях разного времени, в том числе и в надписях II—III вв. н. э., наблюдаются три варианта.

Дата может быть вырезана просто в строку, ничем не выделяясь из контекста (IPE, II, № 46—249 г. н. э.; № 254—107 г. н. э.; № 309—192 г. н. э.; № 310—208 г. н. э.; № 352—105 г. н. э.; № 363—307 г. н. э.; № 434—236 г. н. э.; № 446—220 г. н. э.; № 453—230 г. н. э.). При этом возможна разновидность — дата вырезана в строку, но конец ее, не уместившийся в той же строке и перенесенный в следующую, наносится отступя от левого края камня (IPE, II, № 43—223 г. н. э.; № 353—151 г. н. э.).

Второй вариант — дата выносится в новую строку с отступлением от левого края памятника, так что строка, содержащая дату, оказывается короче предыдущих. Здесь возможны разновидности: либо дата помещается в одной строке (IPE, II, № 423—193 г. н. э.; № 430—220 г. н. э.; № 433—236 г. н. э.; № 447—225 г. н. э.; № 448—225 г. н. э.; № 449 — обозначение года не сохранилось; № 452—228 г. н. э.; № 454 — обозначение года не сохранилось); либо она вырезывается в две строки, причем возможно разное расположение букв второй строки относительно обоих краев камня и концов первой строки (IPE, II, № 41—216 г. н. э.; № 44—250 г. н. э.; № 48—225 г. н. э.; № 359—130 г. н. э.; № 427—188 г. н. э.; № 428—192 г. н. э.; № 432—20-е — 30-е годы III в. н. э.).

Наибольший интерес представляет для нас здесь третий вариант, когда обозначение даты дается с новой строки, но не отступая от левого края камня. Сюда относятся прежде всего некоторые надписи с однострочной датой. Отметим, что в одних случаях между строкой, содержащей дату, и предыдущими строками надписи нет свободного пространства (IPE, II, № 39—117 г. н. э.; № 42—221 г. н. э.). В других случаях, как и в нашей надписи, такое пространство оставлено (IPE, II, № 444—209 г. н. э.; № 451—228 г. н. э.). Есть, наконец, примеры двустрочной даты (вырезанной сразу же после предшествующего текста или после интервала), где отхода от левого края памятника либо вовсе не имеется (прозаическая надпись 82 г. н. э., опубликованная Л. И. Чуистовой, ВДИ, 1955, № 3, стр. 207 сл.; метрическая надпись 227 г. н. э., опубликованная А. И. Болтуновой, СА, 1959, № 1, стр. 168 сл.), либо имеется только во второй строке, которая вырезана с таким расчетом, чтобы последняя буква ее оказалась у правого края стелы (IPE, I, № 312—127 г. н. э.). Этот последний пример представляет собой близкую параллель к нашей надписи, в которой буквы второй строки двустрочной даты слева

[13] Brandis, RE, т. VI (1909), стб. 1161 сл.

сильно отступают от края стелы, а справа близко подходят к краю, причем небольшое пространство между последней буквой и правым краем заполнено листиком плюща (второй листик вырезан с левой стороны ради симметрии).

Следовательно, в нашем предположении, что дополненная В. В. Латышевым предпоследняя строка надписи занимала всю ширину стелы, а потому и может служить мерилом длины строк, нет ничего неправдоподобного. В подкрепление можно привести еще одно соображение. Мысль о том, что город получил название, не могла быть изложена пространно; самая суть дела требовала краткого делового сообщения. Если так, то между словом ὄνομα (строка 3) и окончанием самого названия (строка 4) должно было помещаться очень ограниченное число слов, небольшое число букв. Этому условию удовлетворяет предложенное восстановление, в основе которого лежит предположение о почти одинаковом количестве букв в 4-й и 5-й строках надписи.

Что представляла собой разбираемая надпись? Не почетный декрет, так как такие декреты обычно заканчивались перечислением почестей, назначавшихся заслуженному лицу. Не монарший рескрипт, так как глагол-сказуемое стоит в 3-м лице, а не в 1-м лице. Перед нами, по-видимому, фрагмент одной из так называемых строительных надписей, какие в достаточном количестве найдены в разных частях греческого мира. Особенность нашей надписи в том, что в ней говорилось не об отдельном здании или сооружении, а о целом городе. Поэтому ее можно считать чем-то вроде правительственной декларации по случаю основания нового города.

Основывая город, царь (ведь трудно думать о ком-нибудь другом) тем самым оказывал своему царству (а не только новоселам) благодеяние. Это имеющееся в надписи сообщение наводит на мысль об особом значении нового поселения.

Реальный комментарий к нашей надписи может дать только археолог после детального обследования того места, где она была найдена. В настоящее время следует ограничиться немногим.

Первый издатель надписи отмечает, что она была обнаружена в имении, называвшемся Пиалы - Сарай и расположенном в 5 *км* к западу от станции Султановки, к северу от Феодосийской почтовой дороги, неподалеку от западной стороны древнего вала, идущего от Узунларского озера к Азовскому морю.

Полученные нами от В. Ф. Гайдукевича сведения сводятся к следующему. Боспорская экспедиция производила в 1940 и 1951 гг. археологическое обследование упомянутого выше древнего оборонительного вала. На территории бывшего имения Пиалы - Сарай («Наташин хутор») отмечены остатки античного поселения, тесно связанного с валом и являвшегося, по-видимому, одним из узловых пунктов в оборонительной системе этого вала. Постройка такого поселения служит, конечно, достаточным объяснением для слов: «являя собой благодетеля царства».

Исследователи истории Боспорского царства констатируют продолжение во II в. н. э. военного строительства оборонного значения. В частности, к первой четверти этого века, в царствование Савромата I, были восстановлены пришедшие в упадок стены Горгиппии [14]. На западных границах государства идет строительство небольших укрепленных пунктов [15]. Один из таких пунктов был расположен у нынешней деревни Ивановки, в 17 *км* к юго-западу от Керчи. Расположенное в этом месте городище многократно и раньше (1936—1940 гг.) обследовалось Боспорской экспедицией, а в 1948—1953 гг. стало объектом ее особого внимания. Раскопки дали богатые результаты, позволившие сделать ряд ценных выводов. Город, развалины которого находятся у деревни Ивановки, идентичен упоминаемому у Птолемея Илурату. Он представлял собой небольшой, но сильно укрепленный населенный пункт. Культурные отложения Илурата свидетельствуют о том, что жизнь в нем протекала в течение двух столетий — начиная со второй половины I в. н. э. и кончая первой половиной III в. н. э.[16].

Небольшой, не оставивший, по-видимому, никакого следа в исторической и географической литературе населенный пункт Боспорского царства назван в надписи πόλις. Имеющиеся в нашем распоряжении тексты убеждают нас в том, что мелкие поселения Боспорского царства могли обозначаться этим словом. Правда, Страбон считает городами (πόλεις) сравнительно крупные центры — Пантикапей (метрополия), Феодосию, Нимфей, Фанагорию, Танаис (VII, 4, 4—5); Мирмекий для него только πολίχνιον (5), Палакий, Хаб, Неаполь, Эвпаторий — только φρούρια (7). Зато Птолемей, перечисляя не находящиеся у моря города Херсонеса Таврического, несомненно небольшие,— вводит этот перечень словами: πόλεις δὲ εἰσὶ μεσόγειοι ἐν

---

[14] См. Т. В. Блаватская, ВДИ, 1951, № 2, стр. 117 слл.; А. И. Болтунова, ВДИ, 1959, № 4, стр. 101 слл.

[15] В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, М.— Л., 1949, стр. 189 сл.; В. Д. Блаватский, Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья, М., 1954, стр. 154: «наблюдается появление небольших поселений-крепостей, имеющих по преимуществу стратегическое значение».

[16] Обо всем этом см. В. Ф. Гайдукевич, Илурат, МИА, 85; «Боспорские города», т. II, М.— Л., 1958, стр. 9 сл.

τῇ Ταυρικῇ Χερσονήσῳ αἵδε (Geograph,, III, 5,5). С интересующей нас точки зрения место из Птолемея является хорошей параллелью к соответствующей строке разбираемой надписи, тем более что в перечне этих πόλεις значится и аналогичный нашему городу Илурат.

Младшим современником города-крепости Илурата был тот военный форпост, о котором говорится в нашей надписи. Выдвинутый значительно дальше на запад по сравнению с Илуратом, он был обязан своим возникновением усилению военной опасности на западных границах еще способного к активной обороне Боспорского государства.

А. И. Доватур

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КОЛОНАТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РИМСКОЙ АФРИКЕ II в. н. э.

Более чем полстолетия назад были открыты известные надписи, сообщившие много важных сведений о земельных отношениях в Римской Африке во II в. н. э. Открытие надписей вызвало к жизни большую литературу, посвященную как комментированию их текста, так и анализу аграрных отношений. Постепенно, однако, интерес к этому вопросу значительно ослабел. Спорные вопросы стали обычно обходить молчанием либо принимать с известными оговорками точки зрения прежних исследователей. Некоторое оживление интереса к этим вопросам вызвали акты купли-продажи земельных участков, так называемые «таблички Альбертини», найденные в Южном Тунисе в 1928 г. и опубликованные полностью в 1952 г.[1]. Однако та интерпретация, которая дается табличкам их издателями и комментаторами, представляется во многом спорной, многие проблемы, возникающие при изучении аграрных документов из Северной Африки, и в настоящее время далеки от окончательного решения.

Настоящая статья не может, разумеется, претендовать на разрешение всех вопросов, связанных с земельными и, в частности, с колонатными отношениями в Римской Африке. Из этого круга проблем мы рассмотрим лишь вопрос о некоторых особенностях африканского колоната, определяющих своеобразие этого института в данном районе, и попытаемся также выяснить характер различий между отдельными категориями колонов, известными по надписи из Хенхир-Меттиха.

В настоящее время можно считать установленным, что крупная земельная собственность является характерной чертой аграрного строя Африки I—II вв. н. э. Есть основания предполагать, что крупные земельные владения образовались здесь не постепенно, как в Италии, а сравнительно быстро. Завоевание Африки продолжалось еще в ту эпоху, когда частная собственность на землю в Римском государстве окончательно победила. Африканская земля ввиду своего исключительного плодородия сразу привлекла внимание крупных магнатов.

Как известно, в Африке латифундии получили специальное название сальтусов (saltus), которое первоначально означало обширное пространство необработанной земли, занятой лесом, пастбищами и болотами. Эти земли с самого начала превращались в ager publicus и не были никак связаны с местной муниципальной организацией. Потом они или оккупировались, наподобие италийских земель, или продавались государством частным лицам и мало-помалу становились частной собственностью, опять-таки остававшейся вне муниципальной организации и подчиненной непосредственно имперскому правительству [2].

По свидетельству Плиния, половиной Африки владели шесть магнатов, когда Нерон казнил их (HN, XVIII, 35). Утверждение Плиния не следует понимать буквально. Имеется в виду, очевидно, только Africa vetus и скорее всего долина реки Баграда [3].

[1] Tablettes Albertini, Paris, 1952.

[2] Об образовании крупных сальтусов см. A. Schulten, Die römischen Grundherrschaften, Weimar, 1896; E. Beaudouin, Les grands domaines dans l'Empire Romain, «Nouvelle revue historique de droit français et étranger», 21, 1897; 22, 1898; E. Cuq, Le colonat partiaire dans l'Afrique romaine, d'apres l'inscription d'H[r] Mettich, «Mémoires présentés par divers savants à l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, вып. 1, т. 11, 1 (1897), стр. 83 слл.; J. Carcopino, L'inscription d'Aïn-el-Djemala. Contribution à l'histoire des saltus africains et du colonat partiaire, «Mélanges d'archéologie et d'histoire», XXVIe année, часть V, 1906, стр. 365—481; J. R. S. Broughton, The Romanization of Africa Proconsularis, Baltimore, 1929; R. M. Haywood, Roman Africa, ESAR, т. IV, 1938; M. I. Rostowzew, Studien zur Geschichte des römischen Kolonates, Lpz — B., 1910 и др.

[3] Вспомним, что описание Африки у Плиния ограничивается почти исключительно побережьем.

Именно здесь образовался в дальнейшем основной массив императорских имений. Район преимущественного географического распределения крупнейших сальтусов — это центральный, западный и южный Тунис [4].

Наиболее крупные имения со временем все больше сосредоточиваются в руках императора, часто приобретая характер его личного имущества (ratio privata, matrimonium privatum), они управлялись императорскими прокураторами, которые ведали административной, финансовой и полицейской службой. Совместить эти функции в одних руках было чрезвычайно трудно. Видимо, это было одной из побудительных причин сдачи императорских сальтусов в аренду целиком одному лицу или нескольким лицам крупными частями. То же, очевидно, происходило и с частными имениями крупных размеров.

Относительно способа ведения хозяйства в Африке в I в. н. э. ничего определенного не известно. В конце I — начале II в. н. э. значительные земельные пространства были уже заняты хозяйствами колонов.

Очевидно, сдача земли колонам мелкими участками стала преобладающей формой ведения хозяйства в некоторых местах Африки, особенно в Тунисе, но как это произошло, сказать чрезвычайно трудно, так как источники не содержат никаких сведений по этому вопросу. Вести крупное хозяйство на обширных территориях сальтусов возможно было лишь в ограниченных размерах, в противном случае это потребовало бы колоссального числа рабов, а главное — надсмотрщиков за рабами. Во всяком случае можно считать несомненным, что крупное плантационное хозяйство, обслуживаемое рабами, в Африке не привилось. Однако было бы ошибочно думать, будто рабский труд в сельском хозяйстве вовсе не использовался. Имеется ряд свидетельств источников, на основании которых можно было бы сделать вывод о применении рабского труда. В надписи из Хенхир-Меттих есть выражение: cus[t]odibus servis dom... (CIL, VIII, 25 902, IV, 34—35). Означает ли это рабов-надсмотрщиков или надсмотрщиков за рабами — безразлично, так как в данном случае важно то, что в имении, видимо, имелись рабы. Надпись 186 г. н. э. из Хенхир-Сноббир позволяет узнать не только то, что рабы были заняты в скотоводстве, но даже и их цену — 500 денариев (CIL, VIII, 23 956 = Aép., 1903, № 202). Жена Апулея подарила своим детям от первого мужа около 400 рабов (Apolog., 93, 4). Имение находилось в сельской местности, и вряд ли все эти рабы были заняты в услужении. Тот же Апулей прямо указывает на использование рабов ad agrum colendum (там же, 17,1). Один из персонажей «Сатирикона» Петрония говорит, что у него так много рабов на полях Нумидии, что они могли бы даже захватить Карфаген (Sat., 117, 8). Нет нужды говорить о том, что последнее утверждение — гипербола, однако оно позволяет заключить, что много рабов этого лица работало на полях. Все эти свидетельства относятся к I—II вв. н. э. Надгробия рабов чаще всего не позволяют сделать вывода о том, были ли эти рабы заняты в сельском хозяйстве. В подавляющем большинстве случаев это надгробия рабов, занятых в непроизводительной сфере, т. е. представителей рабской аристократии. Это адвокаты, врачи, архитекторы, секретари, библиотекари, посыльные, землемеры, педагоги и т. п. Понятно, что рабы, не принадлежавшие к этой привилегированной верхушке, не могли оставить после себя дорогостоящие надгробные памятники. Неудивительно поэтому, что надгробия рабов по большей части принадлежат рабской «интеллигенции». Можно предполагать, конечно, что грандиозные маслодельческие мастерские, остатки которых во множестве сохранились на территории современных Алжира и Туниса, обслуживались рабами. Рабы, безусловно, работали в рудниках и каменоломнях, столь многочисленных в Африке; без рабского труда были немыслимы в ту эпоху грандиозные постройки в городах, акведуки и цистерны и тому подобные сооружения. Но это уже не относится к области сельского хозяйства. В то же время не подлежит сомнению факт ведения землевладельцами собственного хозяйства ограниченных размеров с помощью рабского труда. Невозможно представить себе, что шести отработочных дней колонов было достаточно для обработки полей кондукторов в течение всего года. В страдную пору в такие хозяйства нередко привлекались наемные сельскохозяйственные рабочие, что явствует из известной эпитафии из Мактариса [5].

---

[4] См. CIL, VIII, 270=11451=23246; 587; 588; 1180; 5384; 6706; 7032; 8209 = Dessau, 6020; 8241; 8280; 8425; 8426; 10570; 14313; 14428; 14603; 17500; 18909; 21663; 23022; 25902; 25943; 26416; 27551; ILAlg., I, 324; 325; ILT, 285; 1303; 3992= Aép., 1922, № 19; IRT, 230; Aép., 1902, № 223; 1907, № 5; 1921, № 24; 1923, № 26; 1937, № 31; 1938, № 74; Atl. Alg.,fe.17, № 158; 237; P. Gauckler, Enquête sur les installations hydrauliques romaines en Tunisie, Tunis, 1897, I, стр. 81; S. Gsell, De Tipasa Mauretaniae Caesariensis urbe, Algérie, 1894, стр. 115, Ср. Tac., Ann., XIV, 57—59; Hist., IV, 41; Caes., BC, 1, 17.

[5] CIL, VIII, 11824. Это эпитафия человека, разбогатевшего в результате долголетних трудов сначала в качестве батрака, а потом предводителя целого отряда батраков (turma messorum), нанимавшихся на сельскохозяйственные работы в самых различных местах Африки.

Итак, крупные землевладельцы, часто сами не жившие в своих владениях, вели собственное хозяйство лишь в ограниченных размерах. Поэтому они предпочитали сдавать пустующие земли в краткосрочную аренду. Такая же практика имела место на императорских землях. Крупный арендатор — кондуктор, конечно, вел собственное хозяйство с помощью рабов и наемных рабочих, но вряд ли своих рабов у него было значительное число, а если он арендовал одновременно и рабов, то этих рабов тоже не могло быть слишком много. Гораздо проще было использовать на арендованных землях труд свободных безземельных крестьян, происходивших в большинстве случаев, очевидно, из числа туземного населения, предоставляя им земельные участки за долю урожая. Это освобождало от лишних забот и расходов по эксплуатации земли и сулило непосредственные выгоды.

Для выяснения путей возникновения колонатных отношений в Северной Африке представляется важным установить, когда эти отношения достигли достаточной степени развития, чтобы быть зафиксированными в законе. Поэтому столь существенный интерес представляет проблема датировки lex Manciana. Необходимо выяснить также, распространялось ли действие этого закона на все африканские сальтусы или только на определенный район. В большинстве случаев к разрешению этого вопроса подходили с формально-юридической точки зрения.

Отто Зеек, например, полагал, что lex Manciana — частный закон, lex dicta некоего Манции, одного из последних владельцев имения, после чего имение перешло к императору. Время издания этого закона он определяет, исходя из распоряжения Домициана о запрещении насаждения новых виноградников в провинциях, т. е. концом I в. н. э., ибо в строке 24 второго столбца надписи из Хенхир-Меттих действительно говорится о том, что насаждать новые виноградники разрешается только на месте старых [6]. Но сразу возникает вопрос: если это частный закон, то почему на него ссылаются колоны других сальтусов? Почему термин culturae Mancianae сохранился вплоть до V в. и упоминается в табличках Альбертини? Шультен полагал, что Lex Manciana — распоряжение провинциального магистрата, проконсула, lex data [7]. Ростовцев считал, что lex Manciana вовсе не частный, а официальный закон, исходящий от магистрата, очевидно, проконсула, и относящийся еще к республиканскому периоду. По этому поводу он полемизирует с Зееком [8]. Однако в позднейшей своей работе «Studien zur Geschichte des römischen Kolonates», 1910, он считает, что закон этот не мог принадлежать ни частному лицу, ни государственному чиновнику, но что это была forma perpetua, всеобщий закон. Он сравнивает lex Manciana и lex metallis dicta из Випаски и находит в них сходные черты. Датирует этот закон М. Ростовцев республиканской эпохой. Ростовцев недоумевает, как мог император заимствовать закон какого-то частного лица (Studien..., стр. 322—333). Однако последнее возражение несущественно, так как позднейшее римское законодательство прямо возводит в закон обычное право имений. Пригоровский относил lex Manciana к республиканскому периоду и считал закон не частным уставом, специально изданным для имения Вилла Магна Варпана, а общегосударственным, так как в надписи из Айн-эль-Джемаль колоны также ссылаются на этот закон. По его мнению, этот закон по неизвестным нам причинам сменяется другим общим законом — lex Hadriana [9]. Т. Франк в 1927 г. высказал мнение об ограничении действия lex Manciana долиной реки Баграда. Мнение это, впрочем, почти ничем не аргументируется [10]. За ним следует Хейвуд [11]. Сомань распространяет действие lex Manciana на всю Африку [12].

Нам представляется заслуживающим большего внимания другой аспект данной проблемы. Если бы удалось установить, что lex Manciana относится к республиканской эпохе, можно было бы прийти к важному выводу, что в Африке уже в республиканскую эпоху существовали развитые колонатные отношения.

Как известно, надпись из Хенхир-Меттих датируется между 115 и 117 гг. н. э. Но надпись еще не есть сам закон. Она составлена ad exemplu[m leg] is Manciane. Упоминание о том, что новые виноградники разрешается разводить только на месте старых (II, 24), вовсе не доказывает, что сам lex Manciana был издан после запрещения Домициана. Более того, сам текст надписи вовсе не обязательно мог копировать целиком и во всех подробностях lex Manciana, иначе не потребовалась бы неоднократная ссылка на этот закон. Закон мог существовать и раньше, а впоследствии в него могли вноситься

[6] O. Seeck, Die Pachtbestimmungen eines römischen Gutes in Afrika, «Zeitschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte», 1898, стр. 322—324.

[7] A. Schulten, Die Lex Manciana, B., 1897, стр. 18—19.

[8] М. Ростовцев. История государственного откупа в Римской империи, от Августа до Диоклетиана, СПб., 1898, стр. 134—135; примеч. на стр. 147.

[9] Г. М. Пригоровский, Развитие колонатных отношений в Римской Африке, М., 1909, стр. 55—56.

[10] T. Frank, The inscriptions of the imperial domains of Africa, AJPh, XLVII, (1926), стр. 56.

[11] Haywood, ук. соч., стр. 99.

[12] Tablettes Albertini, стр. 125—132.

изменения применительно к обстановке и времени. Несомненно, что закон этот действовал не только в районе долины реки Баграда, но и на юге Туниса, в районе Капсы и Телепты, в Центральном Тунисе, в районе Дженан-эз-Зайтуны. Заметим также, что так называемый lex Hadriana тоже содержит ссылки на lex Manciana. Это наводит на мысль, что lex Manciana все время модифицировался в зависимости от местных условий. Сам lex Manciana давал, видимо, лишь общие установки относительно взаимоотношений владельцев имений или кондукторов с колонами. Однако некоторые стороны взаимоотношений он изымал из ведения владельцев имения и кондукторов, подчиняя их общегосударственному законодательству [13]. Несомненно, что lex Manciana составлен на основании местных поместных уставов (consuetudines) [14], которые действовали в поместьях до издания общего закона. Очевидно, подобные поместные уставы могли сложиться лишь в эпоху образования крупных поместий, более или менее устойчивых. Может быть, этот процесс совершался в начале и середине I в. н. э., когда Африкой, по словам Плиния, владели шесть магнатов. Общий же закон, обязательный для всех африканских сальтусов, должен был появиться гораздо позднее. Вряд ли этот закон принадлежал к республиканской эпохе, так как закон, изданный республиканским магистратом, был бы действителен только на период правления данного магистрата, а затем его действие могло быть продлено лишь распоряжением сменившего его магистрата (см., напр., Cic., Verr., II, 1, 42,109; ср. 3, 10, 25). Поэтому такой закон не мог носить характер forma perpetua. Для придания ему такой формы потребовалось бы решение народного собрания или по крайней мере senatus consultum. Вряд ли в эпоху гражданских войн римский сенат или народное собрание занимались частными вопросами регулирования взаимоотношений африканских колонов и землевладельцев. Ясно, что в ту эпоху эти взаимоотношения развивались стихийно. В каждом поместье были собственные обычаи, которые могли быть, однако, очень схожи между собой. Характер общего закона придало этим обычаям распоряжение императорского магистрата. Из этого следует, что неизвестный нам Манция был, скорее всего, каким-то императорским чиновником, а не последним владельцем имения Вилла Магна Вариана. Закон этот издан был, вероятно, после конфискаций Нерона, когда большинство африканских сальтусов сосредоточилось в руках императора. Итак, lex Manciana не может решить вопроса о происхождении колоната в Африке: последний существовал там гораздо раньше и в довольно развитой форме. Однако ясно одно, что колонатные отношения получили в Африке широкое развитие уже в середине I в. н. э. Раньше проследить их не удается. Сам закон носит общий характер, применимый не только к императорским имениям, но и к частным, так как повсюду наряду с conductores упоминаются domini имения. Таблички Альбертини подтверждают это.

Но что же представляли собой колонатные отношения в Африке? Отличались ли они от италийских? Большинство исследователей видели в колонатных отношениях Африки мелкую аренду, субаренду капиталистического типа, часто приукрашивая при этом положение колонов.

Моммзен в комментарии к Бурунитанской надписи [15] полагал, что кондуктор арендовал только собственное хозяйство владельца, а не весь сальтус. Поскольку колоны были обязаны владельцу работой opera и partes agrariae, которые понимались им в числе opera, то эта обязанность их переходит и на кондуктора. Колоны являются арендаторами не кондуктора, а владельца и юридически находятся на равных с кондукторами правах. После открытия lex Manciana, где partes agrariae являются не частью opera, а долями отчисления продуктов, такой взгляд должен быть оставлен. Шультен считал, что кондуктор является арендатором всего имения, который потом пересдает его мелкими участками колонам, и колоны являются его арендаторами, т. е. налицо субаренда (Die römischen Grundherrschaften, стр. 88—91) В своем комментарии к lex Manciana (Die Lex Manciana, стр. 43—44) Шультен несколько меняет свой взгляд и полагает, что кондуктор на той земле, где уже имелись колоны, не был арендатором самой земли, а только откупщиком самих доходов. При этом он ссылается на толкование Гзелля и приводимую последним надпись из Типасы. Эта точка зрения повторена Гзеллем в другой его работе [16], и сам Гзелль считает vectigalia оброками колонов. В работе «Das Römische Afrika» Шультен возвращается к своему первоначальному мнению и считает, что имела место пересдача имения в субаренду колонам за часть урожая.Такой способ представляется Шультену капиталистическим использованием больших имений (стр. 43—46). Шультену, как известно, возражал Ростовцев и считал, что колоны не могли быть арендаторами кондуктора, так как колон долговечнее кондуктора. Он продолжает сидеть на земле, в то время как кондуктор меняется каждые пять лет,

[13] Напр. характер землепользования.

[14] Об этом свидетельствует выражение: Ficeta vetera... que ante [hanc lege]m [sata sunt e] consuetudine<m> fructum... prestar[e] debeat (II, 17—20).

[15] Th. Mommsen, Decret des Commodus für den Saltus Burunitanus, «Hermes», 1880, т. 15, стр. 402—408.

[16] S. Gsell, De Tipasa Mauretaniae Caesariensis urbe, Algérie, 1894, стр. 115 ... in his praediis privatis P. Suli Juniani Martialiani c. v.... vectigalia locantur.

поэтому зависимость колона от кондуктора сводится к jus vectigalis последнего. Право на орега колона принадлежит также не кондуктору, а владельцу имения, и связано оно не с личностью кондуктора, а с землей. Сбор арендной платы и государственных податей является наиболее важной функцией кондуктора. Колон, по его мнению, не есть арендатор откупщика, а непосредственно хозяина домена. В доказательство он сравнивает lex Manciana с lex metallis Vipascensis. Далее приводится сравнение с фригийскими надписями и египетским откупом. В конце концов Ростовцев делает вывод, что кондукторат первых императорских времен есть не что иное, как система стесненного откупа налогов, соединенная с крупной земельной арендой. Система эта, по мнению автора, заимствована из Малой Азии, причем не обошлось здесь и без влияния Египта (История государственного откупа..., стр. 14—161; ср. Studien..., стр. 350—373). С Шультеном соглашался Пригоровский, считая, что кондуктор является арендатором всего имения, но он отрицал пересдачу им земли в субаренду. Он отказывается также рассматривать кондуктора как откупщика оброков колонов, так как кондукторы, кроме сбора оброка, самостоятельно эксплуатируют часть имения, пользуясь при этом барщинным трудом колонов (Развитие колонатных отношений, стр. 25—27). В последнее время исследователи вовсе не возвращались к этому вопросу, предпочитая комментировать отдельные частные статьи надписей [17]. Отсюда видно, что все эти исследователи рассматривали явления древности через призму современных им капиталистических отношений.

Как же следует понимать роль кондуктора и отношение к нему колонов? На наш взгляд, дело обстоит следующим образом. Кондуктор является арендатором всего имения, следовательно, к нему переходит право временного владения всей землей и плодами этой земли. Он получает, следовательно, право временного владения также и на участки колонов. Именно поэтому он имеет право требовать с них partes agrariae, а не потому, что будто бы он, как утверждают Шультен и Ростовцев, является откупщиком оброков колонов. То, что он имел право владения на участок колона, доказывается, между прочим, тем, что сам колон не имел права собственности на растущие на его участке плоды. Его собственностью они становились только тогда, когда они уже были сорваны (Dig., XLVII, 2, 26, § 1), а сорванное, как известно, поступало в раздел. Сорвать же без того, чтобы это не стало известным кондуктору, видимо, было невозможно [18]. Если колон не имел права собственности на растущие на его участке плоды, то это право собственности на них имел кондуктор, так как убыток от похищенного колоны должны были возместить кондуктору [19]. Следовательно, считалось, что убыток от воровства на территории имения кондуктор терпел даже в том случае, если плод был сорван не в его собственном хозяйстве, а в хозяйстве колона: ведь участки колонов находились на территории имения. Поэтому вряд ли можно сомневаться в том, что кондуктор имел права не только на оброки колонов, но и на их участки. Обычно вызывает сомнение тот факт, что кондуктор не имел права прогнать колона с участка и лишить его права владения даже в том случае, если колон забрасывал свой участок и не обрабатывал его в течение двух лет. При этом закон предписывал кондукторам делать колону предупреждение при свидетелях и отбирать землю только тогда, когда тот при свидетелях же откажется ее обрабатывать (IM, IV, 9—22). Однако непонятно, почему это вызывает сомнение. Во-первых, речь идет не о любом участке колона, а о том, где он на невозделанной почве насадил деревья и построил дом; во-вторых, ведь даже в позднейшем законодательстве, когда колоны уже были прикреплены к земле, которая явно не была их собственностью или хотя бы владением, права прогнать колонов с их участков лишены были даже собственники земли [20]. Дело здесь, по-видимому, даже и не в том, имеет или не имеет кондуктор право владения на участки колонов. Не имел права сгона даже сам собственник. Скорее всего, законодательство охраняло права мелких землевладельцев в фискальных целях. Ведь речь идет о невозделанной земле —[qui su]perficiem ex inculte excoluit excoluer[it] (IM, IV, 9—10), а доход от насаждений на невозделанных землях после пятилетнего срока по lex Hadriana частично шел колону, а частично rationi (a. IH, III, 14—18). Следовательно, фиск был кровно заинтересован в том, чтобы разрабатывались новые земли, за которые кондуктор ничего не платил владельцу имения или государству, поскольку речь идет об императорских доменах, но зато и ничего не получал за них с колонов. Если же сам кондуктор начинал разработку целины, то и он подпадал под действие статьи lex Had-

---

[17] H a y w o o d, ук. соч., стр. 99—102; J. J. Van N o s t r a n d, The Imperial Domains of Africa Proconsularis, California, 1925, стр. 15—83.

[18] Вероятно, для этой цели служили custodes.

[19] Si quis ex f... fructus caeci[d]erit etc... [d]e qu[o v]enit detrimentum conductoribus vilicisve eius f. [c]oloni erit ei cui de[trimentum et quantum venerit] tantum prestare d[ebebit]. (конъектура Мерлина в ILT, 1303 к CIL, VIII, 25902; III, 20—25; IV, 1—2). Конечно, данное место в надписи сильно испорчено, но вряд ли можно сомневаться, что убыток возмещался кондуктору или вилику имения.

[20] CJ, XI, 48, 2; XI, 48, 7; ср. XI, 48, 21; CTh, VII, 13,6 (praef.).

riana. Если бы государство не охраняло столь ревностно права колонов на их целинные участки, то вряд ли нашлись бы желающие их разрабатывать. А то, что государство поощряло разработку новых земель, видно из соответствующих статей lex Hadriana. Поэтому вовсе нет надобности строить гипотезы о том, что кондуктор брал в аренду не самую землю, а лишь оброки колонов, тем более что он имел собственную запашку. Приводимая Шультеном надпись о сдаче на откуп vectigalia, цитированная выше, вовсе не свидетельствует о том, что vectigalia и есть оброки колонов. В надписи вообще ни единым словом не упоминается о колонах. Vectigalia — просто поземельные налоги, очевидно, в денежной, а не в натуральной форме, которые, конечно, могли сдаваться на откуп. Речь идет не об императорском, а о частном имении, где владелец, в данном случае P. Sulus Junianus Martialianus, легат Септимия Севера, сам vectigalia не собирал, а продавал это право другим лицам. В таком случае откупщик вовсе не был кондуктором имения [21]. Поэтому интерпретацию locatio-conductio как видоизмененного института откупа государственных налогов вряд ли можно признать оправданной.

Итак, locatio-conductio — это денежная аренда крупного масштаба. Чем являлось другое звено, от кондуктора до колона, предстоит решить теперь. Была ли это субаренда мелких съемщиков у кондуктора или кондуктор заставал колонов уже на их участках в положении арендаторов самого владельца имения? Ни та, ни другая точка зрения, на наш взгляд, не может быть признана правильной. С одной стороны, колоны не могли быть арендаторами кондуктора, ибо их пользование землей было долговечнее тех прав на землю, которыми располагал кондуктор. Последний, как правило, менялся каждые пять лет, а колоны оставались. Правда, позднее, как известно из жалобы колонов Бурунитанского сальтуса, кондуктор арендовал землю из смены в смену, но этот вопрос относится уже к другой области, а именно к области постепенного превращения срочной аренды в бессрочную. Известно, что колоны никаких письменных договоров об аренде ни с кондуктором, ни с владельцем имения не заключали. Это и понятно, ибо закон не рассматривал аренду за часть продукта, т. е. партиарный колонат, как юридически правомочный (Gai instit., 3, 142; Dig., XVII, 1, 1). Колоны имели право заимки (jus occupandi). Lex Hadriana позволяет колонам занимать не только новые земли, но и земли, заброшенные и не обрабатываемые кондукторами. Колоны начинали платить partes agrariae на основании самого факта заимки, а не на основании какого-то письменного договора. Точно также они прекращали вносить эти платежи, если переставали обрабатывать свои участки или уходили с земли, если не были связаны задолженностью. Такая возможность предусматривается в lex Manciana (IV, 9—22), и, кроме того, намек на это обстоятельство содержится в жалобе колонов из Гаср-Мезуар (CIL, VIII, 14 428, A, 1—6). Юристы тоже признают за колонами право ухода из имения (Dig., XIX, 2, 25).

Таким образом, африканские колоны II в. юридически не были арендаторами ни самого владельца имения, ни кондуктора. В этом отношении их статус отличался от положения тех колонов-арендаторов, которые известны нам из сочинений Колумеллы и Плиния. Возможно, здесь сказались особые условия развития колоната в Африке. Во всяком случае, данное обстоятельство лишний раз подчеркивает необходимость учитывать своеобразие аграрных отношений в различных районах римского мира. На примере раннего колоната видно, что институты, носящие одинаковое наименование, могли в разных местах иметь во многом различное содержание.

В надписи из Хенхир-Меттих упоминается несколько категорий колонов: просто coloni, затем inquilini, coloni inquilini и stipendiarii. Вопрос о значении терминов «инквилины» и «стипендиарии» в данной надписи представляет большую трудность. Места, где упоминаются инквилины, сильно испорчены, и поэтому послужили материалом для самых различных предположений. Тутен, пользуясь лакунами в надписи, восстанавливал чтение строк IV, 22—27 таким образом: ne quis conductor vilicus[ve servu]m in[q]uilinum[ve] coloni, qui intra f. Ville Magn[ae sive Mapp]alie Sige ha[bit]abunt etc...[22]. Отсюда Тутен заключал, что инквилины были чем-то средним между рабами и батраками колонов. Но еще Шультен заметил большую лакуну между словами inquilinumve и coloni и доказал, что эти два слова вообще относятся к разным предложениям [23].

Другое толкование предложил О. Зеек. Он заметил, что opera должны представлять только те колоны qui intra fundo habitabunt (IV, 23), Coloni inquilini (IV, 22, 28) упоминаются отдельно и, очевидно, не должны представлять opera. Отсюда Зеек заключал, что наряду с колонами, живущими в пределах самого имения, были также

---

[21] Ср. Е. М. Штаерман, Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи, М., 1957, стр. 212—213.

[22] J. Toutain, L'inscription d'Henchir-Mettich, «Mémoires présentés par divers savants à l'Académie des inscriptions et Belles-Lettres», вып. 1, т. 11, часть 1,1897, стр. 31 слл.

[23] Schulten, Die Lex Manciana, стр. 12—13, 16 и особ. 34 и 51.

колоны, жившие вне его, т. е. крестьяне-собственники, одновременно арендующие участки внутри имения. За это они должны уплачивать владельцу долю урожая, но свободны от опега. Кроме этого, они обязаны нести сторожевую службу по охране имения. Зеек полагал, что ager octonarius и есть участки этих колонов-собственников, куда колоны не имеют права переносить свои ульи (II, 6—12). К переносу ульев колонов побуждало стремление избежать взноса арендной платы с них. Однако сам термин ager octonarius не вполне ясен. Зеек полагал, что это было поле, с которого платили по восьми модиев зерна с югера, т. е. в среднем $^1/_6$ часть урожая [24]. Это более льготный процент, нежели оброк внутри имения, достигавший в среднем $^1/_3$ урожая. Это толкование более приемлемо, чем предположение Хейвуда, считающего, что с этого поля платился оброк в $^1/_8$ часть урожая [25]. В этом случае было бы octavanus, а не octonarius.

Ростовцев согласен с Зееком, что некоторые колоны, очевидно инквилины, жили вне имения, где арендовали участки. Ager octonarius он идентифицирует с ager stipendiarius. Из контекста, по его мнению, явствует, что ager octonarius (ager stipendiarius) лежал вне имения, и все же колоны принадлежали к имению. Поэтому, считает Ростовцев, высота налога на ager stipendiarius была 8 единиц с югера, скорее 8 денариев, а не 8 модиев, как думает Зеек. Термин inquilini означает тот же класс колонов, которые ведут хозяйство только на территории имения, так как рекрутировались они из безземельных крестьян, блуждающих с места на место, или из пришельцев. Одна часть их жила в домах, принадлежавших хозяевам имения (qui... villas habent habebunt dominicas, I, 20 сл.). Другая имела собственные дома. Эта часть, очевидно, жила на subsiciva («Studien...», стр. 341—342).

С Ростовцевым соглашается Хейвуд (ук. соч., стр. 100). Пригоровский (ук. соч., стр. 32) думает, что колоны были земледельческим населением имения, а инквилины — индустриальным, т. е. мелкими ремесленниками, обслуживающими барский двор и хозяйства колонов. При этом он ссылается на Августина (Adv. litt. Petil., II, 184), где встречается выражение furnuarius inquilinus. Последнее толкование произвольно, так как подобное сочетание могло быть частным случаем. Ближе всего к истине, пожалуй, предположение Зеека — Ростовцева. Инквилины были колонами, жившими вне имения и занимавшими в нем участки, за что они должны были платить часть урожая. Если колоны, жившие внутри имения, обязаны были представлять владельцу имения или кондуктору opera, то инквилины, очевидно, несли только сторожевую повинность [26]. Что это за сторожевая повинность, неизвестно, так как текст в этом месте сильно испорчен. Однако постулируемая Ростовцевым связь этих inquilini с ager octonarius ничем не доказывается. Столь же произвольно отождествление ager octonarius с ager stipendiarius, а инквилинов — с теми qui villas habent habebunt dominicas. В самом деле, почему только инквилины подпадают под эту статью lex Manciana, а не все колоны? Это абсолютно не следует из текста надписи.

Перейдем к вопросу о земледельцах, которые в тексте надписи обозначаются просто как coloni без добавления терминов inquilini или stipendiarii. В начале надписи говорится о повинностях тех колонов, qui eorum [i]ntra fundo... (habitabunt?). В отношении них указывается, что iis eos agros qui su[b]siciva sunt excolere permittitur lege Manciana (I, 6—8). Таким образом, здесь речь идет о колонах, обрабатывающих «отрезки», получившиеся в результате межевания. Это — окраинные земли, подчас неудобные. Доли отчисления с этой земли не указаны. Очевидно, они оговаривались каждый раз в письменной форме, причем колоны сообщали размер урожая по собственному исчислению. Они должны были представить эти доли отчисления только в том случае, если кондукторы или вилики в письменной форме дадут обязательство справедливо разделить урожай и отдать колонам причитающиеся им доли полностью (I, 12—20) [27].

Следующая часть надписи посвящена другой категории колонов — тем, qu[i i] n...f....villas [habe]nt habebunt dominicas (I, 20—22). Эти колоны должны представлять совершенно определенные доли урожая плодов, в подавляющем большинстве случаев — одну треть. Villae dominicae в отличие от subsiciva представляли собой участки размежеванной и уже обрабатывавшейся ранее господской земли. В самом деле, невозможно предположить, чтобы колонам предоставлялись только subsiciva.

[24] S e e c k, Die Pachtbestimmungen eines römischen Gutes in Afrika, стр. 305 слл.

[25] H a y w o o d, ук. соч., стр. 100.

[26] Подобной же точки зрения придерживается Сомань. См. Tablettes Albertini, стр. 133—134.

[27] Не следует смешивать эти взаимные ежегодные обязательства «о честности» с арендными договорами. Речь здесь идет не об аренде земли. Колоны уже сидят на земле помимо всяких обязательств, на основании лишь приглашения императорского прокуратора занимать земли на условиях, выраженных в lex Manciana. Этими обоюдными обязательствами лишь уточнялись доли отчисления продуктов с уже занимаемой колонами земли. Поэтому данное место ни в коей мере не противоречит высказанной ранее автором мысли о том, что колоны Африки этого периода не были арендаторами.

Кондуктор, ведя собственное хозяйство, вряд ли мог обрабатывать всю взятую им в аренду территорию. Съемщик часто забрасывал даже те земли, которые обрабатывал сам. Но земельный собственник был заинтересован, чтобы обрабатывались все земли, поэтому более поздний закон — lex Hadriana — разрешает колонам оккупировать и обрабатывать земли, заброшенные и необрабатываемые кондукторами (nec a conductoribus exercentur, neglecta a conductoribus).

Во всяком случае Villae dominicae являлись землями лучшими, более удобными для обработки, чем subsicivae. Поэтому и доли отчисления на subsiciva не определялись законом, но величина их регулировалась соглашением между колонами и кондукторами. Различие в условиях обработки отрезков и размежеванной земли было специально оговорено. Колоны платили за эти участки господской земли, очевидно, более высокие отчисления, нежели на subsiciva, и, кроме того, были обязаны владельцу или кондуктору предоставлением opera.

Так обстоит дело с колонами и инквилинами. Что же касается стипендиариев, то в отношении них известно только одно: какая-то часть их жила в имении. Обязанности их по охране имения или рабов остаются неясными ввиду крайней испорченности текста (см. IM, IV, 32—40). Хейвуд думает, что они были туземцами из соседних деревень (ук. соч., стр. 100). Подобной же точки зрения придерживается Сомань (Tab. Alb., стр. 134). Однако это противоречит контексту надписи, из которой явствует, что они жили в имении (stipendiarior [um qui in f. Ville Magne sive M]appalie Sige habitabu[nt...]uas etc.). Правда, слова in f. отсутствуют в сохранившемся тексте и восстановлены издателями. Могло бы быть и extra f., однако это не меняет дела, так как если и были стипендиарии, жившие вне имения, то, поскольку это специально оговорено, были и такие, которые жили внутри имения. В противном случае просто не указывалось бы, где они живут, ибо это подразумевалось бы само собою.

Подведем некоторые итоги. Инквилины и стипендиарии, очевидно, находились в более привилегированных условиях, нежели простые колоны. Жили они, очевидно, вне имения, хотя некоторые стипендиарии жили и внутри его. Эти стипендиарии могли только проживать внутри имения, но их участки находились за его пределами, и они платили за них stipendium fixum государству. Но за право проживания в имении они несли сторожевую службу в пользу хозяина или кондуктора имения. Что это за сторожевая служба, которую несли и инквилины, сказать трудно. Может быть, кондукторы и вилики стали прибегать к охране урожая колонов не столько от посторонних, сколько от самих колонов, так как колоны либо тайно срывали плоды и собирали урожай, припрятывая его потом, либо неправильно оценивали урожай, сознательно занижая его. Чтобы воспрепятствовать этому, для охраны урожая и использовались инквилины и стипендиарии. Инквилины, как чужаки, могли находиться во враждебных отношениях с колонами. Эту рознь искусственно поддерживал и разжигал закон, используя инквилинов в качестве надсмотрщиков за колонами [28]. Что касается partes agrariae в пользу хозяина или кондуктора, то их отчисляли только те колоны, которые обрабатывали subs civa и которые in fundo... villas habent habebunt (I, 20—25). Отработками же в пользу хозяина или кондуктора были обязаны те колоны, которые intra fundo... habitabunt (IV, 23—27). Таким образом, отработки были в этот период своеобразной платой за право проживания на территории имения. Именно этим обстоятельством, как нам кажется, объясняется относительно незначительное количество отработочных дней. Отработки, скорее, обеспечивали дополнительные рабочие руки в периоды наиболее напряженных сельскохозяйственных работ, чем служили (подобно поздней барщине) основным источником рабочей силы для землевладельца.

Рассмотренные выше данные позволяют констатировать некоторые особенности колонатных отношений в Римской Африке II в. Африканские колоны этого времени не были арендаторами. Они имели jus occupandi на территории сальтусов, которое давало им право пользования и право обработки. За пользование своими участками колоны платили partes agrariae собственнику или кондуктору имения, а за право проживания на территории имения обязаны были предоставлять opera. Opera колонов — это не обязанность колонов по отношению к личности землевладельца, а лишь особый вид платы за право проживания на территории имения. Вопрос об условиях, определивших возникновение этой своеобразной формы аграрных отношений, должен еще стать предметом специального исследования.

И. Ф. Головачев

[28] Ср. Plin., Epist., IX, 37, 3: ac deinde ex meis aliques operis exactores custodes fructibus ponam.

«ВАРВАРСКИЕ» ПОДРАЖАНИЯ РИМСКИМ ДЕНАРИЯМ С ТИПОМ ИДУЩЕГО МАРСА

Актуальным вопросом современной нумизматики, как уже неоднократно указывалось в литературе, является изучение так называемых «варварских» подражаний, встречающихся на территории Кавказа, Молдавии и Украины в кладах, погребениях и среди отдельных находок. Однако большинство этих монет исследовано еще совершенно недостаточно. Одной из самых спорных групп «варварского» чекана являются монеты, вошедшие в нумизматическую литературу под именем монет «неизвестного народа»[1]. Важные исторические вопросы, связанные с появлением этой племенной чеканки, подражающей римским денариям с типом идущего Марса, с датировкой различных типов этих подражаний и с ареалом их распространения, до настоящего времени не были решены в науке, несмотря на то, что этими монетами занимались многие ученые, в числе которых были А. В. Орешников и А. Н. Зограф [2].

Подражания денариям этого типа достаточно многочисленны. Так, в 1933 г. вблизи г. Новороссийска был обнаружен клад подобных подражаний, из которого 23 монеты поступили в Новороссийский музей [3], а в 30-х гг. XX в. такой же клад был найден в станице Червленной Моздокской ветки Орджоникидзевской ж. д. Большое значение имеет нахождение этих монет при систематических раскопках в некоторых центрах Северного Причерноморья. При исследовании античной Тиритаки в 1933 г. в культурном слое был обнаружен один экземпляр подобного подражания, определение которого сделано А. Н. Зографом [4]. При раскопках в Фанагории в 1936 [5], 1939 и 1955 гг. (см. табл. I, 1—2) в культурном слое III—IV вв. н. э. были найдены три экземпляра таких же подражаний [6]. Кроме того, засвидетельствован ряд единичных находок [7]. О том, что таких находок, к сожалению, оставшихся незарегистрированными, было сделано значительно больше, свидетельствует тот факт, что в собраниях наших музеев имеется большое количество беспаспортных монет подобного типа.

В коллекцию Гос. исторического музея в настоящее время входит 74 экземпляра подражаний денариям с типом идущего Марса, из которых 61 монета плохого серебра и 13 медных. Большое количество (несколько десятков) таких подражаний имеется в собрании Эрмитажа, они частично опубликованы А. В. Орешниковым и А. Н. Зографом [8].

Издавая собрание Х. Х. Гиля, А. В. Орешников опубликовал также 5 монет из собрания Гос. исторического музея. (Очевидно, остальные 69 экземпляров поступили в музей позже 1892 г., иначе они нашли бы свое место в списке, составленном А. В. Орешниковым). А. В. Орешников в своей работе достаточно подробно останавливается на критике взглядов своих предшественников по публикации этих монет — Кёлера и Бурачкова, фантастическим образом определявших их этническую принадлежность. А. В. Орешников впервые внимательно исследовал имевшиеся в его распоряжении подражания денариям II—III вв. н. э., систематизировал их, дал подробное описание. Однако статья А. В. Орешникова в настоящее время нуждается в некоторых поправках и уточнениях. В уточнении нуждается, например, его попытка определить этническую группу, выпускавшую эти монеты. А. В. Орешников относит их к чекану готов, принявших христианство, и датирует на этом основании IV—V вв. н. э. Мотивировкой для такой атрибуции послужил крест, встречающийся на некоторых медных монетах и являющийся в данном случае частью орнамента, но не символом христианства. Неправильна и датировка А. В. Орешниковым этих монет IV—V вв. Спра-

[1] А. В. Орешников, Материалы по древней нумизматике Черноморского побережья, М., 1892, стр. 35 сл., табл. III.

[2] А. Н. Зограф, Античные монеты, МИА, № 16, М.—Л., 1951, стр. 102; он же, Распространение находок античных монет на Кавказе, ТОНГЭ, т. I (1945), стр. 29—85. См. также: Н. К. Е. Köhler, Gesammelte Schriften, I, стр. 12; Древности Боспора Киммерийского, т. II., СПб., 1854, стр. 160, табл. XXXVI, № 18—21; П. Бурачков, О местонахождении древнего города Каркинитеса и монетах, ему принадлежащих, ЗООИД, IX (1875), стр. 108, табл. XIII, № 5—7.

[3] Издан Н. А. Захаровым, Монеты неизвестного народа, ВДИ, 1937, № 1, стр. 262—268.

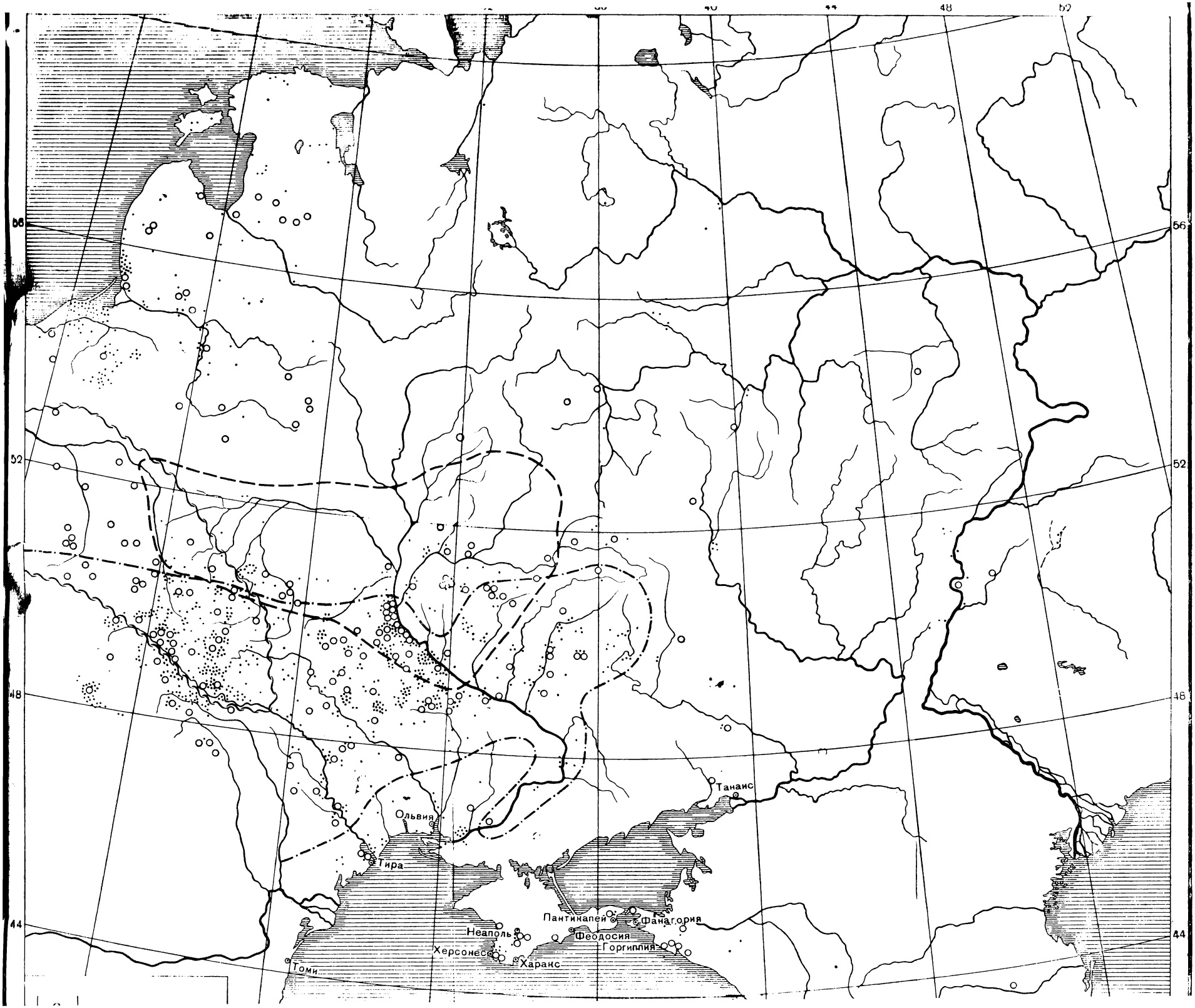
[4] А. Н. Зограф, Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932—1934 гг., МИА, № 4, М.—Л., 1941, стр. 164, список № 27. Также см. В. В. Кропоткин, Топография римских и ранневизантийских монет на территории СССР, ВДИ, 1954, № 3, стр. 152 слл.

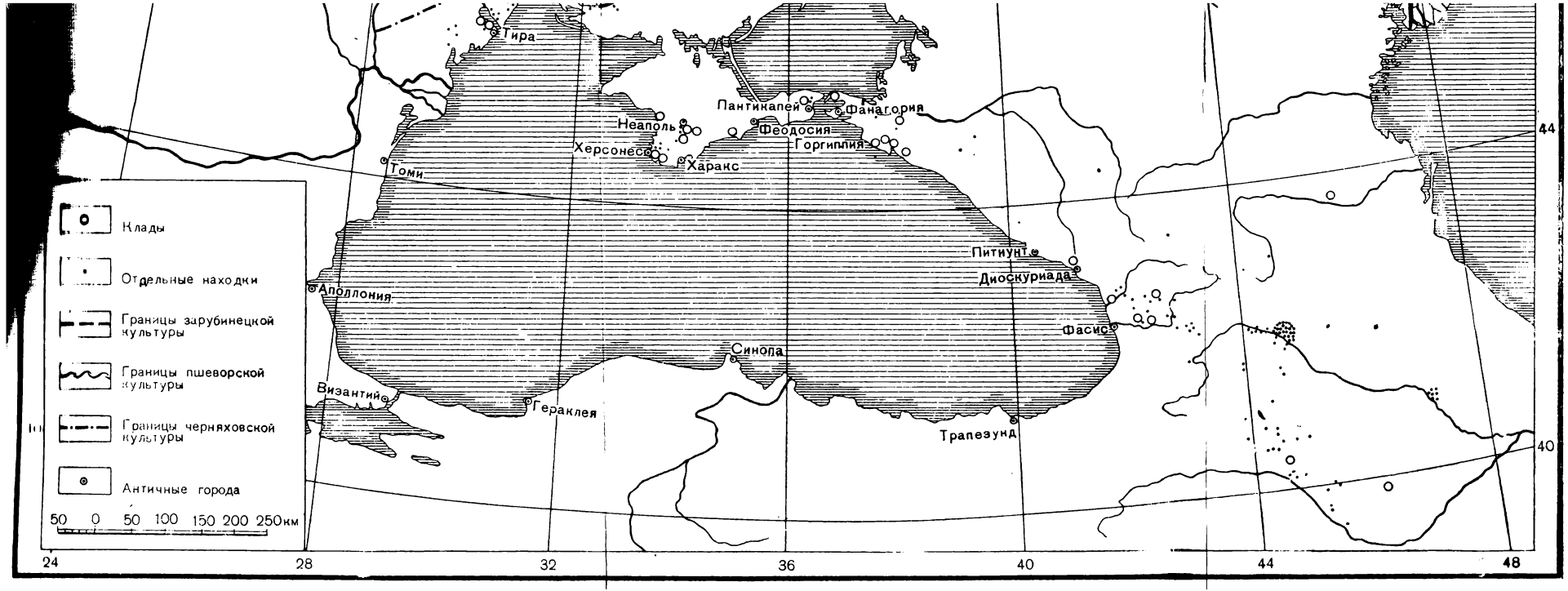
[5] Зограф, Распространение находок..., стр. 76, табл. III, 7.

[6] В 1959 г. в Фанагории при раскопках М. М. Кобылиной в перекопанном культурном слое III—IV вв. н. э. было найдено 12 подобных подражаний.

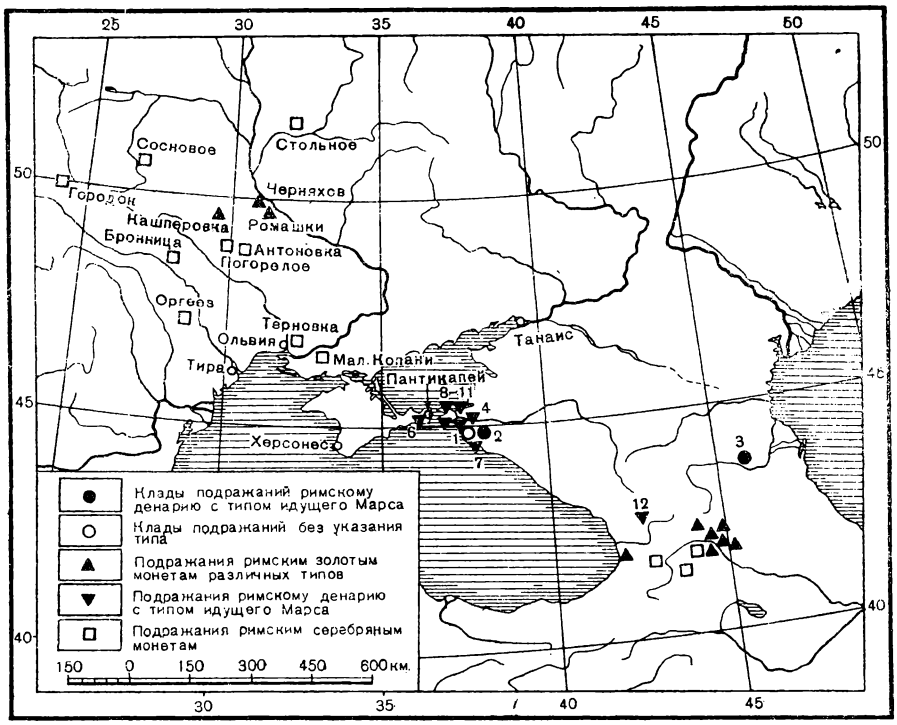
[7] Все сведения об условиях этих находок с подробными данными и ссылкой на издания приводятся в Приложении I к статье.

[8] Орешников, ук. соч., стр. 35—38, табл. III; Зограф, Распространение находок..., стр. 45.

56
52
48
44
Танаис
Ольвия
Тира
Пантикапей
Фанагория
Феодосия
Горгиппия
Неаполь
Херсонес
Харакс
Томи

Тира
Пантикапей
Фанагория
Неаполь
Феодосия
Горгиппия
Херсонес
Харакс
Томи
Питиунт
Диоскуриада
Аполлония
Фасис
Синопа
Византий
Гераклея
Трапезунд
Клады
Отдельные находки
Границы зарубинецкой культуры
Границы пшеворской культуры
Границы черняховской культуры
Античные города
50 0 50 100 150 200 250км
24
28
32
36
40
44
48
44
40

ведливо указав, что они являются копией римского денария II—III вв. н. э., он отделил копию от оригинала промежутком в 200 лет. Очень общим и неточным является утверждение о том, что «разнообразие штемпелей и обилие находок монет по обеим сторонам Боспорского пролива свидетельствует о многочисленности народа, среди которого они обращались» (ук. соч., стр. 37). Автор оперировал слишком небольшим ко-

Находки «варварских» подражаний римским монетам на территории Восточной Европы и в Закавказье

личеством монет, и из его поля зрения выпали довольно многочисленные группы, чеканенные одной парой штемпелей. Однако, как уже указывал А. Н. Зограф («Распространение находок...», стр. 45), большой заслугой А. В. Орешникова было то, что ему удалось правильно установить, что эти монеты являются типичным варварским чеканом и копируют римские денарии II—III вв. н. э.

Поэтому шагом назад в деле изучения этих монет была статья Н. А. Захарова, опубликовавшего упоминавшийся выше Новороссийский клад. Автор не только «не вносит ясности» в этот вопрос, как осторожно указывал А. Н. Зограф, но, наоборот, запутывает его, отвергая правильные выводы А. В. Орешникова. Основной задачей Н. А. Захарова является уточнение этнической и государственной принадлежности этих монет и установление ареала их распространения. Главной предпосылкой его статьи, однако, служит ошибочное утверждение, что «монеты неизвестного народа» обращались на территории Боспорского государства параллельно с боспорскими монетами III—IV вв. н. э. На самом деле распространение находок этих подражаний ограничивается небольшим районом Боспора, в основном на азиатской стороне его владений, и сопредельными районами Северного Кавказа (см. табл. III). Ошибочным является и утверждение, что эти монеты обращались совместно с боспорскими. Факты совместных находок этих монет с боспорскими неизвестны. Клады этих подражаний всегда совершенно изолированы по своему составу и не включают никаких иных монет, и, наоборот, они не встречаются в кладах боспорских или римских монет II—IV вв. н. э. Поэтому сомнительными кажутся и дальнейшие выводы Н. А. Захарова, основанные, как мы видим, на ошибочных предпосылках.

Одно из основных предположений Н. А. Захарова сводится к тому, что эти монеты являются своеобразной «расчетной маркой», предназначенной для выплаты жалованья римским солдатам. Однако это предположение также не подтверждается никакими конкретными фактами. Да и вряд ли можно предположить существование римского солдата, получающего жалованье низкопробной монетой, не имевшей хождения не

Табл. I. Варварские подражания римским монетам. 1. Фанагория, 1939 г. медь. 2. Фанагория, 1955 год, медь. 3. Погорелое, 1952 год, серебро. 4. Сойвиде, Готланд, серебро. 5. Частная коллекция. Серебро. 6—7. Подражание римским денариям с типом идущего Марса. Серебро (из частного собрания). 8—10. То же (из собрания Сухумского Госмузея). 11. Подражание римскому денарию Антонина Пия. Серебро. Из клада, найденного у с. Збуж, Ровенской обл. (Львов, Гос. исторический музей). 12. Подражание римскому денарию Марка Аврелия (?). Серебро. Из клада, найденного у с. Лучица, Львовской обл. (Львов, Гос. исторический музей). 13. Подражание римской серебряной монете Констанция II (?). Серебро. Из клада, найденного близ г. Оргеева, Молдавской ССР (Кишинев, Республиканский историко-краеведческий музей). 14. Подражание римскому денарию Марка Аврелия. Серебро. 15. Подражание римскому денарию Антонина Пия. Серебро. 16. Подражание римскому денарию Антонина Пия. Серебро. 17. Подражание римскому денарию Марка Аврелия (?). Серебро. 18. Подражание римскому денарию II в. н. э. 19. Подражание римскому денарию Траяна. Серебро. 20—21. Подражания римским денариям Марка Аврелия одного штемпеля. Серебро ($^4/_5$ нат. величины)

Табл. 2. Подражание боспорским монетам Фофорса и Рескупорида VI ($^4/_5$ нат. вел.)

только в Риме, но и на Боспоре! Нерешенным в статье Н. А. Захарова остается вопрос о том, кому принадлежало право выпуска этих монет — Боспорскому царству, кстати, находившемуся в состоянии тяжелого финансового кризиса и не чеканившего серебряной монеты (золотые по номиналу «статеры» к середине III в. н. э. становятся медными), или римским гарнизонным властям, неизвестно откуда получавшим низкопробное серебро и на месте устраивающим походные монетные дворы?!

Автор, очевидно, не знаком с характером варварского чекана, не понял истинного смысла этих монет, и поэтому все рассуждения его уводят читателя далеко от истины [9].

Нельзя забывать, что II—III вв. н. э.— время наиболее интенсивного распространения римских денариев на территории Центральной и Восточной Европы, и поэтому совершенно естественно появление разнообразных «варварских» подражаний. Так, некоторые клады римских серебряных монет, найденные на Украине, имеют в своем составе единичные варварские подражания римским денариям II в. н. э. (Лучица, Збуж, Сосновое, Погорелое, Стольное; табл. I, 3, 11, 12) [10]. Клад римских денариев из с. Сосновое, Ровенской обл. содержал подражание римскому денарию Марка Аврелия [11]. «Варварские» подражания римским денариям неоднократно были зарегистрированы и в западноевропейских кладах римских монет. В кладе из Сойвиде на Готланде среди римских денариев от Веспасиана до Септимия Севера (68—211 гг. н. э.) находилось одно варварское подражание, изображение которого помещено в монографии С. Болина [12] (табл. I, 4).

А. Н. Зограф, развивая положение А. В. Орешникова, указывает, что прототипом для этих подражаний служили денарии Марка Аврелия или Септимия Севера, на оборотной стороне которых изображен идущий Марс или воин с копьем наперевес, и приурочивает их выпуск к середине III в. н. э., не выделяя хронологически более ранних или более поздних серий. Наблюдение над монетами Марка Аврелия и первой серией подражаний «неизвестного народа» дает возможность более тесно связать их с денариями Марка Аврелия, а не Септимия Севера. На это указывает большое стилистическое и портретное сходство в изображении императора, а также и наибольшее распространение монет Марка Аврелия в кладах, находимых на нашей территории. В одном из аукционных каталогов опубликовано фото подобного подражания, имеющее максимальное сходство изображения на лицевой стороне с портретом Марка Аврелия (табл. I, 5)[13]. Статистический анализ восточноевропейских кладов свидетельствует о резком преобладании в их составе монет Антонина Пия и Марка Аврелия [14]. Что касается типа оборотной стороны с изображением Марса или воина, то его популярность среди местного «варварского» населения естественна, а также объясняется и легкостью технического выполнения. А. Н. Зограф в силу ограниченности задач своей статьи

[9] Об основных особенностях варварских выпусков см. Зограф, Античные монеты, стр. 102 сл.; он же, Распространение находок..., стр. 45.

[10] Кропоткин, Топография монет..., № 114, 115, 157; он же, Из истории денежного обращения в Восточной Европе в I тысячелетии н. э., СА, 1958, № 2, стр. 255, рис. 1.

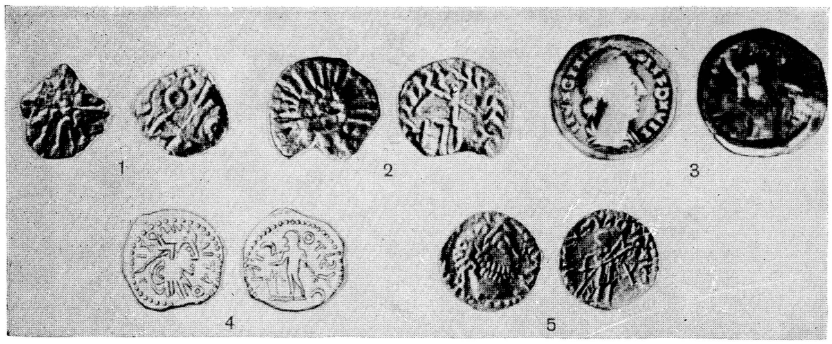
[11] WNA, XVII (1935), стр. 92—97; K. Majewski, Importy rzymskie na ziemliach słowiańskich, Wroclaw, 1949, стр. 130, № 736.

[12] S. Bolin, Fynden av romerska mynt i det fria Germanien, Lund, 1926, Приложение, стр. 137—138, № 100.

[13] Versteigerungs-Katalog, № 49 — A. E. Cahn, Frankfurt am Main, 1922, табл. IX, № 258.

[14] В. В. Кропоткин, Клады римских монет в Восточной Европе, ВДИ, 1951, № 4, стр. 247 сл., табл. II; он же, Из истории обращения..., стр. 281.

ТАБЛИЦА I

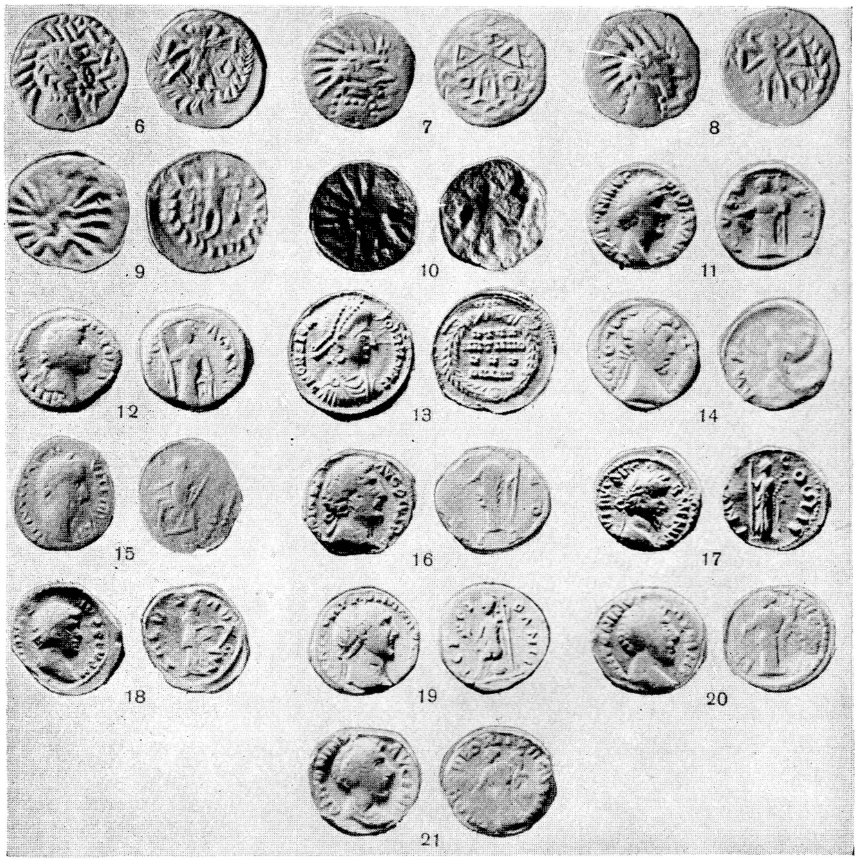
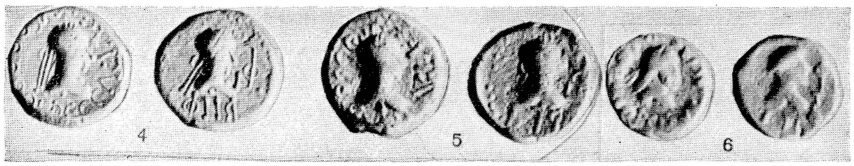

ТАБЛИЦА II

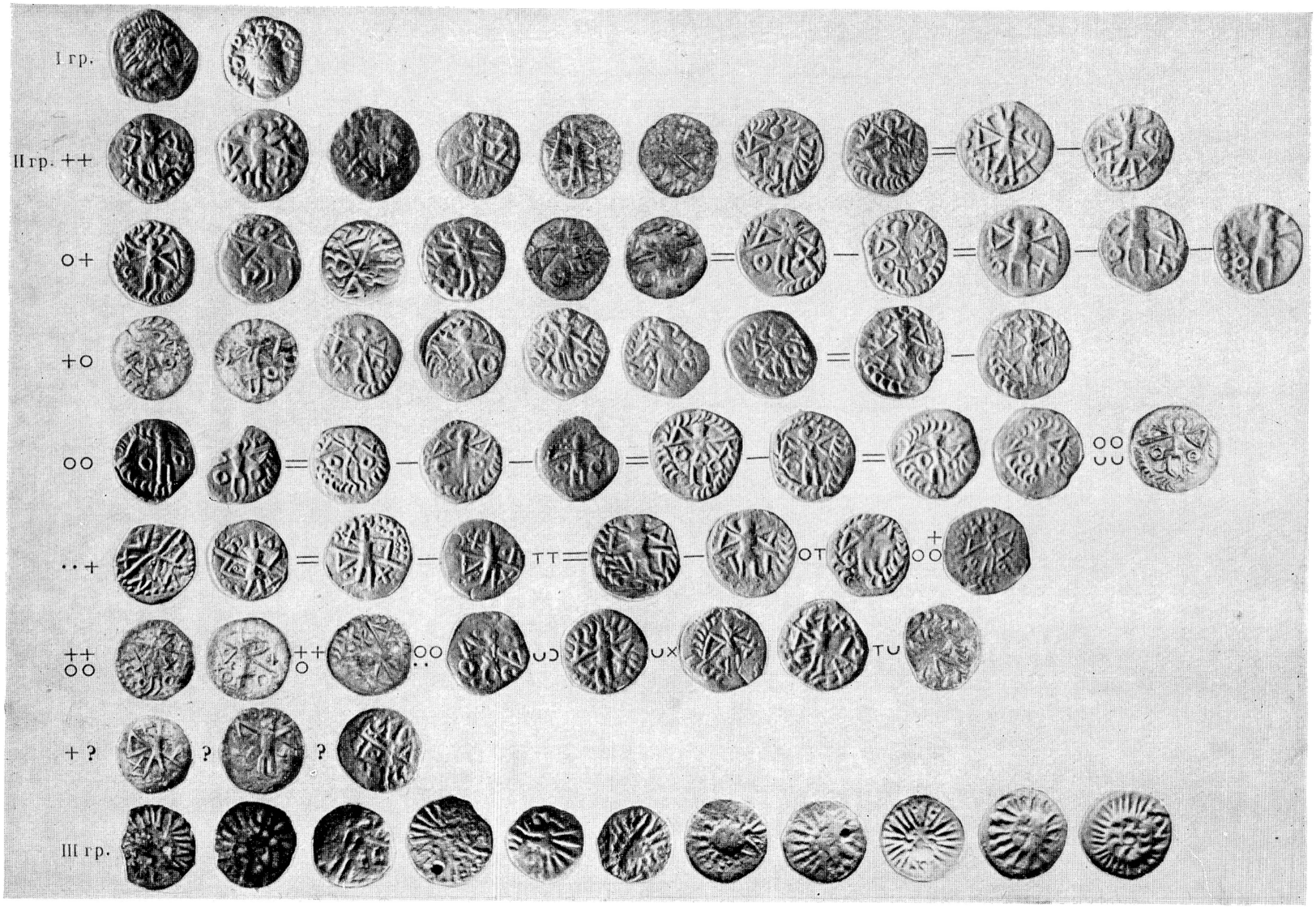

Таблица сравнения штемпелей (после знака = следуют монеты, чеканенные одной парой штемпелей ($^4/_5$ нат. величины)

(сводка находок античных монет) привел лишь общие описания подражаний денариям с типом идущего Марса, не пытаясь выделить различные стадии чекана, не упоминая о существовании на ряде этих монет особых «дифферентов» (которые А. В. Орешников считал не имеющими смысла изображениями) и не разбирая их по штемпелям.

Коллекция ГИМ позволяет продолжить работу именно в этом направлении (см. табл. IV). Все монеты, находившиеся в нашем распоряжении, можно легко объединить в три группы, которые довольно резко отличаются друг от друга и имеют достаточно четкие границы, хотя все они, безусловно, представляют собой три последовательные стадии деградации одного и того же монетного типа. Эту деградацию легко можно проследить как в постепенном огрублении стиля, так и в порче металла.

Первая группа включает в свой состав монеты, чеканенные из сравнительно хорошего серебра, а по изображению лицевой и оборотной стороны близкие денариям Марка Аврелия.

Ко второй группе относятся наиболее многочисленные монеты из низкопробного серебра с очень схематическими изображениями портрета императора и воина с копьем.

Третья группа состоит из медных, сильно отличающихся от прототипа монет. На лицевой стороне изображен узор, редко имеющий сходство с человеческой головой, а иногда превращающийся в орнамент в виде розетки с отходящими от нее лучами.

МОНЕТЫ I ГРУППЫ

Изданы: Орешников, ук. соч., № 34, 35, 36, 37, 38; Зограф, Распространение находок..., табл. III, № 3, 4, 5. В собрании ГИМ имеется два экземпляра (см. табл. IV, 1-й ряд). Первый имеет вес 1,95 *г* и издан А. В. Орешниковым (ук. соч., № 38). Второй весит 2,01 *г* (издается впервые). Особенностью этой серии является наиболее близкое сходство с оригиналом, сравнительно хороший стиль и более высокая проба металла. На лицевой стороне изображена кудрявая, бородатая голова, очевидно, Марка Аврелия, вправо. Как правило, на этих монетах имеется попытка воспроизвести круговую легенду (титулатура императора). На наиболее ранних выпусках можно различить отдельные значки в виде кружочков и пересекающихся черточек (ОПППОП — на экземпляре ГИМ или LIKLMLI — Орешников, ук. соч., № 34). В дальнейшем попытка изобразить надпись превращается в орнамент из углов и полукружий. На всех монетах этой группы отчетливо видны завязки диадемы и точечный ободок. На обратной стороне изображен идущий вправо Марс или воин с копьем. Руки согнуты в локтях в виде треугольников или полукружий. Круговая легенда приобретает вид отдельных значков, не имеющих смысла, или превращается в узор из волнистых линий. Сохраняется точечный ободок. На некоторых монетах этой группы существуют значки (очевидно, дифференты, обозначающие отдельные выпуски) в виде крестиков, расположенных слева и справа от воина.

(; ср. Орешников, ук. соч, № 34, 35, 36). Расположение значков отличается от таких же изображений на монетах второй группы. Среди этой группы монет одинаковых штемпелей не обнаружено.

Монеты первой группы в кладах не встречены, очевидно, они относятся к наиболее ранним по времени выпускам и предшествуют монетам второй группы. Существуют различные варианты этого типа, первый из которых издан А. В. Орешниковым (из собрания Х. Х. Гиля, ук. соч., № 34). Воин здесь изображен держащим копье вертикально в правой руке и стоящим в фас. Второй вариант отмечен А. Н. Зографом и имеет сдвоенное изображение воина (Распространение находок..., табл. III, № 10). Близка к этой монете монета из коллекции ГИМ, имеющая на обратной стороне изображение двух воинов.

МОНЕТЫ II ГРУППЫ

Эта группа является наиболее многочисленной и распространенной серией, о чем свидетельствуют находки кладов. Многочисленность этих монет повлекла за собой появление обозначений отдельных монетных выпусков или серий, что можно проследить на коллекции ГИМ. Новороссийский клад состоит из 23 монет этой группы. 59 монет собрания ГИМ, очевидно, также являются кладом и имеют различные дифференты.

Изданы: Орешников, ук. соч., табл. III, № 39, 40, 41; Зограф, Распространение..., табл. III, № 6; Захаров, ук. соч., 23 монеты. Коллекция ГИМ не издавалась.

На лицевой стороне видна попытка изобразить бородатую человеческую голову в профиль. Борода дана в виде точек, а прическа — волнистыми линиями или дугообразными черточками. От головы расходятся лучи, принимающие характер зигзагообразного орнамента. Иногда сохраняется точечный ободок. На оборотной стороне схематически изображен воин с копьем. Имеется круговой орнамент в виде точек или полукружий. На всех монетах этой группы помещены справа и слева от фигуры воина своеобразные значки в виде сочетаний крестиков, кружочков, дужек и др. Очевидно, эти значки играли роль своего рода дифферентов, отличающих различные группы этих монет. Это предположение подтверждается тем, что, если расположить монеты согласно

Таблица весовых данных монет II группы (59 экз.)

Вес свыше:	
1,70 *г* — 1,70; 1,74; 1,79	3 экз.
1,80 » — 1,83; 1,84; 1,85	3 »
1,90 » — 1,94; 1,94; 1,96; 1,97	4 »
2,00 » — 2,00; 2,04; 2,04; 2,06; 2,08	5 »
2,10 » — 2,11; 2,13; 2,16; 2,17; 2,18; 2,19	7 »
2,20 » — 2,20; 2,21; 2,23; 2,23; 2,24; 2,26; 2,26; 2,28; 2,28	9 »
2,30 » — 2,31; 2,35; 2,35; 2,36; 2,39	5 »
2,40 » — 2,41; 2,42; 2,43; 2,44	4 »
2,50 » — 2,50; 2,50; 2,51; 2,58; 2,59	5 »
2,60 » — 2,61; 2,62; 2,64	3 »
2,70 » — 2,72; 2,74; 2,76; 2,78; 2,79	5 »
2,80 » — 2,80; 2,81; 2,82	3 »
2,90 » — 2,92; 2,98	2 »
3,00 » — 3,07	1 »

дифферентам, то они образуют сами собой группы, чеканенные одной парой штемпелей или очень близкими штемпелями (см. табл. IV). В каждой группе с одинаковыми дифферентами, таким образом, оказываются монеты, вышедшие из-под одного штемпеля или чеканенные настолько близкими штемпелями, что можно предположить переделку старого штемпеля или работу одного резчика. Выделяются 15 групп с одними и теми же дифферентами, в результате чего оказалось, что 59 монет чеканены 48 штемпелями. Одна монета пробита, что указывает на то, что она употреблялась в качестве украшения. Количество штемпелей лицевых сторон совпадает с количеством штемпелей оборотных сторон.

Вся эта группа монет представляет собой многочисленный, но кратковременный выпуск, так как все монеты очень близки по стилю, весу и составу металла. Отдельные серии разделены между собой небольшим промежутком времени, а возможно, являются параллельными выпусками. Устойчивость весовых данных также свидетельствует о сравнительной кратковременности чекана монет этой группы. Вес их колеблется от 3,07 до 1,70 *г*, но преобладающее большинство имеет вес около 2—2,5 *г*. Как мы видим, средний вес этих монет немногим ниже (приблизительно на 0,5 *г*) среднего веса римского денария, обращавшегося во II—III вв. н. э. на территории Восточной Европы [15].

МОНЕТЫ III ГРУППЫ

Изданы: Орешников, ук. соч., № 42, 44, 45, 47, 48, 49, 51, 53, 54, 55, 56 — коллекция Х. Х. Гиля; № 43, 46, 50, 52 — собрание ГИМ. Вес (в граммах): 2,38; 2,04; 2,39; 2,04. Зограф, Распространение находок, табл. III, № 8, 9. Неизданные монеты ГИМ имеют вес (в граммах): 1,44; 1,75; 1,78; 1,96; 2,04; 2,17; 2,24; 2,37.

Одинаковых штемпелей нет. В кладах не встречаются. Часть монет, очевидно наиболее ранних, по стилю близка ко II группе из низкопробного серебра. На лицевой стороне очень схематично изображена голова, в большинстве случаев превратившаяся в узор в виде пучка линий (иногда с крестом в центре) и отходящих от центра лучей. На некоторых монетах между лучами и на концах лучей помещены точки. На одной монете узор приобретает характер аккуратно выполненной розетки с отходящими от нее лучами (переосмысление первоначального изображения). А. В. Орешников, принимая изображение креста на этих монетах за символ христианства, относил их к IV—V вв. н. э. Однако эти подражания не могли возникнуть в IV в. н. э., когда римских денариев на Боспоре в обращении уже давно не было; они являются самой последней деградированной стадией этого чекана. Поскольку пятнадцать подражаний найдены в античном слое Фанагории, у нас тем более нет оснований датировать их V в. н. э. Было бы интересно сопоставить орнаментальные изображения на монетах с орнаментами на вещах из погребений III—IV вв. н. э. Аналогичные орнаментальные узоры встречаются на фибулах, пряжках, наконечниках поясов и других металлических изделиях в области Повисленья и юго-восточного побережья Балтийского моря, а также на сосудах [16]. Можно предполагать, что на самых деградированных монетах этой группы появляется изображение символа солнца в виде сегнерова колеса с лучами или креста с лучами, о чем уже писал ранее П. О. Бурачков (ук. соч., стр. 108). Оборотная сторона монет III группы имеет то же самое схематическое изображение воина с копьем, что и на монетах II группы. Три монеты пробиты.

Таким образом, три описанные выше группы монет являются последовательными сериями, отличающимися друг от друга как резким ухудшением качества металла

[15] Ср. Л. Н. Казаманова, Клад римских денариев I—III вв. н. э. из села Турия, СА, 1958, № 1, стр. 182—186.

[16] N. Åberg, Ostpreussen in der Völkerwanderungszeit, Uppsala — Lpz, 1919, стр. 34—35 и 45, рис. 41.

(AR — Bill — AE), так и быстрым огрублением стиля изображений. Первая группа, представляющая копию монет Марка Аврелия (161—180 гг. н. э.), по всей видимости, относится к середине III в. н. э., и появление ее вызвано сокращением притока римских денариев на территорию Восточной Европы в начале III в. н. э. Вторая группа, вероятно, относится ко второй половине III в. н. э. Сравнительный анализ качества металла этих монет и антониниан Гордиана III (238—244 гг. н. э.), Филиппа Араба (244—249 гг. н. э.) и Деция Траяна (249—251 гг. н. э.), обращавшихся на нашей территории несколько позже правления этих императоров, возможно, предоставит более точные данные для решения вопроса как о времени чекана публикуемых нами подражаний, так и о ресурсах серебра для их изготовления (см. Приложение II). III группа приблизительно датируется концом III— началом IV в. н. э. Огрубление стиля и особенно резкая порча металла в этих монетах находятся в полном соответствии с общим состоянием экономики Римской империи и Боспорского царства. Финансовый и экономический кризис, разразившийся с особой силой в III в. н. э. и захвативший не только Римскую империю, но и экономически соприкасавшиеся с ней области, отразился и на чекане монет «неизвестного народа». Римские антонинианы во второй половине III в. н. э. неизбежно, несмотря на отдельные попытки некоторых императоров преодолеть падение курса, превращаются в медные монеты — ср. монеты Клавдия Готского (268—270 гг. н. э.), Аврелиана (270—275 гг. н. э.) и др. Аналогично этому процессу деградации римского денария, а затем и антониниана ухудшается состав металла в боспорских «статерах», которые во второй половине и в конце III в. н. э. (в правление Рискупорида V, Тейрана и Савромата IV) превращаются в чисто медную монету. Отражение этих явлений мы видим и на чекане монет «неизвестного народа», начавшемся с выпуска сравнительно низкопробных серебряных монет и кончившемся выпуском монет того же типа из чистой меди. Одним из проявлений этого общего экономического кризиса является и самый факт изъятия более полноценных монет из обращения и превращения их в сокровища (клады). Это явление отразилось и на обращении монет «неизвестного народа». Так, существуют клады, состоящие исключительно из монет II группы, предшествующей появлению медных монет. Естественно, что в условиях финансовых и общеэкономических затруднений даже биллоновая монета вытеснялась из обращения и заменялась медной (ср. монеты III группы).

Изучение топографии находок античных монет на территории Восточной Европы, в особенности в интересующих нас районах Боспорского царства, позволяет сделать некоторые общие выводы по истории денежного обращения в эпоху Римской империи. Боспорское царство не входило в основной ареал обращения римского денария II — III вв. н. э. На территории Боспора не найдено кладов римских серебряных монет, единичные находки их также немногочисленны. Преобладающее большинство кладов римских денариев сосредоточено, как это видно на представленной карте, в лесостепной полосе Восточной Европы, что приблизительно совпадает с областью распространения черняховской культуры II—IV вв. н. э. (см. табл. V). Некоторые клады римских денариев, найденные в Крыму и на восточном берегу Понта (Симферополь, Беэль, Чукурча, Сепиети)[17], наряду с денариями I—II вв. н. э. содержат серебряные монеты первой трети III в. н. э. до эпохи правления Александра Севера включительно (222—235 гг. н. э.), что свидетельствует о том, что римские полноценные денарии в этом районе, как и в некоторых других районах Восточной Европы, находились в обращении приблизительно до 40-х гг. III в. н. э. Римские серебряные монеты, как правило, не встречаются совместно с боспорскими монетами. Почти полное отсутствие римских денариев в боспорских кладах указывает на то, что они не обращались на внутреннем рынке и обслуживали только внешнюю торговлю Боспора. Клады римских монет середины и второй половины III в. на Боспоре до последнего времени были совсем не известны. В 1954 г. в Керчи был найден интересный клад, состоявший из одного денария Юлии Домны 212 г. н. э. и 70 биллоновых антониниан от Гордиана III до Галлиена[18]. Этот клад позволяет высказать предположение, что к середине III в. н. э. римские денарии были почти полностью вытеснены из обращения более низкопробной монетой (антониниана ми), которая стала чеканиться в Римской империи в эпоху кризиса, со времени императора Каракаллы.

Находка Таракташского клада в окрестностях Судака, состоявшего из медных позднеримских монет и боспорских статеров, по мнению А. Н. Зографа, указывает на их одновременное обращение на Боспоре в конце III и в IV в. н. э.[19]. Находки римских монет в погребениях как будто подтверждают это указание А. Н. Зографа.

Поскольку на территории Боспорского царства и на варварской периферии на Северном Кавказе римские денарии II—III вв. н. э. обращались в очень незначительном количестве и, во всяком случае, не играли существенной роли в денежном обращении, естественно предположить, что подражания римским денариям с типом идущего Марса чеканились в III в. н. э. не местными племенами, которые почти не употребляли рим-

[17] Кропоткин, Топография монет, № 23а, 30, 40.
[18] Кропоткин, Из истории обращения..., стр. 281.
[19] Зограф, Античные монеты, стр. 212.

скую серебряную монету. Это тем более вероятно, что нам известны местные «боспорские» подражания, которые довольно удачно копируют монеты Фофорса и Рискупорида VI и, очевидно, появляются вскоре после их правления [20]. Подражания эти близки по типу боспорским «статерам» и ничего общего не имеют с публикуемыми нами монетами (ср. табл. II, № 1—6).

Какие же причерноморские племена могли чеканить свою монету, подражая римским денариям? Письменные данные (Дексипп, Аммиан Марцеллин, Зосим и другие авторы) свидетельствуют о том, что в середине III в. н. э. на территории Северного Причерноморья появились германские племена, известные в историографии под общим именем готов (бораны, уругунды, герулы, тервинги, грейтунги и др.). Военные отряды готского племенного союза в 30-х гг. III в. н. э. разрушили античные города северо-западного Понта (Ольвию, Тиру, Истрию). Судя по нумизматическим и археологическим данным, часть этих племен двинулась к Азовскому морю и в начале 40-х гг. III в. н. э. разгромила город Танаис в дельте Дона. Затем эти же племена проникают на территорию Крыма, а в конце 60-х гг. подвергают разгрому ряд мелких поселений в восточной Таврике (Киммерик, Илурат, поселение у с. Семеновки и др.). Обосновавшись в Приазовье и Причерноморье, готы в 256 г. предпринимают свой первый морской поход вдоль восточного берега Понта, а затем неоднократно совершают смелые грабительские походы и в более удаленные районы. Военные отряды готов осаждают Питиунт, захватывают Трапезунд и затем многие другие города Малой Азии и Балканского полуострова. В своих морских предприятиях готы достигают Крита и Кипра. Эти походы, по словам Зосима, варвары совершили «при посредстве жителей Боспора, которые скорее из страха, чем из расположения дали им суда и показали путь к переправе» [21]. Далее Зосим рассказывает о каких-то династических беспорядках на Боспоре, которые способствовали успеху готов. «Пока у них (т. е. у боспорцев) были цари, получавшие власть по наследству, т. е. сын от отца, то вследствие дружбы римлян, благоприятно развивавшихся торговых сношений и ежегодно посылаемых им (т. е. боспорским царям) императорами даров, они постоянно удерживали скифов, желавших переправиться в Азию. Когда же, по исчезновении царского рода, во главе правления стали недостойные и презренные люди, то, боясь за себя, они предоставили скифам (т. е. готам) проход через Боспор в Азию, переправив их на собственных судах» (там же).

Античные авторы сообщают нам, что причерноморские племена во время этих грабительских походов захватывали огромное количество пленных и получали, по-видимому, большие денежные контрибуции. В середине III в. н. э. германские племена, проникшие в северо-восточное Причерноморье, наряду с обесцененной римской монетой, застали в обращении боспорские «статеры», которые имели хождение только на внутреннем боспорском рынке. Столкнувшись с новой, незнакомой для них монетой, готы не принимали ее в торговых сделках, а использовали в торговле только римские серебряные монеты, которые были им хорошо известны еще во время их обитания в Прибалтике. Прекращение притока полноценных денариев в конце II — начале III в. н. э. на территорию Восточной Европы привело к тому, что денарий быстро выходит из обращения и в середине III в. н. э. заменяется римскими биллоновыми монетами (антонинианами). Этот факт хорошо засвидетельствован двумя кладами — Керченским 1954 г. и Безымянным Эрмитажным 1950 г. [22].

По-видимому, именно в этот исторический период появились на Северном Кавказе варварские подражания римским денариям с типом идущего Марса. Находки этих подражаний в позднеантичных слоях Фанагории и Тиритаки дают возможность более уверенно говорить о времени их появления и обращения.

Мы не располагаем точными историческими данными, с каким именно готским племенем можно связывать эту племенную чеканку середины III—IV в. н. э., но в более поздний период, в VI в. византийский историк Прокопий Кесарийский [23] помещает на Черноморском побережье Кавказа так называемых готов-тетракситов, которые переселились сюда под натиском гуннов в V в. н. э. [24]. Археологические памятники готов тетракситов до сих пор не выделены среди известных науке археологических памятников северо-западного Кавказа, но некоторые богатые погребения IV — V вв. н. э. в склепах Госпитальной улицы в Керчи, принадлежавшие варварской знати, есть основания считать готскими аристократическими погребениями (могилы с драгоценными украшениями, оружием и умбонами).

[20] Зограф, Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия..., стр. 157.

[21] Zos., Hist. nova, I, 31 = SC, I, 790.

[22] В. Л. Янин, Денежно-весовые системы русского средневековья (домонгольский период), М., 1956, стр. 198—199; Кропоткин, Топография монет..., стр. 174, № 775.

[23] De bel. Goth., IV, 4—5; Прокопий из Кесарии, Война с готами, М., 1950, стр. 384—387.

[24] А. А. Васильев, Готы в Крыму, Известия ГАИМК, т. I, Птг., 1921, стр. 329 сл.

Гуннское вторжение вызвало изменение политической и экономической обстановки на Боспоре. Разрушение городов, гибель или пленение ремесленников обусловили упадок ремесла и торговли. Сокращение товарного производства и денежного обращения находилось в прямой связи не только с гибелью Боспорского царства, но и с общими социально-экономическими процессами на рубеже античности и средневековья.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

КЛАДЫ «ВАРВАРСКИХ» ПОДРАЖАНИЙ РИМСКИМ ДЕНАРИЯМ С ТИПОМ ИДУЩЕГО МАРСА

1. Новороссийск, Краснодарский край, 1928 г.

Летом 1928 г. найден был клад, состоявший из подражаний римским денариям (тип не указан).

Лит.: Архив ИИМК, 1929, № 31, лист 22 (сообщение Н. П. Бауэра в секции нумизматики и глиптики ГАИМК).

2. Новороссийск, Краснодарский край, 1933 г.

В 5—6 *км* севернее города найден был горшок темно-серой глины, содержавший серебряные низкопробные подражания римским денариям с типом идущего Марса. Монеты разошлись по рукам, в Новороссийский музей было передано 23 экз., которые были изданы Н. А. Захаровым в 1937 г.

Хранение: Новороссийский краеведческий музей (до 1941 г.).

Лит.: ВДИ, 1937, № 1, стр. 262—268; Зограф, Распространение находок..., 76; 170, Е. А. Пахомов, Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. IV, Баку, 1949, 22: 1055; Кропоткин, Клады..., 262: 146.

3. Червленная станица, Чечено-Ингушская АССР (30-е гг. XX в.).

Близ станции того же имени Моздокской ветки Орджоникидзевской железной дороги в 1930-х гг. был найден клад очень низкопробных серебряных подражаний римским денариям с типом идущего Марса. Монеты были сданы в Торгсин, но часть их осталась у владельца. В 1937 г. П. Е. Головин приобрел 3 монеты, из которых 2 экз. с заметным содержанием серебра, а 1 экз.— медный (?). Монеты были чеканены различными штемпелями. Д. 18—21 *мм*. Определение Е. А. Пахомова.

Хранение: частное собрание П. Е. Головина.

Лит.: Пахомов, ук. соч., IV, 23:1056; Кропоткин, Клады..., 262:150.

ОТДЕЛЬНЫЕ НАХОДКИ ПОДРАЖАНИЙ

4. Крымская станица, Крымский район, Краснодарский край, около 1912 г.

На хуторе Александровка близ станицы найдено низкопробное серебряное подражание римскому денарию с типом идущего Марса типа — Зограф, Распространение находок..., табл. III, 4.

Хранение: Гос. музей Грузии.

Лит.: Зограф, Распространение находок.., 76 : 167, табл. III, 4; Пахомов, ук. соч., вып. V, 28 : 1428; Кропоткин, Клады ..., 262 : 149.

5. Курск (?), начало XX в.

По сведениям Т. А. Горохова, при постройке дома в Курске будто бы были найдены два подражания римским денариям с типом идущего Марса — Орешников, ук. соч., табл. III, № 37—38. Место находки очень сомнительно.

Хранение: Оружейная палата (из собрания Т. А. Горохова).

Лит.: Л. А. Мацулевич, Погребение варварского князя в Восточной Европе, Л., 1934, стр. 84.

6. Аршинцево, Керченский горсовет, Крымская область, 1933 г.

При археологических раскопках Тиритаки на городище было найдено подражание римскому денарию с типом идущего Марса. Определение А. Н. Зографа.

Лит.: Зограф, Распространение находок..., 163 и 165 : 27; Пахомов, ук. соч., V, 47 : 1512; Кропоткин, Топография монет...,173 : 769.

7. Новороссийск, Краснодарский край, 1935 г.

В окрестностях города было найдено серебряное низкопробное подражание римскому денарию с типом идущего Марса — Зограф, Распространение находок..., табл. III, 6. По сообщению И. В. Ямина, монета была обнаружена в кувшине. Определение А. Н. Зографа.

Хранение: Сухумский музей.

Лит.: Зограф. Распространение находок..., 76 : 168, табл. III,6 ; Пахомов, ук. соч., V, 28 : 1429; Кропоткин, Клады..., 262 : 147.

8. С е н н а я, Темрюкский район, Краснодарский край, 20-е гг. XX в. (?).
Л. П. Харко приобрел у местных жителей несколько подражаний римским денариям, найденных на городище древней Фанагории.
Хранение: ГМИИ.
Лит.: СА, XV, стр. 257.

9. С е н н а я, Темрюкский район, 1936 г.
При археологических раскопках ГИМ в Фанагории было найдено очень низкопробное подражание римскому денарию с типом идущего Марса — Зограф, Распространение находок..., табл. III, 7. Определение А. Н. Зографа.

Хранение: ГИМ, Ф-36, № 82.
Лит.: Зограф, Распространение находок..., 76 : 169; Пахомов, ук. соч.,V, 28 : 1430; Кропоткин, Клады..., 262 : 148.

10. С е н н а я. Темрюкский район, 1939 г.
При археологических раскопках в Фанагории на Береговом раскопе (пл. VIII, шт. 5) было найдено медное подражание римскому денарию с типом идущего Марса. Монета обломана.

Хранение: ГМИИ, Ф-39, № 573.
Лит.: Не издана.

11. С е н н а я, Темрюкский район, 1955 г.
При археологических раскопках М. М. Кобылиной в Фанагории на Северном раскопе (пл. IX—XII, под вымосткой № 359) было найдено медное подражание римскому денарию с типом идущего Марса. Определение Д. Б. Шелова.
Хранение: ГМИИ, Ф-55, № 29.
Лит.: Не издана.

12. С е н н а я, Темрюкский район, 1959 г.
При археологических раскопках М. М. Кобылиной в Фанагории в перекопанном античном слое III—IV вв. н. э. было найдено 12 медных «варварских» подражаний римскому денарию с типом идущего Марса. Определение В. Д. Кропоткина.
Хранение: ГМИИ, Ф—59.
Лит.: Не изданы.

13. Ц а г е р и, Цагерский район, Грузинская ССР, около 1955 г.
В окрестностях поселка было найдено медное подражание римскому денарию с типом идущего Марса, которое зарегистрировал Д. Г. Капанадзе в 1955 г.

Хранение: Гос. музей Грузии.
Лит.: Д. Г. Капанадзе, К вопросу об экономических связях Северного и Восточного Причерноморья в античную эпоху по нумизматическим данным, Сб. «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху», М., 1959, стр. 150.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Лаборатория спектрального и структурного анализа кафедры Археологии Истфака МГУ

Результаты спектрального анализа монет из собрания ГИМ

Исследованию были подвергнуты три монеты:

1. Монета Филиппа Араба, анализ № 222 : 1
2. Монета Гордиана III, анализ № 222 : 2
3. Монета варварская, анализ № 222 : 3

	Cr	Ca	Al	Co	Ni	Zn	Ag	Cu	Sn	Bi	Si	Sb	As	Mg	Pb	Au
222 : 1	—	5	6	7	4	4	1	2	4	4	6	5	4	4	4	4
222 : 2	6	5	6	5	4	5	2	2	4	4	5	5	4	4	4	4
222 : 3	—	4	7	—	4	3	2	2	5	5	6	7	6	5	4—	4+

На основании приведенных выше данных можно сделать следующие выводы:
1. Основу исследуемых сплавов в первом случае составляет серебро — медь, во втором и третьем — медь — серебро.
2. Свиты микроэлементов Co, As, Au, Sn, Zn, Pb позволяют сближать между собой материал первых двух монет.
3. Свита микроэлементов третьей монеты значительно отличается от первых двух отсутствием Co и довольно большим содержанием Zn, Au.

Причина указанных различий скорее всего кроется в том, что в состав последней монеты введены резко отличные по полному элементарному составу исходные материалы.

Л. Н. Казаманова, В. В. Кропоткин

НАХШЕБСКИЕ МОНЕТЫ V—VI вв.

Среди монетных находок, относящихся к малоизученному в истории Средней Азии периоду IV—VI вв., уже давно известна монета с изображением на реверсе весьма характерного и древнего сюжета — владетеля, поражающего мечом вставшего на дыбы льва или львоподобного чудовища. Однако происхождение этих монет не было известно, они были по существу случайными приобретениями.

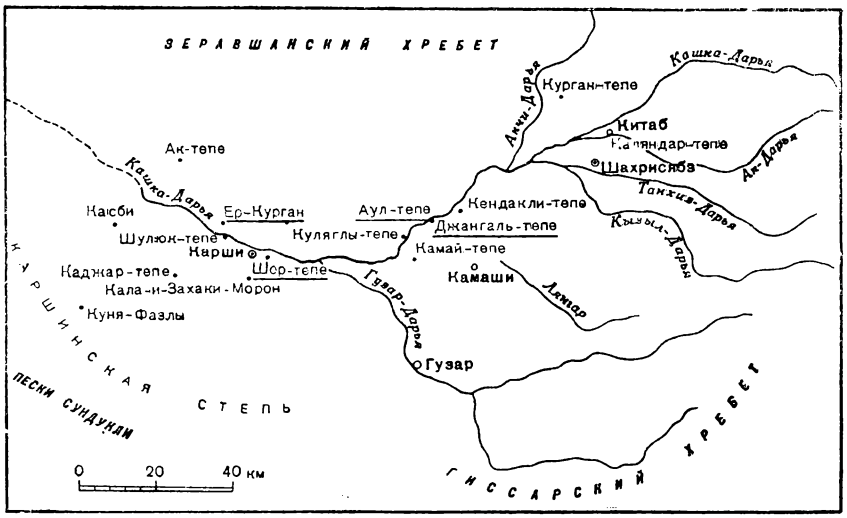

Рис. 1. Схематическая карта бассейна р. Кашка-Дарьи. Подчеркнуты названия памятников, на которых были найдены нахшебские монеты

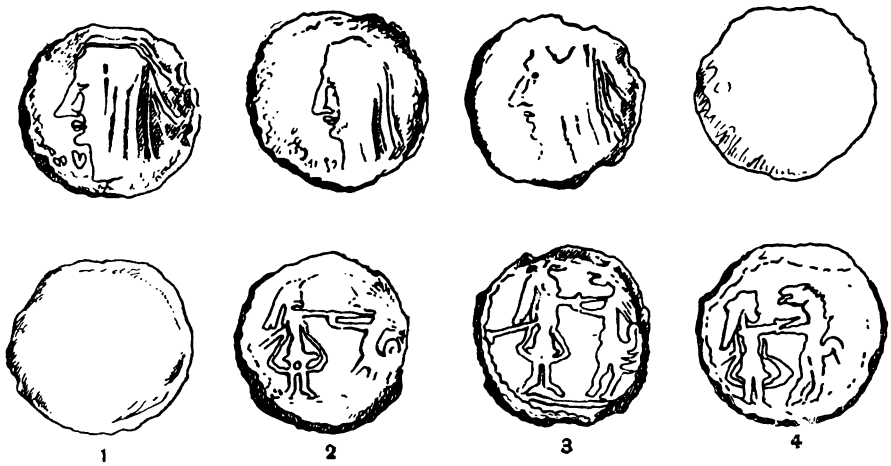

Рис. 2. Монеты медные из Шор-тепе. Прорисовки. Увелич. почти в 2 раза

Впервые указанные монеты в количестве трех экземпляров получены автором предлагаемого сообщения в 1952 г. при археологических раскопках на Шор-тепе, находящемся в трех километрах к востоку от г. Карши (см. схематическую карту, рис. 1), и определены (монеты были плохой сохранности) М. Е. Массоном как относящиеся к данному типу [1].

В 1953 г. работы на Шор-тепе были продолжены, причем найдено было уже 8 таких монет. Четыре из них спеклись вместе в результате окисления. Однако после того как

[1] С. К. Кабанов, Археологические раскопки на Шор-тепе близ Карши, «Изв. АН УзССР», 1954, № 1, стр. 92.

Рис. 3. Монеты медные из Аул-тепе. Прорисовки. Увелич. в 2 раза

они были отделены одна от другой, они оказались в относительно лучшей сохранности, чем прочие, найденные по отдельности. Их-то мы и даем в прилагаемой прорисовке (см. рис. 2). Со всеми этими монетами уже вскоре после полевых работ ознакомился В. М. Массон, давший автору библиографическую справку.

Низовая часть долины Кашка-Дарьи, современный Каршинский оазис, в рассматриваемый период была известна под названием Нахшеб [2]. Уже вне пределов последнего, примерно в 65 *км* к востоку от г. Карши, в средней части долины Кашка-Дарьи, при раскопках в 1956 г. на одном из памятников зоны Чим-курганского водохранилища, на Аул-тепе [3], были найдены еще четыре монеты интересующего нас типа (см. рис. 3), а в 1957 г. на соседнем бугре Джангаль-тепе — две монеты (см. рис. 4). Далее выяснилось, что у автора данной статьи еще с 1948 г. хранилась одна подъемная монета с городища Ер-курган, находящегося в Каршинском оазисе, очистить которую сразу не удалось, почему она и не была принята во внимание в предшествующих наших публикациях.

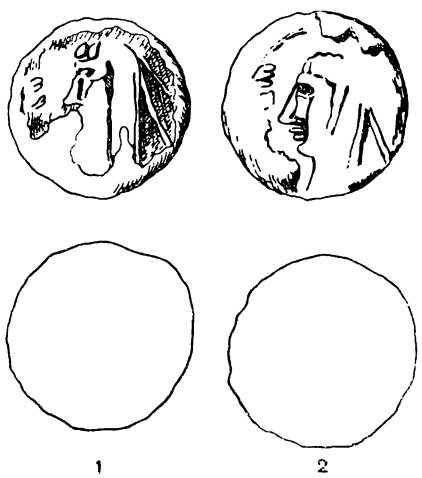

Рис. 4. Монеты медные из Джангаль-тепе. Прорисовки. Увел. почти в 2 раза

Находки монет с Шор-тепе и Аул-тепе с изображениями на реверсе владетеля, поражающего льва, сопровождались при раскопках находками монет других типов — по одной на каждом из этих двух памятников. Это обстоятельство, как мы увидим, имело большое значение для датировки нашей основной нумизматической находки.

В результате археологических работ возникло небольшое нумизматическое собрание, в котором было 18 монет одного типа. Особое значение его состоит в том, что почти все монеты найдены при раскопках памятников, характеризующихся различными особенностями материальной культуры. Однако в данном сообщении мы этой стороны вопроса касаться не можем: мы здесь рассматриваем найденные нами монеты лишь в качестве нумизматических памятников, но автор надеется, что и при таком ограничении значение их будет признано существенным для изучения некоторых явлений истории юга Средней Азии в V—VI вв. [4].

[2] С. К. Кабанов, К вопросу о столице кидаритов, ВДИ, 1953, № 2, стр. 203.
[3] С. К. Кабанов, Согдийское здание V в. н. э. в долине Кашка-Дарьи, СА, 1958, № 3, стр. 144—151.
[4] Автор выражает признательность М. Е. Массону, О. И. Смирновой и В. М. Массону за ценные советы и указания при обработке нумизматического материала.

Начнем с описания монет.

Полуколичественный химический анализ одной из монет показал, что в ее составе меди — 97, свинца — 2, олова — 0,2, железа — 0,2%; есть признаки серебра и золота [5]. При очистке монет выявлена следующая особенность: сверху у некоторых из них обнаружена относительно прочная пленка, облекающая сильно окислившуюся внутреннюю часть монеты. Несомненно, это и есть отмеченное М. Е. Массоном покрытие серебром [6]. Монеты сильно изъедены патиной, поэтому изображения иногда едва различаются на одной из сторон, да и то в сильно искаженном виде. Но встречаются также монеты, находящиеся в относительно хорошей сохранности. Приводить описание каждой из них едва ли целесообразно, хотя изображения имеют некоторые варианты в деталях. Мы опишем только одну монету, самую лучшую по своей сохранности, найденную на Аул-тепе, дополнив ее описание общей характеристикой остальных.

Монета медная (см. рис. 3, 1 и табл., № 3), вес ее —2,43 *г*, диаметр — 1,6 *см*. На лицевой стороне монеты — голова владетеля, повернутая влево, удлиненная, лицо безбородое, нос прямой. Вместо короны — прическа с пучком волос на темени, пряди волос спадают на плечи и спину. Против лица вдоль края надпись из шести различимых знаков; это — единственная, сохранившаяся целиком надпись, на остальных монетах в лучшем случае можно различить лишь отдельные буквы.

На обороте — слева фигура владетеля во весь рост, поражающего стоящего против него на задних лапах льва; удар наносится коротким мечом в горло зверя. Одеяние состоит из двух предметов — внутреннего, в виде длинного кафтана до колен, довольно плотно облегающего ноги, и широкого халата с развевающимися полами, сужающегося в талии. Сзади с пояса свисает какой-то предмет, быть может, ножны меча. Изображение головы на данном экземпляре не сохранилось, но на других монетах из Шор-тепе можно разглядеть головной убор в виде башлыка, со спускающимся на спину концом.

Все изображенные на монетах лица обладают особыми характерными чертами. Изображения на реверсе также отличаются друг от друга в деталях, что частично объясняется плохой сохранностью монет, но все же несомненно, что монеты — не одного штампа. Различия в изображениях свидетельствуют о том, что рассматриваемые монеты чеканились от имени нескольких лиц, принадлежавших, однако, к одной династии; но возможно, что и одно лицо отчеканено несколькими штампами.

Первую справку об описанных монетах дал Е. Друэн [7], определивший шрифт легенды как арамейский и сделавший попытку ее чтения. Друэн отметил, что сюжет изображения на реверсе — очень древний, еще времен Ахеменидов. Известна находка двух таких монет, относящаяся к 1895 г., в Таш-кургане близ города Мазар-и-Шериф (Северный Афганистан).

Е. Друэн вопроса о датировке прямо не касается, однако он указывает, что приблизительно после 425 г. не было монет великих кушан. Следовательно, надо полагать, после этой даты и возможен был чекан описываемых монет.

Развернутую справку об интересующих нас сейчас монетах дает Аллот де ля Фюи [8]. В его коллекции было всего 11 монет этого типа, причем места их находок не указаны; имеется еще одна ссылка на монету из Британского музея. Автор дает описание монеты, определяя ее как драхму низкой пробы, и дополняет ее прорисовкой легенды десяти монет. Шрифт легенды, по мнению Аллота де ля Фюи, является вариантом согдийского или пехлевийского письма, который, однако, отличается от всех известных ныне видов. Из приведенной им прорисовки видно, что все легенды различные, отличаются они и от легенды нашей хорошо сохранившейся монеты из Аул-тепе.

В отличие от Е. Друэна Аллот де ля Фюи ставит вопрос о том, какую династию представляют эти монеты и к какой эпохе они относятся. Отвечая на последний вопрос, он прежде всего отмечает, что у него есть одна монета этого типа с надчеканом другой монеты, так называемой хорезмийской [9]. Некоторые сведения о последней мы приведем ниже, сейчас только заметим, что сам автор лишь условно применяет к ней это название, по существу же, как теперь установлено, эта монета — бухарская. Условно хорезмийская монета датируется на основании сопоставлений с данными Нар-

---

[5] Анализ произведен в лаборатории археологической технологии Ленинградского отделения Института археологии Академии наук СССР; в этой же лаборатории научно-техническим сотрудником Т. А. Сергеевой была очищена монета из Ер-кургана.

[6] К а б а н о в, Археологические раскопки на Шор-тепе близ Карши, «Изв. АН УзССР», 1954, № 1, стр. 92.

[7] E. D r o u i n, Notice sur les monnaies des grands Kouchans postérieurs et sur quelques autres monnaies de la Sogdiane et du Tokharestan, «Revue Numismatique», сер. 3, т. 14, стр. 172—173.

[8] A l l o t e d e l a F u y e, Monnaies incertaines de la Sogdiane et des contrées voisines, «Revue Numismatique», сер. 4, т. 28, стр. 37—40.

[9] Там же, стр. 39.

шахи VII в., а так как рассматриваемая нами монета с правителем и львом на реверсе несколько более ранняя, то она, по его мнению, может быть датирована VI в.

Кто же изображен на монете? Аллот де ля Фюи этот вопрос решает следующим образом: если монеты чеканились до поражения эфталитов тюрками в 563—567 гг., то на монетах изображен эфталит, причем в нем ученый даже находит сходство с изображениями белых гуннов на индийских монетах по весьма характерному признаку— удлиненность головы [10]; если же монеты чеканились после поражения эфталитов, то на них изображен некий вассал союзника тюрок Хосроя I, что менее вероятно. Допуская последнюю возможность, Аллот де ля Фюи не принимает во внимание того факта, что уже в 588—589 годах тюркский каган Шава (Шаба) выступил против Сасанидов с трехсоттысячным войском и дошел до Герата [11]. В свете этого факта становится совершенно несомненным, что после 563—567 годов не было условий, как, впрочем, и раньше, для правления вассала Сасанидов на территории к востоку и северу от Аму-Дарьи и что, следовательно, возможность выпуска этих монет после поражения эфталитов тюрками отпадает. Остается только первое предположение Аллота де ля Фюи — на монете изображен эфталит. К этому предположению мы еще вернемся.

Насколько велик ареал распространения рассматриваемых монет? Выше уже были отмечены две монеты из Северного Афганистана, о происхождении остальных одиннадцати монет, имевшихся у Аллота де ля Фюи, так же как и об использованной им монете из Британского музея, данных не приводится [12]. По сообщению В. А. Шишкина, в Бухарском оазисе не было ни одного случая находки таких монет, не было их, согласно сообщению Л. И. Альбаума, и в долине Сурхан-Дарьи [13]. В долине Кашка-Дарьи, в ходе наших работ, было обнаружено, как уже указано, 18 таких монет, причем 12 из них найдено в Каршинском оазисе. Исходя из этих данных, можно прийти к выводу, что местом чекана рассматриваемых монет был Нахшеб, и монеты, следовательно, мы можем называть нахшебскими [14].

Итак, Аллот де ля Фюи датирует монеты, названные им условно тохаристанскими, а нами — нахшебскими, VI веком. Ниже мы увидим, что это — в основном правильная датировка, однако прежде чем мы выскажем свое заключение по этому вопросу, необходимо рассмотреть еще две монеты других видов, найденные вместе с описанными: одну при раскопках на Шор-тепе [15], вторую — на Аул-тепе.

На вышке Шор-тепе, на глубине в 1,2 *м* от поверхности, почти на том же уровне, на каком обнаружена и одна из нахшебских монет, был найден кружок другого чекана, слегка вогнутый, как установил М. Е. Массон, с надчеканом (рис. 5 и табл., № 8). Монета эта — медная, диаметр ее — 1,5 *см*, вес — 1,95 *г*. На лицевой ее стороне ничего не сохранилось, на оборотной, вогнутой, различается знак в виде буквы Н с отогнутыми наружу концами. По наружному ободку монеты — следы легенды. Собственно, знак в виде буквы Н, принимаемый за схематизированное изображение жертвенника [16], и дал нам возможность определить, что эта находка относится к типу

---

[10] Allote de la Fuye, Monnaies incertaines de la Sogdiane et des contrées voisines, «Revue Numismatique», сер. 4, т. 28, стр. 40.

[11] E. Chavannes, Documents sur les Tou-kiue (turcs) occidentaux, «Труды Орхонской экспедиции», т. VI, СПб., 1903, стр. 242.

[12] М. Е. Массон в беседе с автором настоящей статьи сообщил, что раньше, до 1917 г., рассматриваемые монеты поступали из бухарских владений и потому считались полученными из Бухары, хотя, как теперь выясняется, они могли поступать из долины Кашка-Дарьи, которая, как известно, входила в состав Бухарского эмирата. По-видимому, таким путем эти монеты и попадали через Ташкент и Самарканд в западноевропейские коллекции.

[13] К имеющимся сведениям о распространении интересующих нас сейчас монет мы можем только добавить, что две из них нам удалось видеть в коллекции И. А. Анбоева, геолога, ныне пенсионера, занимающегося коллекционированием древних вещей еще с 20-х годов. По его словам, эти монеты были найдены им при закладке шурфов в окрестностях Самарканда. В Самаркандском историческом музее и в Государственном Эрмитаже (Ленинград), как сообщил Б. Я. Ставиский, имеется по три таких монеты; происхождение всех их неизвестно.

[14] Собственно, предположение о том, что Нахшеб являлся местом чекана данных монет, у автора настоящего сообщения возникло уже давно. В 1959 г. он значительно утвердился в своем мнении после беседы с В. М. Массоном, высказавшим ту же мысль.

[15] Среди подъемного материала на Шор-тепе найдена медная монета очень плохой сохранности, на одной из сторон которой М. Е. Массон справа различил изображение коня. На описании этой подъемной монеты мы здесь останавливаться не будем.

[16] О. И. Смирнова в беседе с автором высказала предположение, что это — вовсе не жертвенник, а схематизированное изображение одной из разновидностей у-образного, по ее терминологии, знака, распространенного в согдийских монетах. (См. Смирнова О. И., Монеты древнего Пенджикента, МИА, т. 66, М.— Л., 1958, стр. 259).

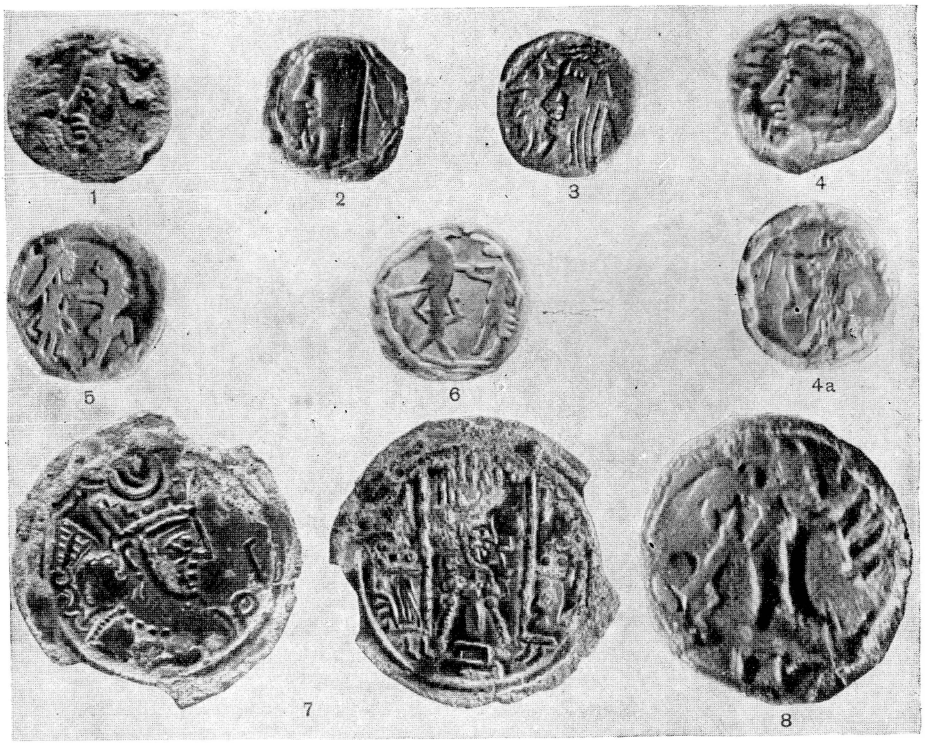

Таблица монет: 1. Монета медная из наслоений Джангаль-тепе. (Прорисовка на рис. 4). 2. Монета медная из наслоений Шор-тепе. (Прорисовка на рис. 2, фиг. 1). 3. Монета медная из наслоений Аул-тепе. (Прорисовка на рис. 3, фиг. 1). 4, 4А. Монета медная из наслоений Аул-тепе. (Прорисовка на рис. 3, фиг. 2). 5. Монета медная (реверс) из наслоений Шор-тепе. (Прорисовка на рис. 2, фиг. 3). 6. Монета медная (реверс) из наслоений Шор-тепе. (Прорисовка на рис. 2, фиг. 4). 7. Монета серебряная. (Прорисовка на рис. 6.) 8. Монета медная. (Прорисовка на рис. 5)

Рис. 5

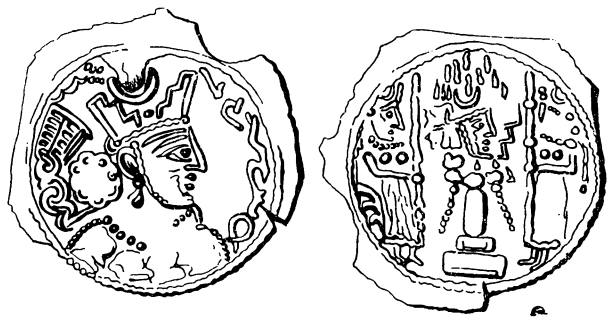

Рис. 6

Рис. 5. Монета медная с надчеканом из Шор-тепе. Прорисовка. Увелич. в 3 раза

Рис. 6. Монета серебряная из Аул-тепе. Прорисовка

монет, широко известных в научной литературе под названием хорезмийских, по Друзну, потом условно принятым и Аллотом де ля Фюи [17]. Об этих монетах мы уже упоминали. В результате работ Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции выяснилось, что в Хорезме таких монет не было [18], тогда как в Бухарском оазисе они очень распространены. Это обстоятельство и дало основание считать их относящимися к бухарскому чекану [19]. Аллот де ля Фюи датирует эту монету VII—VIII вв., но эта датировка оказалась явно неверной, поскольку такая монета найдена на городище Варахша, в слое, подстилавшем здание, которое, по археологическим данным, датируется примерно концом V в. [20]. М. М. Явич считает рассматриваемые монеты относящимися к III—IV вв. [21]. Эту датировку приняли как наиболее вероятную С. П. Толстов [22] и В. А. Шишкин [23].

М. М. Явич при датировке монет исходила из палеографических признаков, однако последние очень устойчивы. Ими, оказывается, нельзя датировать даже в рамках двух столетий. Так, В. А. Лившиц, ознакомившись с легендой монеты из Аул-тепе, пришел к выводу, что ее шрифт характерен для времени со II в. до н. э. по IV в. н.э. Ниже мы увидим, что шрифт этой монеты мог применяться даже позднее.

Бухарская монета, найденная на Шор-тепе, как уже отмечено, была с надчеканом. Здесь мы можем добавить, что определяется и монета, на которую вторично был нанесен штамп. Это — нахшебская монета: видны голова зверя и меч, направленный в его шею (см. рис. 5). Таким образом, мы располагаем вторым после экземпляра Аллота де ля Фюи экземпляром нахшебской монеты с надчеканом, но тут эта монета с бухарским надчеканом найдена в одном слое с нахшебской монетой (последняя — на 10 *см* выше). Следовательно, можно установить факт одновременного хождения монет обоих этих видов. Значит они не только близки по времени, как установил Аллот де ля Фюи, но и современны.

Рассмотрим теперь еще одну нумизматическую находку, связанную с нахшебскими монетами,— кружок, битый в подражание монетам царя Варахрана V (рис. 6.) Он был найден на Аул-тепе, на глубине около 1 *м* от поверхности. Это — низкопробная серебряная монета диаметром в 3,1 *см*, вес ее 3,55 *г*. На лицевой стороне монеты изображен бюст владетеля: лицо повернуто вправо, борода небольшая, нос прямой. Корона зубчатая, с прямыми наружными стенками, сверху она увенчана полумесяцем и шаром, волосы владетеля позади собраны в богато украшенную буклю, с уха свисает продолговатая серьга. Против лица — легенда, пока не расшифрованная. На оборотной стороне в середине — широкая вертикальная полоса, в которую вписано изображение зажженного жертвенника с головой Ормузда в пламени [24]. Голова повернута вправо. По сторонам жертвенника — две фигуры поклонников или

---

[17] Allote de la Fuye, ук. соч., стр. 39.

[18] С. П. Толстов, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., ТХАЭЭ, т. II, М., 1958, стр. 243.

[19] В. А. Шишкин, Варахша, СА, т. XXIII, М., 1955, стр. 108.

[20] Там же.

[21] М. М. Явич, Замечания о неисследованном среднеазиатском алфавите, ТОВЭ, т. II, Л., 1947, стр. 218.

[22] С. П. Толстов, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР (1945—1948 гг.). ТХАЭЭ, т. I, М., 1952, стр. 31.

[23] Шишкин, ук. соч., стр. 109.

[24] John Walker, A catalogue of the Arabsasanian coins, L., 1941, стр. 162.

воинов с копьями в руках. Монеты этого типа давно известны в нумизматической литературе, они также определены как бухарские [24а].

Определение данной монеты как выбитой в подражание монетам Варахрана V дано О. И. Смирновой. Монетам данного сасанидского правителя имеются подражания, относящиеся к двум периодам: поздние, VII—VIII веков, и ранние. Поздние подражания хорошо представлены в публикации Д. Уолкера [25]. В них он отмечает существенные отличия от подлинника. Монету из Аул-тепе О. И. Смирнова относит к типу ранних подражаний. Позволим себе полностью привести справку О. И. Смирновой о датировке этой монеты:

«В нумизматическом отделе Государственного Эрмитажа среди серебряных драхм, выделенных покойным хранителем отдела Р. Р. Фасмером в группу эфталитских монет, имеются 4 монеты такие же, как Ваша (других матриц). Эти монеты определены Р. Р. Фасмером как хионитские подражания V—VI вв. драхмам Варахрана V. Группа эфталитских монет выделена Р. Р. Фасмером из сасанидского собрания, и интересующие нас монеты соответственно имеют № 589а, 394, 637 и 579а. Я думаю, что монеты данного типа следует датировать, вероятнее всего, второй половиной V в. и во всяком случае не позже, чем началом VI в., поскольку нам известны эфталитские подражания драхмам Пероза I, которые относятся к VI в.».

В чекане монеты из Аул-тепе есть все существенные признаки монет Варахрана V. О легенде мы здесь не говорим, поскольку она еще не была предметом исследования.

Итак, перед нами монеты трех видов из примерно синхронических культурных отложений трех различных памятников (Аул-тепе, Джангаль-тепе и Шор-тепе). Условия эти исключительно благоприятны для уточнения датировок как монет, так и памятников. Поздний хронологический предел всех трех видов монет не вызывает сомнений, это — VI век, так как наиболее поздний из названных памятников относится к VI веку. Об этом говорят и результаты нумизматических исследований. Несколько сложнее установить ранний хронологический предел. Датировка бухарской монеты III—IV вв. совершенно отпадает, так как известны экземпляры этой монеты, надчеканенные на нахшебских монетах, найденных и на Аул-тепе с керамическим материалом V—VI вв. Кроме того, из Аул-тепе, памятника несомненно однослойного, происходит монета, битая в подражание чекану Варахрана V, которая не могла быть отчеканена ранее второй половины V в. Но допустим, что в других местах нахшебские монеты могли бы встречаться и на более ранних памятниках, положим, памятниках IV в. В этом случае мы должны также допустить, что монеты одной местной династии выпускались в течение около 200 лет, что для Средней Азии периода IV—VI вв. совершенно невозможно.

Археологические и нумизматические данные позволяют нам датировать как нахшебские монеты, так и культурные отложения, в которых они найдены,— V—VI вв. Это срок уже довольно определенный, но все же хронологические его рамки велики. Некоторые другие данные, на наш взгляд, дают возможность значительно сузить эти рамки.

Имеются в виду факты политической истории. Известно, что в 563—567 гг. в Средней Азии было разрушено тюрками государство эфталитов. Поскольку ниже уже было доказано, что датировка наших монет тяготеет не к более позднему от этого рубежа, а к более раннему времени, мы уже сейчас с полной уверенностью можем сказать, что нахшебские монеты в 563—567 гг. прекратили свое существование в денежном хозяйстве страны. Тем самым устанавливается и поздний хронологический предел хождения этих монет.

Ранний хронологический рубеж, по нашему мнению, также выявляется достаточно четко. На основании сопоставления письменных источников и материалов археологических исследований нами установлено, что крупнейшее городище Каршинского оазиса эпохи рабовладельческого общества, Ер-курган, в своей центральной части представляет собой развалины города, известного китайским источникам под названием Боло, а византийским — Валаам (Балаам) [26]. Этот город в 468 г. подвергся нападению Пероза и был им разрушен. Выше уже была отмечена находка нахшебской монеты на поверхности городища. До продолжения работ на Ер-кургане останется невыясненным, является ли эта находка случайной или же окажется верным признаком продолжения жизни города после разгрома в 468 г. Но она не может поколебать идентификацию Ер-курган — Боло — Валаам (Балаам). Новые данные в подтверждение этой идентификации привел в своей статье Л. Н. Гумилев [27].

[24а] Литературу вопроса см. В. А. Лившиц, К. В. Кауфман, И. М. Дьяконов, О древней согдийской письменности Бухары, ВДИ, 1954, стр. 150—163.

[25] John Walker, ук. соч., стр. 162—163 и табл. XXVIII.

[26] С. К. Кабанов. К вопросу о столице кидаритов, ВДИ, 1953, № 2, стр. 201—207.

[27] Л. Н. Гумилев, Эфталиты и их соседи в IV веке. ВДИ, 1959, № 1, стр. 133—134.

В свете имеющихся данных 468 год является довольно отчетливо выраженным рубежом в политической истории Нахшеба, каким можно определить нижний предел периода длительностью менее 100 лет (до 563—567 гг.), в течение которого рассматриваемые нами монеты могли выпускаться и иметь хождение. Однако существуют данные, позволяющие еще больше сузить этот период со стороны его раннего хронологического предела. Для датировки монеты это необходимо сделать тем более, что выдвинутая нами идентификация Ер-курган — Боло — Валаам еще не принята в вышедших уже после опубликования упомянутой нашей статьи работах, в той или иной мере затрагивающих вопрос о кидаритах и о политической жизни юга Средней Азии в период III—VI вв., за исключением указанной статьи Л. Н. Гумилева.

Рассматривая вопрос о времени завоевания Согда эфталитами, К. Эноки (г. Иокогама) приходит к выводу, что оно произошло между 467—473 гг. и 480 годом [28], т. е. указывает как раз на тот период, когда произошел распад государства кидаритов на юге Средней Азии. Одной из причин распада государства кидаритов К. Эноки считает столкновение последних с сасанидским Ираном. Он отмечает также, что падение власти кидаритов создало благоприятную обстановку для основания эфталитского царства [29]. Независимо от того, считать или не считать Нахшеб частью Согда, приведенную дату завоевания Согда эфталитами вполне можно принять относящейся и к Нахшебу. Установление этой даты позволяет до некоторой степени восстановить обстановку, в которой оказался Нахшеб после тяжелого для него 468 г. После разгрома, произведенного Перозом, земледельческое население, несомненно, вскоре восстановило хозяйственную жизнь оазиса. Однако, по-видимому, из местной знати не было никого, кто мог бы взять в свои руки верховную власть. Это и осуществили эфталиты. Таким образом, если мы примем, что в Нахшебе, так же как и в Согде, с 480 г. укрепились эфталиты, то тем самым установим, что именно в это время некто из эфталитской знати или же из местных землевладельцев, был поставлен главой эфталитов в качестве правителя в Нахшеб. Тогда же и начался чекан интересующей нас нахшебской монеты. Следовательно, срок ее выпуска сужается приблизительно до 85 лет: с 480 по 563—567 гг.

Перейдем к вопросу об этнической принадлежности лица, изображенного на ее лицевой стороне. Мы уже видели, что Аллот де ля Фюи выдвинул два предположения: по его мнению, на монете мог быть изображен или эфталит или иранец, вассал Хосроя. Как уже показано, второе предположение отпадает. Остается первое предположение, причем оно до некоторой степени обосновано им нумизматическими наблюдениями, именно — сходством формы головы, вытянутой в длину, с изображениями белых гуннов на монетах из Индии.

Удлиненность головы — очень характерный признак, который в свете новых данных приобретает решающее значение для определения этнической принадлежности лица, изображенного на нахшебской монете.

До недавнего времени в соответствии с показаниями китайских источников в науке было принято считать эфталитов степняками — кочевниками, пришедшими в Среднюю Азию из Восточного Туркестана или даже Алтая. Правда, было неясно, почему в таком случае китайские же источники помещали столицу эфталитов в Бадахшане [30].

В последние годы почти одновременно и с использованием различных источников двумя исследователями — К. Эноки [31] и Л. Н. Гумилевым [32] — была высказана иная точка зрения по вопросу о происхождении эфталитов. Этот народ был определен ими как горцы, вышедшие на историческую арену из южной части огромного горного узла Центральной Азии — из Памира и Гиндукуша. На конкретных фактах, засвидетельствованных письменными источниками, показано, что завоевание Средней Азии эфталитами велось не с востока, а с юга. Л. Н. Гумилев, поставив вопрос об этнической принадлежности эфталитов, видит их далеких предков в динлинах, еще в глубокой древности изгнанных из Китая и частично поселившихся в районе Памира и Гиндукуша. Динлины, как и их потомки, отличались продолговатыми лицами и выдающимся вперед, часто орлиным носом.

Поскольку мы уже приняли, что примерно с 480 по 563—567 гг. владетелями Нахшеба были эфталиты, то теперь, имея монету этих владетелей с изображением на аверсе продолговатого лица с выдающимся вперед прямым носом и зная, опираясь

---

[28] K. E n o k i, The origin of the white huns or hephthalites, «East and West», 1955, № 3, стр. 233—234. Пользуюсь здесь возможностью принести благодарность Б. Я. Ставискому за указание на эту работу японского исследователя.

[29] Там же, стр. 236.

[30] Н. Я. Б и ч у р и н (И а к и н ф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, М.— Л., 1950, стр. 268; В. В. Б а р т о л ь д, История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 9.

[31] K. E n o k i, ук. соч., стр. 231—232.

[32] Л. Н. Г у м и л е в, ук. соч., стр. 129—140.

на сообщения двух исследователей (Аллота де ля Фюи и Л. Н. Гумилева), что именно этими признаками отличались представители эфталитского народа, мы можем здесь сделать вполне логичный вывод: на нахшебской монете изображены местные владетели из эфталитов. То обстоятельство, что они не носят короны, свидетельствует о том, что, быть может, они не принадлежали к династии верховных властителей эфталитского государства.

Выше было высказано еще предположение о том, что на монете мог быть изображен и представитель местной землевладельческой знати, поставленный верховными властителями эфталитов в качестве удельного князя в Нахшебе. Против этого предположения говорит необычность самого лица на аверсе: продолговатое, с орлиным носом, с необычной прической. Определенной данью местной культуре нужно считать применение надписи арамейского корня и изображение на реверсе, по своему сюжету восходящее к древнейшей традиции.

Возникает один частный вопрос. На Шор-тепе в слое, достаточно насыщенном нахшебскими монетами, найдено терракотовое изображение коронованного лица, причем в двух экземплярах, что свидетельствует о реально существовавшем владетеле [33]. На терракотах не могло быть изображения правителя оазиса, поскольку он изваян на монете без короны. Пока в свете имеющихся материалов мы можем сделать два предположения: или в этих терракотах запечатлен образ верховного правителя эфталитов или же, что вернее, одного из кидаритов, их предшественников.

Подведем в нескольких словах итоги. В результате рассмотрения группы нумизматических памятников нам удалось установить, что основная наша находка — монета, с изображением на реверсе владетеля, поражающего льва, является нахшебской монетой. Путем сопоставления исторических данных установлена дата выпуска таких монет — примерно с 480 по 563—567 гг. Изображения на аверсе можно определить как изображения владетелей из удельной эфталитской династии.

С. К. Кабанов

[33] С. К. Кабанов, Археологические данные по истории Нахшеба в III—V веках, ВДИ, 1956, № 2, стр. 170.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

История римской литературы под редакцией *С. И. СОБОЛЕВСКОГО, М. Е. ГРАБАРЬ-ПАССЕК, Ф. А. ПЕТРОВСКОГО.* Том I. *Ранняя римская литература, литература конца республики, литература начала империи*, М., Изд-во АН СССР, 1959, 534 стр., тираж 5000, цена 2 руб.

Сектор античной литературы Института мировой литературы им. А. М. Горького выпустил в свет I том Истории римской литературы, охватывающий период с III в. до н. э. по первую половину I в. н. э. К сожалению, первый том приходится рассматривать отдельно от второго.

В отечественном литературоведении уже имеется несколько работ по истории римской литературы, начиная с лекций В. И. Модестова, которые сохранили свое научное значение и поныне, и кончая учебником под редакцией покойного профессора Н. Ф. Дератани. За последние десятилетия вышли также две хрестоматии по римской литературе — под ред. С. П. Кондратьева (1939) и под ред. Н. Ф. Дератани (последнее издание 1958 г.), где переводам предпосланы краткие вступительные статьи. Изданы переводы сочинений большинства римских классиков с обширными введениями и научными комментариями. Заметно возросло количество статей и диссертаций по отдельным проблемам римской литературы.

Многие работы по истории античной литературы вообще и римской литературы отдельно подвергались обсуждению в печати. Предполагалось, что академический курс истории римской литературы должен будет учесть достижения как отечественной, так и зарубежной науки и высказать одновременно свои суждения по спорным вопросам. Предполагалось также, что это академическое издание учтет деловую критику и замечания, высказанные в свое время в рецензиях на первые два тома академической Истории греческой литературы [1].

Рассматриваемая книга представляет собой плод большого труда наших наиболее известных ученых. Книга носит преимущественно филологический характер. После краткого предисловия от редакции следует вводная часть (главы I—III), где освещаются общие проблемы истории римской литературы, даются сведения о латинском языке и проводится обзор истории изучения римской литературы. Главы IV—IX обнимают собой раннюю римскую литературу: Ливия Андроника, Невия, Плавта, Энния, Стация, Теренция, раннюю латинскую прозу, Катона, Луцилия. Здесь же идет речь о развитии римского театра и римской драматической литературы того времени. Главы XV—XXII объединены общим заголовком «Литература конца республики» и посвящены творчеству Цицерона и его предшественников, Варрона, второстепенных историков I в. до н. э., Цезаря, Саллюстия, Лукреция, Катулла. Главы XXIII—XXXII отведены литературе начала империи; здесь рассматривается творчество Вергилия, Горация, Тибулла, Проперция, Овидия, Ливия, малых поэтов и второстепенных прозаиков эпохи Августа, ораторов того времени. Этому разделу предшествует вступительный очерк о «золотом веке» римской литературы. Первый том снабжен списком иллюстраций. Справочного аппарата — указателей и библиографии в данном томе нет.

Прежде всего обращает на себя внимание солидная документальность исследования. Обстоятельно дан анализ так называемых второстепенных историографов, ораторов и поэтов. Обычно пособия по римской литературе обходят их молчанием или ограничиваются краткими, ничего по существу не дающими сведениями.

В вводной части особенно интересен параграф, посвященный периодизации истории римской литературы. Неоспоримо, что исторический принцип периодизации целесо-

[1] См. рецензию на I том — Н. Ф. Дератани, ВДИ, 1947, № 2 и Б. В. Казанского, Вестник Ленингр. университета, 1947, № 4; на II том — С. Я. Шейнман-Топштейн, ВДИ, 1957, № 2.

образнее эйдографического (стр. 13). Очень ценно соотнесение периодов римской и греческой литературы. Этапы развития античной литературы становятся осязательнее благодаря тому, что подчеркнута одновременность жизни и творчества таких, например, писателей, как Плавт и Феокрит, Теренций и Полибий, Цезарь и Страбон, Сенека и Иосиф Флавий и т. д. Уместна глава о латинском языке; обычно в общих трудах подобного рода она отсутствует.

В разделе ранней римской литературы наиболее интересны главы о Невии и Энии. Их творчество проанализировано с исчерпывающей полнотой. Интересно проведено сопоставление сходных мест в «Илиаде», «Энеиде» и «Анналах» Энния. Совершенно правилен исходный тезис в анализе комедий Плавта: «должно не стараться в первую очередь определить степень зависимости их от греческих комедий, о чем мы можем в большинстве случаев только догадываться, а рассматривать эти комедии как произведения самого Плавта, какими и считали их римляне» (стр. 69). Продуктивность этого принципа иллюстрирует параграф в книге о римских элементах в комедиях Плавта. В обзоре древней и средней анналистики совершенно правильно приведены отзывы о ней Цицерона, в частности его меткое сравнение анналистов с греческими логографами (стр. 120). Тонко и проницательно прослеживается внутренняя противоречивость в политических взглядах и деятельности Катона как отражение противоречий в общественной жизни римской республики (стр. 137, 140).

Вполне оправдано рассмотрение юношеского трактата Цицерона «De inventione» в связи с «Риторикой к Гереннию», а не в связи с поздним творчеством самого Цицерона (стр. 173); благодаря этому приему теория ораторского искусства в первой четверти I в. до н. э. охарактеризована очень полно. Гипотеза о том, что «Риторика к Гереннию» создана в риторической школе Плотия Галла, возражений не вызывает.

В целом хороша, несмотря на отмеченную ниже диспропорциональность частей, с вдохновением написанная глава о Цицероне. Удобны своей четкостью основные сведения об ораторе (стр. 178—179) и таблица, в которой склассифицированы его речи (стр. 215). Автор, нарушая традиционный план изложения, остроумно начинает анализ цицероновского наследия с писем, так как в них «наиболее ясно раскрывается перед нами живой Цицерон» (стр. 187). Далее рассматриваются его философские произведения, затем сочинения по теории ораторского искусства и, наконец, речи. Творчество Цицерона все время рассматривается в его развитии, причем проводится полемика с неправильным традиционным взглядом на первый период творчества Цицерона как на «демократический», а на последующую его деятельность как на отказ от прежних позиций (стр. 180, 216, 218, 219) [2]. Свежестью отличаются примеры, приводимые при литературоведческом анализе. Как в главе о Цицероне, так и в главе о Цезаре автор, при всей увлеченности материалом, не впадает в идеализацию этих крупнейших римских писателей. Так, вскрывается подоплека беспристрастного хронологизма в трудах Цезаря — «намерение оправдать свои действия» (стр. 260). Обстоятельно разработана философская сторона поэмы Лукреция. Очень оригинально сопоставление Катулловой Клодии-Лесбии с Семпронией, портрет которой дает Саллюстий в своем «Заговоре Катилины» (стр. 327).

В главе о «золотом веке» в римской литературе даны интереснейшие малоизвестные сведения о Мессале, Поллионе и Меценате. Лаконичным и в то же время весьма содержательным получился обзор литературы, выражающей идеологию принципата; метко прослеживаются первые признаки культурного упадка. Немало тонких наблюдений проведено над творчеством Горация. Так, подмечается близость сатир Горация к философским проповедям (стр. 387); ощущение Горацием гнетущего чувства от близости к Меценату (стр. 391); непонимание Горацием сути принципата (стр. 398); бóльшая «лиричность» посланий по сравнению с лирическими одами (стр. 409); ошибочность представления Горация о римской литературе как бледной копии с греческой (стр. 415). Убедительно сопоставлены друг с другом творчества трех крупнейших представителей римской элегии: Тибулл, Проперций и Овидий (стр. 435). В главе о Проперции мы видим то, чего, как будет сказано ниже, не хватает остальной книге,— данные о литературной судьбе поэта в последующих веках (стр. 435). При анализе раннего творчества Овидия совершенно правильно упор делается не на эротические, а на социальные мотивы (стр. 440—444).

В главе о Тите Ливии встречаем интересное наблюдение над постепенным увеличением подробности изложения по мере приближения автора к современным ему событиям (стр. 474). Важны также приводимые сведения о языке и стиле Ливия; здесь отмечается неправильность представления о постепенном «ухудшении» латинского языка. Ценные, хотя и краткие, данные об отступлениях от классической латыни найдет филолог в параграфе о Юстине (стр. 500—501).

В академическом курсе должное место занял Витрувий. Очерк о нем написан с учетом новейших исследований, с той полемичностью, которая была желательна

[2] Эта полемическая точка зрения выражена автором полнее в специальной статье юбилейного цицероновского сборника, изданного Академией наук в 1958 г.

и при характеристике корифеев литературы. Четко выявлено значение труда Витрувия, который подвел «итог строительной теории и практики эллинизма и тех успехов, каких достигли римские архитекторы» (стр. 512). Справедливо замечается, что «многие из его (трактата Витрувия.— *А. К.*) положений и принципов продолжают жить в современном зодчестве» (стр. 513).

Заключительная глава, трактующая об ораторском искусстве, привлекает подробными сведениями о Сенеке Старшем и переводами контроверсий. Автор протестует против общепринятого взгляда на темы контроверсий как исключительно фантастические и доказывает, что «содержание казусов давала сама жизнь» (стр. 528).

Теперь остановимся на том, что вызывает возражения. Расположение материала в книге несколько не соответствует периодизации, намеченной во введении (стр. 12—16). Ожидалось, что литература, рассматриваемая в I томе, должна будет делиться не на три, а на четыре периода: эпоху ранней Римской республики, время окончательного завоевания Римом бассейна Средиземного моря, развития борьбы внутри римского нобилитета и усиления всадничества; период разгара гражданских войн и век Августа. Второй период во введении выделен несколько искусственно, и периодизация, фактически получившаяся при самом изложении истории литературы, является более целесообразной. Не стоило отрывать обзор римской драматической литературы времен Плавта, Теренция и последующего периода Республики (гл. XI) от главы VI, трактующей о развитии римского театра. В таком случае «комедия плаща», рассматриваемая теперь как жанр только в связи с творчеством Плавта, нашла бы свое место рядом с «комедией тоги» и другими драматическими жанрами. Представление о римской драматургии получилось бы более цельным. В главе о Лукреции совершенно лишним является изложение учения Эпикура, поскольку этому философу отведена отдельная глава в III томе «Истории греческой литературы». Как единый комплекс следовало рассмотреть так называемые «римские оды» Горация (III, 1—6).

Заметный недостаток композиции — диспропорция ее частей. Крупнейшей фигуре античной литературы — Плавту уделено столько же страниц, сколько Эннию. Растянут анализ писем Цицерона, а о поздних речах оратора говорится крайне бегло. Оказывается ненужным специальный параграф — «Значение поэзии Овидия», поскольку в нем по существу повторяется то, что было написано в предыдущих параграфах.

Крайне желательно было выдержать единство аспектов при характеристике творчества писателей. Не говоря о чисто биографических сведениях, перечислении сочинений и обзоре творческого пути, следовало суммировать и общественные взгляды, дать общую оценку художественного мастерства, в том числе языка и стиля. Наконец, важно было определить, какой же вклад внес данный писатель в литературу и как оценивается этот вклад в отечественной и зарубежной науке сейчас. Совершенно необязательно было во всех случаях придерживаться однообразия при изложении такого материала, но указанные аспекты в той или иной комбинации все же должны были быть выдержаны в главах о всех наиболее значительных писателях. Вместе с тем это не позволило бы одни разделы разработать подробнее за счет других, а некоторые важные стороны творчества писателя просто игнорировать. Сейчас же получилось так, что при объеме I тома в 33,5 печатного листа в нем часто нет даже тех сведений, какие имеются, например, в университетском учебнике, где на соответствующие периоды литературы отведено 20,5 печатного листа. Ведь рецензируемая книга представляет собой не очерки, а систематический курс и должна, подобно аналогичным трудам Академии наук по истории других литератур, например французской, английской, претендовать на предельную полноту материала. Поэтому речь пойдет прежде всего о том, чего в данной книге не хватает. Вопрос этот не сводится к чисто количественным понятиям, чаще он связан с основами историко-литературного анализа. В академическом труде, как правило, отсутствует характеристика исторической обстановки. Во введении, например, не сказано ни слова о рабовладельческом способе производства как основе античного общества, о борьбе демократии и аристократии, о политических формах римского государства. Очень краткие исторические сведения в главе IV, параграфе 3 — «Рост культуры римского общества в III в. до н. э.» — не могут рассматриваться как историческое введение к разделу «Ранняя римская литература». Нет исторического введения к разделу «Литература конца Республики», его отсутствие не восполняют попутно приводимые разрозненные факты истории в главе о Цицероне. Правда, литературе начала империи все же предпослан вводный очерк, но это лишь приятное исключение. Отмеченный недостаток затрудняет понимание исторической обусловленности развития литературы.

Постулируемая в предисловии «крайняя осторожность в области каких бы то ни было обобщений и гипотез» (стр. 6) необходима в отношении того, что до нас плохо сохранилось или не дошло совсем, но нельзя отказываться от объяснений и выводов там, где мы имеем дело с превосходно сохранившимся источником. Между тем в академической истории литературы часто проявляется недостаточное внимание к идейной направленности как отдельных литературных памятников, так и творчества в целом

того или иного писателя. Так, не выявлен плебейский дух комедий Плавта. Нет указания на связь Теренция со сципионовым кружком и на пропаганду гуманистических идей позднегреческой философии в пьесах этого комедиографа. Не отмечена регламентация отношения к рабам в трактате Катона «О сельском хозяйстве» (вообще этот важный источник характеризуется слишком бегло). Не дано ни социальной, ни филологической характеристики законов XII таблиц, и выдержки из них приводятся без всяких комментариев. Ничего не говорится о религиозных взглядах Цицерона. При характеристике творчества Варрона опущены рабовладельческие идеи в его трактате «О сельском хозяйстве», защита писателем старых, республиканских устоев. Констатируется односторонность характеристики исторических деятелей у Непота, а попытки проникнуть в суть этой односторонности не делается. Обойдена гипотеза о возможной полемике Саллюстия с мемуарами Цицерона. Не поставлен вопрос об истоках философских воззрений Саллюстия — учении Платона и Посидония о дуализме человеческой природы. Остается неясным, нашла ли хоть какой-нибудь отзвук в поэме Лукреция современность. Относительно принципата как государственного устройства неопределенно замечено: «Считалось, что Август вернул мир и свободу» (стр. 345). А как было на самом деле? Не выделены и не обобщены религиозные и философские взгляды Вергилия. Неясно, что именно привлекало его в римской старине. Беглого замечания об откликах Проперция на современность явно недостаточно, необходимо было сказать, на какие стороны современности и как откликался поэт. Богатая фактическими данными глава о Ливии не в полной мере освещает идейную направленность труда историка.

Не всегда удовлетворяет литературоведческий анализ. Особенности художественной формы подчас рассматриваются бегло и сухо, обходятся существенные стороны мастерства писателя. Так, в комедиях Плавта не разбираются средства комического, особенности композиции, приемы построения образов. Мало сказано о формах сатир Луцилия и Варрона. Не обращено внимания на фольклорные мотивы у Катулла. Не выявлена система образов в Энеиде; анализ поэтического мастерства Овидия дан бегло и мало выразительно. Неясно значение Ливия как художника слова. Автор отказывается, например, от анализа речей в истории Ливия, считая, что «нам трудно судить о достоинстве их, потому что наши теперешние вкусы и взгляды на красоту речи во многом отличаются от древних» (стр. 490), хотя в отношении речей Цицерона такая оценка дана. Авторы книги часто не касаются вопросов языка и стиля, а также стиха. Остается без характеристики язык таких корифеев римской литературы и латинского языка, как Цезарь, Лукреций, Катулл, Вергилий, Овидий.

Редко подводятся итоги тому ценному, что внес тот или иной писатель в литературу, еще реже устанавливается его место в историко-литературном процессе вообще, не прослеживается его влияние на последующую литературу как римскую, так и мировую. Между тем, известно о влиянии Теренция на средневековых писателей, в частности на Гротсвиту Гандерсгеймскую, о культе Цицерона в эпоху Возрождения и ориентации деятелей французской буржуазной революции на его ораторское искусство, о воздействии Саллюстия на Тацита, о восприятии Вергилия у Данте и других поэтов Средневековья и Ренессанса. Не подытоживается то новое, что Катулл и неотерики, развивая наследие александрийских поэтов, внесли в родную поэзию: глубоко субъективный подход к жизни, ученость, любовно-мифологическую тематику. Ведь Катулл был непосредственным предшественником Горация, а все творчество неотериков в целом подготовило почву для расцвета жанра элегии в эпоху Августа. Вряд ли можно было писать о римской ателлане, ни словом не обмолвившись об итальянской комедии dell'arte, сложившейся под ее влиянием. С интересом узнал бы читатель о развитии темы «Памятника» Горация в античной и русской литературе.

При чтении книги не всегда возможно составить представление о современном состоянии науки. Опущены как некоторые наши последние исследования, например И. М. Тронского по истории латинского языка, так и работы Линдсея, Нидермана, Эрну. В главе об истории изучения римской литературы зарубежным работам XIX—XX вв. посвящено меньше половины страницы. Не учтены зарубежные работы последних десятилетий [3]. Девять строк отведено на упоминание трех советских работ по истории римской литературы. Борьба мнений в науке, к сожалению, не находит отражения. Следовало учесть и высказывания русских революционных демократов об античной культуре. Это расширило бы представление читателя об отечественной демократической критике XIX в. и способствовало более глубокому и эмоциональному восприятию отдельных сторон римской литературы [4].

---

[3] Напр., H. J. Rose, A Handbook of latin Literature, L., 1942; A. Rostagni, La letteratura di Roma republicana ed augustea, т. I—II, Bologna, 1947—1952; E. Bignone, Storia della letteratura latina, т. I—III, Florenz, 1942—1950.

[4] Напр. А. И. Герцен, Избранные философские произведения, 1946 г., т. I, стр. 205 (О Лукреции); Н. А. Добролюбов, О Плавте и его значении

И, наконец, позволим себе высказать еще один упрек. Литературный процесс рассматривается в отрыве от других видов идеологии. Синкретизм греческой и римской мифологии, освоение римлянами основных греческих философских учений, римский реалистический скульптурный портрет, передовое в строительном отношении гражданское зодчество — все это могло бы найти место в тех исторических введениях, которых так не хватает.

Несколько замечаний частного характера. В вводной главе не подчеркнута роль римской литературы как своего рода передатчика греческой, а ведь о многом, непосредственно из греческой литературы не сохранившемся, мы теперь судим по римским обработкам. Следовало бы коснуться полемического вопроса о практическом духе римлян как своеобразной черте, отличавшей их, значения которой нельзя преувеличивать, но и не учитывать совсем также не стоит. В главе о языке говорится только о лексике, и нет сведений о грамматическом строе. Недостаточно охарактеризован римский фольклор, хотя он и дошел до нас в поздней литературной обработке; во всяком случае важно было выделить основные фольклорные жанры. В главе об ораторском искусстве до Цицерона четко не обрисованы основные стили красноречия; нет данных о внешних приемах ораторов того времени (модулировании голоса, жестикуляции и т. п.). Источником биографии Цицерона является не только Плутарх, но и Аппиан, а также Саллюстий. Поскольку нет полных переводов трактатов Цицерона по теории ораторского искусства, целесообразно было бы дать представление об их плане. Неизбежная ограниченность трудов Цезаря сказывается не только в волюнтаристическом взгляде на историю, но и в перенесении римских понятий на неримские народы (галлов, германцев), в наивно прямолинейном объяснении причин исторических событий. Читатель - неспециалист обычно не знает, что комментирование авторских текстов существовало уже в античности; поэтому следовало вкратце рассказать о знаменитых комментариях Сервия к «Энеиде». Неплохо было бы дать классификацию од Горация по тематическому признаку. Когда заходит речь о мотиве «Золотого века» у Овидия, само собой напрашивается реминисценция относительно аналогичного мотива у Гесиода. Спор аналогистов и аномалистов в ораторском искусстве, конечно же, требует сопоставления с соответствующей полемикой в филологии.

Чтобы не допустить перечисленных пропусков, вовсе не обязательно было увеличивать объем труда, просто нужно было избежать неоправданных длиннот. Выше уже говорилось о чрезмерной растянутости анализа цицероновых писем; о лишнем для истории римской литературы специальном параграфе об Эпикуре; о ненужном повторении основных сведений об Овидии. В книге есть и другие случаи повторений. Так, о модности греческого языка в Риме говорится в основном тексте и в примечании (стр. 121); дважды упоминается желание Августа, чтобы Вергилий написал поэму о его деяниях (стр. 354 и 355); двукратно идет речь о скептицизме Горация в конце его жизни (стр. 404 и 407); два раза перечисляются сочинения Овидия (стр. 436 и 438); повторяются сведения о темах сказорий (стр. 517, 527, 528).

Встречаются по существу ненужные ссылки, особенно когда речь идет об общеизвестных фактах. Лишними в современном историко-литературном труде выглядят некоторые биографические подробности, нередко полуанекдотического порядка, а также длительные рассуждения по поводу полного состава имени писателя.

Особенно заметно многословие и злоупотребление цитатами; многословие проявляется там, где авторы впадают в лекционный тон.

Имеются излишне упрощенные объяснения, например «эпоха Ренессанса, или Возрождения» (стр. 29), или сравнение античного стиля с современным карандашом (стр. 235). Не подчеркиваются условность и устарелость понятий «золотая» и «серебряная» латынь. Периоды развития языка характеризуются расплывчато: «огромная сила и красота» (стр. 22), «богатство, яркость и разнообразие» (стр. 23). Чрезмерно конкретной выглядит преемственность эпической традиции в таком изложении: «...Энний подражал своему предшественнику Невию..., Лукреций подражал Эннию, Вергилий — Лукрецию, Лукан — Вергилию, Стаций — Лукану, Клавдиан — Стацию и т. д.» (стр. 320). До анализа творчества писателей эпохи Августа и Римской империи такое утверждение преждевременно, а кроме того, может вызвать у читателя упрощенное представление об историко-литературном процессе как о своеобразной эстафете. Столь же прямолинейно представлено распределение поэтических сил в эпоху Августа: «После смерти Саллюстия силы были перераспределены: Асиний Поллион занялся историей, Варий — трагедией, Вергилий — эпосом; немного позже перешел от сатир к лирике Гораций» (стр. 347). Вряд ли на са-

---

для изучения римской жизни, Полное собр. соч., 1935, т. I, стр. 543—565; Н. Г. Чернышевский, Оды Квинта Горация Флакка, перевод Фета. Полное собр. соч., т. III, стр. 505—509; В. Г. Белинский, Общее значение слова литература. Собр. соч. в трех томах, т. 2, 1948, стр. 105 о (жанрах); А. Н. Радищев, Избранные философские сочинения, 1949, стр. 467 (о веке Августа).

мом деле распределение сил было сознательным актом. Нельзя согласиться с тем, как понимается так называемый «социальный заказ» в литературе: «Август с самого начала своего правления понял, каким могучим средством пропаганды может служить литература, и позаботился о том, чтобы она выступала в пользу его режима, а не против него. Наиболее подходящим родом литературы в этих целях должна была представляться Августу не проза, а поэзия» (стр. 344). Преимущественное развитие того или иного жанра — процесс объективный, связанный с историческими условиями в целом, а не с волеизъявлением правящей личности. Неудачно выражение «неполный расцвет», применяемое дважды: один раз к литературе вообще (стр. 348), а другой раз — к поэзии (стр. 349). Какой же расцвет можно назвать полным и чем измеряется его полнота?

Некоторые положения являются недостаточно обоснованными и спорными. Нельзя развитие языка ставить в непосредственную связь с изменениями в социальном и политическом строе, а на стр. 20 утверждать, что «мы можем разделить его (латинского языка.— *А. К.*) жизнь на несколько периодов, связанных с периодами развития общественно-политической жизни Рима». Не стоило безо всяких оговорок цитировать длинное и расплывчатое рассуждение М. М. Покровского о том, что Луцилий решил писать «для народа» (стр. 60). Между прочим, в учебнике И. М. Тронского говорится обратное: «не для масс» (стр. 337). Без комментариев принимается за дату рождения Цезаря 100-й год (стр. 256), в то время как этот год отвергается многими. При характеристике театра эпохи Августа вряд ли уместна ссылка на Апулея.

Чрезмерно лаконичные объяснения и недомолвки затрудняют понимание некоторых мест в книге. Непонятны без комментариев термины из области метрики (стр.38), название «гиларотрагедия» (стр. 117). На стр. 248 сказано: «...слог Валерия не был старинным, а значит, он писал языком своего времени». Потом сразу идет такая фраза: «Для иллюстрации может служить следующий фрагмент», и далее приводится в русском переводе 21-й фрагмент по Авлу Геллию. Непонятно, иллюстрацией чего же служит данный фрагмент? Иллюстрацией языка? Но ведь перед нами не латинский подлинник, а русский перевод! Поэма Овидия «Искусство любви» называется пародийной, а что́ она пародирует, неизвестно (стр. 442).

В книге много цитат латинских авторов в русском переводе. Превосходны переводы Ф. А. Петровского поэтических текстов Энния, Луциллия, Лукреция, переводы малых поэтов эпохи Августа, подготовленные М. Е. Грабарь-Пассек, эти поэты до сих пор выпадали из поля зрения историков литературы. Правильно поступили составители, использовав талантливые переводы А. Пиотровского (в главе о Катулле). Г. Ф. Церетели (в главе о Горации). Однако переводы прозаических текстов грешат дословностью (напр. на стр. 144; 247). Вряд ли следовало также без всяких комментариев приводить фрагменты из сочинений Луция Кальпурния Пизона (стр. 126) и Квинта Клавдия Квадригария (стр. 247), причем после длинных цитат сразу же помещать материал о других писателях. После вводного замечания о религиозности Ливия дан также десяток разрозненных цитат (стр. 477—478). Нецелесообразно занимать половину страницы цитатой — характеристикой Ганнибала (стр. 485—486), тем более что она есть в любой хрестоматии и ее читают в подлиннике чуть ли не все изучающие латинский язык. Что же касается впервые публикуемых переводов, то из них следовало бы составить отдельный сборник и издать его; такое издание было бы встречено с бо́льшим интересом филологами, историками и правоведами.

К сожалению, в книге немало опечаток. На стр. 398 напечатано нечто совершенно фантастическое: «Цероперевод Г. Ф. тели», вместо «перевод Г. Ф. Церетели». Особенно много опечаток в именах собственных, научных терминах, а также в словах с латинским шрифтом.

В книге 34 иллюстрации. Почти все они являются снимками с хранящихся в собрании Ленинградского Эрмитажа памятников римской культуры. Очень хорошо, что редакция не ограничилась иконографией и не поместила кочующие из книги в книгу снимки со скульптурных портретов римских писателей, а предпочла популяризировать сокровища, находящиеся в отечественных собраниях.

Отмеченные недостатки не снимают того интереса, который представляет рассмотренный том как для филолога-классика и историка-античника, так и для читателя-неспециалиста.

В заключительном томе истории античной литературы особенно желательна будет объединяющая концепция, которая помогла бы осмыслить историю литературы как закономерный процесс.

А. Ч. Козаржевский

З. В. УДАЛЬЦОВА, Италия и Византия в VI веке. М., Изд-во АН СССР, 1959, 542 стр.+21 схема, тир. 1700 экз., цена 2 руб. 43 коп.

Пятое столетие в Западной Европе завершает собой историю античного рабовладельческого общества, шестым открывается история феодального средневековья. В марксистско-ленинскую историческую науку давно уже прочно вошло подтвержденное многочисленными исследованиями советских античников и медиевистов представление о том, что становление феодализма в странах Запада совершалось на основе взаимодействия двух общественно-экономических систем: позднерабовладельческих порядков Римской империи и первобытно-общинных отношений тех варварских племен, которые заняли территорию империи в эпоху великого переселения народов. В различных странах, некогда входивших в состав Римской империи, генезис феодального строя происходил далеко не одинаково. Существенные отличия имелись в темпах этого процесса, в характере взаимодействия институтов угасавшей рабовладельческой цивилизации с учреждениями общественного устройства варваров-завоевателей, в конкретных формах общественной жизни, возникавших на основе этого исторического синтеза, и т. п. Выяснение специфических особенностей формирования феодальных порядков в отдельных частях бывшей Римской империи имеет поэтому важное теоретическое, а также познавательное значение как для историков античного мира, так и для медиевистов. В этом отношении большой интерес представляет рассматриваемая книга З. В. Удальцовой «Италия и Византия в VI веке», вышедшая в свет под редакцией покойного акад. Е. А. Косминского.

Работа З. В. Удальцовой является фундаментальным исследованием на основе марксистско-ленинской методологии сложных проблем генезиса итальянского феодализма. Рецензируемая монография — результат многолетних трудов автора в области изучения истории раннесредневековой Италии и Византийской империи эпохи Юстиниана. Появлению книги З. В. Удальцовой предшествовала серия ее статей, в которых были затронуты многие вопросы, гораздо более полно разработанные теперь в рецензируемой монографии[1].

З. В. Удальцова хорошо знает латинские и греческие источники изучаемой ею эпохи. Монография построена на тщательном исследовании как греческих, так и латинских авторов. Автор обращается к юридическим и нарративным памятникам Остготской Италии и юстиниановской Византии (эдикты короля Теодориха и его преемников, Прагматическая санкция 554 г. и другие законодательные акты византийского правительства; произведения историографов VI в.— византийца Прокопия Кесарийского, римлян Кассиодора и Эннодия, готского историка Иордана, равенского церковного хрониста Агнелла и многих других, часто малоизвестных, писателей). З. В. Удальцова широко привлекает также эпистолярный материал (в частности переписку римских пап), эпиграфические данные, всевозможные деловые акты. В монографии использованы данные нумизматики и учтены результаты археологических раскопок, производившихся в свое время на территории остготской Италии. Можно лишь пожалеть, что автор не счел возможным выделить в книге особую главу, в которой была бы дана характеристика наиболее важных памятников, положенных в основу монографии. Правда, иногда З. В. Удальцова характеризует те или иные из используемых ею источников в ходе исследования, но этого все же недостаточно.

Монография свидетельствует о весьма основательной и широкой эрудиции автора в исторической литературе как по истории рабовладельческого Рима и Византии, так и остготской Италии. Хотя в книге нет отдельного историографического очерка (дать его было бы очень затруднительно, поскольку круг вопросов, поднятых в монографии, весьма обширен), при исследовании важнейших проблем, интересующих автора, З. В. Удальцова критически рассматривает взгляды как отечественных, так и зарубежных ученых. Вместе с тем З. В. Удальцова учитывает достижения советских ученых в области исследования разложения рабовладельческой формации и образования феодальной (монографии и статьи Е. М. Штаерман, А. И. Неусыхина, М. Я. Сюзюмова, и др.), а также ценные фактические результаты ряда конкретных исследований буржуазных историков. В то же время автор вскрывает несостоятельность общих концепций западных буржуазных историков по самым различным проблемам исто-

[1] З. В. Удальцова, Народные движения в Северной Африке при Юстиниане, «Византийский временник», т. V, 1952; она же, Политика византийского правительства в Северной Африке при Юстиниане, «Византийский временник», т. VI, 1953; она же, Сельское зависимое население Италии VI века, ВДИ, 1955, № 3; она же, Крупное светское и церковное землевладение в Италии VI в., «Византийский временник», т. IX, 1956; она же, К вопросу о мелком свободном землевладении в Италии накануне византийского завоевания, «Византийский временник», т. XI, 1956; она же, Политика византийского правительства в завоеванной Италии и результаты византийского завоевания, «Вестник МГУ», 1958, № 3 и др.

рии Италии V—VI вв. Идет ли речь о причинах завоевания Италии остготами и их успехах в этой стране (стр. 8, 19), характеризуется ли положение низших слоев населения Остготского королевства и политика Теодориха (стр. 67 сл.), выясняется ли социальная роль церкви в период остготского владычества (стр. 74), рассматривается ли вопрос о состоянии и уровне развития ремесла, торговли и городов в Италии V—VI вв. (стр. 115 сл.) или о политической организации остготской монархии (стр. 136 слл., 142, прим. 14, 148, прим. 38), о социально-политической борьбе в ней (стр. 196 слл., 224 слл.) и т. д. и т. п.,— повсюду автор стремится противопоставить ошибочным, необъективным, а подчас и откровенно фальсификаторским взглядам буржуазных ученых марксистскую, подлинно научную точку зрения. При этом З. В. Удальцова подвергает особенно обстоятельной критике концепции современных буржуазных историков.

Рецензирумый труд формально состоит из двух частей, фактически же распадается на три раздела. Первый соответствует первой части книги, намеченной самим автором и озаглавленной «Социально-экономические отношения в Италии в период владычества остготов» (стр. 7—235). Здесь обрисован социально-экономический строй остготской Италии в период, предшествовавший войнам с Юстинианом (конец V — первая треть VI вв.). Второй раздел охватывает две начальные главы авторской второй части монографии, выделенной под названием «Завоевание Италии византийскими войсками и политика Византии в завоеванной провинции» (стр. 236—438). В этом разделе прослеживается история взаимоотношений Остготского королевства и Византии с середины 20-х до середины 50-х гг. VI в., т. е. история остготско-византийской дипломатии и в особенности войн, завершившихся разгромом государства остготов и завоеванием Италии Восточноримской империей. По существу особый, третий раздел монографии образует заключительная глава этой второй части (стр. 439—522), где автор выясняет последствия византийского завоевания для Италии.

В первой части после подробного обзора самого хода завоевания Италии остготами в 489—493 гг. и создания здесь Остготского королевства З. В. Удальцова в двух последующих главах исследует аграрные отношения на Апеннинском полуострове после захвата его остготами. Автор рассматривает историю расселения остготов в Италии, произведенный ими раздел земель и те социально-экономические изменения, которые он повлек за собой; далее исследуются тенденции в развитии мелкого и крупного землевладения в конце V — начале VI в.; подробно анализируются формы эксплуатации зависимого сельского населения, установившиеся при остготах. З. В. Удальцова считает, что специфической чертой аграрных порядков Остготского государства была незавершенность ликвидации рабовладельческого строя в Италии. С этим тесно связана другая сторона сложившихся здесь поземельных отношений — относительная слабость общинных порядков. Автор находит возможным говорить лишь о некоторых элементах общинных отношений у остготов. Наблюдения З. В. Удальцовой, сумевшей выявить эти элементы остготских общинных распорядков, ускользавшие до сих пор из поля зрения исследователей (стр. 44—45), представляют большую научную ценность. В частности, в свое время Т. Моммзен давал неправильное толкование термину «кондома», встречающемуся у Кассиодора, и видел в нем обозначение гуфы (земельного надела). З. В. Удальцова, сопоставляя применение этого термина в различных документах раннего средневековья, убедительно трактует его в смысле большесемейной общины (стр. 45).

Центральной проблемой при определении характера аграрных отношений естественно является вопрос о взаимоотношениях между собственником условий производства и непосредственным производителем. Какие порядки существовали в Италии при остготах: рабовладельческие или феодальные? Вот задача, которую предстояло решить автору в этой части рецензируемой монографии. Детально исследуя источники, З. В. Удальцова делает правильный, на наш взгляд, вывод, что рабовладение в Остготском государстве продолжало еще играть довольно существенную роль (стр. 69 слл., особ. см. 78 сл., 91 сл.). Значительно более сложен вопрос о колонате, который принято, как правило, считать формой феодальной эксплуатации [2]. З. В. Удальцова высказывает плодотворную мысль, что колонат, каким он выступает в Остготском королевстве, восходит к временам господства рабовладельческого строя и является, следовательно, не новой, а старой, традиционной формой рабовладельческих отношений (см. 95 слл., 102 слл. и др.). Действительно, колоны имелись уже в римской Галлии во II в. до н. э. [3].

Вторжение остготов не привело к полному крушению античных устоев и в италийских городах. З. В. Удальцовой удалось проследить сохранившиеся элементы рабовладельческих порядков в городской жизни остготской Италии, в част-

[2] Д. Ангелов, О некоторых вопросах социально-экономической истории Византии, «Вопросы истории», 1960, № 2, стр. 92, 96—97.

[3] М. Сергеенко, Сазерна и его фрагменты, ВДИ, 1946, № 3, стр. 73.

ности в организации городского ремесла и торговли (стр. 117 слл., 125 слл. и др.), а также в муниципальном устройстве городов (стр. 128 слл.).

Большой интерес представляет анализ З. В. Удальцовой государственного и административного устройства Италии при остготах, а также остготского законодательства (V гл.). Эти вопросы издавна привлекали внимание буржуазных историков, как романистов, так и германистов, предлагавших хотя и совершенно различную, но в равной мере неверную трактовку указанных проблем. Те и другие исходили из формально-юридического понимания характера и эволюции государственных учреждений и законодательства. Разумеется, среди политических институтов Остготского королевства можно выделить такие, которые являются непосредственным продолжением древнеримских учреждений, например сенат (стр. 137). В то же время имелись налицо институты, восходившие к древнегерманским порядкам, например институт комитов готов (стр. 138 сл.). Аналогичные явления можно установить и в остготском законодательстве, перенявшем различные нормы и римского и германского права. Однако главное заключается совсем не в этом: исследователь обязан определить прежде всего социальную роль тех или других институтов и правовых установлений. З. В. Удальцова именно с такой, марксистской позиции подходит к анализу политического строя и законодательства Италии в конце V — начале VI в. На многочисленных фактах источников она выясняет классовые функции, которые выполняли и законодательство, и различные государственно-административные учреждения в остготской Италии, содействуя, с одной стороны, сохранению рабовладельческих порядков, с другой— закабалению свободного населения.

Характеризуя социальные порядки остготской Италии в целом, З. В. Удальцова утверждает, что одним из важнейших результатов остготского завоевания было дальнейшее разложение рабовладельческого строя и вызревание здесь новых, феодальных по своей сути, общественных отношений. Таким образом, социальный строй Остготского государства сочетал в себе «некоторые черты, восходящие еще к социально-экономическим отношениям рабовладельческого общества» «с качественно новыми формами эксплуатации трудящихся, уже знаменующими собой переход к феодальному строю» (стр. 113). Эта характеристика общественных отношений при остготах представляется в основном верной.

Главный недостаток первой части монографии З. В. Удальцовой состоит, на наш взгляд, в том, что автору не удалось достаточно четко выявить элементы феодализма в социальном строе Остготского королевства. Чтобы сделать это, нужно было обстоятельно проследить различия между общественными порядками остготской Италии и социальной структурой поздней Римской империи (IV—V вв.). Между тем такое сопоставление в работе не проведено, и поэтому оказывается невозможным исчерпывающим образом установить наличие в Остготском государстве черт собственно феодализма. В этой связи следует заметить, что в некоторых случаях автор недостаточно обоснованно истолковывает часто встречающийся в источниках термин «рустик». З. В. Удальцова вкладывает в данное понятие социальное содержание (стр. 35, 40, 95, особ. 106 слл.), тогда как свидетельства источников, приводимые самим автором, говорят за то, что «рустики» эдикта Теодориха и «Варий» Кассиодора не являются термином социального порядка. Этим словом обозначаются сельские жители вообще и применяется оно в памятниках к различным прослойкам деревенского населения — и к свободным, и к зависимым земледельцам, порой — к рабовладельцам (стр. 71), а иногда, правда, изредка, даже — к рабам (стр. 106). Строгий анализ термина «рустик» едва ли позволяет прийти к выводу о том, что рустики составляли, как полагает автор, некую особую по сравнению с рабами и колонами категорию сельского населения (стр. 113), а их зависимость от крупных земельных собственников по характеру своему якобы предвосхищала «будущие отношения феодала и его вилланов» (стр. 111).

Хотелось бы пожелать также, чтобы и при характеристике городов остготской Италии автор попытался более определенно выяснить их социальный состав.

В шестой главе первой части монографии З. В. Удальцова рассматривает классовую и политическую борьбу в Италии на рубеже V—VI вв. Источники сохранили мало данных о фактах классовой борьбы в Остготском королевстве, и автору пришлось буквально по крупицам собрать и свести воедино материал такого рода. Глава дает яркое представление о конкретных проявлениях и важнейших тенденциях развития социальной борьбы в Италии в начальный период остготского владычества. Отчетливо и полно выявлены различные формы социального протеста народных масс против римской и остготской знати: бегство рабов и бедняков, впавших в зависимость, из поместий и городов (стр. 197 сл.); уклонение от уплаты налогов (199 сл.); стихийные выступления локального характера против магнатов, выражавшиеся в угоне стад скота, самовольном захвате земель, поджоге имений (стр. 200 слл.) и даже вооруженных нападениях, в которых участвовали как италийские, так и остготские земледельцы (205 слл.), наконец,— восстания и мятежи (стр. 208 сл., 212 слл.). Заметим, однако, что в этой главе можно было бы расширить и уточнить картину политической борьбы внутри господствующего класса, рассмотрев, в частности,

философские взгляды вождя римской сенаторской оппозиции Боэция. Автор описывает историю конфликта этой оппозиции с остготским правительством в 524—526 гг. (стр. 231 слл.) и было бы интересно выяснить, как отразилось политическое мировоззрение Боэция в его философских взглядах.

Второй раздел, т. е. две первые главы второй части книги, является наиболее удачным в работе. В нем особенно явственно выступает самая сильная сторона исследования З. В. Удальцовой: в центре ее внимания постоянно находятся судьбы народных масс Италии. Это относится не только к главам, посвященным проблемам социально-экономического характера, но и к тем, в которых анализируются события политической борьбы. Подробно описывая войну между Византией и Остготским королевством во второй четверти VI в., З. В. Удальцова каждый раз стремится определить позицию народных масс в этой войне и проследить их влияние на течение и исход кампаний (стр. 299, 316, 342 и др.). Автор последовательно раскрывает органическую связь между борьбой трудящихся в защиту своих непосредственных интересов и внешнеполитическими успехами или неудачами Остготского королевства в войнах с Юстинианом. С наибольшим интересом читаются те страницы, где показано, каким образом сама внутренняя логика социальной борьбы заставила вождя остготов Тотилу временно пойти на определенные уступки беднякам— не только колонам, но даже рабам (стр. 344 слл.), санкционировав захваты земель у знатных римлян земледельцами (346 сл.), это обеспечило крупные успехи остготов в первой половине 40-х гг. VI в. В дальнейшем обострение взаимоотношений среди различных правящих группировок остготской Италии, вызванное этой политикой, побудило Тотилу (стр. 413) отказаться от уступок народу, что в конечном счете ослабило сопротивление остготов Византии и обеспечило торжество византийского оружия в Италии (стр. 400 слл.).

Третья, заключительная глава второй части монографии, фактически образующая самостоятельный раздел книги, раскрывает политику византийского правительства в Италии и результаты византийского завоевания. З. В. Удальцова убедительно показывает, что византийское завоевание явилось тяжким ударом для Италии. Оно привело к ее экономическому упадку, к реставрации рабовладельческих порядков, которая сопровождалась жестоким ограблением народных масс, увеличением податного гнета и т. д. Автор подвергает подробному анализу не только Прагматическую санкцию Юстиниана, но и такой малоизвестный в нашей научной литературе источник, как Равеннские папирусы. Опубликованные впервые свыше полутораста лет тому назад хранителем ватиканской библиотеки Г. Марини, эти папирусы были основательно дополнены другими и вторично изданы в 1955 г. шведским ученым Й. Чэдером. Чэдер заново прочитал текст папирусов и исправил многочисленные ошибки, допущенные в свое время Г. Марини. Эти папирусы, содержащие богатый актовый материал, были изучены З. В. Удальцовой, которая сумела найти в них подтверждаемые другими источниками данные о переходе земельных владений к греческой знати, чиновникам, военачальникам (стр. 445 сл.), ортодоксальной церкви (стр. 449 сл.), а также и об изменениях в положении зависимого сельского населения Италии после византийского завоевания (стр. 463 слл., 467 слл.). Заметим лишь, что, по нашему мнению, автор мог бы извлечь значительно больше данных из переписки папы Григория I, которая использована в этом разделе монографии недостаточно.

Необходимо высказать несколько частных замечаний относительно рецензируемой работы. Хотя монография З. В. Удальцовой пронизана стройной и законченной концепцией, она все же не свободна местами от некоторых внутренних противоречий. На стр. 92 в общей форме подчеркивается «положительное значение варварских завоеваний, способствовавших разрушению рабовладельческой империи и уничтожению рабовладельческого строя». Однако применительно к судьбам остготской Италии этот в целом правильный тезис остается недоказанным. Напротив, автор неоднократно говорит об упрочении рабовладения при остготах (см. стр. 68—92). Не вполне убедительно поэтому звучит и другое положение на стр. 219, где отмечается, что «становление новой феодальной формации и искоренение пережитков рабовладения в Остготском государстве протекало в обстановке напряженной классовой борьбы». Материал, приведенный автором, не позволяет говорить об искоренении в остготской Италии рабовладельческих порядков. На стр. 220 автор прямо пишет о попытках и остготской, и союзной с ней римско-италийской знати укрепить «остатки рабовладения».

В работе имеются некоторые структурные неполадки.

Вызывает возражение употребление некоторых терминов. Автор часто называет господствовавшую в остготской Италии и в Византии церковь католической (стр. 13, 53, 54 и др.); точнее говорить об ортодоксальной церкви, как это и делается в других местах рецензируемой работы (стр. 449, 451 и др.). На стр. 242, 243, 245, 275, 276 применяются выражения «национальная» (партия), «национальные» (интересы), «национальный» (дух) и т. д. Едва ли можно признать правильным такое словоупотребление для VI в.; кавычки в данном случае ничего не меняют.

Подводя итоги, отметим, что монография З. В. Удальцовой представляет собой первое в советской исторической литературе исследование взаимоотношений Италии и Византии в VI столетии. В монографии убедительно, с марксистско-ленинских позиций решены многие серьезные проблемы социально-экономического и политического развития остготской Италии и тем самым сделан существенный вклад в конкретное изучение истории гибели рабовладельческого строя и становления феодальной формации в центральной части античного мира — в Италии. Эту книгу с интересом и с пользой прочтут не только медиевисты, но и историки древнего мира.

М. Заборов

ПО ПОВОДУ ДВУХ РАБОТ ИЗ ОБЛАСТИ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ ГЕОГРАФИИ

Наша научная литература сравнительно обильна работами по исторической географии и этнографии Северного Причерноморья и Прикаспия. Но, к сожалению, у нас очень мало работ — оригинальных и даже переводных,— которые трактовали бы вопросы истории самой древней географии как науки. Так как античная география, дошедшая до наших дней в сочинениях таких крупных ученых древности, как Страбон, Плиний и Птолемей, в значительной степени является фундаментом современных географических и исторических знаний, изучение истории древней географии имеет немаловажное значение и для современности. Поэтому нельзя не приветствовать появление двух довольно больших работ, посвященных вопросам истории античной географии [1]. Но так как эта дисциплина теснейшим образом связана с античной историей и филологией, то обращающийся к ней исследователь, если он не филолог, а, как наш автор, палеогеограф, невольно может стать жертвой самых досадных недоразумений. К величайшему сожалению, статьи С. А. Ковалевского являются примером именно такой неудачи, и подымать о них речь следует только ради предостережения от повторения подобных ошибок.

География «Аргонавтики» относится к разряду мифической географии. Легенда о плавании корабля Арго возникла в то время, когда земная поверхность представлялась древним грекам, находившимся под вавилонским влиянием, окруженной мифической рекой Океаном, на противоположном берегу которой помещалось загробное царство. И, вероятно, плавание корабля Арго первоначально мыслилось именно как океаническое плавание в потусторонний мир. Однако по мере расширения географических знаний поэты и мифографы наполняли легенду об аргонавтах реальным географическим содержанием. Они посылали Арго такими путями, какие на некотором протяжении были известны, но далее терялись во мраке экзотических стран; это и позволяло сохранять сказочные (океанические) детали плавания.

Греки уже со времен Гесиода (фр. 63 R) считали, что обратный путь аргонавтов из Колхиды в Грецию шел по рекам, истоки которых не были изведаны и поэтому связывались с Океаном — «матерью всех рек». Такими реками были Нил, Фасис, Танаис, Истр. Гесиод, например, по свидетельству схолиаста к «Аргонавтике» Аполлония Родосского, вел аргонавтов по р. Фасису (Риону или Дону) в Океан, а Гекатей удлинил путь, заставив аргонавтов из Океана попасть в Нил, а затем снова в Средиземное море (Schol., Apoll. Rhod., IV, 259). К IV в. до н. э., когда география Европы была уже в какой-то степени познана, и ни одна из европейских рек не могла более быть связана с Океаном, мифографам приходилось прибегать к более сложным ухищрениям: аргонавтов посылали по Истру (Дунаю) до его верховьев, которые были еще довольно плохо известны. Географы того времени считали, что течение Истра совершает бифуркацию (раздвоение) на два русла, одно из которых впадает в Адриатическое море. Это представление основывалось на реальных данных о перевалочном судоходстве из верхнего Дуная в Адриатику по притокам Дуная Саве и Драве. Из Адриатического моря аргонавты попадали в р. Эридан (По), верхнее течение которой (опять-таки посредством бифуркации) представлялось соединяющимся с руслом «северного Эридана», реальным прототипом которого мог быть Рейн или какая-либо другая из европейских рек, впадавших в Северный океан (Северное море). Такие географиче-

---

[1] С. А. Ковалевский, К исторической географии русской равнины (география Аргонавтики), «Изв. Крымск. отд. Географич. о-ва СССР», 4 (1957), стр. 51 слл.; он же, «Карта Птолемея» в свете исторической географии Прикаспия, «Известия Всесоюз. Географич. о-ва», 85 (1953), 1, стр. 31 слл.

ские представления были, судя по сохранившимся отрывкам, у Аристотеля (Hist. anim., VIII, 13), Тимея и Тимагета (Schol., Apoll. Rhod., IV, 259), а также знаменитого географа Гиппарха (Strab., I, 3, 15). Их во всяком случае использовал в своей поэме об аргонавтах Аполлоний Родосский (Argon., IV, 282 слл.).

Как ни настойчиво стремились древние мифографы вести аргонавтов по неизведанным путям, они все же должны были исходить из позитивных географических знаний и из реального географического кругозора. Они не могли посылать аргонавтов, например, вокруг Америки, просто потому, что Америка в древности была средиземноморским жителям совершенно неизвестна. Никто из древних писателей не посылает корабль Арго по реке Оару, или Ра — наименования, из которых первое — предположительно — у Геродота (IV, 123 сл.), а второе — доподлинно — у Птолемея (Geogr., V, 8, 12) и у Аммиана Марцеллина (XXII, 8) прилагалось к реке Волге. Не посылали они аргонавтов по этой реке потому, что во времена Геродота и даже значительно позднее никто в Средиземноморье не имел ни малейшего реального представления о течении Волги, а во времена Птолемея, когда подобные сведения впервые были получены, география «Аргонавтики» уже более творчески не разрабатывалась.

Однако С. А. Ковалевский рассматривает именно Волгу в качестве реального прототипа пути, по которому вернулись аргонавты. Автор исходит при этом преимущественно из палеогеографических соображений. Он указывает на то, что в послеледниковое время Азовское море через заполнявшуюся водой Манычскую низменность слилось с Каспийским морем, которое, в свою очередь, соединялось со значительным водным бассейном, расположенным «выше Казани». Этому бассейну С. А. Ковалевский совершенно произвольно придает древнее наименование Morimarusa, известное из Филемона, через Плиния (NH, IX, 94), как прилагавшееся кельтами к Северному морю (Амальхийскому океану Гекатея). От верховьев Волги С. А. Ковалевский ведет аргонавтов по Западной Двине, которой столь же произвольно присваивает имя Эридана, в Балтику. Указывая этот «реальный» путь из Черного моря в Балтику, автор статьи нимало не смущается тем, что путь этот был неизвестен в древности и что включение его в географию «Аргонавтики» приводит к совершенно невероятным натяжкам. Действительно, С. А. Ковалевский пишет: «Приведенные отрывки свидетельствуют, что еще в глубокой древности египетские военные экспедиции распространялись через Кавказ и Фасис-Манычский пролив в южнорусские степи, где возникали в связи с этим поселения, находившиеся под эгидой Египта. Геродот этих поселенцев в районе Фасиса-Маныча называет „колхами“... Были ли колхи выходцами из Египта или же коренными жителями этой области, лишь входившими некогда в орбиту Египта,— во всяком случае и то и другое положение дает нам основание ожидать здесь египетские наслоения. С названием Нил, упомянутым Гекатеем в качестве древнейших вод, по которым аргонавты из Океана — Каспия плыли к северу, у нас неразрывно связывается представление о Египте. Однако древние египтяне свою реку называли именем Этар и обожествляли ее в образе Хапи — бога, подателя жизни. Бог Нил, упомянутый в „Теогонии“ Гесиода, в Египте появляется лишь в византийский период и служит объектом поклонения не только египтян, но также греков и римлян, что говорит о его более широкой природе» (стр. 55).

В таком весьма свободном стиле, при полнейшем игнорировании исторических фактов, написана вся статья. Греческие легенды о походах фараона Сесостриса, сложившиеся под впечатлением ахеменидских военных предприятий, фигурируют в его изложении, как исторически подлинные. Колхи Геродота оказываются на Маныче. Наименование Волги у Птолемея (Ῥᾶ) оказывается «родственным имени верховного бога страны пирамид» (Аммона-Ра, стр. 55), а Гомер становится «мифическим творцом сказаний об аргонавтах» (стр. 51).

Автора не смущают даже и такие противоречия, которые, казалось бы, ему должны были быть вполне понятны, как специалисту по палеогеографии восточноевропейской равнины: ведь та гидрографическая картина, которую он воссоздает для послеледникового периода, с наполненной водой Манычской низменностью и со значительным водным бассейном по верхнему течению р. Волги (см. его карту на стр. 61), уже не могла существовать в первой половине I тысячелетия до н. э. (эпоха создания легенды об аргонавтах), так как в указанных местностях находятся более древние археологические объекты.

Примерно на таком же научном уровне находится и вторая статья С. А. Ковалевского, посвященная рассмотрению «карты Птолемея». Начав с характеристики древних карт к «Географии» Птолемея, автор переходит затем к разбору некоторых частей труда знаменитого географа, а именно описания кавказской Албании (Ptolem., Geogr., V, 12), которым он пользуется в переводе, содержащемся в известном издании В. В. Латышева [2].

---

[2] B. L a t y s c h e v, Scythica et Caucasica, Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, т. I, СПб., 1890 = ВДИ, 1948 № 2, стр. 252 слл.

С. А. Ковалевский убежден в том, что «География» Птолемея составлена в средние века и во всяком случае не ранее VII в. н. э. Мнение это он основывает, во-первых, на том, «что Стефан Византийский в своем обширном сводном географическом труде ссылается на греческих авторов от легендарного певца Гомера до географа из Гераклеи Понтийской — Маркиана, писавшего в 400 г. н. э., но совем не упоминает творца „Географического руководства" — Птолемея...». К тому же,— по его мнению,— почти все названные Птолемеем населенные пункты Албании ранне- и позднесредневекового происхождения, потому что «Страбон в своей „Географии", относящейся к началу нашей эры, писал, что у албанцев нет городов, а на „Карте Птолемея" в Албании оказывается уже 29 пунктов оседлости...». В заключение, как и в первой из рассматриваемых работ, С. А. Ковалевский доказывает, что представление о течении р. Волги у Птолемея соответствует тому положению, которое имело место уже в совсем позднее время: ибо, основываясь преимущественно на свидетельстве Феофана Византийского, составившего в начале IX в. (а не в VII, как считает автор) историческую хронику (в продолжение Хроники Георгия Синкелла), он считает, что в это время Волга впадала еще не в Каспийское, а в Азовское море (стр. 41 сл.).

У нас нет возможности останавливаться на всех несообразностях, к которым приводят автора попытки подкрепить выдвинутые им положения фактами. Отметим лишь основное. Прежде всего Стефан Византийский, которого С. А. Ковалевский почему-то называет «географом и астрономом александрийской школы» (стр. 35) и который в действительности был всего лишь грамматиком, в своем словаре географических наименований (Ἐθνικά), созданном, по-видимому, не в V, а в VI в., все же ссылается в нескольких случаях на Птолемея (под словами — Бреттия, Александрия на Танаисе, Харакмоба и Лугдун). Другой вопрос, не имеющий отношения к хронологии Птолемеева труда, что Стефан пользовался Птолемеем не непосредственно, а через широко его использовавшего, видимо, более доступного и вполне достаточного для Стефана эпитомагора многих географических трудов Маркиана из Гераклеи. Известно к тому же, что труд Птолемея использовали и некоторые другие древние авторы до Стефана Византийского, в частности в IV в. Аммиан Марцеллин.

Кавказская географическая номенклатура Птолемея действительно лишь в редких случаях совпадает с наименованиями, известными из более древних авторов. Но в столь же малой степени она соответствует и средневековым географическим данным — обстоятельство, говоря это не в пользу предположения С. А. Ковалевского о позднем происхождении текста Птолемеевой «Географии», а против него, ибо если бы он был прав, то, несомненно, мы столкнулись бы с многочисленными аналогиями к Птолемею в сравнительно богатой географической литературе Средневековья. Своей эрудицией Птолемей, видимо, обязан сведениям, находившимся в распоряжении римской военной и гражданской администрации эпохи первых Антонинов, когда ее агенты глубоко проникали в закавказские области. Следы использования подобных сведений обнаруживаются у Птолемея применительно и к другим местностям, и данные эти также отсутствуют в более поздней географической литературе. Рассуждения же С. А. Ковалевского на тему о том, какие города Птолемеевой карты являлись к моменту ее составления крупными и важными, а какие нет, неубедительны уже по одному тому, что он пользуется для этого не картами, сопровождающими древние рукописи «Географии» Птолемея, и, по мнению современных исследователей, во всех существенных деталях соответствующими ее тексту [3], а картой Гергарда Меркатора, изданной в конце XVI в. и схематизирующей данные Птолемея.

Что касается сведений Птолемея о направлении и протяженности течения р. Волги, то они тоже не могут ничего дать для подтверждения палеогеографических построений С. А. Ковалевского. Представления Птолемея основываются на данных некоей периэгесы, прослеживающей сухопутную дорогу вокруг Каспийского моря в Среднюю Азию и далее к границам Китая, аналогичной, вероятней всего, тем данным относительно дороги из Малой Азии в Серику, которыми располагал Марин Тирский, получив их через агентов крупного торговца с восточными странами Маэса Титиана (Ptolem., Geogr., VII, 11, 7). Периэгеса эта лишь пересекала Волгу в нижнем ее течении, и все сведения «Географии» о Волге представляют только экстраполяцию содержавшихся в древнем дорожнике данных. Палеогеографическую сторону исследова-

[3] О. Кунтц (O. Kuntz, Die Geographie des Ptolemaeus, B., 1923, стр. 16 сл.) полагает, что имеющиеся при рукописях «Географии» Птолемея карты (как сводные, так и карты отдельных стран) восходят к Агатодаймону, который, быть может, еще во II или III вв. н. э., создал их по Птолемеевым прототипам. П. Шнабель (P. Schnabel, Text und Karten des Ptolemaeus, Lpz, 1939, стр. 101), тщательно сличив текст и карты рукописных рецензий Ω и Ξ с другими рецензиями и списками «Географии», показал, что в 26 картах названных рецензий следует усматривать подлинно Птолемеевы карты. В тех случаях, когда карты фигурируют при рукописях в большем числе (64, 68), они созданы путем деления на части первоначальных карт, но и они также восходят к подлинным Птолемеевым картам. Сводные же карты, по мнению Шнабеля, созданы Агатодаймоном.

ния нашего автора мы оставляем в стороне, тем более, что компетентное мнение по этому вопросу в свое время было высказано Л. С. Бергом [4].

Текст «Географии» Птолемея грешит многими несообразностями, причины которых различны и далеко еще не полностью выяснены, в частности, ввиду неполноценности существующих до сих пор изданий ее текста и карт. В некоторых частях «Географии» (VIII, 29) найдены интерполяции. Заметны и другие следы позднейших искажений текста. Открытые до сих пор интерполяции касаются, однако, лишь вспомогательного аппарата «Географии», а искажения — лишь способа написания отдельных наименований. Возможно, что дальнейшее изучение Птолемеева текста позволит обнаружить и еще какие-либо следы его позднейших изменений. Но для этого недостаточно произвольных построений, основанных к тому же в большинстве случаев на чистейших недоразумениях, как в рассмотренных работах С. А. Ковалевского. Примеры этих статей могут послужить лишь предостережением против подобного отношения к древним географическим источникам, ничего не дающего для науки и лишь вводящего в заблуждение некомпетентного читателя.

Л. А. Ельницкий

НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ЭПИГРАФИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ИЗ ФИНИКИИ И ИЗ ПАЛЕСТИНЫ

I. «*LE PALAIS ROYAL D'UGARIT*», ТОМЫ II, III И IV

II том публикаций текстов из дворца в Угарите, с которого мы начинаем рассмотрение этого издания, содержит документы, написанные угаритской алфавитной клинописью [1]. Все тексты за небольшим исключением относятся к административно-хозяйственным архивам царства. Вообще следует отметить, что подавляющее большинство неюридических документов, касающихся внутренней жизни Угарита, составлено не на аккадском, а на угаритском языке. Хотя среди рассматриваемых текстов и нет больших эпических поэм, подобных тем, которые были найдены ранее в храмовых архивах Угарита [2], мы и из небольших деловых текстов получили немало данных не только для характеристики общества этого древнего царства, но и для лучшего понимания угаритского языка и семитского языкознания вообще. Настоящая публикация содержит важные материалы для истории письма. Несомненно, что имеющиеся в этих областях пособия будут подвергнуты очередному пересмотру.

Как мы узнаем из введения К. Шеффера (стр. I—XLI), руководителя археологических работ в Рас-Шамре, публикация содержит алфавитные тексты, открытые в 1951—1953 гг., включая ранее опубликованные таблетки находок 1948—1950 гг. [3]. Наибольшего внимания заслуживают здесь отрывки из еще не опубликованных текстов, дающие нам сравнительные цены золота (ḫrṣ) и серебра (ksp) в Угарите (стр. XXXVII), причем в пределах одного и того же текста (№ 18, 28) имеются колебания от 1 : 3 до 14 : 80 с промежуточным соотношением в 1 : 4. Колебание было, возможно, обусловлено разной чистотой металла или же некоторыми другими причинами. Вообще наличие большого количества текстов, относящихся к торговле Угарита, настоятельно требует сравнительного изучения цен и товарных рынков с аналогичными явлениями в Двуречье тех же периодов [4]. Далее следует классификация текстов по месту их находки в царском дворце Угарита (стр. XLII—XLIII) [5].

---

[4] Л. С. Берг, Уровень Каспийского моря за историческое время, «Проблемы физической географии», 1934, № 1, стр. 11 сл.

[1] Ch. Virolleaud, Textes en cunéiformes alphabétiques des Archives Est, Ouest et Centrales (Mission de Ras Shamra. VII. Le palais royal d'Ugarit. II. Publié sous la direction de Cl. F.-A. Schaeffer), P., 1957.

[2] См. Ch. Virolleaud, La légende phénicienne de Danel, P., 1936; он же, La déesse Anat, P., 1938; он же, публикации в журнале «Syria» (тт. X—XXIV, 1929—1944 гг.); H. L. Ginsberg, The Legend of King Keret, New Haven, 1946, и ряд других, более мелких публикаций.

[3] Ch. Virolleaud, Les nouvelles tablettes de Ras-Shamra (1948—49), «Syria», XXVIII, 1951, 1—2, стр. 22—56; он же, Six textes de Ras-Shamra (1950), «Syria», XXVIII, 1951, 3/4, стр. 163—179.

[4] См. B. Meissner, Warenpreise in Babylonien, B., 1936.

[5] О дворце и его раскопках см. Н. Д. Флиттнер, Культура и искусство Двуречья, Л., 1958, стр. 184—211.

Переходя к разбору публикуемых текстов, следует с сожалением отметить, что Ш. Виролло до сих пор придерживается устаревшей транскрипции в отношении двух алфавитных знаков — (ṡ вместо ẓ, перешедшем в угаритский из хурритского языка[6], и š вместо ṯ (соответствует арабскому ث)[7].

Таблетки № 1—4 (стр. 3—15) содержат отрывки мифологических и ритуальных текстов. Их плохая сохранность не позволяет сделать каких-либо выводов.

Следующий раздел, озаглавленный издателем «Царские акты» (стр. 17—36), содержит таблетки с юридическими актами, которые совершались в присутствии царя. Наибольший интерес представляют среди них тексты №№ 5 и 6. В № 5 (начало его не сохранилось) говорится, что царь: ₂bʾunṯ km. špš ₃dbrt . kmt. ₄br. Ṣṭqšlm. ₅bʾunṯ . ʿd . ʿlm. Перевод Ш. Виролло: «₂Для народа [8] (?) подобно солнцу, ₃которое сияет [9] подобно (тому как) ₄сияет Цткшлм ₅для народа (?) навеки». Этот перевод не дает ясного смысла, тем более, что здесь мы имеем дело с официальным документом, скрепленным царской печатью [10]. Для сравнения приведем текст № 6: «₁С этого дня [11] ₂ʾИврκл выкупил (на волю) [12] (далее идет перечисление семи лиц) ₁₂и выкупил их ₁₃ʾИврκл. 100 ₁₄(сиклей) серебра в руки ₁₅жителей (селения) Бʾирт. ₁₆[ʾун]ш̄ʾа нет ₁₇у них (на них), пока не возвратят ₁₈серебра ʾИврκлʾа ₁₉и снова (? для ʾунш̄ʾа они [13]. Приведенный текст не допускает перевода слова ʾунш̄ как «народ». Для получения более ясного смысла обратимся к аккадским параллелям из Угарита. Так, в тексте PRU, III, 16. 267 сказано: ₂šár [a]Ú-ga-ri-it ₄u-za-ak-ki [f]Ša-ya-a amat-šu ₅iš-tu amūti ki-i-ma [i]Šamši za-ak-ki ₆ú za-ka-at Ša-ya-a ištu amūti «Царь Угарита освободил (букв. «очистил») Шайю, рабыню свою от рабства, подобно тому, как солнце чисто. И свободна Шайа от рабства». Подставив эту формулу освобождения от рабства [14] в рассматриваемый текст, мы получим следующий перевод: «. . . ₂от [15] кабалы [16]. Подобно солнцу, ₃которое чисто [17], ₄подобно ему чист Цткшлм ₅от кабалы навеки». Таким образом, мы имеем здесь дело со своеобразной манумиссией, причем, если в первом случае царь действительно освобождает Цткшлм'а, оставляя «в руках Цткшлм'а» навеки [18] «этот царский документ» [19], то согласно тексту № 6 освобождение от кабалы из рук людей одного селения является, возможно, временным, пока эти семь выкупленных лиц не отработают 100 сиклей на уплатившего их, после чего снова начинается их кабала (?). Другими словами, здесь, быть может, речь идет об аренде кабальных людей.

Тексты № 8 и 9 говорят о пожаловании земли царем, причем ее держатель w'unṯ'in bh «не имеет ʾунш̄ʾа».

Текст № 12, является, как отмечает издатель, самым крупным из всех до сих пор известных нам угаритских прозаических текстов (если не считать хозяйственных ведомостей) [20].

Основные дипломатические документы составлялись в Угарите на аккадском языке, но иногда встречаются такие документы и в угаритской клинописи, например ранее опубликованный текст, содержащий послания Никмаду II, царя Угарита, хеттскому царю Суппилулиуме [21]. Текст № 18 содержит послание к египетскому царю. В нем упоминаются бог Амон (ʾAmn) и прочие боги Египта (ʾil . Mṣrm).

[6] A. Goetze, Ugaritic mžrǧl, JCS, I, 1947, стр. 1.

[7] C. H. Gordon, Ugaritic Manual, Roma, 1955.

[8] ʾunṯ Виролло сопоставляет с др.-евр. ʾenōš «человек».

[9] dbrt Виролло сопоставляет с акк. barāru.

[10] № 5: ₆mʾišmn . Nqmd ₇mlk . ʾUgrt «Печать Никмаду, царя Угарита». № 182: mʾišmn Yln (надпись на печати).

[11] Ср. с вводной формулой юридических текстов PRU, III: iš-tu ú-mi an-ni-imi; № 6:₁l . ym . hnd.

[12] ₂ʾlwrkl . pdy. ср. с др.-евр. pādā.

[13] ₁₂w pdy h[m] ₁₃ʾlwrkl . mʾit ₁₄ksp . b[yd] ₁₅bʾirtym ₁₆[ʾun]ṯ ʾinn ₁₇l[h]m ʿd tṯtbn ₁₈ksp . ʾlwrkl ₁₉w ṯw . lʾunṯ . hm.

[14] См. тексты PRU, III, 16. 238; 15.114; 16.132 и др.

[15] b- в угар. языке иногда имеет значение «от, из».

[16] ʾunṯ означает, вероятно, долговую кабалу. ибо для обозначения раба и рабыни в угаритском языке имелись слова (ʿbd, ʾamt). ʾunṯ соответствует по смыслу akk. pilku (ʾunṯ ʾinn=ù pilka i-nu). Ср. с др.-евр. ʾonēs «принуждение» (Esth., I, 8), арам. ʾonsā. Ср. PRU, III, 16.156: ú-nu-uš-šu «повинность».

[17] dbrt. От корня brr. Ср. с др.-евр. bārūr «чистый»; dt . brrt Ṣṭqšlm «что чист Цткшлм».

[18] № 5, 14: b . yd . Ṣṭqšlm.

[19] ₁₃spr . mlk . hnd.

[20] W. F. Albright, Specimens of Late Ugaritic Prose, BASOR, 150 (1958), стр. 36—38.

[21] PRU, III, 11. 772 («Syria», XXI, 1940, № 3—4, стр. 247—276): ₁Nqmd. mlk ʾUgrt . . . . . ₁₆Tpllm. mlk . rb . . .

Далее следуют «Частные письма» (стр. 37—44). Здесь помещены письма и их фрагменты, повествующие о торговых и прочих нам не совсем ясных делах. Особое место занимает среди них текст № 19. По своей форме он является обычным письмом и начинается словами: «Послание ʾИштл'а к Мнʾу» [22]. Однако все его полностью сохранившиеся 16 строк (33 слова) не содержат ничего, кроме вежливых обращений и пожеланий всяческих благ адресату. Кроме того, на краях и на обороте таблетки сделаны приписки, написанные в перпендикулярном направлении к основному тексту таблетки. Строки 1—2 состояли каждая из 11 знаков угаритского алфавита, следующих в алфавитном порядке: ʾa, b, g, ḫ, d, h, w, z, ḥ, ṭ, y [23]. Далее следуют слова, сгруппированные в три столбца, отделенные вертикальной чертой:

$_1$ʿbd («раб. слуга») prṭ (?) tḫm («послание»)
$_2$qrq (?) pṭ (?) Žmn (?) (может быть, имя собственное)
$_3$lʾlṭtl (к ʾИштл'у)

Следовательно, здесь ʾИштл указывается не в качестве автора письма, как в основном тексте, а в качестве получателя. Последние три строки оборотной стороны содержат ряд знаков, сочетание которых не дает смысла: $_1$qnṣṣ . bṣ . ṣṣpn [ ] $_2$ddn . dḫlm [ ] $_3$dd w'aṭ [ ]. Исходя из вышесказанного, можно предположить, что данный текст был составлен учащимся писцовой школы в качестве упражнения и служил, быть может, образцом эпистолярного стиля, причем знаки на обороте являются «пробой пера».

Тексты, касающиеся «царских людей и различных ремесленников», помещены Виролло в следующем разделе публикации (стр. 45—100). Они касаются разных служилых лиц царя, частично уже известных из предыдущих публикаций, однако данное издание дает возможность выяснить много нового в сложной социальной жизни Угарита [24]. Речь идет о людях, состоящих на службе в царском хозяйстве.

Впервые в текстах, перечисляющих лиц, получающих выдачи из царского хозяйства, упоминаются «пекари» (ʾarym) [25], gzzm «стригальщики (овец)» [26] и gpny, который был, возможно, работником (царского) виноградника [27]. Термин tmrym хотелось бы перевести как «работники финиковых пальм» [28]. Наряду с встречавшимися уже ранее обозначениями пастухов — nqdm [29], мы теперь встречаем также термин rʿym [30], причем некоторые из них имели подпасков (sġr) [31].

По-прежнему неясным остается термин bnš(m) [32]. Как мы уже знаем из предыдущих публикаций[33], они играли важную роль в царской администрации. И в данных текстах различаются bnš mlk («царский»), и bnš gt (давильного пресса), и просто bnš. К сожалению, нам неясно, какое слово на аккадском языке соответствует этому термину. Ш. Виролло и К. Шеффер [34] на основании текста № 25, где сказано: $_1$spr. bnš. mlk $_2$d.bd Prṭ «Список *бнш*'ов царя, которые в распоряжении (букв. „в руках") Прш'а», считают, что это слово возникло из bn.nš «сын человека».

В текстах неоднократно встречаются уже известные термины: «мастера» (ḫršm), «строители домов» (ḫrš bḫtm), «корабельные мастера» (ḫrš ʾanyt), «мастера колесниц» (ḫrš mrkbt). Последние занимались также и ремонтом (букв. «оживлением») колесниц [35] (ḫwy mrkbt). Термин ḫrš ʿrq издатель оставляет без объяснения [36]. Возможно,

---

[22] № 19: $_1$tḫm ʾIṭtl $_2$lMnn.

[23] О порядке знаков в угаритском алфавите см. тексты № 184; 185; 189; 190, а также М. Л. Гельцер, ВДИ, 1954, № 4, стр. 72—74.

[24] См. М. Гельцер, ВДИ, 1952, № 4, стр. 28—37; он же, ВДИ, 1954, № 4, стр. 32—34; A. Alt, Hohe Beamte in Ugarit, Stud. Orient. J. Pederseni Septuagenar. dedic., Houniae, 1953, стр. 1—11. Термины, обозначающие служилых людей царя, мы приводим из всей публикации.

[25] №№ 40, 10, 133, 5; ср. с др.-евр. ʾōfe, а также PRU, III, 16. 257 + 258 + 126, Tr 1—4, где трем nuḫatimmu («повар» или «пекарь») выдается по одному кувшину масла.

[26] № 84, 30; 99,4 и 26; др.-евр. gāzaz «стричь (овец)».

[27] № 40, 17; ср. с др.-евр. gefen «виноградная лоза».

[28] Др.-евр. tāmār «финиковая пальма».

[29] № 26, 5, см. ВДИ, 1952, № 4.

[30] № 40, 4; 98, 44, 47; 101,5; 140,1; др.-евр. rōʿe; № 140,1: ṯn rʿy ʾuzm «два пастуха гусей».

[31] № 98, 34—43; 140, 2—13; др.-евр. ṣāʿīr; араб. saġir(un) «молодой, малый».

[32] № 24, 1; 26; 28,12—14; 29,15; 40,2—18; 45,1; 50,1; 55; 98,1—32; 106.

[33] Гельцер, ВДИ, 1954, № 4, стр. 72—74.

[34] «Введение», стр. XXIII и 152.

[35] № 121. «Начальник мастеров» (rb ḫrš) получает в свое распоряжение колесницы «с колесами их» (yd ʾapnthn) и «с их стрелами» (yd ḫẓhn).

[36] № 98,2: l ḫrš ʿrq ṯn ʿšrh «для мастеров . . . . 12».

что речь идет здесь о кожевниках или шорниках [37]. Неясным остается термин ḫrš qṯn [38], встречавшийся и в ранее изданных текстах. «Мастера луков» (ḫrš qšt — № 37,1) в другом месте именуются psl qšt «ваятелями луков» [39]. Нельзя согласиться также с издателем в отношении перевода термина ḫrṯm «работники, производители» («ouvriers, laboreurs, fabricants») [40]. Слова ḫrš и ḫrṯ фонетически отличны друг от друга. Кроме того, если они были бы тождественны, они не различались бы в одном и том же тексте, в котором говорится об определенной выдаче из царского склада обеим этим категориям людей [41]. Это слово следует переводить «пахари» [42], что подтверждает, таким образом, наличие царского зернового хозяйства в Угарите.

Известные и ранее mdm [43] получают различные выдачи из царской казны [44]. Хотя мы в точности и не знаем всех их функций, однако из аккадских текстов Угарита явствует, что они занимали сравнительно важное положение при дворе и несли службу в пользу царя или царицы, причем они освобождались от всех прочих видов повинностей, а также не подлежали юрисдикции местной администрации, подчиняясь только царю или царице. *Муду* владели также и землей и платили ежегодно в казну от 5—20 сиклей серебра в качестве подати [45]. Примерно в таком же положении находились и колесничные воины *марьянни* (mrynm), упоминаемые и в текстах рассматриваемого издания [46].

Наряду с уже ранее известным термином nskm «литейщики» и nsk ksp «литейщики серебра, ювелиры» впервые встречается термин nsk ṯlṯ «литейщики.....(?)» [47]. Виролло, исходя из контекста, переводит этот термин «литейщики меди» (может быть, и бронзы) [48]. Этот перевод подтверждается еще текстами №№ 134 и 137. Рассмотрим подробнее № 134. В нем отмечается, что это список *ʾиргмн* (может быть, дань, подлежащая уплате хеттскому царю) [49]. Далее перечислено: «Меди 5000 (сиклей) в руки Бзḳ'а (из селения) М'ахд; 1 талант меди в руки Бн Бйя (из селения) 'Ари. 2000 (сиклей) меди в руки Ш'им'а (из селения) 'Илштм'» [50]. В таком случае нам следует дать иное толкование тексту РШ, 9011, 1—4 [51]:ṯlṯ. dyṣa bd. Šmmn. l'argmn lnskm — и переводить его не — «Трое, которым дал в руки Шммн» [52], а «медь, которая дана [53] в руки Шммн'у для дани — для (передачи) литейщикам...». Вообще, металлургия меди была в Угарите сильно развита.

Очень развито было также и текстильное ремесло. Многие тексты (см. ниже) говорят о распределении одежды с царских складов, а также о ее продаже.

Царь имел в своем распоряжении ткачей. Так, текст № 118 говорит о распределении шерсти ткачам [54]. От них поступали на царский склад пряжа, ткани или

---

[37] Ср. арам.-талмудическое ʿārqa, араб. ʿarāq(un) «кожаный ремень» (J. Levy, Neuhebräisches und chaldäisches Wörterbuch, III, Lpz, 1883, стр. 705—706).

[38] № 99,7.

[39] № 24, 18—19. То же о мастерах, изготовлявших стрелы (psl ḫzm).

[40] Стр. XXIII, 47 и др. См. № 24 Rev., 1; 11,2; 101,9; 129, 8—9; 15; 17.

[41] 24 Rev., 1,11: ḫrṯm; там же, 5,14: ḫršm.

[42] Др.-евр. ḥāraš, араб. ḥarata «пахать». См. также Ginsberg, I Krt, III, 122: ʾalp ḫrṯ «пашущий вол» и II Krt, III, 12: ḫrṯm.

[43] Гельцер, ВДИ, 1952 , № 4.

[44] № 54, 1 ; 11;12; 117, 11; 19.

[45] PRU, III, 16.239; 16.143; 16.157; 16.250; 16.353; 16.148 + 254B; 15.137; 16.348; 16.386: ^{amēl}mu-du царя (šarri), царицы (šarrāti).

[46] № 26; 28—31; 36, 46; 81; 89—91.

[47] № 26 Rev., 1; 39, 28; 102, 7—10; 137, 1—2.

[48] № 130,1: ṯmn kkr ṯlṯ «8 талантов меди». Это же подтверждается PRU, III, 15.172,10:$^{amēl M}$nappaḫ erī — 10 «Кузнецы меди (бронзы) — 10»; PRU, III, 16.257 + + 258 + 126; Tr, II: $^{amēl M}$ ZAG.LU sipparri (далее идет перечисление восьми лиц, которым выдается масло из царского склада).

[49] № 134, 1: spr ʾirgmn (см. ВДИ, 1952, № 4). К толкованию этого слова см. J. Aistleitner, AOH, XI, 1960, стр. 31—33.

[50] № 134: ₂ṯlṯ ḫmš ʾalpm ₃bd Bzq. m'ahdy ₄kkr. ṯlṯ ₅bd. Bn. By .'ar[y] ₆'alpm ṯlṯ ₇bd Š'im ʾil[š]tmʿy.

[51] «Syria», XIX, 1938, № 2.

[52] Гельцер, ВДИ, 1952, № 4.

[53] Ср. с др.-евр. мишнаитским šalšelet, араб. silsilat(un) «цепь». Возможно, что это понятие восходит к медной цепи, однако фонетического соответствия угар. ṯlṯ здесь нет.

[54] № 118,1: lqḥ šʿrt «взятие шерсти» — здесь перечислено девять лиц, получающих по несколько талантов шерсти. Нельзя согласиться с Виролло, считающим, что речь идет о продаже шерсти (ср. с текстом на акк. языке — Fr. Thureau-Dangin, «Syria», XV, 1934, № 2, где 32 ткача получают большое количество пурпур-

уже готовая одежда. Возможно, что одна из категорий ремесленников, обрабатывавших шерсть, называлась trmnm [55].

Из настоящей публикации мы получаем новые сведения о наличии своих «начальников» (rb) [56] у разных категорий царских людей. Упоминаются rb kzym «начальник конюхов» [57] и rb ḥršm «начальник мастеров» [58]. Ряд терминов не поддается пока толкованию [59].

Во многих текстах наряду с упоминанием лиц определенных профессий упоминаются также и селения царства Угарит, однако почти никаких новых данных, позволяющих судить о внутренней организации угаритского селения, мы из рассматриваемых текстов не получаем. В этой области больше дает издание документов на аккадском языке (PRU, III).

Интересен текст № 80. В нем перечисляется состав семьи и количество скота у жителей разных селений. Возможно, что такая перепись делалась в целях обложения [60].

«Хозяйственные тексты» (стр. 101—178) весьма разнородны по своему содержанию. Здесь помещены тексты о разных выдачах и дарах, уже частично цитированные, документы торговых сделок и др. Хотя издатель и сделал много для уяснения их смысла и назначения, они все же нуждаются еще в дополнительном исследовании и сопоставлении с изданными на аккадском языке текстами.

Сходным с ранее опубликованным документом о раздаче царем повинностных земель [61] является текст № 102. В нем говорится о распределении и перераспределении царских земель, причем среди получателей встречается «пачальник конюхов» (rb kzym), «литейщики меди (бронзы)» (nsk ʿlt) и т. п. При этом у ряда лиц земли отбираются и передаются другим [62]. Тексты об аналогичном перераспределении земель между людьми, зависимыми материально от царя, дошли в большом количестве и на аккадском языке [63]. Однако на аккадском языке относительно каждого отдельного случая перераспределения земли составлен отдельный документ с указанием всех обязанностей получателя (или же об освобождении от повинностей), в то время как документы того же содержания на угаритском языке являются сводными ведомостями, касающимися целого ряда лиц, и отличаются отсутствием подробностей. Надо полагать, что они служили в качестве справочных документов для определения податей и повинностей.

Наряду с текстами, говорящими о распределении и перераспределении царских полей и земель вообще [64], встречается также текст, говорящий специально о распределении виноградников (krmm) [65]. Среди имеющих виноградники мы встречаем и людей *марьянну* [66].

Развито было в Угарите также и производство оливкового масла. Тексты на аккадском языке (PRU, III) также часто сообщают нам о наличии оливковых деревьев (^{iš}serdi ^{M}). Многие таблетки касаются масла и его выдачи служилым людям Угарита[67]. Среди них имеется запись о наличии маслин на царской давильне [68]. Так как мы знаем, что к давильням были приставлены царские служилые лица — *бнш'и* [69], можно

ной шерсти для обработки). šʿrt «шерсть» соотв. др.-евр. śᵉʿărā «волос». Это слово надо различать от одинакового по написанию слова «ячмень» (др.-евр. śᵉʿorā), встречающегося в текстах о выдаче зерна. Ш. Виролло этого различия не делает.

[55] № 106, 19: ltrmnm š[bʿ] mat šʿrt «для *шрмн'ов* 700 (сиклей) шерсти»; там же, 28—29: ... trmn mlk («царский»). См. также «Syria», X, 1929, № 4, 1, 12: trmnm bt mlk «*шрмн'ы* царского дома» и № 105, 5; 98, 20—21.

[56] Букв «великий», акк. rabū.

[57] № 102,4.

[58] № 121, 8—10; PRU, IV, 17.133, 15: rab ^{amēl}Mmalaḫḫi «начальник матросов».

[59] blblm, btwm, ḫsnm, ḥbṯnm, ḫzrm, ḫžǧlm, kkrdnm, ktrm, lmdm, ʿrbnm, trrm, tǧptm, trtnm.

[60] Например, № 80,5: Tmgdl . ykn^{ʿ}my.w^{ʾ}itth$_{6}$w bnh.w. ʾalp. ʾaḫd «Шмгдл (из селения) Якнʿм и жена его, и сын его, и 1 вол». Ср. с РШ, 11.857 («Syria», XXI, 1940, № 3—4).

[61] См. РШ, 11.858 (RAss, XXXVII, 1940, № 1—2) и Гельцер, ВДИ, 1952, № 4.

[62] № 102, 17:šd Šmmn l.bn Šty «Поле Шммн'а для Бн. Штий» (см. также строки 19—20 и РШ, 11.858).

[63] PRU, III, 16.150; 16.166; 16.248; 16.263; 16.257; 16.174; 16.247; 16.142; 16.143; 15.132; 16.178; 16.242 и др. В большинстве из них указаны должности получающего землю и лишающегося ее.

[64] См. Гельцер, ВДИ, 1952, № 4 и № 79 данного издания.

[65] № 81.

[66] № 81, 16: ʾAgt mryn ʾAry «ʾAiṯ, *марьянну* (селения) Ари».

[67] № 83; 94; 95; 96—97; 126; PRU, III, 16.257+258+126 и др.

[68] № 96:$_{1}$b gt mlkt b Rḥbn $_{2}$ḫmšm l mʾitm zt «На давильне царицы в Рахбани 250 (мер или кувшинов) оливок».

[69] ВДИ, 1954, № 4, стр. 72—74.

сделать вывод, что все население Угарита выжимало масло (и вино) на царских давильнях, отдавая за это часть продукции. Это могло быть одним из источников доходов государства.

Еще один текст о выдачах из царских складов [70] расширяет наши познания о том, какие зерновые культуры возделывались в Угарите. Лица, работающие при разных давильнях (gt), получали ячмень[71], пшеницу [72], а также ks mm и ʿšdm (оставлено издателем без перевода). Последние обозначают, вероятно, полбу и чечевицу [73]. Упоминаются также вино (yn) и уксус (ḫmṣ).

Вышеозначенные выдачи, а может быть, и натуральные подати пересчитывались на цены серебра. Это явствует из текста № 88, где перечислены 22 кувшина (kdm) вина, выданные двум храмам: «Дому ʿАштарт» (Bt ʿttrt) и «Дому Решефа» (Bt Ršp) и еще шести отдельным лицам, перечисленным поименно [74], а в итоге отмечено 166 сиклей серебра [75]. Становится также ясной регулярность выдач. Они были месячными [76].

Мы узнаем из текстов ряд названий месяцев угаритского календаря: Pgrm [77], Mgmr [78], ʾIttbnm [79], однако нет данных для сопоставления их с месяцами вавилонской календарной системы. Слово yrḫ «месяц» указывает только несомненно на то, что и угаритский календарь был лунным.

Ряд ведомостей царских складов составлялся не по характеру выдач, а по очередности. В этом отношении интерес представляет текст № 100. Здесь речь идет о зерне, измеряемом корзинами определенной величины (dd) [80]. В списке вперемешку упоминаются служилые лица (tġr «привратник», mḫṣm «телохранители» и др.) и откармливаемый скот [81].

Лица, состоявшие на царской службе, получали также и различные одежды (lbš, mlbš, npṣm и ряд других терминов, обозначающих разные виды одежд, но пока не поддающиеся переводу) [82]. Наряду с выдачей одежды из царских складов практиковалась и ее продажа [83].

Среди так называемых «экономических текстов» некоторые таблетки являются ведомостями царского арсенала. Речь в них идет о выделке и ремонте оружия и боевых колесниц и их распределении между военными служилыми лицами. Уже упоминалось о тексте, согласно которому восемь колесниц с их принадлежностями даются в распоряжение «начальника мастеров» для их ремонта [84]. Угаритские мастера умели также покрывать колесницы тонким золотым листом [85].

Из таблетки № 138 мы узнаем цены на скот. Целиком читается лишь начало текста: «$_1$2 бычка за 20 (сиклей), $_2$4 бычка за 20 (сиклей), $_3$4 за 40 (сиклей)» [86].

В следующем разделе, озаглавленном «Разные тексты» (стр. 181—190), помещены некоторые мелкие тексты, частично уже рассмотренные выше и «этикетки» (стр. 191—194), на которых начертано всего лишь несколько слов, касающихся более обширных документов, а также таблетки со списками угаритских селений, несущих повинность в пользу царя. Наиболее значительные были изданы ранее (стр. 195—198).

---

[70] № 99,1: spr ḫpr. bt k[ ] «список ...? ... дома [ ]».

[71] šʿrm, др.-евр. śeʿōrīm.

[72] Строка 25, 32—ḥṭm, др.-евр. ḥiṭṭīm «пшеница».

[73] Ср. др.-евр. kussemet «полба» и ʿādšā «чечевица». Метатеза здесь вполне допустимое явление.

[74] № 88, 2—9.

[75] Там же, 10.

[76] № 88, 11: [... y]rḫ Ḫyr «месяц Хийяр»; № 92 (текст о выдаче вина): Byrḫ [ ] «в месяце [ ]».

[77] № 156, 2; 158; 155, 2 и др.: yrḫ Pgrm.

[78] № 159, 1: yrḫ Mgmr.

[79] № 99,30: yrḫ ʾIttbnm.

[80] Ср. с др.-евр dūd «корзина».

[81] № 100: ʿšrm ddm kbd[m] l'alpm mr'im $_2$tt ddm lṣ'in mr'at «$_1$20 корзин тяжелых для быков жирных, $_2$6 корзин для мелкого скота жирного». Ср. с др.-евр. meʿrī' «жирный».

[82] № 106; 107; Ср. РШ, 11.799 («Syria», XXI, 1940, № 2).

[83] № 108: $_1$lbš aḥd $_2$b ʿšrt $_3$w tn b. ḫmšt «1 одежда за 10 (сиклей) и 2 за 5 (сиклей)». См. тексты № 109; 110; 115. Относительно поступления одежд и ткачества см. выше. Помимо шерсти, одежда изготовлялась также из льна (ptt); см. №№ 111, 7; 112, 4; 113, 8 и др.; ср. др.-евр. pištā «лён».

[84] № 121 (см. выше).

[85] № 122: $_1$tlt mrkb[t] $_2$ṣpyt. b. ḫrṣ. «3 колесницы, покрытые золотом». Речь идет о «колесницах царя» (mrkbt mlk) (там же, 13—14 и см. тексты №№ 123; 124; 125; 141; 179).

[86] № 138: $_1$[t]n prm .b ʿšrm $_2$'arbʿ. prm. b ʿš[r]m $_3$'arbʿ b ʿarbʿm.pr[m]; ср. с др.-евр. par «бычок».

Важное значение для науки имеют помещенные здесь таблетки писцовой школы (стр. 199—202), содержащие знаки угаритского письма в алфавитном порядке. Одна из них была издана уже ранее и в свое время вызвала широкий отклик среди ученых, занимающихся историей письменности [87]. Однако новинкой здесь является текст № 189, где написаны все знаки угаритского письма с параллельным им фонетически наиболее близким аккадским слоговым знаком (середина таблетки не сохранилась и из 30 знаков мы имеем только 10 первых и 9 последних с их аккадскими параллелями). Можно с уверенностью сказать, что на происхождение угаритской письменности настоящий текст никакого света не проливает, ибо нет такого сходства между угаритскими и соответствующими им аккадскими знаками, по которым можно было бы определить происхождение угаритских знаков от соответственных аккадских. Следовательно, сам факт, что сравнение шло здесь по чисто фонетическому соответствию, говорит о том, что угаритское письмо уже проделало к тому времени путь самостоятельного развития. С другой стороны, для изучения орфографии и фонетики аккадского языка XV—XIII веков настоящий текст может быть полезен.

В конце издания помещены всевозможные указатели, помогающие ориентироваться в сложном лабиринте текстов. Несмотря на наличие хороших автографий, Ш. Виролло дал выборочно и фотографии наиболее значительных текстов на двадцати шести таблицах.

III том[88], как и предыдущий, начинается вступительной статьей К. Шеффера (стр. I—XXX), содержащей общую характеристику текстов, включенных в данное издание. Автор указывает места находок и общий характер архивов и рассматривает также роль и значение Угарита в торговле (особенно морской) стран Передней Азии во II тысячелетии до н. э.

Публикация Ж. Нугэроля начинается 19 письмами на аккадском языке (стр. 1—21). Они написаны членами царской семьи или должностными лицами Угарита и смежных с ним царств и касаются разных политических и хозяйственных вопросов. Часть этих документов, в том числе и письмо царя Сидона [89], были ранее опубликованы в других изданиях.

Далее следуют юридические тексты царского архива Угарита (стр. 22—176). В них рассматриваются вопросы царского, частного и повинностного землевладения, права наследования, имущественных тяжб и отношений отдельных жителей Угарита. Эти тексты уже рассмотрены подробно в одной из работ автора настоящей рецензии (ВДИ, 1960, № 2). Ж. Нугэроль предпослал этим документам введение общего характера с классификацией текстов. Кроме того, в III томе опубликованы 40 текстов и ряд фрагментов документов хозяйственного содержания (стр. 177—210). Особого внимания заслуживает здесь таблетка 16.146 + 161, перечисляющая «имущество царицы Ахатмильку» (... ú-nu-te^{MI}Aḫatmilku šarrāti). Далее на протяжении 43 строк следует перечисление, причем упоминается большое количество золота, серебра, серебряных и бронзовых изделий, ценные камни и прочие предметы. К таблетке приложена печать Дутешуба, царя Амурру. Как полагает Ж. Нугэроль, здесь речь идет о приданом царицы, отданной замуж в Угарит.

Здесь же опубликован ряд хозяйственных текстов, говорящих о несении повинностей разными угаритскими селениями (ālu). Большинство из этих таблеток дошло в весьма фрагментированном виде. Частично они уже ранее публиковались в журналах «Syria» и «Revue d'Assyriologie» за 1939, 1940, 1951 годы.

Одним из впервые публикуемых и наиболее интересных текстов является 16.257+ 16.258 + 16.126, уже упоминавшийся выше. Хотя он дошел и не полностью, он все же дает очень ценные данные. Речь идет о выдаче царским служилым лицам разных количеств «кувшинов масла» (karpat šamnu). Получающие перечисляются поименно. Среди них по крайней мере 11 bidalūma (A, 12—24)[90] людей tamkāru (купцов или торговых агентов царя), 28 людей *аширу* (B, III, 1—29) и 6 *мушкену* людей *аширу* (B, III, 30—36: ^{amēlM}muš-ke-nu-tum ^{amēlM}a-ši-ru), 18 жрецов *шангу* (B, III, 37—55), 9 людей UN.TU (B, IV, 7—16) и 3 человека *мушкену* людей UN. TU (^{amēlM}muš-ke-nu-tum ^{amēlM}UN. TU— B, IV, 17—20), 11 «конюшенных наследника (царского)» ^{amēlM}mur-ú uš-r[i-ya-]ni— B, IV, 21—32), 3 повара (^{amēlM}nuḫatimmu — Tr I, 1—3) и 8 литейщиков меди (^{amēlM} ZAG. LU siparri — Tr. II, 1—9). Перечисление bidalūma и *мушкену* после людей соответственной категории указывает на их подчинение людям данной категории. Это дало возможность покойному А. Альту сделать вывод о тождественности термина bdl(m)

---

[87] См. Гельцер, ВДИ, 1954, № 4, стр. 74.

[88] J. Nougayrol, Textes accadiennes et hourrites des archives Ouest, Est et Centrales (Mission de Ras Shamra, t. VI. Le palais royal d'Ugarit III). Publié sous la direction de Cl. F.-A. Schaeffer, P. I. et II, P., 1955.

[89] См. J. Nougayrol, Semitica III, 1950, стр. 19—20.

[90] Ср. угар. bdl(m) «подручные, подчиненные» (bdl mrynm, bdl mžrġlm и др.).

=bidalūma=muškēnu и указать, что они являлись людьми низшего разряда общества Угарита [91].

В конце публикации аккадоязычных таблеток представлены восемь фрагментов учебных текстов из писцовой школы Угарита (стр. 211—214). За отделом указателей (стр. 215—281) следует юридический этюд Ш. Буайе (Ch. Boyer, стр. 282—308), в котором рассматриваются отдельные вопросы, связанные с публично-правовыми функциями царской власти, повинностным землевладением и семейным правом Угарита. Буайе излагает материал, сравнивая юридические институты и нормы Угарита с аналогичными явлениями разных государств древней Месопотамии.

Второй раздел издания посвящен аккадо-хурритской билингве, обработанной Нугэролем и Ларошем (E. Laroche, стр. 310—324). Текст, состоящий из 18 хорошо сохранившихся строк, дает возможность многое добавить к пониманию хурритского языка. В заключение (стр. 325—335) Ларошем опубликовано несколько написанных аккадской клинописью хурритских текстов. К этому разделу также добавлены указатели.

II часть издания содержит автографии всех опубликованных текстов.

В IV томе [92], как показывает само его название, содержатся в основном дипломатические документы. По значению для истории Передней Азии второй половины II тысячелетия до н. э. дипломатический архив Угарита можно сравнивать только с архивами Телль-эль-Амарны и Богазкёя. Данные, почерпнутые отсюда помогают нам понять целый ряд международно-правовых институтов того времени и проливают свет на систему господства хеттской державы над подчиненными ей мелкими царствами. Опубликованные документы найдены в 1953—1955 гг., т. е. относятся в основном к 17, 18 и 19 сезонам раскопок Рас-Шамры. Как и прочие издания этой серии, книга начинается краткой вводной статьей К. Шеффера, ставящей основные проблемы, связанные с данной публикацией (стр. I—II).

В введении издатель текстов Ж. Нугэроль (стр. 1—23) устанавливает синхронность правления царей Угарита и Хеттского царства, а также, по мере возможности, Амурру, Кархемиша, Алалаха и прочих переднеазиатских государств от воцарения хеттского царя Суппилулиумы (первая четверть XIV в. до н. э.) до времени фараона Мернептаха (вторая половина XIII в. до н. э.). Устанавливается нижеследующая последовательность царей Угарита: 1) Аммистамру I; 2) его сын Никмаду II—современник Суппилулиумы; 3) Архалбу, сын Никмаду II; 4) его брат Никмепа, современник хеттских царей Мурсили II и Хаттусили III; 5) Аммистамру II —сын Никмепа; 6) его сын Ибирану; 7) Никмаду III, сын Ибирану. Последним известным нам царем Угарита был Аммурапи, неясного для нас происхождения, являвшийся современником фараона Мернептаха [93]. Судя по количеству сохранившихся документов, в которых упоминается соответствующий царь Угарита, дольше всех царствовал Аммистамру II, от времени правления которого их дошло наибольшее число [94]. Ж. Нугэроль особо отмечает ту роль, которую играл в государственной жизни Угарита царь Кархемиша, подчиненный «великому царю» хеттов, но стоящий выше царя Угарита в системе хеттского управления подчиненными государствами [95].

Далее следует публикация вместе с переводами и комментарием 250 аккадоязычных таблеток и фрагментов, расположенных в хронологическом порядке. Сначала идут 13 текстов времени правления Никмаду II (стр. 29—55). Интересна таблетка 17.132, написанная от имени Суппилулиумы, в которой Угариту предлагается военный союз в случае нападения на него войск стран Нухашше и Мукиш (Алалах) [96]. Союз этот был заключен, но на весьма тяжелых для Угарита условиях подчинения хеттам, так как ряд документов содержит списки дани, которую Никмаду II выплачивал Суппилулиуме (17.227 и др.) [97]. В ряде документов (17.340, 17.369A и др.) хеттским царем определяются границы царства Угарита [98]. От времени правления царя Архалбу, так же как и от Аммистамру I, документов из Южного архива не дошло (стр. 27—28; 57—58). Документы времени царя Никмепа представлены 29 таблетками. Среди них име-

[91] A. Alt, WO, II, 1957, стр. 338—343.

[92] J. Nougayrol, Textes internationales des archives Sud (Archives internationales) (Mission de Ras Shamra, t. IX. Le palais royal d'Ugarit IV). Publié sous la direction de Cl. F.-A. Schaeffer, I et II, P., 1956.

[93] Cl. F.-A. Schaeffer, Ugaritica III, P., 1956, стр. 169—178.

[94] См. также PRU, II и III.

[95] Относительно хеттской системы управления см. A. Alt, Hettitische und ägyptische Herrschaftsordnung in unterworfenen Gebieten, FuF, 29, 1949, № 21—22.

[96] См. также 17.334, где аналогичные предложения делаются царю Угарита со стороны царя Кархемиша.

[97] Ряд списков этой дани публиковался уже раньше — см. J. Friedrich, Hethitisch—Ugaritisches, ZDMG, 96, 1942, № 3.

[98] Подобные же документы, обращенные к Никмепа, царю Угарита, имеются от времени правления хеттского царя Мурсили II (17.62; 17 339; 17.366).

ется ряд договоров царя Угарита с хеттским и кархемишским царями. Договоры, согласно обычаю, заканчиваются клятвой. Среди божеств упоминаются «богиня Иштар Алалаха» и «Адад горы Хази» (^{il}Adad ḫuršan Ḫa-ẓi), т. е. горы Цафон угаритских мифов (античная Mons Casius, совр. Джебель-аль Акра), находившейся севернее Угарита [99]. Несомненно, что эти божества чтились на более обширной, чем территория царств Алалаха и Угарита, территории, и это является лишним свидетельством важной роли этих городов в жизни Передней Азии II тысячелетия до н. э. Хеттский царь, а иногда и царь Кархемиша выступали в качестве арбитров в спорах мелких царьков Сирии и Финикии. Так, Мурсили II посредничает в споре царей Угарита и Сианну (17.335 + 379+ 381 + 235) Как явствует из ряда текстов [100], Угарит имел с Сианну общую границу. Абдианати, царь Сианну, ранее подчиненный Никмепа, царю Угарита (17.382 + 380), «повернул лицо свое к царю Кархемиша» ($_{8}$pa-ni-šu a-na šàr$^{mat\ al}$Kar-ga-miš iš-ku-un). То же случилось с царем соседней Ушнаты (там же, стк. 16). Мурсили II признает в своем арбитраже случившееся и сокращает соответственно дань Угарита хеттам на одну треть [101]. Отсюда явствует, что до того царь Угарита собирал часть доходов от Сианну и Ушнаты в свою пользу и выплачивал с них соответствующую дань хеттскому царю. Среди возможных военных противников Угарита и хеттов в ряде повторяющихся текстов договоров упоминаются касситская Вавилония ($mât\ ā^{l}$Ka-ar-^{il}Du-ni-ia-aš), Митанни ($mât\ ā^{l}$ Ḫa-ni-gal-bat), Египет ($^{mât\ ā^{l}}$ Mi-iṣ-ri) и другие (в основном сирийские) государства [102]. Другие документы времени правления Никмепа в Угарите скреплены печатями хеттского царя Хаттусили III (серед. XIII в.) и царицы Пудухепы (17. 130; 17.137; 17.229 и др.). Они касаются большей частью торговых сношений стран, подчиненных хеттам.

Одним из интереснейших документов является текст 17.238, написанный в форме декларации Хаттусили III. Из него явствует, что население Угарита делилось на три разряда лиц: 1) «слуг царя Угарита» (arad šàr ^{mat}Ú-ga-ri-it); 2) «слуг царских слуг царя Угарита» (arad ardi šàr ^{mat}Ú-ga-ri-it); 3) «сынов Угарита» ($mārē^{M\ mat}$Ú-ga-ri-it). Хеттский царь обязывался выдавать царю Угарита беглецов всех трех разрядов, бегущих из Угарита к людям *хапиру* хеттского царя.

39 документов дошло от времени правления Аммистамру II (стр. 113 — 184). С этого времени в дела Угарита вмешивается главным образом царь Кархемиша Инитешуб, происходящий от Суппилулиумы (стр. 115), которому хеттский царь, по-видимому, передал верховенство над Угаритом.

Основная часть текстов представляет собой переписку по поводу содеянного царицей из Амурру «греха» (ḫi-ṭa-ta), заключавшегося, по-видимому, в нарушении супружеской верности [103]. Дело это получило весьма широкую огласку, о нем пишут цари Амурру, Кархемиша и даже хеттский царь. Попутно мы узнаем, что для воцарения наследника Аммистамру II требовалась санкция хеттского царя: $_{40}$ù ^{il}Šamši mār ^{I}Am-mis-tam-ri $_{41}$ša-na-am-ma i-na ^{mat}Ú-ga-ri-it $_{42}$a-na šarru-ut-ti i-šak-kan (17.159) «и солнце (т. е. хеттский царь) другого сына Аммистамру в Угарите поставит».

Настоящее издание проливает также свет и на историю хеттско-ассирийских войн второй половины XIII в. до н. э. Угарит был обязан помогать врагам Ассирии — хеттам и Кархемишу (17.59), но царь Угарита еще до окончания войны был освобожден от необходимости посылать вспомогательные войска при условии выплаты хеттскому царю «10 караванов с 50 минами золота» (50 ma-na ḫuraṣa iš-tu 10 ḫa-ar-ra-ni).

Царь Кархемиша Инитешуб выступает в качестве арбитра, регулирующего права и обязанности купцов подчиненных ему стран при их торговле друг с другом (17.230; 17.146; 18.115; 18.19 и др.). В случае нападения и ограбления купцов Кархемиша, Уры [104] или других городов, торгующих в Угарите, равно как и угаритских купцов,

[99] Относительно тождественности Хази=Цафон см. H o n e y m a n, The Tributaries of Ugarit, JKF, II, 1951, № 1, стр. 76.

[100] 17.45; 17.348; 17.369 и др. Относительно локализации Сианну см. М. Г е л ь ц е р, ВДИ, 1958, 4, стр. 134.

[101] См. также «Недатированные тексты» (стр. 211—243) 17.83 и 17.143, в которых Аритешуб, царь Ушнаты, обращается «к царю Угарита, отцу своему», что свидетельствует о подчинении Ушнаты Угариту. Следовательно, можно утверждать, что эти письма были написаны не позже конца правления Мурсили II.

[102] 17.338; 17. 349B; 17.407; 17.357; 17.342; 17.351A; 17.79+374; 17.04; 17.450; 17.448 и др.

[103] См. 17.352; 17.159; 17.396; 17.116; 16.270; 18.06 +17.365; 17.459; 17.322A и др. Относительно сущности «греха» см. W. L. M o r a n, The Scandal of the Great «Sin» at Ugarit, JNES, XVIII, 1959, № 4, стр. 280 — 281.

[104] Относительно этого города см. C. H. G o r d o n, Abraham and the Merchants of Ura, JNES, XVII, 1958, № 1, стр. 28 — 31.

торгующих на территории соответствующего царства, виновники облагались штрафом в тройном размере по отношению к нанесенному убытку. В случае же ненахождения виновника облагалось все селение или город (ālu). То, что подобные договоры о торговле не были пустым звуком, а исполнялись, подтверждается текстом 17.158, содержащим решение царя Инитешуба о возмещении убытков ограбленному купцу. Отметим, что подобная практика включалась в хеттскую систему управления. Это подтверждается также данными хеттского царского архива Богазкёя (KBO, I, 10), согласно которому Хаттусили III обязывался перед царем Вавилонии Кадашманэнлилем в случае убийства или ограбления купцов последнего на территории Угарита или Амурру изловить преступников и возместить убытки, наказав виновных [105].

Отдельные случаи тяжб царя Угарита с разными лицами из соседних государств требовали вмешательства царя Кархемиша (17.108; 17.129; 17.337 и др.).

Царь Амурру, Шаушгамува, обращается к Аммистамру II с предложением заключить союз против племен Умманманда (17.286). (ummān^{M}-man-da^{M}). Интересно, что Умманманда упоминаются также более чем на 100 лет раньше в автобиографической надписи Идрими, царя Алалаха [106].

Страницы 185—197 содержат документы времени правления Ибирану, сына Аммистамру II. В основном они касаются имущественных вопросов и написаны от имени кархемишского царя. Преемник Ибирану —Никмаду III правил, по всей вероятности, недолго. В Южном архиве найдено только два документа, датированные временем его правления (стр. 199—203), два незначительных документа дошли также и от времени Аммурапи (стр. 205—210).

31 текст не поддается, по мнению издателя, точной датировке [107]. Несмотря на это некоторые из них служат ценными историческими источниками Царь Угарита имел при хеттском дворе своего представителя. Таковым является Такухлу. Он информирует своего господина о происходящих там событиях (17. 387; 17.422).

К текстам приложены всевозможные указатели (стр. 244—270). В конце дано приложение, в котором опубликованы дипломатические документы 19-го сезона раскопок (1955 г.). Один из них (19.68) говорит о заключении союза между Никмаду II и хорошо нам известным по архиву Телль-эль-Амарны царем Амурру — Азиру. Интересны также письма царя и царицы Угарита к высокопоставленному хеттскому чиновнику Килаэ (стр. 294). В конце книги имеются дополнительные указатели (стр. 295—300).

II часть издания содержит автографии опубликованных клинописных таблеток.

Заканчивая обзор, отметим, что публикация как алфавитных угаритских, так и аккадоязычных текстов из Угарита открывает перед историком древнего Востока новую главу истории Передней Азии. Следует лишь пожелать скорейшего издания до сих пор еще не опубликованных таблеток.

2. НОВЫЕ ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ГИБЕОНА

Эпиграфические материалы из Палестины доэллинистического периода до сих пор являются весьма немногочисленными, несмотря на интенсивные раскопки, производившиеся на территории этой страны. Поэтому открытие Дж. Б. Притчардом большого количества надписей на керамике при раскопках древнего Гибеона (современный Ад-Джиб в Иордании в 8 км от Иерусалима) всего лишь за 15 недель раскопочных сезонов 1956 и 1957 годов явилось приятным сюрпризом для исследователей. Надписи хорошо изданы и прокомментированы, с приложением фото- и автографий текстов [108].

---

[105] См. V. Korošec, Hethitica, Ljubljana, 1958, стр. 16—17, где данный текст толкуется верно: хеттский царь признает за собой обязательство поступать так, как указывалось выше. Однако в данном случае Хаттусили указывает, что «в (стране) Хатти никого не убивали» (13: i-na $^{mā t}$Ḫa-at-ti na-bu-ul-tə ú-ul i-du-uk-ku), включая здесь в понятие «Хатти» Амурру и Угарит ($^{mā t}$A-mur-ri $^{mā t}$Ú-ga-ri-it). Этот текст неверно толковался Шеффером, Ugaritica, I, P., 1939, стр. XXIX, где отмечено, что он говорит о неподчинении Угарита и Амурру Хаттусилю III. Теперь эта точка зрения полностью опровергается данными настоящего издания.

[106] S. Smith, The Statue of Idri-mi, L., 1949; W. F. Albright, Alphabetic Origins and the Idrimi Statue, BASOR, № 118, 1950, стр. 18.

[107] См. выше относительно писем царя Сианну.

[108] J. B. Pritchard, Hebrew Inscriptions and Stamps from Gibeon (Museum Monographs. The University Museum. University of Pennsylvania), Philadelphia, 1959, VI + 32 стр., 12 рис. (далее цитируется как HISG). Предварительные сообщения см. он же, UMB, 21, 1957, № 1, стр. 3—22; 22, 1958, № 2, стр. 13—24; он же, «Akten des 24. Internationalen Orientalistenkongress», 1957, München, 1959, стр. 213. О результатах дальнейших раскопок см. он же, BA, XXIII, 1960, № 1, стр. 23—29, См. также N. Avigad, Some Notes on the Hebrew Inscriptions from Gibeon, IEJ, IX, 1959, № 2, стр. 130—133.

Среди находок имеется 56 надписей и их фрагментов, 80 оттисков «царских» и 8 — частных печатей. Все они написаны и оттиснуты на ручках кувшинов, которые мы в дальнейшем будем условно называть «амфорами» [109]. Найдена также и одна весовая гиря с надписью. Наличие надписей (а не клейм) на ручках встречается в большом количестве впервые. Это дает нам возможность, не ограничиваясь находками в одном лишь Гибеоне, поставить более широко вопрос о керамической эпиграфике в древней Иудее [110].

Комплексный анализ археологического контекста, типов амфор, палеографии надписей и употребления имен собственных, проведенный Притчардом (HISG, стр. 12—15), дал ему возможность сделать убедительный вывод, что эпиграфические памятники из Гибеона следует датировать концом VIII — началом VI века, т. е. периодом от силоамской надписи до лахишских писем, или же периодом истории Иудеи, датируемым от времени падения древнеизраильского царства в 722 г. до падения Иудейского царства в 586 г. до н. э. [111]. Датировка эта тем более вероятна, что надписи найдены в одном слое с оттисками царских печатей на ручках амфор, которые датируются большинством исследователей именно этим временем [112].

Хотя Притчарду не удалось восстановить ни одной целой амфоры из Гибеона, можно определенно сказать, что у них было по две ручки и узкое горло [113]. Из имеющихся 56 надписей и их фрагментов шесть выполнены до обжига амфор [114]. По нашему мнению, это свидетельствует, что по крайней мере данные амфоры были изготовлены по заказу их владельца. На всех остальных ручках амфор надписи нацарапаны острым предметом уже после обжига. Возможно, что это не всегда делали писцы или даже грамотные люди. Временами здесь могло иметь место простое подражание имеющемуся образцу. Поэтому не все буквы имеют всегда надлежащую форму (HISG, стр. 14—15). Однако большое количество материала и стереотипное содержание надписей дали возможность Дж. Б. Притчарду правильно их прочитать. При чтении оказывает помощь поставленный кое-где словоразделитель.

Имеется десять вариантов надписей [115]:

1. gbʿn/gdr . . . . . [116]
2. gbʿn [117]
3. gbʿn/gdr ʿzryhw [118]
4. gbʿn/gdr ʾmryhw [119]
5. . . . .]yhw [120]
6. gbʿn/gdr ḥnnyhw nrʾ [121]
7. gbʿn l (?) gdr l (?) ḥnn[yhw] [122]
8. ḥnnyhw / nrʾ [123]
9. gbʿn/dmlʾ / šbʾl [124]
10. . . . [d]m l gbʿn [125]

---

[109] Клейменые остродонные кувшины древней Иудеи напоминают древнегреческие амфоры. Относительно формы сосудов см. HISG, рис. 11—12; O. Tufnell, Lachish III, L., 1953, стр. 312—317. Фотографии амфороподобных кувшинов из Лахиша см. BA, XII, 1949, № 4, стр. 69, рис. 1; стр. 71, рис. 2.

[110] До того были известны только три граффити на ручках сосудов VIII—VI веков (HISG, стр. 12—15).

[111] Против такой датировки не возражает и Avigad, ук. соч., стр. 130—133.

[112] См. D. Diringer, The Royal Jar-handle Stamps of Ancient Judah, BA, XII, 1949, № 4, стр. 84—86; S. Moscati, L'epigrafia ebraica antica (1935—1950), Roma, 1951 (далее цитируется как EEA), стр. 89—91.

[113] HISG, рис. 1, 12; 2,32. Наряду с остатками амфор найдены еще обожженные глиняные затычки, которые подходят к имеющимся отверстиям горлышек амфор (там же, стр. 15). После сдачи статьи в набор мне стало известно, что найден и целый сосуд — см. «Expedition», II, 1959, № 1, стр. 21.

[114] HISG, №№ 21, 22, 23, 24, 25, 30. Нельзя согласиться с издателем (там же, стр. 7—9), что надписи №№ 21 и 22 относятся к ручкам одной и той же амфоры: в таком случае мы имели бы на одной амфоре две группы имен собственных, что противоречит всем остальным надписям, в том числе и на целиком сохранившихся обеих ручках вокруг горла.

[115] Некоторые из надписей восстанавливаются по аналогии с имеющимся идентичным целым экземпляром.

[116] HISG, №№ 8—10; 19; 25; 31; 34; 36; 54—55. № 11: gbʿn dr (с пропуском g — описка).

[117] №№ 23; 30; 56.

[118] №№ 1—7.

[119] № 14—18.

[120] Относится к 3 и 4 группам надписей № 12—13; 20; 53.

[121] № 32.

[122] № 51. Притчард считает, что здесь закругленный книзу словоразделитель. Авигад (ук. соч.) читает его как предлог; из-за отсутствия аналогичных случаев следует пока оставить вопрос открытым.

[123] № 22; 24; 33; 35; 37—43; 45—46; 48—50; 52; № 47: [h]nnyhw rʾ (описка — опущен n).

[124] № 21; 27; 29.

[125] № 26; 28.

Лексика надписей, таким образом, невелика по объему, однако перевод требует ряда пояснений[126].

gb'n — библейский город Gib^{e}'ōn (Jos., 10,2; 11,19; I Reg., 3, 4; 9, 2; и др.). Слово сохранилось полностью в 27 надписях.

gdr — слово сохранилось в 19 надписях. В ряде случаев (№№ 36; 51 и др.) имеются сомнения относительно правильности чтения третьей буквы как r[127]. Скорее всего чтение Притчарда верно и gdr соответствует библейской форме gādēr (Mi., 7,11; Num., 22,24; Jes., 5,5; Hez., 13,5; 42,10 и др.) «стена, огороженное место»[128]. Издатель текстов указывает также, что в ряде мест Библии слово gādēr (geder) ставится в определенную связь с виноградниками[129], причем оно употребляется для обозначения его ограды. Из текста Num., 22,24 — 25, явствует, что слово gādēr не идентично со словом qīr «стена», причем, очевидно, qīr является частью понятия gādēr, т. е. целого комплекса стен. Трудно, однако, согласиться с переводом Дж. Б. Притчарда «vineyard» (виноградник). Скорее надо предположить, что gdr относится к изгороди, огораживающей виноградники одного владельца[130], и может быть условно переведено как «огороженный участок (виноградников)».

'Zryhw — имя собств. личн., библ. 'Azaryāhū, чаще 'Azaryā(h) (см. II Chr., 26,17 и 20; 31,10 и 13, и др.).

'mryhw — имя собств. личн., библ. 'Amaryāhū, вар. 'Amaryā(h) (I Chr., 24,23; II Chr., 19,11; 31, 15 и др.).

...]yhw — в надписях из Гибеона являлось окончанием имен 'Zryhw или 'mryhw.

Ḥnnyhw — имя собств. личн., библ. Ḥănanyāhū, вар. Ḥănanyā(h) (Jer., 36,12; I Chr., 25, 23; II Chr., 26, 11 и др.)[131].

nr' — Дж. Б. Притчард полагает, что здесь мы имеем дело с сокращенным вариантом имени Нерия(ху) и что Ḥnnyhw nr' = Ḥnnyhw (bn) Nryhw.

Nēryyā(hū) см. Jer., 32, 12; 36, 14 и 32; 51; 59, а также Mtnyhw bn Nryhw — на остраконе из Лахиша[132]. Имеется также печать l Ḥnnyhw Nryhw «Хананяху (сына) Нерияху», датируемая концом VII — нач. VI века до н. э.[133].

dml' — издатель считает это сокращенной формой имени собств. личн. Dmlyhw. В Библии это имя не встречается, но имеется печать с надписью lDmlyhw bn Nryhw[134]. Ср. также Ps., 37,7: dōm la Jhwh «Внимай Яхве».

šb'l — слово сохранилось только в тексте № 21 и не совсем ясно. Дж. Б. Притчард считает его именем собственным личным, ср. I Chr., 26, 24: Š^{e}bu'ēl; I Chr., 23, 16: Š^{e}bū'ēl; 24, 20: Šūbā'ēl. Возможно также, что речь в надписи идет о Dml' (Dmlyhw) (bn) Šb'l'e.

Таким образом, все имеющиеся надписи могут быть сведены к четырем типам и переводятся следующим образом:

1) «Гибеон, (из) огороженного участка (виноградников) 'Азаряху».
2) «Гибеон, (из) огороженного участка (виноградников) 'Амаряху».
3) «Гибеон, (из) огороженного участка (виноградников) Хананяху (сына) Нерии».

---

[126] Все переводы надписей на ручках амфор, если это не оговаривается особо, основаны на работе Притчарда (HISG, стр. 9—12).

[127] Авигад (ук. соч.) предлагает чтение gdd, считая это слово именем собственным, и читает надпись № 51 «Gibeon (belonging) to gdd, (belonging) to Ḥananiah...». В таком случае, однако, неясно, почему данной амфорой владеют два человека. См. также J. Jadin, IEJ, IX, 1959, № 3, стр. 187.

[128] В Библии упоминается также и местность G^{e}dērā. Притчард идентифицирует ее вслед за F.-M. Abel, Géographie de la Palestine, II, P., 1938, стр. 330, с современной деревней Джедире, находящейся около 1 км северо-восточнее Гибеона. Мы можем еще указать, что в I Chr., 12, 4 рядом фигурирует житель Гибеона и Гедеры.

[129] Num., 22, 24—25; Jes., 5,5; Ps., 80, 13—16; Prov., 24, 30—31.

[130] Возможно, что мы имеем достоверную традицию об одном из значений слова gdr в толковании Иерусалимским талмудом (Sanhedrin, 20b) I Sam., 24,4 — gidrōt, где это слово объясняется — gdr lpnym mgdr hyh «ограда находилась внутри (другой) ограды». Отметим, что в Гибеоне найдены два оттиска частновладельческих печатей, принадлежавших Танхуму (Tnḥm) — см. HISG, рис. 10, 3 и 8. В Библии этого имени нет. Зато оно нередко встречается в талмудической литературе.

[131] См. Jer., 28, 1, где Ханания, сын 'Аззура, отмечен как житель Гибеона.

[132] D. Diringer, Early Hebrew Inscriptions (в кн.; Tufnell, Lachish III), стр. 331.

[133] D. Diringer, Le inscrizioni antico-ebraiche palestinesi, Firenze, 1934 (далее: IAP), печать № 50, табл. XX_{20}.

[134] IAP, печать № 19, табл. XIX.

4) «Гибеон, Дмл'а, (сына) Шуб'эла (?)» [135].

Так как слово gdr связано с виноградниками, Притчард пришел к очевидному выводу, что в амфорах находилось вино (HISG, стр. 15—17). Наличие же названия Гибеона в надписях издатель объясняет тем, что вино было предназначено для продажи вне той местности, где оно производилось. Правильно, видимо, также предположение Притчарда, что имена собственные обозначают владельцев виноградников. Притчард этот вопрос далее не углубляет, но нам кажется, что наличие немалого количества надписей и остатков амфор, из коих некоторые были изготовлены по заказу владельца, с учетом еще и того, что раскопки производились в весьма ограниченном объеме, позволяет сделать вывод о наличии крупного землевладения в районе Гибеона в VII в. до н. э. Об увеличении земельных угодий отдельных землевладельцев свидетельствуют и пророки конца VIII — начала VII века Исаиа и Миха. Так, Исаиа восклицает: «Горе присоединяющим дом к дому, поле к полю добавляющим, пока уже места не будет» [136]. Ему вторит Миха, говоря: «Пожелают они полей—грабят, домов—отнимают их. И притесняют они мужа и дом его, человека и наследственную долю его» [137]. Теперь впервые крупное землевладение в Иудее этого времени подтверждается археологически и эпиграфически. Возможно, что упомянутые ʿАзаряху, ʾАмаряху, Дмл'а и Ханаряху и были именно такими крупными землевладельцами, против которых направлены гневные проповеди пророков. Наконец, вероятным подтверждением наличия крупного землевладения в Гибеоне VII века может служить и то, что вино, возможно, производилось для рынка.

Находки из Гибеона позволяют нам глубже рассмотреть еще один вопрос, лишь затронутый Притчардом.

Как уже отмечалось, среди находок из Гибеона имеется также 80 амфорных ручек с «царским» (lmlk) клеймом (HISG, стр. 18—26). Общее число найденных в Палестине такого рода надписей доходит теперь до 630 [138]. К сожалению, пока восстановлены только две целых амфоры [139]. По этим амфорам видно, что клейма стояли на всех ручках каждой из них—амфоры, найденные в Лахише (соврем. Телль-ад-Дувейр, где найдено более 300 клейм), показывают, что имели хождение амфоры как с двумя, так и с четырьмя ручками [140]. Отметим, что помимо Гибеона и Лахиша подобные амфорные ручки с клеймами найдены при раскопках древней Мицпы (совр. Телль-ан-Насбе — в 12 км севернее Иерусалима) (86), в Телль Джудейде (37), в Бет-Шемеше (совр. Айн Шемеш—25 км западнее Иерусалима) (17), в Телль Закарье (древняя ʿАзека) (17), в Телль-Сандханне (древняя Мареша) [141] (17) и целый ряд обнаруженных в меньшем количестве при раскопках иных мест или случайно.

Помимо слова «царский» или «царя» (lmlk), на подавляющем большинстве клейм независимо от места находки встречаются следующие четыре разных названия местностей. 1) Ḥbrn «Хеврон» [142] (библ. Hebrōn, совр. город Хеврон в Иордании); до сих пор систематически не раскапывался [143]. 2) Z(y)p «Зиф» [144] (библ. Zīf, совр. Телль-аз-Зиф, несколько юго-восточнее Хеврона [145], до сих пор не раскапывался). 3) Šwkh «Сохо» [146]

---

[135] Неодинаковое количество надписей с тем или иным именем не должно нас смущать. Гибеон раскопан пока лишь в очень незначительной степени.

[136] Jes., 5,8: Hōj maggīʿē bajit bᵉbajit śāde bᵉśāde jaqrībū ʿad ʾefes māqōm... Относительно толкования этого отрывка см. И. Д. Амусин, Народ земли, ВДИ, 1955, № 2, стр. 18—20.

[137] Mi., 2, 2: Wᵉḥāmĕdū śādōt wᵉgāzālū ūbāttīm wᵉnāśāʾū wᵉʿāšĕqū geber ūbētō wᵉʾiš wᵉnaḥălātō см. Амусин, там же (ср. различия в переводе указанных мест).

[138] Полную сводку мест их находок помимо Гибеона см. Diringer, The Royal Jar-handle Stamps, стр. 69—86. См. также EEA, стр. 83—98 и D. Diringer, Seals (в кн.: D. W. Thomas, Documents from Old Testament Times, L., 1958, стр. 218—226). О новейших находках см. J. Milik, F. Cross, BASOR, № 142, 1956, стр. 5—17; I. Aharoni, IEJ, VI, 1956, стр. 104, 143; 258; IX, 1959, стр. 269—274 и др.

[139] Diringer, The Royal Jar-handle Stamps, стр. 69, рис. 1; стр. 71, рис. 2.

[140] Tufnell, Lachish III, стр. 312—317.

[141] Об отождествлении мест находок с древними поселениями см. A. Jirku, Die Ausgrabungen in Palestina—Syrien, Halle, 1956, стр. 8—31; S. Hennequin, Fouilles et champs des fouilles en Palestine et en Phénicie, Dictionnaire de la Bible, XII—XIV, P., 1936, стр. 318—524.

[142] HISG, рис. 8, 456 и 521; рис. 9, 482 и 521.

[143] Все материалы о древнем Хевроне собраны в труде E. Mader, Mambre, I, Freiburg, 1957.

[144] HISG, рис. 8, 483; 480; рис. 9, 483; 480; 490 (см. рис. 4 и 5).

[145] Mader, ук. соч., стр. 206; IAP, стр. 148.

[146] HISG, рис. 8, 454; рис. 9, 146; 409; 485 (см. рис. 4 и 5).

(библ. Śōkō(h), совр. аш-Шувейке, юго-западнее Хеврона [147]. Не раскапывался. 4) Mmšt — в Библии не упоминается (возможно, Mampsis античного периода, совр. Мешаш или Карнуб в Негебе) [148].

На клеймах, помимо надписи, имеется изображение встречающейся в разных вариантах эмблемы, которую ученые считают либо скарабеем, либо крылатым солнечным диском, либо фантастической птицей, либо даже летающим свитком папируса [149]. Однако нам, не вдаваясь в исследование данной эмблемы и условно приняв ее за скарабей, важно лишь установить, что, коль скоро она имеется абсолютно на всех клеймах с надписью «царский» (lmlk), то она, несомненно, является царской.

Диринтер на основании различия царских эмблем пытается установить хронологическую последовательность клейм, датируя их от первой половины VIII в. до н. э. до падения Иудейского царства в 586 г. до н. э. [150]. Олбрайт с большим основанием датирует клейма не ранее, чем 714 г. до н. э., т. е. начиная со времени правления царя Хизкии вплоть до падения Иудейского государства [151]. Добавим, со своей стороны, что эти клейма найдены более чем в 20 местах территории древней Иудеи [152], но ни одно клеймо не найдено на территории древнего Израиля, включая такие крупные и основательно раскопанные его центры, как Самария, Мегиддо, Хацор и др. Это, в свою очередь, указывает на чисто иудейский характер данного вида эпиграфических памятников и служит дополнительным доказательством для их датировки после 722 г. до н. э., т. е. после падения древнего Израиля. Находка «царских» керамических клейм в Гибеоне с эмблемами разных типов в едином археологическом контексте VII — начала VI века позволило Дж. Б. Притчарду отказаться от их разновременной и последовательной датировки и предположить, что одновременно существовали разные типы «царских» печатей (HISG, стр. 23).

Важным для определения происхождения и роли амфор с «царскими» клеймами является определение места находок. Но их невозможно установить по отношению к большинству находок конца прошлого и начала нашего века. В самом Гибеоне 75 из 80 клейм были найдены в одном месте, и можно предположить, что здесь сваливалась битая керамика или же поблизости находилось складское помещение [153]. Наилучший ответ на поставленный вопрос дают материалы Лахиша, где место находки каждой ручки с клеймом тщательно отмечалось [154]. Большинство из 310 ручек с «царскими» клеймами найдены здесь среди черепков всевозможной керамики, вероятно, в месте свалки битой посуды. Остальные «царские» клейма найдены во дворце и прочих зданиях официального характера, но и в не меньшем количестве в жилых домах вперемешку с бытовой керамикой.

К сожалению, наличие только двух восстановленных амфор (см. выше), из которых только одна имеет царское клеймо, не может нам дать окончательного ответа на вопрос об их объеме. Имеющийся экземпляр вмещал 45,33 литра [155]. По всей вероятности, единицей измерения служила известная нам из Библии мера жидкостей бат (bat) [156], равная примерно 22 литрам [157]. Очевидно, и в рассматриваемое время содержимое кувшинов измерялось в батах, причем 45,33 литра равнялось 2 батам; это тем более вероятно, что нам известны две надписи, одна на ручке амфоры из Мицпы, а другая на верхней части ручки из Лахиша, где указана единица измерения данного сосуда — «царский бат» (bt lmlk) [158]. Датируются и археологически и палеографически обе надписи,

[147] M a d e r, ук. соч., стр. 206; IAP, стр. 148.

[148] M a d e r, там же; A. Š a n d a, Die Bücher der Könige, II, Münster, 1912, Anmerkungen Zu B. I, 257; HISG, рис. 8, 487; 454; 529; 523; 486; 487; 499.

[149] См. D i r i n g e r, The Royal Jar-handle Stamps, стр. 83—84; о н ж е, Seals, стр. 218—226; EEA, стр. 83—91 (рис. 4 и 5).

[150] D i r i n g e r, The Royal Jar-handle Stamps, стр. 84.

[151] Там же, стр. 85. Там же датировка у Москати (EEA, стр. 89—91).

[152] Относительно пределов и территории Иудеи VII в. до н. э. см. A. A l t, Judas Gaue unter Josia, KSGI, II, стр. 276—288.

[153] Там же, стр. 18—20.

[154] T u f n e l l, Lachish III, стр. 105—128; 312—317; 342.

[155] D i r i n g e r, The Royal Jar-handle Stamps, стр. 72.

[156] Jes., 5,10; I Reg., 7, 26, 38; Hez., 45, 10; 11, 14 и др.

[157] D i r i n g e r, The Royal Jar-handle Stamps, стр. 72; W.F. A l b r i g h t, The Excavations of Tell Beit Mirsim, III, New-Haven, 1943, стр. 59; R. B. J. S c o t t, Weights and Measures of the Bible, BA, XXII, 1959, № 2, стр. 22—39. Иную точку зрения, приравнивающую 1 бат к 39—40 литрам, см. A. B a r r o i s, La metrologie dans la Bible, RB, XL, 1931, стр. 185—213.

[158] D i r i n g e r, Early Hebrew Inscriptions, стр. 356; ту же надпись на верхней части сосуда см. EEA, стр. 111—115, № 2, табл. XXIX_2. Надпись на амфорной ручке см. N. A v i g a d, An Other bat le-melekh Inscription, IEJ, III, 1953, № 2, стр. 121—122. Фрагмент сосуда, где сохранилось только слово bt, известен из раскопок Телль-Бейт Мирсима (древний Кирьят-Сефер или Дебир в Иудее) — см. A l b r i g h t, The Excavations of Tell Beit Mirsim, III, стр. 59, табл. 60,2.

примерно концом VIII—VII века до н. э. (EEA, стр. 111—115). «Царский бат» являлся, по-видимому, единицей измерения, гарантированной или введенной царской властью и, очевидно, он служил единицей измерения для податных расчетов с государством и для натуральных выдач и выплат, производимых из царских складов [159].

На основании этих установленных данных следует рассмотреть происхождение и назначение «царских» клейм на древнеиудейских амфорах конца VIII — начала VI века до н. э. Прежде всего надо отметить, что здесь нет никакого сходства с древнегреческими астиномными клеймами на амфорных ручках [160]. В литературе по этому вопросу высказаны следующие точки зрения [161].

1) Мнение Сэйса (Sayce), высказанное более 60 лет назад, что в Иудее существовала царская монополия на выделку кувшинов.

2) Взгляд, принадлежащий Блиссу (Bliss), высказанный им в начале века, что амфоры с «царским» клеймом изготовлялись в царских мастерских. Этого же взгляда придерживается Дирингер [162] и с ним соглашаются Дж. Б. Притчард (HISG, стр. 25) и Москати (EEA, стр. 87—88).

3) С. Драйвером (S. Driver) и А. Венсаном (H. Vincent) была высказана мысль, что «царское» клеймо являлось гарантией объема сосуда. К этой мысли очень близка точка зрения Э. Л. Сукеника (E. L. Sukenik) и С. Москати (ук. место), считавших, что клеймо всего лишь свидетельствует об измерении содержимого сосуда в царских мерах.

4) Предположение Ш. Клермон-Ганно (Ch. Clermont-Ganneau), высказанное также в начале века, что клейменые амфоры предназначались для сбора царских податей вином, маслом и т. п. и что названия «городов» на клеймах — названия административных центров древней Иудеи, где находились царские склады —ʿārē hammisk^{e} nōt «складские города» [163], поддержано Дж. В. Джеком (J. W. Jack).

5) Близко к предыдущему мнение И. Барроуза (M. Burrows), считавшего, что 4 «города», упоминаемых в клеймах, были центрами податных округов Иудеи. С ним перекликается и точка зрения Э. Мадера.

6) До 1943 г. В. Ф. Олбрайт (W. F. Albright) считал, что упомянутые в клеймах «города» были центрами, откуда подати в дальнейшем доставлялись в Иерусалим ко двору, но после 1943 г. он приблизился к точке зрения Клермон-Ганно.

7) О. Туфнелл (O. Tufnell) на том основании, что один лишь Хеврон из упомянутых в клеймах четырех «городов» являлся значительным центром, выдвинула предположение, что названия местности обозначают наличие царского земледельческого хозяйства в данных пунктах или около них.

Проведенный анализ семи клейменых амфорных ручек, взятых из разных раскопок и с обозначенными на них разными названиями «городов», показал, что глина, из которой они были сделаны, принадлежит к одной и той же геологической формации и, возможно, происходит из одной местности. На этом основании С. Москати заключает, что все амфоры выделывались в мастерских, расположенных близко друг от друга (EEA, стр. 87).

Рассмотрим вероятность этих предположений. Точка зрения Сэйса не выдерживает критики и ничем не доказывается, так как от этого времени сохранилось множество бытовой керамики без клейм, а также керамика с частными клеймами. У нас нет никаких данных, опровергающих второе мнение, тем более что в Библии сохранилось указание о «горшечниках и жителях Нетаима и Гедеры, при царе (букв. «с царем») при работе своей сидящих там» [164], хотя наличие царских гончарных мастерских еще не свидетельствует, что клейменые «царские» амфоры изготовлялись там. Не может быть также никаких возражений по отношению к следующему взгляду, тем более что существование царской меры для жидкостей, «царского бата» — засвидетельствовано керамической эпиграфикой и находится в соответствии с немногими данными, известными нам об объеме амфор с «царскими» клеймами (см. выше).

Однако со взглядами Клермон-Ганно, Джека, Барроуза и Мадера согласиться нельзя, так как ясно, что кроме Хеврона, остальные три «города» не были административными центрами Иудеи [165]. Отметим также, что в самом районе Хеврона до сих

---

[159] К сожалению, специально о «царском бате» в Библии нет упоминаний.

[160] Б. Н. Граков, Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов, М., 1929.

[161] За исключением особо отмеченных, все точки зрения приводятся по Diringer, The Royal Jar-handle Stamps, стр. 79—82.

[162] Там же, стр. 80; он же, Seals, (стр. 220).

[163] I Reg., 9, 19; II Chr., 8, 4; 6; 16, 4; 17, 12 (здесь о строительстве подобных городов в Иудее IX века до н. э.); 32, 28 (время царя Хизкии — рубеж VIII—VII вв. до н. э.). К сожалению, в Библии нет конкретных названий этих городов.

[164] Chr., 4, 23:.... hajjoṣ^{e}rīm w^{e}jošbē N^{e}ṭaʿīm ūG^{e}dērā ʿim-hammelek bim^{e}laʾktō jāš^{e}bū šām.

[165] См. A. Alt, KSGI, II, стр. 276—288.

пор найдено только несколько царских амфорных клейм [166]. При этом утверждение, что амфоры предназначались для сбора натуральных податей или для доставки их в Иерусалим, как считал Олбрайт, остается недоказанным, тем более что Зиф и Сохо были расположены в непосредственной близости от Хеброна (см. выше), а амфорные ручки с клеймами найдены во всех раскопанных центрах Иудеи. Чтобы устранить это противоречие, выдвигалось предположение, что 1) после доставки натуральных податей в Иерусалим сосуды становились собственностью сборщиков податей, которые продавали их кому угодно и что 2) покупатели амфор Лахиша, Гезера, Мицпы и других городов Иудеи покупали их у сборщиков податей соседних округов [167]. Однако оба эти объяснения лишены оснований, ибо, во-первых, сделанные на гончарном круге бо́льшие амфоры, несомненно, стоили не намного дешевле содержавшихся в них продуктов и вряд ли царская казна подобным образом расточала свою собственность; во-вторых, нам непонятно, почему же одни податные округа должны были клеймить свою тару, а другие нет.

Невозможно опровергнуть мнения О. Туфнелл (см. выше), хотя исследователи керамической эпиграфики Иудеи до сих пор ничем не пытались подтвердить высказанного ею взгляда.

Мнение, высказанное С. Москати на основании химического анализа состава глины, может послужить подтверждением взгляда О. Туфнелл, с учетом того, что земледельческие хозяйства царя находились в районе Хеброна. Следует заметить, что глиняную посуду можно почти везде изготовлять на месте и ее не требуется возить издалека. На наш взгляд, находки из древнего Гибеона приблизили нас в значительной мере к правильному пониманию значения и происхождения «царских» клейм на ручках амфор, так как помимо них и известных ранее клейм частных лиц мы впервые получили некоторое количество надписей, а не оттисков печатей на ручках, причем, как установлено (см. выше), надписи эти говорят о владельцах виноградников, а не гончарных мастерских. При этом по крайней мере часть амфор была изготовлена по заказу этих землевладельцев.

Нецарские клейма этого же времени (EEA, стр. 73—82), на которых чаще всего указывается имя и отчество определенного лица, а также то обстоятельство, что амфорные ручки с одним и тем же клеймом находимы в разных местах, на первый взгляд подтверждают точку зрения, что клейма ставились гончаром или владельцем гончарной мастерской [168]. Однако, основываясь на выводах, сделанных из надписей на амфорных ручках из Гибеона, можно также предположить, что здесь мы имеем дело с лицом, по заказу которого кувшин был первоначально изготовлен, причем он оттискивал свое клеймо в мастерской еще до обжига. Находки одинаковых клейм в разных местностях можно объяснить тем, что содержимое амфоры продавалось вместе с тарой и таким образом попадало к новым владельцам. Последнее подтверждается наличием амфорных клейм с надписью «Эльякима, слуги Иокина» [169] и «Гоэл(и)яху, царского сына» [170]. Как явствует из этих надписей, они принадлежали лицам, из коих один был царским сыном, а другой занимал военную или придворную должность при царе Иудеи

---

[166] Два клейма из Хирбет Кила, в 13 км сев.-западнее Хеброна (M a d e r, ук. соч., I, стр. 206) и 11 клейм из Хирбет ат-Тубейка (древний Бетцур, 7 км севернее Хеброна).

[167] D i r i n g e r, The Royal Jar-Handle Stamps, стр. 80.

[168] Так, из трех экземпляров клейма Šbnyhw/ʿZryhw «Шебаняху (сына) ʿАзаряху (IAP, №№ 5а—5с, табл. XIV$_{6-7}$ один найден в Телль-аль-Джудейде и два в Телль-Сандханне; из двух экз. клейма lNḥm Ḥṣlyhw «Нахума, (сына) Хиццыляху», один найден в Гибеоне (HISG, 10, 2), другой—в Лахише (EEA, № 18, табл. XVIII$_1$); из восьми экз. lNḥm ʿbdy «Нахума, (сына) Эбедя(ху)»—семь найдено в Лахише (EEA, № 14, табл. XVII, $_{3-4}$) и один в Телль-Сандханне (Мареша, IAP, № 7, табл. XIV$_9$), из двух экз. lTnḥm Ngb «Танхума, (сына?) Негб'а»— один найден в Гибеоне (HISG; рис. 10, 3) и один в Лахише (EEA, № 7, табл. XVI$_7$); из восьми экз. lTnḥm Mgn «Танхума . . . . . .» один найден в Гибеоне (HISG, рис. 10,8) и семь в Лахише (EEA, № 12, табл. XVII$_1$); из пяти экз. Hwš ʿSpn «Хошеи, (сына) ʿцфан(яху) — три найдено в Лахише (EEA, № 10, табл. XVI$_{10}$) и два в Телль-Джудейде (IAP, № 4, табл. XIV$_{4-5}$). Частные клейма с другими именами найдены только по одному в каждом месте.

[169] Plykm/nʿr Ywkn (IAP, № 9, табл. XIV$_{11}$). Из трех клейм два найдены в Телль Бейт-Мирсиме (древний Кирьят-Сефер, Дебир) и одно — в Айн-Шемсе (древний Бет-Шемеш): nʿr «слуга, отрок». Ср. I Reg., 20, 15: naʿărē śārē hamm^{e}dīnōt «слуги (отроки) „князей" округов» (в тексте речь идет о том, что за ними следовало остальное войско); II Reg., 19, 6: naʿarē melek-Aššūr «слуги (отроки) царя Ашшура» (в тексте идет речь о сановниках царя Ассирии).

[170] lGʾlyhw/bn hmlk (IAP, № 10, табл. XIV$_{12}$). Клеймо найдено в Хирбет ат-Тубейка (древний Бетцур).

Иоахине, уведенном в вавилонский плен в 597 г. до н. э.[171]. Вряд ли можно об этих лицах говорить как о горшечниках или владельцах гончарной мастерской. Скорее всего они были связаны в силу своего общественного положения с землевладением.

Для того же, чтобы попытаться определить назначение «царского» клейма на амфорных ручках, сравним имеющуюся на них эмблему[172] с подобными же изображениями на древнепалестинских личных печатях. Немало печатей содержит в той или иной форме изображение скарабея с четырьмя распростертыми крыльями [173]. Среди них, однако, мы насчитываем не более трех печатей или их оттисков [174], где изображены четырехкрылые скарабеи, аналогичные таковому (?) на царских печатях [175]. На двух из них помимо эмблемы начертаны также имена владельцев, «Эльнатана»[176] и «Ахимелеха, сына Семах(яху)» (?) [177]. Третья печать с изображением скарабея, аналогичного царской эмблеме,не сохранила нам надписи с именем своего владельца. На ней указано лишь, что ею обладал «судья» (lšpṭ) [178]. Хотя в Иудее существовали теофорные имена, как-то Иошафат и Шефатя(ху), в которые составной частью входит корень špṭ «судить», вряд ли на данной печати сохранилась часть подобного имени, ибо в таком случае должна была сохраниться также и часть отчества. Наличие же на ней царской эмблемы дает возможность предположить, что речь идет здесь о царском судье [179].

На основании вышесказанного, а также по аналогии с тем, что амфоры с частными клеймами и надписями из Гибеона изготовлялись по заказу владельца, чье имя фигурирует на клейме или в надписи, мы можем утверждать, что и «царские» клейма ставились на ручки амфор в тех случаях, когда они изготовлялись по заказу царской казны. Поэтому остается признать наиболее вероятным мнение О. Туфнелл, что четыре названия городов на клеймах обозначают места, где находились царские земледельческие хозяйства. Наряду с последними там могли находиться и склады продукции этих хозяйств [180].

Каким же образом амфоры с царским клеймом попали во все решительно до сих пор раскопанные древнеиудейские города VII века до н. э.? На этот вопрос в точности ответить пока нельзя, но можно предположить, особенно на основании находок клейм в жилых домах Лахиша (см. выше), что они вместе с содержащимися в них продуктами выдавались в качестве вознаграждения натурой лицам, состоявшим на царской службе. Те же, в свою очередь, после использования содержимого амфор, пускали их в свободное обращение или использовали у себя в быту.

Таким образом, эпиграфические материалы из раскопок древнего Гибеона помогают несколько расширить наши знания по социальной истории древней Иудеи конца VIII — начала VI века до н. э.

М. Л. Гельцер

---

[171] См. D i r i n g e r, Seals...; H. G. M a y, Three Hebrew Seals and the Status of Exiled Jehoiakin, AJSLL, LVI, 1939, № 2, стр. 146—148. Ср. также Hez., 1, 2; II Reg., 24, 6; Jer., 52, 31; II Chr., 36, 8 и др.: J^{e}hōjākīn. Учитывая некоторое расхождение графики на амфорном клейме и в Библии, укажем, что по-аккадски имя это писалось Ia-'ú-ki-nu (E. F. W e i d n e r, Joachin, König von Juda in babylonischen Keilschrifttexten, «Mél. Syr.», II, P., 1939, стр. 923—935), т. е. как на клейме — Ywkn.

[172] Относительно ее значения см. выше.

[173] См. IAP, гл. V Sigilli, табл. XIX—XXII; EEA, стр. 47—71, табл. XI—XIV; A. R e i f e n b e r g, Hebrew Seals and Stamps, IV, IEJ, IV, 1954, № 3—4, стр. 139—142; N. A v i g a d, Three Ornamented Seals, там же, стр. 236—238; G. R. D r i v e r, Hebrew Seals, PEQ, LXXXVII, 1955, № 3/4, стр. 183 слл.

[174] EEA, стр. 47—71, № 17—19, табл. XII$_{5-7}$.

[175] Наибольшее сходство обнаруживает HISG, рис. 8, 523: lmlk mmšt.

[176] № 18, табл. XII$_{6}$: l'lntn. Печать найдена в Дамаске и датируется VIII веком до н. э.

[177] № 19, табл. XII$_{7}$. Москати читает: Smk l'ḥmlk, так как слово l'ḥmlk помещается в нижней части печати, а Smk разбросана по буквам между изображением крыльев скарабея. Правильнее читать l'ḥmlk | Smk(yhw). Печать найдена в Лахише и относится к VII—VI вв. до н. э.

[178] № 17, табл. XII$_{5}$: lšpṭ «судьи» или «принадлежащая судье». Относительно места ее находки нам известно, что это была Палестина.

[179] Однако в Библии неизвестна должность «царского судьи».

[180] Сказанное не снимает ни в коем случае вопроса о том, что амфоры с «царскими» клеймами могли изготовляться в царских мастерских и их объем мог измеряться в стандартных царских мерах. Уже после сдачи в набор настоящей статьи мне стала известна статья P. W. L a p p, Royal Seals from Yudea, BASOR, № 158, 1960, стр. 11—22, в которой автор исследует вопрос о печатях с надписью lmlk; он ведет исследование иным путем, но в конце приходит к тем же выводам, что и в настоящей статье.

ANTIKE MÜNZEN AUS OLBIA UND PANTIKAPÄUM

Photographien von M. Hrbas und J. Marco. Texte von K. Dittrich, «*Artia*», Prag, 1959, 175 стр.

Монетное дело античных городов Северного Причерноморья до настоящего времени не привлекло серьезного внимания нумизматов стран народной демократии [1], и уже в силу этого альбом репродукций монет Ольвии и Пантикапея, выпущенный пражским издательством «Artia» под ред. К. Дитриха, не может не вызвать интереса советских ученых. Альбом состоит из 115 безукоризненно выполненных таблиц, на которых представлены в сильном увеличении и в натуральную величину главные типы монет Ольвии и Пантикапея. Издание снабжено небольшой вводной статьей и, что особенно важно, списком всех типов монет указанных центров, составленным с учетом имеющейся литературы, в том числе и опубликованной в послевоенные годы в СССР.

Вводная статья состоит из нескольких небольших разделов: К. Дитрих дает общую характеристику Северного Причерноморья в античную эпоху (стр. 11—12), краткие сведения о греческой колонизации (стр. 13—14), об Ольвии (стр. 15—18) и о Пантикапее (стр. 19—21). Во вступительных замечаниях (стр. 9—10) и в предисловии (стр. 7) справедливо подчеркнуто значение монет Северного Причерноморья для истории древнегреческого монетного дела, искусства и культуры античного мира. Этот вступительный очерк вполне соответствует своему назначению. Можно было бы только пожелать, чтобы в нем были глубже освещены проблемы денежного обращения в государствах Северного Причерноморья. Следует также отметить, что Геродоту несправедливо приписано отождествление эллиноскифов и царских скифов (стр. 15); непонятно, откуда почерпнуто известие о том, что при Траяне из Ольвии был выведен якобы находившийся там ранее римский гарнизон (стр. 17). Наконец, вряд ли можно согласиться с тем, что выпуск золотых статеров лисимаховского типа Спартокидами III—II вв. до н. э. не преследовал никаких экономических целей[2]. Кроме того, большое число досадных опечаток может ввести в заблуждение недостаточно осведомленного читателя — так, на стр. 11 (стк. 5 снизу) следует читать assyrischer вместо syrischer, и двумя строками ниже — iranischen вместо irakischen; на стр. 15 (стк. 14) запятая попала не на место, в результате чего Аполлония Понтийская оказалась перенесенной к устьям Истра; на той же странице находим такие написания, как Berezana вместо обычного Beresanj или Beresan', Allasonen вместо Alazonen. Неприятное впечатление производит употребление руссифицированного термина Zar вместо обычного König в применении к скифским и боспорским властителям (стр. 16, 20, 21), а также отход от правильной и давно установившейся в немецкой научной литературе транскрипции ряда собственных имен — Zopyrion, а не Zopirion, Asander, а не Asandr, Dynamia, а не Dinamia, Zela, а не Sela.

Главную часть рассматриваемого труда составляет атлас (стр. 25—139, табл. 1—115). На каждой таблице представлена лишь одна сторона монеты в сильном увеличении и в натуральную величину; во многих случаях в атлас включено изображение одного только аверса без реверса и наоборот (например табл. I, 4—7, 10—11, 24—25, 30—33, 38—41 и многие другие). Техническое исполнение таблиц не вызывает замечаний, но научная целесообразность увеличения хорошо сохранившихся монет в 9—10 раз, на наш взгляд, весьма относительна, так как эти макроснимки не выявляют новых подробностей по сравнению с помещенными на тех же таблицах изображениями в натуральную величину. Выбор монет также не всегда удачен, что объясняется, впрочем, тем, что авторы альбома стремились с возможной полнотой издать собрание чешского коллекционера Й. Михеры (стр. 7) и были связаны отсутствием в этом собрании многих разновидностей монет Ольвии и Пантикапея. Труднее оправдать то, что все монеты из собрания Й. Михеры изданы без указания их веса, хотя это было бы очень легко отметить, например, на вкладном листе, где даны лишь ссылки на номера каталога. Это отсутствие весовых данных о монетах публикуемой коллекции является серьезным недостатком издания и лишает возможности использовать его как для целей метрологического исследования, так и для отождествления опубликованных К. Дитрихом монет с ранее изданными (например в аукционных каталогах). Весьма жаль также, что автор не дает никаких сведений о том, каким путем составилось собрание Й. Михеры, в общем довольно полное и представляющее несомненный научный интерес.

---

[1] Если не принимать во внимание рецензий на труды советских ученых, можно было бы назвать лишь статьи А. Шемиот и Е. Похитонова, A. Szemioth, Monety Olbii, «Biuletyn numizmatyczny», 26 (1954), № 4, стр. 1—35; E. Pochitonov, Několik spornýchotázek nejstarších bosporských mincí, «Numísmatický sborník», VI (1959), стр. 17—39.

[2] См. об этих монетах Д. Б. Шелов, Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э., М., 1956, стр. 183 слл., 192—196.

Наиболее важную в научном отношении часть рецензируемого издания составляет список монет Ольвии и Пантикапея (стр. 143—173). По замыслу К. Дитриха, он должен быть чем-то вроде корпуса для этих центров (стр. 10) и составлен с учетом весьма значительной литературы (заметим попутно, что было бы очень полезно дать в конце книги список использованных произведений и каталогов). Правда, о полном охвате всех видов монет Ольвии и Пантикапея не может быть и речи — не говоря уже о том,что такие обильные серии,как ольвийские «борисфены» (стр. 148, № 47) или пантикапейские драхмы с изображениями Аполлона и горита (стр. 169, № 124), представлены лишь общими описаниями типов, в книге вообще отсутствуют некоторые разновидности, давно известные в научной литературе: нет, например, одного сорта поздних ольвийских монет [3], нет мелких пантикапейских серебряных монеток с изображениями сатира и головы барана [4], нет пантикапейских статеров с изображениями бородатого сатира и Аполлона [5] и драхм с изображениями безбородого сатира и коня [6] и др. В описание некоторых монет вкрались, к сожалению, неточности: так, например, на пантикапейской монете № 92 изображена голова не быка, а осетра (не имеем ли мы здесь дела с опечаткой — Stier вместо Stör?); на ряде ольвийских монет (№ 48, 69, 87, 92, 102, 106) искажены надписи (вряд ли можно считать правильными и руссифицированные отчества архонтов на монетах № 98—100); в том же списке указано, что монета № 32 весит 0,78 *г*, тогда как средний вес триоболов этого сорта составляет 1,65 *г*[7]; в ссылке при описании пантикапейской монеты № 75 ошибочно написано «Бурачков, XIX, 23» (следует 33); наконец, ольвийские монеты № 1 и 101 хранятся не в Брюсселе и Ленинграде, а в Лондоне и Вене, и др.

Особых замечаний заслуживает группировка и хронология монет Ольвии и Пантикапея. В целом ее следует признать правильной, и последующим ученым придется принимать во внимание схему К. Дитриха. Тем не менее мы в ряде случаев не можем согласиться с автором и с А. Н. Зографом, на которого он ссылается [8]. Так, правильно считая литые монеты Ольвии самыми древними нумизматическими памятниками этого города, К. Дитрих завышает, на наш взгляд, абсолютную датировку ольвийских «ассов», самые ранние из которых не старше второй половины V в. до н. э.[9]. Литые монетки с буквами ΙΣΤ должны быть вообще исключены из числа ольвийских монет [10]. Нельзя не согласиться с К. Дитрихом, когда он возражает против отнесения малых ассов с горгонейоном и буквами ΟΛΒΙ к концу IV в. до н. э. (стр. 145, № 18) [11]. Дата уникальной драхмы с фасовым изображением Деметры (№ 19) также представляется нам завышенной, что становится очевидным при сравнении со снабженными той же монограммой драхмами с изображением Деметры в профиль [12]. Напротив, медные монеты с типами Деметры и орла со сложенными крыльями (№ 28) восходят еще к первой половине IV в. до н. э.[13]. В связи с этим и «борисфены» должны быть частично отнесены к последней четверти IV в. до н. э.[14]. Далее, маленькая медная монетка с изображениями Борисфена и дельфина (№ 56), правильно датированная примерно 260—220 гг. до н. э., входит в одну серию с монетами, описанными в каталоге под № 73—74, и все они относятся к указанной дате [15]. Маленькая серебряная монетка с букранием

[3] Х. Х. Гиль, Описание монет, поступивших в мое собрание в 1892 и 1893 гг., ЗРАО, VII (1895), 3—4 , стр. 219, № 11, табл. XVIII, 11.

[4] П. О. Бурачков, Общий каталог монет, ч. I, Одесса, 1884, табл. XIX, 26.

[5] К. В. Голенко, К датировке пантикапейских тетрадрахм, КСИИМК, вып. 63 (1956), рис. 73, 4; ср. F. Schlessinger, Antike Münzen, Auktionskatalog № 11, B., 1934, табл. III, 105.

[6] Голенко, там же, рис. 73,7; ср. А. Л. Бертье-Делагард, Монетные новости древних городов Тавриды, ЗООИД, XXX (1912), стр. 53, № 12, табл. 12.

[7] А. Л. Бертье-Делагард, Материалы для весовых исследований монетных систем Сарматии и Тавриды, НС, II (1913), стр. 64, № 10.

[8] Ср. нашу рецензию на этот труд, ВДИ, 1953, № 1, стр. 105 слл.

[9] П. О. Карышковский, Ольвия и Афинский союз, МАПП, III (1960), стр. 84 слл.; он же, Ольвійські аси, «Праці ОДУ», т. 149, серія історичних наук, вып. 7 (1959), стр. 47 слл.

[10] П. О. Карышковский, Заметки по нумизматике античного Причерноморья, ВДИ, 1957, 2, стр. 138—140. Ср. C. Preda, Monede inedite şi puţin cunoscute de la Histria, Callatis şi Tomis, SCN, II (1958), стр. 112, прим.

[11] П. О. Карышковский, Заметки о монетах Ольвии, СА, 1960, № 3, стр. 301—305.

[12] П. И. Каришковський, З історії монетної справи та грошового обігу в Ольвії, «Археологія», XI (1957), стр. 53, табл. I, 9—16.

[13] Карышковский, Заметки о монетах Ольвии, стр. 305—309.

[14] Карышковский, Заметки по нумизматике античного Причерноморья, стр. 141—144.

[15] П. И. Каришковський, Ольвійські монети, знайдені поблизу Одеси, «Праці ОДУ», т. 149, серія історичних наук, вып. 7(1959), стр. 138—142.

(№ 78) датируется рубежом V и IV вв. до н. э.[16], а серия, которую К. Дитрих вслед за А. Н. Зографом считает выпущенной после гетского разгрома (№№ 84—86 и 88—89),— временем Митридата Евпатора[17]. Не останавливаясь на других мелких расхождениях между нами и К. Дитрихом, заметим лишь, что золотая пантикапейская гекта (№ 103) никак не может относиться к одной серии с золотым полустатером (№ 102), так как первая бита по иной монетной системе, общей с системой большей части пантикапейского золота IV в. до н. э., а второй принадлежит к редчайшей группе пантикапейского золота, чеканенной по аттической системе [18]. Пантикапейские тетрадрахмы с изображением пасущегося коня (№ 120) чеканены еще в конце IV в. до н. э., до денежного кризиса (Голенко, ук. соч., стр. 158—161).

В заключение следует остановиться на недоразумении, связанном с серебряной пантикапейской монетой, помещенной под № 121 (стр. 169). На лицевой ее стороне, по описанию К. Дитриха, представлен безбородый сатир, на обороте — пасущийся конь. Необычный вес — 9,10 *г* — смутил автора, который справедливо сомневается, можно ли считать ее тригемидрахмой. Но в действительности монета весит лишь 8,25 *г*, причем на ней изображен бородатый, а не безбородый сатир [19], она была опубликована несколько раз в неочищенном виде [20], что ввело в заблуждение и А. Л. Бертье-Делагарда, и К. В. Голенко. Последний сопоставляет все пантикапейские монеты с изображением коня, но считает этот экземпляр дважды, один раз — с весом 8,25 *г*, а другой — с весом 9,10 *г*; не приходится удивляться, что метрологические выводы автора повисают в воздухе (Голенко, ук. соч., стр. 159—160). Между тем монеты с конем, чеканенные, как показывает сравнение с серебром Ларисы [21], на рубеже IV и III вв. до н. э., распределяются между двумя сериями: к одной, чеканенной еще по эгинской системе, относятся статеры с изображениями юного сатира и головы быка (№ 104), драхмы с таким же сатиром и пасущимся конем [22] и триоболы, повторяющие типы статеров (они не вошли в сводку К. Дитриха) [23], во вторую, чеканенную уже по иной монетной системе, входят тетрадрахмы с Аполлоном (№ 120), дидрахмы с бородатым сатиром и пасущимся конем (ср. литературу, указанную в прим. 19—20) и монеты младшего номинала с бородатым сатиром в три четверти и головой быка (№ 83). Первую серию следует сопоставлять с последующими выпусками золотых монет повышенного веса (№ 101), вторую — уже с редким золотом аттической системы [24].

Подводя итоги, следует заметить, что мы не склонны преуменьшать значение и достоинства труда К. Дитриха и его коллег. Это, в сущности, единственная работа на иностранном языке, отражающая нынешнее состояние изучения нумизматики двух важнейших центров античного Причерноморья. Отличные репродукции монет, ясная и в основных чертах правильная хронология главнейших монетных серий Ольвии и Пантикапея, в большинстве случаев точные описания монет — все это обеспечит ей почетное место в нумизматической литературе последнего десятилетия. Кроме того, выход этой книги очень важен и потому, что он еще раз напоминает советским ученым о необходимости вести настойчивую, систематическую работу над составлением подлинного корпуса монет Северного Причерноморья.

П. О. Карышковский

---

[16] Карышковский, Заметки о монетах Ольвии, стр. 301—305.

[17] Об ольвийских монетах времени Митридата нами написана отдельная работа.

[18] Бертье-Делагард, Материалы для весовых исследований..., стр. 82—83 и 86, № 115—118 и 139—140.

[19] H. de Nanteuil, Collection de monnaies grecques, P., 1925, стр. 235, № 691, табл. 42, 691; ср. Голенко, ук. соч., рис. 73, 5.

[20] Бертье-Делагард, Монетные новости..., стр. 53—54, № 11, табл. I, 11; он же, Материалы для весовых исследований..., стр. 84, № 121, стр. 129—130, прим. 20; Naville et Co, Catalogue № V, Monnaies grecques antiques, Genève, 1923, стр. 67, № 1651, табл. L, 1651.

[21] F. Hermann, Die Silbermünzen von Larissa in Thessalien, ZfN, XXXV (1925), стр. 1—69.

[22] Бертье-Делагард, Монетные новости..., табл. I, 12; ср. Голенко, ук. соч., рис. 74,7.

[23] Бурачков, Общий каталог монет, табл. XX, 62.

[24] Шелов, Монетное дело Боспора..., стр. 92—96, 138—139.

ПРОБЛЕМЫ РАННЕЙ РИМСКОЙ ИСТОРИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Ранняя история Рима и Италии всегда привлекала внимание исследователей. Появление новых источников — данных этнографии и археологии, совершенствование методов научной критики римской традиции дает возможность по-новому посмотреть на некоторые вопросы истории раннего Рима. Особый интерес вызывают такие проблемы, как древнейшая общественная и политическая структура Рима, характер царской власти, специфика римского города-государства, этрусское и греческое влияние.

Одним из основных спорных вопросов является вопрос о составе древней римской общины и отношении друг к другу входивших в нее патрициев и плебеев. Как известно, в свое время Б. Нибур впервые обосновал на материале римской традиции теорию патрицианской родовой общины. Нибур считал патрициев древнейшим населением Рима и его правящим классом. Патриции, объединенные в роды, курии, трибы, составляли, по мнению Нибура, римский народ, образовывали первоначальный сенат. Они же должны были участвовать в народных собраниях по куриям — куриатных комициях. Другое римское сословие — плебеи (Нибур считал их потомками пришлого населения) — было отделено от патрициев глубокой пропастью, столь же древней, как и сам Рим. Наличие особой патрицианской общины признавал и Т. Моммзен, хотя он расходился с Нибуром во многих вопросах. Моммзен также считал, что участниками куриатных комиций первоначально были патриции, но затем, с созданием центуриатных комиций, собрания по куриям стали доступны и плебеям. Род Моммзен трактовал с позиций патриархальной теории как часть государства.

В конце XIX —начале XX вв. эта точка зрения встретила критические возражения ряда ученых [1]. Против теории патрицианской родовой общины выступил и Э. Мейер[2]. Сословные различия Э. Мейер считал результатом экономического развития, которое он трактовал в духе вульгарного модернизма и экономизма.

В современной зарубежной историографии ряд исследователей также выступает против теории Нибура. Английский историк Ласт считает, что в царский период патриции и плебеи составляли единый политический организм, что куриатные комиции всегда были доступны плебеям, равно как и должность рекса, и что запрещение брака между сословиями, всегда рассматривавшееся как свидетельство разделявшей их пропасти,— явление позднее, результат законодательства децемвиров [3]. Отрицает первоначальное различие между патрициями и плебеями итальянский исследователь Р. Парибени, также отмечающий, что куриатные комиции были всегда доступны плебеям[4]. Выяснению происхождения патрициев в раннем Риме посвящена и работа Альфёльди[5-6]. Альфёльди считает, что патрициат произошел из конницы царей. К этому выводу автор приходит в результате исследования знаков отличия римских патрицианских магистратов. В некоторых из них (например calceus patricius, trabea, phalerae) он признает часть экипировки кавалеристов, в других (anulus aureus, clavus) — знаки почета римской конницы. Происхождение знаков отличия римских патрицианских магистратов из почетных знаков и одежды римских equites — свидетельство того, по мнению Альфёльди, что патрицианская знать в древнейшую эпоху состояла из всадников. Альфёльди не ставит вопроса о характере общественных отношений в царский период. Автор считает, что существовало государство, однако он не рассматривает природу и характер этого государства.

Вопросы о появлении и развитии царской власти, ее органах и общем характере являются также одними из наиболее исследуемых и спорных в древней истории. Бартольд Нибур видел в римском царе пожизненного магистрата, зависевшего в решении большинства вопросов политической, военной и сакральной жизни римской общины от воли народа. Последующее изучение общественной организации отсталых племен пролило свет на характер многих политических институтов раннего Рима, объяснило особенности власти римского рекса, равно как и греческого базилевса. В свое время исследования Фрезера, несмотря на свойственный ему идеализм (объяснение возникновения государства религиозными мотивами), значительно расширили наши знания о древнейшей царской власти в Риме [7]. Этнографический материал позволил ученым

---

[1] W. Soltau, Ueber Entstehung und Zusammensetzung der altrömischen Volksversammlungen, B., 1880; H. Jordan, Die Könige im alten Italien, B., 1887.

[2] Ed. Meyer, Geschichte des Altertums, II, Stuttgart, 1893.

[3] H. Last, The Servian Reforms, JRS, т. XXXV, 1945.

[4] R. Pariberi, Le origini e il periodo regio. La reppublica alla conquista del primato in Italia, Bologna, 1954, стр. 90.

[5-6] A. Alföldi, Der frührömische Reiteradel und seine Ehrenabzeichen, Baden-Baden, 1952. Общая характеристика работ Альфёльди см. Pietro Francischi, Andreas Alföldi, «Studi Romani», 1960, № 3.

[7] Джемс Фрезер, Золотая ветвь, М., 1927; H. Frankfurt, Kingship and the Gods, Chicago, 1958².

школы Фрезера установить наличие в римских и италийских общинах организаций мужской молодежи, наподобие известных «мужских домов», понять характер римской клиентелы [8].

При исследовании характера царской власти в древнем Риме следует исходить из определений К. Маркса и Ф. Энгельса. Основываясь на этнографических исследованиях Л. Моргана, Маркс и Энгельс подвергли резкой критике буржуазных ученых XIX в., превращавших базилевса и рекса «в монарха в современном смысле этого слова». Говоря о значении слова basileia, Маркс указывал, что при наличии наряду с царской властью совета вождей и народного собрания это слово обозначает «...только военную демократию (потому что главный отличительный признак этой власти — военное предводительство)» [9]. В этом же смысле Энгельс трактует и римское regnum, видя в нем также пример военной демократии. Однако до сих пор в буржуазной науке имеются сторонники взгляда на римского рекса как на неограниченного монарха. Уго Коли не видит существенной разницы между царской властью в восточных деспотиях и властью базилевса или рекса [10]. По мнению Коли, установление этой разницы в современной историографии — результат некритического отношения к данным античной традиции. Ливий и Цицерон переносили в описание basileia и regnum черты современной им эпохи, наделяли неограниченных монархов качествами политических деятелей республиканской эпохи (509 стр.). Если и существует разница между восточной деспотией и греческой или римской монархией VIII—VI вв., то она заключается в том, что царская власть в Азии и Египте сохранялась долгое время, в то время как в греко-римском мире она сменилась полисом (стр. 510).

Санто Маццарино, напротив, подчеркивает примитивные черты ранней царской власти, находящей параллели в царской власти у сикулов и других племен Италии, а также у современных отсталых племен [11]. Маццарино считает, что магический характер власти рекса является источником его auctoritas (от augus, augurium). Наряду с auctoritas царь обладал также военной властью — imperium.

Некоторые современные исследователи, изучая религиозные пережитки, стремятся выяснить принципы замены одного царя другим. А. Бернарди в статье «Интерес Калигулы к замене Rex nemorensis» обратил внимание на праздник «Regifugium» [12]. Указывая на сходные черты regifugium с обычаем смены «священного царя» у озера Неми, Бернарди приходит к выводу, что регифугий — это ежегодный обряд магического испытания силы царя в поединке, впоследствии замененного ритуальным бегом. Вследствие этого практически исключалась передача царской власти от отца к сыну. Предводителем общины мог стать и чужеземец. Для подтверждения тезиса о ритуальном убийстве царя и отсутствии передачи царской власти по наследству А. Бернарди использует данные традиции о семи римских царях.

Проблема возникновения государства, его формы и историческое развитие затрагиваются в общих работах по истории Рима и в специальных исследованиях.

Вопросу возникновения и развития города-государства в Риме посвящена уже отмечавшаяся статья Коли. Коли правомерно исходит из общности процесса образования города-государства в различных частях античного мира [13]. Автор правильно считает, что основание города-государства было настоящей революцией в области политических отношений и права. Политический переворот сопровождался образованием нового мировоззрения. Рассматривая причины этого переворота, происшедшего в странах Средиземноморья в разное время, автор указывает на отличие природных условий в долинах больших рек (Египет, Месопотамия), где была возможна организация орошения в общегосударственном масштабе, от условий развития хозяйства на гористых Балканском и Апеннинском полуостровах.

Образование города-государства У. Коли связывает с экономическим переворотом, характеризующимся развитием ремесла, торговли и мореплавания.

Наряду с изучением экономической и юридической природы города-государства в Греции и в Италии автор поднимает важный для истории раннего Рима вопрос о

---

[8] H. Schurtz, Altersklassen und Männerbünde, B., 1904.

[9] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1949, стр. 109.

[10] U. Coli, Stati-citta e unioni etniche nella preistoria greca i italiana, «Studi in onore di Pietro de Francischi», т. IV, 1956, стр. 507—533.

[11] S. Mazzarino, Della monarchia allo stato republicano, Catania, 1947, стр. 63.

[12] A. Bernardi, L'Interesse di Caligulla per la successione del Rex Nemorensis, «Atheneum», Pavia, т. XLI, 1953.

[13] См. С. Л. Утченко, Кризис полиса и политические воззрения стоиков, Десятый международный конгресс историков в Риме. Доклады советской делегации, М., 1956.

союзах городов-государств. Автор четко разграничивает союзы городов-государств и союзы племен в примитивных обществах. Превращение Рима в город-государство Коли датирует временем образования Республики, уничтожившей примитивную организацию федерального типа и сменившую ее государственной. Работа У. Коли имеет большое значение для исследования ранних периодов истории Греции и Италии. Со многими выводами автора согласится историк-марксист. Вместе с тем очевидны и недочеты работы. Автор не видит специфики форм собственности античного города-государства, недостаточное внимание уделяет социальной природе полиса.

Свойственное буржуазной науке смешение различных эпох и социальных институтов наиболее отчетливо выявилось в работе французского ученого Ламбера [14]. Автор пытается объяснить патрициат, клиентелу, домашнее рабство, исходя из структуры феодального общества. Ламбер полагает, что в эпоху Ромула в Риме установился феодализм, существенными признаками которого признаются клиентела, отождествляемая с вассалитетом, и долговое рабство, в котором Ламбер видит подобие крепостничества. Собственность на землю в раннем Риме отождествляется с феодальной собственностью на землю. «Крепостное право» в Риме было отменено, по мнению Ламбера, законом Петелия—Папирия, и вместе с этим исчезла существенная опора феодального общества в Риме (стр. 360).

Для многих современных буржуазных исследователей характерно представление, что государство в Риме было создано завоевателями-этрусками. Как известно, это мнение было высказано еще в конце XIX в. Из Этрурии выводили не только духовную и материальную культуру Рима, но и его политическую организацию. Куно, например, считал Рим этрусским городом, подчеркивая у римлян и у этрусков определенное сходство религиозных представлений, государственных и сакральных институтов и даже языка [15]. Считают, что названия города, его мифических основателей, холмов и древнейших триб имеют этрусское происхождение [16].

К этому «этрусскому» направлению примыкает сейчас известный западногерманский историк Франц Альтгейм [17]. Альтгейм, опираясь на археологические данные, видит в Риме следы раздельного существования двух племен — латинов и сабинян, живших в условиях родового строя. В VII в. до н. э. к ним присоединились этруски, которые коренным образом преобразовали примитивную организацию римской общины и создали государство. Альтгейм не ставит вопроса, насколько было подготовлено к этому перевороту первоначальное население Рима, было ли древнеримское общество разделено на классы. Таким образом, государство рассматривается как сила, навязанная обществу извне. Этруски явились создателями курий и декурий, которые уже не соответствовали прежним кровнородственным союзам (Altheim, ук. соч., т. I, стр. 199). Они же дали названия большинству курий и триб. Этруски явились также создателями нового сената, состоявшего из представителей курий, в то время как старый сенат состоял из представителей родов. Государство, основанное на куриях, как полагает Альтгейм, возникло еще до центуриатной реформы, приписываемой Сервию Туллию. Его создателями были этруски.

Сходную оценку роли этрусков как разрушителей римского родового строя и творцов государственной организации дает швейцарский ученый Эрнст Мейер [18]. Согласно Мейеру, деление по куриям и трибам представляло собой уже административное деление, свидетельствовавшее о возникновении примитивного государства на основе родовой организации. Но превращение этого примитивного государства в единое государство — дело этрусков. Власть царя не была наследственной. Царь выкликался своим предшественником; до этого времени существовал интеррекс. При царе существовал сенат, т. е. совет глав патриархальных фамилий, имевший совещательные функции и власть в период междуцарствия.

Сходную оценку роли этрусского господства в преобразовании римского политического строя мы находим в «Истории Рима» Луиджи Парети. Парети считает, что с этрусским господством rex превратился в абсолютного владыку с династическими тенденциями [19].

А. Бернарди в статье «Сабинский и этрусский период в римской монархии» выделяет две фазы в римской царской власти [20]. Он полагает, что в VII в. до н. э. Рим был сабинским городом, а с 575 г. до н. э.— этрусским, что латиняне на заре истории Рима играли второстепенную роль. Наряду с археологическими данными, один из главных доводов автора — уничтожение метрополии латинян Альбы-Лонги. По его мнению,

[14] J. N. L a m b e r t, Les origines de Rome à la lumière du droit comparé. Romulus, «Studi in onore di Pietro di Francischi», Milano, т. I, 1956.

[15] J. G. C u n o, Vorgeschichte Roms, I, 1878, I—II, 1888.

[16] W. S c h u l z e, Zur Geschichte der lateinischen Eigennamen, B., 1904.

[17] F. A l t h e i m, Römische Geschichte, тт. I—II, F. a. M., 1951—1953.

[18] E. M e y e r, Römischer Staat und Staatsgedanke, Zürich, 1948.

[19] L. P a r e t i, Storia di Roma, I, Torino, 1952, стр. 300.

[20] A. B e r n a r d i, Periodo sabino e periodo etrusco nella monarchia romana, «Rivista storica italiana», 1954, вып. I, стр. 5—20.

Альба-Лонга могла быть разрушена лишь в том случае, если в Риме преобладали сабинянские элементы. Влиянием сабинян автор также объясняет тот факт, что в Риме до этрусков правили цари, в то время как в латинских общинах власть принадлежала диктаторам (стр. 12—14). Только с изгнанием этрусков Рим становится латинским городом.

Большая полемика ведется в современной зарубежной историографии по вопросу о роли familia в раннем римском обществе. Известный историк римского права Бонфанте, развивая взгляды Сомнера Мэна, разработал теорию о фамилии как основе и источнике римской государственности [21]. Против этой теории выступает ряд юристов и историков. М. Казер полагает, что концепция Бонфанте не согласуется с данными о развитии государства у других индоевропейских народов [22]. Он упрекает Бонфанте в том, что тот оставил в стороне эволюцию самой фамилии, не проследил, как она сменилась небольшой индивидуальной семьей. Р. Парибени рассматривает римскую фамилию преимущественно как религиозный институт, поддерживающий культ очага и культ предков [23], хотя и указывает на другие функции фамилии — продолжение рода и обеспечение членов фамилии средствами к существованию. Несомненный интерес для характеристики условий, в которых развивалась фамилия, представляет использование автором наряду с литературными источниками памятников скульптуры и архитектуры. Изучая причины распада римской фамилии, автор, однако, мало внимания уделяет социальным факторам. Правильно подчеркивая, что рабство было не только существенной частью фамилии, но и ферментом, ее разлагающим (стр. 57), Р. Парибени не замечает изменений в самом рабстве. Между тем одной из причин распада старой патриархальной семьи, несомненно, послужило то, что патриархальное рабство сменилось классическим.

Наиболее значительной работой, посвященной римской фамилии и связанным с ней экономическим, социальным и юридическим отношениям, является четырехтомное исследование Уестрапа [24]. Это — труд всей жизни датского ученого. В I томе семья характеризуется с точки зрения общности хозяйства и религиозного культа. Во II томе исследуются формы собственности римской фамилии, в III томе характеризуется patria potestas. В IV томе мы находим обстоятельную характеристику источников ранней правовой и политической истории Рима.

Один из томов исследования посвящен памяти Генри Сомнера Мэна. Подобно Мэну, Уестрап рассматривает род как универсальную общественную ячейку, предшествовавшую большой патриархальной семье. Так же как и Мэн, Уестрап отказывается видеть в правовых отношениях народов какие-либо пережитки матриархата. В то же самое время в отличие от Мэна Уестрап не решается утверждать, что государство берет начало в семье.

Большое внимание автор уделяет patria potestas. Он считает ее общим «арийским институтом, принявшим лишь у римлян легальные формы». Показывая усиление роли главы фамилии, автор связывает его с процессом сосредоточения имущества в руках pater familias. Уестрап полагает, что развитие рабства было фактором, содействовавшим образованию большой патриархальной семьи (т. II, стр. 21). Большая патриархальная семья была вызвана к жизни экономической необходимостью.

Рассматривая развитие государственных форм в раннем Риме, буржуазные историки сознательно уходят от проблемы крушения родового строя, от классовой борьбы, которая уже на заре римской истории отличалась большой остротой. Изучение революционного перехода от родового строя к классовому рабовладельческому подменяется исследованием эволюции отдельных политических учреждений древней римской общины.

Один из зачинателей теории эволюционного развития античного государства Белох обнаружил переходную форму от власти царей к власти консулов в диктатуре [25]. Другие исследователи, также придерживающиеся взгляда, что между царской властью и властью консулов были промежуточные формы, выдвинули ряд сложных и произвольных гипотез о характере этих промежуточных форм. Де-Санктис полагает, что после изгнания царей власть перешла к коллегии из трех преторов, командиров трех военных подразделений — Ramnes, Tities, Luceres. Впоследствии произошло перераспределение власти между тремя преторами: двое из них руководили военными действиями, третий отправлял правосудие в самом Риме — praetor urbanus [26]. А. Бернарди вы-

---

[21] P. Bonfante, Istituzioni di diritto Romano, Milano, 1907

[22] M. Kaser, Das Römische Privatrecht, München, 1955; он же, la familia romana, Annali Triestini di diritto, economia e politica, № 20, 1950; эта работа мне недоступна.

[23] R. Paribeni, La familia Romana, Bologna, 1948.

[24] C. W. Westrup, Introduction to early Roman Law. The patriarchal joint family, L., 1934—1950.

[25] K. Beloch, Römische Geschichte, B., 1926, стр. 232.

[26] De Sanctis, Storia dei Romani, Torino, 1955, стр. 404.

двигает ряд возражений против гипотезы о происхождении диктатуры из власти трех преторов [27]. По его мнению, сама должность преторов восходит к тем помощникам царя, которым он доверял руководство вооруженными силами. После изгнания этрусков эти преторы стали независимыми магистратами.

Наряду с этрусским влиянием в Риме в ряде работ прослеживается влияние греков, которые так же как и этруски стояли тогда впереди римлян и латинян в общественном развитии. Делается попытка выяснить начало греческого влияния, его пути и результаты. Недостоверные в деталях легенды о проникновении Микен и Крита в Сицилию и Южную Италию, о бегстве Дедала и погоне за ним Миноса находят общее подтверждение в данных археологических раскопок последних лет. Обобщением результатов этих данных является работа В. Тэйлора [27a]. Автор дает систематический обзор микенской керамики, найденной в Сицилии, Апулии, Кампании, на Эолийских островах и Искии, на Мальте. Классификация находок дается на основании датировки микенской керамики, данной Фурумарком [28]. Особое внимание уделяется микенским находкам на Эолийских островах, позволившим установить точный синхронизм между микенскими предметами и культурой бронзового века, называемой Апеннинской [29]. В. Тэйлор приходит к выводу, что микенское влияние в Италии начинается с XVI в. до н. э. и что период наиболее интенсивных связей Микен с Италией — XVI—XIV вв. до. н. э. Автор полагает, что наиболее тесно были связаны с Западом Родос и Кипр и что родосские изделия были наиболее популярны в районе современного Торенто в XIV—XIII вв. до н. э. Однако микенское влияние в Италии не следует преувеличивать. Микенские находки теряются в массе местных изделий. Значение микенской керамики на почве Италии состоит в том, что по ее данным мы можем сравнительно точно датировать памятники бронзового века в Италии, в том числе и на территории Лациума.

Западногерманский историк Франц Бёмер усматривает греческое влияние в распространении в Риме легенды о троянском происхождении Энея [30]. Распространение этой легенды связывается с фокейской колонизацией. В то же время Бёмер изучает местные условия того периода, когда в Риме не было письменности, условия, способствовавшие распространению троянской легенды. Передатчиками троянского предания были, по мнению Бёмера, этруски. Образ Энея (по-этрусски Eina), подобно образу Одиссея, был идеалом для всех смелых мореплавателей, искателей приключений и открывателей новых земель.

Еще более решительно выступает против «ходячего представления о троянской традиции, как о поздней греческой выдумке» А. Альфёльди [31]. Вслед за Бёмером Альфёльди считает этрусков распространителями легенды о троянском происхождении Рима в противовес легенде об Одиссее, распространяемой греками. Для подтверждения этого тезиса он широко использует данные этрусского монументального искусства и римской нумизматики. Альфёльди устанавливает, что вычеканенное на древнейших римских серебряных денариях божество Рома имеет шлем восточного происхождения (типа фригийского колпака). Центром, к которому была приурочена легенда, в согласии с традицией, Альфёльди считает город Лавиний. Это положение автор стремится подкрепить и археологическими данными. Археология действительно свидетельствует о Лавинии как об одном из древнейших поселений Лациума, однако у нас нет оснований считать Лавиний древнейшим центром латинского союза.

Таковы вкратце те вопросы древнейшей истории Рима, которые затрагиваются в современных исследованиях буржуазных авторов.

Целью нашего обзора являлось показать отношение буржуазных исследователей к главным проблемам ранней римской истории. Сильной стороной этих исследований является использование новых источников, удачное освещение отдельных вопросов истории римских родовых учреждений. В то же время современную буржуазную науку по-прежнему отличает непонимание единства и непрерывности исторического процесса. Характерно, что в обширнейшем докладе П. Франтиши на X Всемирном конгрессе историков [32], где самым детальным образом были рассмотрены взгляды на римскую об-

---

[27] A. B e r n a r d i, Dagli ausiliari del «Rex» a la magistrati della «Respublica», «Athenaeum», т. XXX, 1952, стр. 17.

[27a] W. T a y l o u r, Mycenian pottery in Italy and adjacent areas, Cambridge, 1958.

[28] A. F u r u m a r k, The Mycenian Pottery, 1940—1941.

[29] Впервые этот синхронизм установлен организатором раскопок Бернабо Бреа. L. Bernabo B r e a, M. C. C a v a l i e r, «Bulletino di paletnologia Italiana», т. X, 1956, стр. 3—94.

[30] F. B ö m e r, Rom und Troia, Untersuchungen zur Frühgeschichte Roms, Baden-Baden, 1951.

[31] A. A l f ö l i d i, Die Troianischen Urahnen der Römer, Basel, 1957. Альфёльди имеет в виду работу J. P e r r e t, Les origines de la légende troyenne de Rome (281—31 av. J. C.), P., 1942.

[32] P. de F r a n c i s c h i, La comunita sociale e politica Romana primitiva, Relazioni, т. II, стр. 64 слл.

щину как итальянских, так и неитальянских исследователей XIX и XX вв., не нашлось места для изложения концепции А. Моргана и Ф. Энгельса, которой придерживаются ныне не только историки СССР и стран народной демократии, но и ряд прогрессивных исследователей капиталистических стран. Дж. Томсон справедливо заметил, что на эту концепцию наложено табу: «Буржуазные мыслители, отстаивающие частную собственность как нечто, существовавшее испокон веков», инстинктивно почувствовали, что Моргану следует оказать сопротивление по всему фронту, но при всем их единодушии в осуждении Моргана их фронт не был единым, потому что они оказались совершенно неспособными противопоставить какое-либо положение, которое бы получило всеобщее признание [33].

За 75 лет, прошедших со времени появления книги Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», значительно пополнился археологический материал, который может быть использован для решения проблем истории римской родовой общины. Этот материал не только не опровергает основных идей труда Ф. Энгельса, который назван В. И. Лениным «одним из основных сочинений современного социализма», но может быть правильно понят лишь в свете этих идей.

А. И. Немировский

НОВЫЕ КНИГИ И СТАТЬИ ПО ЕГИПТОЛОГИИ

(Краткие аннотации)

I. ПУБЛИКАЦИИ, ПЕРЕВОДЫ И ТОЛКОВАНИЯ ИСТОЧНИКОВ

C. A l d r e d, *The Beginning of the El ʿAmārna Period*, JEA, 45 (1959), стр. 19—33. Публикация трех фрагментов стелы K[1] (?), найденных Квибеллем в Нехене в 1898 г., из Шотландского королевского музея (№ 347), открывающих новый переходный момент в быстрой эволюции имени и образа Ра-Харахти. Отстаивая теорию о соправлении, Олдред выдвигает гипотезу, что на 2, 6 и 9 году царствования Эхнатона отец его Аменхотп III отпраздновал три хебседа совместно с Атоном, и предлагает вновь перестроенную на этом основании таблицу амарнских дат.

T. A n d r z e j e w s k i, *Le Papyrus Mythologique de Te-hem-en-Mout*, Warszawa — Paris, 1959, 74 стр., илл., 8 таблиц. Публикация мифологического папируса певицы Амона Те-хем-ен-мут, происходящего, вероятно, из погребальной камеры в Дейр аль Бахри XXI династии, из коллекции Национального музея в Варшаве (№ 199 628). Содержит описания трех культовых сцен поклонения Ра-Харахти и фетишу Имиута.

R. A n t h e s, *Mit Rahineh 1955*, Philadelphia, 1959, 93 стр., илл. в тексте, 45 таблиц. Публикация результатов раскопок под руководством автора в юго-западной части храма Птаха в Мемфисе. Раскопки велись в 1955 г. Университетским музеем Пенсильвании (США) совместно с Управлением древностей Египта. Приложен крупномасштабный план Мемфиса на отдельном листе.

J. W. B a r n s, *Two Coptic Letters*, JEA, 45 (1959), стр. 75—84. Публикация двух писем VI века н. э., найденных Джонсоном во время раскопок в Антинополисе (из переписки христианских священников в Египте).

G. B o t t i, *La Glori icazioni di Sobk e del Fayyum in un papiro ieratico da Tebtynis*, Copenhagen, 1959, 111 стр., XI + XI табл. Литографированное издание на итальянском языке — публикация папируса, найденного C. Anti во время раскопок в Тебтюнисе в 1931 г., имеющего большое значение для изучения культа Собка.

R. B o w e n, *Egypt's Earliest Sailing Ships*, «Antiquity», 134 (1960), стр. 117—131. Публикуя изображения на додинастическом сосуде Брит. муз. № 36326 герзейского времени, автор высказывает предположение, что этот сосуд старше на сто лет, чем сосуд № 35324, который считается первым изображением парусной лодки; далее автор касается изобретения и усовершенствования парусов, оснастки и искусства управления кораблем.

---

[33] Дж. Т о м с о н. Исследования по истории древнегреческого общества, М., 1958, стр. 81.

H. Brunner, *An Honoured Teacher of the Ramesside Period*, JEA, 45 (1959), стр. 3—5. Публикация стелы «первого колесничего царя и посла его во всех странах» Wn-nfr, Брит. муз. № 154. Наряду со своими родственниками умерший помещает имя своего учителя Аменемопе, вероятно, идентичного автору Pap. Anastasi III.

M. L. Buhl, *The Late Egyptian Anthropoid Stone Sarcophagi*, København, 1959, 234 стр., IX табл., 100 илл. в тексте. Каталог позднеегипетских каменных антропоидных саркофагов.

M. Cassirer, *A Scarab with an Early Representation of Resheph*, JEA, 45 (1959), стр. 6—7. Публикация скарабея времени Аменхотпа III с изображением сирийского бога Решефа, убивающего змею.

G. Castellino, *Una lettera inedita di Champollion*, RSO, 34 (1959), 3—4, стр 119—125. Публикация неизданного письма Шампольона из Турина к графине Мазино от 1824 г., найденного автором в пьемонтском архиве.

J. J. Clère, *Un Hymne à Abydos sur une stèle inédite d'Époque Ramesside*, ÄZ, 84(1959), 2, стр. 86—104. Публикация стелы Ḥr-m-wꜣ, жреца Гора-младенца, происходящей из Абидоса и находящейся в продаже с 1935 г. Стела интересна тем,что сопоставление ее девяти кратких гимнов с почти аналогичными текстами Leyde K 9, Vienne, «стела» № 90 и Berlin 8172 дает возможность установить последовательность событий в мифе о Горе и в мистериях Осириса.

N. G. Davies, *A Corpus of Inscribed Egyptian Funerary Cones*, Oxf., 1957, Ed. by L. Macadam, Part 1, Plates. Посмертное литографированное издание коллекции погребальных конусов из фиванского некрополя, собранных Дэвисом в Гурне; в надписях много новых имен и «титулов». Факсимиле надписей на торцах 611 конусов по рисункам Дэвиса, указатели собственных имен, титулов и эпитетов.

Ph. Derchain, *Une porte d'Antonin le Pieux et l'Osiris d'Erment à Médinet Habou*, ChÉg, 67 (1959), стр. 21—33. Публикация блоков и фрагментов эпохи фараонов, найденных в развалинах коптского монастыря у входа в Долину цариц; в их числе два относятся ко времени Хатшепсут и Рамсеса III, остальные — к римской эпохе.

W. B. Emery, *Great Tombs of the First Dynasty*. T. 3, L., 1958, 109 стр., илл., 78 таблиц. Публикация результатов раскопок гробниц I династии в Саккаре.

W. Erichsen, *Die Satzungen einer ägyptischen Kultgenossenschaft aus der Ptolemäerzeit*, København, 1959, 62 стр., 1 лист факсимиле. Публикация демотического папируса, приобретенного Пражской городской библиотекой из частного собрания Вселлы (из Тебтюниса, птолемеевской эпохи). Этот папирус, по-видимому, принадлежит к семи аналогичным папирусам Каирского музея и освещает внутреннюю организацию и деятельность жреческих объединений II века до н. э. (устав, членские взносы, товарищеский суд, штрафы, благотворительность и т. д.).

R. O. Faulkner, *An Ancient Egyptian Book of Hours* (*Pap. Brit. mus. 10569*), Oxf., 1958, 41 стр., 31 факсимиле. Публикация папируса Брит. муз. № 10569, содержащего «Книгу Часов», возможно, из Мемфиса, относящегося к птолемеевской эпохе (III в. до н. э.).

W. Federn, *Roi ou statue royale?* ChÉg, 68 (1959), стр. 214. Автор обращает внимание специалистов на мнение Б. Б. Пиотровского, что фигура Рамсеса IX на рельефе верховного жреца Аменхотпа есть изображение статуи, а не живого царя (см. ДАН, В, 1929, стр. 115—119).

H. G. Fischer, *A Scribe of the Army in a Saqqara Mastaba of the Early Fifth Dynasty*, JNES, 18 (1959), 4, стр. 233—272, VII таблиц. Публикация новонайденных материалов о неисследованной гробнице на западном краю северного кладбища в Саккара, в 250 метрах к северу от мастабы Ти, принадлежащей писцу Kꜣ.i-ʿpr начала V династии.

H. Fischer, *The Butcher Ph-r-nfr*, Or., 29 (1960), 2, стр. 168—190. Исследование титулатуры «начальника мясников» Пехернефера на его статуе (Лувр A 107), найденной Мариэттом в одной из гробниц Древнего царства к северу от аллеи сфинксов близ Серапеума.

A. Gardiner, *A Didactic Passage Re-examined*, JEA, 45 (1959), стр. 12—15. Грамматический и лексический анализ отрывка из поучения Ани (Pap. Boulaq IV, 3,3—9).

H. Goedicke, *A Puzzling Inscription*, JEA, 45 (1959), стр. 98. Публикация надписи на маленьком куске твердого камня из частной коллекции: Ḳmꜣ ḥsꜣ «тот, кто создает гнев» или «создается гневом» (конец Древнего царства или начало Среднего).

H. Goedicke, *A Fragment of a Biographical Inscription of the Old Kingdom*, JEA, 45 (1959), стр. 8—11. Публикация фрагмента надписи неизвестного чиновника конца V династии из раскопок Абубакра в Гизе на западном краю плато, содержащего биографический текст, в котором говорится о милостях царя его заболевшему приближенному (аналогии см. гробн. Dbḥny и Wꜣš Ptḥ).

H. Grapow, Beschreibung und Kollation des Papyrus Ebers, ÄZ, 84 (1959), 1, стр. 38—54. Первое подробное научное описание папируса Эберса — его внешнего вида, пробелов, помарок, разного цвета поправок и приписок; результаты сравнения с изданием 1875 года; три факсимиле и списки многочисленных исправлений в тексте.

J. G. Griffith, A Note on P. Demot. Mag. London et Leiden XIII, 2, ÄZ, 84 (1959), 2, стр. 156—157. О связи Геба с его матерью Тефнут: новое восстановление лакуны в строке 93.

L. Habachi, The Graffiti and Work of the Viceroys of Kush in the Region of Aswan, «Kush», V (1957), стр. 13—36.

E. Hornung, Neferti im Alten Reich, ÄZ, 84 (1959), 2, стр. 157—158. Публикация ложной двери špśś-nśwt mtr-n-sȝ ỉmj rȝ wp.wt Nfr-ỉśw.t-Wnjś Nfrtj; имя Неферти, которое носит также автор поучения Эрмитажного папируса № 1116 B, впервые засвидетельствовано здесь для Древнего царства.

E. A. Jelínková, Sale of Inherited Property in the First Century B. C. (P. Brit. Mus. 10075, *Ex Salt Coll.* № 418), JEA, 45 (1959), стр. 61—74. Продолжение работы автора по праву Позднего Египта (начало см. JEA, 43) — исследование документа, касающегося продажи дома, от 18 года Птолемея Филопатора Филадельфа.

H. Junker (hrsg.), Der Grosse Pylon des Tempels der Isis in Philä, Wien, 1958, 282 стр., илл. в тексте, 34 табл. Полная публикация надписей и изображений большого пилона храма Исиды в Филэ (иероглифическая транскрипция всех надписей и перевод на немецкий язык).

H. Kees, Zur Familie des 3. Amonspropheten Amenophis, ÄZ, 84(1959), 1, стр. 54—67. Публикация сидящей статуи Хори, жреца Амона (KM, J. 37150) (675 г. до н. э.), и подробное исследование его генеалогии и титулатуры. В статье уделено много внимания переплетающимся связям государственных и жреческих должностей в эпоху Рамессидов, при Ливийской и Эфиопской династиях.

K. A. Kitchen, Four Stelae in Leicester City Museum, Or., 29 (1960), 1, стр. 75—97. Публикация четырех стел, принадлежащих лицам по имени Nb-n-tȝ-nb ʾIȝw-n-ʾImn, Pȝ-ȝj, Snwʿnḫ (под №№441920 и 141920), из египетской коллекции городского музея в Лейстере (Англия), из которых одна относится к Среднему царству и три — к эпохе Рамессидов (интересны редкие титулы и имена).

G. Mérei, G. u. J. Nemeskéri, Bericht über eine bei einer Mumie verwendete Nasenprothese, ÄZ, 84 (1959), 1, стр. 76—78. Публикация головы мумии конца I в. н. э. из Национального музея в Будапеште с остатком сделанного после смерти деревянного протеза на месте носа.

H. de Meulenaere, Prosopographica Ptolemaica, ChÉg, 68 (1959), стр. 244—279. 1) Стела Vienne 157; 2) жертвенный стол Каирского музея 23166 + 23172; 3) статуя Каирского музея 680. Исследование памятников птолемеевской эпохи, помогающих установить генеалогию и родственные связи лиц, зарегистрированных в III томе труда, носящего то же название.

H. de Meulenaere, Zwei Bemerkungen zur Naukratisstele, ÄZ, 84 (1959), 1, стр. 78—79. Уточнение перевода двух трудных мест этой стелы (возражения против перевода B. Gunn в JEA, 29, стр. 55—59).

H. W. Müller, Ein neues Fragment einer reliefgeschmückten Schminkpalette aus Abydos, ÄZ, 84 (1959), 1, стр. 68—70. Публикация нового фрагмента абидосской палетки из частной коллекции с изображением птицы nḫ на одной стороне и части символической сцены победы над врагом на другой.

H. Müller-Feldmann, Ein Toilettenkästchen der Königin Ahhotep, ÄZ, 84(1959), 2, стр. 143—145. Публикация эбеновой туалетной коробочки в виде картуша царицы Аххотеп, принадлежавшей Берлинскому музею и утерянной во время войны. Была найдена, по всей вероятности, Мариэттом в 1859 году в саркофаге этой царицы в Дра-абу-н-Нагга.

D. Müller, Zu Urk. IV 1541, 1—7, ÄZ, 84 (1959), 2, стр. 158—160. Новый вариант чтения трудного места в тексте стелы Тутмоса IV.

H. W. Müller, Kopf einer Statue des ägyptischen Sonnengottes aus dem Alten Reich, «Pantheon», 18 (1960), 3, стр.109—113. Публикация нового приобретения Мюнхенского городского музея — головы из кварцита от статуи натуральной величины в царском платке, увенчанном большим выпуклым диском. По всем признакам относится ко времени царя V дин. Неферикара (2540 или 2440 г. до н. э.). Статуя, по-видимому, изображала не царя, а бога Ра, и стояла около главного обелиска в храме. Она является единственной в своем роде и заполняет пробел в истории египетской скульптуры Древнего царства.

R. A. Parker, A Demotic Mathematical Papyrus Fragment, JNES, 18 (1959), 4, стр. 275—279. Публикация демотического математического папируса из коллекции Института Гриффитса № 1 E. 7, приобретенного в 1898 г. в Dimê. Содержит задачи алгебраического типа и на дроби.

A. Piankoff, Mythological Papyri, ed. *N. Rambova*, N. Y., 1957. Публикация тридцати папирусов мифологического содержания времени XXI династии из Каира, Лувра, Турина и других музеев.

A. F. Shore and H. S. Smith, Two Unpublished Demotic Documents from the Asyūt Archive, JEA, 45 (1959), стр. 52—60. Публикация двух новых демотических документов, принадлежащих к ассиутскому архиву из 11 документов, изданному Томпсоном в 1934 г.: Pap. BM dem 10589 от 6 г. Птолемея VI Филометера (15/IV 175 г. до н. э.)— договор об обмене дома на земельный участок, и Pap. BM dem 10601 — расписка в получении пшеницы.

W. K. Simpson, The Hyksos Princess Tany, ChÉg, 68 (1959), стр. 233—239. Публикация фрагмента из частной коллекции в Каире, происходящего из Tell ed Deb'a в восточной Дельте, на котором упоминается «сестра царя Тани»; относится, вероятно, ко времени гиксосского владычества в Египте.

W. Werbrouck, Un groupe de deuillants à la XVIII dynastie, ChÉg, 68 (1959), стр. 203—207. Публикация фрагмента 7265 из Музея искусства и истории в Брюсселе, относящегося ко времени Аменхотпа III или Тутмоса III.

E. Winter, Zur frühesten Nennung der Epagomenentage und deren Stellung am Anfang des Jahres, WZKM, 56 (1960), стр. 262—266. Публикация надписи из гробницы Nj-Kȝ-ʿnḫ (V дин.) в Tehne, в которой эпагомены помещены не в конце, а в начале года; комментарии и попытки объяснить это исключительное изображение.

C. de Wit, Une statue stéléphore de la XVIII-e dynastie au Musée d'Anvers, ChÉg, 68 (1959), стр. 240—243. Публикация статуи писца по учету скота Амона (Ba)i, времени Аменхотпа II, приобретенной музеем Vleeshuis в Антверпе в 1879 г. (mv 79. 1. 283).

II. БИБЛИОГРАФИЯ И НЕКРОЛОГИ

F. W. v. Bissing: Verzeichnis seiner Schriften (1895—1956). Zusammengestellt von I. Wallert, ÄZ, 84 (1959), 1, стр. 1—16. Полный список научных трудов Ф. Биссинга, включающий 621 название.

P. M. Fraser, Bibliography: Graeco-Roman Egypt; Greek Inscriptions (1958), JEA, 45 (1959), стр. 88—97.

J. Janssen, Annual Egyptological Bibliography. 1957, Leiden, 1958, 170 стр. Двенадцатый том библиографического ежегодника по египтологии, охватывающий 575 названий. Начиная с этого тома вводится новая нумерация: первые две цифры будут обозначать последние две цифры года, остальные — порядковый номер названия. Книга включает №№ 57001—57575 (№№ 57568—57575 — некрологи).

J. Janssen, Annual Egyptological Bibliography. 1958, Leiden, 1959, 231 стр. Тринадцатый том библиографического ежегодника по египтологии, охватывающий 677 названий (№№ 58001—58677 по новой нумерации).

P. Gilbert, Marcelle Werbrouck, ChÉg, 68 (1959), стр. 187—191. Некролог.

R. Marquebreucq, Marcelle Werbrouck, там же, стр. 192—202. Библиография.

J. L. Gower, Amice Mary Calverley (Introduction by Sir Alan Gardiner), JEA, 45 (1959), стр. 85—87. Некролог.

J. Ph. Lauer, Le complexe funéraire de l'Horus Sekhem-Khet et la seconde pyramide à degrés de Saqqarah, Rev. Arch., 2 (1959), стр. 89—95. Памяти М. Закарии Гонейма: биографический очерк и история открытия недостроенной ступенчатой пирамиды Сехемхета.

III. РАСКОПКИ

В ChÉg, 66, 1958, стр. 202—203; 67, 1959, стр. 34—37; «Kush», VI, 1958, стр. 5—6; 82—98; 131—143; в «Журнале Польской Академии наук», 4, 1959, стр. 46—84, помещены предварительные сообщения о раскопках. Согласно этим сообщениям раскопки производились: в Туре —раскопки некрополя, где среди других примечательна гробница Среднего царства с саркофагом и стелой, а также могила, в которой была найдена голова мумии; много саркофагов из известняка; в районе Гелиополя открыто семь гробниц позднего времени и куполообразная гробница, содержавшая мумию; о раскопках польской экспедиции в Атрибисе см. ВДИ, 1960, № 1, стр. 186; в Матарие — гробница XII династии с росписями и двумя скелетами страусов; в Абу-Роаш — множество додинастических погребений и сто гробниц времени I династии (надпись на палетке: Гор Аха), а также сохранившаяся в неприкосновенности мастаба чиновника Нимаатра (IV дин.) с двумя его статуями; в Западных Фивах расчищен заупокойный храм Аменхотпа III (три статуи этого царя, сфинкс с хвостом крокодила); в гробнице Хирхуфа (№ 192) найдена статуя Хирхуфа, а в шахте много мумий времени XX династии; в Нубии в Солебе расчищена часть храма Аменхотпа III, раскопки в близлежащем некрополе (17 гробниц времени XVIII дин. и мероитского); в районе Кусталь найдено три жертвенных стола мероитского времени, 42 гробницы мероитской знати; 120 гробниц (Древнее, Новое царство, мероитское время, III—VI вв. н. э.); в Абка вторично обследованы неолитические стоянки; раскопки на о-ве Сай (сев. Судан).

IV. ИСТОРИЯ

A. W i e r c i n s k i, Introductory Remarks Concerning the Anthropology of Ancient Egypt, BSGE, 31 (1958), стр. 73—84.

K. J. N a r r, Anfänge von Bodenbau und Viehzucht, «Paideuma», 7 (1959), 2, стр. 83—98. Полемизируя с теорией автохтонного возникновения скотоводства и земледелия в Передней Азии и Египте, автор развивает мысль о том, что скотоводство распространялось с севера Азии в Вост. Африку, а прото-зерновое хозяйство — из Ю. Азии в С. Африку.

J. K a p l a n, The Connections of the Palestinian Chalcolithic Culture with Prehistoric Egypt, IEJ, 9 (1959), 2, стр. 134—136. Четыре сходных типа керамики, найденных в районе Ghassul и в деревне Hamamaiyeh близ Бадари, а также некоторые другие свидетельства подтверждают, по мнению автора, что связь Палестины с Египтом в доисторическую эпоху была теснее, чем принято полагать.

J. v. B e c k e r a t h, Die Könige mit dem Thronnamen Sḫm-rᶜ ḥw-tȝwj, ÄZ, 84 (1959), 2, стр. 81—85. В результате пересмотра источников автор устанавливает, что под этим именем было два царя: первым был Sḫm-rᶜ ḥw-tȝwj (I), правивший в самом конце XII династии после царицы Нефру-Собк, и, может быть, царей Ḫw-tȝwj-rᶜ Wgȝf(2 г.) и Sḫm-Kȝ-rᶜ ʾImn-m-ḥȝt-snb.f. (3 г.); вторым был Sḫm-rᶜḫw-tȝwj (Amenemḥēt-) Sebkḥotpe (II) — 15-й царь XIII династии, вступивший на престол на 20 лет позже.

G. P o s e n e r, Pour une localisation du pays Kush au Moyen Empire, «Kush», VI (1958), стр. 39—68. Топонимика Куша; дата появления этого слова в источниках — 18 год Сенусерта I; эволюция начертания. Определение размеров территории страны в эпоху Среднего царства и ее границ. Куш и Нубийская цивилизация. «Kaś>Kaš» — не автохтонное название, но принесенное племенем-завоевателем в южную долину у I порога в конце Древнего царства и затем распространенное египтянами по всему Ближнему Востоку.

J. V e r c o u t t e r, Upper Egyptian Settlers in Middle Kingdom Nubia, «Kush», V (1957), стр. 61—69.

W. F. L e e m a n s, The Trade Relations of Babylonia and the Question of Relations with Egypt in the Old Babylonian Period, JESHO, 3 (1960), 1, стр. 21—37. Сообщение на VIII международной встрече ассириологов в Гейдельберге в 1959 г. В результате изучения торговых путей Переднего Востока во II тысячелетии до н. э. (время Хаммураби в Вавилоне, Среднего царства в Египте) автор приходит к отрицательному выводу о каких бы то ни было прямых связях между этими странами в ту эпоху.

S. Y e i v i n, Yaᶜqobʾel, JEA, 45 (1959), стр. 16—18. Исследование об имени *Yaᶜqobʾel*, встречающемся на скарабеях гиксосских царей и в списке азиатских городов, захваченных Тутмосом III.

A. el M a n s u r i, Art Culture of India and Egypt, Calcutta, 1959, 104 стр. Популярная брошюра, написанная с целью привлечь внимание индийского читателя к сходным явлениям в области культуры и искусства Индии и древнего Египта.

H. A h a r o n i, Zephath of Thutmose, IEJ, 9 (1959), 2, стр. 110—122. Идентификация местности «к северу от ḏft» на пути войск Тутмоса III с библейским Zephath, представляющим собой теперь археологический пункт 1504. 2155 в районе Шарона, в двух км к северу от Givᶜat Ada и в шести км к СЗ от Tell al Asâwir (Khirbet Sitt Leila). Попытки идентифицировать также Migdal и другие пункты на этом пути.

E. Z y h l a r z, The Countries of the Ethiopian Empire of Kash (Kush) and Egyptian Old Ethiopia in the New Kingdom, «Kush», VI (1958), стр. 7—38. Установление карты древнего Судана по материалам Карнакских списков стран Куша, аннексированных Тутмосом III; выяснение политической точки зрения Египта на Куш в эпоху Нового царства.

P. B. R e d f o r d, Some Observations on ᶜAmārna Chronology, JEA, 45 (1959), стр. 34—37. Последовательно опровергая доводы сторонников гипотезы о соправлении Аменхотпа III и Эхнатона, автор выдвигает неаргументированную гипотезу об отречении Аменхотпа III от престола и выводит отсюда свой вариант хронологии периода.

C. A l d r e d, The Gayer Anderson Jubilee Relief of Amenophis IV, JEA, 45 (1959), стр. 104. Замечание к рельефу Музея Fizwilliam EgA № 2300, 1943, опубликованному Гриффитсом в JEA, 5, стр. 61 и 8, стр. 199, который относится по некоторым признакам к первому хебседу Атона на 2 году царствования Эхнатона, чему, однако, противоречит надпись на левой стороне, говорящая о 6 годе, вероятно, приписанная позже.

E. F. C a m p b e l l, The Amarna Letters and the Amarna Period, «Biblical Archaeologist», 23(1960), 1, стр. 2—22. Коснувшись проблемы амарнской хронологии и связанных с ней трудностей, автор переходит к рассмотрению политического положения в Палестине при Эхнатоне. По проблеме ᶜapiru/SA. GAZ он высказывается против того, чтобы считать их предками евреев, и доказывает, что это были «мятежники» вообще.

D. O. E d z a r d, Die Beziehungen Babyloniens und Ägyptens in der Mittelbabylonischen Zeit und das Gold, JESHO, 3 (1960), 1, стр. 38—55. Доклад автора на VIII международной встрече ассириологов в Гейдельберге в 1959 г. о торговых связях Вавилона

с окружающими странами в эпоху касситов; уделено много внимания роли золота в обмене между Вавилонией и Египтом конца XVIII династии.

H. Bar-Deroma, The River of Egypt (*Nahal Misraim*), PEQ, 1960, 1, стр. 37—56. Опровергая общепринятое мнение, что упоминающаяся семь раз в Библии пограничная «река Египта» есть мелкий и сухой Уади аль ʿАриш, автор настаивает на том, что ею мог быть только Нил — естественная граница и символ Египта, а именно его Пелузийское русло Shiḥor <šḤr «восток».

M. B. Rowton, Comparative Chronology at the Time of Dynasty XIX, JNES, 19 (1960), 1, стр. 15—22. Автор полагает, что Рамсес II вступил на престол в 1304 г. до н. э.; аргументация данными хеттских и месопотамских источников.

P. Montet, Ecrit à Tanis au printemps de 1956, Rev. Arch., 1 (1958), стр. 1—20. Автор высказывает свои соображения и приводит ряд доказательств в пользу гипотезы, что города Аварис, Пи-Рамсес и Танис, процветавшие в разные эпохи, были построены на одном и том же месте.

E. Thomas, Ramesses III: Notes and Queries, JEA, 45 (1959), стр. 101. Замечания по поводу анонимных гробниц №№ 32, 36, 40, 73 в Долине цариц: автор высказывает предположение, что они принадлежали женам Рамсеса III.

P. Montet, Everyday Life in Egypt in the Days of Ramesses the Great, L., 1958, 365 стр., илл., карта, 16 табл. Перевод на англ яз. научно-популярной работы о быте египтян при XIX—XX династии; дополнено примечаниями для английских читателей, картой, словарем египтологических терминов, индексами и указателем литературы.

R. Berger, Das Ende des ägyptischen Feldherrn Sib'e, JNES, 19 (1960), 1, стр. 49—53. Автор-семитолог отрицает идентификацию Sib'e, военачальника, сражавшегося в 720 г. против Саргона II и бежавшего после поражения, с фараоном Шабака или Sō, упоминающимся в II Reg., 17,4. Форма этого имени должна быть уточнена египтологами со своей стороны.

G. Schmidt, Das Jahr des Regierungsantritts König Taharqas, «Kush», VI (1958), стр. 121—130. На основании данных Луврской стелы из Серапеума времени XXV династии автор вносит поправку в хронологию царствования Тахарки и предлагает новые даты: рождение его — 710 г. до н. э., начало соправления с Шабатакой — 690 г., единоличное правление — 689 г. и смерть — 663 г.

V. РЕЛИГИЯ

J. H. Breasted, Development of Religion and Thought in Ancient Egypt, N. Y., 1959, 379 стр. Третье издание цикла лекций по египетской религии, прочитанных автором в 1912 г. на богословском семинаре в Нью-Йорке.

J. L. Bernard, L'Egypte et la genèse du surhomme, P., 1957, 156 стр. Антинаучное антропософское сочинение.

F. Daumas, Les mammisis des temples égyptiens, P., 1958, 537 стр., 14 табл. Монография о так называемых «маммиси», т. е. храмах, посвященных богине-матери и ее божественному ребенку, двум членам египетской триады богов. Книга содержит введение, библиографию вопроса, указатели; часть первая — археологическое исследование, часть вторая посвящена богослужению в «маммиси», будничному и праздничному; часть третья — о мистерии «божественного рождения». Автор находит определение Шампольона правильным и созданное им по коптскому образцу слово «маммиси» не вызывающим возражений.

Ph. Derchain, Religion égyptienne et sculpture romaine? (*Enquête*), ChFg, 67 (1959), стр. 73—75. Автор обращает внимание специалистов по истории христианства и средневекового искусства на поразительное сходство изображения гробницы св. Адельберта на бронзовой двери из собора в Гнезно (Польша), привезенной Болеславом II из Киева или из Крыма, с изображениями мумии Осириса в древнеегипетской иконографии.

A. Donini, Lineamenti di storia delle religioni, Roma, 1959, 315 стр., табл. в тексте. Научно-популярный марксистский очерк истории религии всех стран. В шестой главе автор дает краткий обзор египетской религии.

H. Goedicke, Zur «Personifizierung» der Pyramide, WZKM, 56 (1960), стр. 52—54. О детерминативе, изображающем коленопреклоненную женщину с дарами ḫnwt «госпожа» (пирамиды), и связанном с ним более позднем значении sḏf3t «кормящая» (пирамиду), ставшем общим определением пирамиды и приносимых ей жертвенных даров.

J. G. Griffiths, The Tekenu, the Nubians and the Butic Burial, «Kush», VI (1958), стр. 106—119. Анализ росписей в гробнице Монтухерхепешефа (XVIII дин.) с изображением «текену» и принесения в жертву нубийца. Автор полагает, что эти два обряда не были связаны между собой; обряд «текену» принадлежит к древнему ритуалу бутического погребения, а человеческие жертвоприношения, вероятно, очень рано исчезли или стали символическим актом.

F. Heiler, Die Religionen der Menschheit in Vergangenheit und Gegenwart, Stuttgart, 1959, 1063 стр., 24 табл. Карманный справочник по религиям всех времен и на-

родов. Египту посвящен очерк K. N e u m a n n' a, стр. 158—177, в общих чертах характеризующий главные компоненты египетской религии — обожествление царя, культ Ра, культ Амона, реформу Эхнатона, культ Маат и прочие культы.

W. K a i s e r, Einige Bemerkungen zur ägyptischen Frühzeit, ÄZ, 84 (1959), 2, стр. 112—132. Исследование значения изображений на штандартах, фигурирующих в культовых шествиях царя, которые автор связывает с понятием šmsw Ḥr.

S. M o r e n z, Zur Vergöttlichung in Ägypten, ÄZ, 84 (1959), 2, стр. 132—143. Не соглашаясь с Эб. Отто в том, что египетским эквивалентом греческих слов ἀποθέ σις и ἐκθέωσις в тексте Канопского декрета является ỉrj nṯr(·t) «играть роль бога (богини)», автор на многих примерах доказывает, что точным соответствием их были слова nṯrj, śnṯrj «делать божественным», засвидетельствованные с XVIII дин.

O. H. M u c k, Cheops und die grosse Pyramide. Die Glanzzeit des Altägyptischen Reiches, Olten - Freiburg im Breisgau, 1958, 290 стр., 23 илл., 23 таблицы. Автор — инженер-электрик, физик и биолог, пытается дать фантастические обоснования архитектурным пропорциям и назначению большой пирамиды Хуфу и в таком же духе высказывается о родственных связях этого царя, при котором Египет якобы подвергся влиянию Европы (?!).

J. P i r e n n e, Âme et vie d'outre-tombe chez les Égyptiens de l'Ancien Empire, ChÉg, 68 (1959), стр. 208—213.

B. d e R a c h e w i l t z, La situle e la rigenerazione cosmito in Egitto e in Mesopotamia. AIEP, 1 (1958), 1, стр. 69—95. Исследование роли сосудов для возлияний в культе Нут, Хатхор и Исиды с древнейших эпох до позднего времени и сравнение их с сосудами, найденными в Двуречье. Исследование символического смысла возлияния в древнеегипетской религии. Мировая влага (Nwt) передает через возлияние оживляющую силу и бессмертие. О значении дерева жизни и живой воды в мифологии и фольклоре Египта и Двуречья.

G. R o e d e r, Die Ägyptische Götterwelt, Zürich — Stuttgart, 1959, 408 стр., 32 табл. Небольшая книга из «Библиотеки древнего мира», серия Востока, первый том четырехтомника, вышедшего под общим названием «Die Ägyptische Religion in Texten und Bildern»,— переводы разнообразных документов, египетских и античных, имеющих отношение к религии Египта. Материал систематизирован по географическому принципу — по номам, без соблюдения хронологического порядка.

W. S i m p s o n, Reshep in Egypt, Or., 29 (1960), 1, стр. 63—74. Восемь новых свидетельств о культе угаритского божества Ršf в Египте, введенном при Аменхотпе II, распространившемся при Рамессидах и XXV—XXVI династиях (известно всего 17 упоминаний).

G. T h a u s i n g, Das Symbol der Spirale im alten Ägypten, WZKM, 56 (1960), стр. 241—249. Идеалистическое и мистическое истолкование спирали как земного жизненного пути человека и всей материальной вселенной, выводящего в абсолютное бытие бога. В концепции автора отражаются некоторые идеи Гёте и воздействие даосизма.

E. T h o m a s, Terrestrial Marsh and Solar Mat, JEA, 45 (1959), стр. 38—51. К изображениям солнечных барок на потолке коридора F в гробнице Рамсеса IV: о символическом значении болотных трав и лягушек на этих рисунках.

W. V y c i c h l, Hindu Influence in Meroitic Art?, «Kush», VI (1958), стр. 174—176. О сходстве треглавого и четвероруkого львиного божества Apezemak, явно не принадлежащего к египетскому пантеону, с индийскими изображениями Шивы. Автор не находит в этом сходстве органического единства происхождения и полагает, что этот образ является случайным заимствованием художника.

VI. КУЛЬТУРА

T. A n d r z e j e w s k i, Opowiadania egipskie, Warszawa, 1958, 359 стр., илл. в тексте. Сборник переводов древнеегипетских литературных произведений на польский язык. Введение — очерк истории литературы Египта; краткие вступления к каждому отделу — Классическая литература, Новоегипетская литература, Демотическая литература (всего 17 произведений).

Alex. B a d a w y, Figurations égyptiennes à schéma ondulatoire, ChÉg, 68 (1959), стр. 215—232. Исследование символического и декоративного значения волнистой линии, передающей ритм и динамику в горизонтальных, вертикальных и других композициях древнеегипетского рисунка.

A. C h a m p d o r, Die altägyptische Malerei, Lpz, 1957, 200 стр., 49 таблиц в красках (перепечатано в переводе с французского издания Guillot, Paris). Альбом большого формата, объединяющий избранные памятники египетской живописи Среднего и Нового царства. Стр. V—XII — предисловие и указатель литературы. При каждой таблице — общедоступный комментарий.

S. D o n a d o n i, Storia della letteratura egiziana antica, Milano, 1957, 338 стр. Научно-популярный очерк истории древнеегипетской литературы, предназначенный для I серии издания «Il Thesaurus Litterarum» — истории литературы всего мира (II серия должна обобщать поэзию, III — драматургию пятидесяти народов).

R. H a n k e, *Beiträge zum Kanonenproblem*, ÄZ, 84 (1959), 2, стр. 113—119. Не соглашаясь с выводами Иверсена о том, что каноны изображения египетской фигуры изменились вместе с изменением мер длины при XXVI династии, автор доказывает, что уменьшение величины квадрата и соответственное увеличение их числа с 18 до 21 совсем не повлияло на внутренние пропорции фигуры, оставшиеся в Позднюю эпоху такими же, как в Древнем царстве.

A. H e r m a n n, *Altägyptische Liebesdichtung*, Wiesbaden, 1959, 176 стр., 8 илл., 12 табл.

L. de H e u s c h, *Le rayonnement de l'Égypte antique dans l'art et la mythologie de l'Afrique Occidentale*, JSA, 28 (1958), 1—2, стр. 33—42. Исследование «упадочного» стиля искусства иоруба и мифологии этого народа, по мнению автора, дает основание предполагать, что многие элементы древнеегипетской культуры через посредство Мероэ проникли в Западную Африку и были ассимилированы наиболее передовыми обществами Нигерии. Такими элементами пережиточного типа можно считать культы богов Shango и Nommo, бога Edshw и т. д. Автор придерживается идеалистической концепции Л. Фробениуса.

H. H i c k m a n n, *La castagnette égyptienne*, BSAC, 14 (1950—1957), стр. 37—49. Из цикла специальных исследований по древнеегипетской музыке: типология и применение египетских и коптских кастаньет.

B. H o r n e m a n n, *Types of Ancient Egyptian Statuary*, I—III, Copenhagen, 1957. Публикация итогов 20-летней работы автора по собиранию и типологической классификации египетской скульптуры. Издание представляет собой 556 отдельных таблиц небольшого размера. В первые три тома вошли только мужские статуи, далее предполагается также издать женские статуи и статуи полуживотных и животных.

M. K a m a l, *Remarquable Antiquities in the Egypt of the Pharaos*, «Sumer» , 14 (1958), 1—2, стр. 15—20 (на арабском яз.). Обзор самых известных памятников древнеегипетского искусства.

L. M a t i e g k o v á, *Produkte tierischer Exkretion und Sekretion in den altägyptischen Heilmitteln*, ArOr, 27 (1959), стр. 529—552. Продолжение исследования роли органических веществ в египетской фармакологии; в данную статью входят разделы о моче, экскрементах, молоке, яйцах, слюне, меде и воске, упоминающихся в папирусе Эберса и др.

S. M o r e n z, *Eine weitere Spur der Weisheit Amenopes in der Bibel*, ÄZ, 84 (1959), 1, стр. 79—80. О заимствовании библейской притчи о сотворении человека (Jes., 29, 16; 45, 9; 64, 7; Jer., 18,2 слл.; Hi., 10, 9; 33, 6) из «Поучения Аменопе» (A. XXIV, 13/7), относящегося к первой трети I тысячелетия до н. э. Связь между Кн. притч и древнеегипетскими источниками была замечена еще Эрманом и Зете.

O. N e u b e r t, *The Valley of the Kings*, L., 1958, 320 стр., илл. Третье издание антинаучной популярной книги, распространяющей среди широкого круга читателей неверные и вымышленные автором представления о фактах древнеегипетской истории.

Ch. P i c a r d, *Egypte pharaonique ou Iran des Achéménides*? ChFg, 66 (1958), стр. 205—210. О влиянии египетских мастеров, работавших в Персеполе в V в. до н. э., на отдельные элементы искусства времени Ахеменидов (голубые фаянсовые изделия, архитектурные формы — террасы Дейр эль Бахри, и др.).

H. S e n k, *Eine «sondergeometrische» Stilphase in der ägyptischen Erster Zwischenzeit*?, «Forschungen und Fortschritte», 8 (1959), стр. 236—241. Искусствоведческое исследование формальных моментов переходного стиля в скульптуре времени VI—XI династии (2190—2133 гг. до н. э.).

E. Y o u n g, *Note on a Hitherto Unknown Technique in Egyptian Bronze-working*, JEA, 45 (1959), стр. 104. О тонком слое другого сплава того же металла на бронзовых ситулах из Metropolitan Museum of Arts, №№ 58, 75, 76.

J. V a n d i e r, *Manuel d'archéologie égyptienne*, *t. III. Les grandes époques. La statuaire. Album*, P., 1958, 701 стр., 174 табл.

W. V y c i c h l, *Notes on the Story of the Shipwrecked Sailor*, «Kush», 5 (1957), стр. 70—72.

VII. ЯЗЫК

R. A n t h e s, *Nachtrag zu ZÄS 83, 5, 79 ff.*, ÄZ, 84 (1959), 1, стр. 74—76. Несколько поправок к собственной работе автора: 1. Слово Ḳbḥwt в Pyr. 1564a было еще в древности написано через знак по ошибке, так как речь идет не о номе, а о змее;

2. Транскрипция Uto для обозначения W3ḏt должна быть оставлена совсем как неверная; 3. Nbtj (от Хуфу до Пепи I — Nbjt), по-видимому, это не обозначение самого царя, а часть предложения в составе его имени; 4. ḫr — «падать», в Pyr. 594 b и 594e—

— не Pseudopartizip, относящийся к «Оку Гора», а Infinitiv — прямое дополнение глагола stp прыгать.

Ach. B a d a w i und H. K e e s, Handwörterbuch der aegyptischen Sprache, Kairo, 1958, 299 стр. Египетско-немецко-арабский словарь.

J. v. B e c k e r a t h, Noch einmal die Lesung von *«Regierungsjahr»*, ÄZ, 84 (1959), 2, стр. 155—156. Считая чтение этих знаков, предложенное Зете и принятое Гардинером: ḥ3t-sp «начало ... раза (счета)», маловероятным, автор становится на точку зрения Э. Эдель и поддерживает его чтение: rnpt-sp «время... раза (счета)», предложенное в JNES, 8 (1949), стр. 35—39.

E. B o w m a n, A Note on the Development of Egyptian Writing, JNES, 19 (1960), 1, стр. 46—48. Не соглашаясь с тем, что иероглифика была основана на консонантизме или на слоговом письме, автор высказывает предположение, что в ходе развития письменности обозначались только носители значения (contentives), а служебный элемент (functives), выражавшийся в египетском языке как раз гласными, бессознательно опускался.

S. C u r t o, Ricerche sulla natura e significato dei caratteri geroglifici di forma circolare, «Aegyptus», XXXIX (1959), 3—4, стр. 226—279. Подробное исследование генезиса иероглифов круглой формы; первая обширная часть посвящена обозначению фонемы ḫ, вторая — другим знакам круглой формы.

Nina D a v i e s, Picture Writing in Ancient Egypt, L.— Oxf., 1958, 55 стр., XVII таблиц. Публикация многокрасочных иероглифов XVIII династии из фиванского некрополя, по материалам Института Гриффитса в Оксфорде. Введение, дающее краткие сведения о египетской иероглифической письменности и методах мастеров. Комментарии к таблицам.

E. E d e l, Die Herkunft des neuägyptisch-koptisch. Personalsuffixes der 3. Person Plural—w, ÄZ, 84 (1959), 1, стр. 17—38. Древнейшие случаи употребления суффикса «w» при форме sḏm.f, грамматическая характеристика «местоименных наречий», анализ разных функций формы sḏmnj/sḏmnw. Полемизируя с R. Faulkner'ом, автор приводит 44 иероглифических примера с вариантами и три таблицы.

E. E d e l, Beiträge zur ägyptischen Grammatik, ÄZ, 84 (1959), 2, стр. 105—113. Шесть исследований по отдельным вопросам. 1. О геминирующем псевдопартиципе глаголов III inf. 2. Новые подтверждения активной формы sḏmw. f. 3. К распространению и истории этой формы. 4. О возможности имперфектной формы sḏm. f у глаголов III. j и IV. j, типа * mrjrj·f и *nṯrjrj·f·5. Геминирующий пассив sḏmm.f и глаголы ult. inf. 6. К звуковому облику перфектных относительных форм. Полемика с А. Гардинером по ряду грамматических вопросов.

R. O. F a u l k n e r, Dw, wdi, rdi, JEA, 45 (1959), стр.102. Автор полагает, что в основе этой семантической группы лежит корень d→yd рука → ỉdw действие руки в собственном значении, вытесненный из египетского языка и оставшийся в древнееврейском яз.; глагол dw ближе к глаголу (r)dỉ, чем к глаголу wdỉ, имеющему более самостоятельный характер.

R. O. F a u l k n e r, Wpwtyw «bystanders», JEA, 45 (1959), стр. 102—103. Подтверждение предположения автора, что это слово, встречающееся в Pap. Kah 9, 2, 16 и Pap. Sall. IV, значит «очевидец», «зритель, стоящий в стороне».

R. O. F a u l k n e r, mȝst «Knee», JEA, 45 (1959), стр. 104. Возражая А. Гардинеру, который не соглашался с переводом, данным в Wb, автор приводит аргументы в пользу последнего.

H. G o e d i c k e, On the Origin of the Hieroglyph , JEA, 45 (1959), стр. 99—100.

По мнению автора, данный иероглиф первоначально изображал колчан.

A. M. G o l d b e r g, Zur Bedeutung r ʿw ʿ·t, ÄZ, 84 (1959), 1, стр. 76. Перевод слова rʿwʿ.t при помощи еврейских параллелей: вместо обычного «начало дороги» автор предлагает перевод «обочина дороги».

H. P. H o u g h t o n, A Study of the Coptic Prefixed Prepositional Particles, «Ägyptus», XXXIX (1959), 3—4, стр. 210—222. Статья делится на 4 части: I — введение, II — простые предлоги, III — сложные предлоги, IV — производные предлоги.

H. J. P o l o t s k y, Zur Neugestaltung der koptischen Grammatik, OLZ, 54 (1959), 9/10, стр. 454—460. О важности изучения бохаирского диалекта для египетско-коптского языкознания, о специфических чертах его спряжения и лексических особенностях; критика работы A. M a l l o n, Grammaire Copte (Beiruth, 1956).

W. V y c i c h l, Studien der ägyptisch-semitischen Wortvergleichung, ÄZ, 84 (1959), 1, стр. 70—74. 12 новых этимологий, указывающих на египетско-семитические языковые связи; принцип их классификации и примеры: 1. ʿȝg — ʿrg; 2. ǧndrw — ṣndl; 3. ǧw [j] — ǧwl; 4. ḫjʿ.t — ḫjk; 5. jȝm — wȝm; 6. mr — rwm; 7. rjʿ — rjʿ; 8. pʿj — pwʿ; 9. lhh — lḥt; 10. wbn — bwn; 11. wḫʿt — wkʿ; 12. wsḫ.t — wsq.

W. Vycichl, Ägyptisch-semitische Anklänge, ÄZ, 84 (1959), 2, стр. 145—147. Девять возможных соответствий, предлагаемых автором на основании того, что наряду с бесспорными этимологиями не следует пренебрегать «неправильными», не объясняющимися известными нам фонетическими законами: 1. ʿfġ.t — qafaṣ (араб.); 2. čḫn — kuḥl (араб.) koḫal (евр.) guḫlu (акк.); 3. ḫrzk.t — qunzuʿat (араб.) qwēnzāʿt (эф.); 4. ḫms — mazḥ (араб.); 5. φωτο (B) — patāqu (акк.); 6. znḫ — zanaq (араб.); 7. tḫj — dwḫ (араб.); 8. tknw — tukkanum (акк.); 9. znḫm — solʿām (евр.).

W. Vycichl, Ägyptisch mr «Pyramide» und seine arabische Etymologie, «Muséon», 71 (1958), 1—2, стр. 149—152. Филологическое исследование семитических параллелей: египетскому слову mr соответствует (с метатезой): 1) арабское rajm «избыток, прибавка; холм, могила»; 2) rīm «холмик, могила»; 3) еврейское rām jārūm «быть высоким»; rōm, rūm «высота, высокомерие».

W. Vycichl, Eine abnorme ägyptische Konstruktion: kj-j «alius». Ägyptisch-berberische Parallelen, «Muséon», 71 (1958), 1—2, стр. 153—160. На основании нового материала, изученного после Эрмана и Зете, автор отрицает, что окончание j слова kjj «другой» в егип. яз. носит характер двойственного числа, и считает его идентичным j «псевдопартиципа», имеющему указательно-относительное значение «тот, который есть другой».

W. Vycichl, Ein passives Partizip «qatil» im Ägyptischen und Semitischen, ZDMG, 109 (1959), 2, стр. 253—257. Опыты реконструкции египетского вокализма: простое причастие страд. залога; семитические параллели к нему; коптские примеры; особые случаи; египетское спряжение sdm·n·f; арамейское спряжение šēmīʿleh; клинописные формы. Библиографические указания.

W. Vycichl, The Present State of Meroitic Studies, «Kush», VI (1958), стр. 74—81. Обзор современных знаний о мероитском языке (225—200 гг. до н. э.— 350 г. н. э.); фонетика, лексика, грамматический элемент. Автор не считает этот язык родственным хамитским языкам и относит его к языкам негритянских племен восточной Африки. Библиография по этой теме.

W. Vycichl, Old Nubian Studies, «Kush», VI (1958), стр. 172—174. О двух формах личного местоимения 1 лица мн. числа «мы» в древненубийском языке; восемь примеров, опровергающих теорию Zyhlarz о том, что «er» обозначало исключительную форму, а «ou» — включительную форму этого местоимения.

W. Vycichl, A Late Egyptian Dialect of Elephantine, «Kush», VI (1958), стр. 176—178. Семь примеров, указывающих на то, что в докоптское время диалекты в Египте различались сильнее и выравнивались постепенно под влиянием κοινή, а не расходились в обратном процессе.

W. Vycichl, Short Notes, «Kush», VI (1958), стр. 178—179. 1) *The Name of Shellal*: автор настаивает на чисто арабском происхождении этого слова; 2) *The Strategos of the Water*: о соответствии мероитской группы pelemēš atēlis египетскому p-le-mēš n p-mow; 3) *The Name of Blemmyes*: о фонетической загадочности этого названия, не объясняющегося ни египетскими, ни коптскими фонетическими законами.

W. Westendorf, Das geminierende passive sdm. f (mrr.f) imperfektisch oder emphatisch? ÄZ, 84 (1959), 2, стр. 147—155. Исследование разных случаев эмфатического употребления некоторых личных форм в древне- и среднеегипетском языке: несмотря на отсутствие специальных форм и конструкций для его выражения, «эмфазис» в языке, несомненно, существовал, но ученым остается еще выяснить, являлся ли он грамматической или стилистической категорией.

Н. Е. Семпер

АННОТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ ПО АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

«ATHENAEUM. STUDI PERIODICI DI LITTERATURA ET STORIA DELL' ANTICHITA», XLVI (N. S. XXXVI), FASC. 4, 1958 (ATTI DEL 2° COLLOQUIO INTERNAZIONALE DI STUDI MINOICO- MICENEI)

J. Chadwick, Rapport sur les questions générales, стр. 299—313. Сообщение о новейших находках минойско-микенских текстов, а также о прогрессе в области изучения микенского силлабария и идеограмм.

P. Chantraine, Conséquences du déchiffrement du mycénien pour la philologie homérique, стр. 314—327. Автор показывает, что словарь и грамматические особенности языка гомеровских поэм во многих отношениях послужили отправным пунктом при изучении текстов линейного письма B. Данные микенских текстов, в свою очередь, во многом содействовали пониманию языка и исторического фона гомеровских поэм.

E. L. B e n n e t, *Tentative Identification of the Hands of the Scribes of the Pylos Tablets*, стр. 328—332. Руководствуясь графическими признаками, автор разбивает известные в настоящее время тексты линейного письма B на значительное количество групп, каждая из которых принадлежит, по его мнению, руке одного и того же писца.

E. R i s c h, *L'interprétation de la série de tablettes caracterisées par le mot o-ka*, стр. 334—359. Анализ пяти табличек из Пилоса, содержащих данные о военной организации Пилоса во время его оборонительных действий против северных племен. Встречающееся в табличках слово *o-ka* обозначает, по мнению автора, военное соединение.

H. M ü h l e s t e i n, *Interprétation de mots mycéniens*, стр. 360—368. Определяя вероятное значение некоторых микенских слов, автор рассматривает контексты, в которых они встречаются, и анализирует толкования, ранее предлагавшиеся в литературе.

C. G a l l a v o t t i, *Le nom du cheval et les labiovélaires en mycénien*, стр. 369—382. Рассматривая слово iqo (ἵππος) и его производные в микенском языке, автор доказывает принадлежность микенской q к категории губных.

W. M e r l i n g e n, *Deux observations concernant Pylos Tn 316*, стр. 383—388. Рассматривая названный пилосский текст, содержащий, по мнению некоторых ученых, перечень празднеств и религиозных церемоний, автор останавливается на значении слова po-re-na, сопоставляет его с древнегреческим φορίνη и толкует как «приношение», быть может, даже как «человеческое жертвоприношение».

M. D o r i a, *Quelques problèmes de phonétique et nouvelle interprétation du signe 82*, стр. 389—398. Устанавливая фонетический параллелизм написаний ijo и jo в микенском письме, которые нередко замещают друг друга, автор в связи с этим толкует знак 82 как jo.

G. M i l a n i, *Sur les textes de Pylos 1957*, стр. 399—414. Изучая пилосские тексты из находок 1957 г., автор определяет значение встречающихся в них слов, подыскивая им фонетически близкие параллели из древнегреческого и угадывая их этимологические связи, определяемые контекстом.

V l. G e o r g i e v, *L'origine de l'écriture crétoise*, стр. 415—430. О происхождении критской линейной письменности из пиктографического письма. Автор показывает, как отдельные идеограммы превратились в слоговые знаки.

I. R. P a l m e r, *Luvian and linear A*, стр. 431—433. Сопоставляя некоторые минойские слова с протохеттскими (лувийскими), автор высказывается за малоазийское происхождение языка критского линейного письма A.

«ATHENAEUM», XXXVII, 1959, FASC. 1—2

M. L. P a l a d i n i, *La votazione del Senato romano nell' età di Traiano*, стр. 3—134. Детальное исследование, выясняющее систему и технику голосования в римском сенате при Траяне, а также в годы, предшествующие и непосредственно следующие за его правлением. Автор выясняет технику голосования per discessionem, применявшегося при решении различных вопросов и при утверждении кандидатов на высшие магистратуры, в частности при присвоении консульского достоинства. По мнению Паладини, сенат в указанное время оставался важным государственным органом, решения которого имели большое политическое значение.

P. M e l o n i, *L'associazione nel cesarato di Valeriano iuniore e di Salonino*, стр. 135—147. О времени и последовательности присвоения звания цезарей сыновьям императора Галлиена Валериану Младшему и Салонину.

H. B. M a t t i n g l y, *The Terentian Didascaliae*, стр. 148—173. Рассмотрение противоречий между дидаскалиями к пьесам Теренция, достоверность которых автор оспаривает, и прологами к тем же пьесам, принадлежащими перу самого Теренция. Автор отрицает также официальный характер источника дидаскалий и приписывает их авторство какому-либо грамматику императорской эпохи.

E. M a l c o v a t i, *Ancora sulla tradizione del Brutus*, стр. 174—183. В дополнение к статье на эту же тему, опубликованную в вып. I—II журнала за 1958 г. (см. ВДИ, 1959, № 3, стр. 216) и посвященную оценке новооткрытого фрагмента рукописи «Брута» Цицерона, автор выясняет значение авраншского кодекса (U) этого произведения, который он считает одной из двух древних рецензий реторических произведений Цицерона.

A. B a r i g a z z i, *Il Dyscolos di Menandro ò la comedia della solidarietà umana*, стр. 184—195. Характеристика «Дисколоса» Менандра, как произведения, возникшего под влиянием перипатетических идей. По мнению автора, это обстоятельство обеспечило «Дисколосу» широкую популярность в древности.

L. P o l a c c o, *Roma ò Alexandria. Riflessioni su un tema di storia dell'archeologia*, стр. 196—208. О влиянии эллинистического (александрийского) искусства на искусство Рима эпохи ранней империи и о противоречиях эстетического порядка между ними, которые представляются автору лишь кажущимися.

«ATHENAEUM», XXXVII, 1959, FASC. 3—4

E. M a n n i, *Note di cronologia ellenistica IX. Nuovi documenti epigraphici per la recostruzione della lista degli arconti attici*, стр. 245—257. На основании новых эпиграфических документов, происходящих из раскопок афинской агоры (см. «Hesperia», XXVI (1957), стр. 24 сл., 198 сл., ВДИ, 1958, № 2, стр. 245 сл.), автор производит восстановление списка афинских архонтов первой половины II в. до н. э.

A. T r a i n a, *Due questioni di sintassi latina: l'attrazione modale e le interrogativo nel discorso indiretto*, стр. 258—278. Исследование из области латинского синтаксиса: явления подчинения в косвенной речи и образование вопросительных предложений.

E. B a d i a n, *Sulla's Cilician Command*, стр. 279—303. Автор устанавливает, на основании сопоставления данных Плутарха и Ливия, новую дату претуры Суллы — 97 г. до н. э. и приводит в согласование с ней события в Малой Азии, связанные с проконсульством Суллы в Киликии в 98 г.

E. G a b b a, *Sui senati delle città siciliane nell'età di Verre*, стр. 304—320. Детально комментируя § 120—125 второй речи Цицерона против Верреса, автор рассматривает условия деятельности и систему выборов в сенаты сицилийских городов в I в. до н. э. При этом он использует некоторые малоазийские аналогии.

«AMERICAN JOURNAL OF PHILOLOGY», LXXX, 1, № 317, 1959

B. F e n i k, *Parallelism of Theme and Imagery in Aeneid II and IV*, стр. 1—24. Выступая в защиту строгого единства и последовательности структуры Энеиды, автор демонстрирует явления параллелизма в темах и образах рассказа о судьбе Трои и гибели Дидоны.

R. J o h n s o n, *Isocrates' Methods of Teaching*, стр. 25—36. Автор показывает, что Исократ в процессе философского и риторического обучения своих учеников стремился подготовить их к государственной карьере. Он внушал им определенные политические идеалы, а также обращал внимание на практические стороны деятельности политического оратора и магистрата.

S. C o m m a g e r, *Horace, Carmina, I, 2*, стр. 37—55. Полемика с толкованием посвященной Августу второй оды кн. I Горация как произведения, проникнутого идеей мести за убийство Цезаря. Автор выдвигает на первый план тему обожествления Августа и полагает, что отожествление его с Меркурием — божеством, по преимуществу, гуманным — снимает вопрос о мщении в его реальном политическом значении.

J. B. M c D i a r m i d, *Theophrastus, De sensibus, 66: Democritus Explanations Salinity*, стр. 56—66. Автор пытается устранить противоречие, возникающее вследствие употребления Теофрастом двух разных значений слова σκαληνός. Он показывает, что Тесфраст, пользуясь в данном случае физическими представлениями Демокрита, объясняет проникновение солености в пищу особой и весьма сложной формой ее атомов.

M. E. M i l h a m, *Aspects of Non-Technical Vocabulary in Apicius*, стр. 67—75. Анализ, с точки зрения истории латинского языка, словаря позднеримской поваренной книги, приписываемой Апицию.

«AMERICAN JOURNAL OF PHILOLOGY», LXXX, 2, № 318, 1959

J. H. C o l l i n s, *On the Date and Interpretation of the Bellum Civile*, стр. 113—132. Автор относит написание Цезарем Bellum Civile к 48—47 гг., а публикацию этого произведения, окончательная обработка которого принадлежит Гирцию,— к 44—43 гг. К этому времени книга, по его мнению, могла вновь приобрести политическую остроту, утраченную было в период ее создания Цезарем.

V a n L. J o h n s o n, *The Superstitions about the Nundinae*, стр. 133—149. Рассмотрение вопроса о влиянии на изменения в римском календаре суеверного стремления к несовпадению нундин с первыми календами нового года и с нонами каждого месяца (см. Macrob., Sat., I, 13, 16—19).

F. A. S u l l i v a n, *The Spiritual Itinerary of Virgil's Aeneas*, стр. 150—161. Автор рассматривает Энеиду Вергилия как религиозную поэму, а в действиях Энея видит проявления древнеримского религиозного ритуала.

N. L e w i s, *Pro Isaeo, 11, 50*, стр. 162—168. Замечания по поводу понимания § 50, 11-й речи Исея, в котором говорится о повинностях афинского собственника по отношению к государству. Автор полемизирует с теми комментаторами Исея, которые видели в перечислении реальных повинностей не более как lusus verborum.

G. A. K e n n e d y, *The Earliest Rhetorical Handbooks*, стр. 169—178. Основываясь на упоминании в Платоновом Федре (266D,5 сл.) о руководствах по риторике, автор предполагает наличие большого числа подобных руководств в греческой литературе досократовского времени. Некоторое представление о них дают сочинения Аристотеля

и Исократа, направленные против софистов, а также заключительная часть «Риторики», приписываемой Анаксимену.

E. P. Hamp, Venetic Isoglosses, стр. 179—184. Венетские изоглосы (т. е. слова, имеющие фонетико-семантические параллели в других языках) доказывают, по мнению автора, принадлежность венетского языка к числу италийских диалектов и в особенности его близость к латинско-фалисскому языку, а также его относительно более поздний контакт с германскими языками.

J. F. Killeen, What Was the «linea dives» (*Martial, VIII, 78, 7*), стр. 185—188. Под этим наименованием известны веревочные плетенки, которые во время празднеств в древнем Риме наполнялись различными предметами, предназначенными для раздачи в виде подарков. Автор обнаруживает их на некоторых помпеянских изображениях.

B. D. Meritt, The Name of Sophocles, стр. 189. О правомерности чтения имени Софокла из Колона (известного драматурга или его омонима) в списке аттических доходов 443/442 г. до н. э., где он фигурирует в качестве элленотамия.

«AMERICAN JOURNAL OF PHILOLOGY», LXXX, 3, № 319, 1959

G. E. Duckworth, Vergil's Georgics and the Laudes Galli, стр. 225—237. Структура вергилиевых Георгик противоречит, по мнению автора, традиции, переданной Сервием (Ad Georg., IV, 1) и принятой многими современными учеными, в соответствии с которой строки в конце поэмы, первоначально посвященные восхвалению Корнелия Галла, были позднее заменены пересказом легенды об Аристее. Автор показывает, что легенда об Аристее является существенной принадлежностью Георгик, об интерполяции которой вряд ли может идти речь, тогда как восхваление Галла представляется ему мало подходящим сюжетом для этой поэмы. Автор основывается на сообщении Аммиана Марцеллина (XVII, 4, 5), относящем Laudes Galli не к Георгикам, а к Буколикам.

W. G. Sinnigen, Two Branches of the Late Roman Secret Service, стр. 238—254. Характеризуя организацию секретной службы в Позднеримской империи (agentes in rebus и schola notariorum), автор прослеживает их деятельность в качестве тайных наблюдателей при императорах и высших магистратах империи, а также в качестве шпионов и разведчиков во время войн или внутренних конфликтов.

L. Pearson, Notes on the Text of Plutarch De Malignitate Herodoti, стр. 255—275. Установление последовательности рукописной традиции, выявление лакун, разночтений и рассмотрение некоторых конъектур к тексту названного в заглавии произведения Плутарха.

G. M. Bolling, Restoration of Sappho, 98, *a*, *1—7*, стр. 276—287. Попытка выяснения стихотворного размера и содержания первой части 98 фрагмента Сапфо.

T. A. Dorey, Contributory Causes of the Second Macedonian War, стр. 288—296. Исследуя причины Второй Македонской войны, автор показывает, что немалую роль в ее возникновении сыграло политическое соперничество сципионовской и клавдианской партии в Риме.

J. O. Oliver, Text of the So-Called Constitution of Chios from the First Half of the Sixth Century B. C., стр. 296—301. Поправки к чтению и новый перевод текста так называемой хиосской конституции середины VI в. до н. э. на основании новой публикации надписи (L. H. Jeffery, The Courts of Justice in Archaic Chios, «Ann. of the Br. School at Athenes», LI (1956), стр. 157 сл.).

W. M. Calder, The Blinding, Oedipus Tyrannus, 1971—4, стр. 301—305. Интерпретация слов вестника в «Эдипе царе» Софокла, сообщающего об ослеплении Эдипа. Автор придает им несколько иной, чем обычно, смысл, полагая, что Эдип ослепляет себя, чтобы не видеть мертвой Иокасты.

P. R. Murphy, Terence, Andria, 560—5. A Reply to Professor H. L. Levy, стр. 306—309. Полемика с Г. Л. Левы (см. ВДИ, 1959, № 3, стр. 214) по поводу понимания строк 560—5 комедии Теренция «Андрия», содержащих выражение non posse, толкуемое обоими авторами различно.

«AMERICAN JOURNAL OF PHILOLOGY», LXXX, 4, № 320, 1959

G. M. A. Grube, Theodorus of Gadara, стр. 337—365. Рассмотрение принципов теории красноречия у римского ритора Теодора из Гадары — учителя императора Тиберия и главы риторической школы, утвердившейся в борьбе со школой Аполлодора Пергамского. Автор исследует влияние этих школ на риторические теории эпохи Ранней империи.

E. Vanderpool, An Athenian Monument to Theodorus of Gadara, стр. 366—369. Публикация греческой надписи с базы статуи, поставленной афинским ареопагом ритору Теодору, сыну Исидора, которого автор отожествляет с Теодором из Гадары.

R. H. Simpson, Abbrevation of Hieronymus in Diodorus, стр. 370—379. Сравнивая отрывки из плутарховых биографий Эвмена и Деметрия Полиоркета, основанных преимущественно на «Истории диадохов» Гиеронима из Кардии, автор показывает, что

соответствующие части книг XVIII — XX Диодора Сицилийского представляют собой сокращенное изложение того же Гиеронима.

A. W. Van Buren, *A Pompeian Distich*, стр. 380—382. Публикация текста двустрочной латинской безыменной любовной эпиграммы, восстанавливаемого автором по двум помпеянским граффити, с привлечением сходных строк у Овидия (Am., II, 15, 9 сл.) и Вергилия (Aen., I, 683).

K. J. McKay, *Stentor and Hesiod*, стр. 383—388. Строки 785 сл. песни V Илиады, относящиеся к мифическому медноголосому существу Стентору, считаются обычно интерполяцией. Автор, однако, показывает, что весьма сходные образы содержит Теогония Гесиода в строках 310 сл., относящихся к Керберу.

K. J. Kay, *Dramatic Tension in Odyssey, IV, 210*, стр. 388—389. Характеристика стилистических черт эпизода встречи Одиссея и Навсикаи в Одиссее с точки зрения выраженной в них тенденции к драматизации эпического повествования.

C. C. Coulter, *Statius Silvae, V, 4 and Fiammetta's Prayer to Sleep*, стр. 390—395. Установление зависимости между Elegia di Madonna Fiammetta Бокаччо и указанным в заглавии местом Стация, равно как и некоторыми другими древними поэтическими произведениями, в частности Ovid., Metam., XI, 623—5.

R. K. Sherk, *A Passage in Menander's Dyscolus*, стр. 400—401. Автор отвергает конъектуру к строке 93 новооткрытой комедии Менандра «Дисколос», предложенную первым издателем комедии Мартеном.

«AMERICAN JOURNAL OF PHILOLOGY», LXXXI, № 321, 1960

D. D. Feaver, *The Musical Setting in Euripides Orestes*, стр. 1—15. Рассматривая фрагмент драмы Эврипида «Орест», сохраненный папирусом Райнера вместе со знаками музыкального сопровождения, автор отмечает, что музыка в этом пассаже хора повышением тона в особенности акцентирует строфу, а не антистрофу.

E. Pulgram, *The Oscan Cippus Abellanus: a New Interpretation*, стр. 16—29. Републикация с английским переводом и филологическим комментарием известного памятника древнеосской письменности, представляющего собой статут святилища Геракла, принадлежавшего кампанским общинам Нолы и Абеллы.

S. G. Daitz, *Tacitus Technique of Character Portrayal*, стр. 30—52. Несмотря на отчетливость индивидуальных характеристик в изложении Ливия и Саллюстия, подлинное искусство исторического портрета начинается в латинской литературе, по мнению автора, именно с Тацита. Он отмечает при этом, что Тациту более удавались отрицательные, чем положительные характеристики.

N. Gulley, *The Interpretation of Plato Timaeus 49 E*, стр. 53—65. Автор критикует предложенные Чернисом сопоставления платонова «Тимея» с поздними диалогами — «Кратилом» и «Теэтетом» и в особенности его толкование указанного в заглавии статьи абзаца. Предлагая новый перевод этого места «Тимея», автор настаивает на том, что в нем устанавливается различие не между характеристиками вещей, а между их действительными состояниями.

E. S. Ramago, *Early Roman Urbanity*, стр. 65—73. Понятие urbanitas у Цицерона является, по мнению автора, синонимом humanitas. Истоки этого понятия он ищет в более ранней латинской литературе — у Катона Старшего и вплоть до Плавта и Невия — и видит его смысл в противопоставлении городских и сельских (т. е. некультурных) нравов.

E. A. Hahn, *Sappho, 98 a, 7*, стр. 75—77. В защиту своего толкования указанных строк Сапфо, против которого возражал Боллинг (см. выше AJPh, LXXX, 1959, 3, стр. 276 сл.), автор привлекает ряд латинских лирических и эпических параллелей.

G. M. Bolling, *The Development of* ἀμφιμάχεσθαι, стр. 77—79. Автор показывает, что указанное в заглавии слово в данном его написании проникло в рукописную традицию Илиады не ранее II в. до н. э.

B. D. Meritt, *Notes on the Text of Thucydides*, стр. 79—81. Рассматривая рукописные разночтения к Фукидиду, IV, 9, 2, автор отстаивает чтение, отвергнутое оксфордским изданием Фукидида.

«HESPERIA», XXVII, 1, 1958

O. Broneer, *Excavations at Istmia, Third Campaign, 1955—56*, стр. 1—37. Раскопки Истмии, впервые предпринятые в 1952 и продолженные в 1954 г., привели к открытию храма Посейдона, театра, жилых кварталов и оборонительных сооружений позднеримского времени. В 1955—1956 гг. произведена расчистка значительной части теменоса храма Посейдона, обнаружен его архаический фундамент и вскрыты жилые кварталы эллинистического времени.

J. H. Oliver, *Areopagites*, стр. 38—46. Републикация греческой надписи из Афин (IG, III, 1279 A), датируемой 164/65 г. н. э. и содержащей каталог ареопагитов, который толкуется автором как запись о чрезвычайной религиозной церемонии, связанной с посвящением императора Люция Вера в Элевсинские мистерии.

P. A. Clement, *The Recovery of Helen*, стр. 47—73. Попытка выяснения древнейшей версии сказания о возвращении Менелаю Елены после взятия Трои и рассмотрение изобразительной традиции этого мифологического эпизода.

D. M. Robinson, *A New Logos Inscription*, стр. 74—78. Публикация греческой надписи из Афин (не аттического происхождения) с перечнем сумм, полученных налоговыми чиновниками неизвестной общины. Надпись датируется по палеографическим признакам рубежом III и II вв. до н. э.

«HESPERIA», XXVII, 3, 1958

L. B. Holland and M. Holland — Mc Alister, *In the Cript under the Nord Portico of the Erechtheum*, стр. 161. Краткое сообщение об исследовании подземного помещения V в. до н. э. под северным портиком Эрехтейона, открытого в 1947 г. и предназначенного, по-видимому, для использования в качестве цистерны.

D. A. Amyx, *The Attic Stelai, Part III*, стр. 163—254 (а также вып. 4, стр. 255—311). Заключительная часть исследования об аттической таре и хозяйственной посуде, в продолжение работы *W. K. Pritchett*, *The Attic Stelai*, pp. I—II, «Hesperia», XXII (1953), стр. 225—299 и XXV (1956), стр. 178—328.

«HESPERIA», XXVII, 4, 1958

D. Kent-Hill, *An Egypto-Roman Sculptural Type and Mass Production of Bronze Statuettes*, стр. 311—317. О технике массового производства миниатюрных бронзовых скульптур на примере двух греко-египетских статуэток римского времени из художественной галереи Вольтерса.

J. W. Graham, *Light-Wells in Classic Greek Houses*? стр. 318—323. Полемика с V. Svoronos-Hadjimichalis (BCH, LXXX, 1956, стр. 483 слл.), утверждающей наличие в древнегреческих домах (по данным олинфских раскопок) световых колодцев в комбинации с дымовыми отверстиями.

«HESPERIA», XXVIII, 1, 1959

M. H. Mc Alister, *The Temple of Ares at Athens*, стр. 1—64. Публикация архитектурных остатков и попытка реконструкции храма Ареса на афинской агоре, относящегося к I в. до н. э.

A. Benjamen and A. E. Raubitschek, *Arae Augusti*, стр. 65—86. Исследование, посвященное выяснению черт культа Августа в Греции, основанное на данных надписей на алтарях в честь Августа из различных пунктов эллинистического мира. Исследование сопровождается републикацией надписей на алтарях Августа, найденных в Афинах.

E. Vanderpool, *Athens Honors on the Emperor Tiberius*, стр. 86—90. Републикация надписи, содержащей посвящение императору Тиберию, как покровителю Афин. В пространном комментарии автор пытается определить более точную дату надписи и полагает, что она была исполнена еще при жизни Тиберия.

H. A. Thompson, *Activities in the Athenian Agora, 1958*, стр. 91—108. Описание раскопок на афинской агоре в 1958 г.: на Панафинейской дороге, у оборонительной стены римского времени и у северного склона Акрополя, где были открыты жилые комплексы классического времени.

«HESPERIA», XXVIII, 2, 1959

M. H. Jameson, *Inscriptions of Hermione, Hydra and Kasos*, стр. 109—120. Публикация 23 греческих надписей, найденных в разные годы и представляющих собой частью вотивы римского времени, частью — надгробия.

W. E. Mc Leod, *An Ephebic Dedication from Rhamnus*, стр. 121—126. Публикация весьма фрагментированной греческой надписи, содержащей имена жителей аттической трибы Акемантиды, найденной в 1958 г. в рамнунтской крепости и относящейся ко второй половине IV в. до н. э. Ближайшей ее аналогией является надпись, опубликованная в Hesperia, IX (1940), 1, стр. 59, № 8, col. 1, lin. 9—10, 20—33.

D. B. Thompson, *Three Centuries of Hellenistic Terracottas II B. The Altar Well*, стр. 127—152. Публикация фрагментов терракотовых статуэток, происходящих из «алтарного колодца» близ Ареопага, найденных в 1946 г. и относящихся к началу III в. до н. э.

K. Lehmann, *A Bronze Pail of Athena Alalkomenia*, стр. 153—161. Публикация бронзового котла яйцевидной формы, найденного в Мантинее, в Аркадии, в 1957 г. и относящегося к 20 гг. VI в. до н. э. На венчике котла, служившего для зачерпывания воды в священном колодце, начертано посвящение Афине Алалкомении.

C. N. Edmonson, *A Graffito from Amyklai*, стр. 162—164. Публикация сильно фрагментированного граффито, начертанного на лаконской черепице середины III в.

до н. э., найденного в Амиклейоне близ Спарты в 1957 г. и содержащего вероятней всего посвящение Аполлону.

De Coursey Fales, Translation of the Rubric: ΕΚ ΤΩΜ ΜΗΡΗΤΗΙ, стр. 165—167. Рассматривая встречающееся в аттических надписях слово ῾ρητῆ, толкуемое обычно как латинское palam, автор предлагает понимать его как указание на наличие (или отсутствие) определенного срока (дела или документа).

«HESPERIA», XXVIII, 3, 1959

R. O. Hubbe, Decrees from the Precinct of Asclepios at Athens, стр. 169—201. Републикация с пространным комментарием 12 фрагментированных греческих надписей IV—I вв. до н. э., содержащих почетные декреты в честь жрецов афинского Асклепиэйона и происходящих с южного склона Акрополя.

J. L. Caskey, Activities at Lerna, 1958—1959, стр. 202—207. Краткое сообщение о раскопках и консервационных работах в Лерне, в ходе которых были обнаружены неолитические и древне-элладские строительные остатки и погребения.

D. M. Lewis, Attic Manumissions, стр. 208—238. Републикация греческой надписи, найденной в 1935 г. в Афинах и содержащей более сотни манумиссий IV в., совершенных по формуле ἀποφυγών.

D. M. Lewis, Law on the Lesser Panathenaia, стр. 239—247. Републикация с попытками восстановления и пространным комментарием греческой надписи, найденной в Афинах в 1938 г. и представляющей собой верхнюю часть декрета, касающегося финансирования Малых Панафиней.

D. M. Lewis, Athens and Troizen, стр. 248—250. Замечания по поводу размещения фрагментов и чтения текста декрета, изданного в IG II², 46 с новонайденными фрагментами, опубликованными в «Hesperia», XXVI (1957), стр. 225 сл. В декрете речь идет, в частности, об отношениях Афин и Трезена в 60-х гг. IV в. до н. э.

E. Brann, Seventh Century Sherds from the Olympieion Area, стр. 251—252. Публикация десятка фрагментов раннеаттической расписной керамики VII в. до н. э., найденных в 1956 г. при раскопках у афинского Олимпиэйона и указывающих, по мнению автора, на существование там архаического некрополя.

«HESPERIA», XXVIII, 4, 1959

J. L. Benson, Spirally Fluted Columns in Greece, стр. 254—272. Вопросы хронологии и распространения в Средиземноморье колонн со спиральными каннелюрами, известными преимущественно в позднеримское и раннесредневековое время.

A. G. Woodhead, Greek Inscriptions, стр. 273—288. Публикация 15 фрагментированных греческих надписей, найденных при раскопках афинской агоры с 1937 по 1940 г., представляющих собой главным образом вотивы и надгробия. Надписи относятся к эллинистическо-римскому времени.

E. Vanderpool, Rods at the Northwest Corner of the Athenian Agora, стр. 289—343. Археологические наблюдения над направлением улиц и остатками дорог в северо-западной части афинской агоры.

O. Broneer, Excavations at Istmia, Fourth Campaign, 1957—1958, стр. 298—343. Подробное сообщение с публикацией находок о четвертом сезоне раскопок в Истмии (1957—1958 гг.), где основные работы были сосредоточены в архаическом (VII в.) храме Посейдона, подвергавшемся перестройкам в начале V в. и в 394 г. до н. э. Раскопки производились также в святилище Палемона, стадии и театре, остатки которых относятся к римскому времени. Публикуется 5 надписей: каталог победителей на истмийских играх, вотивы и метрическая подпись под статуей агонофета Никия.

G. F. Bass, Neolithic Figurines from Thespiai, стр. 344—349. Публикация шести обломков примитивных глиняных статуэток, найденных близ Феспий.

«REVUE DES ÉTUDES LATINES», XXXV (1957), 1958

R. Marichal, Quelques apports à la tradition ancienne du texte de Virgile, стр. 81—84. Указывая на значительные соответствия между фрагментами Буколик и Энеиды в папирусах VI в. и позднейшими рукописями сочинений Вергилия, автор приходит к выводу о существовании уже в эпоху империи единой рукописной традиции, упрочившейся в средние века.

E. Cavaignac, A propos de Justin, XXVIII, 2, стр. 85—87. Автор рассматривает изложенное Юстином сообщение Помпея Трога о том, что этолийцы посоветовали римлянам «открыть двери» (в смысле «объявить войну»). Как полагает Кавеньяк, это сообщение связано с храмом Януса и восходит к Тимагену.

M. Lejeune, Notes de linguistique italique, XIII. Sur les adaptations de l'alphabet étrusque aux langues indo-européennes d'Italie, стр. 88—105. Алфавит текстов и надписей древних латинян, фалисков, венетов, осков, умбров, лепонтиев, заимствован из

этрусского, но имеет некоторые отличия от него, свидетельствующие о влиянии позднейших греческих алфавитов.

J. H e u r g o n, Influences grecques sur la religion étrusque: l'inscription de laris pulenas, стр. 106—125. Рассмотрение этрусской надписи из Тарквиний (CIE, 5430), связываемой автором с дионисийским ритуалом. Имя Pulenas автор возводит к имени греческого прорицателя Поллеса, упоминаемого Свидой. В специальном приложении рассматривается вопрос о дате надписи.

G. D u m é z i l, Remarques sur augur, augustus, стр. 126—151. На основании ведических параллелей, автор возводит корень aug к понятию «увеличения», «возвышения», с которым и связывает происхождение упомянутых в заглавии статьи латинских терминов.

P. P e r r o c h a t, La correspondence de Cicéron et Munatius Plancus, стр. 172—184. Комментируя переписку Цицерона с Мунацием Планком, легатом Цезаря во время галльской войны (Cic., Ad fam., X, 1—24), автор определяет ее ценность для истории последних лет республики, попутно выясняя значение галльского укрепленного пункта Cularo (Гренобль) для военных операций на территории племени аллоброгов.

P. G r i m a l, Lucrèce et l'hymne à Vénus, стр. 184—195. Гимн в честь Венеры — прародительницы рода Юлиев, являющийся прологом к кн. I поэмы Лукреция «О природе вещей», мог быть написан, по мнению автора, лишь после того, как бывший помпеянец Гай Меммий, которому Лукреций предназначает свою поэму, перешел в 54 г. до н. э. на сторону Цезаря.

R. L u c o t, Mécène et Properce, стр. 195—204. Рассматривая по данным элегий Проперция историю его отношений с Меценатом, автор отмечает, что элегии I, 2 и I, 22 свидетельствуют о стремлении Проперция к дружбе с Меценатом, тогда как элегия IV, 2 содержит намек на его отход от Мецената, вызванный соперничеством Проперция с Горацием.

L.-F. R o l l a n d, La Porte d'Ivoire, стр. 204—223. Пространный комментарий к стихам Энеиды VI, 893—898, где речь идет о двух вратах, через которые души умерших или фантомы покидают царство теней.

J. G a g é, Coup de dés du roi de Véies ou tessères de «legati» romains? (Tite Live, IV, 17), стр. 224—242. Автор полагает, что рассказ Ливия об убийстве римских послов в Фиденах по приказу вейентского царя Толумния, якобы отданному по жребию, возник из неправильного понимания слова tesserae, в действительности обозначавшего охранные грамоты послов.

P. J a l, Images d'Auguste chez Sénèque, стр. 242—264. Критический и сдержанный характер высказываний Сенеки о деятельности Августа позволяет судить о его отношении к Нерону, который официально считался продолжателем политики первого римского императора.

A. G u i l l e m i n, Sénèque, second fondateur de la prose latine, стр. 265—284. Сенека модернизировал язык Цицерона и в то же время очистил его от грубости и резкости. Выработанный им философско-литературный стиль получил признание у потомства и был воспринят древнехристианской литературой.

Ch. P i c a r d, Brundisium. Notes de topographie et d'histoire, стр. 285—303. Археологические остатки, имеющиеся в Брундизии, свидетельствуют о значительности древнего города и, в частности, о существовании больших храмов на Соборной площади и у Porta maritima. О древнем Брундизии позволяют судить его изображения на колонне Траяна, которые ранее ошибочно относили к Анконе.

«REVUE DES ÉTUDES LATINES», XXXVI (1958), 1959

J. M a r o u z e a u, Place de l'Hécyre dans l'oeuvre térentienne, стр. 105—108. Рассматривая словарь комедии Теренция «Свекровь» с точки зрения единства стиля, Марузо допускает, что текст пьесы содержит следы его обработки различными авторами.

G. D u m é z i l, Sur l'inscription du Lapis niger, стр. 109—111. Изучая один из древнейших латинских эпиграфических памятников, автор приходит к выводу, что его содержание имеет отношение к «соединенному ауспицию», о котором идет речь у Цицерона (De divin., II, 36).

G. D u m é z i l, Questiones indo-italicae, 1—3, стр. 112—131. Автор выявляет черты сходства между древнеиндийским религиозным ритуалом и обрядами древнеримских религиозных празднеств Parilia, Volcanalia и Equus October.

N. I. H e r e s c u, L'édition antique des poètes latins et la prétendue «règle de 18 vers à la page», стр. 132—158. Полемика с теорией Л. Г е р м а н а (Poésie et arithmétique, «Revue de l'Université de Bruxelles», II, 1949—1950, стр. 339 слл.), согласно которой древние манускрипты латинской поэзии будто бы обязательно имели 18 стихов на каждой странице.

P. J. M i n i c o n i, Les termes d'injure dans le théâtre comique, стр. 159—175. Рассматривая бранные выражения, употребляемые персонажами комедий Плавта и Теренция, автор приходит к выводу, что для Плавта особенно характерно использование

искусственных словесных построений, усиливающих бранные слова и придающих им иронический смысл.

R. Combès, Cicéron et Matius, «Amitié» et la politique à Rome, стр. 176—186. По мнению автора, Цицерон стремился превратить свою дружбу с К. Матием в политический союз.

M. Ruch, Nationalisme culturel et culture internationale dans la pensée de Cicéron, стр. 187—204. В стремлении Цицерона сблизить и примирить греческую мораль и философию с древнеримской моралью и религиозностью автор видит одно из проявлений интернациональной и гуманистической тенденции античной культуры.

P. Courcelle, La postérité chrétienne du Songe de Scipion, стр. 205—234. Прослеживая влияние цицеронова «Сна Сципиона» на христианскую литературу средних веков, автор показывает, что оно объяснялось свойственными этому произведению пифагорейско-платоновскими идеями о бренности земного существования и о ценности посмертной жизни.

R. Turcan, Martianus Capella et Jamblique, стр. 235—254. Целый ряд особенностей демонологии Ямвлиха, отразившихся в его сочинении De nuptiis, заставляет подозревать влияние на него религиозных учений Марциана Капеллы.

M. Turcan, «Aedes solis» au grand cirque, стр. 255—262. Упоминание об aedes solis в Circus maximus Тертуллиана (De spect., 8) относят обычно к храму солнца, находившемуся в южной части Цирка и изображенному на сестерциях Траяна и Каракаллы. В действительности же речь идет, по мнению автора, о находившемся в храме обелиске.

R. Chevallier, Bulletin archéologique. L'archéologie italienne de l'après guerre, стр. 263—280. Обзор археологических раскопок, производившихся в Италии за послевоенные годы, и относящихся к ним публикаций.

«REVUE DE PHILOLOGIE, DE LITTÉRATURE ET D'HISTOIRE ANCIENNE», XXXII, 1, 1958

A. Ernout, Indusium indusiarius, indusiatus, стр. 7—14. Рассматривая указанные в заголовке слова, употребительные в языке Плавта, и выясняя их этимологию, автор констатирует, что многие производные этих слов были созданы самим драматургом, не употреблялись в живом языке за пределами эпохи республики.

L. Robert, Inscriptions grecques de Sidé en Pamphylie, стр. 15—53. Обзор публикаций греческих надписей, найденных в Сиде (Памфилия) в 1947—1948 гг., среди которых имеются обломки декретов, вотивы и т. п. Автор подробно разбирает предложенные в первичной публикации чтения и высказывает ряд критических замечаний.

L. Robert, Une épigramme de Carie, стр. 54—66. Сопоставление эпиграфических данных, дополняющих и разъясняющих текст греческой метрической эпитафии крестьянина, опубликованной автором в предшествующем томе журнала (стр. 7 сл.).

J. Treheux, Le sens des adjectifs περίζυξ *et* περίζυγος, стр. 84—91. Изучая семантику этих двух слов — существительного и прилагательного,— автор прослеживает значительную смысловую эволюцию, которую они проделали за время их употребления в греческом языке.

O. Masson, Inscriptions grecques et chypriotes du petit temple d'Achoris à Karnak, стр. 92—94. Рассмотрение нескольких граффитти, сделанных кипрскими греками, греческим и кипрским слоговым письмом, для которого автор в некоторых случаях предлагает греческую транскрипцию. Среди киприотов, исполнивших эти надписи, было несколько представителей до сего времени малоизвестного города Ледры на о. Кипре.

«REVUE DE PHILOLOGIE», XXXII, 2, 1958

A. Ernout, Les enclitiques -que et -ue, стр. 189—197. Изучая употребление Овидием и Горацием энклитик -que и -ue, автор отмечает некоторое непостоянство правил, свидетельствующее о ломке латинского языка, происходившей в данную эпоху.

M. Lejeune, Essais de philologie mycénienne, стр. 198—217. Наблюдения над образованием имен собственных и прилагательных в микенском языке, а также над признаками двойственного числа.

J. André, Pythagorisme et botanique, стр. 218—243. Комментируя текст Плиния (NH, XXII, 18 сл.), который описывает растение erynge (переполошная трава) в качестве приворотного зелья, известного пифагорейцам, автор выясняет значение древнейших ботанических представлений для истории религии.

R. Rémondon, Notes de papyrologie; *La retenue de 6,5%*, стр. 244—260. Рассмотрение вопроса об упоминающемся изредка в папирусах налоге или удержании ,5% в пользу государства, производившемся при финансовых сделках.

«REVUE DE PHILOLOGIE», XXXIII, 1, 1959

Ch. Mugler, Les théories de la vie et de la conscience chez Démocrite, стр. 7—38. Развивая учения об универсальном характере жизни во вселенной, о ее подчинении

общим законам движения материи, Демокрит признавал в то же время наличие специальных «атомов души». Это обстоятельство, по мнению автора, сближает философию Демокрита с ионийским гилозоизмом и анимизмом Платона.

A. Ernout, *Lucretiana*, стр. 39—41. Рассматривая различные конъектуры к кн. V, 1110 поэмы Лукреция «О природе вещей», автор предлагает новую конъектуру, которую он обосновывает палеографическим анализом рукописного текста и параллелями из Лукреция (стр. 1291).

G. Luck, *Conjectures oubliées d'un helléniste français*, стр. 42—47. В экземпляре «Греческой антологии» Планула, принадлежавшем К. Грулару, имелись конъектуры на полях, опубликованные в начале XIX в., но не учитывавшиеся последующими издателями антологии. Автор находит многие из них блестящими и считает их автором учителя Грулара — знаменитого Скалигера.

P. Antin, *Fortunat*, *Carm.*, *X*, *6* , *37*, стр. 48—49. Интерпретация текста и историко-филологический комментарий к указанному месту Фортуната, христианского поэта VI в.

«RHEINISCHES MUSEUM FÜR PHILOLOGIE», CI, 4, 1958

E. Vetter, *Zum Text von Varros Schrift über lateinische Sprache*, стр. 289—323. Критические замечания к отдельным местам книг V—X Варрона о латинском языке (заключение, см. RhMF, CI, 3, 1958).

R. Helsomino, *Augusti epistula ad Horatium commentario instructa*, стр. 328—335. Историко-филологический комментарий к письму Августа к Горацию, содержащемуся в «Жизнеописании Горация» Светония.

P. R. Franke, Θεσσαλικά, стр. 336—338. Публикация двух греческих надгробных надписей из Фессалоники I в. н. э., упоминающих скульптора Эвандра из Береи, а также двух стел позднеэллинистического времени с посвящением Энею и Артемиде Фосфорос из Элатеи близ Ларисы.

H. Heubner, *Der Prätorianertumult vom Jahre 69 n. Chr.*, стр. 339—353. Пересматривая данные о преторианском восстании 69 г. н. э., автор приходит к выводу, что эти беспорядки были связаны со стремлением сторонников захватившего власть Отона привести в мобилизационную готовность 17-ю преторианскую когорту.

C. J. Herington, *A Thirteenth - Century Manuscript of the Octavia praetexta in Exeter*, стр. 353—377. Рассмотрение рукописи латинской трагедии «Октавия», середины XIII в., хранящейся в кафедральной библиотеке в Экзетере, и определение места этого манускрипта в рукописной традиции трагедии.

J. F. Killen, *Aristophanes' Frogs*, *819*, стр. 377—378. Попытка истолковать выражение Аристофана σκινδαλάμων παραξόνια как «чужеземные тонкости» или «словесные тонкости» вообще.

E. Bickel, *Die Etymologie von verax*, стр. 378. Автор образует verax из vero и ago и пытается доказать первоначальный религиозный смысл этого термина.

«RHEINISCHES MUSEUM FÜR PHILOLOGIE», CII, 1, 1959

R. Stark, *Zu den «Diktyulkoi» und «Istmiastai» des Aischilos*, стр. 1—9. Сопоставляя фрагменты названных в заглавии сатировских драм Эсхила с параллельными текстами других древнегреческих художественных произведений, автор пытается выяснить, каким было содержание этих драм.

L. Bergson, *Episches in den* ῥήσεις ἀγγελικαί, стр. 9—39. Рассмотрение речей вестников в греческой трагедии как своеобразного художественного жанра и установление его зависимости от поэтической техники эпоса.

H. Kuhl, *Textkritisches zu Aristoteles'* Περὶ γενέσεως καὶ φθορᾶς, стр. 39—47. Статья содержит критические замечания к отдельным местам сочинения Аристотеля «О возникновении и уничтожении», а также попытки исправления текста и его новой интерпретации.

H. Erbse, *Zu Herodot*, стр. 47—50. Рассмотрение рукописных чтений и попыток исправления текста кн. II, 20—23 «Истории» Геродота (где речь идет о причинах разлива Нила). Автор предлагает также некоторые новые поправки.

H. Drexler, *Potentia*, стр. 50—95. Исследование древнеримских представлений о «могуществе» в различных его аспектах: физическом, морально-политическом и др.

«RHEINISCHES MUSEUM FÜR PHILOLOGIE», CII, 2, 1959

H. Drexler, *Justum bellum*, стр. 97—140. Исследование, посвященное развитию представлений о справедливых и несправедливых, а также законных и незаконных войнах в древнем Риме. Это развитие автор связывает с потребностью в моральном оправдании агрессивной политики римского государства.

A. Thierfelder, *Annotationes in Menandri Dyscolon*, стр. 141—146. Ряд замечаний, касающихся чтения и понимания отдельных мест новонайденной комедии Менандра «Дисколос».

W. K r a u s, *Zum neuen Menander*, стр. 146—156. Предлагая ряд конъектур и толкований к тексту новооткрытой комедии Менандра, автор рассматривает в заключение ее художественную структуру и указывает на стилистические параллели из других его комедий.

W. S c h m i d, *Menanders Dyskolos und die Timonlegende*, стр. 157—182. Автор сопоставляет главное действующее лицо «Дисколоса» — Кнемона с образом древнегреческого мизантропа Тимона, который встречается у Плутарха (Alex., 16) и в одноименном диалоге Лукиана. Он прослеживает влияние менандрова Кнемона на Тимона Лукиана и выясняет историю образа мизантропа в греческой литературной традиции вообще.

W. R. C h a l m e r s, *An Alleged Doublet in Ammianus Marcellinus*, стр. 183—189. Изложение Аммианом Марцеллином (XXIV, 1, 1—5) событий похода императора Юлиана от Керкузия по направлению к Дура считается обычно повторением сказанного ранее в кн. XXIII, 5, 7—25. Однако автор показывает, что оба рассказа являются хронологически последовательным продолжением один другого.

E. V o g t, *Ein stereotyper Dramenschluss der* Νέα. *Zu Menanders Dysklos und Poseidipps Apokleiomene*, стр. 192. Последние два стиха менандрова «Дисколоса» почти буквально повторяют стихи Посейдиппа, известные из Гейдельбергского папируса (E. S i e g m a n n, Literarische Griechische Texte der Heidelberger Papyrussammlung, Heidelb., 1956, стр. 6 слл.).

«RHEINISCHES MUSEUM FÜR PHILOLOGIE», CII, 3, 1959

E. V o g t, *Die Schrift vom Wettkampf Homer und Hesiods*, стр. 193—221. Рассмотрение, на основании новых папирологических данных, происхождения безыменного сочинения о «Споре Гомера с Гесиодом». Фогт приписывает его авторство ритору IV в. до н. э. Алкидаманту, а также прослеживает более ранние корни этого сюжета.

F. L a s s e r r e, *Aux origines de l'Anthologie. I. Le Papyrus P. Brit. Mus. Inv. 589* (*Pack. 1121*), стр. 222—247. В названном в заглавии статьи папирусе Британского музея (Папирус Петри), содержащем эпиграммы Посейдиппа — поэта III в. до н. э., и других авторов, Лассер усматривает сборник эпиграмм, предшествующий «Антологии».

R. K a s s e l, *Zum Dyskolos*, стр. 247—249. Попытки восстановления некоторых фрагментированных строк, конъектуры и эгзегетические примечания к новооткрытой комедии Менандра.

T. A. D o r e y, *The Elections of 216 B. C.*, стр. 249—252. В выборах Эмилия Павла консулом в 219 г. до н. э. автор усматривает компромисс между сципионовской и фабиевской политическими группировками в Риме.

W. G. A r n o t t, *The Author of the Greek Original of the Poenulus*, стр. 252—262. Указывая, в качестве возможных источников комедии «Пуниец» Плавта, на одноименные пьесы Алексида и Менандра, автор приводит примеры и соображения, подкрепляющие его мнение о зависимости Плавта в особенности от первого из вышеназванных греческих комедиографов.

W. S c h m i d, *Menanders Dyskolos, Timonlegende und Peripatos* (*Nachtrag zu oben S.* 157 *ff.*), стр. 263—266. Дополнения к опубликованной выше статье того же автора о «Дисколосе» Менандра. Автор аргументирует тезис о доэллинистических корнях образа мизантропа.

M. S i c h e r l, *De Somnii Scipionis textu constituendo I. De natura memoriae Macrobianae*, стр. 266—286. Исследование, посвященное преимущественно вопросу о датировке рукописей цицероновских текстов, которыми пользовался Макробий при составлении «Комментария на Сон Сципиона».

K. V r e t s k a, *Nochmals zu Platon Pol. 514, B.*, стр. 286—287. Замечания, уточняющие смысл начального абзаца книги VII «Государства» Платона.

«RHEINISCHES MUSFUM FÜR PHILOLOGIE», CII, 4, 1959

V. P i s a n i, *Altlateinisches iopetoi und die Duenos Inschrift*, стр. 303—307. Исследование метрики и попытка интерпретации одной из древнейших латинских надписей VI—V вв. до н. э.

F. L a s s e r r e, *Aux origines de l'Anthologie. II. Les Thalysies de Théocrite*, стр. 307—330. В дополнение к своей статье, посвященной происхождению греческой поэтической Антологии (см. выше), автор рассматривает VII идиллию Теокрита, в которой он видит своего рода пародию на антологию древнегреческих эпиграмм.

W. J a e g e r, *Echo eines unerkannten Tragikerfragments*, стр. 330—340. В гл. 20 Послания Клемента Римского к коринфянам автор находит перифразу некоего отрывка из неизвестного драматического произведения.

B. S t a r k, *Warscheinliches und Unwarscheinliches von Aeschylos*, стр. 340—346. Рассмотрение вопроса о принадлежности Эсхилу трех фрагментов, приписываемых ему традицией.

M. S i c h e r l, De Somnii Scipionis textu constituendo II. Singillatim de quibusdam locis, стр. 346—364. Рассматривая отдельные места сочинения Цицерона «Сон Сципиона», автор исследует соответствие их стилистики предполагаемым греческим прототипам, а также отдельные расхождения между версиями чтения у Цицерона и у Макробия.

G. G i a n g r a n d e, Conjectural Emendations, стр. 365—376. Обоснование эмендаций некоторых мест текста Ксенофонта Эфесского (I, 2 , 6) и некоторых эпиграмм Палатинской Антологии.

D. M a c D o w e l l, Leogoras at Ennea Hodoi, стр. 376—378. Автор считает ошибочным схолий к Эсхилу (2,31), сообщающий о поражении афинян во Фракии у Эннеа Одой (Амфиполис) при архонте Лисикрате (453/452 до н. э.).

* * *

F. L e R o u x, Problème des Pictes («Ogam», XI, 1959, стр. 98—106). Рассматривая сообщения древних авторов (Юлия Цезаря, Марциала и др.) о пиктах, Леру упоминает также о весьма интересном высказывании английского хрониста VIII в. Бэды Достопочтенного. В его «Истории английской церкви» (I, 1) говорится, что пикты пришли из Скифии («... Contigit gentem Pictorum de Scythia... Hiberniam pervenisse»). Скифия упоминается в кельтских источниках, например, в ирландских хрониках. В эпосе «Флед Брикренд» («Праздник Брикрена») великан Куруа отправляется «сражаться в страну скифов». Предположение о скифском происхождении пиктов, несомненно, заслуживает внимания исследователей.

УКАЗАТЕЛИ
К
ВЕСТНИКУ
ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ
ЗА 1956-1960 ГГ.

СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ» ЗА 1956—1960 гг.*

СОДЕРЖАНИЕ УКАЗАТЕЛЯ

I. Передовые статьи . . . . . .
II. Источники. . . . . .
III. Историография. . . . . .
IV. Общие работы . . . . . .
а) Статьи
б) Рецензии
V. История древних обществ на территории СССР. . . . . .
1. Европейская часть СССР
а) Статьи
б) Рецензии
2. Закавказье
а) Статьи
б) Рецензии
3. Средняя Азия и Сибирь
а) Статьи
б) Рецензии
VI. Древний Восток. . . . . .
1. Общие работы
а) Статьи
б) Рецензии
2. Аравия
а) Статьи
3. Двуречье
а) Статьи
б) Рецензии
4. Египет
а) Статьи
б) Рецензии
5. Индия
а) Статьи
б) Рецензии
6. Иран
а) Статьи
7. Карфаген
а) Статьи
8. Древний Китай
а) Статьи
б) Рецензии
9. Малая Азия
а) Статьи
10. Палестина
а) Источники
б) Статьи
в) Рецензии
11. Парфия
а) Статьи
12. Сирия и Финикия
а) Статьи
б) Рецензии
13. Хетты
а) Статьи
14. Другие страны Древнего Востока
а) Статьи
б) Рецензии
VII. Древняя Греция .
а) Статьи
б) Рецензии
VIII. Эллинизм. . . . . .
а) Статьи
б) Рецензии
IX. Древний Рим. . . . . .
а) Источники
б) Статьи
в) Рецензии
X. Хроника. . . . . .
1. Учреждения АН СССР

---

* Статьи, имеющие по своему содержанию отношение к ряду разделов, помещены в каждом из соответствующих разделов.

В систематический указатель внесены также рецензии, которые помещены в конце каждого раздела.

Рецензии на журналы, а также библиографические обзоры и библиографические списки выделены в отдельные разделы (XII и XIII).

Систематический указатель содержания ВДИ за 1937—1950 гг.— см. Приложение к ВДИ, 1951, № 4 (отдельная брошюра); систематический указатель содержания ВДИ за 1951—1955 гг. помещен в ВДИ, 1956, № 4, стр. 219—243.

Систематический указатель содержания ВДИ за 1956—1960 гг. составлен М. И. Фурсовой.

2. Другие научные учреждения СССР
3. Зарубежная хроника и международные съезды
XI. Personalia . . . . . .
XII. Рецензии на журналы . . . . . .
а) Иностранные
XIII. Библиографические обзоры и библиографические списки. . . . . .
XIV. Разное. . . . . .
а) Статьи
б) Письма
в) Рецензии

I. ПЕРЕДОВЫЕ СТАТЬИ

1. За глубокое изучение языка первоисточников — 1956, № 3, с. 3—6.
2. За глубокое овладение теоретическим наследием Ленина — 1957, № 1, с. 3—16.
3. «История рабства в античном мире» в семилетнем плане института истории АН СССР —1960, № 4, с. 3—8.
4. К 90-летию со дня рождения В. И. Ленина — 1960, № 2, с. 3—13.
5. К 75-летию работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» — 1959, № 4, с. 3—11.
6. Научное наследие Маркса и изучение древней истории — 1958, № 2, с. 3—13.
7. Период развернутого строительства коммунизма — 1959, № 1, с. 3—8.
8. Поворотная веха в развитии исторической науки. (О значении Великой Октябрьской социалистической революции для развития исторической науки) — 1957, № 3, с. 3—12.
9. Проблема падения рабовладельческого строя. (К итогам дискуссии) — 1956, № 1, с. 3—13.
10. Улучшить организацию научно-исследовательской работы в области древней истории — 1956, № 2, с. 3—11.

II. ИСТОЧНИКИ

11. Избранные латинские надписи по социально-экономической истории ранней Римской империи. Подбор, пер. и коммент. Е. М. Штаерман, под ред. Ф. А. Петровского — 1956, № 1, с. 195—268 (продолжение); № 2, с. 185—232; № 3, с. 170—264; № 4, с. 175—218 (окончание).
Указатели (сост. В. М. Смирин) — 1957, № 1, с. 197—227.
Исправления и опечатки, замеченные в Приложении к ВДИ (Избранные латинские надписи...) за 1955, № 2—4; 1956, № 1—4 — 1957, № 1, с. 228—230.
12. *Николай Дамасский.* О своей жизни и своем воспитании. История. Жизнь Цезаря. Собрание замечательных обычаев. Пер. коллектива авторов под ред. Е. Б. Веселаго — 1960, № 3, с. 244—276; № 4, с. 207—243 (окончание).
Указатель собственных имен, географических и этнических названий (сост. Г. Федорова) — 1960, № 4, с. 243—248.
13. Scriptores Historiae Augustae (Авторы жизнеописаний Августов). Пер. С. П. Кондратьева, под ред. А. И. Доватура, примеч. С. П. Кондратьева — 1957, № 1, с. 257—269; № 2, с. 241—262; № 3, с. 223—241; № 4, с. 203—214; 1958, № 1, с. 251—270; № 2, с. 263—293; № 3, с. 239—261; № 4, с. 177—185; 1959, № 1, с. 223—245; № 2, с. 233—245; № 3, с. 227—244; № 4, с. 217—240; 1960, № 1, с. 211—239 (окончание).
Указатель к биографиям римских императоров сост. А. И. Доватур и В. И. Денисюк — 1960, № 2, с. 179—211.

III. ИСТОРИОГРАФИЯ

14. *Авдиев В. И.* Изучение истории древнего Востока в Советском Союзе (1917—1957 гг.) — 1957, № 3, с. 13—27.
15. *Алпатов М. А.* Лекционные курсы П. Г. Виноградова в 80-х гг. по античной истории — 1957, № 4, с. 127—141.
16. *Асиновская С.* Древняя история в лекциях Т. Н. Грановского (по архивным документам) — 1956, № 2, с. 135—145.
17. *Дератани Н. Ф.* Классическая филология в СССР за сорок лет — 1957, № 3, с. 55—65.
18. *Зельин К. К.* Из области греческой историографии IV в. до н. э. (в связи с опубликованием новых фрагментов «Греческой истории» из Оксиринха) — 1960, № 1, с. 84—108.
19. *Зельин К. К., Бергер А. К.* и *Штаерман Е. М.* О некоторых направлениях в современной буржуазной историографии античности — 1959, № 1, с. 141—160.
20. *Ковалев С. И.* Сорок лет советской историографии по древнему Риму — 1957, № 3, с. 42—54.
21. *Меликишвили Г. А.* Древняя история Закавказья в советской исторической науке — 1957, № 3, с. 66—75.
22. *Тюменев А. И.* Изучение истории древней Греции в СССР за сорок лет (1917—1957 гг.) — 1957, № 3, с. 28—41.

IV. ОБЩИЕ РАБОТЫ

а) СТАТЬИ

23. К проблеме античного города (от редакции) — 1960, № 3, с. 86—88.
24. *Кудрявцев О. В.* О неправильном исчислении юбилейных дат событий, имевших место до нашей эры — 1956, № 2, с. 160—163.
25. *Лурье С. Я.* К вопросу о происхождении культа христианских целителей — 1960, № 2, с. 96—100.
26. *Утченко С. Л., Штаерман Е. М.* О некоторых вопросах истории рабства — 1960, № 4, с. 9—21.

б) РЕЦЕНЗИИ

27. Всемирная история в 10-ти томах. Глав. редакция — Е. М. Жуков и др. Т. I. История первобытного общества и древнего мира (до VII — VI вв. до н. э.). Под ред. Ю. П. Францева (отв. ред.) и др. М., Госполитиздат, 1955, 747 с.
Рец.: *М. Н. Ботвинник, Г. А. Меликишвили, Р. И. Рубинштейн, А. А. Формозов* — 1956, № 3, с. 49—62.
28. Всемирная история в 10-ти томах. Глав. редакция — Е. М. Жуков (глав. ред.) и др. Т. I—II. М., Госполитиздат, 1955, 1956.
Рец.: *Л. С. Васильев* и *Д. Г. Редер*. Древняя история Китая и Индии во «Всемирной истории» АН СССР — 1957, № 3, с. 188—196.
29. Всемирная история в 10-ти томах. Глав. редакция — Е. М. Жуков (глав. ред.) и др. Т. II. Под ред. С. Л. Утченко (отв. ред.) и др. М., Госполитиздат, 1956.
Рец.: *А. К. Бергер, А. И. Болтунова, С. И. Ковалев* и *Н. Я. Мерперт* — 1957, № 3, с. 170—188.
30. Historia Mundi. Ein Handbuch der Weltgeschichte in zehn Bändern. Bd. IV. Römisches Weltreich und Christentum von F. E. Adcock, A. Alfoldi (e. a.), 1956.
Рец.: *С. И. Ковалев* — 1957, № 4, с. 167—171; *А. И. Немировский* — 1957, № 4, с. 171—174.
31. Sannwald R. Marx und die Antike. Zürich, Polygraphischer Verlag, 1957, 210 с. (Staatswissenschaftliche Studien. Neue Folge, т. 27).
Рец.: *Г. Д., Н. Э.* О некоторых проблемах античного культурного наследия в трудах К. Маркса. (По поводу книги Р. Занвальда «Маркс и античность») — 1960, № 3, с. 159—174.

V. ИСТОРИЯ ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВ НА ТЕРРИТОРИИ СССР

1. ЕВРОПЕЙСКАЯ ЧАСТЬ СССР

а) СТАТЬИ

32. *Белецкий А. А.* Надпись Полимеда из Ольвии — 1956, № 3, с. 137—141.
33. *Белов Г. Д.* Эллинистический квартал в Херсонесе. (По материалам раскопок 1951—1953 гг.) — 1956, № 3, с. 141—151.
34. *Берзин Э.* Синдика, Боспор и Афины в последней четверти V в. до н. э.— 1958, № 1, с. 124—129.
35. *Болтунова А. И.* Надписи Боспора (Заметки и публикации) — 1959, № 4, с. 92—110.
36. *Брайчевский М. Ю.* Новый клад римских монет из села Турин (Златопольский район Черкасской обл.) — 1956, № 4, с. 153—157.
37. *Брашинский И. Б.* Торговые пошлины и право беспошлинности в Боспоре (IV в. до н. э.) — 1958, № 1, с. 129—137.
38. *Голубцова Е. С.* Некоторые вопросы политической истории Боспора I — II вв. нашей эры — 1960, № 1, с. 112—121.
39. *Дашевская О. Д.* К вопросу о локализации трех скифских крепостей, упоминаемых Страбоном — 1958, № 2, с. 143—150.
40. *Доватур А. И.* Реметалк и Евпатор — 1959, № 4, с. 33—42.
41. *Карышковский П. О.* Заметки по нумизматике античного Причерноморья— 1957, № 2, с. 138—146.
42. *Карышковский П. О.* Заметки по нумизматике античного Причерноморья— 1960, № 3, с. 132—141.
43. *Карышковский П. О.* Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды — 1959, № 4, с. 111—131.
44. *Карышковский П. О.* Стоимость монетных металлов в Ольвии и в Боспорском государстве в IV в. до н. э.— 1958, № 3, с. 121—136.
45. *Книпович Т.* Фанагорийская метрическая эпитафия в собраниях Темрюкского краеведческого музея — 1959, № 1, с. 112—117.
46. *Крушкол Ю.* Монеты из раскопок Патрэя 1949—1951 гг.—1958, № 3, с. 136—142.
47. *Крушкол Ю. С.* Основные пункты и направления торговли Северного Причерноморья с Родосом в эллинистическую эпоху — 1957, № 4, с. 110—115.
48. *Марченко И. Д.* К вопросу о культах азиатского Боспора — 1960, № 2, с. 101—107, с карт.
49. *Мельниковская О.* Клад браслетов в д. Горошков (Юж. Белоруссия) — 1956, № 1, с. 173—176.
50. *Надэль Б. И.* Филологические и дипломатические заметки к боспорским манумиссиям — 1958, № 1, с. 137—146.
51. *Оборин В. А.* Сасанидское серебряное блюдо из д. Шудьякар — 1956, № 2, с. 174—177.
52. *Пеек В.* Гокон и Агат — 1960, № 3, с. 141—142.

53. *Розанова Н. П.* Посвятительная надпись Артемиде Эфесской, найденная в Пантикапее в 1949 г.— 1960, № 3, с. 130—132.
54. *Соломоник Э. И.* Алтарь Немесиды из Херсонеса — 1960, № 2, с. 133—139.
55. *Суров Е. Г.* Новая херсонесская надпись — 1960, № 3, с. 154—158.
56. *Трофимова М. К.* О некоторых источниковедческих проблемах XXXVI (Борисфенитской) речи Диона Хризостома — 1959, № 3, с. 151—162.
57. *Цветаева Г. А.* Конференция по изучению процесса исторического развития античных государств Северного Причерноморья (Москва, май 1956 г.) — 1956, № 4, с. 169—172.
58. *Шафранская Н. В.* О миксэллинах — 1956, № 3, с. 37—48.
59. *Шелов Д. Б.* К истории Танаиса — 1959, № 1, с. 117—127.
60. *Яценко И. В.* Скифские погребения близ Ногайска. (По материалам раскопок Н. И. Веселовского в 1887 г.) — 1956, № 1, с. 157—165.

б) РЕЦЕНЗИИ

61. Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры. (Сборник статей. Отв. ред. В. Ф. Гайдукевич и М. И. Максимова. Т. I). М.—Л. АН СССР, 1955, 448 с.
Рец.: *И. Т. Кругликова* — 1956, № 4, с. 55—62.
62. Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., АН СССР, 1953 (Ин-т истории и Ин-т истории материальной культуры. Причерноморье в античную эпоху. Под ред. В. Н. Дьякова. Вып. 5).
Рец.: *А. К. Бергер* — 1957, № 1, с. 132—137.
63. Блаватский В. Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., АН СССР, 1954, 158 с. (Ин-т истории и Ин-т истории материальной культуры. Причерноморье в античную эпоху. Под ред. В. Н. Дьякова. Вып. 7).
Рец.: *А. М. Ременников* — 1956, № 1, с. 59—62.
64. Зограф А. Н. Монеты Тиры. М., АН СССР, 1957, 128 с.
Рец.: *П. О. Карышковский* — 1958, № 2, с. 181—184.
65. Canarache V. Importul amforelor stampilate la Istria. [Bucureşti], 1957, 446 с. (Academia Republicii Populare Romîne. Biblioteca istorică. I).
Рец.: *И. Б. Брашинский* — 1959, № 2, с. 183—188.
66. Zgusta L. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Die ethnischen Verhältnisse, namentlich das Verhältnis der Skythen und Sarmaten, im Lichte der Namenforschung, Praha, 1955. 468 с.
Рец.: *Б. И. Надэль*, Ономатология античного Причерноморья — 1956, № 3, с. 68—79.

2. ЗАКАВКАЗЬЕ

а) СТАТЬИ

67. *Амиранашвили Ш. Я.* К вопросу об определении портретного изображения на гемме Британского музея (119712) с пехлевийской надписью — 1960, № 2, с. 90—92.
68. *Аракелян Б. Н.* Мозаика из Гарни — 1956, № 1, с. 143—156.
69. *Арутюнян Н. В.* Новонайденная клинописная таблетка из раскопок Кармир-Блура — 1957, № 3, с. 144—149.
70. *Болтунова А. И.* Возникновение классового общества и государственной власти в Иберии. (Доклад, читанный 1 дек. 1955 г. на заседании Ученого совета Инта истории материальной культуры) — 1956, № 2, с. 28—43.
71. *Г. В.* Изучение языков и истории древневосточных стран в Грузии — 1959, № 2, с. 220—223.
72. *Гамкрелидзе Г. В.* К некоторым вопросам грамматической структуры урартского языка — 1956, № 4, с. 138—145.
73. *Гвахария В. А.* О смысловом значении Ė и Ė. Gal в урартском — 1959, № 2, с. 95—100.
74. *Ельницкий Л. А.* К эпиграфике Гарни и Апарана — 1958, № 1, с. 146—150.
75. *Капанадзе Д.* и *Голенко К.* К вопросу о происхождении колхидок. (О памятниках античной нумизматики) — 1957, № 4, с. 88—95.
76. *Каухчишвили Т.* Эпиграфические новости из Грузии — 1958, № 4, с. 129—133.
77. *Ломоури Н. Ю.* Из исторической географии древней Колхиды — 1957, № 4, с. 96—110.
78. *Мацулевич Л. А.* Открытие мозаичного пола в древнем Питиунте — 1956, № 4, с. 146—153.
79. *Меликишвили Г. А.* Древняя история Закавказья в советской исторической науке — 1957, № 3, с. 66—75.
80. *Меликишвили Г. А.* К вопросу о хетто-цупанийских переселенцах в Урарту — 1958, № 2, с. 40—47.
81. *Меликишвили Г. А.* Новая урартская надпись из Иранского Азербайджана — 1960, № 3, с. 3—11.
82. *Периханян А. Г.* Древнеармянские востаники. (В связи с вопросом о формах землевладения) — 1956, № 2, с. 44—58.
83. *Периханян А. Г.* Иеродулы и ἱεροί храмовых объединений Малой Азии и Армении — 1957, № 2, с. 47—68.
84. *Тирацян Г.* Новонайденная надпись Арташеса I, царя Армении — 1959, № 1, с. 88—90.
85. *Церетели Г. В.* Греческая надпись эпохи Веспасиана из Мцхета — 1960, № 2, с. 123—133.

86. *Шлеев В. В.* К истории Ванского царства (Урарту) второй половины VIII — первой половины VII вв. до н. э.— 1958, № 1, с. 16—34.

б) РЕЦЕНЗИИ

87. Каухчишвили Т. С. География Страбона, сведения о Грузии. [Тбилиси], АН Груз. ССР, 1957 (на груз. языке).
Рец.: *Н. Ломоури.* Новые работы грузинских историков по истории античности — 1958, № 1, с. 173—178.

88. Максимова М. И. Античные города юго-восточного Причерноморья. Синопа. Амис. Трапезунт. М.— Л., АН СССР, 1956, 472 с.
Рец.: *В. Дзагурова* — 1958, № 3, с. 184—187.

89. Манандян Я. А. О некоторых спорных проблемах истории и географии древней Армении. Ереван, Айпетрат, 1956, 156 с., с карт.
Рец.: *Гр. Гиоргадзе* — 1960, № 3, с. 191 — 196.

90. Манандян Я. А. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен (V в. до н. э.— XV в. н. э.). Изд. 2-е. Ереван, Изд-во Ереванского ун-та, 1954.
Рец.: *Г. Х. Саркисян* — 1957, № 4, с. 142—146.

91. Меликишвили Г. А. Древневосточные материалы по истории народов Закавказья. [Ч]. I. Наири — Урарту. Тбилиси, АН Груз. ССР, 1954, 446 с.
Рец.: *И. М. Дьяконов* — 1956, № 2, с. 59—74.

92. Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н. э.— VII в. н. э. М.— Л., АН СССР (Ленингр. отд-ние), 1959, 391 с., с илл.
Рец.: *В. В. Струве, В. А. Белявский, Н. Ю. Ломоури* — 1960, № 3, с. 174—191.

3. СРЕДНЯЯ АЗИЯ И СИБИРЬ

а) СТАТЬИ

93. *Абаев В. И.* Среднеазиатский политический термин афшин — 1959, № 2, с. 112—116.

94. *Бернштам А. Н.* Саки Памира. (По материалам археологических исследований) — 1956, № 1, с. 121—134.

95. *Гумилев Л. Н.* Некоторые вопросы истории хуннов —1960, № 4, с. 120—125.

96. *Гумилев Л. Н.* Эфталиты и их соседи в IV в.— 1959, № 1, с. 129—140.

97. *Кабанов С. К.* Археологические данные по истории Нахшеба в III — V веках — 1956, № 2, с. 163—174.

98. *Лившиц В. А.* Два согдийских документа с горы Муг — 1960, № 2, с. 76—86, с табл.

99. *Массон В. М.* Древнеземледельческие племена Южного Туркменистана и их связи с Ираном и Индией. (По материалам раскопок 1955—1956 гг.) — 1957, № 1, с. 34—47.

100. *Мончадская Е. А.* О «царском городе» или «второй столице» Согдианы — 1959, № 2, с. 116—121.

101. *Щербак А. М.* Еще раз о монетах с руническими надписями из Минусинска — 1960, № 2, с. 139—141.

б) РЕЦЕНЗИИ

102. Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. М.— Л., АН СССР, 1959, 215 с., с илл.
(Ин-т истории материальной культуры. Материалы и исследования по археологии СССР, № 73).
Рец.: *И. М. Дьяконов* — 1960, № 3, с. 196—203.

103. Narain A. K. The Indo-Greeks. Oxford, Clarendon press, 1957, XVI, 201 с.
Рец.: *В. М. Массон* — 1959, № 4, с. 184—190.

VI. ДРЕВНИЙ ВОСТОК

1. ОБЩИЕ РАБОТЫ

а) СТАТЬИ

104. *Авдиев В. И.* Изучение истории древнего востока в Советском Союзе (1917—1957 гг.) — 1957, № 3, с. 13—27.

105. Всесоюзная сессия по ассириологии, египтологии и семитской эпиграфике (12—17 мая 1958 г.) — 1959, № 1, с. 207—212.

106. *Струве В. В.* Древняя история в советской исторической энциклопедии — 1960, № 2, с. 174—178.

107. *Ямпольский З. И.* О происхождении храмовой собственности древнего мира. (В порядке постановки вопроса) — 1959, № 4, с. 153—157.

б) РЕЦЕНЗИИ

108. Гольденберг В. А. История древнего Востока. Учебно-методическое пособие для студентов-заочников исторического факультета. Харьков, Изд-во Харьк. ун-та им. А. М. Горького, 1954, 81 с.
Рец.: *Л. М. Глускина, И. Д. Амусин* — 1956, № 2, с. 82—89.

109. Хрестоматия по истории древнего мира. Под ред. акад. В. В. Струве. Т. I. Древний Восток. М., Учпедгиз, 1956, 358 с.
Рец.: *И. Н. Бороздин* — 1958, № 3, с. 177—179.

2. АРАВИЯ

а) СТАТЬИ

110. *Лундин А.* Надписи Йада‘ ’ила Зариха, сына Сумху‘алай, мукарриба Саба’-1960, № 3, с. 12—22.

3. ДВУРЕЧЬЕ

а) СТАТЬИ

111. *Амусин И. Д.* Кумранский фрагмент «Молитвы» вавилонского царя Набонида — 1958, № 4, с. 104—117.
112. *Афанасьев В.* Законы Ур-Намму — 1960, № 1, с. 61—74.
113. *Вайман А. А.* О геометрической фигуре absamikku клинописных математических текстов — 1959, № 1, с. 91—94.
114. *Гершман И. Г.* Неразрешенные вопросы вавилонской метрологии — 1959, № 2, с. 100—112
115. *Дьяконов И. М.* О работе с шумерскими историческими источниками — 1958, № 2, с. 48—69.
116. *Семенович Н. Н.* Способ изготовления вавилонских клинописных таблеток — 1956, № 1, с. 134—142.
117. *Струве В. В.* Интерпретация документа № 19 издания М. В. Никольского [«Документы хозяйственной отчетности древнейшей эпохи Халдеи из собрания Н. П. Лихачева» под № 19]— 1957, № 4, с. 3—18.
118. *Струве В. В.* К проблеме частного землевладения в Шумере — 1959, № 4, с. 12—23.
119. *Струве В. В.* Основные вехи войны Урукагины и Лугальзагиси — 1958, № 4, с. 3—13.
120. *Струве В. В.* Термин gána-ga и проблемы зарождения частного землевладения в Шумере — 1959, № 2, с. 3—20; № 3, с. 54—74.
121. *Юсифов Ю. Б.* Эламские долговые документы из Суз (II тысячелетие до н. э.)— 1959, № 2, с. 45—55.
122. *Янковская Н. Б.* Землевладение большесемейных домовых общин в клинописных источниках — 1959, № 1, с. 35—51.
123. *Янковская Н. Б.* Некоторые вопросы экономики Ассирийской державы — 1956, № 1, с. 28—46.

б) РЕЦЕНЗИИ

124. Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М., ИВЛ, 1959. 300 с. (Акад. наук СССР. Ин-т востоковедения).
Рец.: *Г. А. Меликишвили* — 1960, № 4, с. 126—130.
125. Липин Л. А. Аккадский (вавилоно-ассирийский язык). Сост. Л. А. Липин. Под ред. акад. В. В. Струве. (В 3-х вып.). Вып. I — II. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1957.
Рец.: *В. А. Гвахария* — 1959, № 1, с. 177—180.
126. Тюменев А. И. Государственное хозяйство древнего Шумера. М.—Л., АН СССР, 1956.
Рец.: *Э. А. Менабде* — 1958, № 2, с. 166—171.
127. Kramer S. N. From the tablets of Sumer. Indian Hills, Colorado, 1956, XXV, 293 с.
Рец.: *С. М. Бациева* — 1958, № 2, с. 204—209.

4. ЕГИПЕТ

а) СТАТЬИ

128. *Лапис И. А.* К вопросу о последовательности правления гиксосских царей в древнем Египте — 1959, № 1, с. 84—88.
129. *Лапис И. А.* Новые данные о гиксосском владычестве в Египте — 1958, № 3, с. 97—106.
130. *Лапис И. А.* Саркофаг Маху, земледельца дома Амона. (Из собрания Музея изобр. искусств им. А. С. Пушкина) — 1956, № 4, с. 157—160.
131. *Лившиц И. Г.* Об иероглифе — 1960, № 3, с. 128—129.

132. *Лурье И. М.* Новые работы в области позднеегипетской письменности. [Обзор] — 1956, № 1, с. 83—87.
133. *Матье М. Э.* К проблеме изучения текстов пирамид — 1958, № 4, с. 14—35.
134. *Матье М. Э.* Хеб-сед (Из истории древнеегипетской религии) — 1956, № 3, с. 7—28.
135. *Михаловский К.* Создатель канона египетского храма. [Статья из Польши] — 1956, № 4, с. 119—130.
136. *Михаловский К.* Телль Атриб (1957—1958). [Об археологических раскопках в Египте. Статья из Польши] — 1960, № 1, с. 186—202.
137. *Постовская Н. М.* Абидос и Мемфис [К определению памятников I династии] — 1959, № 3, с. 103—129.
138. *Постовская Н. М.* О царских кенотафах древнего Египта. (Кенотафы и хеб-сед) — 1957, № 3, с. 122—144.
139. *Стучевский И. А.* К толкованию данных папируса Вильбура о землепользовании и налогообложении в Египте времени Рамессидов — 1958, № 1, с. 77—93.
140. *Стучевский И. А.* О специфических формах рабства в древнем Египте в эпоху Нового царства — 1960, № 1, с. 3—10.

б) РЕЦЕНЗИИ

141. Матье М. Э. Искусство древнего Египта. М., Искусство, 1958, 212 с., с илл.
Рец.: *В. В. Павлов* — 1959, № 4, с. 167—169.
142. Памятники искусства древнего Египта в музеях Советского Союза. [Альбом.

Сост. и вступит. статья В. В. Павлова и М. Э. Матье]. М., Изогиз, 1958. 135 таблиц.
Рец.: *Р. И. Рубинштейн* — 1960, № 1, с. 130—132.

143. Петровский Н. С. Египетский язык. Введение в иероглифику, лексику и очерк грамматики среднеегипет. языка. Под ред. акад. В. В. Струве. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1958, XIV, 329 с.
Рец.: *О. О. Берлев* — 1959, № 4, с. 161—167.

144. Bakir, Abd el Mohsen. Slavery in pharaonic Egypt. Le Caire, 1952, XIX, 128 c. (Institut fran. d'archéologie orientale. Suppl. aux «Annales du Service des antiquités de l'Egypte», вып. 18).
Рец.: *И. А. Стучевский* — 1958, № 2, с. 201—204.

145. Černý I. and Gardiner A. Hieratic ostraca. Vol. 1. Oxford, 1957.
Рец.: *И. М. Лурье* — 1958, № 3, с. 191—195.

146. Hayes W. S. (ed.). A Papyrus of the late Middle Kingdom in the Brooklyn Museum (Papyrus Brooklyn 35. 1446), 1955, 165 с.
Рец.: *И. Лурье*. Новые данные о свободных земледельцах и рабах в Египте Среднего царства — 1957, № 1, с. 144—150.

147. Žába Zb. Les maximes de Ptaḥhotep, Prague, 1956, 156 с.
Рец.: *И. М. Лурье* — 1957, № 4, с. 153—154.

5. ИНДИЯ

а) СТАТЬИ

148. *Бонгард-Левин Г. М., Деопик Д. В.* Археологические работы в Индии — 1956, № 1, с. 177—187.

149. *Бонгард-Левин Г. М.* Калингская война и ее значение в истории правления Ашоки — 1958, № 3, с. 33—41.

150. *Видьяланкар Сатьякету*. Рабство в древней Индии. [Письмо из Индии]. — 1959, № 3, с. 44—52.

151. *Индра М. А.* Концепция государства общественного благополучия у Ашоки. [Статья из Индии] — 1958, № 1, с. 72—76.

б) Рецензии

152. Buddhist texts through the ages. Newly transl. from the original Pali, Sanskrit, Chinese, Tibetan, Japanese and Apabhramsa. Ed. by E. Conze in collab. with I. B. Horner e. a. Oxford, Cassirer, 1954, 322 с.
Рец.: *Е. С. Семека*. Новые переводные издания буддийских текстов — 1956, № 2, с. 128—134.

153. Foucher A. Les vies antérieures du Bouddha d'après les textes et les monuments de l'Inde, Paris, 1955, VIII, 370 с., avec ill.
Рец.: *Е. С. Семека*. Новые переводные издания буддийских текстов — 1956, № 2, с. 128—134.

154. Narain A. K. The Indo-Greeks. Oxford, Clarendon press, 1957, XVI,201 с.
Рец.: *В. М. Массон* — 1959, № 4, с. 184—190.

6. ИРАН

а) СТАТЬИ

155. *Дандамаев М. А.* Социальная сущность переворота Гауматы — 1958, № 4, с. 36—50.

156. *Дандамаев М. А.* Восстание Вахьяздаты. (Из истории народных движений в древней Персии) — 1960, № 1, с. 11—20.

157. *Дьяконов И. М.* Рабовладельческие имения персидских вельмож. (Обзор документов, изданных Г. Р. Драйвером, и состояние изучения параллельных источников) — 1959, № 4, с. 70—92.

158. *Маргулес Б. Б.* Геродот, III, 80—82 и софистическая литература. (К вопросу об источниках 3-й книги «История греко-персидских войн») — 1960, № 1, с. 21—34.

159. *Тюрин В. О.* Антаки. (Из истории народных движений в ахеменидском Иране) — 1959, № 2, с. 21—44.

160. *Юсифов Ю. Б.* Хозяйственные документы из Суз и хронология ранних Ахеменидов — 1958, № 3, с. 18—32.

7. КАРФАГЕН

а) СТАТЬИ

161. *Шифман И.* К восстановлению одной истрийской надписи — 1958, № 4, с. 118—121.

162. *Шифман И. Ш.* Объединение финикийских колоний в Западном Средиземноморье и возникновение Карфагенской державы — 1960, № 2, с. 39—46.

8. ДРЕВНИЙ КИТАЙ

а) СТАТЬИ

163. *Васильев Л. С.* Аграрные отношения в Китае в начале I тысячелетия до н. э. — 1957, № 2, с. 106—130.

164. *Позднеева Л. Д.* К проблеме источниковедческого анализа древнекитайских философских трактатов — 1958, № 3, с. 3—17.

165. *Позднеева Л. Д.* Ораторское искусство и памятники древнего Китая — 1959, № 3, с. 22—43.

166. Пятилетний план работы по исследованию древней истории Китая в Академии наук КНР — 1959, № 3, с. 219—220.

167. *Рубин В. А.* Народное собрание в древнем Китае в VII—Vвв. до н. э.— 1960, № 4, с. 22—40.

168. *Рубин В. А.* Рабовладение в древнем Китае в VII — V вв. до н. э. (По «Цзо чжуань») — 1959, № 3, с. 3—21.
169. *Стратанович Г. Г.* Цзешен — узелковое письмо древнего Китая — 1959, № 3, с. 102—103.
170. *Штейн В. М.* Политико-экономический трактат древнего Китая «Гуаньцзы» — 1957, № 1, с. 48—63.

б) РЕЦЕНЗИИ

171. Го Мо-жо. Эпоха рабовладельческого строя. Пер. с китайского Л. С. Переломова и М. Г. Прядохина. Ред., коммент. и послесловие Л. И. Думана. М., 1956:
Рец.: *Ю. Кроль* — 1958, № 2, с. 196—200.
172. Ли Я-нун. Рабовладение и феодализм в Китае. Шанхай. 1954 (на кит. языке).
Рец.: *Н. В. Шепелева* — 1957, № 2, с. 200—206.
173. Петров А. А. Ванчун — древнекитайский материалист и просветитель. М., АН СССР, 1954.
Рец.: *Т. Покора* — 1957, № 4, с. 146—149.
174. Сыма Цянь. Избранное. Пер. В. Панасюка. Общ. ред., пред. и коммент. Л. И. Думана. М., Госполитиздат, 1956.
Рец.: *Л. Д. Позднеева* — 1958, № 2, с. 172—173.
175. Сыма Цянь и его «Исторические записки». Сборник статей. Пекин, Чжунхуа шуцзюй, 1957, 189 с. (на кит. языке).
Рец.: *Р. В.* — 1959, № 3, с. 171—176.
176. Чжан Инь-линь. Древняя история Китая. Пекин, Саньлянь Шудянь, 1955 (на кит. яз.).
Рец.: *В. Рубин* — 1957, № 1, с. 137—144.

9. МАЛАЯ АЗИЯ

а) СТАТЬИ

177. *Периханян А. Г.* Иеродулы и ἱεροί храмовых объединений Малой Азии и Армении — 1957, № 2, с. 47—68.
178. *Свенцицкая И. С.* Некоторые черты экономического развития западной Малой Азии в системе Римской империи — 1956, № 2, с. 18—27.
179. *Свенцицкая И. С.* Новые эпиграфические памятники Малой Азии и Эгеиды — 1956, № 4, с. 93—99.

10. ПАЛЕСТИНА

а) ИСТОЧНИКИ

180. *Николай Дамасский.* О своей жизни и своем воспитании. История. Жизнь Цезаря. Собрание замечательных обычаев. Пер. коллектива авторов. Под ред. Е. Б. Веселаго — 1960, № 3, с. 244—276; № 4, с. 207—243. (Окончание). Указатель собственных имен, географических и этнических названий (сост. Г. Федорова) — 1960, № 4, с. 243—248.

б) СТАТЬИ

181. *Амусин И. Д.* Документы из Вади-Мураб ба'ат. (К публикации документов, относящихся к периоду иудейского антиримского восстания 132—135 гг. до н. э.) — 1958, № 1, с. 104—124.
182. *Веселаго Е. Б.* Николай Дамасский — 1960, № 3, с. 235—244.
183. *Донини А.* Рукописи из окрестностей Мертвого моря и происхождение христианства — 1958, № 2, с. 114—131.

в) РЕЦЕНЗИИ

184. Alt A. Der Stadtstaat Samaria. Berlin, 1954. 64 с. (Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Akad. der Wissenschaften im Leipzig, Philologisch-historische Klasse, т. 101, вып. 5).
Рец.: *М. Гельцер* — 1956, № 4, с. 68—71.

11. ПАРФИЯ

а) СТАТЬИ

185. *Дьяконов И. М., Лившиц В. А.* О языке документов из древней Нисы — 1956, № 4, с. 100—113.
186. *Дьяконов И. М., Лившиц В. А.* Парфянское царское хозяйство в Нисе в I в. до н. э. (Образцы документов) — 1960, № 2, с. 14—38.
187. *Кошеленко Г. А.* Городской строй полисов Западной Парфии — 1960, № 4, с. 73—82.
188. *Фрай Р.* К вопросу о падении парфянского царства. [Статья из США] — 1956, № 4, с. 113—119.

12. СИРИЯ И ФИНИКИЯ

а) СТАТЬИ

189. *Гельцер М. Л.* Некоторые вопросы аграрных отношений в Угарите — 1960, № 2, с. 86—90.
190. *Гельцер М. Л.* Некоторые вопросы политической истории древнего Алалаха — 1956, № 3, с. 29—36.
191 *Гельцер М. Л.* Новые тексты из древнего Алалаха и их значение для социально-экономической истории Древнего Востока — 1956, № 1, с. 14—27.

б) РЕЦЕНЗИИ

192. Dunand M. Fouilles de Byblos, т. II, 1933—1938, Paris, Geutner, 1954, X, 477 с.
Рец.: *М. Гельцер.* Новые археологические данные по истории Финикии — 1959, № 2, с. 188—192.

193. Dussaud R. La pénétration des arabes en Syrie avant l'Islam. Paris, 1955, 234 c., avec ill. (Institut français d'archéologie de Beyrouth. Bibliothèque archéologique et historique, т. 59).
Рец.: *С. А. Кауфман.* Арабы в Сирии до Ислама — 1958, № 2, с. 209—221.
194. Le Palais royal d'Ugarit. Publ. sous la dir. de C. F.-A. Schaeffer, т. 4. Textes accadiens des archives. Sud. Paris, 1956, 300 с.
Рец.: *М. Гельцер* — 1958, № 4, с. 134—135.
195. Tchalenko G. Villages antiques de la Syrie du Nord. Le massif du Bélus à l'époque romaine. 1—3. Paris. 1953—1958. (Institut français d'archéologie de Beyrouth. Bibliotèque archéologique et historique...).
Рец.: *С. А. Кауфман.* Новые данные по социально-экономической истории Северной Сирии — 1960, № 4, с. 170—183.

13. ХЕТТЫ

а) СТАТЬИ

196. *Гамкрелидзе Т. В.* Клинописная система аккадско-хеттской группы и вопрос о происхождении хеттской письменности — 1959, № 1, с. 9—19.
197. *Гиоргадзе Г. Г.* К вопросу о локализации хеттских областей Palā и Tūmanna — 1960, № 1, с. 74—84.
198. *Дунаевская И. М.* Порядок размещения префиксов хаттского глагола — 1959, № 1, с. 20—34.
199. *Иванов В.* Происхождение и история хеттского термина panku «собрание» — 1957, № 4, с. 19—36; 1958, № 1, с. 3—15.
200. *Менабде Э.* К пониманию хеттской формулы parnassea suwaizzi — 1959, № 4, с. 63—70.
201. Новые зарубежные работы по хеттологии. (Аннотированный перечень монографических исследований) № 1, с. 192—194.

ДРУГИЕ СТРАНЫ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

а) СТАТЬИ

202. *Янковская Н. Б.* Хурритская Аррапха — 1957, № 1, с. 17—33.

б) РЕЦЕНЗИИ

203. Дьяконов И. М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. М., АН СССР, 1956, 485 с.
Рец.: *Г. А. Меликишвили, В. И. Абаев, М. А. Дандамаев* — 1958, № 3, с. 166—176.

VII. ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ

а) СТАТЬИ

204. *Алпатов М. А.* Лекционные курсы П. Г. Виноградова в 80-х гг. по античной истории — 1957, № 4, с. 127—141.
205. *Андреев В.* Афинская рабовладельческая демократия в западной историографии — 1960, № 4, с. 131—146.
206. *Андреев В. Н.* Размеры земельных участков в Аттике в IV в. до н. э.— 1959, № 2, с. 121—146.
207. *Андреев В. Н.* Цена земли в Аттике IV в. до н. э.— 1960, № 2, с. 47—57.
208. *Бергер А. К.* Анаксагор и афинская демократия — 1960, № 3, с. 61—85.
209. *Берзин Э.* Синдика, Боспор и Афины в последней четверти V в. до н. э.— 1958, № 1, с. 124—129.
210. *Брашинский И. Б.* Понтийская экспедиция Перикла — 1958, № 3, с. 110—121.
211. *Брашинский И. Б.* Эпиграфические памятники из материковой Греции. (Открытия 1950—1955 гг.) — 1957, № 2, с. 207—219.
212. *Георгиев Г. И.* Мнимоминойская надпись. [По поводу статьи болгарского археолога Ив. Гълъбова «Минойская надпись, найденная в Бургасе (Болгария)» в ВДИ, 1956, № 3] — 1958, № 3, с. 106—110.
213. *Глускина Л. М.* Афинские метеки в борьбе за восстановление демократии в конце V в. до н. э.— 1958, № 2, с. 70—89.
214. *Глускина Л. М.* Новые работы по истории земельных отношений и кредита в древней Аттике — 1957, № 4, с. 154—167.
215. *Глускина Л. М.* Политические тенденции гомеровского гимна к Аполлону Пифийскому — 1956, № 4, с. 13—24.
216. *Глускина Л. М.* Социальный аспект eranos-займов в Аттике IV в. до н. э.— 1960, № 1, с. 35—45.
217. *Доватур А.* Социальная и политическая терминология в «Афинской политии» Аристотеля — 1958, № 3, с. 55—83.
218. *Е. Л.* Находка греческих статуй в Пирее — 1960, № 3, с. 228—232.
219. *Ернштедт П. В.* Греческие египтизмы времени существования греческих факторий в Египте — 1956, № 2, с. 153—160.
220. *Зайцев А. И.* Гесиодовский фрагмент о Тесее и Галике? (Plut., Thes, 32, 7) [К вопросу о принадлежности фрагмента греческого эпоса к поэме Гесиода «Каталог женщин»] — 1960, № 2, с. 93—96.
221. *Зельин К. К.* Из области греческой историографии IV в. до н. э. (В связи с опубликованием новых фрагментов «Греческой истории» из Оксиринха) — 1960, № 1, с. 84—108.
222. *Зельин К. К., Бергер А. К., Штаер-*

ман Е. М. О некоторых направлениях в современной буржуазной историографии античности.— 1951, № 1, с. 141—146.
223. *Казакевич Э. Л.* Были ли рабами οἱ χωρὶς οἰκοῦντες? — 1960, № 3, с. 23—42.
224. *Казакевич Э. Л.* О роли ранних форм капитала в Афинах IV в. до н. э. (В свете экономической теории Маркса) — 1958, № 2, с. 29—39.
225. *Казакевич Э. Л.* Рабы как форма богатства в Афинах IV в. до н. э. (по данным речей Демосфена) — 1958, № 2, с. 90—113.
226. *Казакевич Э. Л.* Термин и понятие «раб» в Афинах IV в. до н. э.— 1956, № 3, с. 119—136.
227. *Казаманова Л. Н.* К вопросу о семье и наследственном праве на Крите в VII — V вв. до н. э.— 1960, № 4, с. 41—54.
228. *Казаманова Л. Н.* Некоторые вопросы социально-экономического строя критских полисов (VI — IV вв. до н. э.) — 1957, № 3, с. 76—90.
229. *Колобова К. М.* Войкеи на Крите. [О некоторых формах экономической и политической зависимости в греческих государствах] — 1957, № 2, с. 25—46.
230. *Колобова К. М., Фролов Э. Д.* Аристотель и его греческие комментаторы. (В поисках формулы стоимости) — 1958, № 2, с. 14—28.
231. *Ленцман Я. А.* Рабы в законах Солона. (К вопросу о достоверности античной традиции) — 1958, № 4, с. 51—69.
232. *Лурье С. Я.* К вопросу о характере рабства в микенском рабовладельческом обществе — 1957, № 2, с. 8—24.
233. *Лурье С. Я.* Крито-микенские надписи и Гомер — 1956, № 4, с. 3—12.
234. *Лурье С. Я.* Обзор новейшей литературы по греческим надписям микенской эпохи — 1957, № 3, с. 196—213.
235. *Лурье С. Я.* Политическая тенденция трагедии «Евмениды» — 1958, № 3, с. 42—54.
236. *Маргулес Б. Б.* Геродот, III, 80—82 и софистическая литература (К вопросу об источниках 3-й книги «История греко-персидских войн») — 1960, № 1, с. 21—34.
237. *Маринович Л. П.* Греческие наемники в конце V — начале IV вв. до н. э. (Имущественные отношения и социальный состав) — 1958, № 4, с. 70—87.
238. Международная конференция античников в Либлице (Чехословакия). [Апр. 1957. Статьи из Праги. Я. Печирка, П. Олива, А. Шмидтова, Э. Свободова] — 1958, № 1, с. 230—244.
239. *Откупщиков Ю. В.* «Андромаха» Еврипида и Архидамова война — 1960, № 3, с. 43—60.
240. *Откупщиков Ю. В.* Внешняя политика Афин 438—431 гг. в свете трагедий Эврипида — 1958, № 1, с. 35—51.
241. *Поздеева И.* Внешняя политика Афин в 394—386 гг. до н. э.— 1959, № 1, с. 94—112.
242. *Пресс Л.* К вопросу о строительстве на Крите в эпоху неолита и бронзы — 1960, № 4, с. 102—107.
243. *Радциг С. И.* К вопросу о мировоззрении Софокла — 1957, № 4, с. 37—48.
244. *Розанова Н. П.* Магический амулет, хранящийся в отделе нумизматики ГМИИ им. А. С. Пушкина — 1960, № 4, с. 107—108.
245. *Свенцицкая И. С.* Проблема истории Греции и эллинистических государств в ученых записках университетов и педагогических институтов — 1958, № 1, с. 177—187.
246. *Тронский И. М.* Новонайденная комедия Менандра «Угрюмец» («Человеконенавистник») — 1960, № 4, с. 55—72.
247. *Тронский И. М.* Оксиринхская дидаскалия к тетралогии Эсхила о Данаидах — 1957, № 2, с. 146—159.
248. *Тюменев А. И.* Изучение истории древней Греции в СССР за сорок лет (1917—1957 гг.) — 1957, № 3, с. 28—41.
249. *Тюменев А. И.* Tereta пилосских надписей. [К вопросу о происхождении крупного частного землевладения в микенской Греции] — 1959, № 4, с. 24—32.
250. *Шейнман-Топштейн С. Я.* Состояние исследования социальной сущности древне-аттической комедии в современной буржуазной науке. [Обзор] — 1956, № 1, с. 102—112.
251. *Ярхо В. Н.* О папирусных фрагментах сатировских драм Эсхила — 1959, № 4, с. 131—153.

б) РЕЦЕНЗИИ

252. Аристофан. Три комедии. Пер. Яноша Араня. Будапешт, Изд-во худ. [illegible]ы. 1954. (На венг. языке).
Рец.: *В. Н. Ярхо, Е. М. Кан.* Венгерское издание комедий Аристофана — 1956, № 2, с. 89—95.
253. Блаватский В. Д. История античной расписной керамики. М., МГУ, 1953, 304 с.
Рец.: *К. Маевский* — 1956, № 3, с. 62—67.
254. Гольденберг В. А. История древней Греции и Рима. Учебно-методическое пособие для студентов-заочников истор. фак-та. Изд. 2-е, испр. и доп. Харьков, Изд-во Харьк. ун-та им. А. М. Горького, 1955, 90 с.
Рец.: *Л. М. Глускина, И. Д. Амусин* — 1956, № 2, с. 82—84.
255. Доватур А. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1957, 201 с.
Рец.: *Д. Каллистов, А. К. Бергер* — 1959, № 1, с. 170—175.
256. Древняя Греция (Отв. ред.: акад. В. В. Струве и д-р ист. наук Д. П. Каллистов). М., АН СССР, 1956, 613 с., с илл. (Ин-т истории).
Рец.: *А. И. Павловская, В. К. Пухтинский* — 1958, № 2, с. 174—181.

257. История греческой литературы под ред. С. И. Соболевского (и др.). Т. 2. М., АН СССР, 1955.
Рец.: *С. Я. Шейнман-Топштейн* — 1957, № 2, с. 168—175.

258. К о б ы л и н а М. М. Аттическая скульптура VII — V вв. до н. э. М., МГУ, 1953, 142 с.
Рец.: *Иржи Фрэль* — 1956, № 2, с. 74—82.

259. К о л о б о в а К. М., Г л у с к и н а Л. М. Очерки истории древней Греции. Пособие для учителя. Л., Учпедгиз, 1958, 345 с., с илл. и карт.
Рец.: *Е. А. Миллиор* — 1959, № 4, с. 174—178.

260. К с е н о ф о н т Э ф е с с к и й. Повесть о Габрокоме и Антии. Пер. с древнегреч. С. Поляковой и И. Феленковской. Вступ. статья и прим. С. Поляковой. М., Гослитиздат, 1956,79 с.
Рец.: *Г. Г. Козлова* — 1959, № 1, с. 175—177.

261. Л о с е в А. Ф. Олимпийская мифология в ее социально-историческом развитии. Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина, т. 72, 1953. Кафедра классической филологии. Вып. 3, с. 3—209.
Рец.: *С. И. Радциг* — 1956, № 1, с. 70—75.

262. Л у р ь е С. Я. Язык и культура Микенской Греции. М.— Л., АН СССР, 1957, 402 с. (Ин-т истории).
Рец.: *А. И. Тюменев* — 1959, № 2, с. 174—179.

263. С а х а р н ы й Н. Л. Илиада. Разыскания в области смысла и стиля гомеровской поэмы. Архангельск, 1957, 379 с. (Арханг. гос. пед. ин-т им. М. В. Ломоносова).
Рец.: *А. Тахо-Годи* — 1959, № 3, с. 176—181.

264. Т о л с т о й И. И. Аэды. Античные творцы и носители древнего эпоса. М. СССР, 1958, 63 с.
Рец. *С. Я. Шейнман-Топштейн* — 1959, № 4, с. 169—173.

265. Т о м с о н Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. Т. 2. Первые философы. Пер. В. М. Закладной и С. Д. Комарова. Общая ред. и послесл. А. Ф. Лосева. М., 1959, 371 с.
Рец.: *Я. А. Ленцман* — 1959, № 4, с. 197—201.

266. Т р е н ч е н и - В а л ь д а п ф е л ь И. Гомер и Гесиод. Авториз. пер. с венгер. под ред. В. И. Авдиева. М., 1956.
Рец.: *А. А. Тахо-Годи* — 1957, № 3, с. 213—216.

267. Ф е о к р и т. Идиллии и эпиграммы. Пер. и коммент. М. Е. Грабарь-Пассек. М., АН СССР, 1958, 326 с.
Перед загл. авт.: Феокрит, Мосх, Бион.
Рец.: *Н. А. Чистякова* — 1959, № 2, с. 179—183.

268. Я р х о В. Н. Аристофан. (К 2400-летию со дня рождения). М., Гослитиздат, 1954, 135 с.
Рец.: *И. Духин* — 1956, № 1, с. 62—65.

269. Я р х о В. Н. Эсхил. М., Гослитиздат, 1958, 287 с., с илл.
Рец.: *С. Я. Лурье* — 1960, № 3, с. 203—210.

270. B u c k C. D. The Greek dialects Grammar. Selected inscriptions. Glossary. Chicago. The Univ. of Chicago Press, 1955, XIII, 374 с.
Рец.: *Б. Л. Фонкич.* Из новых работ по греческой эпиграфике — 1960, № 2, с. 152—154.

271. C h a d w i c k J o h n. The Decipherment of linear B. Cambridge, The univ. press, 1959, IX, 146 с., с карт.
Рец.: *С. Я. Лурье* — 1960, № 1, с. 136—144.

272. Documents in Mycenean Greek. Three hundred selected tablets from Knossos, Pylos and Mycenae with comment. and vocabulary by M. Ventris and J. Chadwick. With a forew. by A. J. B. Wace. Cambridge, The Univ. press, 1956, XXX, 452 с., with ill.
Рец.: *С. Я. Лурье* — 1960, № 1, с. 132—136.

273. E h r e n b e r g V. Sophocles and Pericles. Oxford, 1954.
Рец.: *С. И. Радциг* — 1957, № 1, с. 150—155.

274. H i g n e t t C. A history of the Athenian constitution to the end of the fifth century B. C., Oxford, 1952.
Рец.: *А. К. Бергер* — 1956, № 1, с. 75—82.

275. J o n e s A. H. M. Athenian Democracy. Oxford, Blackwell, 1957, 198 с.
Рец.: *И. В. Поздеева* — 1960, № 1, с. 144—149.

276. K l a f f e n b a c h G. Griechische Epigraphik, Göttingen, 1957, 107 с. (Studienhefte zur Altertumswissenschaft, вып. 6).
Рец.: *Б. Л. Фонкич.* Из новых работ по греческой эпиграфике — 1960, № 2, с. 154—156.

277. Γ. Κορδάτος, Ἱστορία τῆς ἀρχαίας Ἑλλάδας. Т. 1, Ἀθήνα, 1955, 471 с.
Рец.: *Л. Ельницкий* — 1959, № 1, с. 181—183.

278. L a u f f e r S. Die Bergwerkssklaven von Laureion, т. 1—2, Mainz, 1955—1956. (Akademie der Wissenschaften und der Literatur, Geistes-und sozialwissenschaftliche Klasse, 1955, № 12; 1956, № 11).
Рец.: *Л. М. Глускина* — 1959, № 3, с. 181—191.

279. M é n a n d r e. Le Dyscolos. Papyrus Bodmer IV. (Transcr. diplomatique et version française). Publ. par V. Martin, Bibliotheca Bodmeriana, Cologne — Genève, 1958, 117 с.
Рец.: *С. Л.* Новая комедия Менандра — 1960, № 2, с. 176—178.

280. M i c k n a t G. Studien zur Kriegsgefangenschaft und zur Sklaverei in der griechischen Geschichte, ч. I, Homer (Akademie der Wissenschaften und der Literatur, Mainz, 1955, 62 с., Abhand. der Geistes-und sozialwissenschaftlichen Klasse).
Рец.: *Я. А. Ленцман* — 1956, № 2, с. 107—111.

281. The Oxyrhynchus papyri. Ed. with transl. and notes by E. Lobel, C. H. Robers and E. P. Wegener. T. 22, 23, London, 1954—1956.
Рец.: *С. Я. Лурье* — 1959, № 3, с. 191—198.

282. T h o m s o n G. Studies in Ancient Greek Society. T. 2. The first philosophers. London, 1955, 367 с.
Рец.: *М. К. Петров* — 1959, № 4, с. 190—197.

283. W e s t e r m a n n W. L. The Slave systems of Greek und Roman antiquity, Philadelphia, 1955, XII, 180 с.
Рец.: *Я. А. Ленцман* — 1958, № 4, с. 136—146.

VIII. ЭЛЛИНИЗМ

а) СТАТЬИ

284. *Зельин К. К.* Из истории товарного производства во II — I вв. до н. э.— 1957, № 4, с. 49—70.

285. *Зельин К. К.* Из области греческой историографии IV в. до н. э. (В связи с опубликованием новых фрагментов «Греческой истории» из Оксиринха) — 1960, № 1, с. 84—108.

286. *Зельин К. К., Бергер А. К., Штаерман Е. М.* О некоторых направлениях в современной буржуазной историографии античности — 1959, № 1, с. 147—151.

287. *Кац А. Л.* Социально-политические мотивы в философии Плотина по данным Эннеад — 1957, № 4, с. 115—127.

288. *Пикус Н. Н.* Эволюция ὀφονιγρά в эллинистическом Египте в свете P. Rev. L и PP. Tebt. 703 и 5. (Исторический обзор) — 1958, № 1, с. 93—104.

289. *Свенцицкая И. С.* Зависимое население на землях городов западной Малой Азии в период эллинизма — 1957, № 3, с. 97—103.

290. *Свенцицкая И. С.* Земельные владения эллинистических полисов Малой Азии — 1960, № 3, с. 89—104.

291. *Свенцицкая И. С.* Категории ΠΑΡΟΙΚΟΙ в эллинистических полисах Малой Азии — 1959, № 2, с. 146—153.

292. *Свенцицкая И. С.* Проблемы истории Греции и эллинистических государств в ученых записках университетов и педагогических институтов — 1958, № 1, с. 177—187.

293. *Свенцицкая И. С.* Эллинистическая Малая Азия в современной зарубежной литературе. [Обзор] — 1960, № 2, с. 156—161.

294. *Чистякова Н. А.* Новое в изучении художественной литературы эллинизма — 1960, № 3, с. 214—226.

б) РЕЦЕНЗИИ

295. W e s t e r m a n n W. L. The slave systems of Greek and Roman antiquity, Philadelphia, 1955, XII, 180 с.
Рец.: *А. И. Павловская* — 1958, № 4, с. 147—148.

IX. ДРЕВНИЙ РИМ

а) ИСТОЧНИКИ

296. Избранные латинские надписи по социально-экономический истории ранней Римской империи. Подбор, пер. и коммент. Е. М. Штаерман, под ред. Ф. А. Петровского — 1956, № 1, с. 195—268 (продолжение); № 2, с. 185—232; № 3, с. 176—264; № 4, с. 175—218 (окончание). Указатели. (Сост. В. М. Смирин) — 1957, № 1, с. 197—227.

297. Николай Дамасский. О своей жизни и своем воспитании. История. Жизнь Цезаря. Собрание замечательных обычаев. Пер. коллектива авторов под ред. Е. Б. Веселаго — 1960, № 3, с. 244—276; № 4, с. 207—243 (окончание).
Указатель собственных имен, географических и этнических названий. (Сост. Г. Федорова) — 1960, № 4, с. 243—248.

298. Scriptores historiae Augustae. (Авторы жизнеописаний Августов). Пер. С. П. Кондратьева, под ред. А. И. Доватура, примеч. С. П. Кондратьева — 1957, № 1, с. 257—269; № 2, с. 241—262; № 3, с. 223—241; № 4, с. 203—214; 1958, № 1, с. 251—270; № 2, с. 263—293; № 3, с. 239—261; № 4, с. 174—185; 1959, № 1, с. 223—245; № 2, с. 233—245; № 3, с. 227—244; № 4, с. 217—240; 1960, № 1, с. 211—239 (окончание).
Указатель к биографиям римских императоров сост. А. И. Доватур и В. И. Денисюк. — 1960 № 2, с. 182—211.

б) СТАТЬИ

299. *Алпатов М. А.* Лекционные курсы П. Г. Виноградова 80-х гг. по античной истории — 1957, № 4, с. 127—141.

300. *Борецкий Б.* Из хозяйственной истории Помпей в I в. н. э. [Статья из Чехословакии] — 1956, № 3, с. 106—119.

301. *Борщ И.* Заседание, посвященное памяти Цицерона — 1958, № 3, с. 219—222.

302. *Брабич В.* Квестор Тиберий Семпроний Гракх и его денарии. (К вопросу о потомках братьев Гракхов) — 1959, № 1, с. 128—129.
303. *Брабич В. М.* Об изображении эмблемы коллегии квиндецемвиров на монетах римского императора Вителлия — 1958, № 1, с. 168—171.
304. *Буриан Ян.* Тактика африканских племен в борьбе против римлян во времена Тиберия. [Статья из Чехословакии] — 1957, № 2, с. 131—137.
305. *Буриан Ян.* Управление императорскими рудниками в Испании в эпоху ранней империи. [Письмо из Чехословакии] — 1959, № 3, с. 129—150.
306. *Варцл Л.* К вопросу о характеристике Коммодиана. [Статья из Чехословакии] — 1959, № 2, с. 165—167.
307. *Веселаго Е. Б.* Николай Дамасский. [О своей жизни. История. Жизнь Цезаря. Собрание замечательных обычаев] — 1960, № 3, с. 235—244.
308. *Виноградов В.* К вопросу о ветеранских наделах в древнем Риме — 1960, № 1, с. 108—112.
309. *Гаспаров М. Л.* Зарубежная литература о принципате Августа — 1958, № 2, с. 221—233.
310. *Гаспаров М. Л.* Новая зарубежная литература о гражданских войнах в Риме — 1959, № 2, с. 203—218.
311. *Гаспаров М. Л.* Политический смысл литературных сатир Горация — 1960, № 2, с. 107—111.
312. *Гаспаров М. Л.* Римская литература в современной буржуазной филологии — 1960, № 4, с. 146—170.
. *Гюнтер Р.* К развитию социальной и имущественной дифференциации в древнейшем Риме — 1959, № 1, с. 52—84.
314. *Дилигенский Г. Г.* Вопросы истории народных движений в поздней римской Африке — 1957, № 2, с. 85—105.
315. *Дилигенский Г. Г.* Североафриканские города в IV в. (К проблеме города поздней империи) — 1959, № 3, с. 75—100.
316. *Доватур А. И.* История изучения Scriptores Historiae Augustae — 1957, № 1, с. 245—256.
317. *Доватур А. И.* Оргеториг и Ариовист. (Цезарь «Записки о Галльской войне», 1,2—4,44) — 1957, № 3, с. 104—121.
318. *Ельницкий Л.* Выступление мамертинцев — 1960, № 4, с. 108—113.
319. *Ельницкий Л. А.* У истоков древнеримской культуры и государственности — 1958, № 3, с. 142—156.
320. *Забулис Г. К.* Saturnia tellus Вергилия. (К вопросу о формировании идеологии эпохи Августа) — 1960, № 2, с. 111—123.
321. *Залесский Н. Н.* Этруски в Лигурии — 1958, № 1, с. 52—71.
322. *Залесский Н. Н.* Этрускология за рубежом. (Обзор) — 1956, № 4, с. 71—85.
323. *Зельин К. К., Бергер А. К., Штаерман Е. М.* О некоторых направлениях в современной буржуазной историографии античности — 1959, № 1, с. 141—160.
324. *Кац А. Л.* Социально-политические мотивы в философии Плотина по данным Эннеад — 1957, № 4, с. 115—127.
325. *Ковалев С. И.* К вопросу о датировке начала восстания Спартака — 1956, № 2, с. 12—17.
326. *Ковалев С. И.* Сорок лет советской историографии по древнему Риму — 1957, № 3, с. 42—54.
327. *Козлова Г. Г.* Отражение эпохи ранней римской империи в романе Ксенофонта Эфесского «Эфесские повести». (К вопросу о датировке романа) — 1957, № 2, с. 159—167.
328. *Колосовская Ю. К.* О романизации Дакии — 1957, № 1, с. 81—101.
329. *Коржинский Я. Н.* Отношение раба к выходу на волю. (По материалам римской комедии) — 1957, № 3, с. 149—158.
330. *Корсунский А. Р.* Были ли patrocinia vicorum в Западной Римской империи — 1959, № 2, с. 167—173.
331. *Корсунский А. Р.* Движение багаудов — 1957, № 4, с. 71—87.
332. *Кузищин В. И.* О латифундиях во II в. до н. э. О толковании 7-й гл. I книги «Гражданских войн» Аппиана — 1960, № 1, с. 46—60.
333. *Кузищин В. И.* О степени распространения латифундий в Италии в конце Республики — 1957, № 1, с. 64—80.
334. *Львов Н. И.* Борьба за единство Римской империи и за преобладание Рима в произведениях Клавдия и Клавдиана — 1958, № 3, с. 156—165.
335. *Маевский К.* Западнославянские земли в древности и Римская империя. [Статья из Варшавы] — 1958, № 1, с. 150—164.
336. *Маяк И. Л.* Характер и роль «Colonia Romana» в распространении римской власти на Апеннинском полуострове — 1956, № 2, с. 145—153.
337. Международные конференции античников в Либлице (Чехословакия). [Апр. 1957. Статьи из Праги: Я. Печирка, П. Олива, А. Шмидтова, Э. Свободова] — 1958, № 1, с. 230—244.
338. *Мотус А. А.* О датировке начала восстания Спартака — 1957, № 3, с. 158—166.
339. *Мурыгина Н. Ф.* Сопротивление фракийских племен римской агрессии и восстание Андриска — 1957, № 2, с. 69—84.
340. *Немировский А. И.* К вопросу о времени и значении центуриатной реформы Сервия Туллия — 1959, № 2, с. 153—165.
341. *Новицкая К. И.* «Аттические ночи» Авла Геллия как исторический памятник II в.— 1960, № 3, с. 145—154.
342. *Ошеров С. А.* О первом литературном оформлении римской республикан-

ской идеологии. («Анналы» Квинта Энния) — 1958, № 3, с. 84—96.
343. *Покровская З. А.* Первоначала, пустота и вселенная в философском словаре Лукреция — 1960, № 4, с. 83—101.
344. *Ременников А.* Борьба племен среднего Дуная с Римом в 350—370 гг. н. э.— 1960, № 3, с. 105—123.
345. *Рижский М. И.* О применении рабского труда в сельском хозяйстве Италии в I в. н. э.— 1958, № 2, с. 156—165.
346. *Селецкий Б. П.* О датировке потери римлянами Цирты во время войны с Югуртой. (К вопросу о политических симпатиях позднего Саллюстия) — 1957, № 3, с. 167—169.
347. *Сергеенко М. Е.* Вилик (О типах управляющих в усадьбах древней Италии) — 1956, № 4, с. 46—54.
348. *Сергеенко М. Е.* Земельная реформа Тиберия Гракха и рассказ Аппиана — 1958, № 2, с. 150—156.
349. *Сергеенко М. Е.* Неизвестные врачи древней Италии — 1960, № 4, с. 113—120.
350. *Сергеенко М. Е.* Три версии в Плутарховой биографии Тиберия Гракха — 1956, № 1, с. 47—49.
351. *Серени Э.* Сельская община и ее границы в древней Лигурии — 1956, № 4, с. 25—45.
352. *Смирин В. М.* К вопросу об освещении в античной историографии событий, предшествовавших заговору против Цезаря — 1957, № 1, с. 121—131.
353. *Смирин В. М.* О политической позиции Цицерона в годы сулланской диктатуры. (Опыт разбора ранних речей) — 1958, № 4, с. 88—103.
354. *Соколов В. С.* Аммиан Марцеллин как последний представитель античной историографии — 1959, № 4, с. 43—62.
355. *Сюзюмов М. Я.* О наемном труде в период кодификации римского права — 1958, № 2, с. 132—142.
356. *Тарков П. Н.* К опыту периодизации римской истории. (По поводу статьи С. И. Ковалева. Опыт периодизации римской истории — ВДИ, 1955, № 4, с. 108—116) — 1956, № 4, с. 130—138.
357. *Трофимова М. К.* О некоторых источниковедческих проблемах XXXVI Борисфенитской речи Диона Хризостома — 1959, № 3, с. 151—162.
358. *Трофимова М. К.* Публикации источников и источниковедческих исследований по истории Греции и Рима. (Обзор).— 1956, № 1, с. 112—115.
359. *Утченко С. Л.* Идея народного суверенитета у римлян — 1960, № 2, с. 58—75.
360. *Утченко С. Л.* Кризис комициального устройства в Риме — 1959, № 2, с. 83—94.
361. *Утченко С. Л., Штаерман Е. М.,* О некоторых вопросах истории рабства — 1960, № 4, с. 9—21.
362. *Церетели Г. В.* Греческая надпись эпохи Веспасиана из Мцхета — 1960, № 2, с. 123—133, с табл.
363. *Цончев Д.* Новые данные о римской дороге Филиппополь — Эск — Дакия. [Пер. с болгар.] — 1958, № 1, с. 164—168.
364. *Шрот Г.* О рентабельности сельского хозяйства в Риме в конце республики. [Статья из ГДР] — 1959, № 2, с. 56—82.
365. *Штаерман Е. М.* Латинские надписи, опубликованные в 1949—1954 гг. [Обзор].— 1956, № 2, с. 111—128.
366. *Штаерман Е. М.* Scriptores Historiae Augustae как исторический источник — 1957, № 1, с. 233—245.

в) РЕЦЕНЗИИ

367. Андреев М. Н. Римско частно право, София, Държавно изд-во «Наука и изкуство», 1958, 359 с.
Рец.: *А. А. Рубанов* — 1960, № 2, с. 147—151.
368. История римской литературы. Под общ. ред. Н. Ф. Дератани. М., МГУ, 1954, 544 с.
Рец.: *А. Ф. Лосев, Н. А. Тимофеева* — 1956, № 4, с. 62—65.
369. Карышковский П. Восстание Спартака. М., Госполитиздат, 1956, 63 с.
Рец.: *С. Н. Бенклиев* — 1958, № 1, с. 187—188.
370. Ковалев С. И. и Штаерман Е. М. Очерки истории древнего Рима. Пособие для учителей. М., 1956.
Рец.: *А. Л. Кац* — 1957, № 3, с. 216—220.
371. Кругликова И. Т. Дакия в эпоху римской оккупации. М., АН СССР, 1955 (Ин-т истории и Ин-т истории материальной культуры. Причерноморье в античную эпоху, под ред. В. Н. Дьякова, вып. 8). Рец.: *Ю. К. Колосовская* — 1957, № 2, с. 176—188.
372. Кудрявцев О. В. Исследования по истории балкано-дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М., АН СССР, 1957, 411 с. (Ин-т истории).
Рец.: *Ю. К. Колосовская* — 1959, № 1, с. 160—169.
373. Кудрявцев О. В. Эллинские провинции Балканского полуострова во втором веке нашей эры. М., АН СССР, 1954, 366 с.
Рец.: *С. И. Ковалев, А. П. Каждан* — 1956, № 1, с. 50—59.
374. Лукиан. Избранные атеистические произведения. Ред. А. П. Каждана. М., АН СССР, 1955, 336 с.
Рец.: *И. М. Нахов, Ю. Ф. Шульц* — 1956, № 4, с. 65—68.
375. Машкин Н. А. История древнего Рима, изд. 3-е, М., Госполитиздат, 1956, 559 с.
Рец.: *В. И. Кузищин* — 1958, № 2, с. 185—189.

376. Новицкий И. Б. Основы римского гражданского права. М., Госюриздат, 1956, 225 с.
Рец.: *А. А. Рубанов* — 1957, № 4, с. 149—153.

377. Саникидзе Л. Д. Понтийское царство. Тбилиси, 1956. (На груз. языке).
Рец.: *Ш. В. Абрамидзе*. Новые работы грузинских историков по истории античности — 1958, № 1, с. 172—173.

378. Сергеенко М. Е. Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М. — Л., АН СССР (Ленингр. отделение), 1958, 246 с., с илл.
Рец.: *В. Кузищин* — 1960, № 2, с. 142—145.

379. Соколов В. С. Плиний Младший. Очерк истории римской культуры. времен империи. М., МГУ, 1956, 355 с., с илл.
Рец.: *А. Кац* — 1958, № 3, с. 179—183.

380. Цицерон. 2000 лет со времени смерти. Сборник статей. [Ред. коллегия: Н. Ф. Дератани и др.]. М., МГУ, 1959, 176 с.
Рец.: *А. Козаржевский* — 1960, № 1, с. 124—126.

381. Цицерон. Сборник статей. [Отв. ред. Ф. А. Петровский]. М., АН СССР, 1958, 151 с. (Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького). Рец.: *А. Козаржевский* — 1960, № 1, с. 126—130.

382. Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., АН СССР, 1957, 512 с. (Ин-т истории).
Рец.: *В. Н. Дьяков* — 1958, № 4, с. 122—129.

383. Aymard A. et Auboyer J. Rome et son empire. Paris, Presse universitaire de France, 1954, 783 c. (Histoire générale des civilisations, т. 2).
Рец.: *Н. И. Голубцова* — 1956, № 4, с. 85—91.

384. Bömer Fr. Untersuchungen über die Religion der Sklaven in Griechenland und Rom, ч. I. Die wichtigsten Kulten und Religion in Rom und im lateinischen Westen, Wiesbaden, 1957, 206 с.
Рец.: *Е. М. Штаерман* — 1959, № 3, с. 199—206.

385. Brisson Jean-Paul. Automisme et christianisme dans l'Afrique Romaine. De Septime Sévère à l'invasion vandale. Thèse... Paris, Boccard, 1958, I,456 с. (Université de Paris, Faculté des lettres).
Рец.: *Г. Г. Дилигенский*. Из новой литературы о социальной и религиозной борьбе в Римской Африке — 1960, № 4, с. 183—191.

386. Büttner Theodora, Werner Ernst. Circumcellionen und Adamiten. Zwei Formen mittelalterlicher Haeresie, Berlin, Akad. Verl., 1959. VII, 141 с. (Forschungen zur mittelalterlichen Geschichte, т. 2).
Рец.: *Г. Г. Дилигенский*. Из новой литературы о социальной и религиозной борьбе в Римской Африке — 1960, № 4, с. 192—195.

387. Courtois C. Les Vandales et l'Afrique, Paris, Arts et métiers graphiques, 1955.
Рец.: *Г. Г. Дилигенский* Новые книги по истории Северной Африки. — 1956, № 1, с. 118—120.

388. Gjerstad E. Early Rome. V. I. Stratigraphical research in the Forum Romanum und along the Sacra via, т. II. The tombs, Lund, 1953—1956 гг.
Рец.: *Л. А. Ельницкий*. Археологическая документация древнейшего периода истории Рима — 1960, № 1, с. 150—158.

389. Kienast Dietmar. Cato der Zensor. Seine Persönlichkeit und seine Zeit, Heidelberg, 1954, 169 с.
Рец.: *И. Маяк* — 1958, № 3, с. 195—198.

390. Kehnscherper G. Die Stellung der Bibel und der altenchristlichen Kirche zur Sklaverei. Eine christliche und kirchengeschichtliche Untersuchung von den alttestamentlichen Propheten bis zum Ende des Römischen Reiches, Halle, Niemeyer, 1957, 187 с.
Рец.: *Н. И. Голубцова* — 1959, № 4, с. 201—205.

391. Levy. E. West Roman vulgar law. The law of property, Philadelphia, 1951, XIX, 305 с. (Memoirs of the American philosophical society, т. 29).
Рец.: *А. Р. Корсунский* — 1957, № 1, с. 166—171.

392. Ooteghem J. van. Pompée le Grand, bâtisseur d'Empire, Bruxelles, 1954, 666 с. (Acad. royale de Belgique, Classe des sciences morales et politiques. Mémoires).
Рец.: *С. Р. Ким* — 1956, № 4, с. 91—92.

393. Sereni E. Comunità rurale nell' Italia antica. Roma, «Rinascita», 1955, XV, 621 с.
Рец.: *А. И. Немировский* — 1956, № 3, с. 87—93.

394. Tudor D. Istoria sclavajului în Dacia Romana [Bucureşti], Acad. Republicii Populare Romîne, 1957, 310 с.
Рец.: *И. Г. Рознер* — 1960, № 3, с. 210—214.

395. Warmington B. H. The North African Provinces from Diocletian to the Vandal Conquest, Cambridge, University press, 1954.
Рец.: *Г. Г. Дилигенский*. Новые книги по истории Северной Африки — 1956, № 1, с. 116—118.

396. Westermann W. L. The slave systems of Greek and Roman antiquity, Philadelphia, 1955, XII, 180 с.
Рец.: *А. Я. Корсунский, В. И. Кузищин, И. С. Свенцицкая* — 1958, № 4, с. 148—158.

X. ХРОНИКА

1. УЧРЕЖДЕНИЯ АН СССР

397. *Борщ И.* О работе сектора древней истории (1958—1959 гг.) — 1960, № 1, с. 202—204.
398. *Д. Г.* В Институте истории Академии наук СССР — 1956, № 2, с. 178—181.
399. *Д. Г.* Конференция авторов и читателей журнала «Вестник древней истории» — 1957, № 2, с. 235—240.
400. *Е. Л.* Сессия отделения исторических наук АН СССР и пленума ИИМК АН СССР, посвященные результатам археологических и этнографических исследований (25—30 марта 1957 г.) — 1957, № 2, с. 232—235.
401. *З. Т.* Археолого-этнографическая сессия Отделения исторических наук и пленум Ин-та истории материальной культуры Академии наук СССР — 1959, № 4, с. 206—214.
402. *Крайнов Д. А., Онайко Н. А.* Сессия Отделения исторических наук и пленум Ин-та истории материальной культуры Академии наук СССР, посвященные итогам археологических исследований в 1955 г.— 1956, № 4, с. 161—167.

2. ДРУГИЕ НАУЧНЫЕ УЧЕЖДЕНИЯ СССР

403. *Александрович М.* Доклады по историографии древнего мира на межвузовской конференции в Воронеже — 1960, № 3, с. 227—228.
404. *А. Н. Н.* Студенческая археологическая конференция — 1956, № 1, с. 187—192.
405. *Дератани Н. Ф.* Научные сессии кафедр классической филологии Московского и Ленинградского университетов (20—25 мая 1957) — 1958, № 1, с. 244—245.
406. *Козаржевский А. Г.* 10-летие кафедры древних языков исторического факультета МГУ — 1959, № 3, с. 220—222.
407. *Кузищин В.* Кафедра истории древнего мира МГУ в 1957 г.— 1958 , № 2, с. 253—254.

3. ЗАРУБЕЖНАЯ ХРОНИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ СЪЕЗДЫ

408. *Бонгард-Левин Г. М., Деопик Д. В.* Археологические работы в Индии — 1956, № 1, с. 177—187.
409. *Васильев К. В.* Археологические исследования во внутренней Монголии — 1959, № 3, с. 163—171.
410. *Гълъбов И.* Минойская надпись, найденная в Бургасе. [Статья из Болгарии] — 1956, № 3, с. 151—157.
411. *Д. И.* Международная научная сессия в Варшаве — 1956, № 3, с. 162—166.
412. *Дьяконов И.* VII Международная встреча ассириологов — 1959, № 2, с. 223—232.
413. *Е. Л.* Находка греческих статуй в Пирее — 1960, № 3, с. 228—232.
414. *Е. Л.* Новейшие открытия в области античной археологии — 1956, № 3, с. 159—162.
415. *Е. Л.* Новейшие археологические находки на Ближнем Востоке — 1956, № 4, с. 167—168.
416. *Зейфарт Д-р.* Открытие Института греко-римских древностей при Германской Академии наук в Берлине — 1956, № 2, с. 181—184.
417. *Иванова Ю. В.* Изучение памятников иллирийской эпохи в Албании (По материалам журн.: Buletin per shkencat shoqerore, 1952, № 2; 1953, №№ 1—3; 1954, № 1; 1955, № 1) — 1957, № 1, с. 183—192.
418. Конференция, посвященная творчеству Цицерона, в Варшаве — 1958, № 2, с. 262.
419. Международная конференция античников в Либлице (Чехословакия). [Апр. 1957, статьи из Праги: Я. Печирка, П. Олива, А. Шмидтова, Э. Свободова] — 1958, № 1, с. 230—244.
420. *Михаловский К.* Телль Атриб (1957—1958). [Об археологических раскопках в Египте. Статья из Польши] — 1960, № 1, с. 186—202.
421. *Некрасова Е., Толмачев М.* Наскальная живопись Сахары — 1958, № 3, с. 222—231.
422. Пятилетний план работы по исследованию древней истории Китая в Академии наук КНР — 1959, № 3, с. 219—220.
423. *Дончев Д. М.* Фракийский склеп в кургане близ села Строево — 1956, № 1, с. 166—173.
424. *Дончев Д.* Фракийское поселение Бессапара в свете новооткрытой греческой надписи — 1960, № 3, с. 142—145.
425. *Я. В., Е. Л.* Изучение древней истории в Венгрии — 1958, № 2, с. 254—262.

XI. PERSONALIA

426. В. И. Авдиев.
К 60-летию проф. В. И. Авдиева — 1958, № 4, с. 168—169.
427. А. К. Бергер.
К семидесятилетию А. К. Бергера — 1960, № 1, с. 209.
428. В. Д. Блаватский.
К 60-летию доктора искусствоведческих наук проф. Вл. Дм. Блаватского — 1960, № 1, с. 205.
Список научных работ. [Сост. Е. А. Юрченко] — 1960, № 1, с. 205—208.

429. Андре Боннар.
Андре Боннар. [Памяти швейцарского эллиниста] — 1960, № 1, с. 122—123.
430. И. Н. Бороздин.
К 75-летию проф. И. Н. Бороздина — 1959, № 1, с. 218—219.
431. Памяти И. Н. Бороздина — 1960, № 1, с. 122.
432. Т. Н. Бороздина.
Памяти Т. Н. Бороздиной — 1959, № 4, с. 159—160.
433. М. Вентрис.
Памяти М. Вентриса (12/VII 1922 — 6/IX 1956) — 1956, № 3, с. 165—166.
434. В. П. Волгин.
К юбилею [восьмидесятилетию] В. П. Волгина — 1959, № 2, с. 219.
435. В. С. Голенищев.
Струве В. В. К столетию со дня рождения В. С. Голенищева — 1957, № 2, с. 3—7.
436. Н. Ф. Дератани.
Памяти Н. Ф. Дератани. [Филолог. 1884—1958] — 1958, № 1, с. 246—247.
437. В. Н. Дьяков.
К 75-летнему юбилею проф. В. Н. Дьякова — 1957, № 4, с. 200—201.
438. Памяти проф. Владимира Николаевича Дьякова — 1959, № 3, с. 251—252.
Список печатных и рукописных работ проф. В. Н. Дьякова — 1959, № 3, с. 252—253.
439. Г. И. Кацаров.
Памяти акад. Г. И. Кацарова (1874—1958) — 1958, № 4, с. 174.
440. С. И. Ковалев.
К 70-летию со дня рождения профессора С. И. Ковалева — 1956, № 3, с. 158—159.
440а. Профессор Сергей Иванович Ковалев (1886—1960 гг.) — 1960, № 4, с. 249.
441. М. О. Косвен.
К 75-летию профессора М. О. Косвена — 1960, № 1, с. 210.
442. И. М. Лосева.
Памяти И. М. Лосевой — 1959, № 4, с. 160.
443. И. М. Лурье.
Памяти Исидора Михайловича Лурье — 1958, № 3, с. 233—236.
444. С. Я. Лурье.
К 70-летию проф. С. Я. Лурье — 1960, № 4, с. 196—198.
Список научных трудов С. Я. Лурье — 1960, № 4, с. 198—204.
445. М. Э. Матье.
К шестидесятилетию проф. Милицы Эдвиновны Матье — 1959, № 3, с. 222.
Список трудов М. Э. Матье (Сост. Е. А. Юрченко) — 1959, № 3, с. 223—225.
446. Н. А. Машкин.
К 10-летию со дня смерти Н. А. Машкина — 1960, № 3, с. 124—128.
447. А. В. Мишулин.
К 10-летию со дня смерти А. В. Мишулина — 1958, № 4, с. 170—171.
448. С. И. Радциг.
К 75-летию проф. С. И. Радцига — 1957, № 4, с. 202.
449. А. Б. Рановича.
К 10-летию со дня смерти А. Б. Рановича — 1958, № 3, с. 210—213.
450. Р. И. Рубинштейн.
К 60-летию Р. И. Рубинштейн — 1960, № 1, с. 209.
451. С. И. Соболевский.
К 95-летию члена-корр. Академии наук СССР проф. С. И. Соболевского — 1959, № 3, с. 225—226.
452. В. В. Струве.
Творческий путь академика Вас. Вас. Струве (к 70-летию академика В. В. Струве) — 1959, № 1, с. 212—218.
453. Р. Таубеншлаг.
Памяти акад. Р. Таубеншлага — 1958, № 4, с. 172—173.
454. А. И. Тюменев.
Памяти акад. Александра Ильича Тюменева — 1959, № 3, с. 245—247.
Список научных работ акад. А. И. Тюменева. (Сост. Е. А. Юрченко) — 1959, № 3, с. 247—250.
455. Н. Д. Флиттнер.
Памяти Н. Д. Флиттнер — 1959, № 4, с. 158—159.
456. Т. М. Шепунова.
К 60-летию Т. М. Шепуновой — 1960, № 1, с. 209.

XII. РЕЦЕНЗИИ НА ЖУРНАЛЫ

а) ИНОСТРАННЫЕ

457. Ancient India. New Delhi, 1945—1955 гг.
Рец.: *Г. М. Бонгард-Левин, Д. В. Деопик.* Новые материалы по истории Индии — 1957, № 2, с. 188—200.
. Ethnographisch-archaeologische Forschungen, herausgegeben von H. Kothe und K. H. Otto, 1953, т. 1; 1954, т. 2; 1955, т. 3.
Рец.: *А. Брюсов* — 1957, № 2, с. 182—188.
459. Historia, Zeitschrift für alte Geschichte. Wiesbaden, 1950, т. 1, № 4; Baden-Baden, 1953—1954, т. 2; 1954—1955, т. 3; 1955, т. 4; 1956, т. 5.
Рец.: *Ян Печирка* — 1957, № 4, с. 174—189.
460. Journal of Juristic Papyrology, Warsawa, 1952, т. VI; 1953—1954, т. VII—VIII.
Рец.: *И. Ф. Фихман* — 1956, № 3, с. 79—87.
461. Studii şi cercetări de istŏrie veche, Бухарест, 1954, т. V; 1955, т. VI; 1956, т. VII.
Рец.: *В. В. Каракулаков.* Исследование по древней истории — 1958, № 1, с. 188—195.

XIII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СПИСКИ

462. *Амусин И. Д.* Из новых работ по папирологии — 1959, № 2, с. 192—203.
463. *Андреев В.* Афинская рабовладельческая демократия в западной историографии — 1960, № 4, с.131—146.
464. Аннотации иностранных журналов по истории античности и классической филологии — 1960, № 2, с. 161—173.
465. *Б. С.* Новые западные работы по шумерологии и ассириологии. (Аннотированный перечень монографических исследований) — 1959, № 1, с. 189—192.
466. *Бациева С. М.* Ассириология в арабских странах — 1959, № 1, с. 184—189.
467. *Г. В.* Изучение языков и истории древневосточных стран в Грузии — 1959, № 2, с. 220—223.
468. *Гаспаров М. Л.* Зарубежная литература о принципате Августа. (Обзор) — 1958, № 2, с. 221—233.
469. *Гаспаров М. Л.* Новая зарубежная литература о гражданских войнах в Риме — 1959, № 2, с. 203—218.
470. *Глускина Л. М.* Новые работы по истории земельных отношений в древней Аттике — 1957, № 4, с. 154—167.
471. *Деопик Д. В.* Некоторые вопросы древней истории Вьетнама в современной вьетнамской исторической науке. [Обзор] — 1956, № 2, с. 95—107.
472. *Е. Л.* Аннотации иностранных журналов по греко-римской истории, филологии и археологии — 1958, № 2, с. 241—252.
473. *Е. Л.* Аннотации иностранных журналов по истории античности — 1959, № 1, с. 195—206.
474. *Е. Л.* Аннотации иностранных журналов по истории античности и классической филологии — 1959, № 3, с. 206—218.
475. *Е. Л.* Библиографические заметки — 1958, № 3, с. 198—209.
476. *Е. Л.* Библиографические заметки и краткие аннотации — 1956, № 3, с. 93—105.
477. *Е. Л.* Из новой югославской литературы по древней истории. (Краткие аннотации) — 1957, № 4, с. 189—199.
478. *Е. Л.* Краткие аннотации. Новая иностранная литература по истории Ближнего Востока — 1957, № 1, с. 171—182.
479. *Е. Л.* Новая зарубежная литература по истории Греции и Рима. (Краткие аннотации) — 1957, № 2, с. 220—231.
480. *Е. Л.* По страницам новых публикаций и исследований — 1958, № 1, с. 212—223.
481. *Залесский Н. Н.* Этрускология за рубежом. (Обзор) — 1956, № 4, с. 71—85.
482. *Захарук Ю. Н.* Новые исследования культуры воронковидных сосудов в Польше. [Обзор] — 1956, № 1, с. 65—70.
483. Из новых поступлений (в Гос. биб-ку им. Ленина и в ФБОН АН СССР) зарубежной литературы по древней истории — 1958, № 1, с. 223—229.
484. *Каракулаков В. В.* Исследования по древней истории в журнале Studii şi cercetări de istoriae veche за 1957 и 1958 гг. [Обзор статей, опубликованных в румынском журнале] — 1959, № 4, с. 178—184.
485. *Минорский В. Ф.* Луристанские бронзы и касситы — 1959, № 1, с. 220—221.
486. *Надэль Б. И.* Проблема языка и населения доримской Италии. (Обзор новых работ) — 1957, № 1, с. 155—166.
487. *Немировский А.* Племена Италии во II тысячелетии до нашей эры (библиографический обзор)— 1957, № 1, с. 102—121.
488. Новые зарубежные работы по хеттологии. (Аннотированный перечень монографических исследований) — 1954, № 1, с. 192—194.
489. *Семпер Н. Е.* Новые книги и статьи по египтологии. (Краткие аннотации) — 1958, № 4, с. 158—167.
490. *Семпер Н. Е.* Новые книги и статьи по египтологии. (Краткие аннотации) — 1960, № 1, с. 158—169.
491. *Семпер Н. Е.* Новые статьи по египтологии. (Краткие аннотации) — 1958, № 2, с. 233—241.
492. *Свенцицкая И. С.* Эллинистическая Малая Азия в современной зарубежной литературе. [Обзор] — 1960, № 2, с. 156—161.
493. *Старкова К. Б.* Новая литература о рукописях из окрестностей Мертвого моря. [Обзор] — 1958, № 1, с. 196—211.
494. *Старкова К. Б.* Рукописи из окрестностей Мертвого моря. [Обзор] — 1956, № 1, с. 87—102.
495. *Трофимова М. К.* Публикации источников и источниковедческих исследований по истории Греции и Рима. [Обзор] — 1956, № 1, с. 112—115.
496. *Чистякова Н. А.* Новое в изучении художественной литературы эллинизма — 1960, № 3, с. 214—226.
497. *Шейнман-Топштейн С. Я.* Состояние исследования социальной сущности древне-аттической комедии в современной буржуазной науке. [Обзор] — 1956, № 1, с. 102—112.
498. *Шифман И.* Из новой зарубежной литературы по языкам, истории и культуре западно-семитических народов (1955—1958 гг.). Краткие аннотации — 1960, № 1, с. 169—185.
499. *Штаерман Е. М.* Латинские надпи-

си, опубликованные в 1949—1954 гг. [Обзор] — 1956, № 2, с. 111—128.

00. *Ямпольский З.* Древняя история в научных журналах Азербайджанской ССР. [Обзор] — 1958, № 3, с. 214—219.

XIV. РАЗНОЕ

а) СТАТЬИ

501. Систематический указатель к «Вестнику древней истории» за 1951—1955 гг. — 1956, № 4, с. 219—243.

б) ПИСЬМА

502. *Семенов Ю. И.* Письмо в редакцию — 1960, № 4, с. 204—205.

503. *Струве В.* Письмо в редакцию — 1959, № 1, с. 219—220.

504. *Струве В. В.* Предварительный ответ на статью И. М. Дьяконова — 1958, № 2, с. 252.

505. *Тюменев А. И.* Письмо в редакцию — 1958, № 3, с. 232—233.

506. *Утченко С. Л.* Письмо в редакцию — 1957, № 1, с. 195—196.

507. *Широков О. С., Бабенко А. И.* Письмо в редакцию (В связи с рецензией С. И. Радцига в ВДИ 1956, № 1 на работу А. Ф. Лосева «Олимпийская мифология в ее социально-историческом развитии», опубл. в Учен. записках Моск. пед. Ин-та им. Ленина. Кафедра классич. филологии, т. 72, вып. 3, 1953) — 1957, № 1, с. 193—195.

в) РЕЦЕНЗИИ

508. П о п о л ь - В у х. Родословная владык Тотоникапана. Пер. с яз. киче, изд. подготовил Р. В. Кинжалов. М.—Л., АН СССР, (Ленингр. отд-ние), 1959. 252 с., с илл. (Литературные памятники).
Рец.: *В. В. Струве* — 1960, № 2, с. 146—147.

509. Сборник Г а в р и л К а ц а р о в. Статьи посветени по случай на седемдесетгодишнината му 4 октомври 1874—4 октомври 1944, ч. 1—2, София, 1950—1955. (Българска академия на науките. Археологически ин-т, Известия, кн. 16, 19).
Рец.: *Б. И. Надэль.* Фракия и античный мир — 1958, № 2, с. 189—196.

510. Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae, ed. G. Mihailov, т. 1, Inscriptiones orae Ponti Euxini, Serdicae, 1956, 262 с.
Рец.: *Б. И. Надэль* — 1958, № 3, с. 187—190.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ[1]

А. Н. Н. 404
Абаев В. И. 93; рец. 203
Абрамидзе Ш. В. рец. 377
Авдиев В. И. 14, 104; ред. 266; (о нем) 426
Александрович М. 403
Алпатов М. А. 15
Амиранашвили Ш. Я. 67
Амусин И. Д. 111, 181, 462; рец. 108, 254
Андреев В. 205, 463
Андреев В. Н. 206, 207
Андреев М. Н. 367
Аннотации иностранных журналов 464
Античные города Сев. Причерноморья 61
Аракелян Б. Н. 68
Арань Я. пер. 252
Аристофан 252
Арутюнян Н. В. 69
Асиновская С. 16
Афанасьев В. 112

Б. С. 465
Бабенко А. И. 507
Бациева С. М. 466; рец. 127
Белецкий А. А. 32
Белов Г. Д. 33
Белявский В. А. рец. 92
Бенклиев С. Н. рец. 369
Бергер А. К. 19, 208; рец. 29, 62, 255, 274; (о нем) 427
Берзин Э. 34
Берлев О. О. рец. 143
Бернштам А. Н. 94
Бион 267
Блаватский В. Д. 62, 63, 253; (о нем) 428
Болтунова А. И. 35, 70; рец. 29
Бонгард-Левин Г. М. 148, 149, 408; рец. 457
Боннар А. (о нем) 429
Борецкий Б. 300
Бороздин И. Н. рец. 109; (о нем) 430, 431
Бороздина Т. Н. (о ней) 432
Ботвинник М. Н. рец. 27
Борщ И. 301, 397
Брабич В. 302, 303
Брайчевский М. Ю. 36
Брашинский И. Б. 37, 210, 211; рец. 65
Брюсов А. рец. 458
Буриан Я. 304, 305

В. Р. рец. 175
Вайман А. А. 113
Варцл Л. 306
Васильев К. В. 409
Васильев Л. С. 163; рец. 28
Вентрис М. (о нем) 433
Веселаго Е. Б. 182; ред. 12
Видьяланкар С. 150
Виноградов В. 308
Волгин В. П. (о нем) 434
Всемирная история, тт. I и II 27, 28, 29
Всесоюзная сессия по ассириологии 105

Г. В. 71
Гайдукевич В. Ф. ред. 61
Гамкрелидзе Г. В. 72, 196
Гаспаров М. Л. 309—312
Гвахария В. А. 73; рец. 125
Гельцер М. Л. 189—191; рец. 184, 192, 194
Георгиев Г. И. 212
Гершман И. Г. 114
Гиоргадзе Г. Г. 197; рец. 89
Глускина Л. М. 213—216, 259; рец. 108, 254, 278
Голенищев В. С. (о нем) 435
Голенко К. 75
Голубцова Е. С. 38
Голубцова Н. И. рец. 383, 390
Гольденберг В. А. 108, 254
Го Мо-жо 171
Грабарь-Пассек М. Е. пер. и коммент. 267
Гумилев Л. Н. 95, 96
Гълъбов И. 410
Гюнтер Р. 313

Д. Г. 398, 399; рец. 31
Д. И. 411
Дандамаев М. А. 155, 156; рец. 203
Дашевская О. Д. 39
Денисюк В. И. сост. 13
Деопик Д. В. 148, 471; рец. 457
Дератани Н. Ф. 17, 405; рец. 368; (о нем) 436
Дилигенский Г. Г. 314, 315; рец. 385—387, 395
Дзагурова В. рец. 88
Доватур А. И. 40, 217, 255, 316—317; ред. 13
Донини А. 183
Драйвер Г. Р. изд. 157
Древняя Греция 256
Думан Л. И. ред. и коммент. 171, 174
Дунаевская И. М. 198
Духин И. рец. 268
Дьяков В. Н. ред. 63, 371; рец. 382; (о нем) 437, 438
Дьяконов И. М. 115, 124, 157, 185—186, 203, 412; рец. 91, 102

Е. Л. 218, 400, 413—415, 425, 472—480
Ельницкий Л. А. 74, 318—319; рец. 277, 388

[1] В указатель включены авторы статей, редакторы, рецензенты, переводчики, составители научных комментариев, издатели, авторы рецензируемых книг, названия статей без авторов, за исключением передовых, названия коллективных трудов.

Принятые сокращения: редакторы — ред.; рецензенты — рец., переводчики — пер.; издатели — изд.; составители научных комментариев — коммент.

Цифры отсылают к порядковому номеру записи в систематическом каталоге; в тех случаях, когда книга или статья дублируется в двух или нескольких разделах, в авторском указателе дается только тот номер, под которым они впервые упоминаются в основном указателе.

Ернштедт П. В. 219

Жуков Е. М. ред. 27, 28, 29

З. Т. 401
Забулис Г. К. 320
Зайцев А. И. 220
Закладная В. М. пер. 265
Залесский Н. Н. 321, 322, 481
Захарук Ю. Н. 482
Зейфарт Д-р 416
Зельин К. К. 18—19, 284
Зограф А. Н. 64

Иванов В. 199
Иванова Ю. В. 417
Избранные латинские надписи 11
Из новых поступлений (в Гос. биб-ку им. Ленина и ФБОН АН СССР) зарубежной литературы по древней истории 483
Индра М. А. 151
История греческой литературы 257
История римской литературы 368

К проблеме античного города 23
Кабанов С. К. 97
Каждан А. П. ред. 374; рец. 373
Казакевич Э. Л. 223—226
Казаманова Л. Н. 227—228
Каллистов Д. рец. 255
Каллистов Д. П. ред. 256
Кан Е. М. рец. 252
Капанадзе Д. 75
Каракулаков В. В. 461, 484
Карышковский П. О. 41—44, 369; рец. 64
Кауфман С. А. рец. 193, 195
Каухчишвили Т. 76, 87
Кац А. рец. 379
Кац А. Л. 287, 324; рец. 370
Кацаров Г. 509; (о нем) 439
Ким С. Р. рец. 392
Кинжалов Р. В. пер. 508
Книпович Т. 45
Кобылина М. М. 258
Ковалев С. И. 20, 325—326, 370; рец. 29—30, 373; (о нем) 440, 440а
Козаржевский А. рец. 380, 381
Козаржевский А. Ч. 406
Козлова Г. Г. 327; рец. 260
Колобова К. М. 229—230, 259
Колосовская Ю. К. 328; рец. 371—372
Комаров С. Д. пер. 265
Кондратьев С. П. пер. 13
Конференция, посвященная Цицерону 418
Коржинский Я. Н. 329
Корсунский А. Р. 330—331; рец. 391, 396
Косвен М. О. (о нем) 441
Кошеленко Г. А. 187
Крайнов Д. А. 402
Кроль Ю. рец. 171
Кругликова И. Т. 371; рец. 61
Крушкол Ю. С. 46, 47
Ксенофонт Эфесский 260
Кудрявцев О. В. 24, 372—373
Кузищин В. И. 332, 333, 407; рец. 375, 378, 396

Л. С. рец. 279
Лапис И. А. 128—130
Ленцман Я. А. 231; рец. 265, 280, 283
Лившиц В. А. 98, 185, 186
Лившиц И. Г. 131
Липин Л. А. 125
Ли Я-нун 172
Ломоури Н. Ю. 77; рец. 87, 92
Лосев А. Ф. 261; ред. 265; рец. 368
Лосева И. М. (о ней) 442
Лукиан 374
Лундин А. 110
Лурье И. рец. 146
Лурье И. М. 132; рец. 145, 147; (о нем) 443
Лурье С. Я. 25, 232—235, 262; рец. 269, 271, 272, 281; (о нем) 444
Львов Н. И. 334

Маевский К. 335; рец. 253
Максимова М. И. 88; ред. 61
Манандян Я. А. 89, 90
Маргулес Б. Б. 158, 236
Маринович Л. П. 237
Марченко И. Д. 48
Массон В. М. 99, 102; рец. 103, 154
Матье М. Э. 133, 134, 141; сост. 142; (о ней) 445
Мацулевич Л. А. 78
Машкин Н. А. 375; (о нем) 446
Маяк И. Л. 336; рец. 389
Международная конференция античников в Либлице (Чехословакия). [Апр. 1957 г.] 238
Меликишвили Г. А. 21, 79—81, 91; рец. 27, 124, 203
Мельниковская О. 49
Менабде Э. 200
Менабде Э. А. рец. 126
Мерперт Н. Я. рец. 29
Миллиор Е. А. рец. 259
Минорский В. Ф. 485
Михаловский К. 135, 136, 420
Мишулин А. В. (о нем) 447
Мончадская Е. А. 100
Мосх 267
Мотус А. А. 338
Мурыгина Н. Ф. 339

Надэль Б. И. 50, 486; рец. 66, 509, 510
Нахов И. М. рец. 374
Некрасова Е. 421
Немировский А. И. 340, 487; рец. 30, 393
Николай Дамасский 12
Новицкая К. И. 341
Новицкий И. Б. 376
Новые зарубежные работы по хеттологии (Аннотированный перечень монографических исследований) 201

Оборин В. А. 51
Олива П. 238, 337
Онайко Н. А. 402
Откупщиков Ю. В. 239, 240
Ошеров С. А. 342

Павлов В. В. рец. 141; сост. 142
Павловская А. И. рец. 256, 295
Памятники искусства 142
Панасюк В. пер. 174
Пеек В. 52
Переломов Л. С. пер. 171
Периханян А. Г. 82, 83, 177
Петров А. А. 173
Петров М. К. рец. 282
Петровский Н. С. 143
Петровский Ф. А. ред. 11, 296, 381
Печирка Я. 238; рец. 459
Пикус Н. Н. 288
Поздеева И. 241
Поздеева И. В. ред. 275
Позднеева Л. Д. 164, 165; рец. 174
Покора Т. рец. 173
Покровская З. А. 343
Полякова С. пер. 260
Пополь-Вух 508
Постовская Н. М. 137, 138
Пресс Л. 242
Прядохин М. Г. пер. 171
Пухтинский В. К. рец. 256
Пятилетний план 166

Радциг С. И. 243; рец. 261, 273; (о нем) 448
Ранович А. Б. (о нем) 449
Редер Д. Г. рец. 28
Ременников А. 344
Ременников А. М. рец. 63
Рижский М. И. 345
Розанова Н. П. 53, 244
Рознер И. Г. рец. 394
Рубанов А. А. рец. 367, 376
Рубин В. А. 167, 168; рец. 176

Рубинштейн Р. И. рец. 27, 142; (о ней) 450

Саникидзе Л. Д. 377
Саркисян Г. Х. рец. 90
Сахарный Н. Л. 263
Свенцицкая И. С. 178, 179, 245, 289—293; рец. 396
Свободова Э. 238
Селецкий Б. П. 346
Семека Е. С. рец. 152, 153
Семенов Ю. И. 502
Семенович Н. Н. 116
Семпер Н. Е. 489 — 491
Сергеенко М. Е. 347—350, 378
Серени Э. 351
Систематический указатель к ВДИ 501
Смирин В. М. 352, 353; сост. 11
Соболевский С. И. ред. 257; (о нем) 451
Соколов В. С. 354, 379
Соломоник Э. И. 54
Старкова К. Б. 493, 494
Стратанович Г. Г. 169
Струве В. В. 106, 117—120, 435, 503—504; ред. 109, 125, 143, 256; рец. 92, 508; (о нем) 452
Стучевский И. А. 139, 140; рец. 144
Суров Е. Г. 55
Сыма Цянь 174, 175
Сюзюмов М. Я. 355

Тарков П. Н. 356
Таубеншлаг Р. (о нем) 453
Тахо-Годи А. рец. 263, 266
Тимофеева Н. А. рец. 368
Тирацян Г. 84
Толмачев М. 421
Толстой И. И. 264
Томсон Д. 265
Тревер К. В. 92
Тренчени-Вальдапфель И. 266
Тронский И. М. 246, 247
Трофимова М. К. 56, 358
Тюменев А. И. 22, 126, 248, 249, 505; рец. 262; (о нем) 454
Тюрин В. О. 159

Утченко С. Л. 26, 359—361, 506; ред. 29

Федорова Г. сост. 12
Феленковская И. пер. 260
Феокрит 267
Фихман И. Ф. рец. 460
Флиттнер Н. Д. (о ней) 455
Фонкич Б. Л. рец. 270, 276
Формозов А. А. рец. 27
Фрай Р. 188
Францев Ю. П. ред. 27
Фролов Э. Д. 230
Фрэль И. рец. 258

Хрестоматия по истории древн. мира 109

Цветаева Г. А. 57
Церетели Г. В. 85, 362
Цицерон 380, 381
Цончев Д. 363
Цончев Д. М. 423, 424

Чжан Инь-линь 176
Чистякова Н. А. 294; рец. 267

Шафранская Н. В. 58
Шейнман-Топштейн, С. Я. 250; рец. 257, 264
Шелов Д. Б. 59
Шепелева Н. В. рец. 172
Шепунова Т. М. (о ней) 456
Широков О. С. 507
Шифман И. 161, 162, 498
Шлеев В. В. 86
Шмидтова А. 238
Шрот Г. 364
Штаерман Е. М. 19, 26, 361, 365 — 366, 370, 382; пер и коммент. 11; рец. 384
Штейн В. М. 170
Шульц Ю. Ф. рец. 374

Щербак А. М. 101

Э. Н. рец. 31
Юрченко Е. А. сост. 428, 445, 454
Юсифов Ю. Б. 121, 160

Я. В. 425
Ямпольский З. 500
Ямпольский З. И. 107
Янковская Н. Б. 122, 123, 202
Ярхо В. Н. 251, 268, 269; рец. 252
Яценко И. В. 60

Adcock F. E. 30
Alfoldi A. 30
Alt A. 184
Ancient India 457
Auboyer J. 383
Aymard A. 383

Bakir Abd el Mohsen 144
Bömer F. 384
Brisson J.-P. 385
Buck C. D. 270
Buddhist texts 152
Büttner Th. 386

Canarache V. 65
Černý J. 145
Chadwick J. 271, 272
Conze E. изд. 152
Courtois C. 387

Documents in Mycenean Greek 272

Dunand M. 192
Dussaud R. 193

Ehrenberg V. 273
Ethnographisch-archaeologische Forschungen 458

Foucher A. 153

Gardiner A. 145
Gjerstad E. 388

Hayes W. S. изд. 146
Hignett C. 274
Historia Mundi, т. IV, 30
Historia. Zeitschrift 459
Horner I. B. изд. 152

Inscriptiones Graecae 510
Jones A. H. M. 275
Journal of Juristic Papyrology 460

Kehnscherper G. 390
Kienast D. 389
Klaffenbach G. 276
Kothe H. изд. 458
Kramer S. N. 127

Lauffer S. 278
Levy E. 391
Lobel E. изд. 281

Martin, V. изд. 279
Ménandre 279
Micknat G. 280
Mihailov изд. 510

Narain A. K. 103, 154

Ooteghem J. van 392
Otto K. H. изд. 458
Oxyrhynchus papyri 281

Palais royal d'Ugarit 194
A Papyrus of the late Middle Kingdom 146

Robers C. H. изд. 281

Sannwald R. 31
Schaeffer C. F.-A. изд. 194
Scriptores historiae Augustae 13
Sereni E. 393
Studii şicercetări de istorie veche 461

Tchalenko G. 195
Thomson G. 282
Tudor D. 394

Ventris M. 272

Wace A. J. B. 272
Warmington B. H. 395
Wegener E. P. изд. 281
Werner E. 386
Westermann W. L. 283

Žába Z. 147
Zgusta L. 66

Κορδάτος Γ. 277

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ВДИ № 1—1961 г.

Aép — Année Épigraphique
AIEP — Archivio internazionale di etnografia e preistoria
AJN — American Journal of Numismatics (N. Y.)
AJPh — American Journal of Philology
AJSLL — American Journal of Semitic Languages and Literatures
Ar. Or.— Archiv Orientální
ASI — Archaeological Survey of India
ÄZ — Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde
BA — Biblical Archaeologist
Bardtke — H. Bardtke, Die Handschriftenfunde am Toten Meer, B., 1953
Barthélemy — D. Barthélemy — J. T. Milik, Qumran Cave I, Oxf., 1956
BC — Bellum Civile
BCH — Bulletin de correspondance Hellénique
BI — Bellum Iudaicum
BSAC — Bulletin de la Société d'archéologie copte
BSGÉ — Bulletin de la Société de Géographie d'Egypte
Burrows — M. Burrows, The Dead Sea Scrolls, N. Y., 1955
ГМАдж — Гос. музей Аджарии (Батуми)
ГМГ — Гос. музей Грузии (Тбилиси)
ChÉg — Chronique d'Égypte
CI — Codex Iustiniani
CQ — Discoveries in the Judaean Desert. I. Qumran Cave I. by D. Barthélemy and J. T. Milik, Oxf., 1956.
CT — Cuneiform Texts from Babylonian Tablets in the British Museum
ESAR — T. Frank, An Economic Survey of Ancient Rome, Baltimore
FHG — Fragmenta Historicorum Graecorum
Gaster — T. Gaster, The Dead Sea Scriptures in English Translation, N. Y., 1956
GMDS — Glasnik Muzejskega Društva za Slovenijo, Ljubljana
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
Habermann — A. Habermann, ʿEdah We — ʿEduth, Jer. 1952
ИБАИ — Известия на Българския археологически Институт
IEFPDR — Inscriptiones extra fines Pannoniae et Daciae — que repertae ad res earundem provinciarum pertinentes
IEJ — Israel Exploration Journal
IGRRP — Inscriptiones Craecae ad res Romanas pertinentes
ILS — Inscriptiones Latinae Selectae
ILT — A. Merlin, Inscriptions latines de la Tunisie, P., 1944
JCS — Journal of Cuneiform Studies
JEA — Journal of Egyptian Archaeology
JESHO — Journal of the Economic and Social History of the Orient
JIAN — Journal International d'Archéologie et de Numismatique (Athènes)
JKF — Jahrbuch für Kleinasiatische Forschungen
JNES — Journal of Near Eastern Studies
JOAI — Jahreshefte des Oesterreichischen Archäologischen Instituts
JRS — Journal of Roman Studies
JSA — Journal de la Société des Africanistes
KSGI — A. Alt, Kleine Schriften zur Geschichte des Volkes Israel, т. I—II, München, 1953
LM — Lex Manciana
МАПП — Матеріали з археології північного Причерномор'я
MDAFA — Mémoires de la Délégation archéologique française en Afganistan
Mél. Syr.— Mélanges Syriennes offerts à M-eur René Dussaud, т. I—II, P., 1939
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
Molin — G. Molin, Die Söhne des Lichtes, Wien, 1954

NC — The Numismatic Chronicle (London)
NH — Naturalis Historia
NNM — Numismatic Notes and Monographs (NY)
НС — Нумизматический сборник
OGIS — Orientis Graecae Inscriptiones Selectae, 1903—1905
OLZ — Orientalistische Literaturzeitung
Or — Orientalia
PEQ — Palestine Exploration Quarterly
ПС — Палестинский сборник
Rabin — Ch. Rabin, The Zadokite Documents, Oxf., 1958
RB — Revue biblique internationale
REA — Revue des études anciennes
Rev. Arch.— Revue archéologique
RN — Revue numismatique française (Paris)
RQ — Revue de Qumrân
RSO — Rivista degli studi orientáli
SBAWW — Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien
SC — B. Latyschev, Scythica et Caucasica. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе
SCN — Studii şi cercetări de numismatică
Segert — St. Segert, Zur Habakuk-Rolle aus dem Funde vom Toten Meer, Ar.Or., 21 (1953), 22 (1954), 23 (1955)
SHA — Scriptores Historiae Augustae
ТОВЭ — Труды отдела Востока Гос. Эрмитажа
ТОНГЭ — Труды отдела нумизматики Гос. Эрмитажа
ТХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
UMB — University Museum Bulletin
Vincent — A. Vincent, Les manuscrits hébreux du Désert de Juda, P., 1953
WNA — Wiadomósci Numizmatyczno-Archeologiczne, Kraków
WO — Die Welt des Orients
WZKM — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes
ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft
ZfN — Zeitschrift für Numismatik

СОДЕРЖАНИЕ

И. Д. Амусин (Ленинград) — К определению идеологической принадлежности Кумранской общины 3
Фанула Папазоглу (Югославия) — К вопросу о преемственности общественного строя в Микенской и Гомеровской Греции 23
К. В. Голенко (Москва) — Клад синопских и колхидских монет из Кобулети (1948 г.) 42
Ю. К. Колосовская (Москва) — Завоевание Паннонии Римом 60
В. Н. Дьяков — Социальная и политическая борьба в Римской империи в середине III в. 84

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

Б. Я. Ставиский (Ленинград) — О северных границах Кушанского царства 108
А. И. Доватур (Ленинград) — Опыт восстановления надписи ИАК, 3 (1902), стр. 50, № 16 114
И. Ф. Головачев (Москва) — О некоторых особенностях колонатных отношений в Римской Африке II в. н. э. 120
Л. Н. Казаманова, В. В. Кропоткин (Москва) — «Варварские» подражания римским денариям с типом идущего Марса 128
С. К. Кабанов (Ташкент) — Нахшебские монеты V — VI веков 137

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. Ч. Козаржевский (Москва) — История римской литературы под редакцией С. И. Соболевского, М. Е. Грабарь-Пассек, Ф. А. Петровского. Том I . . 145
М. Заборов (Москва) — З. В. Удальцова, Италия и Византия в VI в. . . 151
Л. А. Ельницкий (Москва) — По поводу двух работ из области истории древней географии. 155
М. Л. Гельцер (Вильнюс) — Новые публикации эпиграфического материала из Финикии и Палестины 158
П. О. Карышковский (Одесса) — «Antike Münzen aus Olbia und Pantikapäum». 175
А. И. Немировский (Москва) — Проблемы ранней римской истории в современной зарубежной историографии 178
Н. Е. Семпер (Москва) — Новые книги и статьи по египтологии (краткие аннотации). 183
Аннотации иностранных журналов по античной истории, археологии и классической филологии 192

ПРИЛОЖЕНИЕ

Систематический указатель журнала «Вестник древней истории» за 1956—1960 гг. 207
Алфавитный указатель авторов 226

SOMMAIRE

I. D. Amoussine (Léningrad).—Observations sur l'idéologie de la communauté de Qumrân 3
F. Papazoglou (Yugoslavie) —. La Grèce mycénienne et homérique—problème de la succession de l'ordre social 23
K. V. Golenko (Moscou)—Un trésor des monnaies sinopiennes et colchidiennes de Kobouléti 42
Ju. K. Kolossovskaja (Moscou) — La conquête romaine de la Pannonie 60
V. N. Diakov —Les luttes sociales et politiques dans l'Empire Romain au milieu du III-e siècle 84

RAPPORTS ET COMMUNICATIONS

B. Ja. Staviski (Léningrad)— Les frontières septentrionales du Royaume des Kouchans 108
A. I. Dovatour (Léningrad) — Essai de réstitution de l'inscription ИАК, 3 (1902), p. 50, № 16 114
I. F. Golovatchev (Moscou) — Des particularités du colonat dans l'Afrique romaine au II-e siècle de n. è. 120
L. N. Kazamanova et V. V. Kropotkine (Moscou)—Des imitations barbares des déniers romains portant un Mars marchant 128
S. K. Kabanov (Tachkent)—Les monnaies de Nakcheb aux V-e et VI-e siècles . . 137

CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE

A. Tch. Kozarjevski (Moscou) — «Histoire de la littérature romaine», vol. I . . 145
M. A. Zaborov (Moscou) — Z. V. Oudaltzova, Italie et Byzance au VI siècle. 151
L. A. Elnitski. (Moscou) — A propos de deux travaux dans le domaine de la géographie ancienne 155
M. L. Gueltzer (Vilnius) — L'épigraphie de la Phénicie et de la Palestine (publications récentes) 158
P. O. Karychkovsky (Odessa) — «Antike Münzen aus Olbia und Pantikapäum» . . 175
A. I. Némirovski (Moscou) — Les débuts de l'histoire romaine dans l'historiographie étrangère contemporaine 178
N. S. Semper (Moscou) — Nouveaux livres et articles d'égyptologie (brèves annotations) 183
Brèves annotations des périodiques étrangers 192

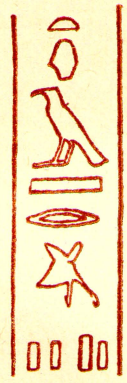
SUPPLEMENT

Index des articles publiés dans «VDI» au cours des années 1956—1960 207

ИСПРАВЛЕНИЯ К СТАТЬЕ И. Г. ЛИВШИЦА, ВДИ, № 3, 1960 г.

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
129	23-я сверху	wiedergegeben	wiedergeben
»	28-я сверху	иероглиф 	иероглиф
»	9-я снизу	Laute Neuägyptischen	Laute des Neuägyptischen

Группа иероглифов Б на стр. 129 должна иметь следующий вид:

ОПЕЧАТКИ, ЗАМЕЧЕННЫЕ В ВДИ № 4-60 г.

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
56	19 снизу	Mnemosyne	Mnémosyne
57	17 снизу	réssurection	résurrection
61	8 снизу	ethologische	ethnologische
84	12 снизу	А. Н. Герцен	А. И. Герцен
96	8 сверху	воспринимает	воспринимаем
103	8 снизу	Ghilde	Childe
104	12 снизу	minoenne	minoennes
104	13 снизу	à l'épogue	à l'époque
105	6 снизу	Jl	Il
123	28 снизу	строки	отроки
166	10 снизу	Aisehilos	Aischilos
200	18 снизу	présentés	présentées
253	в содержании	М. Л. Гаспаров (Ленинград)	М. Л. Гаспаров (Москва)

ДОПОЛНЕНИЕ

К Приложению на стр. 209

Перевод фрагментов 78—165 выполнен следующими авторами:

Е. Б. Веселаго (фрагм. 91—93)
Л. Н. Годовиковой (фрагм. 78, 79, 81—89, 103, 104, 106—107, 108)
Д. А. Дрбоглавом (фрагм. 118—165)
А. Ч. Козаржевским (фрагм. 80)
В. С. Соколовым (фрагм. 112—117)
Т. М. Соколовой (фрагм. 90, 100—102, 105, 109—111)
Е. В. Федоровой (фрагм. 94—99).

Цена 2 руб. 40 коп.

Henker